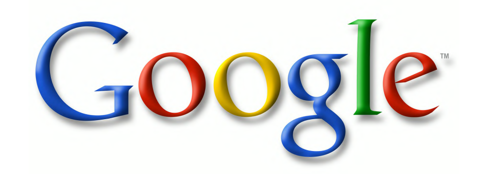
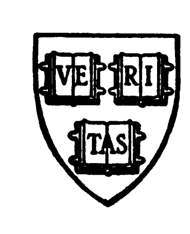
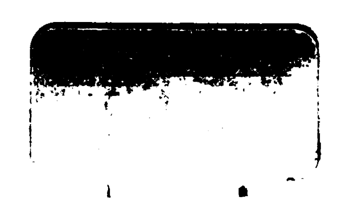

VE RI
TAS

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый съ 1847 года

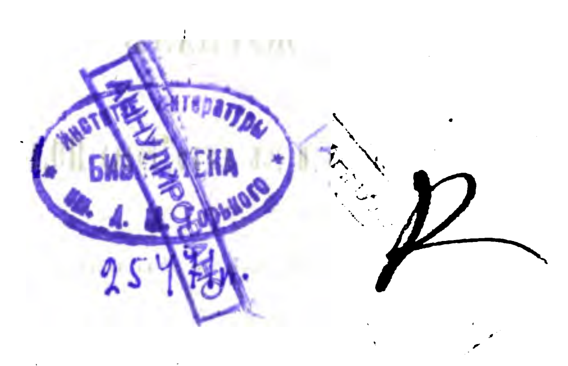
И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXXX

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, ноября 23 дня 1861 года.

Цензора: *Ѳ. Еленевъ*, *В. Бекетовъ*.

НАШИ ГЛУПОВСКІЯ ДѢЛА.

«Въ надеждѣ славы и добра,
Идемъ впередъ мы безъ боязни....»

Вотъ и опять я въ Глуповѣ; вотъ и опять потянулись заборы да пустыри; вотъ и опять широкой лентой блеснула въ глаза рѣка Большая Глуповица, и узенькой — рѣка Малая Глуповица; вотъ и опять пахнуло на меня ароматами свѣже-испеченаго хлѣба... Дѣтство! родина! вы ли это?

Сердце мое замираетъ; въ желудкѣ начинается невыразимо сладостная тревога... передо мною крутой спускъ, а за спускомъ играетъ и нѣжится наша милая, наша скромная, наша многоводная Глуповица! Господи! сколько стерлядей лавливали здѣсь во время оно! И какія славныя варева сочинялъ изъ нихъ поваръ Трифонычъ! Даже теперь языкъ невольно подщелкиваетъ, даже теперь разсудокъ отказывается вѣрить, чтобы Тигръ и Евфратъ могли предложить первому человѣку что либо подобное ухѣ изъ налимьихъ печенокъ, которую ѣстъ самый послѣдній изъ обитателей береговъ нашей родной рѣки!

Да, мы гордимся нашей рѣкой, и имѣемъ на это право, ибо Глуповица (шутка сказать!) рѣка историческая. Во-первыхъ, на берегахъ ея кто-то кого-то побилъ. Во-вторыхъ, это истинная колыбель тѣхъ золотыхъ поросятообразныхъ стерлядей, которыми объѣдались достославные наши предки, которыми продолжаемъ объѣдаться и мы. Въ Глуповицѣ, какъ въ непод-

купномъ зеркалѣ, отражается вся жизнь Глупова. Вмѣсто того, чтобъ рыться въ пыли архивовъ, вмѣсто того, чтобъ утомлять свой умъ наблюденіями надъ живыми проявленіями жизни, историку и этнографу стоитъ только взглянуть на гладкую поверхность славной нашей рѣки — и всякая завѣса, будь это самая плотная, мгновенно спадетъ съ его глазъ. Глуповъ и рѣка его — это два близнеца, въ взаимной нераздѣльности которыхъ есть нѣчто трогательное, умиляющее.

Весною, Большая Глуповица широко разливается. Холодныя, мутныя волны лѣниво перекатываются отъ одного берега къ другому, а надъ рѣкой стоитъ какой-то пріятный, разслабляющій гулъ. Не бурлитъ родимая Глуповица, разливая по лугамъ и ложбинамъ сокровища утучняющей влаги; ничего и никого не уноситъ она въ теченіи своемъ; не слышно ни треску, ни гвалту въ воздухѣ, когда, освободившись отъ зимнихъ оковъ, вдругъ хлынетъ на вольный свѣтъ черная, негостепріимная масса водъ... Нѣтъ, учтиво и благодушно разливается наша Глуповица; неохотно и неуклюже лѣзутъ волны ея одна за другою, производя тотъ вѣжливый, разслабляющій гулъ, о которомъ говорится выше. Подъ этотъ гулъ славно спится глуповцамъ.

Лѣтомъ Глуповица пересыхаетъ. Тамъ, гдѣ темнѣли бурыя волны, выглядываютъ острова песковъ рудожелтыхъ; лукавая корова охотно рискуетъ переправиться вбродъ, чтобъ забиться въ поемные луга; безчисленныя стада водяныхъ курочекъ обсѣдаютъ песчаные берега и тоскливымъ своимъ крикомъ приводятъ въ раздраженіе нервы заѣзжаго человѣка-необывателя; вода свѣтла и прозрачна; сладко, чуть слышно журчитъ рѣка, катя въ безконечную даль голубую ленту струй своихъ. Подъ это журчанье славно спится глуповцамъ.

Осенью Глуповица надувается и какъ будто проявляетъ желаніе подурить. Я охотно хожу тогда посмотрѣть на рѣку; все мнѣ кажется, что она сбирается какую-то неслыханную дебошь сдѣлать. Но ожиданіе мое напрасно. Тщетно вглядываюсь я въ колышущуюся пучину водъ; тщетно жду: вотъ-вотъ разверзнется эта пучина, и изъ зіяющей пропасти встанетъ чудище рыба-китъ! Вмѣсто того, я слышу только, какъ шлепаютъ волны объ берега, какъ онѣ разлетаются въ брызгахъ, и опять шлепаются, и опять разлетаются... Подъ звуки этого шлепанья славно спится глуповцамъ.

Но вотъ наступаетъ и зима. Зимою славно спится глуповцамъ подъ звуки собственнаго своего храпѣнья.

Нѣкоторые мѣстные изслѣдователи полагаютъ, что отъ рѣки Большой Глуповицы поднимаются какіе-то пары особенные, которые снотворнымъ образомъ дѣйствуютъ на жителей Глупова. Напротивъ того, другіе изслѣдователи полагаютъ, что пары поднимаются собственно отъ обывателей, и снотворнымъ образомъ дѣйствуютъ на Глуповицу. Я, съ своей стороны, склоняюсь къ послѣднему мнѣнію, ибо я самъ однажды видѣлъ, какъ нѣчто въ родѣ пара поднималось надъ лысиной прокурора, когда онъ, безъ шапки, возвращался съ обѣда отъ откупщика.

Особы, люди и людишки, наѣздомъ посѣщающіе Глуповъ, не нарадуются на него. Во всякое время, когда угодно, тишина и благорастворенiе воздуховъ; даже среди бѣлаго дня, когда, какъ извѣстно, въ Вавилонѣ происходило столпотворенiе, Глуповъ откликается на зовъ жизни только тѣмъ, что собаки, спавшія доселѣ у воротъ свернувшись калачикомъ, начинаютъ потягиваться и повиливать хвостами. Одинъ заѣзжій аптекарь, взирая на эту картину мира и безмолвія, даже заплакалъ отъ умиленія. Онъ вообразилъ себѣ, что въ большихъ каменныхъ домахъ, ограничивающихъ главную улицу, обитаютъ трудолюбивые сапожники, богобоязненные колбасники и друзья порядка — булочники; что колбасники отдыхаютъ отъ трудовъ среди вымывшихъ руки женъ и дочерей; что старшая дочь, бѣлокурая Гретхенъ, читаетъ собравшемуся семейству трогательную повѣсть Лафонтена, а маленькій сынишка Карлъ, завладѣвши, съ дозволенія папаши, негодной кишкой, набиваетъ ее лоскутками и всякой дрянью, воображая, что дѣлаетъ колбасу... И много потребовалось усилій, чтобъ растолковать честному нѣмцу, что тишина происходитъ совсѣмъ не отъ того, что городъ населенъ колбасниками, а отъ того, что таково прирожденное свойство обитателей Глупова (ихъ грѣхъ первородный): не могутъ они шевелиться, ибо отяжелѣли. Начальствующіе отдыхаютъ въ объятіяхъ секретарей, помѣщики въ объятіяхъ крѣпостнаго права, купцы въ объятіяхъ единоторжія и надувательства. Чтобъ повѣрить такой отзывъ, аптекарь сталъ вслушиваться въ эту тишину, и до слуха его дѣйствительно долетѣли странные ночные звуки. Услышавъ ихъ, нѣмецъ покраснѣлъ и поспѣшно сталъ собираться въ дорогу, а обыватели, провожая его сонными глазами, приговаривали: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть!»

У Глупова нѣтъ исторіи. Всякая вещь имѣетъ свою исторію; даже старый губернаторскій вицъ-мундиръ имѣетъ свою исторію («а помните, какъ на обѣдѣ у градскаго головы его превосходительству вицъ-мундиръ соусомъ облили?» любятъ вопрошать другъ друга глуповцы), а у Глупова нѣтъ исторіи. Разсказываютъ старожилы, что была какая-то исторія, и хранилась она въ соборной колокольнѣ, но впослѣдствіи ни-то крысами съѣдена, ни-то въ пожаръ сгорѣла (помните, въ томъ самый пожаръ, передъ которымъ тараканы изъ города поползли, и во время котораго глуповцы, вмѣсто того, чтобъ тушить огонь, только ахали да въ колокола звонили?).

Разсказываютъ, что было время, когда Глуповъ не назывался Глуповымъ, а назывался Умновымъ, но на бѣду сошелъ нѣкогда на землю громовержецъ Юпитеръ, и обозрѣвая владѣнія свои, завернулъ и въ Глуповъ. Тоска обуяла Юпитера, едва взглянулъ онъ на рѣку Большую Глуповицу; болѣзненная спячка такъ и впилась въ него, какъ будто говоря: «а! ты думаешь, что Юпитеръ, такъ и отвертишься! шалишь, братъ!» Однако, Юпитеръ отвертѣлся, но въ память пребыванія своего въ Умновѣ, повелѣлъ ему впредь именоваться Глуповымъ, чѣмъ глуповцы не только не обидѣлись, но даже поднесли Юпитеру хлѣбъ-соль.

Наѣзжала еще въ Глуповъ Минерва-богиня. Пожелала она, матушка, знать, какую это думу мудреную думаетъ Глуповъ, что все словно молчитъ да на усъ себѣ мотаетъ, какіе есть у него планы и соображенія насчетъ глуповскихъ разныхъ дѣлъ. Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: «скажите-дескать мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла?» Но глуповцы кланялись и потѣли; самый, что называется, горланъ ихній хотѣлъ было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуще прочихъ. «Скажите, чтожь вы желали бы?» настаивала Минерва, и топнула даже ножкой отъ нетерпѣнія. Но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда, Богъ вѣсть откуда, раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: «лихо бы теперь соснуть было!» Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали, и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться Иванушко-дурачокъ, когда ему кукишъ показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами.

Глуповцы и доселѣ съ умиленіемъ передаютъ эти преданія, какъ въ назиданіе юному поколѣнію, такъ и въ удовлетвореніе

любознательности изслѣдователей–энтузіастовъ, которые и до сего часа не перестали вѣровать въ возможность исторіи Глупова. Путешествующимъ археологамъ охотно показываютъ домъ, въ которомъ останавливался Юпитеръ, и комнату, въ которой подписанъ былъ указъ о наименованіи города Глуповымъ. Скажу даже, что, послѣ гармоники и разсказовъ о невзгодахъ, которымъ подвергался губернаторскій вицъ–мундиръ на различныхъ обѣдахъ и пирахъ, передача этихъ преданій составляетъ любимѣйшее занятіе глуповцевъ. И при этомъ изъ внутренностей ихъ излетаетъ тотъ самый смѣхъ, которымъ смѣялись достославные ихъ предки, во время переговоровъ съ Минервой.

Охотники также глуповцы покалякать на досугѣ о разныхъ губернаторахъ, которые держали въ рукахъ своихъ судьбы ихъ сновидѣній. Были губернаторы добрые, были и злецы; только глупыхъ не было — потому что начальники. Былъ Селезневъ губернаторъ; этотъ какъ дорвался до Глупова, первымъ дѣломъ уткнулся въ подушку, да три года и проспалъ.

— Такъ сонно́го, сударь, и смѣнили! прибавляетъ отъ себя убѣленный сѣдинами глуповецъ–старожилъ.

А то былъ губернаторъ Воиновъ, который въ полгода чуть вверхъ дномъ Глупова не поставилъ; позвалъ–это предъ лицо свое глуповцевъ, да какъ затопочетъ на нихъ: «только пикните у меня, говоритъ, всѣхъ правъ состоянія лишу, на каторгу всѣхъ разошлю»!

— А мы, сударь, и не пикали совсѣмъ, — прибавляетъ отъ себя тотъ же убѣленный сѣдинами разскащикъ.

— Однако, не что̀ взялъ, умаялся! замѣчаетъ другой обыватель, и позѣвывая, удаляется на печку спать.

Достославный Селезневъ! и до сихъ поръ въ глазахъ глуповцевъ не изсякаетъ источникъ благодарныхъ слезъ при воспоминаніи о тебѣ! То–то было времячко! то–то были храпъ и сопѣніе великое! Еще недавно собирались глуповцы около колокольни (той самой, гдѣ съѣдена крысами исторія Глупова) потолковать о томъ, не слѣдуетъ ли монументъ воздвигнуть для увѣковѣченія твоего имени, но толковать не осмѣлились, и, помахавши руками, разошлись по домамъ.

Разсказываютъ еще о губернаторѣ рыжемъ, въ которомъ только и имѣлось замѣчательнаго, что былъ онъ рыжій, и глуповцы пугали имъ дѣтей своихъ, говоря: «погоди вотъ! ужо̀ рыжій чортъ придетъ!»

Разсказываютъ еще о губернаторѣ сивомъ, о губернаторѣ кàремъ, о губернаторѣ, красившемъ свои волосы, «да такъ, сударь, пречудеснѣйше, что всѣ только ахали!»

— А помните ли, Иванъ Саввичъ, Кузьму Петровича Фютаева? Кақая ихняя барыня преотмѣнная была? говоритъ старожилъ Павелъ Трифонычъ.

— Ужь такая-то преотмѣнная, что, кажется, и не нажить намъ другой такой! отвѣчаетъ Иванъ Саввичъ: — въ тѣ-поры, какъ родился у меня Вàнюшка, она сама его, покойница, посадила на ладóночку, да и говоритъ мнѣ-ка: «молодецъ, говоритъ, будетъ у тебя Вàнюшка, торговецъ!» Такая была барыня предобрѣйшая!

И жадно внимаетъ этимъ разсказамъ путешественникъ-археологъ, жадно вписываетъ въ записную свою книжку каждую крупицу, каждую мелкую срамоту, и, возвратясь въ Петербургъ, предаетъ собранные матеріалы тиснѣнію. Но тщетно пыжится археологъ; тщетно надувается онъ въ надеждѣ, что пишетъ о глуповцахъ для глуповцевъ же, которые, пожалуй, и не различатъ анекдотовъ отъ исторіи: исторіи Глупова все-таки нѣтъ какъ нѣтъ, потому что ее съѣли крысы!

Въ то счастливое время, когда я процвѣталъ въ Глуповѣ, губернаторъ тамъ былъ плѣшивый, вице-губернаторъ плѣшивый, прокуроръ плѣшивый. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ хотя и были цѣлы волосы, но такая была странная физіономія, что съ перваго и даже съ послѣдняго взгляда онъ казался плѣшивымъ. Соберется, бывало, губернскій синклитъ этотъ да учнётъ о судьбахъ глуповскихъ толковать — даже мухи мрутъ отъ рѣчей ихъ — таково оно тошно!

— А что, Василій Иванычъ, скажетъ губернаторъ управляющему палатой государственныхъ имуществъ: — нельзя ли черноглазовскому лѣсничему внушить, чтобъ рябчиковъ для меня пострѣляли?

— Какъ изволите приказать, ваше превосходительство? отвѣтитъ управляющій.

— Н-да; поваръ у меня таперича манную кашу какую-то на рябчиковомъ бульонѣ выдумалъ: пропасть рябчиковъ выходитъ! объяснитъ губернаторъ.

— А замѣтили, ваше превосходительство, какую вчера у Порфирія Петровича стерлядь за ужиномъ подали? молвитъ вице-губернаторъ, и отъ удовольствія даже передернется весь.

Его превосходительство, вмѣсто отвѣта, только улыбнется во весь ротъ, словно арбузъ проглотить сбирается.

— Это ему семиозерскій казначей въ презентъ прислалъ, замѣтитъ прокуроръ и вздохнетъ потихоньку.

Подмѣтивъ этотъ вздохъ, губернаторъ вновь улыбнется, и ласково щелкнетъ прокурора по брюшку, а вице-губернаторъ, изловивъ на лету улыбку его превосходительства, загогочетъ, какъ жеребецъ, и скажетъ:

— А что! вѣрно, стряпчіе-то тово....

— Вѣрно, стряпчіе-то тово, добродушно повторитъ губернаторъ, и, вслѣдъ за этимъ, обратится къ присутствующимъ: — а чтȯ, господа, бумаги-то, кажется, подписать можно? Господинъ секретарь, пожалуйте сюда бумаги!

И бумаги подписывались, а плѣшивый синклитъ удалялся въ столовую, гдѣ были ужь приготовлены и стерлядка копчененькая, и рыжечки черноглазовскіе въ уксусѣ, и груздочки солененькіе, и колбаски разныя: и съ чесночкомъ, и на мадерцѣ, и рябчиковая и на сливкахъ....

Да хорошо еще, коли дѣло такъ обходилось. А не то, грѣховъ нашихъ ради, и взаправду начнутъ разсуждать объ дѣлахъ, — вотъ когда заслушаться можно!

Секретарь докладываетъ, что на рѣкѣ Малой Глуповицѣ мостъ, отъ старости лѣтъ, опасенъ сталъ.

— Что же таперича дѣлать? говоритъ губернаторъ. — Я полагаю, господа, городничему написать?

И обводитъ присутствующихъ глазами, словно онъ и впрямь Мартына Задеку съѣлъ.

— Да, да, гвоздитъ вице-губернаторъ:—да не мѣшаетъ еще подтвердить, чтобы тово.... наблюлъ....

— Стало быть, предписать и подтвердить, изрѣкаетъ губернаторъ.

— Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство, некстати вмѣшивается секретарь.

— Извольте, сударь, писать, какъ присутствіе полагаетъ, строго замѣчаетъ губернаторъ, и даетъ секретарю знакъ умолкнуть.

И не забудетъ, бывало, своего приказанія (злопамятный былъ старикъ!), и долго потомъ, всякій разъ, какъ секретарь подсовываетъ ему журналы подписывать, непремѣнно спроситъ:

— А это не тотъ ли, по которому присутствіе положило предписать и подтвердить городничему?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Ну, то-то же! Что присутствіе положило, то должно быть свято, молодой человѣкъ!

Мудрено ли, что глуповцы блаженствовали, видя надъ собой такое диковинное управленіе! Мудрено ли, что глуповцы земли подъ собой отъ счастья не слышали; мудрено ли, что они славословили и пѣли хвалу!

Да и общество-то какое было (само собой разумѣется, я говорю здѣсь о высшемъ глуповскомъ обществѣ) — именно такое, какое требуется въ соотвѣтствіе описанному выше управленію! Это именно было то общество «хорошихъ людей», о которыхъ сложилась мудрая русская пословица: «сальныхъ свѣчей не ѣдятъ и стекломъ не утираются!» Глуповъ и Глуповица, управляющіе и управляемое — все это, взятое вмѣстѣ, представляло такую сладостную картину гармоніи, такое умилительное позорище взаимныхъ уступокъ, доброжелательства и услугъ, что сердцу дѣлалось больно, и самый носъ начиналъ ощущать какъ бы приливъ благородныхъ чувствъ.

Увы! типъ «хорошихъ» людей добраго стараго времени исчезаетъ и стирается съ каждымъ днемъ, почти съ каждой минутой! Увы! нынче даже отличные люди не ѣдятъ сальныхъ свѣчей!

И потому, опасаясь, чтобъ типъ этотъ не затерялся совсѣмъ, я постараюсь возстановить характеристическія черты его, въ назиданіе отдаленному потомству.

Между «хорошими» людьми добраго стараго времени (old-merry Gloupoff) много было плутовъ, забулдыгъ и мерзавцевъ pur sang. Почему они назывались «хорошими» людьми, а не канальями, это тайна глуповской почвы и глуповской природы. Но, разбирая дѣло внимательно, полагаю, что это происходило отъ того, что надъ упомянутыми выше качествами парило какое-то добродушіе, какая-то атласистость сердечная, при существованіи которыхъ какъ-то неловко думать о вмѣняемости. Для объясненія прибѣгну къ примѣрамъ. Бывало, «хорошій» человѣкъ выпоретъ вплотную какого нибудь Фильку, и вслѣдъ затѣмъ скажетъ другому такому же «хорошему» человѣку: «а пойдемъ-ко, братъ, выпьемъ по маленькой». Развѣ это не добродушіе? Или, напримѣръ, передернетъ нечаянно въ карты (за

что тутъ же получитъ возмездіе въ рождество), и вслѣдъ за этимъ воскликнетъ: «а не роспить ли намъ бутылочку холодненькаго?» Развѣ это не атласистость сердечная?

А коли есть добродушіе, коли есть атласистость, стало быть и говорить не объ чемъ: chantons, buvons et.... aimons! — и все тутъ!

Сообразно съ этими наклонностями, «хорошіе» люди и разговоры имѣли между собой самые простые, такъ сказать, первоначальные. Надо сказать правду, что «хорошій» человѣкъ стараго времени не имѣлъ обширныхъ свѣдѣній въ области наукъ. По части исторіи, запасъ его познаній не выходилъ изъ круга разсказовъ о томъ, какъ въ тринадцатомъ году русскій бился съ нѣмцемъ объ закладъ, что сотворитъ такую пакость, отъ которой у него, нѣмца, глаза на лобъ полѣзутъ, — и дѣйствительно дѣлалъ пакость на славу. По части географіи, онъ могъ утвердительно сказать только то, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ, въ настоящее время, играетъ въ карты и закусываетъ, росъ нѣкогда непроходимый лѣсъ, и что недавно еще уѣздный стряпчій Толковниковъ, изъ окна своей квартиры, бивалъ изъ ружья во множествѣ дупелей и бекасовъ. Юридическое образованіе его ограничивалось: по части правъ состоянія, отсылкою грубіяновъ на конюшню; по части гражданскаго права — выдачею заемныхъ писемъ и неплатежемъ по нимъ.

И между тѣмъ жили, пили, ѣли, женились и посягали, славословили, занимали начальственныя мѣста, и пользовались покровительствомъ законовъ наравнѣ съ людьми, которымъ не безъизвѣстно даже о распряхъ, происходившихъ въ Испаніи между карлистами и христиносами.

«Хорошій» человѣкъ имѣлъ привычки патріархальныя. Обѣдалъ рано, и въ послѣобѣденное время любилъ посвятить часокъ-другой гастрическимъ сновидѣніямъ, сопровождая это занятіе аккомпаниментомъ всевозможныхъ шипящихъ звуковъ, которыми такъ изобилуютъ преисподнія глуповскихъ желудковъ. По исполненіи этого, онъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе двухъ часовъ не могъ придти въ себя, и вплоть до самаго вечера чувствовалъ себя глупымъ. Тутъ выпивалось несчетное количество графиновъ холоднаго квасу; тутъ испускались такія страшныя потяготы и позѣвоты, отъ которыхъ содрогались на улицѣ прохожіе. «Господи! какая тоска!» безпрестанно восклицалъ

онъ, отплевываясь во всѣ стороны, и въ это время не суйся къ нему на глаза никто: разобьетъ зубы.

«Хорошій» человѣкъ имѣлъ слабость къ женскому полу, и взятыхъ имъ въ полонъ крѣпостныхъ дѣвицъ называлъ «канарейками».

— Ну, братъ, намеднись какую мнѣ канарейку изъ деревни прислали! говорилъ онъ своему другу-пріятелю: — просто персикъ! И при этомъ причмокивалъ, обонялъ и облизывался.

Въ обращеніи съ «канарейками» онъ не затруднялся никакими соображеніями. Будучи того убѣжденія, что канарейка есть птица, созданная на утѣху человѣку, онъ дѣйствовалъ вполнѣ соотвѣтственно этому убѣжденію, то есть заставлялъ ихъ пѣть и плясать, приказывалъ имъ любить себя, и никакихъ противъ этого возраженій не принималъ. Если же, современемъ, канарейка ему прискучивала, то онъ ссылалъ ее на скотный дворъ, или выдавалъ замужъ за каммердинера, и всенепремѣнно присутствовалъ на свадьбѣ въ качествѣ посаженаго отца.

«Хорошій» человѣкъ въ непривычномъ ему обществѣ терялся. Въ гостиной, въ особенности въ присутствіи женщинъ, онъ былъ застѣнчивъ, какъ фіалка, и неразговорчивъ, какъ пустынножитель. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, онъ съ мучительнымъ безпокойствомъ поглядывалъ на дверь, ведущую въ кабинетъ хозяина, гдѣ, какъ ему извѣстно, давнымъ давно поставлена водка и разложенъ зеленый столъ, и пользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы бочкомъ-бочкомъ проскользнуть въ обѣтованную дверь. Вообще, онъ любилъ натянуться дома, въ халатѣ, съ добрыми знакомыми, и называлъ это жуировать жизнью; въ публику же показывался рѣдко, и то въ клубахъ, и притомъ лишь тогда, когда ему было извѣстно, что тамъ соберутся такіе же теплые други-пріятели, какъ и онъ самъ. Напившись, наѣвшись и досыта наигравшись въ карты, онъ, ложась на ночь спать, съ легкимъ сердцемъ восклицалъ: «вотъ, слава Богу, я наѣлся, напился и наигрался!»

Въ это хорошее, старое время, когда собирались гдѣ-либо «хорошіе» люди, не въ рѣдкость было услышать слѣдующаго рода разговоръ:

— А ты зачѣмъ на меня, подлецъ, такъ смотришь? говорилъ одинъ «хорошій» человѣкъ другому.

— Помилуйте.... отвѣчалъ другой «хорошій» человѣкъ, нравомъ посмирнѣе.

— Я тебя спрашиваю не «помилуйте», а зачѣмъ ты на меня смотришь? настаивалъ первый «хорошій» человѣкъ.

— Да помилуйте-съ....

....И бацъ въ рыло!...

— Да плюй-же, плюй ему прямо въ лахань (такъ въ просторѣчіи назывались лица «хорошихъ» людей!), вмѣшивался случившійся тутъ третій «хорошій» человѣкъ!

И выходило тутъ нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія, во время котораго глазамъ сражающихся, и вдругъ и поочередно, представлялись всевозможныя свѣтила небесныя....

«Хорошій» человѣкъ былъ патріотъ попреимуществу. Онъ зараждался, жилъ и умиралъ въ своемъ миломъ Глуповѣ. Онъ былъ, такъ сказать, продуктомъ мѣстныхъ нечистотъ; объ нихъ однихъ болѣло его сердце; къ нимъ однимъ стремились его вожделенія, и никакихъ иныхъ навозныхъ кучъ онъ не желалъ, кромѣ тѣхъ, которыми окружено было его счастливое дѣтство. Петербурга онъ не любилъ и не понималъ; онъ охотно допускалъ, что хорошіе люди могутъ зарождаться въ Москвѣ, въ Рязани, въ Тамбовѣ и, разумѣется, въ Глуповѣ; но въ Петербургѣ, по его мнѣнію, могутъ существовать только выморозки, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ за блаженство ѣсть буженину, когда она изжарена въ соку, и притомъ легонько натерта чесночкомъ....

Повторяю: типъ «хорошаго» человѣка исчезаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и глуповское добродушіе, и глуповская сердечная атласистость. Фильку наказываютъ попрежнему, но уже безъ прибаутокъ; передергиваютъ въ карты попрежнему, но, получая возмездіе въ рождество, уже протестуютъ и притворяются оскорбленными!

Но мы, которые были свидѣтелями и этого добродушія, и этой атласистости, мы, молодые люди прежняго времени, мы не можемъ быть равнодушными къ нашимъ воспоминаніямъ. Мы должны хранить ихъ во всей непорочности, мы должны оберегать ихъ отъ всякаго нечистаго прикосновенія. Боже! какъ было тогда все тепло и уютно! какъ любили и уважали мы этихъ доблестныхъ руководителей нашей юности! и какъ, съ другой стороны, и они радовались и утѣшались, взирая на насъ!

Да и посудите сами, можно ли было не радоваться на насъ, тогдашнихъ молодыхъ людей! Возьмите, напримѣръ, Сеню Бирюкова: что это за прелесть молодой человѣкъ былъ! Во-пер-

выхъ, наружность чисто англійская: плечи широкія, щоки румяныя, голова выстрижена, даже сзади ящичкомъ — все, какъ слѣдуетъ джентльмену. А во-вторыхъ, и занятія-то у него какія благородныя: утромъ, до двѣнадцати часовъ, ногти чиститъ, отъ двѣнадцати до трехъ визиты дѣлаетъ, отъ трехъ до четырехъ рубашку перемѣняетъ, потомъ ѣдетъ обѣдать къ Матренѣ Ивановнѣ, оттуда, dans l'avant soirée, къ Петькѣ Козелкову, потомъ опять рубашку мѣняетъ, потомъ, вечеромъ, къ губернатору.... И вездѣ-то, во всякомъ-то домѣ умѣетъ что-нибудь почтительное сдѣлать: у Матрены Ивановны ручку поцѣлуетъ; Петру Петровичу сообщитъ, что къ купцу Загребину въ лавку новыя сельди привезли; Палагею Александровну поблагодаритъ, отъ имени маменьки, за присланный рецептъ, какъ солонину дѣлать.... Или опять Свербилло-Замбржецкій Болеславъ — что это за необыкновенный малый былъ! И уклончивъ, и какъ будто самостоятеленъ, и въ душу лѣзетъ, и какъ будто кукишъ въ карманѣ кажетъ! Или Бернардъ Форбрихеръ, или Петька Козелковъ! Да, наконецъ, и самъ я.... какой я былъ тогда милый человѣкъ! Бывало, что нибудь и совру, такъ все такое выходило милое, что у старушки Матрены Ивановны даже брюшко отъ моихъ словъ пощекочетъ, и вся она просіяетъ, а меня, грѣшнаго, только за ушко легонько потянетъ....

Удивительно ли послѣ этого, что дѣла шли безъ задоринки. Иногда вмѣшивались въ нихъ Матрена Ивановна и Палагея Александровна, но онѣ хлопотали не о мостѣ черезъ рѣку Глуповицу, а преимущественно о томъ, какъ бы подрадѣть родному человѣчку.

— Матрена Ивановна просила напомнить вашему превосходительству о мѣстѣ становаго для Зонтикова, докладываетъ, бывало, Сеня Бирюковъ.

— Это для усача-то? спрашиваетъ его превосходительство.

— Да-съ, вотъ что вчера вашему превосходительству прошеніе подалъ.

— Быть такъ.... опредѣляемъ! говоритъ его превосходительство, и потомъ, уставивъ глаза въ Сеню, повторяетъ: — во уваженіе просьбы Матрены Ивановны, опредѣляемъ усача въ становые!

И такимъ образомъ были у насъ становые-усачи, становые-бакенбардисты, становые съ бородавкой, становые-шестипалые. Старикъ нашъ фамилій не помнилъ, и когда, бывало,

докладываешь ему о комъ нибудь изъ становыхъ, онъ непремѣнно спроситъ:

— Это который?

— Съ бородавкой, ваше превосходительство.

— А! съ бородавкой!

И затѣмъ ужь понимаетъ, о комъ идетъ рѣчь.

Хотя мы сами и урожденные глуповцы, но глуповцы, такъ сказать, отборные, всплывшіе на поверхность нашего роднаго горшка. О томъ, что происходило тамъ, въ глубинѣ горшка, мы не тужили; мы знали, что тамъ живутъ Иванушки (Иванушки, да еще глуповскіе — поди, раскуси такую штуку!), что Иванушками этими заправляютъ бакенбардисты и шестипалые, а бакенбардистовъ и шестипалыхъ опредѣляетъ Матрена Ивановна, у которой отмѣнно приготовляютъ пироги съ налимьими печенками, и Палагея Александровна, у которой, послѣ обѣда, такой liqueur desîles подаютъ, вкусивши котораго остается только убираться поскорѣй во свояси, да часика три соснуть.

Затѣмъ жизнь наша была постояннымъ праздникомъ; мы пили, ѣли, спали, играли въ карты, подписывали бумаги, и, подобно сказочной бабѣ-ягѣ, припѣвали: «покатаюся, поваляюся на иванушкиныхъ косточкахъ, иванушкина мясца поѣвши!»

. . . .

И вѣдь нужно же было, при такой-то жизни, какому-то, прости Господи, кобелю борзому, заговорить о возрожденіи! А заговорилъ! именно заговорилъ! и не отсохъ у него языкъ, и не провалился онъ сквозь землю, и не пожралъ его огонь, и не лопнули его глазыньки!

Глуповъ, еще загодя, блѣднѣлъ и трясся при этомъ словѣ, и все про себя шепталъ: «Господи! ахъ, кабы да мимо!» Еще загодя, при малѣйшемъ шорохѣ, онъ махалъ онучами и шугалъ, какъ шугаетъ баба-птичница, завидѣвъ въ небѣ коршуна, кружащагося надъ всполошившимся стадомъ ввѣренныхъ ей цыплятъ. «Чѣмъ наша жизнь не красна?» говорилъ онъ потихоньку: «или пуховики у насъ не толсты? или ватрушки наши не сдобны?»

— Старики-то, старики-то наши развѣ хуже насъ были? шепталъ обыватель Сила Терентьичъ на ухо обывателю Терентью Сильычу.

— На могилку, видно, ужо къ намъ сходить, грустно отвѣтствовалъ Терентій Сильичъ.

— Эхма! жили-жили, а теперь на-поди!

— Родителей-то жалко, Сила Терентьичъ!

— Старики-то наши вò-какіе были! кряжистые были!

— Кряжистые были!

— И возможно-ли теперича всѣ порядки нарушать! Чтобы господинъ теперича у стула съ тарелкой стоялъ, а рабъ за столомъ развалившись сидѣлъ? Или опять, чтобъ купецъ исправника въ морду билъ, а исправникъ ему за это барашка въ бумажкѣ сулилъ?

— Праховое дѣло затѣяли!

— Да и то опять ты возьми, что люди-то мы непривышные. Проторили себѣ дорогу одну, инъ и ходить бы по ней до скончанія!

— Это точно, что непривышные!

— У меня вонъ воронкò: привыкъ на пристяжкѣ ходить, ну, и самъ бѣсъ его теперича въ оглобли не втащитъ.... Такъ-то!

— Оно, пожалуй, что втащить можно! говоритъ Терентій Силычъ, задумчиво улыбаясь.

— Оно, конечно, коли захочу втащить, отчего не втащить! соглашается Сила Терентьичъ.

— Можно втащить! положительно утверждаетъ собесѣдникъ.

— Отчего не втащить! Втащимъ!

— Да вѣдь отцы-то наши.... пойми, другъ!

— Это точно, что отцы наши вò-какіе были!

— Кряжистые были!

И затѣмъ, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, разговоръ развивался на ту же тему, и наконецъ доходило до такого умоизступленія, что, кромѣ «ахъ ты, Господи!» да «вò-какіе!», ничего и разобрать было нельзя. Глуповцы именовали подобныя бесѣды совѣщаніями, а нѣкоторые изъ нихъ, прислушавшись къ рѣчамъ Силы Терентьича и Терентья Силыча, называли ихъ даже бунтовскими, и, подмигивая другъ-другу, приговаривали: «а? каково? каково катаютъ наши-то! вотъ бы кого министромъ сдѣлать — Силу Терентьича.... да!»

Однимъ словомъ, мы такъ безмятежно были счастливы, такъ дѣтски невинны и довѣрчивы, что предшествовавшее слову «возрожденіе» время, не смотря на соединенныя съ нимъ тревоги и ожиданія, все-таки ничего не вызвало на поверхность. Подойдите къ лужѣ, взбудоражьте чѣмъ ни на есть ея спящія воды— на поверхности ихъ покажутся пузыри. Во Глуповѣ и пузырей не показалось.

Указываютъ мнѣ на Силу Терентьича, какъ на несомнѣнный

пузырь, но, ради Бога, какой же это пузырь? Я охотно соглашаюсь, что мѣстный либерализмъ достигъ въ немъ высшаго своего выраженія; я соглашаюсь, что ссылка на стариковъ и ихъ кряжистость есть довольно смѣлая, въ своемъ родѣ, штука; но, сознаюсь откровенно, для меня этого недостаточно, чтобъ признать его дѣйствительнымъ пузыремъ.

Истинный, благородный пузырь лопается во всеуслышаніе, лопается публично, лопается, не взирая ни на какія особы. Напротивъ того, Сила Терентьичъ лопался и проявлялъ свой либерализмъ лишь подъ воротами своего дома, и притомъ въ такое, попреимуществу время, когда прочіе глуповцы исключительно были поглощены игрою на гармоникѣ.

Истинный пузырь никогда не появляется на поверхности одинокимъ, но всегда приводитъ за собой цѣлую семью маленькихъ пузырей и пузырятъ, которые тянутъ къ нему и ищутъ съ нимъ слиться. Напротивъ того, куда бы ни обратилъ свои взоры Сила Терентьичъ, вездѣ онъ встрѣчаетъ пустыню. Добрые глуповцы, если и слышали и подозрѣвали что нибудь, то старались не слышать и не подозрѣвать, и, при всемъ сочувствіи къ нему, потупляли взоры при встрѣчѣ съ нимъ, чтобы, Боже сохрани, не попасть въ исторію съ такимъ болтуномъ.

Наконецъ, истинный пузырь не терпитъ никакого внѣшняго давленія. Ткните въ него пальцемъ — и его уже нѣтъ. Качество это, по мнѣнію моему, свидѣтельствуетъ о благородствѣ свойствъ пузыря, который скорѣе соглашается не существовать вовсе, нежели нести на себѣ иго тыкающаго пальца. Напротивъ того, Сила Терентьичъ продолжаетъ благоденствовать и доселѣ, несмотря на то, что обстоятельства и время сильно ткнули въ него пальцемъ. Онъ продолжаетъ бормотать подъ воротами, хотя бормотанье его запоздало, и не можетъ ни на волосъ измѣнить силу тыкающихъ обстоятельствъ.

Скажите же на милость, какой это пузырь?

Да; ты осталась вѣрна самой себѣ; ты никого, ни единой личности не вынесла на поверхность волнъ своихъ, кормилица-поилица Глуповица! Попрежнему вяло и неуклюже лѣзутъ эти волны одна на другую, попрежнему на поверхности ихъ бѣлѣютъ щепки да какая-то дрянная, нечистая накипь.... Правда, что, повременамъ, глуповцы словно шарахаются изъ стороны въ сторону, но надъ шараханьемъ этимъ всецѣло царитъ чувство тупаго испуга, и ничего болѣе.

Какъ ни пристально вглядывался я въ причины, ходъ и послѣдствія этихъ чисто-физическихъ движеній, какъ ни жадно доискавалась душа моя во мракѣ глуповской жизни, въ преисходнихъ глуповскаго созерцанія, того примиряющаго звена, которое, въ исторіи, является посредникомъ между прошедшимъ и будущимъ, — тщеты были мои усилія! «Испугъ», говорили мнѣ отекшія, безстрастныя лица моихъ согражданъ; «испугъ»! говорили мнѣ ихъ нескладныя отрывистыя рѣчи; «испугъ»! говорило мнѣ ихъ торопливое, не осмысленное сознаніемъ стремленіе сбиться въ кучу, чтобъ повадне было шарахаться... Испугъ, испугъ и испугъ! Взирая на весь этотъ переполохъ, я невольно вспоминалъ устныя преданія, которыя ходили въ Глуповѣ по рукамъ. Вспомнился мнѣ и громовержецъ Юпитеръ, и переговоры съ матушкой Минервой.... И вдругъ я понялъ и прошлое и настоящее моего роднаго города... Господи! мнѣ кажется, что я понялъ даже его будущее!

О вы, которые еще вѣрите въ возможность исторіи Глупова, скажите мнѣ: возможна ли такая исторія, которой содержаніемъ былъ бы непрерывный, безконечный испугъ?

Жизнь вѣковъ! ты, которая была столь обильна дарами для умновцевъ, ты, которая, подобно нестомчивой и ревнивой матери, заботливо ведешь народы по пути усовершенствованія, охраняя ихъ и отъ паденія, и отъ поворотовъ назадъ, — чѣмъ была ты для Глупова? Ты не была даже мачихой, не была даже нянькой; стыдно сказать, но ты была чѣмъ-то въ родѣ жалкаго обѣда за скуднымъ табль-д'-отомъ. «Зачѣмъ пичкаютъ меня этимъ гнуснымъ вареньмъ картофелемъ? зачѣмъ не даютъ мнѣ рябчиковъ?» спрашиваю я, чувствуя , что злость закипаетъ въ моемъ сердцѣ. А мнѣ, вмѣсто рябчиковъ, вновь подаютъ картофель, и нѣтъ конца этому гнусному картофелю!

Возрожденіе! безспорно ты хорошая вещь, безспорно, я влекусь къ тебѣ всѣмъ сердцемъ, всѣми силами души моей; но гдѣ же, въ какомъ отдаленномъ Умновѣ, видано, чтобъ ты подавалось въ видѣ манной каши съ масломъ, изумленнымъ твоимъ появленіемъ посѣтителямъ обязательнаго табль-д'-ота?

Но, дѣлать нечего, картофель или рябчики, каша ли съ масломъ или желе, а приходится втаскивать воронка въ оглобли! Сомнѣнія Силы Терентьича больше чѣмъ оправдались. Я самъ видѣлъ, какъ выводили воронка изъ конюшни, какъ его исподволь подводили къ оглоблямъ, какъ держали его подъ уздцы, все

въ чаяньи, что вотъ-вотъ онъ брыкнетъ. Не брыкнулъ. Старый воронко! я видѣлъ, какъ прошибла тебя слеза, я видѣлъ, какъ дрожали твои мясистыя губы, я слышалъ твой вздохъ, которымъ, казалось, ты умолялъ своихъ вожаковъ не впрягать тебя въ корню, ибо это мѣсто принадлежитъ не тебѣ, а гнѣдку! Но ты не измѣнилъ обычаямъ праотцевъ, ты не исказалъ однимъ махомъ заднихъ копытъ исторіи Глупова, ты не брыкнулъ, — хвалю тебя!

Свершилось: отнынѣ Глуповъ обязывается ѣсть манную кашу съ масломъ. Но не подавись ею, милый! ибо кашу эту надо ѣсть умѣючи. Умой руки, выполоскай ротъ и сиди вѣжливенько, ибо каша эта вещь хитрая: можетъ и въ ротъ попасть, можетъ и глаза залѣпить.

Дуракъ Иванушко! чему смѣешься?... Или сердце въ тебѣ взыграло?... Или пахнуло на тебя свѣжимъ воздухомъ?... Или почуялъ ты, что пришелъ конецъ твоему гореваньицу, тому злому-лютому гореваньицу, что и къ материнскимъ сосцамъ съ тобой припадало, что и въ зыбкѣ тебя укачивало, что въ и пѣсняхъ тебѣ подтягивало, что и въ царевъ-кабакъ съ тобой разгуляться похаживало?

Смѣйся, дурачокъ! Самъ господинъ Зубатовъ отмѣнно радъ, что ты смѣешься.... Въ другое время, онъ сказалъ бы тебѣ: «чего, ска-а-тина, ротъ до ушей дерешь?» ну, а теперь ничего, спѣшитъ даже поскорѣй домой, чтобъ отрапортовать куда слѣдуетъ: засмѣялся-дескать.

Зубатову хлопотъ полонъ ротъ. Онъ не призывалъ возрожденія; по правдѣ сказать, едва ли даже онъ желалъ его, хотя, въ качествѣ обладателя и руководителя глуповскихъ сновидѣній, и обязанъ былъ призывать и желать его.

— Ma chère! не разъ говаривалъ онъ супругѣ своей: — это возрожденіе — чортъ его знаетъ, что это такое!

— Pourvu que tu conserves ta place, mon ami! отвѣтствовала обыкновенно Анна Ивановна, которую, очевидно, интересовала въ этомъ дѣлѣ существенная сторона, а не вертопрашество.

И потому, какъ скоро Зубатовъ увидѣлъ, что все совершилось, то и онъ не брыкнулъ, и онъ поскорѣй побѣжалъ запрягаться въ оглобли.

Что происходило въ это время въ душѣ его? Что понималъ онъ подъ словомъ «возрожденіе?» — это извѣстно единому Богу всевѣдущему, ибо онъ одинъ можетъ проникать въ трущобы сер-

децъ Зубатовскихъ. Глуповъ могъ убѣдиться только въ томъ, что Зубатовъ вскипѣлъ и взревновалъ безконечно. Вслѣдствіе этой ревности, самая наружность Глупова внезапно измѣнилась: на улицахъ засновали экипажи; въ канцеляріяхъ усиленно заскрипѣли перьями; изъ подворотенъ вылѣзли физіономіи съ усами и физіономіи безъ усовъ, физіономіи румяныя и физіономіи блѣдныя; одни недоумѣвали и хлопали глазами, другіе уже поняли и даже какъ будто приготовились насладиться плодами возрожденія....

Что жь они поняли, и по какому поводу весь этотъ переполохъ, всѣ эти шараханья изъ стороны въ сторону?... И что такое это «возрожденіе», отъ котораго такъ усердно и такъ напрасно и отмаливались, и отплевывались добрые глуповцы?...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить, что можетъ значить глуповское возрожденіе? Я допускаю возможность говорить о возрожденіи умновскомъ, о возрожденіи буяновскомъ, ибо тамъ оно въ чемъ нибудь выражается.... ну, хоть въ томъ напримѣръ, что лица веселѣе смотрятъ, что ноги бодрѣе ходятъ.... Но возрожденіе глуповское!... воля ваша, тутъ есть что-то непроходимое, что-то до такой степени несовмѣстимое, что мысль самая дерзкая невольно цѣпенѣетъ передъ дремучимъ величіемъ этой задачи. Да помилуйте! Да осмотритесь же кругомъ себя! да потяните же носомъ воздухъ! Вѣдь глуповцы даже половъ въ своихъ жилыхъ покояхъ не вымыли! вѣдь глуповцы даже въ баню лишняго раза не сходили! А безъ этого какое же можетъ быть возрожденіе!

Посмотримъ, однакожь, не знаютъ ли чего-нибудь Сила Терентьичъ и Терентій Силычъ? Они такъ долго чего-то боялись, такъ долго объ чемъ-то между собой шушукались, что не можетъ же статься, чтобъ эта штука не была имъ досконально извѣстна.

Увы! Сила Терентьичъ и Терентій Силычъ только вздыхаютъ и отдуваются. Сеня Бирюковъ взираетъ на нихъ, и, хоть убей, ничего не понимаетъ. И не то, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ не разумѣли; нѣтъ, и знаютъ, и разумѣютъ, да вотъ не хотятъ, да и не хотятъ открыться! И рожу такъ состроютъ: «знаю да не скажу» — и не говорятъ.

Мнѣ положительно, напримѣръ, извѣстно, что Сила Терентьичъ подозрѣваетъ, что все возрожденіе заключается въ томъ, что на мѣсто Петра Иваныча сѣлъ Иванъ Петровичъ; однакожь, предположенія своего онъ высказать не рѣшается, потому

что, быть можетъ, оно и не то значитъ. Терентій Силычъ идетъ дальше: онъ мнитъ, что возрожденіе означаетъ возможность грубить и невѣжничать; однакожъ, мысли своей тоже не высказываетъ, потому что опасается, чтобъ кто нибудь за нее его не треснулъ. Оба чего-то ждутъ, а чего — не говорятъ. А я знаю, чего они ждутъ; они ждутъ, не придетъ ли когда-нибудь кто-нибудь, и не зарубитъ ли у нихъ на носу, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ возрожденіемъ. Если придетъ — мысли ихъ прояснятся; а не придетъ — ну, и опять будетъ по прежнему: «знаю да не скажу!»

Но это не политично. Допустимъ, что вы передо мной скрываетесь, допустимъ, что вы имѣете даже свои причины на это; но зачѣмъ же скрываетесь вы передъ Сеней, за что же его-то вы вводите въ заблужденіе? Вѣдь онъ и впрямь, бѣдняжка, думаетъ, что возрожденіе — это новые сѣрые штаны съ лампасами, что возрожденіе — это проборъ á l'anglaise, что возрожденіе — c'est quelque chose de très porté et de très couru pour le moment. Однимъ словомъ, онъ смотритъ на возрожденіе, какъ на что-то съѣдобное, какъ на что-то такое, что можно носить, мять, пачкать и вообще употреблять по своему произволу.

А вѣдь это заблужденіе, даже очень опасное заблужденіе, и Сеня, оставаясь при немъ, можетъ, по милости вашей, попасть въ самый печальный просакъ.

Raisonnons.

Сѣрые штаны съ лампасами сбиваютъ Сеню съ толку. Онъ такъ увлекается щегольствомъ и шикарностью ихъ покроя, — онъ такъ поощренъ ласковыми взглядами, обращаемыми на него по этому случаю Матреной Ивановной и Палагеей Александровной, что въ роговой накипи, которую онъ, въ шутку, называетъ своей головою, раждается положительное убѣжденіе, что на комъ нѣтъ точно такихъ же штановъ, тотъ ужь и не человѣкъ. Убѣжденіе это, очевидно, можетъ повредить его отношеніямъ къ глуповскому возрожденію. Ибо, спрашиваю я васъ, что будетъ, если Сеня, взирая на міръ съ точки зрѣнія штановъ, будетъ видѣть въ Глуповѣ лишь пустыню, населенную звѣрьемъ, не имѣющимъ никакого понятія ни о красотѣ лампасовъ, ни объ изяществѣ полосокъ и клѣтокъ? Изъ этого выйдетъ, что глуповцы будутъ казаться ему чѣмъ-то въ родѣ низшихъ организмовъ, а отсюда....

Положимъ, что глуповцы не обидятся (натерпѣлись они, бѣд-

ные, и не такихъ потасовокъ!), но согласитесь сами, что жь это будетъ за возрожденіе! Щелкъ да щелкъ — развѣ это резонъ? «Онъ щелкнулъ въ зубы, но почему же не въ носъ?» спроситъ оскорбленный глуповецъ.

У глуповца зубы болятъ, а носъ — слава Богу; слѣдовательно ему выгоднѣе, чтобъ его въ носъ щелкали. Вѣдь это несправедливость, которую не потерпитъ даже Зубатовъ! Но вопросъ усложняется, если глуповцы обидятся; а и это можетъ случиться, благодаря тому же возрожденію. Что можетъ тогда выдти? Увы! я опасаюсь, что тутъ также выйдетъ.... но только съ другой стороны....

Итакъ, скрывать отъ Сени истинный, глуповскій смыслъ возрожденія противно его интересамъ, противно его репутаціи. Не лучше ли прямо объявить ему, что бываютъ въ жизни минуты, когда сила обстоятельствъ заставляетъ насъ, людей хорошаго тона, забывать о штанахъ съ лампасами и утирать носъ ногою? Не лучше ли объяснить ему, что не мѣшаетъ иногда и въ зипунъ принарядиться, не взаправду, конечно, а такъ.... для внушенія въ глуповцахъ довѣрія? Не лучше ли сказать ему: «Сеня! сдѣлай это, мой другъ, и надуй почтенную публику!»

Люди, понявшіе характеръ и сущность глуповскихъ возрожденій, именно такъ и поступаютъ. Съ этой стороны Сила Терентьичъ правъ совершенно: Петръ Иванычъ сѣлъ на мѣсто Ивана Петровича — и больше ничего не случилось.

Старые «хорошіе» люди исчезаютъ — это вѣрно. Словно персидскій порошокъ, Богъ вѣсть откуда, на нихъ посыпался; но каждая новая минута есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и минута смерти для кого-нибудь изъ глуповскихъ Гостомысловъ. Гостомыслы умираютъ безпрекословно, скрестивши на груди руки, и облачившись въ свои лучшія глуповскія одежды. Какъ нѣкогда умирающій Трифонычъ алкалъ предстать на тотъ свѣтъ тѣмъ же дворовымъ господина Чертопханова человѣкомъ, какимъ состоялъ въ земной сей юдоли, такъ и нынѣ умирающіе глуповцы высказываютъ твердое намѣреніе и въ загробной жизни воспрянуть старыми, непреклонными глуповцами, недоступными ни резонамъ, ни соображеніямъ. Въ этомъ есть нѣчто древне-скандинавское, въ этомъ есть нѣчто новѣйше ирокезское.

Но мѣсто старыхъ глуповцевъ не могло быть не занято уже потому одному, что «было бы болото, а черти будутъ.» Вмѣсто

прежнихъ «хорошихъ» людей должны были явиться новые «хорошіе» люди — и они явились.

Они явились — и мы были ослѣплены ихъ сіяніемъ; они явились — и глуповскія дамы всѣмъ соборомъ объявили, что никогда еще глуповская жизнь не была такъ сладостна, никогда еще не представляла она столько pittoresque и imprévu. Бойко и ходко накинулись эти новые рюриковичи на тучно-удобренную глуповскую землю, и глуповская земля не выдержала: изъ груди ея вырвался тяжкій и болѣзненный стонъ. Казалось, всѣ «родители» разомъ запротестовали изъ могилъ своихъ....

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ, въ наружномъ отношеніи, представляетъ совершенную противоположность «хорошему» человѣку добраго стараго времени. Послѣдній былъ неряшливъ и неумытъ, частенько даже несло отъ него словно морскими травами; первый, напротивъ того, безукоризненъ и чистъ, какъ кристаллъ. Послѣдній былъ невѣжественъ и грубъ; первый, напротивъ того, утонченъ и образованъ. Голова послѣдняго положительнымъ образомъ представляла собой плотную роговую накипь, сквозь которую трудно было даже съ молоткомъ пробраться; голова перваго, напротивъ того, на свѣтъ прозрачна, и при малѣйшемъ щелчкѣ звенитъ какъ серебро.

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ въ карты ни-ни, исторій съ рылами, микитками и подсалазками удаляется, buvons употребляетъ лишь благороднымъ манеромъ, т. е. душитъ шампанское и презираетъ очищеную, и только къ aimons обнаруживаетъ прежнее ехидное пристрастіе. За то, прямъ какъ аршинъ, поджаръ какъ борзая собака, высокомѣренъ какъ выбравшійся въ люди мѣщанинъ, дерзокъ, какъ губернаторскій каммердинеръ и загадоченъ какъ тотъ хвойный лѣсъ, который, отъ истоковъ рѣкъ Камы и Вятки, тянется вплоть до Ледовитаго океана.

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ не наѣдается за обѣдомъ до отвала, и не падаетъ, послѣ гречневой каши, отъ изнеможенія силъ. Онъ обѣдаетъ вообще умѣренно (хотя и на чужой счетъ), и послѣобѣденное время любитъ посвятить разумной бесѣдѣ съ пріятелями о прекрасномъ устройствѣ Оксфордскаго университета, о воскресныхъ забавахъ англичанъ, о рыбномъ обѣдѣ англійскихъ министровъ и о другихъ достопримѣчательностяхъ, въ которыхъ старые глуповцы ни уха, ни рыла не смыслили. Онъ очень мило говоритъ объ self governement, и даже находитъ qu'au fond il y a du vrai dans tout ceci, но въ тоже время не можетъ

не поставить на видъ, что большія континентальныя государства едва ли, безъ опасенія за свою самостоятельность, могутъ принять формы самоуправленія.

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ въ дѣлахъ любви избѣгаетъ солнечнаго свѣта. Онъ развратничаетъ по уголкамъ и всему на свѣтѣ предпочитаетъ такъ-называемыя благородныя интриги. Онъ любитъ, чтобъ его называли Жоржемъ, а не Егорушкой, Мишелемъ, а не Мишуточкой, и pour rien au monde не согласится любить женщину, которая носитъ рубашки изъ посконнаго полотна.

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ паче всего любитъ публичность, и не затрудняется ни передъ какимъ обществомъ. Онъ жаждетъ позировать неустанно, позировать на яву и во снѣ, позировать въ гостиной и въ чуланѣ. Онъ всю свою изобрѣтательность употребляетъ на то, чтобъ подыскать себѣ публику, и, достигнувъ этого, охотно во всякое время выбрасываетъ передъ нею накопившійся въ затхломъ архивѣ души хламъ юродства, прикрытаго громкими именами безкорыстія, честности, гласности и т. д.

Нынѣшніе «хорошіе» люди, когда встрѣчаются въ обществѣ, то не плюютъ другъ-другу въ лахань, но ведутъ межъ собой скромную и даже отчасти ученую бесѣду.

— А что, mon cher, читали вы послѣднее политическое обозрѣніе — délicieux говоритъ одинъ «хорошій» человѣкъ другому.

—А я съ своей стороны, рекомендую вамъ, mon cher, «Письмо изъ Турина»... charmant! отвѣчаетъ другой «хорошій» человѣкъ.

И такимъ манеромъ все обходится тихо, сражающихся не бываетъ, и даже свѣтилъ небесныхъ никто не видитъ. Хотя уроженецъ Глупова, нынѣшній «хорошій» человѣкъ относится ко своей родинѣ съ холодностью и даже съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ. Конено, глуповскія дамы... oh! les dames de Glouppoff sont délicieuses, il n'y a rien à dire! no но за то le reste.... фа!... Къ Глупову онъ привязанъ горькою необходимостью возрожденія; въ Глуповъ онъ явился для исправленія дикихъ нравовъ и показанія своей благонамѣренности, но мысль, но сердце его не здѣсь, а тамъ, въ томъ миломъ, вѣчно-юномъ Петербургѣ, гдѣ живутъ его добрые начальники, гдѣ онъ цаловалъ ручки у свѣтлокудрой Florence, черезъ которую и получилъ мѣсто въ Глуповѣ!... Глуповъ — это anima vilis, надъ которою ему предоставлено Провидѣніемъ дѣлать какія угодно операціи; Пе-

тербургъ — это alma mater, къ которой онъ привязанъ незримою, но прочною, несокрушимою пуповиной. Въ благоговѣніи своемъ передъ Петербургомъ онъ возвышается до фанатизма, онъ дѣлается ужасенъ....

Тотъ, кто внимательно прочиталъ изложенное выше опредѣленіе «хорошаго» человѣка добраго стараго времени, и сравнитъ его съ опредѣленіемъ нынѣшняго «хорошаго» человѣка, тотъ согласится, что между ними огромная разница. Одно меня нѣсколько безпокоитъ, а именно то, что Матрена Ивановна не только не смущается появленіемъ новыхъ людей, но даже начинаетъ похваливать ихъ. А она въ этомъ дѣлѣ знатокъ.

Въ «хорошемъ» человѣкѣ прежняго времени былъ air fixe какой-то, какая-то непосредственность дѣвственная, нѣчто въ родѣ запаха дикой фіалки, смѣшаннаго съ запахомъ вареной капусты. Въ нынѣшнемъ «хорошемъ» человѣкѣ... ба! да нѣтъ ли и въ немъ этого air fixe? и не это ли драгоцѣнное качество, цѣпко поднюханное тонкимъ обоняніемъ Матрены Ивановны, послужило основою ея благосклонности къ новымъ людямъ?

Но прежде, нежели отвѣчать на эти вопросы, займемся нѣкоторыми необходимыми изслѣдованіями.

Во-первыхъ, что такое air fixe? есть ли это запахъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова? есть ли это другая какая-либо внѣшняя, чисто физическая особенность? или это есть особенность высшая, психологическая, особенность души и сердца?

Разсказываютъ о какомъ-то животномъ, что оно, будучи настигаемо охотникомъ, какъ послѣднее средство обороны испускаетъ изъ себя такой съ ногъ сбивающій запахъ, который сразу ошеломляетъ охотника самаго привычнаго. Очевидно, что въ этомъ примѣрѣ, запахъ составляетъ истинный, неподдѣльный air fixe животнаго, что безъ него существованіе послѣдняго было бы не обезпечено и самыя средства обороны мнимы. Но очевидно также, что такое опредѣленіе слишкомъ тѣсно, чтобъ исчерпывать собой весь air fixe глуповскій. Нельзя отрицать, что истинный глуповскій аборигенъ не лишенъ своего собственнаго запаха; несомнѣнно также, что, если въ комнату, наполненную умновцами, войдетъ глуповецъ, то я сейчасъ же почувствую это; но несомнѣнно и то, что запахъ этотъ, какъ бы онъ ни былъ пронзителенъ, не составляетъ еще всего глуповца, и что онъ, съ помощью нѣкоторыхъ усилій и обвѣтриванія, можетъ быть не только видоизмѣняемъ, но даже и вовсе уничто-

жаемъ. Глуповецъ, какъ и всякій другой представитель породы человѣческой, есть организмъ сложный и притомъ доступный совершенствованію... Онъ пахнетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаетъ и даже другихъ заставляетъ ощущать; онъ пахнетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ...мыслитъ. Еслибъ его настигалъ охотникъ, я не ручаюсь, чтобъ онъ совершенно пренебрегъ столь сильнымъ оружіемъ, какъ запахъ; но ручаюсь, что онъ прибѣгнетъ и къ другимъ средствамъ, находящимся въ его распоряженіи. Напримѣръ, онъ можетъ стать передъ охотникомъ на колѣни, и сказать ему: «за что ты меня бить хочешь?» или спрятаться отъ охотника за дерево, или наконецъ принять побои безпрекословно.... Возьмемъ и еще примѣръ. Идетъ глуповецъ по дорогѣ, и доходитъ до распутія. Одна дорога идетъ прямо, другая идетъ направо, третья налѣво: точь въ точь какъ въ сказкахъ сказывается. Я и опять не ручаюсь, чтобъ въ этомъ случаѣ глуповецъ пренебрегъ запахомъ, но несомнѣнно, что онъ пуститъ въ ходъ и другія соображенія. Напримѣръ, онъ можетъ зажмурить глаза и погадать съ помощью указательныхъ пальцевъ; или закинуть на всѣ три дороги по палкѣ: которая дальше кинется, ту и считать звѣздой путеводной и т. д. Это тѣмъ болѣе для него удобно, что онъ самъ хорошенько не знаетъ, куда идетъ. Согласитесь, однакожь, что все это предполагаетъ въ глуповцѣ возможность выбора, возможность дѣлать сравненія и выводы, и слѣдовательно, рекомендуетъ его вниманію изслѣдователя, какъ организмъ сложный и высшій. Это первое. А второе важное преимущество состоитъ въ доступности глуповца къ совершенствованію. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, не надо даже прибѣгать къ такимъ избитымъ сравненіямъ, каково, напримѣръ, постепенное усовершенствованіе различныхъ породъ домашнихъ животныхъ. Да сравненіе это будетъ и невѣрно, потому во-первыхъ, что глуповецъ совершенствуется въ дикомъ, а не въ домашнемъ состояніи, а во-вторыхъ, самое совершенствованіе его состоитъ отнюдь не въ увеличеніи его молочности, но въ укрѣпленіи его мышцъ до той степени благонадежности, которая обезпечивала бы дальнѣйшее продолженіе глуповской породы. Для этого достаточно вспомнить только о той пользѣ, которую принесли Глупову сначала эмигранты французскіе и потомъ оборванные остатки de la grrande armée, и о той, которую до нашихъ дней приносятъ французы-гувернеры, французы-куафёры, французы-каммердинеры. Посмотрите, какіе вдругъ чистенькія и бѣленькія дѣтки пошли у Матрены Ивановны во-

нѣнъ прежнихъ чумазыхъ и слюнявыхъ. А отчего?... оттого, что въ домѣ ея французъ-гувернеръ поселился.... И такъ, неподлежитъ спору, что глуповцы дѣйствительно доступны совершенствованію, и что запахъ ихъ, посредствомъ постепенныхъ провѣтрованій, можетъ быть измѣнёнъ до того, что не будетъ составлять даже отличительнаго признака.... Слѣдовательно, истинный, неподдѣльный глуповскій air fixe можетъ свободно существовать и помимо запаха фіалки, смѣшаннаго съ запахомъ вареной капусты....

Но, можетъ быть, онъ заключается въ какой нибудь другой внѣшней особенности, какъ, напримѣръ, въ способности огрызаться, лягаться и т. д. Сознаюсь, что я дѣйствительно зналъ нѣкоего барбоса, который не только цѣлый день, но и цѣлую ночь лаялъ и огрызался, лаялъ на все и на всѣхъ, лаялъ на луну и на звѣзды, лаялъ на свой собственный хвостъ. Съ другой стороны, я зналъ нѣкотораго пѣгашку, который не могъ утерпѣть, чтобъ не брыкнуть, какъ только показывали ему хомутъ. Очевидно, въ этомъ заключался air fixe барбоски и пѣгашки. Но я не могу согласиться, чтобъ въ этомъ же заключались и air fixe моихъ согражданъ, и даже съ негодованіемъ отвергаю это предположеніе. Я знаю навѣрное, что глуповецъ никогда и ни на кого не огрызался, что даже въ то время, когда его привязывали на цѣпь, онъ влѣзалъ въ кануру и спокойно зарывался себѣ въ солому, въ надеждѣ, что когда нибудь да отвяжутъ же, а не отвяжутъ, такъ и на цѣпи накормятъ. Что же касается до лyганья, то, очевидно, что, имѣя двѣ ноги, а не четыре, глуповецъ можетъ прибѣгать къ этому средству выраженія душевныхъ своихъ движеній лишь съ крайнею осторожностью. И въ самомъ дѣлѣ, исторія доказываетъ, что глуповецъ расточалъ пинки, сокрушалъ челюсти, превращалъ въ пепелъ зубы, но не лягался; что онъ обзывалъ непотребно, но не огрызался.... «Такъ стало быть, въ этомъ-то и заключался глуповскій air fixe?» спроситъ читатель. Нѣтъ, и не въ этомъ, потому что и эти качества, не смотря на свою солидность, тоже доступны совершенствованію, потому что не одно и тоже дать плюху смаху, и притомъ съ такимъ расчетомъ, чтобъ трескъ отъ удара разнесся изъ одного края Глупова въ другой, и дать плюху легкую, плюху либеральную, почти изящную, звуки которой не распространялись бы далѣе четырехъ стѣнъ комнаты. Можно даже до такой степени усовершенствовать себя, что и вовсе не давать плюхъ.... и все-таки

оставаться глуповцемъ.... Ибо, повторяю: сокрушеніе челюстей, какъ оно ни фундаментально кажется съ перваго взгляда, все-таки представляетъ только манеру и ни въ какомъ случаѣ не исчерпываетъ всего глуповца. Ибо глуповецъ не только дерется, но и мыслитъ....

Слѣдовательно, для опредѣленія глуповскаго air fixe, нужно обратиться къ даннымъ, не столь легко подчиняющимся внѣшнему натиску, къ даннымъ, составляющимъ, такъ сказать, подоплёку глуповской жизни, — однимъ словомъ, обратиться къ глуповскому міросозерцанію.

— Какого вы образа мыслей? спросилъ я однажды добраго моего сосѣда, Флора Лаврентьича Ржанищева.

Флоръ Лаврентьичъ выпучилъ на меня глаза.

— То есть, какъ это.... образа мыслей? пробормоталъ онъ, наконецъ, вмѣсто отвѣта.

— Ну да, какого вы образа мыслей? настаивалъ я.

Флоръ Лаврентьичъ съ минуту подумалъ, и вдругъ разразился самымъ добродушнымъ хохотомъ.

— Ахъ ты, проказникъ! говорилъ онъ, держа себя за бока.

Онъ вообразилъ, что я сказалъ остроту.

Въ этомъ коротенькомъ разговорѣ, несмотря на кажущуюся его незначительность, заключается вся сущность глуповскаго міросозерцанія. Міросозерцаніе это состоитъ въ отсутствіи всякаго міросозерцанія. Нѣтъ мѣрила для оцѣнки явленій, нѣтъ мѣрила для распознанія не только добра отъ зла, но и стола отъ оврага. Въ глазахъ глуповца, міръ представляется чѣмъ-то разрозненнымъ, расползшимся, чѣмъ-то въ родѣ мѣшка, въ который понапихали разнообразнѣйшей всячины и потомъ взболтали. Глуповецъ видитъ заборъ и думаетъ о заборѣ, видитъ рѣку и думаетъ объ рѣкѣ, а о заборѣ забылъ. Это для него легко и удобно, потому что даетъ ему возможность цѣлую жизнь забавляться игрою въ бирюльки, вытаскивать которыя онъ великій мастеръ. Конкретность внѣшняго міра подавляетъ его, и оттого онъ не можетъ ни изобрѣсть пороха, ни открыть Америку.

Нельзя себѣ представить ничего довольнѣе и любезнѣе глуповца, когда онъ сытъ, одѣтъ и пьянъ. Но за то нельзя себѣ представить ничего и несчастнѣе глуповца, когда онъ застигнутъ нуждою врасплохъ. Траву щипать онъ не можетъ, безъ водки обойтись — не хочетъ, безъ одежды ходить — холодно. Тогда-то, въ эти торжественныя минуты, является къ нему на помощь

то скромное мужество, которое для многихъ послужило источникомъ обильныхъ глуповскихъ надеждъ и глуповскихъ рекламъ къ будущему. Мужество это заключается въ той покорности, съ которой онъ принимаетъ смерть, этотъ вѣнецъ глуповской жизни, этотъ роковой исходъ, къ которому прибѣгаетъ глуповецъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ (когда проиграетъ казенныя деньги, или уволятъ его по третьему пункту). «Умру, но безпокоить себя не хочу!»

Спроси я у всякаго порядочнаго русскаго, спроси у француза, у итальянца, какого онъ образа мыслей, они не поглупѣютъ внезапно и повсемѣстно, они не захохочутъ. Кромѣ супа и макаронъ, ожидающихъ ихъ за обѣдомъ, у нихъ имѣются интересы общественные, затрогивающіе ихъ заживо, и окрашивающіе ихъ убѣжденія. Но глуповцы вправѣ и хохотать и глупѣть, потому что у нихъ дѣйствительно нѣтъ образа мыслей, потому что они не въ силахъ до сихъ поръ столковаться даже на счетъ моста черезъ ручей «Дурій бродъ», который повалился назадъ тому десять лѣтъ и совершенно разобщилъ ядро города отъ его пригородковъ.

— Просто, братцы, бросовое дѣло! говорятъ глуповцы, собравшись толпой около моста, и махая руками.

— Дрянь дѣло, какъ есть! подтверждаютъ другіе глуповцы.

— Вѣдь этакъ, пожалуй, въ пять верстъ объѣздъ надо дѣлать? мотаютъ себѣ на усъ первые глуповцы.

— Да вѣдь и ручей-то какой! самый то есть вниманія не стоющій ручеишко! вступаются другіе глуповцы.

— Завалить бы его совсѣмъ!

— А и то завалить бы!

— А ну-ко ребята!

— А не то новый мостъ построить?

— Да такой еще робята, мостище выстроимъ, чтобы черезъ всю, значитъ, линія прошла!

И потолковавши, расходятся по домамъ, какъ и въ тотъ достопамятный день, когда былъ крикъ и маханіе великое по поводу монумента Селезневу.

Мнѣ могутъ возразить, что ежели глуповцамъ нравится не имѣть никакого образа мыслей, то они имѣютъ полное право оставаться при своемъ убѣжденіи, и никому до этого дѣла нѣтъ. Чувствую всю справедливость этого возраженія, но согласиться съ нимъ не могу. Я патріотъ, и люблю Глуповъ не за стерлядей его, а за то, что на днѣ родной его рѣки спитъ, какъ мнѣ ка-

жется, чудище рыба-китъ. Я патріотъ, и люблю Глуповъ не за безукоризненно здоровый его воздухъ, а за то, что въ этомъ здоровомъ воздухѣ носится словно мечта какая-то (по глуповски, кисель), нѣчто какъ будто еще неопредѣлившееся, но уже предощущаемое и предосязаемое. Я патріотъ и желалъ бы, чтобъ Глуповъ, какъ можно скорѣй, сказалъ свое слово, чтобъ онъ немедленно же изобрѣлъ порохъ и открылъ Америку. «Что-то скажетъ Глуповъ? Какого-то цвѣта порохъ онъ выдумаетъ?» твержу я и во снѣ и на яву, и убѣжденъ, что всякій, кто хотя разъ въ жизни испыталъ приливъ патріотическихъ чувствъ и начитался притомъ на ночь исторіи Глупова, конечно пойметъ тревогу, меня волнующую.

А поводовъ опасаться, и даже весьма серьёзныхъ, предостаточно. Возьмемъ для примѣра хоть тотъ одинъ, что пріятели мои Прижимайловъ и Постукинъ совершенно искренно исповѣдуютъ наивное убѣжденіе, что съ Глуповымъ, относительно міросозерцанія, безъ понудительныхъ мѣръ ничего не подѣлаешь. Въ соотвѣтствіе своимъ фамиліямъ, Прижимайловъ думаетъ, что Глуповъ поприжать надо, а Постукинъ мечтаетъ, что все пойдетъ хорошо, когда онъ достаточно настучитъ Глупову голову.

Но, говоря по совѣсти, я никакъ не могу согласиться съ мнѣніями этихъ достойныхъ преобразователей, хотя и отдаю должную справедливость ихъ добрымъ намѣреніямъ. Во-первыхъ, въ настоящую минуту, какъ ни жми, а изъ Глупова положительно ничего не выжмешь. А во-вторыхъ, я опасаюсь, чтобы, при неумѣренномъ стучаніи въ головы глуповцевъ, какъ бы намъ съ вами, мсьё Постукинъ, совсѣмъ не застучать эти головы. Забить гвоздь въ стѣну легко, мсьё Постукинъ, но каково-то будетъ его потомъ вытаскивать? А можетъ быть, вы думаете, что и вытаскивать совсѣмъ не надо? Однакожь, что до меня, то я съ своей стороны видѣлъ въ жизни одинъ только примѣръ удачнаго стучанья въ голову, а именно: отставной подпоручикъ Живновскій, съ помощью этого процесса, выучилъ своего Прошку декламировать Мистигриса Беранже. Но и этотъ примѣръ не убѣдителенъ, ибо прошкоподобно декламировать Мистигриса глуповцы умѣютъ ужь давно, а мнѣ хотѣлось бы, чтобъ они умѣли разсказывать эту милую пѣсенку своими словами, чтобъ они умѣли перелагать ее въ прозу и украшать различными фестончиками своего собственнаго изобрѣтенія. Для этого, по мнѣнію моему, необходимо,

чтобъ головы ихъ были свободны отъ всякаго внѣшняго подавливанья и постукиванья. Вы скажете, что изъ головъ этихъ ничего, кромѣ монстра, не выйдетъ, — согласенъ. На первый разъ дѣйствительно выйдетъ монстръ, какая-то смѣсь изъ письма сидѣльца къ роднымъ и счета мелочной лавочки, но, по времени, и именно, по мѣрѣ постепеннаго ослабленія пожиманія и постукиванія, монстръ будетъ видоизмѣняться къ лучшему и къ лучшему, покуда, наконецъ, и впрямь заговорятъ глуповцы своими словами. Тогда вы и сами, messieurs, увидите, что за милыя дѣти эти глуповцы, какъ они скромно себя держатъ, и какъ понятливо излагаютъ трогательную исторію о Мистигрисѣ. И вы дадите себѣ слово навсегда оставить скверную привычку жать и стучать.

Я не говорилъ бы такъ пространно о моихъ опасеніяхъ, еслибъ не вынуждали меня къ тому сами глуповцы. Страннѣе всего, что они сами непритворно убѣждены, что относительно ихъ, безъ постукиванія и пожиманія, никакъ-таки обойтись невозможно. Мало того, что они убѣждены въ этомъ, — они чувствуютъ страсть, они дурѣютъ отъ любви къ тому, кто стучитъ имъ въ головы; они скучны, они унылы, если стучаніе почему либо временно прекращается. Я увѣренъ, однакожь, что это не больше, какъ недоразумѣніе. Вы заблуждаетесь, достойные мои сограждане, и заблуждаетесь отъ того, что никто еще не пробовалъ употребить относительно васъ систему поглаживанья по головкѣ, никто еще не пытался позволять вамъ, въ награду за хорошее поведеніе, погулять послѣ обѣда и дѣйствовать на васъ посредствомъ лакомствъ. Поймите, что отъ васъ совсѣмъ даже не такъ много требуется, какъ вы думаете, что никто не ожидаетъ, чтобъ вы непремѣнно, не сходя съ мѣста, сдѣлались умновцами, немедленно сказали новое слово и изобрѣли порохъ! Отъ васъ требуется только, чтобъ вы оказали охоту и прилежаніе—и ничего больше! Порохъ и Америка придутъ впослѣдствіи: они придутъ тогда, когда вы вытвердите азбуку, и когда при этомъ не будетъ ни пожиманій, ни постукиванья.

Но возобновимъ слишкомъ давно прерванную нить размышленій нашихъ.

Итакъ мы сказали, что истинный глуповскій air fixe заключается въ глуповскомъ міросозерцаніи, а истинное глуповское міросозерцаніе состоитъ въ отсутствіи какого бы то ни было міросозерцанія. Мы показали это наглядно, обозрѣвъ нашъ родной

городъ, такъ сказать, à vol d'oiseau, и не вдаваясь въ историческія изысканія, такъ какъ эта послѣдняя задача еще до насъ весьма удовлетворительно исполнена М. П. Погодинымъ. (Здѣсь, мимоходомъ, возникаетъ весьма важный вопросъ: труды ли Михаила Петровича сдѣлали то, что Глуповъ кажется Глуповымъ, или Глуповъ сдѣлалъ то, что труды Михаила Петровича кажутся глуповскими? Петръ Великій создалъ Россію, или Россія создала Петра Великаго?). Но съ другой стороны намъ могутъ замѣтить, что отсутствіе міросозерцанія есть такая же нелѣпость, какъ отсутствіе масла въ кашѣ, какъ отсутствіе дегтя въ колесахъ мужицкой телеги. Подобно тому, какъ каша безъ масла обдираетъ горло вкушающаго, скажетъ мой возражатель, такъ и жизнь безъ міросозерцанія должна всечасно обдирать головы глуповцевъ, что, очевидно, невозможно, если принять въ соображеніе продолжительность средняго термина глуповской жизни (отъ ста до ста двадцати лѣтъ, но вороны глуповскія живутъ и долѣе.)

Мнѣ самому неоднократно приходило на мысль это возраженіе, и я всякій разъ долженъ былъ внутренно соглашаться, что оно справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-таки прожить жизнь безъ міросозерцанія не только цѣлому и въ своемъ родѣ знаменитому городу, но даже и отдѣльному человѣку? Вѣдь такимъ образомъ на каждомъ шагу будешь стукаться лбомъ объ стѣну, будешь попадать ногами въ лужу, и дойдешь, наконецъ, до такой неопрятности, которая не только въ Глуповѣ, но и въ домѣ умалишенныхъ терпима быть не можетъ. Я думаю, самъ Михаилъ Петровичъ долженъ былъ чувствовать это, стукаясь то объ Ярослава, то о Мстислава, то объ Ивана Берладника, и не нащупывая изъ нихъ ни котораго?

Итакъ, я обязанъ сознаться, что міросозерцаніе есть, но міросозерцаніе пришедшее извнѣ (какъ извнѣ же приходятъ градъ и повѣтрія разныя), и управляющее Глуповымъ наравнѣ съ прочими городами и весями. Это не то тонкое, доступное лишь внутреннему постиженію міросозерцаніе, которое даетъ себя чувствовать какъ продуктъ цѣлаго строя жизни, но міросозерцаніе внѣшнее, міросозерцаніе, которое можно ощущать, которое можно облобызать, но на которое можно и наплевать; однимъ словомъ — міросозерцаніе, въ родѣ знаменитыхъ правилъ: «цвѣтовъ не рвать, травы не мять, птицъ и рыбъ не пугать».

Выучивши наизусть эти правила, можно жить легко и пріят-

но. Стóитъ только смирно гулять по дорожкѣ, и если обладаешь какой нибудь гнусной привычкой, какъ напримѣръ, кряхтишь во всю мочь или откашливаешься (это пугаетъ рыбъ), или ногами дрыгаешь (это нáноситъ вредъ прозябанію травъ), то можно и совсѣмъ въ садъ не ходить.

Въ доказательство, что все это нисколько незатруднительно, и что человѣкъ, руководимый этими правилами, легко можетъ остаться живъ, Флоръ Лаврентьичъ Ржанищевъ доставилъ мнѣ выдержки изъ своего журнала, въ которомъ онъ изо дня въ день описывалъ всѣ законныя и непротивныя правиламъ глуповскаго міросозерцанія дѣянія свои.

Не могу не подѣлиться съ читателями нѣкоторыми изъ этихъ выдержекъ.

«*2 Ноября* (1858 г.) Каждую ночь посѣщаютъ меня видѣнія, а днемъ мучусь предчувствіями. Ѣздилъ къ Ивану Ѳомичу побесѣдовать о пустоши, называемой «Дунькино болото», и побранился. Вечеромъ видѣнъ былъ огненный столпъ на небѣ.

«*9 Ноября.* По обыкновенію, всталъ, умылся и помолился Богу. Утромъ выбирали съ Настасьей Петровной новаго форрейтора, вмѣсто Андрюшки, который отъ старости сталъ сѣдъ и выросъ безобразно. Однако, за душевною смутой, ни на комъ остановиться не могъ. Чортъ ихъ знаетъ, а въ ихнемъ званіи и законы природы какъ будто власти не имѣютъ. Вотъ Андрюшкѣ давно бы ужь пора перестать рости, а онъ ростетъ себѣ да ростетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А говорятъ еще, что мало кормимъ! Во снѣ видѣлъ птицу.

«*11 Ноября.* Пріѣзжалъ англичанинъ съ фабрики; спрашивалъ, не соглашусь ли отпустить въ работу дѣвокъ, и цѣну за сіе давалъ изрядную. Рѣшились выбрать до десяти наилучшихъ. Настасья Петровна, которая за всѣ эти дни замѣтно дулась, послѣ сего повеселѣла, и заявила надежду, что у нея будетъ новая шляпа. Володинъ французъ поздравилъ меня съ выгодною сдѣлкой, на что я ему отвѣтилъ, что это совсѣмъ не сдѣлка, а просто доброе дѣло. Но французъ, не будучи достаточно знакомъ съ особенностями національнаго духа (каждая нація имѣетъ свой духъ — это вѣрно!), пожалъ лишь плечами. Володя расшалился, и почти каждую минуту повторялъ: «на фаблику! на фаблику!»

«*15 Ноября.* По случаю разнесшихся слуховъ, размышлялъ о томъ, прилично ли было бы, еслибъ деревья и злаки одѣвались не зеленымъ, а краснымъ цвѣтомъ. Во снѣ опять видѣлъ птицу.

«*20 Ноября.* Все сіе совершилось.

«*22 Ноября.* Былъ на гумнѣ.... совсѣмъ не такъ молотятъ! Однако, рѣшился переносить съ кротостью. Сбирали дворовыхъ мальчишекъ для выбора форрейтора, но рѣшили, что мысль эту надобно оставить. На что храбра Настасья Петровна, но и та, взглянувъ на сіе сборище, воскликнула: «ахъ, другъ мой! если ты хочешь, чтобъ я была покойна, не ввѣряй мою жизнь этимъ разбойникамъ!»

«*29 Ноября.* Читалъ книгу, называемую «Русскій Вѣстникъ», отъ которой будто бы *все* произошло. Въ составленіи книги большое участіе принялъ Василій Александровичъ Кокоревъ, нашего уѣзда откупщикъ. Подписка принимается въ Москвѣ въ Армянскомъ переулкѣ.

«*25 Декабря.* Ѣздили въ храмъ Божій къ обѣдни, но не шестерней, а четверикомъ, и парадныхъ ливреи на лакеяхъ не было (нынѣ, сказываютъ, ихъ не лакеями, а служителями называть велѣно). Послѣ обѣдни, сверхъ чаянья, пришли люди поздравить съ праздникомъ. Настасья Петровна замѣтила въ ихъ лицахъ иронію; я же хотя и желалъ сказать имъ: «а что, братцы, скоро ли господами будете?» однако воздержался. За обѣдомъ, по древнему обычаю, подавали буженину, натертую чеснокомъ. Такъ какъ въ сей день каждый глуповскій помѣщикъ непремѣнно ѣстъ буженину, то я полагаю, что въ обычаѣ семъ есть нѣчто массонское. На сей разъ буженина была отмѣнная, и по этой причинѣ я имѣлъ, послѣ обѣда, гастрическое сновидѣніе.

«*1 Января.* Домъ нашъ, въ отношеніи тишины, уподобился горѣ Аѳонской. Никакихъ мыслей, кромѣ *тѣхъ препротивныхъ*, въ голову не приходитъ, но и сихъ не можемъ свободно другъ другу сообщать, ибо безпрестанно люди шныряютъ и вслушиваются, а выгнать ихъ не имѣемъ духа. Вслѣдствіе сего принужденнаго состоянія душевнаго произошла скука, а вслѣдствіе скуки произошло то, что Настасья Петровна великое пристрастіе къ Володину французу получила. Сегодня, отходя ко сну, внушалъ ей, что французъ этотъ, быть можетъ, въ отечествѣ своемъ служительскую должность исправлялъ; но она въ отвѣтъ лишь смѣялась и въ досаду мнѣ повторяла, что зубы у него отмѣнно бѣлые....»

И т. д. и т. д.

Прочитавши дневникъ этотъ, конечно, не удивишься ни смѣ-

лости мыслей, ни глубинѣ соображеній, но все-таки подумаешь-подумаешь да и скажешь: «ничего! жить можно!»

Итакъ, мы добились-таки того, что можемъ со спокойною совѣтстью воскликнуть: вотъ истинное глуповское міросозерцаніе! вотъ неподдѣльный глуповскій air fixe! Посмотримъ теперь, права ли была Матрена Ивановна, поднюхавъ этотъ air fixe и у новыхъ «хорошихъ» людей, которые засѣли въ Глуповѣ по поводу возрожденія.

По моему мнѣнію, вопросъ въ этомъ случаѣ можетъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: есть ли въ новоглуповцахъ что-нибудь свое, ими самими выработанное, или же они продолжаютъ пробавляться тѣмъ самымъ міросозерцаніемъ, которое и до нихъ царило надъ Глуповымъ? Вносятъ ли они, кромѣ новыхъ фраковъ и жилетовъ, кромѣ новыхъ граціозныхъ манеръ, какой нибудь новый нравственный элементъ въ глуповскую жизнь, или же продолжаютъ представлять собой неизмѣнно вѣрныхъ отеческимъ преданіямъ сыновъ Глупова?...

Вѣря въ проницательность Матрены Ивановны, я заранѣе убѣжденъ, что рѣшеніе этихъ вопросовъ несомнѣнно должно состояться въ ея пользу; но такъ какъ я, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанъ убѣдить въ томъ же и читателя, который легко можетъ быть подкупленъ красивою внѣшностью обязательныхъ поборниковъ новоглуповскаго возрожденія, то, дѣлать нечего, будемъ сравнивать и разсуждать.

Мнѣ говорятъ, что нынѣшній «хорошій» человѣкъ ищетъ просвѣтить свой умъ познаніями, что онъ любознателенъ и уже не признаетъ безусловной вѣрности аксіомы, въ силу которой жизнь являлась лишь рядомъ физическихъ упражненій.... И въ доказательство, что это справедливо, мнѣ приводятъ въ примѣръ мною же подмѣченную фразу: «а вы читали, mon cher, политическое обозрѣніе.... charmant!»

Фраза дѣйствительно недурна, но — увы! подобныхъ ей я могу выбрать достаточно и изъ исторіи физическихъ упражненій прежняго «хорошаго» человѣка, ибо и онъ въ свое время говаривалъ: «а какую мнѣ нынче канарейку изъ деревни привезли.... персикъ!»

Конечно, внѣшнее содержаніе обѣихъ фразъ совершенно различно; конечно, одна изъ нихъ трактуетъ о политическомъ обозрѣніи, а другая о канарейкахъ; но этимъ только и ограничивается различіе.... Все остальное, и притомъ самое важное, а именно

внутреннее настроенiе говорящихъ и отношенiе ихъ къ предметамъ, о которыхъ они говорятъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно тождественны. И старый глуповецъ, и новый глуповецъ равно не имѣютъ намѣренiя выразить что-либо особенное, и тотъ и другой горятъ лишь нетерпѣнiемъ набить чѣмъ бы то ни было два-три досужихъ часа, которые, по заведенному обычаю, принято посвящать дiалогамъ.... Въ сущности, обѣ фразы имѣютъ лишь смыслъ междометiй, произносимыхъ оконечностями языка, безъ всякаго участiя мыслящей силы.

Но выборъ предмета, скажутъ мнѣ, но почему же разговоръ не вертится, попрежнему, на канарейкахъ, а постепенно вторгается въ область интересовъ, сфера которыхъ уже значительно выше той, гдѣ самое видное мѣсто занимали запросы желудка и похоти? — Отвѣтъ на это весьма простъ: всякому возрасту, равно какъ и всякому времени, приличествуетъ свой особенный разговоръ. И древнiе глуповцы никогда не дозволяли себѣ говорить зимою: «ахъ, какъ жарко сегодня! Мы цѣлый день на погребѣ просидѣли!» но говорили: «ну ужь, и морозище нынче завернулъ! только и спасаемся, что на печку грѣться лазимъ!» Подобно сему и новые глуповцы, сообразивъ, что статья о канарейкахъ ужь поистерлась, нашли необходимымъ замѣнить ее другою. Но какой именно будетъ сюжетъ этой другой статьи, но почему этимъ сюжетомъ будетъ именно рыбный обѣдъ англiйскаго министерства, а не свѣтопредставленiе, — это ужь опредѣляется независимо отъ воли глуповцевъ, это опредѣляется отчасти слухами, долетающими изъ Умнова, отчасти присылаемыми оттуда же новѣйшими дiалогами.

Повторяю: въ такомъ спорномъ дѣлѣ прежде всего необходимо разъяснить отношенiе говорящаго къ фразѣ. Разрѣшите мнѣ, напримѣръ, почему глуповцы такъ словообильно распространяются объ рыбномъ обѣдѣ и такъ скупы на размышленiя о своихъ собственныхъ дѣлахъ? И какое отношенiе можетъ имѣть къ его жизни эта историческая странность, утратившая смыслъ даже въ мѣстѣ своего рожденiя? Очевидно, что никакого, и я убѣжденъ, что глуповцы, болтая объ этомъ обѣдѣ, должны ощущать ту самую головную боль, которую ощущаютъ, по словамъ лондонскаго корреспондента «Русскаго Вѣстника», и англiйскiе министры, объѣвшись вкусныхъ маленькихъ рыбокъ, составляющихъ существенную принадлежность обѣда.

Но можетъ быть, имѣются какiя-нибудь особенныя и весьма

секретныя причины тому, что глуповцы такъ охотно бесѣдуютъ о чужихъ дѣлахъ, и такъ упорно умалчиваютъ о своихъ собственныхъ? Согласенъ: можетъ быть, и существуютъ такія причины; но согласитесь же и вы со мной, что покуда онѣ существуютъ, покуда слово будетъ представляться чѣмъ-то оторваннымъ отъ жизни, чѣмъ-то существующимъ по себѣ и для себя, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо новыхъ основахъ для жизни, до тѣхъ поръ глуповцы останутся глуповцами. Скажу болѣе: ихъ ожидаетъ на этомъ поприщѣ новая и весьма существенная опасность: ибо, будучи поставлены, такъ сказать, въ постоянное отлученіе отъ своей собственной жизни, глуповцы могутъ утратить смыслъ ея, могутъ увлечься, могутъ принять средства за цѣль, полезную подготовку къ дѣлу за самое дѣло, и окончательно погрязнуть въ безднѣ рыбныхъ обѣдовъ.... И тогда произойдетъ нѣчто страшное: то, что въ сущности составляетъ лишь невкусное препровожденіе времени, мало по малу до того въѣстся въ глуповскіе нравы, что глуповцы сочтутъ себя вполнѣ удовлетворенными, и получатъ сладкое убѣжденіе, что для нихъ дѣйствительно не можетъ быть болѣе пріятнаго занятія, какъ облизываться, внимая разказамъ о рыбныхъ обѣдахъ.

Матрена Ивановна очень хорошо постигла пустопорожній характеръ этихъ бесѣдъ глуповскихъ.

— Пущай побалуютъ! призналась она мнѣ, однажды, въ минуту откровенности:—это, батюшка, еще лучше, потому что мысли у нихъ разбиваетъ! Они, сударь, и невѣсть бы чего начудесили, кабы все молча да насупившись сидѣли; а теперь вотъ сойдутся да набрехаются досыта.... анъ сердце-то у нихъ и отойдетъ!

И вотъ отчего Матрена Ивановна не только не боится новоглуповцевъ, но даже считаетъ ихъ замѣсто своихъ дѣтей....

Указываютъ еще на общественную дѣятельность новоглуповца, и отыскиваютъ въ ней признаки несомнѣнной гражданской доблести. Разсказываютъ, напримѣръ, что тогда-то такой-то неподкупный блюститель глуповскаго возрожденія въ три-шеи выгналъ отъ себя Терентья Сильича, явившагося на поклонъ съ кулечкомъ.... Приводятъ фактъ и еще поразительнѣйшій: Сила Терентьичъ, думая расположить въ свою пользу другаго такого же блюстителя, позвалъ его къ себѣ на обѣдъ; но блюститель не только не тронулся этимъ, но даже всенародно и въ собственномъ Силы Терентьича домѣ, невѣжничалъ и паскудничалъ

надъ нимъ самымъ постыднымъ образомъ, и возвратившись домой, тотчасъ же распорядился лишить этого обывателя всѣхъ правъ состоянія.

Дѣйствительно, перелистывая древнюю исторію Глупова, я не нахожу въ ней примѣровъ столь доблестныхъ. Древній глуповскій magistrat былъ простъ на этотъ счетъ: онъ любилъ, чтобъ къ нему ходили съ кулечками, и не скрывалъ этого. Если случалось, что онъ и безъ того сытъ по горло, то и тогда онъ не гналъ просителя въ три-шеи, но кротко говоритъ ему: «отдай, братъ, это ребяткамъ: я сытъ!...» Отъ обѣдовъ же рѣшительно никогда не отказывался, и, принимая хлѣбъ соль Силы Терентьича, ѣлъ исто-во, ногъ на столъ не клалъ, Божьяго дара подъ столъ не кидалъ, банта всенародно не растегивалъ и хозяйскую бороду мочалкой не обзывалъ.

Сравнивая эти двѣ формы общественной дѣятельности, я ни на минуту не могу колебаться насчетъ того, которой изъ нихъ отдать преимущество. Конечно, древній глуповецъ былъ отвратителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и милъ.... Онъ представлялся милымъ уже потому, что былъ не ужасно, а смѣшно отвратителенъ. Онъ весь былъ нелѣпость, а потому и оцѣнка его дѣятельности могла быть только нелѣпая. Человѣкъ, доведенный до необходимости вступить въ сношенія съ нимъ, имѣлъ полное право воскликнуть: «ахъ, да какая же ты сланая бестія!» но не имѣлъ права считать свою руку оскверненною прикосновеніемъ его руки. Новый глуповецъ продолжаетъ быть отвратительнымъ, и въ то же время утратилъ способность быть милымъ. Его прикосновеніе положительно оскверняетъ.

Но переходя отъ формъ дѣятельности къ самому содержанію ея, я колеблюсь еще менѣе. Содержаніе это до такой степени тождественно, что невозможно безъ смѣха даже подумать объ этомъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, пространно и размашисто развивается все та же знаменитая глуповская пословица: «кого-люблю, того и бью», и въ томъ и въ другомъ случаѣ, мотивы и побужденія дѣятельности нераздѣльно слиты съ общимъ строемъ глуповскаго міросозерцанія.

Попрежнему, глуповцы оказываются бѣдными инниціативой, шаткими и зависимыми въ убѣжденіяхъ; попрежнему, гибко и недерзновенно пригибаются они то въ ту, то въ другую сторону, безпрекословно слѣдуя направленію ледовитыхъ вѣтровъ, цѣпенящихъ родную ихъ равнину изъ одного края въ другой.

Попрежнему они наивно открываютъ рты при всякомъ вопросѣ, выработанномъ жизнью, и не могутъ дать никакого разрѣшенія, кромѣ тупаго и безплоднаго гнета, не могутъ дать никакого отвѣта, не справившись напередъ въ многотомномъ и, къ сожалѣнію, еще не съѣденномъ мышами архивѣ канцелярской рутинной мудрости. Скажу болѣе: въ прежнія времена, глуповская необузданность смягчалась подкупностью и другими качествами, гнусность которыхъ хотя и не подлежитъ спору, но которыя въ свое время все-таки оказывали не малую практическую пользу; а нынче и это послѣднее убѣжище глуповскихъ вольностей рухнуло, благодаря каплуньему высокомѣрію и каплуньимъ операціямъ in anima vili, производимыхъ ревнителями глуповскаго возрожденія.

Новоглуповецъ откровенно и даже залихватски кладетъ ноги на столъ; но спросите его, что̀ онъ желаетъ выразить этимъ дѣйствіемъ, чего онъ требуетъ, чего онъ ждетъ отъ Глупова,— онъ станетъ въ тупикъ. Темное ярмо тяготѣетъ не только надъ дѣйствіями его, но и надъ помыслами. Да, и надъ помыслами, потому что онъ до такой степени усовершенствовалъ себя, что нашелъ средство поработить не только тѣло, но и свободную душу.

Въ сущности, и старый и новый глуповецъ руководятся однимъ и тѣмъ же правиломъ: «травы не мять, цвѣтовъ не рвать и птицъ не пугать», о которомъ уже говорено выше. Но на практикѣ, но въ способахъ проведенія этого правила въ жизни, между ними замѣчается ощутительная разница. Старый глуповецъ видѣлъ эти слова написанными на доскѣ, и выполнялъ ихъ не разсуждая, выполнялъ ихъ, слѣдуя примѣру человѣка, заключеннаго въ четырехъ стѣнахъ, и инстинктивно сознающаго, что лбомъ стѣны не прошибешь. Новый глуповецъ не только выполняетъ, но и резонируетъ, не только резонируетъ, но и любуется при этомъ самимъ собою. Онъ возводитъ исполненіе правила въ принципъ, и въ этомъ принципѣ находитъ достаточно содержанія для наполненія всей своей жизни. И горе тому, кто затронетъ новоглуповца въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ, горе тому, кто отнесется легко къ этой послѣдней святынѣ его сердца: онъ въ одну минуту налаетъ столько, сколько не успѣли налаять его достославные предки въ продолженіе многихъ столѣтій; онъ загрызетъ, онъ докажетъ цѣлому міру, что и въ Глуповѣ

могутъ зараждаться своего рода Робеспьеры, что и глуповская почва способна производить сорванцовъ исполнительности.

Глуповское міросозерцаніе, глуповская закваска жизни находятся въ агоніи, — это несомнѣнно. Но агонія всегда сопровождается предсмертными корчами, въ которыхъ заключена страшная конвульсивная сила. Представителями этой силы, этихъ ужасныхъ попытокъ древнеглуповскаго міросозерцанія удержаться на старой почвѣ, служатъ новоглуповцы. Въ лицѣ ихъ, оно празднуетъ свою послѣднюю, безсмысленную вакханалію; въ лицѣ ихъ, оно исчерпываетъ послѣднее свое содержаніе; въ лицѣ ихъ, оно торжественно и окончательно заявляетъ міру о своей несостоятельности....

Итакъ, Матрена Ивановна права: старинный глуповскій аіг fixe, усовершенствованный и усиленный, цѣликомъ переселился въ новоглуповцевъ. Но она не права въ другомъ отношеніи: она думаетъ и надѣется, что глуповцамъ не будетъ конца, что за новоглуповцами послѣдуютъ новѣйшіе глуповцы, а за новѣйшими самоновѣйшіе, и такъ далѣе, до скончанія вѣковъ.

Этого не будетъ. Міросозерцаніе глуповское дошло до тѣхъ предѣловъ, далѣе которыхъ идти невозможно, подъ опасеніемъ опрокинуться въ царство тьмы.

Въ этомъ отношеніи, какъ ни печально такое явленіе, но оно не огорчаетъ меня. По зрѣломъ размышленіи, я даже начинаю чувствовать нѣкоторую симпатію къ новоглуповцу. Онъ милъ мнѣ именно потому, что онъ — послѣдній изъ глуповцевъ.

Н. ЩЕДРИНЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Часть вторая.

(1839—1847.)

ГЛАВА VI.

БѢЛИНСКІЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — ПРІѢЗДЪ Б—НА. — ЕГО ПОСѢЩЕНІЕ. — ПЕРЕѢЗДЪ БѢЛИНСКАГО НА ПЕТЕРБУРГСКУЮ СТОРОНУ. — ПРІѢЗДЪ К—ВА, ОСТАНОВИВШАГОСЯ У МЕНЯ. — НАШИ ЗАНЯТІЯ И ГУЛЯНЬЯ. — ПЕРЕВОДЪ «ПУТЕВОДИТЕЛЯ ВЪ ПУСТЫНѢ», КУПЕРА. — ССОРА К—ВА СЪ Б—НЫМЪ У БѢЛИНСКАГО. — ТОЛКИ О ДУЭЛИ. — КНИГОПРОДАВЕЦЪ ПОЛЯКОВЪ. — ОТЪѢЗДЪ Б—НА И К—ВА ЗА ГРАНИЦУ. — К. АКСАКОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, ПРОѢЗДОМЪ ЗА ГРАНИЦУ. — ПОЛТОРА ГОДА СТРАДАЛЬЧЕСКОЙ ЖИЗНИ К—РА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Бѣлинскій, какъ уже извѣстно моимъ читателямъ, остановился у меня на квартирѣ. Черезъ часъ послѣ нашего пріѣзда мы сидѣли у г. Краевскаго.

Г. Краевскій, казалось, былъ очень доволенъ нашимъ пріѣздомъ. Бѣлинскій передалъ ему о томъ, какія капитальныя статьи онъ замышляетъ для «Отечественныхъ Записокъ». — Г. Краевскій одобрялъ планы Бѣлинскаго, не безъ удовольствія улыбаясь, и поддакивалъ намъ во всемъ съ особенною мягкостію въ голосѣ . . . .

Бѣлинскій тотчасъ принялся за свою вторую большую статью о «Бородинской годовщинѣ», появившуюся въ декабрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1839 года, и вслѣдъ за тѣмъ за «Менцеля»...

Пріѣздъ Ба—на въ Петербургъ, зимою 1840 года, очень обрадовалъ Бѣлинскаго. Ба—нъ заходилъ къ намъ почти всякій день. Онъ былъ въ это время проникнутъ ультра-консервативными воззрѣніями и теоріями по Гегелю: малѣйшимъ и незамѣтнѣйшимъ явленіямъ и словамъ онъ придавалъ значеніе и торжественность...

Бѣлинскій слушалъ его съ жадностію... Они вмѣстѣ возводили эти явленьица въ мировыя событія . . . .

. . . .

Ба—нъ оставался въ Петербургѣ, все время въ такомъ настроеніи, до весны 1840 года. Бѣлинскій переѣхалъ отъ меня ранней весною на Большой проспектъ Петербургской стороны, въ видахъ экономіи, и съ любовію занялся устройствомъ своего хозяйства и квартиры. Я переѣхалъ почти въ то же время къ Пяти-Угламъ, въ домъ Пшеницыной, который впослѣдствіи К—въ называлъ «кораблемъ Пшеницына»....

Въ апрѣлѣ я получилъ отъ К—ва письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что намѣренъ ѣхать за границу и передъ этимъ прожить нѣсколько времени въ Петербургѣ. Я приглашалъ его остановиться у меня. Передъ этимъ К—въ прислалъ намъ свой переводъ шекспирова «Ромео и Юліи», который былъ проданъ нами книгопродавцу Полякову, бывшему тогда издателемъ «Пантеона». Деньги должны были быть заплаченными по напечатаніи перевода.

К—въ былъ уже дѣятельнымъ сотрудникомъ «Отеч. Записокъ». Нѣсколько статей его было напечатано въ библіографіи; онъ готовилъ нѣсколько большихъ критическихъ статей и между прочимъ статью о Сарѣ Толстой, отъ которой былъ тогда въ восторгѣ весь кружокъ....

.... Когда я вспоминаю о К—вѣ, онъ до сихъ поръ представляется мнѣ почему-то не иначе, какъ съ нѣсколько прищуренными глазами, съ сложенными на груди руками, декламирующій стихотвореніе Фрейлихграта и повторяющій съ легкимъ завываніемъ:

. . . .

. . . . «Capitano! Capitano!...» . . . .

К—въ былъ тогда очень молодъ, и его молодость проявлялась въ немъ странными фантазіями. Разъ какъ-то захотѣлось ему идти непремѣнно въ погребокъ и провести тамъ вечеръ, какъ это дѣлывалъ въ Берлинѣ знаменитый Гофманъ, которымъ всѣ мы сильно увлекались въ то время.

К—въ предложилъ мнѣ это.

— Да вѣдь здѣсь нѣтъ такихъ погребковъ, какъ въ Германіи,возразилъ я:—здѣсь берутъ только вино въ погребкахъ, а не распиваютъ его тамъ.... Если вы хотите, я пошлю за виномъ....

— Нѣтъ, я хочу непремѣнно пить въ погребкѣ.

— Да коли это здѣсь не водится?

— Отчего не водится? — Это вздоръ! Если не водится, такъ мы введемъ это въ обычай.... Я знаю, почему вамъ не хочется: вы боитесь унизить этимъ свое достоинство.... — и разгорячась болѣе и болѣе, К—въ началъ нападать по этому поводу на различные дворянскіе предразсудки и нелѣпыя приличія, которыми я, по его мнѣнію, былъ зараженъ.

— Такъ вы рѣшительно не хотите идти со мною? спросилъ онъ въ заключеніе, складывая торжественно руки и щуря глаза.

— Рѣшительно нѣтъ.

— Ну, такъ я пойду одинъ.

К—въ взялся-было уже за шляпу, но потомъ отложилъ свое намѣреніе.

Дня два послѣ этого онъ дулся на меня....

.... Такія юношескія вспышки бывали впрочемъ у него рѣдко; бо̀льшую часть времени К—ъ проводилъ въ постоянномъ, усиленномъ трудѣ, который, кромѣ его внутренней потребности, былъ необходимъ ему потому, что этимъ трудомъ онъ долженъ былъ содержать не только себя, но свою старушку-мать и брата, который тогда приготовлялся къ университету.

Средства къ существованію К—ва основывались въ это время единственно на сотрудничествѣ въ «Отеч, Запискахъ». Г. Краевскій платилъ ему съ трудомъ за его критическія статьи по 100 р. асс. за листъ, если я не ошибаюсь. Положеніе г. Краевскаго въ первые три года изданія «Отеч. Записокъ» было затруднительно: журналъ не окупался, долгъ возрасталъ. Многіе изъ московскихъ друзей Бѣлинскаго работали для «Отеч. Записокъ» con amore безплатно, стараясь поддерживать журналъ, въ которомъ уча-

ствовалъ онъ. Бѣлинскій привлекъ въ «Отеч. Записки» вмѣстѣ съ собою всю талантливую и горячую московскую молодежь. Онъ одушевлялъ, оживлялъ и подстрекалъ всѣхъ къ труду...

Незадолго до пріѣзда К—ва въ Петербургъ, я прочелъ только-что изданный во французскомъ переводѣ романъ Купера: «Путеводитель въ пустынѣ» (Le Lac Ontario). Романъ этотъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и я разсказалъ содержаніе его Бѣлинскому.

— Его надобно непремѣнно перевести для «Отеч. Записокъ», сказалъ Бѣлинскій: — и скорѣй, чтобы кто нибудь не перебилъ.

К—ву «Путеводитель въ пустынѣ» также нравился, и Бѣлинскій упросилъ насъ переводить его вмѣстѣ. К—въ взялъ на себя переводъ двухъ первыхъ, а я двухъ послѣднихъ частей; К—въ переводилъ съ англійскаго, я съ французскаго. Г. Краевскій объявилъ намъ, что за переводъ деньгами онъ платить не можетъ, а отпечатаетъ намъ 200 отдѣльныхъ экземпляровъ, которые мы можемъ продать въ свою пользу. Мы согласились на это условіе и принялись за трудъ съ жаромъ. Цѣлые вечера за однимъ столомъ *на кораблѣ Пшеницынѣ* мы просиживали надъ этимъ переводомъ.

Черезъ мѣсяцъ по отпечатаніи его въ журналѣ, мнѣ были доставлены 200 условленныхъ экземпляровъ, которыми мы могли впрочемъ распоряжаться не прежде полугода.

Г. Юнгмейстеръ только-что открылъ тогда книжный магазинъ и я продалъ ему наши экземпляры за 700 р. ассигн., т.е. по 3 р. 50 к. асс. за экземпляръ. — Г. Юнгмейстеръ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что онъ бросилъ эти деньги даромъ, потому что продалъ только *2 экземпляра!* Съ годъ назадъ тому мнѣ понадобился нашъ переводъ.... Я не могъ отыскать его однако ни въ одной книжной лавкѣ (не исключая и лавки г. Юнгмейстера), даже не нашелъ его на Толкучемъ. Куда же дѣвался этотъ бѣдный «Путеводитель», или г. Юнгмейстеръ сжегъ его?...

Передъ этимъ весь нашъ кружокъ былъ въ сильномъ волненіи, и вотъ по какой причинѣ. — Черезъ два мѣсяца послѣ переѣзда Бѣлинскаго на новую квартиру, въ одно утро у него сошлись К—въ и Ба—нъ. По обыкновенію, начались разсужденія о разныхъ философскихъ вопросахъ. К—въ вступилъ въ споръ съ Ба—ымъ; спорящіе, никогда, кажется, не питали другъ къ другу особеннаго расположенія, и потому споръ съ самаго нача-

ла принялъ желчный и колкій оттѣнокъ, доведшій спорящихъ до того, что они потребовали удовлетворенія другъ у друга.

К—въ сообщилъ мнѣ объ этомъ и просилъ меня быть его секундантомъ.... Бѣлинскій сначала встревожился этимъ.... Наконецъ, по долгомъ размышленіи и послѣ многихъ переговоровъ, рѣшено было отложить дуэль до Берлина, чтобы не подвергаться строгости отечественныхъ законовъ и не воспрепятствовать рѣшенной обоими ими поѣздкѣ за границу.... . . . . . .

Ба—нъ уѣхалъ нѣсколькими мѣсяцами ранѣе К—ва.

К—въ поневолѣ откладывалъ свою поѣздку, потому что разсчитывалъ на деньги, слѣдуемыя ему отъ книгопродавца Полякова за переводъ «Ромео и Юліи». Онъ полагалъ, что съ этими деньгами и съ прибавкою къ нимъ незначительной суммы (не болѣе впрочемъ 100 р. асс.), бывшей у него, онъ можетъ доѣхать до Берлина и прожить еще тамъ нѣсколько времени до новыхъ ресурсовъ, имѣвшихся у него въ виду. Но книгопродавецъ Поляковъ, ухмыляясь, изгибаясь и извиваясь передъ К—вымъ, каждый день клялся ему, что онъ заплотитъ *завтра*. Такимъ образомъ прошло болѣе мѣсяца. К—въ вышелъ изъ терпѣнія и взялъ билетъ на пароходъ... Онъ объявилъ объ этомъ Полякову и сказалъ, что долѣе терпѣть не намѣренъ...

— Будьте увѣрены съ, отвѣчалъ Поляковъ:—клянусь вамъ всѣмъ священнымъ-съ; вы можете назвать меня подлецомъ-съ въ глаза, если завтра въ 10 часовъ утра я недоставлю вамъ всей суммы сполна-съ, новенькими-съ, ассигнація къ ассигнаціи-съ, на подборъ-съ, ей-Богу-съ.

Это было наканунѣ отъѣзда К—ва. Мы прождали Полякова до часу и отправились къ нему въ лавку. К—въ былъ внѣ себя...

Поляковъ хотѣлъ было скрыться отъ насъ, но мы поймали его за фалду. Онъ чуть было не бросился въ ноги К—ву и со всѣми возможными клятвами увѣрялъ, что ужь завтра въ 10 часовъ утра (т. е. въ день самаго отъѣзда) онъ всенепремѣнно расплатится... . . . .

— Пароходъ отходитъ въ часъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ... Смотрите же, говорили мы, —мы васъ опубликуемъ, опозоримъ!... . . . . .

— Сохрани Боже-съ! стоналъ Поляковъ. — Какъ это можно-съ! Я не допущу себя до этого срама-съ... Помилуйте, кто самъ себѣ врагъ-съ... . . . .

— Что мнѣ дѣлать? сказалъ К—въ: — вѣдь этотъ господинъ опять надуетъ меня.

Я имѣлъ наивность думать, что въ этотъ разъ Поляковъ наконецъ сдержитъ свое обѣщаніе и успокоивалъ К—ва...

Но Поляковъ не явился. Въ 11 часовъ мы, въ совершенной ярости, вбѣжали въ его лавку. Въ лавкѣ его не оказалось... Дома его поймать было невозможно. Наша ярость пала на его прикащиковъ, которымъ впрочемъ это было ни почемъ. Они уже были пріучены къ подобнымъ сценамъ.

И К—въ долженъ былъ уѣхать за границу со ста рублями ассигнацій.

Мы провожали его до Кронштадта...

— Бога ради, спасайте же меня, сказалъ онъ, обнимая насъ при прощаньи: — высылайте мнѣ скорѣй деньги въ Берлинъ... Я могу умереть съ голода, если вы меня забудете.

Какъ ни тревожило, однако, К—ва его безденежье, онъ былъ веселъ и счастливъ мыслію, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ западной Европѣ, которая такъ давно манила его къ себѣ; что онъ вступитъ въ самое святилище науки, въ этотъ берлинскій университетъ, о которомъ онъ такъ давно мечталъ. Онъ предавался разнымъ упоительнымъ фантазіямъ, со всѣмъ увлеченіемъ и безпечностію молодости, забывая свое стѣсненное положеніе и предстоящую ему въ Берлинѣ дуэль....

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда его Поляковъ заплатилъ деньги, и мы тотчасъ же отослали ихъ къ К—ву въ Берлинъ, съ прибавкою денегъ отъ г. Краевскаго...

Я забылъ сказать, что еще за годъ до этого, весною 1840 года, останавливался на нѣсколько дней въ Петербургѣ, проѣздомъ за границу, Константинъ Аксаковъ.

Онъ на другой же день послѣ своего пріѣзда пришелъ ко мнѣ.

Послѣ объятій и крѣпкихъ рукопожатій, я спросилъ его;

— Надолго ли вы къ намъ, Константинъ Сергѣичъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... отвѣчалъ онъ: — зачѣмъ мнѣ оставаться здѣсь?... Вы знаете, что мнѣ противенъ вашъ Петербургъ... Я послѣ завтра уѣзжаю за границу. Мнѣ просто душно здѣсь. Этотъ гранитъ, эти мосты съ цѣпями, этотъ безпрестанный барабанный бой — все это производитъ подавляющее, гнетущее впечатлѣніе... Лица какія-то не русскія... Болоты, нѣмцы и чухны кругомъ. Нѣтъ, сохрани Боже оставаться здѣсь долго!

Когда мы вышли вмѣстѣ съ Аксаковымъ на улицу, онъ съ недоброжелательствомъ началъ посматривать на все:—на домы, на людей, встрѣчавшихся намъ; его раздражалъ громъ отъ экипажей, движеніе на улицахъ... И какъ будто для того, чтобы забыться и отвлечь свое вниманіе отъ всего этого, онъ началъ смотрѣть вверхъ, на небо.

Небо было ясно, одна только небольшая тучка пробѣгала по синевѣ...

Аксаковъ схватилъ меня за руку, остановился и началъ съ жаромъ декламировать:

«Послѣдняя туча разсѣянной бури
Одна ты несешься по ясной лазури» и. т. д.

Онъ продекламировалъ мнѣ все стихотвореніе, не замѣчая ничего и никого, а около насъ уже образовалась толпа съ ироническими улыбками.

Когда я обратилъ на это вниманіе Аксакова,—Аксаковъ печально покачалъ головою:

— Я забылся, сказалъ онъ:—я думалъ, что я въ Москвѣ. У насъ нисколько не кажется страннымъ, если человѣку вздумается прочесть стихотвореніе, идя по улицѣ. А у васъ, вѣрно, это не принято, оттого эти господа и обступили насъ.—Въ Москвѣ широта, просторъ, свобода во всемъ, а здѣсь...

И онъ продолжалъ на эту тэму, прибавивъ въ заключеніе:

— Бога ради, извините меня, можетъ быть я *скомпрометировалъ* васъ?...

Аксаковъ думалъ пробыть съ годъ за границей, но пробылъ въ Германіи, кажется, не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, страдая тоской по Москвѣ и порываясь къ родному очагу, безъ котораго жизнь была для него невозможна.

Европа не произвела на него пріятнаго впечатлѣнія; онъ возвратился въ Москву еще болѣе яростнымъ москвичемъ, чѣмъ былъ до своей поѣздки, и скоро сдѣлался ожесточеннымъ противникомъ Запада и однимъ изъ самыхъ фанатическихъ представителей славянофилизма.

Ходило множество забавныхъ разсказовъ изъ-за граничной жизни Аксакова. Я помню одинъ, справедливость котораго, смѣясь, подтверждалъ самъ онъ.

На углу одной изъ Берлинскихъ улицъ, Аксаковъ замѣтилъ дѣвочку лѣтъ 17-ти, продававшую что-то. Дѣвушка эта ему по-

нравилась. Она всякій день являлась на свое привычное мѣсто и онъ нѣсколько разъ въ день проходилъ мимо нея, не рѣшаясь однако заговорить съ нею...

Однажды (дней черезъ девять послѣ того, какъ онъ въ первый разъ замѣтилъ ее) онъ рѣшился завоворить съ нею...

Послѣ нѣсколькихъ несвязныхъ словъ, произнесенныхъ дрожащимъ голосомъ, онъ спросилъ ее, знаетъ ли она Шиллера, читала ли она его?

Дѣвушка очень удивилась этому вопросу.

— Нѣтъ, отвѣчала она, — я не знаю, о чемъ вы говорите; а неугодно ли вамъ что нибудь купить у меня?

Аксаковъ купилъ какую-то бездѣлушку и началъ толковать ей, что Шиллеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ германскихъ поэтовъ, и въ доказательство, съ жаромъ прочелъ ей нѣсколько стихотвореній.

Дѣвушка выслушала его болѣе съ изумленіемъ, чѣмъ съ сочувствіемъ.

Аксаковъ явился къ ней на другой день и принесъ ей въ подарокъ экземпляръ полныхъ сочиненій Шиллера.

— Вотъ вамъ, сказалъ онъ, — читайте его... Это принесетъ вамъ пользу. Вы увидите, что независимо отъ таланта, личность Шиллера самая чистая, самая идеальная, самая благородная...

— Благодарю васъ, произнесла дѣвушка, дѣлая книксенъ:— а позвольте спросить, сколько стоютъ эти книжки?...

— Четыре талера.

— Ахъ Боже мой, сколько!—наивно воскликнула дѣвушка. Благодарю васъ... Но ужь если вы такъ добры, такъ лучше бы вы мнѣ, вмѣсто книжекъ, деньгами дали...

Аксаковъ поблѣднѣлъ, убѣжалъ отъ нея съ ужасомъ и съ тѣхъ поръ избѣгалъ даже проходить мимо того угла, гдѣ она вела свою торговлю. . . . .

. . . .

. . . .

Ненависть къ Петербургу, какъ читатель уже видѣлъ, питали не одни московскіе славянофилы, а и москвичи-западники, какъ напримѣръ К—шъ и К—ръ.

Надобно было посмотрѣть на бѣднаго К—ра, когда онъ вздумалъ было переселиться въ Петербургъ, по совѣту своего брата, на службу въ медицинскій департаментъ! К—ру была необходима жизнь на распашку, въ какомъ нибудь маленькомъ

деревянномъ флигелькѣ съ садикомъ, или по крайней мѣрѣ съ полисадникомъ, въ которомъ бы онъ могъ копаться запросто въ халатѣ: садить огурцы и подсолнечники; вести небольшое хозяйство, имѣть небольшіе запасы, — для этого требовались различные чуланчики, небольшой отдѣльный погребокъ и тому подобное...

Въ Москвѣ онъ легко пользовался всѣми этими удобствами: сохранялъ кислую капусту до осени и угощалъ середи лѣта друзей своихъ жирными селянками; по утрамъ онъ безпрестанно переходилъ отъ своихъ грядъ съ огурцами къ переводу Шекспира, и отъ Шекспира снова къ огурцамъ; послѣ ранняго обѣда отправлялся куда нибудь за городъ къ пріятелямъ и собиралъ дорогой еще иногда грибы, проходя черезъ какой нибудь лѣсокъ, а вечеромъ кричалъ и хохоталъ на вольномъ воздухѣ, разливая шампанское... Послѣ такой привольной, размашистой жизни онъ вдругъ очутился въ тѣсной квартирѣ огромнаго петербургскаго дома, по крайней мѣрѣ съ 4000 обитателей, на самомъ верху: грязная лѣстница, ни одного чуланчика, ни одной травки на вымощенномъ дворѣ,—все какъ-то узко, тѣсно... и пріятели—люди небогатые и разсчетливые, у которыхъ шампанское не появляется всякій день!... Ни голосу, ни движеніямъ, ни привычкамъ нѣтъ никакого простора.

К—ръ изнемогалъ въ такой жизни, стоналъ по Москвѣ и гремѣлъ проклятіями противъ Петербурга...

По его словамъ, въ Петербургѣ ничего даже нельзя было достать порядочнаго: и говядина хуже московской, и вино скверное, подмѣшанное, и шампанское поддѣльное, и сигары никуда негодныя.

Бѣлинскій, который напротивъ, симпатизировалъ съ петербургской жизнью, часто подсмѣивался надъ К—ромъ и любилъ представлять московскую жизнь въ каррикатурѣ. К—ръ выходилъ изъ себя, защищая Москву, и поднималъ такой крикъ, что Бѣлинскій затыкалъ обыкновенно уши и умолялъ К—ра замолчать.

— Вѣдь тебя не перекричишь, Богъ съ тобой, я совсѣмъ согласенъ... говорилъ Бѣлинскій, улыбаясь.

К—ръ никакъ не могъ примириться съ петербургской жизнію; тоска по Москвѣ увеличивалась въ немъ съ каждымъ днемъ... и при первой возможности онъ переселился въ Москву. Еще до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаетъ онъ о своей петер-

бургской жизни, и нешутя увѣряетъ всѣхъ, что въ Петербургѣ ни за какія деньги не достанешь ни говядины порядочной, ни настоящихъ гаванскихъ сигаръ, ни настоящаго шампанскаго....

ГЛАВА VII.

НАШЪ ПЕТЕРБУРГСКІЙ КРУЖОКЪ. — СУББОТЫ У МЕНЯ.—УВЛЕЧЕНІЕ БѢЛИНСКАГО ЛЕРУ И ЖОРЖЪ-САНДОМЪ. — Revue Indépendante. — НЕЛОВКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ Г. КРАЕВСКАГО, ВСЛѢДСТВІЕ НОВАГО НАПРАВЛЕНІЯ БѢЛИНСКАГО.—ЖЕНИТЬБА БѢЛИНСКАГО. — КР—ОВЪ. — УДАРЪ ПАРАЛИЧА. — НЕКРАСОВЪ. — ЗНАКОМСТВО СЪ НИМЪ И СЪ ГРИГОРОВИЧЕМЪ. — ПОЯВЛЕНІЕ ТУРГЕНЕВА. — ДВА СЛОВА ОБЪ ЭКСПЛУАТАТОРАХЪ И ОБЪ ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХЪ.

После отъѣзда Ба—на и К—ва, Бѣлинскій, найдя неудобнымъ жить вдалекѣ отъ редакціи, переѣхалъ съ Петербургской стороны къ Аничкину мосту въ домъ Лопатина, куда я также переселился и гдѣ нанялъ себѣ квартиру г. Краевскій, послѣ смерти жены своей.

Около Бѣлинскаго въ Петербургѣ составлялся мало по малу небольшой кружокъ изъ людей, высоко цѣнившихъ его какъ писателя и глубоко уважавшихъ его какъ человѣка. Къ этому кружку принадлежали, между прочими: П. В. Анненковъ, Кавелинъ (переѣхавшій въ Петербургъ), А. А. Комаровъ, М. А. Языковъ, И. И. Масловъ, Н. Н. Т—въ и другіе; вскорѣ къ нимъ присоединились Некрасовъ и Тургеневъ, и позже Ѳ. М. Достоевскій и Гончаровъ... Изъ Москвы часто пріѣзжали: В. П. Б—нъ, N и О*. Пріѣзды эти были праздникомъ для Бѣлинскаго и для всѣхъ насъ.—N съ каждымъ пріѣздомъ своимъ все тѣснѣе сближался съ Бѣлинскимъ...

Бѣлинскій, съ свойственною ему энергіею, началъ дѣйствовать въ новомъ направленіи. Но прошедшее все еще давило его, какъ кошемаръ.

— Жизнь моя не должна быть долга, говорилъ онъ мнѣ:— во мнѣ зародышъ чахотки, — я это очень хорошо знаю; но я охотно отдалъ бы нѣсколько лѣтъ жизни, если бы могъ искупить этимъ вполнѣ мое безуміе, до тла истребить воспоминаніе объ этой эпохѣ и уничтожить всѣ нелѣпыя статьи мои, относящіяся къ ней.

Въ то самое время, когда въ Бѣлинскомъ совершался внутренній переворотъ, подъ вліяніемъ N*,—въ Парижѣ появился подъ редакціею Леру, Жоржа-Санда и Віардо, Revue Indépendante. Я

принялся читать его съ жадностію, и увлеченный статьями Леру, переводилъ ихъ отрывками Бѣлинскому. Передъ этимъ Бѣлинскій прочелъ всѣ романы Санда, которые были переведены (я перевелъ нарочно для него конецъ «Спиридіона») и прежнее негодованіе его къ Ж. Сандъ, такъ рѣзко выразившееся въ статьѣ о Менцелѣ, замѣнилось въ немъ пламеннѣйшимъ энтузіазмомъ къ ней. Всѣ прежніе его литературные авторитеты и кумиры — Гёте, В. Скоттъ, Шиллеръ, Гофманъ — поблѣднѣли передъ нею... Онъ только и говорилъ о Жоржъ-Сандъ и Леру. Увлеченіе его было такъ сильно, что онъ рѣшился учиться по французски, чтобы читать ихъ въ подлинникѣ. Къ гегеліанизму вообще онъ охладѣвалъ немного: о гегеліанцахъ правой стороны онъ отзывался съ негодованіемъ и желчью, но обнаруживалъ большое сочувствіе къ гегеліанцамъ лѣвой стороны.

Покуда Бѣлинскій освоивался понемногу и не безъ труда съ французскимъ языкомъ (къ изученію языковъ онъ вообще не обнаруживалъ способностей), я началъ составлять для него описаніе одной исторической эпохи, чрезвычайно интересовавшей всѣхъ насъ.

Бѣлинскій и многіе наши пріятели, незнавшіе французскаго языка или мало знакомые съ подробностями этой эпохи, сходились у меня каждую субботу и я прочитывалъ имъ то, что успѣвалъ составить и перевести въ теченіе недѣли.

Для Бѣлинскаго открывался новый міръ, который до сихъ поръ представлялся ему смутно, по разсказамъ... Онъ слѣдилъ за чтеніемъ съ лихорадочнымъ любопытствомъ; потрясенный до глубины, онъ прерывалъ чтеніе восторженными восклицаніями, безпрестанно вскакивалъ со стула въ волненіи и повторялъ нѣсколько разъ:

— Да! всему виною мое проклятое невѣжество. Если бы я зналъ все это прежде, я не написалъ бы этихъ безобразныхъ статей, которыя составляютъ несчастіе моей жизни, лежатъ на мнѣ неизгладимымъ пятномъ!...

Ко мнѣ въ эту зиму (1841) Бѣлинскій обнаруживалъ большую симпатію, чѣмъ когда нибудь, и въ увлеченіи своемъ приписывалъ мнѣ такія способности и достоинства, которыхъ я никогда не ощущалъ въ себѣ...

Я считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, видя, что способствовалъ моимъ переводомъ просвѣтлѣнію мыслей Бѣлинскаго и расширенію его кругозора. Я гордился тѣмъ, что воз-

буждалъ его благородный энтузіазмъ, доставлялъ ему минуты высокаго наслажденія и пробуждалъ въ немъ и въ другихъ слушателяхъ гражданское чувство...

Всѣ мои слушатели ждали субботы, какъ праздника, и слѣдили за моимъ чтеніемъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Чтеніе оканчивалось обыкновенно жаркими спорами... Надобно было видѣть въ эти минуты Бѣлинскаго!... . . . . .

. . . .

Масловъ, каждую субботу послѣ чтенія, давалъ намъ клятвы, что онъ выучится французскому языку.

Бѣлинскій укорялъ его въ лѣности и распущенности.

— Если бы у меня было столько свободнаго времени, какъ у васъ, говорилъ онъ:—я, при всей моей тупости къ языкамъ,— давно бы ужь выучился по французски. Какъ вамъ не стыдно!.. Я замученъ работой, да и тутъ нахожу время заниматься... и начинаю понемногу смекать по французски... Черезъ полгода, я даю вамъ слово, я буду читать свободно и понимать все безъ труда; а вы...

И тутъ, постепенно одушевляясь, Бѣлинскій разражался противъ русскаго человѣка вообще, противъ его апатіи, равнодушія ко всему, безпечности, противъ отсутствія въ немъ всякой любознательности, и такъ далѣе.

— Русскому человѣку еще нужна палка Петра Великаго, говорилъ онъ, — нашего брата, славянина, не скоро пробудишь къ сознанію. Извѣстное дѣло — покуда громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится....

Внутренняя ломка, начавшаяся въ Бѣлинскомъ послѣ его сближенія съ N (нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что она произошла бы и безъ вліянія N. — N только ускорилъ ее), страданія Бѣлинскаго, его борьба съ самимъ собою, предшествовавшая радикальному перевороту въ его воззрѣніи, была, конечно, видима только его близкимъ.

Г. Краевскій ничего не подозрѣвалъ. Онъ еще повторялъ фразы Бѣлинскаго изъ его статей о «Бородинской годовщинѣ» и «Менцелѣ», когда уже въ «Отечественныхъ Запискахъ» начали появляться рецензіи въ совершенно противоположномъ направленіи. Когда онъ замѣтилъ перемѣну направленія въ своемъ журналѣ, это сначала крайне удивило его. Дѣлать, впрочемъ, было нечего. Въ области мысли онъ не былъ такъ силенъ, какъ въ области денежныхъ разсчетовъ, и долженъ былъ покориться без-

условно Бѣлинскому; ему такъ же легко было промѣнять свой прежній образъ мыслей на новый, какъ выпить стаканъ воды.... Къ тому же новое направленіе, можетъ быть, еще обѣщало усиленіе подписки.

Въ началѣ и половинѣ сороковыхъ годовъ мало обращали вниманіе на русскую литературу. Статьи Бѣлинскаго о «Бородинской годовщинѣ» прошли совершенно незамѣченными.... Исключительною областью литературы, по тогдашнему мнѣнію, была природа и любовь, невыходящая, разумѣется, изъ законныхъ формъ; мораль заключалась въ строгомъ наказаніи порока и въ награжденіи добродѣтели. Къ этому дозволялось литературѣ воспѣвать славу русскаго оружія и подвиги полководцевъ.... Всѣ литераторы, хоть на одну черту выходившіе изъ этой программы, считались въ петербургскомъ обществѣ людьми неблагонамѣренными.... Надеждинъ, чтобы загладить свои телескопскія прегрѣшенія, долженъ былъ сдѣлаться усерднымъ чиновникомъ, возвратившись изъ Усть-Сысольска; Полевой искуплялъ свой «Телеграфъ»—«Парашами-Сибирячками» и усиливался поддѣлываться подъ тонъ Булгарина, считавшагося между журналистами и литераторами *образцомъ благонамѣренности*. . . . .

. . . .

Всѣ мы болѣе или менѣе порывались къ лучшему будущему, усматривали яснѣе нашъ идеалъ....

На эту тэму разыгрывались тогда всѣ разговоры людей, считавшихъ себя передовыми и современными; имъ, разумѣется, подражали остальные, терщіеся около нихъ.

Мой наставникъ Василій Иванычъ Кр—въ, съ которымъ я познакомилъ читателя въ первой части моихъ «Воспоминаній», наслушавшись Бѣлинскаго и другихъ моихъ пріятелей и начитавшись Revue Indépendante, которое онъ бралъ у меня, началъ также стремиться къ идеалу и жаловаться на то, что человѣку мыслящему нельзя жить въ *этомъ растлѣнномъ и разлагающемся обществѣ*, какъ онъ выражался. Несмотря на это, онъ продолжалъ кушать, какъ всегда, съ большимъ аппетитомъ; съ прежнею любовію глядѣлъ на сочный кусокъ ростбифа и съ прежнею пріятностію, покракивая, выпивалъ за обѣдомъ до капли бутылку добраго *шери* (какъ онъ называлъ хересъ).

Когда онъ увидѣлъ у меня въ первый разъ Бѣлинскаго, Бѣлинскій чувствовалъ себя нездоровымъ, посматривалъ мрачно и и говорилъ мало.... Кр—въ затрогивалъ разные вопросы, на

которые Бѣлинскій отвѣчалъ лаконически и сухо. Желая блеснуть передъ Бѣлинскимъ своею ученостію, онъ цитировалъ Горація, замѣчая, что онъ всего его знаетъ наизусть, разсуждалъ о романтизмѣ, произнося русское *нашъ*, какъ и французскій, и не возбудилъ ничего въ Бѣлинскомъ, кромѣ улыбки....

— Ну, батюшка, сказалъ онъ мнѣ: — кажется, нѣтъ ничего особеннаго въ вашемъ хваленомъ Бѣлинскомъ!...

Но когда онъ увидѣлъ Бѣлинскаго въ одушевленіи и услышалъ его въ спорѣ, — онъ сжалъ значительно нижнюю губу и произнесъ:

— О да, да! — Въ немъ видна эта, эта — эта сила, эта мощь.... Голова, умная голова!

Съ тѣхъ поръ онъ питалъ къ Бѣлинскому уваженіе, смѣшанное съ страхомъ, разумѣется, скрывая это и хорохорясь передъ нимъ, но не любилъ его, потому что Бѣлинскій никогда не обращался къ нему серьёзно....

Кр—въ заходилъ ко мнѣ по прежнему довольно часто.... Я началъ замѣчать съ нѣкотораго времени, что онъ какъ будто не въ своей тарелкѣ, ѣстъ меньше, сидитъ повѣся голову, тяжело вздыхаетъ. Сначала я приписывалъ это уменьшенію его средствъ и спросилъ: какъ идутъ его уроки?... На уроки онъ не жаловался; напротивъ, у него прибавились новые ученики; да и когда бывало онъ нуждался въ деньгахъ, онъ бралъ у меня на опредѣленный срокъ нѣсколько рублей и возвращалъ ихъ мнѣ день въ день, минута въ минуту. Онъ былъ необыкновенно честенъ въ этомъ отношеніи. Разъ, какъ-то я взглянулъ на него попристальнѣе. Меня поразили пурпуровый цвѣтъ его мясистыхъ щокъ и краснота глазъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ совершенно трезвомъ состояніи.

— Да что съ вами, В. И., вы не очень здоровы? спросилъ я его: — вы какъ-то грустны въ послѣднее время и у васъ цвѣтъ лица такой странный?...

Кр—въ печально, безнадежно махнулъ рукой.

— Физически я здоровъ.... у меня желѣзная натура, но морально я точно разстроенъ.... Вѣрите ли, что вотъ ужь больше двухъ недѣль меня гнететъ, эдакая, эдакая.... непроходимая тоска.... Мѣста нигдѣ не нахожу!

— Да отчего же?

— Смѣшной вопросъ! возразилъ Кр—въ.... Я чувствую, что не могу дышать въ этой душной атмосферѣ....

И Кр—въ пыхтѣлъ и отдувался....

Черезъ день послѣ этого, возвращаясь съ урока, онъ зашелъ на Сѣнную, купилъ добрую часть телятины, взялъ кулекъ и хотѣлъ отправиться домой.... Вдругъ почувствовалъ, что правая его рука, державшая кулекъ, слабѣетъ и правая нога не повинуется.... Онъ успѣлъ только вскрикнуть въ испугѣ:

— Извощикъ!

И упалъ безъ чувствъ на мостовую.

Его привезли домой за-мертво.

К—въ двѣ недѣли передъ этимъ страдалъ сильнымъ приливомъ въ головѣ. Не будь онъ знакомъ съ нами, онъ, вѣроятно, не приписалъ бы своей тоски такой отвлеченной причинѣ; а догадавшись о настоящей, просто пустилъ бы себѣ кровь, предупредилъ бы ударъ и преспокойно продолжалъ бы наслаждаться жизнью за кускомъ сочнаго бифстекса, орошаемаго *шери*....

Вотъ до какихъ гибельныхъ послѣдствій доводитъ иногда сближеніе съ такъ называемыми современными людьми!

Кр—въ впрочемъ имѣлъ желѣзную натуру. Черезъ два мѣсяца, онъ оправился и прожилъ послѣ этого лѣтъ десять, правда, ковыляя и съ покривившимся ртомъ, но продолжая за обѣдами своихъ старыхъ знакомыхъ по прежнему, и даже болѣе прежняго, наслаждаться жирными телятинами, сочными росбифами и бифстексами, добрымъ, золотистымъ *шери* и т. д., и повторяя заученую фразу:

Въ этомъ растлѣнномъ обществѣ жить нѣтъ возможности человѣку мыслящему!...

— Въ началѣ 40-хъ годовъ, къ числу сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» присоединился Некрасовъ; нѣкоторыя его рецензіи обратили на него вниманіе Бѣлинскаго, и онъ познакомился съ нимъ. До этого Некрасовъ имѣлъ прямыя сношенія съ г. Краевскимъ. Я въ первый разъ встрѣтилъ Некрасова въ половинѣ 30-хъ годовъ у одного моего пріятеля. Некрасову было тогда лѣтъ 17, онъ только-что издалъ небольшую книжечку своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Мечты и Звуки», которую онъ впослѣдствіи скупалъ и истреблялъ. Мы возобновили знакомство съ нимъ черезъ семь лѣтъ.....

Съ этихъ поръ мы видѣлись чаще и чаще. Онъ съ каждымъ днемъ болѣе сходился съ Бѣлинскимъ, разсказывалъ свои горькія литературныя похожденія, свои разсчеты съ редакторами

различныхъ журналовъ, и принесъ однажды Бѣлинскому свое стихотвореніе «На дорогѣ».

Некрасовъ произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала очень пріятное впечатлѣніе. Онъ полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый, практическій взглядъ, не по лѣтамъ, который вынесъ онъ изъ своей труженической жизни—и которому Бѣлинскій всегда мучительно завидовалъ.

Некрасовъ пускался передъ этимъ въ изданіе разныхъ мелкихъ литературныхъ сборниковъ, которые постоянно приносили ему небольшой барышъ... Но у него уже развивались въ головѣ болѣе обширныя литературныя предпріятія, которыя онъ сообщалъ Бѣлинскому.

Слушая его, Бѣлинскій дивился его сообразительности и смѣтливости и восклицалъ обыкновенно:

— Некрасовъ пойдетъ далеко... Это не то, что мы... Онъ наживетъ себѣ капиталецъ!

Ни въ одномъ изъ своихъ пріятелей Бѣлинскій не находилъ ни малѣйшаго практическаго элемента и, преувеличивая его въ Некрасовѣ, онъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ.

Литературная дѣятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особеннаго. Бѣлинскій полагалъ, что Некрасовъ навсегда останется не болѣе, какъ полезнымъ журнальнымъ сотрудникомъ, но когда онъ прочелъ ему свое стихотвореніе «На дорогѣ», Бѣлинскій былъ пораженъ имъ и сказалъ мнѣ однажды:

— А каковъ Некрасовъ-то!... Вѣдь онъ начинаетъ обнаруживать глубокій поэтическій талантъ. Сколько скорби и желчи въ его стихѣ!...

Его стихотвореніе «Родина» привело Бѣлинскаго въ совершенный восторгъ. Онъ выучилъ его наизусть и послалъ его въ Москву къ своимъ пріятелямъ... У Бѣлинскаго были эпохи, какъ я уже говорилъ, когда онъ особенно увлекался которымъ нибудь изъ своихъ друзей... Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ объ немъ.....

Некрасовъ сдѣлался постояннымъ членомъ нашего кружка...

..... Черезъ Некрасова я познакомился съ Григоровичемъ. Григоровичъ былъ сотрудникомъ мелкихъ изданій Некрасова, и

для одного изъ такихъ изданій, онъ сочинилъ плохой разсказъ, подъ названіемъ: «Штука полотна».

Однажды я встрѣтилъ Некрасова на Невскомъ проспектѣ. Онъ шелъ съ какимъ-то стройнымъ и высокимъ молодымъ человѣкомъ, очень пріятной наружности. Я присоединился къ нимъ.

Какимъ-то образомъ у насъ зашла рѣчь объ изданіи, въ которомъ была помѣщена знаменитая «Штука полотна»... Я подшучивалъ надъ этимъ изданіемъ. Некрасовъ смѣялся вмѣстѣ со мною и прибавлялъ свои шутки.

— Но ужь нелѣпѣе всего въ этой книжкѣ, замѣтилъ я, — это «Штука полотна»...

— Рекомендую вамъ автора этой «Штуки», — сказалъ Некрасовъ, указывая на молодаго человѣка пріятной наружности. —Это г. Григоровичъ...

Я еще не успѣлъ смутиться, какъ Григоровичъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ, улыбаясь:

— Бога ради не конфузьтесь... Я самъ объ этой «Штукѣ» совершенно такого же мнѣнія, какъ вы... Ужь нелѣпѣе и пошлѣе, конечно, быть ничего не можетъ... Очень радъ съ вами познакомиться.

Около этого же времени, можетъ быть нѣсколько ранѣе, я сошелся съ И. С. Тургеневымъ.....

О Тургеневѣ я много слышалъ отъ Грановскаго и другихъ, познакомившихся съ нимъ за границей.....

.... Тургеневъ скоро сблизился съ Бѣлинскимъ и со всѣмъ нашимъ кружкомъ. Всѣ, начиная съ Бѣлинскаго, очень полюбили его...

.... «Отечеств. Записки» пріобрѣли въ Тургеневѣ замѣчательнаго сотрудника; кружокъ нашъ—блестящаго и образованнаго собесѣдника, хорошо знакомаго съ иностранными литературами, слегка посвященнаго въ тайны нѣмецкой философіи и мастерскаго разскащика, увлекавшагося иногда черезъ-край своей прихотливой и поэтической фантазіей...

. . . .
. . . .
. . . .

Бѣлинскій очень горячо любилъ всѣхъ своихъ петербургскихъ пріятелей; они благоговѣли передъ нимъ, смотрѣли на него, какъ на своего учителя, слушали его не переводя дыханіе, и принимали на вѣру каждую его строчку, каждое его слово.

Каждый изъ нихъ готовъ былъ за него въ огонь и въ воду, но изъ нихъ не было ни одного, который бы могъ вступать съ нимъ въ состязаніе относительно теоретическихъ вопросовъ, а для кипучей, дѣятельной натуры Бѣлинскаго обмѣнъ мыслей, споръ, состязаніе съ бойцомъ равной силы были потребностію... И потому Бѣлинскій часто скучалъ въ своемъ кружку, и чтобы сколько нибудь удовлетворить свою, потребностъ, за отсутствіемъ живаго слова, писалъ длинныя посланія къ своимъ московскимъ друзьямъ о разныхъ вопросахъ, тревожившихъ его... И когда, кто нибудь изъ нихъ, особенно N или Грановскій пріѣзжали въ Петербургъ, онъ, какъ говорится, отводилъ съ ними душу.—Появленіе Тургенева оживило его. Въ немъ онъ могъ найти до нѣкоторой степени удовлетвореніе своей потребности, и потому сильно привязался къ нему. Впрочемъ Бѣлинскій никогда ни на кого изъ своихъ петербургскихъ друзей не смотрѣлъ съ высоты своего авторитета,—и никому изъ нихъ не далъ ни разу почувствовать своего превосходства; напротивъ, онъ отыскивалъ въ каждомъ лучшія его стороны, даже преувеличивалъ ихъ.

Онъ высоко цѣнилъ въ Я* кротость его характера, мягкость сердца, безконечную преданность его друзьямъ и отсутствіе эгоизма, доходившее до пренебреженія собственныхъ выгодъ; въ А* онъ восхищался *разумнымъ* эгоизмомъ, умѣньемъ отыскивать себѣ наслажденіе и удовлетвореніе во всемъ—и въ природѣ, и въ искусствѣ, и даже во всѣхъ мелочахъ жизни... «Это одинъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ, людей, какихъ я встрѣчалъ», говорилъ про него Бѣлинскій, —«здоровая, цѣльная натура, неиспорченная этой поганой рефлексій, которая была развита въ нашемъ московскомъ кружкѣ, до болѣзненности». На К* онъ смотрѣлъ съ любовію, какъ на благороднаго, пылкаго, безъ мѣры увлекающагося и довѣрчиваго юношу, и замѣчалъ иногда съ улыбкою: «одно только бѣда, что вѣдь онъ до старости останется такимъ!»

К*, только что перселившійся тогда въ Петербургъ, поселился на одной квартирѣ съ Н. Н. Т—мъ и Кульчицкимъ.

Въ этой квартирѣ Бѣлинскій до своей женитьбы обыкновенно отдыхалъ отъ своихъ занятій. Двѣ недѣли въ мѣсяцъ онъ почти не выпускалъ пера изъ рукъ и не отходилъ отъ своего стола; другія двѣ недѣли отдавался развлеченію. Развлеченіе это большею частію состояло въ преферансѣ, по 3 к., до котораго Бѣлинскій былъ страстный охотникъ... Чаще всего мы

собирались вечеромъ на преферансъ въ квартирѣ трехъ пріятелей. Кульчицкій, очень добрый малый (умершій за два года до смерти Бѣлинскаго, въ чахоткѣ), извѣстенъ былъ кое-какими журнальными статейками и шуточнымъ трактатомъ о преферансѣ. Онъ былъ искренно привязанъ къ Бѣлинскому и всѣми силами старался угождать ему. Онъ приготовлялъ обыкновенно карточный столъ за полчаса до нашего прихода, самъ тщательно вычищалъ зеленое сукно, такъ что на немъ не было ни пылинки, клалъ на него четыре превосходно завостренныхъ мѣлка и колоду картъ.

Когда мы съ Бѣлинскимъ входили, Кульчицкій торжественно обращался къ Бѣлинскому, подводилъ его къ столу и восклицалъ:

— Какъ вы находите это зеленое поле?... Не правда ли это радуетъ сердце?

Бѣлинскій пріятно улыбался — и мы, по требованію его, не медля приступали къ дѣлу.....

.... Бѣлинскій привязывалъ къ себѣ не только людей мыслящихъ, вполнѣ понимавшихъ его и разумно ему сочувствовавшихъ, но и людей самыхъ не хитрыхъ, не имѣвшихъ никакого понятія объ отвлеченныхъ предметахъ. — Незадолго до этого, къ нему привязался нѣкто князь К—ій, человѣкъ очень слабый духомъ, но геркулесъ по физической силѣ: онъ ломалъ кочерги, свертывалъ въ трубку цѣлковые и тому подобное... Князь К—ій ухаживалъ за Бѣлинскимъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, какъ нянька за ребенкомъ, и всякій день на столѣ Бѣлинскаго появлялись какіе-нибудь сюрпризы: то окорокъ ветчины, то какая нибудь необыкновенная колбаса, то бутылка бургонскаго.

Князь К—ій отправился потомъ въ Крымъ, вмѣстѣ съ княземъ А. Н. Голицынымъ, который и умеръ на его рукахъ. Голицынъ завѣщалъ ему кое-какія вещи—и К—ій, возвратившись въ Петербургъ, всѣ ихъ раздарилъ Бѣлинскому и его друзьямъ. . . . .

Послѣ женитьбы своей, Бѣлинскій рѣдко выходилъ изъ дому; его болѣзнь, развиваясь постепенно, стала сильно тревожить его; онъ сознавалъ вполнѣ безнадежность своего положенія, какъ это видно изъ письма его, которое читатель найдетъ далѣе; отношенія его къ г. Краевскому съ каждымъ днемъ становились тяжелѣе... Г. Краевскій сдѣлалъ какую-то ничтожную прибавку

къ его платѣ послѣ его женитьбы, все еще ссылаясь на свое стѣсненное положеніе и на долги.....

— Боже мой, если бы я могъ освободиться отъ этого человѣка, говорилъ намъ Бѣлинскій:—я былъ бы, мнѣ кажется, счастливѣйшимъ смертнымъ. Ходить мнѣ къ нему, любезничать, улыбаться, въ ту минуту, когда дрожишь отъ злобы и негодованія, — это подлое лицемѣріе невыносимо для меня. А между тѣмъ, что мнѣ дѣлать?.. гдѣ выходъ изъ этого положенія?... Если бы только вы могли вообразить, съ какимъ ощущеніемъ я всякій разъ иду къ нему за своими собственными, трудовыми, въ потѣ лица выработанными деньгами!

Съ г. Краевскимъ Бѣлинскій и всѣ мы видѣлись рѣдко. Г. Краевскій усиливалъ себя быть съ нами любезнымъ, но внутренно, вѣроятно, мало питалъ къ намъ расположенія и долженъ былъ чувствовать неловкость въ нашемъ присутствіи..... Еще лучше всѣхъ изъ насъ онъ былъ съ Бо—нымъ..... Краевскій всѣхъ насъ въ душѣ своей считалъ *мальчишками*, по крайней мѣрѣ это презрительное слово, говорятъ, вырывалось у него въ минуты гнѣва противъ насъ....

И мы были дѣйствительно мальчишками, и *первымъ мальчишкой* изъ насъ былъ Бѣлинскій. Не сознавая того, что г. Краевскій при пособіи своихъ друзей *—ва и М—а (да къ тому же Межевичъ перебѣжалъ отъ него въ это время, тайкомъ, къ Булгарину), не могъ бы продержаться болѣе двухъ лѣтъ съ своимъ журналомъ,— Бѣлинскій и всѣ мы съ чего-то воображали, наоборотъ, что мы зависимъ отъ г. Краевскаго, что намъ нѣтъ безъ него спасенія и наперерывъ другъ передъ другомъ, за ничтожную плату, а нѣкоторые совсѣмъ безкорыстно, употребляли всѣ Богомъ данныя имъ способности — для обогащенія г. Краевскаго. Лишенные всякаго практическаго смысла, не находя въ себѣ самихъ достаточной самостоятельности, мы создали себѣ кумиръ, украшали его своими приношеніями и жертвами, кланялись ему, дорожили его вниманіемъ, даже робѣли передъ нимъ (впослѣдствіи я приведу довольно забавные факты робости нѣкоторыхъ изъ насъ передъ г. Краевскимъ), и если осмѣливались роптать на него, то изподтишка.

Какъ же винить кумира за то, что онъ умѣлъ ловко пользоваться положеніемъ, въ которое его поставили неопытные въ дѣлахъ житейскихъ юноши?

Всѣ кумиры — и гораздо позначительнѣе, обыкновенно поступаютъ такъ...

Если бы Бѣлинскій и всѣ друзья его, выносившіе «Отеч. Записки» на своихъ плечахъ, въ одинъ прекрасный день, вдругъ одушевились энергіей, въ полномъ сознаніи своихъ силъ пришли къ г. Краевскому, какъ власть имѣющіе, и сказали бы ему:

«Милостивый государь! До сихъ поръ мы, по нашей молодости и неопытности, подчинялись вашей силѣ, которую мы сами же развили въ васъ нашимъ добровольнымъ подчиненіемъ вамъ и отреченіемъ отъ собственной воли. — Теперь мы сознали, что вы собственно ничего, что вы не имѣете самостоятельной духовной силы, а держитесь на поприщѣ журналистики только Бѣлинскимъ и его кружкомъ. Силу, вамъ данную имъ, вы употребляли до сихъ поръ исключительно только для своей личной выгоды... Мы чувствуемъ теперь, что можемъ обойтить и безъ васъ... Вотъ вамъ ваши «От. Зап.», — управляйтесь съ ними, какъ хотите....»

Что бы отвѣчалъ г. Краевскій на такую геройскую, неожиданную выходку?

Онъ, какъ всякій человѣкъ въ крайнемъ положеніи, вѣроятно, струхнулъ бы, сталъ бы увѣрять, что никогда никого не думалъ притѣснять, что онъ всегда считалъ Бѣлинскаго своимъ спасителемъ, предлагалъ бы ему различныя уступки и, въ случаѣ упорства Бѣлинскаго, вѣроятно принялъ бы его въ половинную долю, какъ это онъ сдѣлалъ въ наши дни съ г. Дудышкинымъ.

Бѣлинскій, конечно, растрогался бы этимъ и согласился, не разсчитавъ того, что вся матеріальная часть журнала осталась бы все-таки на рукахъ г. Краевскаго — и онъ могъ, какъ человѣкъ ловкій и практическій, выводить Бѣлинскому къ концу года какіе угодно счеты. Все-таки положеніе Бѣлинскаго при этомъ значительно улучшилось бы.

Но ни Бѣлинскому и никому изъ насъ не приходила такая дерзость въ голову, да если бы и пришла кому нибудь, то не могла бы осуществиться, потому что вообще въ насъ, русскихъ людяхъ, не только не было тогда, но и до сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшаго единодушія, никакого esprit de corps, потому что мы до сихъ поръ только герои на словахъ, а трусы на дѣлѣ, потому что намъ, въ нашей апатіи, легче подчиниться кому-то ни было и

сносить по рутинѣ эту подчиненность, чѣмъ вооружиться на минуту энергіей для пріобрѣтенія себѣ на цѣлую жизнь независимости и самостоятельности.

Если бы Бѣлинскому и пришла мысль открыто возстать противъ г. Краевскаго,—то онъ навѣрно бы встрѣтилъ противорѣчіе въ своихъ друзьяхъ и не успѣлъ бы согласить ихъ на свой подвигъ....

Вотъ отчего разнаго рода практики торжествуютъ въ семъ мірѣ и преспокойно загребаютъ жаръ чужими руками, еще прикидываясь подъ-часъ либералами и толкуя о гуманизмѣ!

ГЛАВА VIII.

БѢЛИНСКІЙ ВНѢ СВОЕГО КРУЖКА.—ВОЕННЫЙ ИСТОРІОГРАФЪ.—ОБѢДЪ У БАШУЦКАГО И ЧТЕНІЕ ЕГО.—ОБѢДЫ И ВЕЧЕРА А. С. К—ВА.—ЛАЖЕЧНИКОВЪ И ЕГО НЕУДАЧНОЕ ИСКАНІЕ МѢСТА ДИРЕКТОРА МОСКОВСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.—СМЕРТЬ ВОЕЙКОВА И ПОЛЕВАГО.—ОТНОШЕНІЯ ТОГДАШНИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ КЪ «ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ».—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГУБЕРѢ.

Бѣлинскій рѣдко и неохотно выходилъ изъ своего кружка, и то *по усильнымъ* просьбамъ приглашавшихъ его. Онъ изрѣдка бывалъ у Одоевскаго, на вечерахъ у М—аго-Д-аго, у Б—аго, иногда у Струговщикова, да въ годъ разъ посѣщалъ обыкновенно Гребенку, когда тотъ пріѣзжалъ звать его на малороссійское сало и наливки. Здѣсь онъ встрѣчался съ литературными знаменитостями —съ Кукольникомъ и съ другими... Но онъ не желалъ сближиться съ ними. Кукольникъ смотрѣлъ на него искоса, съ любопытствомъ, съ высока своего уже шатавшагося величія и замѣчалъ: «тамъ у *нихъ* (подъ этимъ Кукольникъ разумѣлъ г. Краевскаго) говорятъ, появился *какой-то* Бѣлинскій; онъ поретъ имъ *объективную* дичь, приправленную *конкретностями*, а они думаютъ, что это высшая философія и слушаютъ его развѣся уши». Бѣлинскій съ своими старыми пріятелями: Надеждинымъ и Полевымъ не возобновлялъ сношеній въ Петербургѣ... На петербургскихъ литераторовъ вообще онъ мало обращалъ вниманія; онъ зналъ, что они не терпятъ его и боятся. Это впрочемъ было пріятно его самолюбію. — «Этого семинариста (хотя Бѣлинскій вовсе не былъ семинаристомъ) раздражать нельзя», говорилъ про Бѣлинскаго одинъ военный историкъ, — «съ нимъ надо вести себя тонко и, напротивъ, стараться смягчать его.»

Онъ искалъ случая познакомиться съ Бѣлинскимъ, и познакомившись, тотчасъ пригласилъ его къ себѣ на вечеръ.

Бѣлинскому было это тяжело, но онъ не имѣлъ духу отказаться.

Скрѣпя сердце, онъ отправился на приглашеніе историка и нехотя улыбаясь, обратился ко мнѣ:

— Шутите со мной! я нынче, батюшка, къ генераламъ на вечера ѣзжу.

Вотъ что передалъ мнѣ Бѣлинскій объ этомъ вечерѣ.

«— Я, разумѣется, входя уже на лѣстницу къ нему, почувствовалъ робость, хоть я очень хорошо сознавалъ, что робѣть передъ нимъ было бы смѣшно, и что передъ нимъ собственно я бы не сробѣлъ, да мнѣ пришло въ голову, что у него дочь, родственницы разныя — свѣтскія дамы... потомъ толпа лакеевъ въ передней, которые такъ всѣ и вытаращили на меня глаза... Я чувствовалъ, что я поблѣднѣлъ, когда лакей отворилъ передо мною дверь въ залу. Не успѣлъ я сдѣлать шага впередъ, какъ передъ самымъ носомъ моимъ очутился его превосходительство съ распростертыми объятіями...

«— Я, говоритъ, не знаю, какъ и благодарить васъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, за то, что вы удостоили меня посѣщеніемъ. Повѣрьте, что я глубоко цѣню ваше вниманіе ко мнѣ... И пошелъ, и пошелъ...

«Я сконфузился и пробормоталъ что-то. Онъ схватилъ меня за руку и потащилъ въ гостиную, гдѣ сидѣло нѣсколько незнакомыхъ мнѣ человѣкъ: оказалось, что это были какіе-то фельетонисты и критики... Между ними сидѣла его дочь, прехорошенькая, лѣтъ семнадцати.

«— Надя! Надя! кричалъ онъ ей:—предчувствуешь ли ты, кого я веду за собой?

«Надя вскочила со стула, подошла къ намъ и посмотрѣла на меня.

«У меня такъ и забилось сердце. Я весь вспыхнулъ, и чувствуя мучительную неловкость, поклонился ей.

«— Это моя дочь, рекомендую, говорилъ генералъ:—глубочайшая почитательница всѣхъ вашихъ сочиненій (я былъ убѣжденъ, что она первый разъ слышитъ мое имя и никогда не читала ни одной моей строчки,—отъ этого я пришелъ еще въ большее смущеніе)...

«— Вѣдь это Виссаріонъ Григорьичъ Бѣлинскій, продолжалъ

онъ, обращаясь къ дочери:—кланяйся ему да пониже, благодари его за честь, которую онъ намъ сдѣлалъ. Покажи ему, что мы умѣемъ цѣнить такихъ людей, какъ онъ. Виссаріонъ Григорьичъ нашъ *первый* современный *критикъ*.

«Надя, кажется, улыбалась мнѣ и кивала привѣтливо головкой,—хорошенько впрочемъ я не видѣлъ. Въ глазахъ у меня былъ туманъ, я совсѣмъ задыхался, кровь такъ и била мнѣ въ голову.

«Наконецъ я усѣлся на стулъ и только хотѣлъ было вздохнуть полегче, какъ хозяинъ дома закричалъ дочери:

«— Ну что жь ты... Подай Виссаріону Григорьичу трубку, сама набей ее и закури...

«— Нѣтъ... что это... помилуйте... не безпокойтесь, пробормоталъ я, вскакивая со стула и едва держась на ногахъ...

«Но Надя выпорхнула изъ комнаты, какъ птица, и черезъ минуту явилась передо мною съ чубукомъ и съ зажженой бумажкой...

«Я дрожащей рукой схватилъ чубукъ и началъ тянуть изо всѣхъ силъ, несмотря на то, что никогда не курю; но она держала зажженую бумажку надъ трубкой и отказаться отъ куренья я полагалъ невѣжливымъ.

«Я никогда не ужинаю,—ужинъ, вы знаете, вреденъ мнѣ; а тутъ я долженъ былъ ѣсть поневолѣ, потому что и самъ онъ и Надя накладывали мнѣ блюда. Вино для меня — ядъ, а я и вино принужденъ былъ пить, потому что онъ и Надя его протягивали ко мнѣ свои руки и чокались съ моимъ бокаломъ...

«И вино-то еще прескверное!..Фу!

Бѣлинскій оддувался.

«Я еще до сихъ поръ не могу прійти въ себя отъ этого вечера...» заключилъ онъ.

Когда Бѣлинскій ушелъ послѣ ужина (это разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи одинъ изъ присутствовавшихъ на этомъ вечерѣ) — хозяинъ дома, въ присутствіи дочери, обратился къ остальнымъ гостямъ своимъ, допивавшимъ вино, и произнесъ, вздыхая

— Вотъ, господа, каково мое положеніе. Я долженъ принимать къ себѣ, ласкать этого наглаго крикуна, этого семинариста, который ни стать, ни сѣсть не умѣетъ въ порядочномъ домѣ, изъ одного только, чтобъ онъ не обругалъ меня публично... Вѣдь, согласитесь, въ моемъ чинѣ...съ моимъ именемъ, съ моими связями быть обруганнымъ — это вѣдь невозможно перенести... Еслибы не это, я и на порогъ своего дома не пустилъ бы его...

Генералъ имѣлъ обыкновеніе отзываться такимъ образомъ о

каждомъ своемъ гостѣ, тотчасъ по уходѣ его. Бѣлинскій узналъ это впослѣдствіи и, разумѣется, уже болѣе никогда не появлялся къ нему, несмотря на всѣ мольбы и любезныя угрозы прислать за нимъ свою Надю.

Бѣлинскій не только между такими генералами, но вообще въ кругу людей мало знакомыхъ ему, которыхъ онъ изрѣдка встрѣчалъ у своихъ пріятелей, терялся, робѣлъ, чувствовалъ себя неловкимъ, скучалъ; но если разговоръ касался вопросовъ, задиравшихъ его за живое и кто нибудь изъ присутствовавшихъ дотрогивался неловко до его убѣжденій, Бѣлинскій вспыхивалъ, разгорячался, выходилъ изъ себя, и приводилъ въ ужасъ своими рѣзкими и крайними выходками тѣхъ, которые мало знали его...

Литературныхъ вечеровъ и чтеній онъ не терпѣлъ...

Однажды А. П. Башуцкій, съ которымъ Бѣлинскій познакомился у меня, напалъ на него съ убѣдительною просьбою, чтобъ онъ выслушалъ нѣсколько отрывковъ изъ его романа «Мѣщанинъ», увѣряя, что онъ болѣе всего дорожитъ его мнѣніемъ и вѣруетъ безусловно въ его эстетическій вкусъ. — Въ сущности едва ли это была правда. Башуцкій принадлежалъ къ литераторамъ старой школы, со всѣми съ ними находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ, не исключая и Булгарина, и не могъ питать расположенія къ воззрѣніямъ Бѣлинскаго; но ему надобно было смягчить неумолимаго критика, литературнаго *бульдога*, передъ выходомъ своего романа.

Башуцкій пригласилъ Бѣлинскаго, меня и Языкова обѣдать къ себѣ. Бѣлинскій долго и упорно отговаривался недосугомъ, нездоровьемъ; но любезность Башуцкаго и наши просьбы побѣдили его.

Передъ обѣдомъ я заѣхалъ за нимъ. Онъ одѣвался нехотя и ворчалъ на меня...

— А ну, какъ онъ вздумаетъ хватить весь романъ? спросилъ меня Бѣлинскій, когда мы остановились передъ дверью, чтобы позвонить: — меня морозъ подираетъ по кожѣ при этой мысли...

Я успокоивалъ его, что это невозможно.

Обѣдъ былъ прекрасный. Послѣ обѣда мы отправились въ кабинетъ хозяина; онъ помѣстилъ насъ на покойныхъ креслахъ, кресло Бѣлинскаго поставилъ противъ себя, досталъ огромную рукопись и послѣ нѣсколькихъ оговорокъ, началъ чтеніе въ

первой главы. Бѣлинскій взглянулъ на меня и на Языкова съ ужасомъ.

Чтенія самыхъ прекрасныхъ произведеній послѣ обѣда, когда совершается пищевареніе, особенно неудобны для авторовъ. Башуцкій не разсчелъ этого. Мы съ Языковымъ заснули на половинѣ первой главы... Когда я проснулся и взглянулъ на часы, было уже девять часовъ.

— Извините меня, Александръ Павловичъ, — перервалъ я автора, — я долженъ ѣхать, я далъ слово... Мнѣ очень жаль, что я лишаю себя удовольствія, и т. д.

Бѣлинскій злобно взглянулъ на меня.

Я уѣхалъ.

На другой день, зайдя къ Бѣлинскому, я засталъ его въ самомъ мрачномъ расположеніи.

— Вы поступили со мной самымъ постыднымъ образомъ, сказалъ онъ мнѣ.—Знаете ли, что я до четырехъ часовъ долженъ былъ высидѣть у Башуцкаго, не вставая съ мѣста. Онъ прочелъ мнѣ всю первую часть своего романа. Каково мнѣ было, вы можете себѣ представить!... Сегодня я боленъ, у меня грудь разболѣлась, въ головѣ чортъ-знаетъ что... Такъ не поступаютъ пріятели. Но ужь въ другой разъ такой шутки вамъ неудастся сыграть со мной... Я далъ себѣ клятву не подаваться впередъ на такія приглашенія и не слушать васъ ни въ чемъ...

Бѣлинскій однако не выдерживалъ своей клятвы. Одинъ изъ товарищей моихъ по пансіону А. С. К—въ, родственникъ того А. А. К—ва, который почти принадлежалъ къ нашему кружку, познакомившійся съ Бѣлинскимъ черезъ насъ, безпрестанно надоѣдалъ ему своими приглашеніями то на обѣдъ, то на вечеръ.

А. С. К—въ, считавшій своею спеціальностію естественныя науки, получалъ всевозможные иностранные журналы и книги литературныя, политическія и ученыя, выучивалъ наизусть либеральные стишки и декламировалъ ихъ на дебаркадерахъ желѣзныхъ дорогъ и на гуляньяхъ, бѣгалъ по знакомымъ съ политическими новостями, хвасталъ тѣмъ, что онъ все, что дѣлается въ Европѣ, узнаетъ первый, сообщалъ въ русскіе журналы разныя ученыя извѣстія, перевирая ихъ, приставалъ ко всѣмъ съ своимъ либерализмомъ, вмѣшивался некстати во всѣ разговоры политическіе, ученые и литературные, кормилъ плохими обѣдами и поилъ пресквернымъ виномъ, клянясь, что это самое дорогое вино. Въ головѣ этого господина была страшная

путаница; его пустота и легкомысліе превосходили всѣ границы.

Онъ увивался около Бѣлинскаго, ухаживалъ за нимъ, доставлялъ ему нужныя книги, для того только, чтобы онъ терпѣлъ его и снисходительно принималъ его приглашенія. Это доставляло ему возможность хвастать потомъ, что онъ другъ съ Бѣлинскимъ, и что Бѣлинскій безъ него обходиться не може ъ.

Онъ завелъ у себя обѣды по вторникамъ... Попробовавъ одинъ обѣдъ, Бѣлинскій объявилъ К—ву наотрѣзъ, что онъ никогда обѣдать у него не будетъ, потому что у него провизія не свѣжая и вино прекислое, что онъ человѣкъ больной и желудокъ его не можетъ переносить такой скверной пищи.

— Знаете ли, что у Языкова, — говорилъ онъ, — желудокъ переваривает все на свѣтѣ, а послѣ одного изъ вашихъ обѣдовъ онъ долженъ былъ приставлять себѣ піявки къ желудку.

К—въ всякій разъ клялся, что въ слѣдующій вторникъ у него будетъ тончайшій обѣдъ и самое дорогое вино отъ Рауля, и всякій разъ былъ уличаемъ въ хвастовствѣ.

Отъ обѣдовъ его Бѣлинскій рѣшительно отказался, но по вечерамъ онъ изрѣдка приходилъ къ нему, когда зналъ, что всѣ мы должны собраться у него, по его настоятельнымъ просьбамъ и мольбамъ, отъ которыхъ мы не умѣли отдѣлываться.

Въ одинъ изъ такихъ вторниковъ, часовъ въ 9 вечера, я зашелъ къ К—ву... Заспанный, старый и небритый лакей снялъ съ меня шубу...

— Да есть ли у васъ кто нибудь? спросилъ я лакея.

— Никого, кромѣ Бѣлинскаго.

Я вошелъ въ кабинетъ хозяина. Лампа ярко горѣла на столѣ, заваленномъ книгами и журналами. Бѣлинскій лежалъ на диванѣ, лицомъ къ спинкѣ и просматривалъ Revue Indépendante; хозяинъ дома сидѣлъ у окна и печально глядѣлъ въ него, хотя въ окно зги не было видно. Тишина была мертвая.

— Что это значитъ? спросилъ я.

К—въ завертѣлся и заболталъ что-то.

Бѣлинскій обернулся на мой голосъ...

— А! наконецъ-то! произнесъ онъ: — вы, господа, пренесносные люди: вѣчно собираетесь по аристократически въ десятомъ часу, а я имѣлъ глупость прійти сюда спозаранку... Вы удивляетесь, что застали насъ въ такомъ положеніи? Да помилуйте, онъ мнѣ такъ надоѣлъ (и Бѣлинскій указалъ на хозяина дома), что я ужь долженъ былъ просить его оставить меня въ

покоѣ. Только-что я вошелъ, онъ не далъ мнѣ еще опомниться, какъ безумный бросился на меня и началъ мнѣ читать что-то изъ Revue Indépendante. — Я и безъ васъ умѣю читать, сказалъ я ему, взялъ книгу и легъ на диванъ, а онъ подсѣлъ ко мнѣ и смотритъ мнѣ прямо въ глаза, чего я терпѣть не могу.—Ну, я и попросилъ его оставить меня въ покоѣ...

К—въ заюлилъ и завертѣлся около насъ и началъ болтать какой-то вздоръ; между тѣмъ собрались наши пріятели и вечеръ прошелъ очень живо. Бѣлинскій не позволялъ вмѣшиваться хозяину дома въ разговоры и ушелъ передъ ужиномъ, не внимая мольбамъ его остаться закусить чего нибудь.

— Прощайте, господа, сказалъ Бѣлинскій:—мнѣ очень жаль васъ, что вы добровольно хотите отравлять себя.

К—въ снова заюлилъ, и когда Бѣлинскій ушелъ, онъ произнесъ съ насильственнымъ смѣхомъ: «А Бѣлинскій большой чудакъ!»—и началъ наливать намъ въ стаканы какое-то темно-синее вино, увѣряя, что это лучшій лафитъ...

. . . .

.... По мѣрѣ того, какъ Бѣлинскій возбуждалъ къ себѣ все бо̀льшую любовь и уваженіе новаго поколѣнія литературнаго и нелитературнаго, старое литературное поколѣніе смотрѣло на него все съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ и безсильною злобою. Одинъ изъ всѣхъ старыхъ литературныхъ авторитетовъ—И. И. Лажечниковъ искренно дорожилъ его мнѣніемъ, и каждый пріѣздъ свой въ Петербургъ посѣщалъ его.

И. И. Лажечниковъ принадлежитъ къ тѣмъ живымъ, рѣдкимъ натурамъ, которыя никогда не старѣются духовно и потому чувствуютъ всегда большую наклонность къ молодымъ поколѣніямъ. За это ихъ не очень жалуютъ ихъ сверстники и вообще всѣ отсталые люди. Лажечниковъ едва ли не единственный изъ литераторовъ своего времени, за исключеніемъ О—го, искренно и безъ всякой задней мысли, съ сочувствіемъ всегда протягивавшій руку всѣмъ замѣчательнымъ дѣятелямъ послѣдующихъ литературныхъ поколѣній. Онъ располагаетъ къ себѣ съ перваго взгляда своею кротостью, мягкостью, благодушіемъ... Онъ настоящій поэтъ, увлекающійся, безпечный, исполненный фантазій, чуждый всякаго практическаго такта, не уживающійся съ дѣйствительностію и очень неловко входящій съ нею въ сдѣлки. Онъ занималъ довольно значительную административную должность; но служба никогда не везетъ такимъ людямъ, и Лажечни-

ковъ вышелъ въ отставку, разстроивъ свои дѣла и нажнвъ себѣ бездну непріятностей и хлопотъ. Для того, чтобы увеличить свой пенсіонъ, онъ принужденъ былъ въ послѣднее время принять на себя должность цензора. Дослужившись до пенсіона, онъ тотчасъ же оставилъ цензорство.... Благодушіе Лажечникова часто доходитъ до дѣтской довѣрчивости къ людямъ, до трогательной наивности.

Когда умеръ Загоскинъ, Лажечникова, который искалъ въ это время мѣста, одинъ изъ его знакомыхъ, человѣкъ очень почтенный, серьёзный, но съ нѣкоторымъ расположеніемъ къ юмору, увѣрилъ, что вакантное мѣсто директора московскихъ театровъ принадлежитъ ему по праву, что Загоскинъ былъ сдѣланъ директоромъ именно за то, что написалъ «Юрія Милославскаго» и «Рославлева».

— Да къ кому же мнѣ адресоваться? спросилъ его Лажечниковъ.

— Отправляйтесь прямо къ директору канцеляріи министра Двора.... Вы не знакомы съ нимъ лично, но это ничего: васъ знаетъ вся Россія, къ тому же директоръ былъ самъ литераторомъ, онъ любитъ литературу, и я увѣренъ, что онъ приметъ васъ отлично и все устроитъ вамъ съ радостію.... Ему только стòитъ сказать слово министру Двора...

Я слышалъ этотъ разсказъ изъ устъ самого Лажечникова.

«Я по наивности принялъ это серьёзно», говорилъ мнѣ Лажечниковъ: «и отправился къ директору.

«Меня ввели въ комнату, гдѣ уже было нѣсколько просителей, замѣтивъ, что надо обождать, что генералъ занятъ. Я ждалъ директора съ полчаса... Наконецъ его превосходительство входитъ; переговоривъ съ нѣсколькими просителями, онъ обратился наконецъ ко мнѣ:

«— Ваша фамилія? спросилъ онъ меня.

«— Лажечниковъ.

«— Вы авторъ «Ледянаго Дома»?

«— Точно такъ, ваше превосходительство.

«— Не угодно ли пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ?...

«Мы вошли туда...

«— Милости прошу, сказалъ директоръ: — не угодно ли вамъ сѣсть?

«И самъ сѣлъ къ своему столу.

«— Что вамъ угодно? спросилъ онъ.

«Сухой, вѣжливый тонъ свысока нѣсколько смутилъ меня.

«Кажется, я сдѣлалъ величайшую глупость», подумалъ я; однако ретироваться было уже поздно, и я не безъ смущенія объявилъ ему, что желалъ бы получить мѣсто Загоскина.

«Когда я произнесъ это, я видѣлъ, что лицо его превосходительства подернулось ироніей, пришелъ отъ этого еще въ бòльшее смущеніе, и если бы можно было, убѣжалъ бы отъ него безъ оглядки, не дождавшись никакого отвѣта...

«— Какъ... я не дослышалъ... что такое? Какое мѣсто? произнесъ директоръ, устремляя на меня рѣзкій взглядъ.

«Я, проклиная внутренно свою довѣрчивость, повторилъ глухо: «мѣсто директора московскихъ театровъ».

«Его превосходительство такъ улыбнулся, что я не знаю, чего бы я не далъ въ эту минуту, только бы не видать этой улыбки.

«— Какое же вы имѣете право претендовать на это мѣсто?

«Я не совсѣмъ связно отвѣчалъ ему, что такъ какъ Загоскинъ, вѣроятно, получилъ это мѣсто вслѣдствіе своей литературной извѣстности, то я полагалъ, что пользуясь также нѣкоторою литературною извѣстностію, могу надѣяться...

«Но директоръ перервалъ меня съ явною досадою...

«— Напрасно вы думаете, что Загоскинъ имѣлъ это мѣсто вслѣдствіе того, что сочинялъ романы... Покойный Михайло Николаичъ былъ лично извѣстенъ Государю императору,—вотъ почему онъ былъ директоромъ. На такомъ мѣстѣ самое важное — это *счетная часть*, тутъ литература совсѣмъ не нужна: она даже можетъ вредить, потому что господа литераторы вообще плохіе счетчики. На это мѣсто, вѣроятно, прочутъ человѣка опытнаго, знающаго хорошо администрацію, притомъ человѣка заслуженнаго и въ чинахъ...

«Я сидѣлъ какъ на иголкахъ. При этихъ словахъ я вскочилъ съ своего стула и началъ неловко извиняться и оправдываться въ томъ, что обезпокоилъ его превосходительство.

«— Ничего, ничего, проговорилъ онъ: — я сожалѣю, что не могу быть вамъ полезнымъ: но я вамъ долженъ сказать откровенно, что вамъ никакъ нельзя было претендовать на такое мѣсто...

«Я не знаю, какъ я вышелъ отъ директора...

«— Ну, нечего сказать, славную штуку сыграли вы со мной, сказалъ я моему знакомому, посовѣтовавшему мнѣ отправиться къ директору, — и передалъ ему, какой пріемъ былъ сдѣланъ мнѣ.

«— Скажите! отвѣчалъ онъ добродушно: — а я вѣдь, право,

думалъ, что онъ, какъ литераторъ, приметъ васъ, нашего перваго романиста, съ распростертыми объятіями и готовъ будетъ все сдѣлать для васъ. Вотъ какъ иногда ошибаешься въ людяхъ! Ну, кто бы могъ это предвидѣть? Ахъ, какъ жаль, какъ жаль!... Да я и представить себѣ не могу, кого же они назначатъ на это мѣсто? Я все-таки убѣжденъ, что оно, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ вамъ.»

. . . .

Немногіе даже изъ замѣчательныхъ людей сберегаютъ до старости то живое начало, ту смѣлость духа, тѣ благородныя стремленія, которыя одушевляли ихъ и давали имъ силу въ молодости. На такихъ старичковъ, благословляющихъ, а не клянущихъ новыя поколѣнія, смотрѣть легко и отрадно. Они одушевляютъ юность на подвиги и вселяютъ въ нее ту вѣру, безъ которой мертвы дѣла.

Но за то ничего не можетъ быть жалче и печальнѣе, когда видишь человѣка, разбитаго жизнію, безсильнаго, пережившаго самого себя, старающагося насильно удерживать за собою власть, принадлежавшую ему нѣкогда по праву,—человѣка, прикидывающагося молодцомъ, когда уже ноги дрожатъ и измѣняютъ ему на каждомъ шагу, и съ злобною завистью отрицающаго дѣйствительную силу, проявляющуюся въ новомъ поколѣніи... Такое зрѣлище представлялъ, къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы своей жизни нѣкогда сильный литературный боецъ, подъ вліяніемъ котораго воспиталось почти все наше поколѣніе. Я говорю о Полевомъ.

Если бы онъ послѣ роковаго удара, обрушившагося надъ нимъ, присмирѣлъ поневолѣ и продолжалъ бы честно и смиренно трудиться съ единственною цѣлію поддерживать свое многочисленное семейство, имя его осталось бы незапятнаннымъ въ исторіи русской литературы. Но Полевой съ испугу поспѣшилъ употребить слабые остатки своего таланта на угодничество, лесть, которыхъ никто отъ него не требовалъ; безпрестанно унижалъ безъ нужды свое литературное и человѣческое достоинство, протягивая свою руку людямъ отсталымъ, пошлымъ и, что всего хуже — съ завистливою ненавистію отвернулся отъ новаго поколѣнія. Я рѣдко бывалъ у Полеваго, онъ зналъ мою дружбу съ Бѣлинскимъ и потому былъ очень остороженъ при мнѣ, но несмотря на это, не могъ скрывать своего недоброжелательства къ нему. Онъ не могъ простить Бѣ-

линскому того, что тотъ пользовался любовію и уваженіемъ молодежи, въ той же степени, если не болѣе, какими пользовался нѣкогда онъ.... Ему хотѣлось показать, что Бѣлинскій пріобрѣлъ значеніе не по праву, что онъ не имѣетъ для критика достаточнаго образованія, не владѣетъ тактомъ и мѣрой; «хотя безспорно отличается большею бойкостію пера»...

— Да и на нынѣшнюю молодежь-съ, прибавлялъ онъ, — угодить ей-Богу не такъ трудно.... Она нетребовательна-съ.... Это не то, что молодежь нашего времени-съ....

Я не спорилъ съ Полевымъ. Это было бы напрасно. Полевой, кажется, успокоивалъ свое уязвленное, больное самолюбіе такими невинными парадоксами до конца жизни.

Хотя онъ совершенно потерялъ въ послѣдніе годы свое литературное значеніе и популярность, но смерть его всѣхъ на мгновеніе примирила съ нимъ. Полевой, восхвалявшій романы частнаго пристава Штевена, писавшій «Парашей-Сибирячекъ» и другія тому подобныя произведенія, былъ забытъ.

Въ простомъ деревянномъ гробѣ, выкрашенномъ жолтою краскою (онъ завѣщалъ похоронить себя какъ можно проще) передъ нами лежалъ прежній Полевой, тотъ энергическій редакторъ «Московскаго Телеграфа», которому мы были такъ много обязаны нашимъ развитіемъ.

Полеваго отпѣли въ церкви Николы Морскаго. Церковь была набита биткомъ. Всѣ почти литераторы присутствовали на его похоронахъ. Гробъ его несли до кладбища на рукахъ.

Полевой, впрочемъ, скоро послѣ похоронъ былъ забытъ, какъ забываются всѣ люди, имѣющіе несчастіе умереть еще заживо.

Передъ этимъ уже многіе литературные дѣятели прежняго времени, о которыхъ упоминалъ я въ 1-й части моихъ «Воспоминаній», окончили свое земное поприще.... Умерли Свиньинъ и Воейковъ, къ удовольствію г. Краевскаго. Ихъ смерть сдѣлала его собственникомъ «Литературныхъ Прибавленій» и «Отечественныхъ Записокъ». Г. Краевскій былъ счастливъ на журнальныя вакансіи, какъ Скалозубъ....

Воейковъ, говорятъ, за четверть часа до смерти, такъ же хитрилъ и лицемѣрилъ, какъ всю жизнь. За нимъ ухаживала въ последнія минуты какая-то дѣвушка. Онъ безпрестанно просилъ пить, и всякій разъ, когда она подносила ему питье, онъ щипалъ ее и схватывалъ за волосы. Чтобы избѣжать этого, дѣвушка поставила передъ нимъ стаканъ на столъ и уже не подходи-

ла близко къ постели.... Воейковъ началъ стонать, кряхтѣть, охать, жаловаться на свое безпомощное положеніе, клялся, что не можетъ поворотить ни рукой, ни ногой и слабымъ, умоляющимъ голосомъ обратился къ дѣвушкѣ, прося, чтобы она Христа-ради поднесла ему стаканъ къ губамъ.... Но лишь только она исполнила его желаніе, онъ приподнялся съ постели, снова съ ожесточеніемъ схватилъ ее за волосы и упалъ, ослабѣвши отъ этого усилія, на постель.

Черезъ четверть часа послѣ этого, онъ снова и сильнѣе прежняго началъ стонать, охать и звать къ себѣ дѣвушку, говоря, что умираетъ....

Она не повѣрила. Онъ прохрипѣлъ и остался недвижимъ. Въ этотъ разъ это было уже не лицемѣріе, а дѣйствительная смерть; но дѣвушка еще долго не рѣшалась подойти къ постели умершаго, все думая, что Воейковъ притворяется умирающимъ....

Послѣ смерти Полеваго, кое-какъ поддерживавшаго «Сынъ Отечества», въ нашей журналистикѣ осталось только два видныхъ органа: «Библіотека для Чтенія» Сеньковскаго, выдыхавшаяся и терявшая съ каждымъ годомъ подписчиковъ, и «Отечественныя Записки» Бѣлинскаго, успѣхъ которыхъ возросталъ съ каждымъ годомъ.... Всѣ талантливые люди изъ новаго поколѣнія, появлявшіеся въ Москвѣ и Петербургѣ, присоединялись къ «Отечественнымъ Запискамъ». Булгаринъ въ своихъ субботнихъ фельетонахъ тщетно употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы поддержать «Библіотеку для Чтенія» и убить «Отечественныя Записки», но онъ самъ, не замѣчая того, съ каждымъ годомъ утрачивалъ свой авторитетъ, потому что поколѣніе, вѣровавшее въ него, старѣло, теряло вѣсъ и сходило со сцены. Его протекціи и рекомендаціи потеряли всякую силу. Г. Каменскій выхлопоталъ дозволеніе возобновить журналъ С. Н. Глинки «Русскій Вѣстникъ»; Булгаринъ принялъ г. Каменскаго и будущій его журналъ подъ свою протекцію, кричалъ изъ всѣхъ силъ: «подписывайтесь, подписывайтесь на «Русскій Вѣстникъ»... Я отвѣчаю, что журналъ будетъ превосходный» и т. д. Но по выходѣ первой книжки «Русскаго Вѣстника», журналъ этотъ долженъ былъ прекратиться за неимѣніемъ подписчиковъ.

Только одни мелкіе, дряхлѣвшіе петербургскіе литераторы, всю жизнь пробавлявшіеся рутиной и фразой, были добродушно убѣждены въ томъ, что царству Сеньковскаго и Булгарина не будетъ конца, и что куда же Бѣлинскому тягаться съ такими

геніями!... Изъ литературныхъ авторитетовъ, одинъ Кукольникъ былъ открыто на сторонѣ Сеньковскаго и Булгарина; отживавшіе литераторы-аристократы держали себя совершенно въ сторонѣ: они не терпѣли Сеньковскаго, презирали Бѣлинскаго, но не имѣя своего органа, изрѣдка, поневолѣ, отсылали свои стихи въ «Отечественныя Записки», потому что имя г. Краевскаго, нѣкогда красовавшееся рядомъ съ ихъ именами на оберткѣ «Современника», было не безъизвѣстно имъ, и къ тому же, собственно г. Краевскій никогда не оскорблялъ ихъ самолюбія. Иные изъ молодыхъ петербургскихъ литераторовъ, пользовавшіеся нѣкоторымъ, довольно сомнительнымъ впрочемъ, успѣхомъ, колебались между «Библіотекой для Чтенія» и «Отечественными Записками», не имѣя особеннаго влеченія ни къ одному изъ этихъ журналовъ. Къ числу таковыхъ принадлежалъ Э. И. Губеръ, человѣкъ очень добрый и мягкій, владѣвшій до нѣкоторой степени стихотворнымъ даромъ, но, къ сожалѣнію, имѣвшій претензію на какую-то философію, полученную имъ въ наслѣдство отъ своего наставника.

Философія эта нисколько не служила къ просвѣтлѣнію взгляда Губера на жизнь и искусство, а напротивъ затемняла его голову и придавала ему мрачный характеръ, что-то таинственное, очень нравившееся, впрочемъ, дамамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, принадлежащія къ *избранному кругу*, приняли Губера подъ свое покровительство и, подъ ихъ вліяніемъ, нашъ философъ вздумалъ писать фельетоны въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», издававшихся тогда А. Н. Очкинымъ. Эти фельетоны, излагаемые весьма туманно, состояли изъ великосвѣтскихъ сплетенъ. Они имѣли успѣхъ въ своемъ маленькомъ кружку, очень волновали его, но въ публикѣ проходили совершенно незамѣченными....

Графъ В. А. Соллогубъ, лучшій изъ нашихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, вовсе не раздѣляя убѣжденій Бѣлинскаго, печаталъ однако свои повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ», во-первыхъ, по старому своему знакомству съ г. Краевскимъ, а во-вторыхъ, потому что «Отечественныя Записки» пріобрѣтали все большій успѣхъ въ публикѣ; а извѣстно, что молодые люди вообще, и въ особенности свѣтскіе, всегда увлекаются успѣхомъ, даже иногда и не сочувствуя ему....

ИВ. ПАНАЕВЪ.

СТАНЦІОННЫЙ ПИСАРЬ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ ПО СИБИРИ.

Небо, какъ чувствительная горничная, плакало и разливалось неудержимыми слезами. Дорога,—но это была не дорога, а такъ какое-то расплывшееся мѣсиво изъ земли, травы и гнилыхъ бревенъ, — обдавала лошадей, ямщика, мою перекладную и меня самого тѣми знакомыми дорожнему человѣку подарками, отъ которыхъ человѣческое лицо дѣлается нисколько не лучше рожи чорта. По бортамъ дороги торчали подгнившія вѣхи и верстовые столбы, и на нихъ, нахмурясь, какъ отъ лихорадочнаго пароксизма, сидѣли вороны и сороки, и какъ-то печально посматривали на жалкаго путника. Кругомъ дороги были болота, а по нимъ былъ разбросанъ тотъ сѣверный, чахлый березникъ, который, какъ брошенная престарѣлая любовница, какъ-то надоѣдливо-грустно бросался въ глаза путнику. Въ сердцѣ и тѣлѣ отъ этихъ картинъ и дождя былъ одинъ только холодъ. А дорога все бѣжала и бѣжала; какъ черная змѣя, развивалась она впереди, сверкала разливными лужами-озерами и раздражала все больше и больше жолчь моего ямщика.

— Язви тебя!... крикнулъ онъ какъ-то особенно злобно и громко, почувствовавъ на своемъ правомъ глазу чувствительный поцалуй гадкаго мѣсива.—Глаза выбьетъ... ну, ну... дѣвки, дѣвки! пошевеливайся!.. И мы мчались по лужамъ-озерамъ съ какимъ-то остервененіемъ.

— Да ты лошадей такъ загонишь... хоть бы поѣхалъ потише... промычалъ я, прикрывая воротникомъ пальто свой носъ и счищая правой рукой текущую по бородѣ струю грязи. — Право, поѣзжай-ко потише.

— Эхъ, баринъ, ну что еще это за ѣзда? съ пренебреженіемъ отозвался ямщикъ. — Вотъ какъ мы возимъ Сенатскія вѣдомости.—Язви васъ!.. Ахъ прокля... Голосъ ямщика оборвался, онъ сталъ торопливо и громко отплевываться.

— Нѣтъ, ужь ты, пожалуйста, хоть бы меня... потише... Да скоро ли станокъ?

— Э-э!... да еще верстъ тридцать будетъ!

Я крякнулъ, ямщикъ отъ души засмѣялся.

— Вы, сударь, должно, не здѣшній?.. какъ-то нерѣшительно, послѣ небольшой паузы, спросилъ меня ямщикъ, полуоборачивая ко мнѣ свое полосатое отъ грязи лицо.

— А что?

— Да не любите скоро ѣздить... Здѣсь такъ не ѣздятъ... И онъ опять, должно быть любуясь на мою согнувшуюся фигуру, отъ души расхохотался.—Сидите, сударь, прямѣй! Эй, вы, дѣвки!..И колокольчики запѣли, какъ неотвязчивые, гадкіе комары.

— Послушай... однакожь, любезный... пролепеталъ я, пролетѣвъ еще верстъ пять въ вихрѣ грязи и дождя.—Какъ хочешь, а я такъ не поѣду... И я рѣшительно потянулъ его за измокшій армякъ.

— Отчего же, сударь? Ямщикъ насмѣшливо улыбался и остановилъ лошадей.

— Да помилуй, у меня во рту и въ глазахъ...вездѣ все грязь! И я съ какой-то раздражительностью, предполагая очистить лицо отъ грязи, сталъ еще больше растирать ее своими руками.— Нѣтъ ли тутъ хоть гдѣ цыганъ—хоть бы немножко обсушиться, да переждать дождь?

— Хэ, хэ, хэ... Ямщикъ какъ-то почтительно смѣялся, и со вниманіемъ посматривалъ, что будетъ изъ моего лица.

— Вотъ что, сударь, сказалъ онъ наконецъ, должно быть, сжалясь надъ моею комичной фигурой: — вы еще смирнехонько посидите... верстъ десятокъ; а тамъ я васъ завезу недалеко отъ дороги въ цыганскія юрты,—тамъ вы можете обсушиться — хэ, хэ, хэ... И ямщикъ, посмѣиваясь, прицѣлился своимъ бичемъ прямо подъ заднюю лопатку коренной.

Мы снова помчались, и въ этой бѣсовской пляскѣ грязи и воды

только и слышно было: «эй! ну! дѣвки, дѣвки!» да колокольчики жужжали и пѣли свою надоѣдливую, нескончаемую пѣсню. Черезъ часъ около дороги показались цыганскія юрты. Плачевно какъ-то высматривали около тощаго березника эти изорванныя, холщевыя, огромныя палатки. Черная, исхудалая, косматая собака привѣтствовала насъ громкимъ лаемъ, когда повозка, брызгая по лужамъ, повернула къ палаткамъ. Толпа грязныхъ полунагихъ ребятишекъ и дѣвчонокъ, по костюму очень схожихъ съ амуромъ, съ гвалтомъ выскочила изъ ближней палатки и, неизвѣстно вслѣдствіе чего и для чего, съ прищелкиваньемъ и присвистываньемъ пустилась около повозки въ какую-то безумную тарантеллу, держась однакожь въ почтительномъ разстояніи отъ ямщика и исподлобья посматривая на его поднятый бичъ. Старая цыганка, въ костюмѣ тоже очень похожемъ на костюмъ художественно изваянныхъ — съ цѣлью, чтобы показать, каковы мускулы — статуй, — вынырнула торопливо изъ палатки, дрябло подбѣжала къ остановившейся телегѣ и запѣла свои обыкновенныя: «баринъ хорошенькій, баринъ таланливый, положи на ручку»... и далѣе, далѣе... Изъ всѣхъ палатокъ стали высматривать разнообразныя морды людей и звѣрей.

— Ты, старая хрычовка, обратился безцеремонно къ цыганкѣ ямщикъ.—Покажи получше юрту, гдѣ бы барину обсушиться. Да полно причитывать-то! — и бичъ съ угрозой поднялся надъ головой старухи. Старуха, какъ резинковый мячикъ, сдѣлала чрезвычайно скоро и ловко всторону отъ ямщика какое-то па.

— Да вонъ поѣзжайте туда, раздался изъ палатки грубый мужской голосъ. — Поѣзжайте вонъ къ той палаткѣ!... Косматая рука выказалась почти на сажень изъ палатки и показала на самую крайнюю палатку. —Тамъ сидитъ одинъ... и страшно громкій хохотъ, сопровождаемый визгомъ и крикомъ ребятишекъ, оглушилъ меня совсѣмъ.

— Да кто жь тамъ сидитъ? спросилъ я съ недоумѣніемъ, посматривая и на моего ямщика, и на владѣльца такой звонкой груди и косматой руки. — Кто же тамъ сидитъ? опять повторилъ я.

— Кто? — Засѣдатель, — вотъ кто! И снова тотъ же зычный хохотъ. Лошади зафыркали, собаки завыли.

Я какъ-то, въ недоумѣніи, оторопѣлъ. А мальчики со старухой уже опять обступили меня и опять послышалось: «баринъ хорошенькій... баринъ таланливый...»

— Цыцъ, вы, подлые! крикнулъ ямщикъ, щелкнувъ по ногамъ какой-то небольшой статуэтки. — Прочь!

Мальчишки съ крикомъ и съ хохотомъ бросились по палаткамъ.

— Извольте, сударь, идти... обратился ко мнѣ ямщикъ. — Эй, вы! проводите барина!

— Да зачѣмъ его провожать! Ты самъ ступай... вонъ, вонъ, палатка... самая большущая то!

— А лошадей-то небойсь я на васъ воровъ оставлю? Хэ! Ямщикъ подперся одной рукой въ бокъ и чрезвычайно плутовски посматривалъ на высунутыя лица цыганъ.

— Да зачѣмъ намъ лошадей? намъ не нужно лошадей,—ступай туда съ лошадьми.

— Какъ съ лошадьми? Ямщикъ въ свою очередь оторопѣлъ. —Что жь ты, смѣешься что ли надо мной, чортова голова,—язви тебя въ бороду! — Вѣдь тамъ засѣдатель?

— Ха, ха, ха... Дружный хохотъ пошелъ изъ палатокъ. — Да вѣдь засѣдатель-то тамъ съ лошадьми,—ты посмотри-ко! Ха, ха, ха...

— Ну, поѣдемъ, пожалуйста... обратился я къ ямщику, чувствуя ревностное желаніе пуститься отъ холода тоже въ какую нибудь тарантеллу. —Поѣдемъ, тамъ узнаемъ! нетерпѣливо добавилъ я. Ямщикъ повелъ подъ уздцы лошадей къ показанной палаткѣ.

Крайняя палатка только была спереди палатка. Сзади же она была вздернута на огромныхъ кольяхъ вверхъ и образовала изъ себя что-то въ родѣ навѣса. Изъ-подъ этого навѣса валилъ густой дымъ и слышны были громкіе голоса. Когда мы объѣхали ее съ боку и поравнялись съ отверстіемъ, я вышелъ изъ телеги и пошелъ къ огню. Жирный пудель важно подошелъ и очень дружелюбно обнюхалъ меня. Вслѣдъ за пуделемъ подбѣжала смазливенькая дѣвушка въ чрезвычайно-кокетливомъ пальто. Лицо дѣвушки было очень юно и очень смугло.

— Вамъ кого угодно? бойко спросила дѣвушка, ловко прицѣливаясь въ меня своими глазками. — Вы къ барину?

Не услышавъ и тѣни цыганскаго акцента, я сейчасъ же догадался, что это должно быть одна изъ прислужницъ у представителя Θемиды.

— Скажи пожалуйста, гдѣ жь тутъ засѣдатель? въ свою очередь спросилъ я.

— А вонъ-съ тамъ, они въ тарантасѣ, кушаютъ-съ...

— Какъ въ тарантасѣ?

— Такъ-съ; мы, изволите видѣть (дѣвушка въ это время уже безъ церемоніи обстрѣливала меня какъ какую нибудь непріятельскую батарею), ѣдемъ-съ слѣдствіе-съ производить-съ, а барину и захоти по дорогѣ-то кушать-съ, ну вотъ они и завернули сюда...

— Да онъ одинъ ѣдетъ? перебилъ я юнаго стрѣлка, невольно воображая себѣ, что и я бы пожалуй на его мѣстѣ почаще останавливался кушать. — Ты ужь у него не за писаря ли? спросилъ я опять и, невольно разсмѣявшись, пошелъ къ огню.

— Ха, ха, ха!.. Звонкій дѣвическій хохотъ отвѣтилъ на мой смѣхъ. — Нѣтъ-съ, я у нихъ горничная-съ... они ѣдутъ съ женой!.. хи, хи, хи...

— Съ женой?—и я невольно остановился, вспомнивъ, можно ли мнѣ предстать въ такомъ дорожномъ безобразіи передъ дамскія очи. — Съ женой? повторилъ я. — Такъ какъ же?.. И я безсознательно повернулъ назадъ.

— Что же вы? — что же вы? куда вы? хи, хи, хи...—Какая у васъ спина-то... спина-то!

— Послушай... мнѣ, видишь ли, хочется немножко обсушиться... да я не знаю... я лучше пойду въ другую юрту. И я уже сталъ выходить совсѣмъ изъ подъ навѣса.

— Палашка, а Палашка! кто это тамъ? послышался въ отдаленіи не совсѣмъ гармоническій крикъ женщины: — чего ты тамъ, дура, хохочешь?

— Да вотъ-съ проѣзжающій пришли погрѣться около огня! крикнула съ сдержаннымъ смѣхомъ горничная.

— Какой проѣзжающій ? — Антуанъ! монъ ами! Тамъ къ тебѣ пріѣхали... послышалось опять. И я увидѣлъ, какъ отдѣлилась отъ застилающаго дыма фигура закутанной женщины.

— Чего тамъ еще надобно?—И вслѣдъ за словомъ «надобно» рѣзко выступила изъ подъ дыма низенькая фигура мужчины и скорыми шагами стала подходить ко мнѣ.

— Вы кто такой? довольно небрежно спросилъ меня маленькій мужчина. — Вы ко мнѣ?

Я прежде отвѣта со вниманіемъ посмотрѣлъ на этого небольшаго человѣчка и увидѣлъ: мужчина имѣлъ короткія, кривыя ноги, чрезвычайно смуглое продолговатое лицо, густыя насупленныя брови и что всего замѣтнѣе—длинную черную эспаньолку, окруженную какой-то синеватой тѣнью, вслѣдствіе давно

небритой бороды. Вообще фигура мужчины очень смахивала на продающаго разные талисманы иностранца, и я невольно подумалъ: «какъ цивилизація-то далеко зашла!..»

— Извините меня пожалуйста, началъ я:—но вотъ видите... дождикъ... грязь... я бы смѣлъ у васъ попросить позволенія обсушиться, но... не знаю, не обезпокою ли?..

— Да вы кто такой? опять послышался небрежный вопросъ.

Я сказалъ, что прикащикъ, и ѣздилъ по дѣламъ въ Б...

— Гм!.. можно. — А паспортъ есть? и эспаньолка какъ-то особенно выдвинулась впередъ. Мой смиренный и вѣжливый тонъ эспаньолкѣ показался подозрительнымъ.

— Есть, отвѣчалъ я, улыбаясь. — У меня подорожная, иначе вѣдь нельзя ѣздить на почтовыхъ.

— А, да... Вы на почтовыхъ? Продолговатое лицо приняло какое-то задумчивое выраженіе. — Покажите подорожную.

— Милости просимъ, пожалуйте... заговорила эспаньолка, вѣжливо уже раскланиваясь передо мной: — я очень радъ.

Высказанный въ подорожной чиновный мой титулъ произвелъ на засѣдателя очевидно благотворное для меня вліяніе. — Пойдемте... Ого, какъ вы испачкались! Ха, ха, ха! Засѣдатель уже любезно смѣялся.

— Мари... Засѣдатель отрекомендовалъ меня закутанной женщинѣ. — Моя жена, отнесся онъ ко мнѣ.

Мари любезно поклонилась мнѣ и пальчикомъ, закутаннымъ въ какую-то бурую перчатку, показала на коверъ.

— Прошу садиться... вотъ на этомъ коврикѣ... усаживала она меня. — Извините, мы тоже теперь цыгане! И я услышалъ кокетливый легкій смѣхъ и увидѣлъ желтоватое довольно поношенное женское лицо.

— Нѣтъ, ужь вы позвольте мнѣ постоять... Слишкомъ грязенъ...

— Ничего, ничего, онъ у насъ таковской... отвѣчала любезно Мари.

Но я все-таки отклонилъ это милое приглашеніе, сталъ передъ огнемъ и осмотрѣлся. Около огня были разбросаны нечищенныя тарелки и обглоданныя кости — признаки бывшаго завтрака. Съ нечищенными тарелками возилась горничная, а съ обглоданными костями важный пудель. Въ углу, съ правой стороны, стоялъ закрытый тарантасъ; къ нему были привязаны три лошади. Заднія ноги лошадей были за навѣсомъ, а морды уткну-

лись въ передокъ тарантаса и съ какимъ-то соннымъ видомъ пережевывали траву. Около лошадей стоялъ кучеръ и изподлобья внимательно разсматривалъ меня.

— А вѣдь мы... представьте... не слышали вашего колокольчика... обратилась ко мнѣ засѣдательша. — Мой Антуанъ такъ громко говорилъ... Вотъ такъ нечаянный гость!.. Только немножко опоздали... а то бы съ нами позавтракали. — Все это засѣдательша говорила очень медленно и вяло, и старалась имѣть въ тонѣ голоса ту грацію, слыша которую невольно, съ умиленіемъ шепчешь себѣ: сколько души у этой женщины!

Я на эту любезность, тоже съ чувствомъ, что-то въ родѣ Чичикова, пробормоталъ: «я уже и тѣмъ дескать счастливъ, что нахожусь въ такомъ пріятномъ обществѣ.»

— Скажите, пожалуйста, вы по дѣламъ ѣздили въ Б.?

— По дѣламъ, сударыня.

— Ахъ, это, какъ мило!... говорятъ, Б* очень хорошенькій городокъ?—пропасть, говорятъ, офицеровъ?

— Да, офицеровъ чрезвычайно много.

— А вѣдь вы сами были офицеръ? — Скажите пожалуйста, зачѣмъ вы носите бороду; лучше бы одни усы, или ужь эспаньолку—вотъ, какъ Антуанъ... право, гораздо бы лучше! И засѣдательша чрезвычайно нѣжно посмотрѣла на своего Антуана.

Чувствуя въ глубинѣ сердца справедливость упрека засѣдательши, я только молчалъ.

Засѣдатель лѣниво какой-то толстой палкой поворачивалъ въ кострѣ уголья.

— Право, какъ я люблю военныхъ... чрезъ нѣкоторое время съ нѣкоторымъ восторгомъ какъ-то уже запѣла засѣдательша:— шпорики, усы... всегда французскій разговоръ — прелесть!

Засѣдатель какъ-то глухо крякнулъ; мы довольно долго молчали.

— И все горные въ этомъ Б* офицеры,—какъ это хорошо...

— Все горные, сударыня, все горные.

— Ахъ, я люблю этихъ горныхъ офицеровъ... Козаки вотъ ужь не такъ... правда, и у козаковъ бываютъ иногда хорошіе люди, но нѣтъ, знаете, того, того...

Засѣдатель засопѣлъ и насмѣшливо, съ видимой злостью добавилъ: того, что называется комъ иль фо? Такъ ли, Мари?

— Ахъ, Антуанъ... ты вѣчно смѣешься надо мной, а еще самъ такъ похожъ на военнаго. — Представьте, вѣдь онъ рев-

нуетъ! а? хи, хи, хи... (Мари наклонилась къ эспаньолкѣ и слегка прикоснулась къ ней своей перчаткой; Антуанъ отмахнулся).

— Ну, что за нѣжности, Мари... вотъ при постороннихъ ты всегда такъ нѣжничаешь!... Засѣдатель очевидно смутился. — Палашка, посмотри, не прошелъ ли дождь? обратился онъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ къ горничной.

— Никакъ нѣтъ-съ еще, Антонъ Петровичъ, слегка посмѣиваясь, отвѣчала горичная, не сдѣлавъ даже и шагу изъ подъ навѣса: — страшнѣющій идетъ!

— Какая досада, невольно пробормоталъ я. — Скажите пожалуйста, вы на слѣдствіе ѣдете? обратился я послѣ небольшой паузы къ засѣдателю. — Вы часто на слѣдствія ѣздите?

— О, очень часто, съ какой-то радостью отвѣчалъ засѣдатель.—Казалось, онъ былъ доволенъ, что я свернулъ разговоръ на такую знакомую ему тэму.—Очень часто; бродягъ въ особенности много по моему участку.

— А вы вѣрно съ золотомъ ѣздили? снова обратилась ко мнѣ засѣдательша.

— Нѣтъ, сударыня, безъ золота, отвѣчалъ я довольно отрывисто. Эта манера засѣдательши — процѣживать сквозь зубы слова, начинала мнѣ надоѣдать.—И часто ловятъ бродягъ? обратился я опять къ засѣдателю.

— Нѣтъ, имъ жители какъ-то сочуствуютъ, почти не ловятъ,—развѣ ужь что нибудь напакостятъ.

— А вы вѣрно боитесь бродягъ? опять запѣла засѣдательша. Смотрите, они особенно ловятъ золотопромышленниковъ.

— Да вѣдь я не золотопромышленникъ, у меня имъ взять нечего.—Скажите, а бываютъ случаи, они нападаютъ на повозки? опять обратился я къ засѣдателю.

— Нѣтъ, они вообще смирный народъ... рѣдко-съ... скорѣй милостыню попросятъ.

— Скажите, пожалуйста, у васъ въ тайгѣ бываютъ вечера? опять начала засѣдательша. — Есть дамы?

«Ахъ, чтобъ тебя шутъ побралъ съ твоими вечерами и дамами ..» подумалъ я и, уже не отвѣчая, повернулся опять къ засѣдателю.

— Вы теперь далеко ѣдете?

— Ха, ха, ха... да вы вѣрно боитесь бродягъ?... запѣла засѣдательша. — Не бойтесь, мой Антуанчикъ ихъ всѣхъ пе-

реловилъ! — И засѣдательша протянула опять свою бурую перчатку къ эспаньолкѣ. Я сталъ откланиваться.

— Куда вы? куда вы? — Да вы переждите хоть дождь-то! скороговоркой прокричала засѣдательша.—Смотрите, какъ льетъ... Слышите?

Дѣйствительно, дождевыя капли мелкой, но сильной дробью стучали о палатку. Мнѣ бы хотѣлось еще подождать, но эта засѣдательша... Я рѣшился ѣхать.

— Нѣтъ, мнѣ нужно ѣхать, извините, хозяйское порученіе... И я, отвѣсивъ низкій поклонъ засѣдательшѣ, протянулъ руку засѣдателю.

— Вздоръ, вздоръ, вѣдь у насъ тоже дѣло, а мы не ѣдемъ же! пропищала Мари. — Вы просто боитесь бродягъ, успокойтесь, еще до вечера далеко...

— Въ самомъ дѣлѣ переждите..., видите, какой дождь! флегматически замѣтилъ засѣдатель.

— Маленечко разъясниваетcя, сударь... послышался за палаткой голосъ моего ямщика.

— Видите, ужь и онъ соскучился... И я любезно улыбаясь раскланялся.

— До свиданія... можетъ быть опять увидимся! пропѣла мнѣ на дорогу засѣдательша.

Изъ табора опять меня проводили мальчишки - амуры и косматая худая собака. Опять около меня старуха причитывала: «баринъ, хорошенькій баринъ, молоденькій,положи на ручку...» Опять ямщикъ молодецки закричалъ: «эй! ну! дѣвки! пошевеливайся!..» И опять мы запрыгали по грязнымъ лужамъ, и опять колокольчики запѣли мнѣ свою длинную комаринскую пѣсню.

А небо между тѣмъ дѣйствительно разъяснивалось.

Тамъ далеко, за чертой болотъ, впереди меня, тучки бѣжали, словно оторопѣлыя. Сильный вѣтеръ верхняго слоя атмосферы гналъ ихъ всторону и все больше и больше выказывалось блестящее солнце. Да и декорація-то около меня совершенно стала измѣняться. Вдали замѣтной полосой зачернѣли лѣсистыя горы; показались красноватые стволы сосенъ и кедровъ, облитые яркимъ лучомъ солнца. Все ближе и ближе подходилъ этотъ частый лѣсъ, и все скорѣй и скорѣй летѣло къ нему моѐ сердце, и все напряженнѣе и напряженнѣе всматривался я въ эту угрюмую синь, кажущуюся чѣмъ-то особенно грознымъ при совершенной безвѣтренности.

— А сколько здѣсь, баринъ, медвѣдей бываетъ! сказалъ мнѣ ямщикъ, въѣзжая въ первое широкое и глубокое, мрачное отъ чрезвычайной густоты лѣса ущелье. — По большой дорогѣ ходятъ! И полуоборотясь ко мнѣ, съ улыбкой посмотрѣлъ на меня.

Но я почти не слышалъ его; мои глаза съ жадностью всматривались въ лѣсную густоту.

— Баринъ, варнакъ... варнакъ... (*) Эй, ну, дѣвки! Лошади рванули сразу и понеслись, какъ бѣшеныя. Я чуть не выскочилъ изъ телеги.

— Подайте, сударь, Христа-ради! крикнула дикимъ, отчаяннымъ голосомъ, мимо летѣвшей телеги, какая-то оборванная человѣческая фигура. — Христа-ради! донеслось до меня сзади уже такъ далеко, что я едва услышалъ.

— Стой, стой, ямщикъ! закричалъ я. Дикій человѣческій крикъ отзывался чѣмъ-то особенно страдальческимъ. Повозка остановилась, я оборотился назадъ и поманилъ къ себѣ чуть виднѣющагося нищаго.

Это былъ мужчина высокаго роста, довольно молодой; длинные свѣтлорусые волосы космами торчали изъ продыравленной, когда-то бѣлой, откинутой на затылокъ шапки; одѣтъ онъ былъ въ коротенькій татарскій, желтый шерстяной армякъ; изъ подъ армяка виднѣлись синяя засаленная рубашка и такіе же синіе штаны; обуви не было никакой.

— Христа-ради...повторила фигура, протягивая ко мнѣ свою грязную руку и какъ-то странно осматривая своими впавшими, сѣрыми глазами и меня, и повозку, и лѣсъ.

— Съ какого завода? спросилъ прямо и рѣзко ямщикъ, покуда я доставалъ изъ кармана деньги.

— Изъ-за моря, батюшка, изъ-за моря... (**)

— Куда же ты идешь? спросилъ я. И мнѣ невольно представилось, какую страшную даль прошелъ этотъ человѣкъ.

— Богъ знаетъ, сударь, Богъ знаетъ, — хотѣлось бы взглянуть хоть на родину... И по загорѣвшему лицу нищаго пробѣжало тревожное и грустное чувство.

— А далеко твоя родина?

— Новгородская губернія, Новгородъ.

— Неужели ты думаешь пробраться туда?

(*) Варнакъ — сибирск. нарѣчіе: значитъ — бродяга.

(**) Озеро Байкалъ сибиряки называютъ моремъ.

— Э... сударь, гдѣ ужь? и надежды нѣтъ... да хоть покрайности подышешь волей-то! И въ его сѣрыхъ глазахъ показались какъ будто слезы.

— Какъ же ты идешь? — что ты ѣшь?

— А вотъ, какой добрый человѣкъ милостыню дастъ.... а то больше всего ягодами, да орѣхами питаюсь...

— Имъ, сударь, милостыню-то подаютъ... замѣтилъ уже не такъ грубо ямщикъ и довольно ласково посмотрѣлъ на бродягу.

Вѣжливый и грустный тонъ бродяги очевидно тронулъ его.

— Давно ты съ родины?

— Десять лѣтъ, сударь, десять лѣтъ! Прощайте! награди васъ Богъ! какъ-то особенно выразительно почти прокричалъ бродяга и скрылся въ ущельѣ.

— Пошелъ, что же ты стоишь?

— Чтой-то, какой онъ печальный... проборматалъ какъ будто про себя ямщикъ. — Эй, — дѣвки, ну!... Должно, давно не ѣлъ, глубокомысленно добавилъ онъ.

— Что жь онъ въ деревняхъ милостыню не проситъ? спросилъ я громко ямщика, поѣхавшаго рысцой.

— Э-эхъ, баринъ...Ну, пошевеливайся! Охота на родинѣ быть — вотъ что!

Больше мнѣ ямщикъ ничего не сказалъ и съ какой-то дикой энергіей сталъ гнать лошадей.

— Ты не изъ поселенцевъ ли? спросилъ я послѣ длинной паузы, прислушиваясь уже съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ къ плачущей пѣснѣ колокольчиковъ.

— А что? переспросилъ меня ямщикъ и пріостановилъ лошадей.

— Такъ... понимаешь, что значитъ родина...

— Какъ, сударь, не понимать-то?... Э-эхъ, волюшка, волюшка!... Ну, ну, дѣвки! — У меня стало захватывать духъ.

А между тѣмъ лѣсныя декораціи около меня быстро смѣнялись. Мы въѣхали въ какую-то длинную широкую лощину, покрытую ровнымъ, молодымъ, какъ будто нарочно какой-то искусной рукой подстриженнымъ березникомъ. Лощина была слишкомъ хороша; взоръ съ отрадой скользилъ по этой широкой и длинной зеленой глади и упирался въ груду каменистыхъ горъ; огромные камни, поросшіе слегка мохомъ, торчали, какъ чудовищные клыки.

— Обь, Обь, баринъ! радостно крикнулъ ямщикъ и слегка привсталъ на своемъ передкѣ.

Я взглянулъ вдоль дороги и увидѣлъ вдали изъ-за горъ роскошно-улыбающуюся красавицу Обь. Широко, какъ море, разливалась она. То свиваясь между утесами, то развиваясь во всю свою дикую красу по далекому, чуть виднѣющемуся съ горы беспредѣльному лѣсу, мчала она свои бѣловатыя волны съ страшной быстротой. По серединѣ рѣки въ живописномъ безпорядкѣ были раскинуты огромные лѣсистые острова, и кучи кедровъ и сосенъ, постоянно орошаемые благодѣтельной рѣкой, казались еще выше, еще красивѣе, чѣмъ на берегу.

— Вотъ наша матушка Обь... тихо протянулъ ямщикъ и нехотя, лѣниво притиснулся опять къ своему передку.

Солнца не заслоняло уже ни одно облачко. Склоняясь къ закату, оно вскользь, но чрезвычайно яркими, длинными лучами обдавало и рѣку, и горы, и лѣсъ; слегка пробивалось подъ широкую тѣнь лѣса, длинной, огненной полосой тянулось черезъ рѣку, обхватывало сразу ровную зелень островов и, поигравъ слегка съ перелетными тучами мошекъ и комаровъ, рѣзко бросалось подъ козырокъ моей фуражки и заставляло меня хмуриться и жмуриться.

— А вотъ и станокъ, радостно пробормоталъ ямщикъ и зачмокалъ губами. Я совершенно нечаянно и незамѣтно попалъ съ горы въ какую-то топкую котловину съ разбросанными по ней черноватыми крестьянскими избами. Жалкая жизнь, поставленная обокъ съ невыразимо-прекрасной природой, произвела на меня непріятное впечатлѣніе. Я въ то время желалъ, чтобы станокъ отъ меня былъ еще за тридцать верстъ.

Пробираясь уже шагомъ по тинистой почвѣ съ торчащими — вѣрно, для улучшенія дороги — гнилыми бревнами, и то опускаясь, то взбираясь опять съ бревна на бревно, мы все больше и больше подвигались по деревнѣ къ станку. Мимо меня, разумѣется, неслась та знакомая деревенская жизнь, отъ которой дѣлается и смѣшно и больно на сердцѣ. Вынырнула изъ-подъ воротъ какая-то куцая, уморительная собака съ страшно взъерошенной шерстью на спинѣ, вынырнула, долго смотрѣла на меня какими-то подозрительными глазами — дескать, показать себя, или не показать, — наконецъ надумалась, лѣнивой рысью нагнала телегу и хрипло затявкала. Изъ-подъ воротъ, съ завалинъ повысыпали и заскакали кругомъ меня всѣ эти умные

и глупые церберы, валетки, трезорки, жучки. Изъ оконъ домовъ показались разныя любопытныя лица, и конечно больше женскія, какъ видно, только-что оторвавшіяся отъ своихъ обыденныхъ занятій. Толпа поросятъ, запуганная собаками, мчалась съ визгомъ впереди меня. Кучи мальчишекъ и дѣвчонокъ стояли около воротъ и съ тупымъ любопытствомъ, положивъ палецъ въ ротъ, смотрѣли на меня. Пьяный мужикъ перешелъ дорогу и наведенный, звономъ лѣнивыхъ колокольчиковъ, должно быть на мысль о властяхъ, очень любезно прежде посмотрѣлъ на меня, протянулъ-было одну руку къ шляпѣ, а другой схватился за бороду — чтобы, дескать, поприличнѣе пригладить ее; но увидѣвъ, что у меня борода, нѣтъ кокарды, и вообще нѣтъ и тѣни начальничества, сначала плюнулъ, какъ-то насмѣшливо-презрительно махнулъ рукой и, пробормотавъ: «ѣздочишко плыветъ», поплелся далѣе.

Наконецъ мы подъѣхали къ крыльцу станціи.

Еще съ середины деревни стало долетать до меня какое-то странное завыванье; когда мы подъѣхали, мнѣ уже явственно послышались дикія причитыванья женщины, какъ будто по покойникѣ. Женщина плакала слишкомъ тяжело, слишкомъ безсвязно... какъ только плачутъ матери. Слышно было, что она сравнивала себя и съ кукушечкой, оставленной своими малыми дѣтенышами, и съ одинокой въ полѣ березой, которую злая мятель шатаетъ изъ стороны въ сторону и которая была бы рада, если бы ее наконецъ подрубили. Слышно было, какъ она говорила и о какихъ-то лепешечкахъ и рубашечкахъ; у меня сердце заныло.

— Лошади готовы-съ... послышался около меня печальный голосъ мужчины.—Прикажете перекладываться?—Я посмотрѣлъ на мужчину: это былъ старикъ высокаго роста съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ и почти безъ волосъ на головѣ. Голубые глаза его были подернуты слезой.

— Скажи, пожалуйста, кто это плачетъ?... спросилъ я.

— Это старуха... старуха моя плачетъ... И мужикъ своей большой рукой провелъ торопливо по глазамъ.

— Сынъ померъ?...

— Нѣтъ-съ, писарь нашъ померъ, писарь... И старикъ опять провелъ рукой по лицу.

— Какъ писарь? — чужой?...

— Да-съ, чужой... поселенецъ, сударь, былъ... поселенецъ...

Я уже не слушалъ словъ мужика и скорыми шагами взбирался на крыльцо.

Въ избѣ была обыкновенная грустная картина. Въ переднемъ углу, подъ образами, на широкой, выскобленной до какихъ-то бугровъ лавкѣ, лежалъ покойникъ. Онъ былъ весь покрытъ бѣлымъ полотномъ, и только угловатыя формы тѣла, рѣзко выдававшіяся изъ-подъ полотна, заставляли предполагать, что покойникъ былъ высокаго и плотнаго роста. Подлѣ его лица стояла старуха, и попеременно взглядывала то на бѣлый саванъ, то на почернѣлую, старую икону. Около образа грустно мигали огоньки; въ углу, у печки, сидѣла кошка. Я долго стоялъ около порога; картина смерти всегда имѣетъ въ себѣ что-то такое странное: и отталкивающее, и притягивающее; наконецъ, медленными шагами я сталъ подходить къ покойнику. Старуха, услыша шелестъ моихъ шаговъ еще за дверью, перестала выть, и когда я вошелъ въ избу и потомъ сталъ подходить къ покойнику, проницательно и чрезвычайно быстро окинула меня взглядомъ; прошептала съ убитой тоской: «охъ, тошнехонько!» и поплелась къ печкѣ.

— Бабушка, скажи ты мнѣ, голубушка, вѣрно ты очень любила покойника? спросилъ я послѣ длинной паузы, оборачиваясь къ старухѣ.

— О-охъ... тошнехонько... любила, батюшка, любила!... Вѣдь онъ у меня былъ, какъ сынокъ... И старуха порывисто подошла опять къ бѣлому полотну; изъ ея надорванной груди стали опять вылетать:

Словно я куку-у-шечка...
Покинуло меня ди-и-тятко...

— Полно, бабушка... успокойся... едва я могъ проговорить, и сѣлъ въ ногахъ покойника. — Разскажи ты мнѣ, за что ты его любила?...

Мнѣ даже завидна была такая материнская любовь.

— О-охъ, сударикъ ты мой, и не говори... и не говори, сударикъ ты мой... Вѣдь я любила его, что твой свѣтелъ мѣсяцъ!.. добавила она съ какимъ-то крикомъ.

— Что же такое онъ былъ для тебя?...

— Онъ сиротка былъ, батюшка, сиротка... О, о-хо-хо, го-

лубчикъ ты мой, не будешь ты мнѣ теперь говорить: матушка ты моя. — Охъ, тошнехонько! — И старуха опять затянула:

Березонька одино-о-кая...

— Бабушка, полно, пожалуйста... Я чувствовалъ, что глаза мои застилаетъ какой-то туманъ. — Разскажи ты мнѣ, что онъ за человѣкъ? Старуха долго молчала, долго стояла, все глядя на покойника, наконецъ пошла зачѣмъ-то къ печкѣ, покопалась, какъ слышно было, зачѣмъ-то между ухватами, вернулась—слегка будто пошатываясь — и, тяжело опустясь возлѣ меня на лавку, сказала:

— О-охъ, изъ чужбинки онъ, сударикъ ты мой, изъ чужбинки... посельщикъ онъ былъ!... И изъ глазъ ея опять закапали слезы.

— Да какъ же онъ къ вамъ попалъ, за что вы его любите?

— А вотъ видишь, батюшка... (Старуха торопливо старалась вытереть своими изсохшими кулаками капавшія слезы).—Видишь, кормилецъ, сидимъ мы эдакъ, кажись съ годъ назадъ, подъ осень, кажись, съ мужемъ-то въ избѣ, да и думаемъ... О-охъ, батюшка, сердце болитъ! (Старуха торопливо схватилась обѣими руками за сердце).—Такъ вотъ и думаемъ... Гоньба наступаетъ страшная... мужъ-отъ почтовой дворъ содержитъ! объяснила мнѣ старуха, наклонивъ ближе ко мнѣ свое грустное лицо. — Такъ сидимъ, да и думаемъ... а мужъ-отъ и говоритъ: «о-охъ, старуха, плохо дѣло, писаря у меня нѣтъ, а съ проѣзжими теперича одному почесь не справиться... не благословилъ насъ Богъ, старуха, дѣтьми... Хоть бы сынишку выучилъ грамотѣ-то, все бы подмога!..» А я ему и говорю: «да найми ты, старикъ, какого ни-наесть посельщика—ихъ грамотныхъ-то пропасть ходятъ!» А онъ и говоритъ: «да откуда я его возьму; да еще пьяница какой попадется—обворуетъ всего; видишь, насъ первой-другой—да обчелся! И не придумаю, говоритъ, что дѣлать!..» Да такъ-то, знать, ему грустно стало... должно, думаетъ, дѣтей-то своихъ нѣтъ! — Сидитъ, знаешь, голову опустилъ на столъ... а я только смотрю на него, жалко, да и обидно — зачѣмъ Господь дѣтей-то не послалъ! Такъ вотъ мы эдакъ долго сидѣли, вдругъ въ окно-то кто-то и застучалъ: «не здѣсь ли, говоритъ, почтовой дворъ?» а голосъ-то такой слабенькой, да тихонькой... точно милостыню, голубчикъ, просилъ... (Старуха посмотрѣла на покойника). У меня, знаешь, такъ сердце-то отчего-то и застучало... Голосъ-то боль-

но ласковъ былъ! Вотъ и говорю старику-то... А старикъ-то словно не слышитъ, уперся головой въ столъ, да и молчитъ, — такъ вотъ я и говорю: «посмотри-ко ты, кто это за окномъ-то!» А сама встала съ лавки, да и пошла къ окну-то, не выдержала! Вотъ мы съ старикомъ-то, вмѣстѣ ужь, отворили окно-то да и смотримъ... а тамъ стоитъ такой молодецъ изъ себя... молоденькій... въ нѣмецкомъ платьѣ... стоитъ, да и такъ-то грустно взглянулъ на насъ, да и говоритъ: «здѣсь, что ли, почтовой-то дворъ-то?» А мужъ мой и говоритъ: «здѣсь, сударь; лошадокъ, что ли, угодно?—Пожалуйте подорожную»; и протянулъ къ нему изъ окна-то руку. А онъ такъ, значитъ, грустно улыбнулся на это, что у меня сердце захватило; «нѣтъ, говоритъ, старикъ, подорожной у меня нѣтъ; а нельзя ли, говоритъ, на обратныхъ мнѣ уѣхать къ городу-то»... а значитъ, тутъ городъ отъ насъ недалече! Мужъ-отъ и говоритъ: «можно, говоритъ, только маленечко обождите... вотъ оттоль кого нибудь живо примчатъ... переждите, говоритъ, хоша у насъ — въ избѣ-то!» (И такъ-то это ласково сказалъ... съ грустной улыбкой добавила старуха: должно, и ему понравился)! Ну, вотъ, кормилецъ, онъ и вошелъ къ намъ въ избу-то... А тутъ ужь мы и разсмотрѣли — сертучишко-то у него худенькой, прехуденькой! хоша сукно тонкое, богатѣйшее сукно! да и сапоги-то скривились всѣ... вѣстимо — пѣшій пришелъ, да усталъ вишь больно, такъ хотѣлось ужь какъ нибудь дотащиться до города-то!... Опустился этакъ тяжелехонько на лавку... а мы сидимъ, да смотримъ на него... Говоритъ: «нѣтъ ли чего поѣсть?...» Я пошла къ закуту-то, да стала тутъ копаться съ горшками, а старикъ-то тѣмъ часомъ съ нимъ и разговорись... Ужь не знаю, что они тамъ гуторили, только мой-то, какъ принесла я щи-то, и сказалъ мнѣ... да такъ-то весело сказалъ... О-охъ, голубчикъ ты мой! (Старуха снова стала смотрѣть на покойника). «Вотъ, говоритъ, и писарь у насъ, старуха! Угощай-ко живѣй!» Я такъ и обрадовалась... ужь и не знаю, чему я тогда обрадовалась... голосъ ли старика-то больно веселъ былъ, или ужь онъ, голубчикъ, больно приглянулся мнѣ. Ну, что ужь тебѣ говорить-то?... зажилъ онъ у насъ, какъ сынокъ родной... такой-то былъ тихонькій, да смирненькій... О-охъ, тошнехонько!

— Да откуда онъ былъ, ты мнѣ не сказала.

— А... изъ чужбинушки, кормилецъ... изъ дальней чужбинушки! отвѣчала мнѣ старуха и закачала какъ-то отчаянно-стран-

но изъ стороны всторону своей дряхлой головой.—Дальняя ишь ты земля!

Я молча прошелся по комнатѣ; мнѣ хотѣлось взглянуть въ лицо покойнаго, и я слегка приподнялъ покровъ.

Косой лучъ солнца ударялъ прямо въ чистыя, но какого-то страннаго цвѣта, оконныя стекла, переливался радужной полосой по бѣлому и жосткому изголовью покойника, и скользнувъ слегка по темнымъ, причесаннымъ, длиннымъ волосамъ, заигралъ на всемъ его лицѣ. Лицо было серьёзное и страдальческое. Не было въ немъ красоты; но оно было молодо и грустно, зло грустно! Плотно сдавленныя, побѣлѣвшія губы, темныя, насупленныя брови, раздѣленныя продольной широкой морщиной вввалившіяся неопредѣленнаго цвѣта—вѣрно отъ всевозможныхъ непогодъ — щоки, — во всемъ судорожно сжатомъ лицѣ видна была какая-то сдавленная жизнь.

Я стоялъ около покойника и смотрѣлъ на него — не могъ оторваться... А старуха между тѣмъ сзади меня опять причитывала:

Берёзонька одино-о-кая...
Сгубитъ меня непого-о-душка...

— Полно, старуха, перестань! сказалъ я отрывисто, наблюдая все болѣе и болѣе лицо покойника. — Онъ долженъ быть счастливъ, что померъ... подумалось мнѣ, и я тихо, какъ будто не хотя, закрылъ лицо саваномъ.

Старуха смолкла. Она изумилась рѣзкости моего голоса. — Мы молча другъ на друга смотрѣли.

— Покажи ты мнѣ, гдѣ онъ жилъ? спросилъ я все тѣмъ же отрывистымъ тономъ, чувствуя на себѣ неотразимое вліяніе страдальческаго лица мертвеца. — Здѣсь, что ли, онъ жилъ? снова переспросилъ я нетерпѣливо.

Старуха, смотрѣвшая на меня все это время какъ-то испуганно-дико, странно заметалась по избѣ.

— На что тебѣ, кормилецъ, гдѣ онъ жилъ? денегъ нѣтутка, нѣтутка денегъ у насъ ни копѣечки!... И, какъ безумная, продолжала суетиться.

На моемъ лицѣ въ это время должно быть мелькнула чрезвычайно грустная улыбка, старуха ее замѣтила и, уже спокойнѣе, какъ-то жалобно, протянула: «я подумала, ты чиновникъ какой...»

— Нѣтъ ли, бабушка, у него писемъ какихъ? спросилъ я уже опять прежнимъ грустнымъ тономъ. — Не писалъ ли онъ чего?...

— Кормилецъ ты мой! какъ-то вскрикнула старуха. — Онъ много писалъ... много!... Все плакалъ, когда писалъ...

— Гдѣ же то, что онъ писалъ? Покажи мнѣ, что онъ писалъ? съ худо-скрытой радостью, какъ докторъ, нашедшій интересный субъектъ, спросилъ я.

— О-охъ, голубчикъ ты мой, да гдѣ же я тебѣ отыщу его писанье-то?... Гдѣ отыщу тебѣ его? — вѣдь онъ все сердился, когда смотрѣли на него, что онъ дѣлаетъ; рвалъ все больше писанье-то!...

— Пожалуйста, бабушка... умоляющимъ тономъ заговорилъ я: — отыщи ты мнѣ хоть клочокъ, что онъ писалъ-то; я напишу о немъ роднымъ его.

Старуха какъ будто о чемъ-то раздумывала, долго смотрѣла въ изголовье мертвеца, наконецъ, къ величайшему моему удивленію, стала класть передъ образомъ земные поклоны.

— Отдамъ я тебѣ, батюшка, отдамъ я тебѣ его завѣтное... заговорила старуха, протягивая морщинистую руку подъ изголовье мертвеца. Я смотрѣлъ на старуху во всѣ глаза. — Онъ никому не велѣлъ отдавать... велѣлъ похоронить вмѣстѣ съ нимъ, да можетъ, ты напишешь его матери!... (Старуха вынула изъ-подъ изголовья тонкую связку бумагъ, перевязанную нитками.) — Отыщи ты, батюшка, родныхъ-то его! добавила она, смотря на меня умоляющими глазами, и отдала мнѣ связку.

Я молча взялъ бумаги, какъ-то просительно взглянулъ на покойника, какъ будто извиняясь въ нарушеніи его желанія, и вышелъ изъ избы.

Солнце уже значительно опустилось за рѣку, въ воздухѣ была удивительная тишина, тучи мошекъ и комаровъ, переливаясь въ послѣднихъ теплыхъ солнечныхъ лучахъ, летали кругомъ уже готовыхъ лошадей и, безпокоя ихъ, заставляли нетерпѣливо бить копытами и звенѣть почтовыми колокольчиками. Около повозки стояли съ непокрытыми головами новый ямщикъ и содержатель почтоваго двора.

— Готово-съ, сударь, ласково сказалъ мнѣ содержатель почты, задумчиво поглаживая рукой бороду. Ямщикъ полѣзъ на передокъ.

Я хотѣлъ ѣхать; но взглянувъ въ послѣдній разъ на кра-

савицу-рѣку, на этотъ дикій, синій лѣсъ, кажущійся при гаснущихъ солнечныхъ лучахъ еще синѣе и грознѣе, на эти горы, подернутыя уже бѣловатой, но все-таки еще прозрачной дымкой, рѣшился сходить къ берегу.

— Повремени, пожалуйста, немного, сказалъ я, проходя мимо лошадей. — Я только схожу на берегъ... я тебѣ заплачу.

Большая ярко-зеленая трава росла по покатому берегу рѣки; эта трава виднѣлась и на островахъ и давала чрезвычайно картинную обстановку высокому и синему лѣсу. Пробираясь едва замѣтной тропой къ водѣ, я слышалъ около себя въ травѣ непріятное шипѣнье змѣй и чиликанье какихъ-то чрезвычайно маленькихъ, съ жука, птичекъ; надъ головой моей леталъ и кричалъ пронзительнымъ, унылымъ свистомъ молодой ястребенокъ, а вдали, передо мной, слышно было сонное шептанье воды съ каменистымъ берегомъ. О чемъ бормочетъ эта рѣка? Съ этимъ страннымъ, грустно насмѣшливымъ вопросомъ подошелъ я къ водѣ. А рѣка между тѣмъ все шептала и шептала,—какія сказки она говорила? Вспоминала ли былое, или предсказывала будущее?

Передо мной мелькнуло лицо мертвеца... «Сколько разъ можетъ быть онъ тутъ стоялъ», невольно прошепталъ я и какъ-то машинально схватился рукой за письма, вынулъ ихъ и развернулъ; ихъ было очень мало, писаны они были на-половину по-французски и твердой, но лихорадочно-небрежной рукой; я сталъ ихъ читать.

Вотъ первое письмо:

«Странна, очень странна жизнь человѣка! Я, когда прощался съ тобой, Мари—не хотѣлъ писать. Не хочу и теперь, но какая-то змѣя грызетъ мое сердце, сосетъ мой бѣдный мозгъ, и я пишу и пишу... Не ожидай отъ меня слезъ; нѣтъ, вѣдь ты знаешь, я помѣшанъ. Помнишь, съ какимъ я стоическимъ спокойствіемъ выдержалъ передъ судомъ, когда уличали меня въ преступленіи. Помнишь, какой глухой шопотъ пронесся около меня — «онъ помѣшанъ». Помнишь, какъ я гордо и насмѣшливо окинулъ эту толпу судей. Помнишь, съ какимъ я пренебреженіемъ отвѣчалъ: «я виноватъ; ну, что жь?» Помнишь ли ты все это, Мари, моя любимая сестра?... Вѣрно, помнишь; но вѣдь и я очень хорошо такъ же помню, какимъ ты взглядомъ подарила меня, когда надъ моей головой загудѣло слово: «убійца»... Убійца... Право, мнѣ становится смѣшно, когда я вспомню это

слово. Гдѣ же совѣсть, совѣсть, совѣсть! Вѣдь не преступленіе же убило во мнѣ ее; нѣтъ, причина преступленія! А причина ужасна... Но, довольно... Старуха заглянула за мою полотняную ширму... Жалкая старуха!»

— Странное письмо... пробормоталъ я, медленно складывая его по прежнимъ сгибамъ. — Что же это былъ за человѣкъ и за чѣмъ сдѣлалъ онъ преступленіе? Я такъ же медленно развернулъ второе письмо. «Вѣдь я опять пишу... Право, мнѣ становится смѣшно, больно и досадно—зачѣмъ я пишу?—Вѣдь нельзя же мнѣ къ тебѣ переслать писемъ, а пишу... Да что же вы прикажете дѣлать съ человѣкомъ, когда у него неугомонно возится сердце? Что вы прикажете дѣлать съ тѣми людьми, у которыхъ все убито... понимаете ли: все? но къ несчастію не убито сердце... Ахъ, сердце, сердце! Вотъ Мари, вотъ гдѣ вся бѣда — въ сердцѣ! А его сосетъ, жжетъ, и въ моей туманной головѣ все чаще и чаще мелькаетъ: ужь если ты былъ убійцей, такъ будь и самоубійцей; вѣдь это для тебя знакомо?..» Ахъ, преступленіе, преступленіе... А вѣдь странно, я вижу часто во снѣ мою невѣсту съ разрубленнымъ черепомъ — и ничего... не пугаюсь... даже какъ будто эти кровавые уста улыбаются мнѣ... Зачѣмъ я тогда не убилъ себя?—но... вѣдь я и тогда былъ помѣшанъ. Судьи полуоправдали меня, — сказали, что я это вѣрно сдѣлалъ безъ умысла... Да заглянули ли они мнѣ въ душу? Вырвали ли они у меня эту тайну, когда я, какъ жалкая пародія на Отелло, изыскивалъ тысячу случаевъ, чтобы убить ее? Знали ли они, что на моемъ мѣстѣ, если бы я ее не убилъ, такъ они бы ее убили — если только они люди!.. Вѣдь это была не ревность, нѣтъ... это хуже ревности! Это была страшная, обидная антипатія, антипатія безъ всякихъ причинъ съ ея стороны, и уязвленное самолюбіе съ моей... И надъ всѣмъ этимъ царствовали — смѣшно даже вспомнить — свѣтскіе пустые разсчеты! Намъ, видишь ты, не хотѣлось безъ основательной причины другъ отъ друга отказаться. Не хотѣлось быть смѣшными! И зачѣмъ она въ тотъ вечеръ меня дразнила, зачѣмъ издѣвалась надъ моей храбростью, говорила о твердости, о героизмѣ, о родинѣ... Зачѣмъ мнѣ ставила въ упрекъ... но не скажу я этого... Зачѣмъ наконецъ была при мнѣ сабля?... Смѣшно даже и вспомнить. Нѣтъ, за дѣло я ее убилъ — она была глупа и зла! Да, глупа и зла... А вѣдь люди скажутъ, что женщину еще глупѣе бить... скажутъ, что слова женщины не могутъ быть приняты, какъ слова мужчи-

вы... Но были ли они, эти люди, въ тѣхъ минутахъ, когда—надобно сказать откровенно теперь—любимая женщина впускаетъ свои ѣдкіе когти, положимъ, въ больное... но вѣдь она знала, что у меня раздражительное самолюбіе?.. Знала, что я уходилъ отъ нея всегда съ заплаканными глазами? Знала, что я настолько былъ слабъ, что не могъ отказаться отъ нея и настолько щекотливъ, что отчетливо слышалъ малѣйшую насмѣшку въ ея голосѣ? Знала все это, и продолжала мучить меня... Чего же ей хотѣлось отъ меня?... Нѣтъ, это былъ дьяволъ, облеченный въ ангельскую красоту. — Онъ не долженъ былъ оставаться на землѣ. Ахъ, Мари... а голова-то, голова-то... Что мнѣ дѣлать съ моей головой, моя милая сестра?.. Старуха... зачѣмъ она все гладитъ? Что ей нужно отъ меня? Ахъ, Боже мой, Боже мой!..»

Я, совершенно озадаченный, торопливо развернулъ третье письмо.

«Со мной случились сегодня пресмѣшныя вещи — я плакалъ... А какъ давно слезъ у меня не было, Мари! Сколько разъ я твердилъ себѣ, что слезы — признакъ слабости натуры. Положимъ, такъ; но если эта слабость пріятна, если она дѣйствуетъ какъ цѣлительный бальзамъ на больную рану, такъ отчего жь не поддаваться этой слабости? Отчего не желать слезъ? Да впрочемъ... пріятна ли она, эта слабость? Можетъ ли она быть полезна? Постараюсь опредѣлить въ моей слабой, туманной головѣ. Былъ вечеръ. Я долго смотрѣлъ на мою утѣшительницу Обь, долго слѣдилъ за ея волнами, катящимися постепенно, но быстро въ безбрежное море... Я завидовалъ волнамъ... А около нашего двора зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ... Кстати, Мари, я скажу тебѣ... пожалуйста не жалѣй обо мнѣ, вѣдь я умеръ *для* васъ... умеръ — какъ сказано мнѣ въ приговорѣ, — гражданской смертью! Такъ не пугайся, милая сестра, и не жалѣй меня — я писарь, котораго всякій проѣзжающій зоветъ «ты» и котораго беззубая старуха кормитъ по утрамъ жирными лепешками и называетъ дитяткой! Но вѣдь я не человѣкъ— я машина! А машина не можетъ, не должна чувствовать... Такъ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ, впорхнула горничная, за ней вошла молодая, гордая дама, и я узналъ изъ подорожной: графиня Г. въ В... Представь, Мари, какъ забилось мое сердце... мой городъ, мой родной городъ!.. Я должно быть тогда страшно измѣнился; помню только, что подорожная выпала изъ

моихъ рукъ, что графиня сама подняла ее съ полу. Помню этотъ мелодическій голосъ: «что съ вами?» «Ничего, сударыня, виноватъ...» пробормоталъ я злобно. Мнѣ досадно сдѣлалось, что меня назвали «вы» и что подразумѣваютъ во мнѣ что-то выше писаря. Съ грубостью, къ какой только способны истинные писаря, я почти вырвалъ изъ рукъ графини подорожную, пошелъ за свою ширму, но... я отчетливо слышалъ сдержанный женскій вздохъ, ясно видѣлъ голубые глаза, слѣдящіе за мной съ участіемъ — хотя я и не смотрѣлъ назадъ. Это меня еще болѣе раздражило, — я готовъ былъ совсѣмъ расплакаться. Я не вышелъ изъ-за ширмъ, а только протянулъ руку съ подорожной и слышалъ, чувствовалъ — какъ нехотя брали ее изъ моихъ рукъ и какъ какая-то сила тянула меня вслѣдъ за подорожной. Графиня уѣхала и не сказала мнѣ ни слова. Долго я сидѣлъ послѣ отъѣзда ея у окна. Долго смотрѣлъ на рѣку. Рѣка мчалась и мчалась по прежнему. А въ моей головѣ проходила вся моя старая, милая жизнь. Ясно слышалъ я грохотъ экипажей, звонъ колоколовъ; ясно видѣлъ родимыя улицы и домъ, гдѣ я жилъ и гдѣ ты теперь живешь, моя милая сестра... Слышалъ, какъ около меня шелеститъ твое платье; слышалъ, какъ ты мило говоришь мое имя... Я сходилъ съ ума!.. «Подайте милостыню, баринъ»... жалобно протянулъ кто-то около меня. Я обернулся на голосъ, — мнѣ было досадно, что я не умеръ въ моихъ воспоминаніяхъ. Передо мной стоялъ высокій, прямой старикъ; черные глаза его смотрѣли сурово, хотя голосъ былъ и ласковъ. Я невольно вздрогнулъ, смотря на старика. Это была страшная противуположность съ моимъ грустнымъ, плаксивымъ настроеніемъ. И мнѣ опять таки сдѣлалось досадно. «Что тебѣ нужно?» грубо спросилъ я старика. Старикъ вѣрно все понялъ во мнѣ: насмѣшливо улыбнулся и не говоря ни слова вошелъ ко мнѣ въ избу. Вошелъ, сѣлъ около меня и все съ той же насмѣшкой продолжалъ смотрѣть въ мои глаза; мнѣ сдѣлалось неловко. «Я знаю, кто вы... вы не здѣшній! Это я замѣтилъ по вашимъ слезамъ, когда вы смотрѣли въ окно; замѣтилъ по звуку вашего голоса, когда вы стали говорить со мной, — по всему замѣтно! и замѣтно мнѣ потому, что я самъ не здѣшній. Но зачѣмъ же плакать? Вы видите — я старикъ, но у меня еще на столько сохранилось энергіи, чтобы дойти до своего города и умереть хоть тамъ въ тюрьмѣ.

На столько хватитъ энергіи, что я непремѣнно дойду... Зачѣмъ же вы... Вы — молодой человѣкъ, и плачете...» Старикъ всталъ съ лавки. — «Пойдемте со мной, я вамъ только одно обѣщаю — вы дойдете до своего города!» Слова эти, какъ острый ножъ, вонзились въ мое сердце; мнѣ хотѣлось вылетѣть въ окно; но... моя милая сестра, я вспомнилъ тебя.... Вспомнилъ, что ты уже не переживешь — да жива ли ты и теперь! — когда будетъ надо мной въ томъ же самомъ городѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, читаться вторичный приговоръ...Я отказался и заплакалъ... Старикъ ни слова мнѣ не сказалъ, поцаловалъ меня холодно въ лобъ и вышелъ... а я плакалъ, плакалъ!.. Несчастный я человѣкъ, сестра! Во мнѣ никогда не было энергіи, а теперь ужь и подавно я похожъ на машину... Потомъ, когда всѣ эти сцены облегчили меня, т. е. разслабили до такой степени, что я безъ всякаго ощущенія, шатаясь, какъ пьяный, дошелъ до своей убогой постели и легъ на нее — я чувствовалъ страшный приливъ крови къ головѣ, и мнѣ казалось, что я можетъ быть догоню эти счастливыя волны; опять въ головѣ моей нарисовалась другая сцена, худшая! По странной прихоти, въ головѣ моей опять мелькнула ты и моя послѣдняя сцена прощанія съ тобой... Припомнилось мнѣ, моя милая сестра, это брянчанье моихъ цѣпей, когда я, не имѣя силъ поднять тебя, обезпамятѣвшую, съ деревянныхъ подмостокъ, на которыхъ стояли и будутъ стоять всѣ роды преступленій, — тебя, чистую, непорочную, какъ будто нарочно взошедшую на эти подмостки, чтобы вырвать изъ когтей демона погибшаго грѣшника, — тебя, моего ангела, неуспѣвшаго спасти меня и въ отчаяніи умирающаго, — сошелъ какъ безумный съ этихъ подмостокъ, сѣлъ въ ту телегу, на которой всегда можно видѣть слѣды слезъ и крови, и въ это время, о моя сестра!.. въ это время мнѣ послышалась въ страшномъ гулѣ толпы, насладившейся видомъ моей казни... да вѣдь это для меня было хуже казни, потому что послѣ этого я живъ!—такъ въ этомъ гулѣ толпы послышалась мнѣ, моя милая сестра, наша родимая пѣсенка. Запѣлъ ее какой-то гуляка, и запѣлъ ее какъ будто съ желаніемъ пропѣть весело; но... мое ухо было такъ тогда чутко, мое сердце въ то время такъ могло отличать всѣ изгибы другаго сердца, что повѣрь, Мари, — эта пѣсня была для меня погребальнымъ напѣвомъ... Гуляка хотѣлъ должно быть унять

свое сердце... но за то мое... мое сердце, Мари... Ахъ, отъ однихъ воспоминаній я готовъ умертвить себя!.. Потомъ, представилась мнѣ во всей своей адской подробности отвратительная картина убійства... Понимаешь, о чемъ я говорю?.. Зачѣмъ она такъ грустно улыбнулась, когда лежала на полу въ тотъ предсмертный мигъ?.. Зачѣмъ губы ея что-то хотѣли сказать, но не насмѣшливое, не презрительное... О, если она любила меня!.. Вѣдь сердце человѣческое — бездна!... Но нѣтъ, прочь эту мечту... Это пытка!... Какъ я радъ старухѣ!...»

Я, развертывая слѣдующее и послѣднее письмо, почти разорвалъ его.

«Мари, Мари! что, если она меня любила? Что, если всѣ эти насмѣшки, все это страшное презрѣніе были слѣдствіемъ видимаго ею во мнѣ нравственнаго безсилія, и она хотѣла вдохнуть въ меня жизнь, дать мнѣ силу свою на святую борьбу? Все можетъ быть, Мари! Этотъ вопросъ когда нибудь убьетъ меня!.. Какъ бы я желалъ вернуть все старое... но... оно не вернется. Тѣмъ лучше! — я радъ, что у меня началась изнурительная лихорадка и, повѣрь, Мари, никакія ухаживанья, никакія жирныя лепешки старухи не спасутъ меня отъ истощенія. Я радъ умереть, Мари... радъ, чтобы тамъ разрѣшить этотъ вопросъ: любила она меня, или нѣтъ?... Безумецъ я, безумецъ... Недаромъ ты меня всегда такъ особенно любила, любила не какъ возмужалаго человѣка, а какъ ребенка, за которымъ нуженъ уходъ... Ахъ, смерть, смерть, если ты для другихъ кажешься чудовищемъ, то для меня была бы истиннымъ благодѣяніемъ!.. Но довольно; не могу больше писать... Голова все больше и больше тупѣетъ, рука слабнетъ; я, кажется, уже чувствую холодныя объятія смерти... Старуха не спасетъ меня, какъ она за мной ни ухаживай!»

И больше не было ничего; послѣднія строчки я едва могъ разобрать въ сгущавшейся около меня темнотѣ. Я медленно сложилъ опять всѣ эти письма, какъ они были, и задумался...

Надъ Обью между тѣмъ растилался бѣловатый, плотный туманъ. Лѣсные острова едва виднѣлись. Ширина рѣки уходила въ неизмѣримую даль, и не видно было ни роскошныхъ волнъ, ни этой бѣловатой глуби воды. Горы закутались въ бѣлыя покрывала. Въ воздухѣ была тишина: ни ястребъ не кричалъ, ни змѣя не шипѣла, ни маленькія птички не чирикали. Все, каза-

лось, заснуло, только рѣка все продолжала шептать и шептать что-то таинственно берегу...

Долго смотрѣлъ я на рѣку, долго слушалъ...

Когда я подошелъ къ станціи; вмѣсто моей повозки у крыльца стояли уже другія повозки. Какой-то маленькій человѣкъ суетливо хлопоталъ около нихъ, что-то горячо доказывалъ; и вызывалъ на эти доказательства пискъ женскихъ голосовъ изъ повозокъ. Старуха уже не причитывала, и только два прежніе огонька около старой иконы тускло свѣтились во мракѣ. Я торопливо подошелъ къ повозкамъ.

— Ну, что жь, гдѣ жь мои лошади? спросилъ я громко, чтобы перекричать и этотъ пискъ, и эти жаркія доказательства.

Все на минуту смолкло.

— Сейчасъ подадутъ, сейчасъ подадутъ-съ! уже какимъ-то оффиціальнымъ тономъ залепеталъ старикъ, содержатель почты: — они въ оградѣ-съ.

Я взошелъ въ избу. Старуха сидѣла въ ногахъ у покойника и по прежнему ея дряхлая голова была обращена къ бѣлому савану. Но она не взглянула на меня, когда я вошелъ; она даже нисколько не измѣнила своего положенія, когда я сталъ медленно подходить къ покойнику, — она, кажется, спала...

Тихо отдернулъ я бѣлое покрывало. Лицо мертвеца при темнотѣ казалось еще истомленнѣе, еще злѣе... Тихо опять опустилъ я покрывало и вышелъ...

— Азе васе блягородіе... позвольте мнѣ сказать вамъ... позвольте попросить вась, азе вась я знаю... Я Хаимъ, васе блягородіе... уговорите моихъ красавицъ! залепеталъ скороговоркой совершенно нечаянно около меня суетившійся человѣчекъ. — Зъ ними нельзя зладить!

Я непріятно вздрогнулъ. Акцентъ былъ жидовскій. Я спросилъ: — что тебѣ?

— Вотъ изволите видѣть, васе блягородіе... васе поцтеніе...

— Не слушайте, идите лучше къ намъ въ повозку! перебилъ жида рѣзкій женскій голосъ, сопровождаемый пискливымъ хохотомъ еще нѣсколькихъ устъ.

— Васе поцтеніе... послухайте... продолжалъ жидъ: — уговорите ихъ, цтобы они не пили водку... уговорите, здѣлайте ми-

лость! пропадутъ они въ водки!... Ну, цто я теперь буду дѣлать? (Жидъ суетливо заметался около меня). — Вѣдь, право, онѣ усъ, васе поцтеніе, и теперь похожи не на людей, а на звѣрей... а въ Енисейскѣ, мозетъ...

Я не далъ ему договорить и вскочилъ въ телегу...

Н. СМИРНОВЪ.

ГРЯЗЬ И ЗОЛОТО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Золото въ грязи видно.»
(*Русская пословица*).

«Ѣду ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ пасмурный день;
Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь.»
Н. НЕКРАСОВЪ.

ГЛАВА I.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1828 года, въ домѣ графа Аркадія Платоновича Суздальцева (что на Большой Милліонной) случилась покража. Съ письменнаго стола, въ графскомъ кабинетѣ, пропали: золотые, карманные часы, пара серебряныхъ подсвѣчниковъ, изумрудныя запонки и еще нѣсколько мелкихъ вещей, — всего, тысячи на двѣ рублей ассигнаціями.

Для такого барина, какимъ былъ графъ Суздальцевъ, ежегодно проживавшій сотни тысячъ, подобнаго рода потеря, разумѣется, почти ничего не значила. Вмѣсто украденныхъ часовъ и подсвѣчниковъ, онъ въ тотъ же день купилъ другіе, дороже и красивѣе прежнихъ; вмѣсто изумрудныхъ запонокъ надѣлъ брильянтовыя; но его чрезвычайно занимала мысль, кто могъ отважиться на это дерзкое похищеніе? Что воръ непремѣнно

свой человѣкъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, — но кто-же именно? Графъ очень хорошо зналъ, что, за исключеніемъ каммердинера, старика Абрама Никитича, никто въ домѣ не можетъ похвалиться ни честностью, ни безкорыстіемъ. Крадетъ дворецкій при покупкѣ дровъ, поправкѣ и обивкѣ мебели, при устройствѣ баловъ и праздниковъ, и при другихъ удобныхъ случаяхъ; крадетъ поваръ,— этотъ больше всѣхъ: въ годъ *наэкономитъ* не двѣ тысячи, а по крайней мѣрѣ втрое. Но гдѣже и грѣть руки, если не на господской кухнѣ; да и что за барскій поваръ, у котораго руки не въ маслѣ, а рыльцо не въ пушку? Крадетъ ключница; крадутъ слуги, кучеръ, — да словомъ всѣ; но крадутъ систематически, исподволь, подбирая крохи, которыя сами же умышленно сталкиваютъ съ графскаго стола или утягиваютъ отъ его хозяйства. Подобные воры еще сносны. Это — муравьи, годами, терпѣливо складывающіе цѣлые пригорки изъ крохъ да песчинокъ; но похититель подсвѣчниковъ уже не муравей,—тутъ не песчинки, а цѣлые камни, да еще вдобавокъ драгоцѣнные! Ему, какъ видно, все подъ силу: вчера пошарилъ на столѣ; завтра, чего добраго, заберется и въ столъ— а тамъ есть чѣмъ поживиться!

Избѣгая огласки, графъ приказалъ дворецкому, не подавая объявленія въ полицію, розыскать виноватаго, собственными, домашними средствами; то же самое приказаніе, на счетъ женской прислуги, было отдано ключницѣ. Тотъ и другая, каждый по своему, занялись производствомъ слѣдствія.

Дворецкій, Артемій Прохорычъ, какъ опытный юристъ, началъ издалека. Первые три дня послѣ покражи, *инкогнито*, то есть въ старомъ бекешѣ и засаленой фуражкѣ, онъ обошелъ всѣ лавки и лары, всѣ таинственные закоулки Толкучаго рынка. Видѣлъ тамъ множество подсвѣчниковъ, часовъ, запонокъ, по всей вѣроятности украденыхъ, — да только не у графа. Послѣ этихъ безплодныхъ поисковъ, дворецкій догадался поискать въ графскомъ домѣ, и безъ церемоніи перерылъ всѣ лакейскіе, даже кучерскіе сундуки. Эти поиски были удачнѣе: въ одномъ нашлась чайная ложечка съ графскимъ гербомъ, въ другомъ—салфетка, въ третьемъ — хрустальная тарелочка. Такъ какъ эти вещи, лѣтъ десять тому назадъ, внесены въ списокъ безъ вѣсти пропавшихъ, то дворецкій не разсудилъ за благо доводить о такихъ пустякахъ до свѣдѣнія его сіятельства; онъ ограничился только приличной рацеей, которую прочелъ виноватымъ. — «Ишь,

безстыдники!» сказалъ онъ, — «всякую дрянь подбираютъ, все-то имъ нужно! Вотъ хоть-бы это блюдцо? Ну, на что оно? Поди продавать, пятиалтыннаго не дадутъ. Правду говоритъ пословица: доброму вору все въ пору!» Артемій Прохорычъ вообще любилъ вклеивать въ разговоръ пословицы — и кстати, и нѣтъ, все равно: было бы только складно сказано. Послѣ неудачнаго инспекторскаго смотра лакейскимъ сундукамъ, дворецкій рѣшился на послѣднія средства: сталъ подглядывать, подслушивать и угощать лакеевъ водкою: можетъ, она, родимая, языки поразвяжетъ, и авось въ хмѣлю воръ проболтнется! На даромъ-же и пословица говоритъ: «что у трезваго—на умѣ, то у пьянаго — на языкѣ!» Увы! — не удалось дворецкому ни подглядѣть, ни подслушать ничего подозрительнаго. Пили лакеи здорово; но водка не развязывала, а скорѣе связывала языки лакеямъ; и могли ли они сказать что нибудь лишнее, когда — какъ говорится — лыка не вязали? —«Что бы еще придумать для поимки вора?» Но какъ ни ломалъ себѣ головы дворецкій, какъ ни рвалъ на себѣ волосъ, — увы! и воръ и украденыя вещи словно въ воду канули.

Ключница, Аграфена Захарьевна, дѣйствовала иначе. Зная, что въ этомъ грязномъ дѣлѣ, безъ нечистой силы ничего не сдѣлаешь, рѣшилась прибѣгнуть къ тайнымъ, сверхъ-естественнымъ средствамъ. Подобно дворецкому, не бродила она по Толкучему рынку, а посѣтила всѣхъ петербурскихъ знахарокъ и ворожеекъ. Поколесила-таки Аграфена Захарьевна — отъ Васильевскаго острова до Песковъ, и отъ Сухарнаго моста до Выборгской стороны, включительно. Однако ни карты, ни кофейная гуща, ни бобы не могли дать бѣдной ключницѣ утѣшительнаго отвѣта.

Каролина Өедоровна, мадамъ Ленорманъ Васильевскаго острова, сказала, что вещи украдены какой-то бѣлокурой женщиной, и переданы ею какому-то благородному мужчинѣ, то есть, пиковому королю, и отыщутся, да не такъ-то скоро.

Лизавета Ивановна, пиѳія Песковъ и Литейной, прочла въ кофейной гущѣ, что воровка—пожилая женщина, что вещи проданы и ихъ уже нѣтъ въ Петербургѣ.

Коломенская Норма, знаменитая Маѳуша, увидя входящую Аграфену Захарьевну, запѣла пѣтухомъ (что, по мнѣнію ея поклонниковъ, добрый знакъ), потомъ нагородила ей съ три короба

про какую-то солонку, тамъ — сорвала съ головы ключницы чепчикъ, и въ заключеніе вытолкала ее за дверь.

Наконецъ, какая-то Анна Леонтьевна гадала на бобахъ,— такъ на нихъ и осталась ключница! Совѣтовала ей еще какая-то знакомая старушка съѣздить въ Пулково, къ какому-то Ѳединькѣ; но утомленная Аграфена Захарьевна отказалась отъ этой дальней прогулки и сама принялась за чародѣйство. Что только она не дѣлала! Клала карты подъ подушки спящимъ горничнымъ; тѣхъ, которыя говорили въ снѣ, хватала за ноги (говорятъ, будто при этомъ спящій раскажетъ, все что у него на душѣ); но горничныя съ крикомъ просыпались, либо съ просонья такъ больно лягались, что отбивали охоту у ключницы производить магнетическіе опыты. Раздавала она служанкамъ одинаковой длины соломенки, и уходя въ другую комнату, объявляла имъ, что въ рукахъ у виноватой соломенка непремѣнно выростетъ. Черезъ нѣсколько минутъ возвращалась, отбирала, сравнивала соломенки: ни одна не обкусана, не надломлена! Дѣлала старушка еще что-то такое съ ключемъ, который вкладывала въ книгу.... да всего не упомнишь — и все напрасно!...

Домашнее слѣдствіе тянулось недѣли двѣ; протянулось бы, пожалуй, и долѣе, если бы графъ, въ одно прекрасное утро, совершенно неожиданно, не прекратилъ его.

— Спасибо за старанія, сказалъ онъ дворецкому и ключницѣ:—только жаль, что они были напрасны. Вещи нашлись.

— Нашлись, ваше сіятельство! съ непритворной радостью воскликнулъ дворецкій.—Гдѣ-же, осмѣлюсь спросить?

— Слава тебѣ Господи! прошептала ключница, крестясь и моргая, чтобъ выжать непослушныя слезы.

— Вещи нашлись, любезный мой, отвѣчалъ графъ съ улыбкою, не смотря на дворецкаго: — гдѣ-бы ты думалъ? У меня, въ гордеробной. Совсѣмъ изъ ума вонъ, что двѣ недѣли тому назадъ самъ же ихъ туда снесъ; спасибо Абраму—напомнилъ... Скажите же людямъ, чтобъ они не тужили, а главное —несердились на меня за напраслину. Идите съ Богомъ!

— Батюшка, ваше сіятельство, заголосила ключница (по неимѣнію въ наличности слезъ, самымъ минорнымъ тономъ), я покойной вашей матушкѣ, графинѣ Елизаветѣ Григорьевнѣ, служила вѣрой и правдой, и вашему сіятельству таперича десятый годъ служу, а чтобъ когда лукавый меня попуталъ, ниточку,

былиночку изъ вашего добра утаить, — разрази меня Господь Богъ!

— Знаю, знаю, Захарьевна! перебилъ графъ, потрепавъ ключницу по плечу.

— Ваше добро то же, что мое собственное!

— И въ этомъ я совершенно увѣренъ! Ступай же, ступай, мнѣ некогда.

— Слушаю, ваше сіятельство! А все-же, если милость ваша будетъ выслушать.... Чего только я ни на терпѣлась за эти дни,— одному всемогущему Создателю извѣстно. Ночей не спала, не пила, не ѣла, глазъ не осушала! Кровныхъ десять рублей ассигнаціями на извощиковъ потратила: «да что», думаю себѣ, «лишь-бы вора найдти!»

— И я, съ своей стороны, осмѣлюсь доложить, перебилъ ее дворецкій:—можно сказать, не жалѣлъ ни себя, ни денегъ. И пословица говоритъ: «за Богомъ молитва....»

— Хорошо, хорошо, напиши самъ, я въ долгу не останусь! И графъ сѣлъ къ столу, желая дать этимъ понять дворецкому и ключницѣ, что аудіенція кончена.

— Что скажете, Аграфена Захарьевна? таинственно прошепталъ дворецкій, когда они вышли изъ кабинета.

— Да ужь и сама не знаю, что сказать, Артемій Прохорычъ! Ума не приложу, отвѣчала старушка въ раздумьи.—Тутъ что-то не такъ, воля ваша! Вы мнѣ только вотъ что скажите: какъ же это его сіятельство могли позабыть, что сами снесли эти вещи въ гардеробную? У нихъ, кажись, не дѣвичья память, и, слава Богу, не въ такихъ еще они годахъ, чтобъ изъ ума выживать? Оченно странно!

— Да-съ... тутъ что-то, того... что-то мудреное. И замѣтили вы, онъ сказалъ, что Абрамъ Никитичъ напомнилъ?

— Да, да! Къ чему бы это, какъ вы думаете?

— Не знаю, съ усмѣшкой отвѣчалъ дворецкій.

— Не знаете? Полно, батюшка, дурака-то строить; вы, я чай, насквозь все видите!...

— Не могимъ знать! Моя хата съ краю, ничего не знаю.

— Да полноте шутить... Скажи, батюшка, Артемій Прохорычъ! пристала ключница.

— Хе, хе, хе! Вотъ и правду говоритъ пословица: «у бабы волосъ дологъ...»

— Да умъ коротокъ! живо перебила ключница:—знаю, знаю; да скажите же...

На встрѣчу имъ шелъ каммердинеръ, старикъ, Абрамъ Никитичъ. Лицо его было блѣдно, глаза заплаканы, волосы всклокочены, губы дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Едва кивнувъ головой собесѣдникамъ, онъ, какъ тѣнь, промелькнулъ мимо ихъ, вѣроятно во избѣжаніе распросовъ.

— Замѣтили? шепнулъ дворецкій, лукаво мигнувъ ему вслѣдъ.

— Какъ не замѣтить... Да неужто? И Аграфена Захарьевна вопросительно взглянула на Артемія Прохорыча.

— А вы какъ думали? Вотъ она, честность-то! Не клади плохо...

— Да мнѣ все не вѣрится!

— И не вѣрьте,—ваша власть... Припомните только, я всегда говорилъ вамъ, что Абрамъ Никитичъ себѣ на умѣ! Да вѣдь все, матушка, до поры, до времени! Повадится кувшинъ по воду...

— Эхъ, батюшка! вы говорили, вы замѣчали! А я нешто слѣпая? Я всегда говорила: горды, горды не по чину... Ужь мы ли не мы, ужь у насъ ли все не на барскую ногу! Важные господа!

— Да и жонка его... началъ было дворецкій.

— Ульяна Ѳедотовна? И! не приведи Богъ, гордянка... Про сынка ихъ возлюбленнаго, Капитошиньку и говорить нечего! Просто дворянчикъ... Мы, знаете, простыхъ цыгарокъ не куримъ, въ перчаткахъ, да бобровомъ бекешѣ ходимъ! Съ нами не шутите, вѣдь *вольные*-съ!

— Графскій крестничекъ, еще-бы! Эхъ, свиньи они недовольные! Чего имъ не хватаетъ? Квартира — три комнаты, кухня, кушанье съ барскаго стола, а что одежи, бѣлья...

— Съ жиру бѣсятся, истинно съ жиру бѣсятся! Видно, краденый кусокъ слаще? Вотъ врагъ-то путаетъ! Примѣрно, про себя скажу: пользовалась ли я когда нибудь тѣмъ, что плохо лежало? Да сохрани меня Богъ и помилуй! Иной разъ, вѣрите ли, кусокъ сахару валяется; ну что кусокъ сахару?—дрянь; другая подобрала бы, а я подберу, да въ господскій чайный ящикъ и спрячу...

— Да помилуйте, одно слово—господское добро. Вы видѣли, какъ я намедни поваренка Петрушку таскалъ? А за что, знаете-

ли? Парочку пирожковъ съ блюда стиляснулъ... Какъ вамъ покажется? Пирожки, конечно, дрянь, пустякъ; но я такихъ мыслей, что если Петрушка не постыдился пирожки украсть, то и другому чему, получше, спуску не дастъ! Это я, можно сказать, по собственному примѣру знаю... Гм! то есть бывали примѣры! поправился дворецкій. А! да вотъ и дѣвичья. Вы въ дѣвичью?

— Въ дѣвичью... А вы?

— За покупками въ Милютины лавки. А каковъ Абрамъ Никитичъ, — вы мнѣ скажите?

— Ужь лучше не говорите! И ключница, махнувъ обѣими руками, распростилась съ дворецкимъ.

Они угадывали, — только не совсѣмъ.

ГЛАВА II.

Быстро вошелъ Абрамъ Никитичъ въ кабинетъ графа и плотно заперъ за собою двери. Графъ въ это время читалъ у стола какую-то книгу, покусывая костяной ножъ для разрѣзыванія листовъ.

— Можешь запереть двери на задвижку, сказалъ онъ каммердинеру. Да—полно же, старикъ, плакать... Перестань...

— Ахъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ камердинеръ всхлипывая и ломая руки:—мнѣ стыдно и больно...

— Полно, полно! Ты тутъ рѣшительно ни въ чемъ невиноватъ. Разскажи мнѣ лучше, со всѣми подробностями, какъ было дѣло.

— Да вотъ-съ, какъ я уже докладывалъ вамъ, что съ самаго лѣта Капитонъ на себя непохожъ. Со мной и съ матерью обходится грубо, дерзко; мы ему слово, а онъ въ отвѣтъ — двадцать. Уйдетъ съ самаго ранняго утра и пропадаетъ до поздней ночи. Спросимъ: гдѣ былъ? всегда одинъ отвѣтъ: «про то я знаю.» Раза два я его таки потрепалъ, да жена, баловница, сейчасъ въ слезы, чуть сама со мной въ драку не лѣзетъ... Я такъ и отступился: пусть—думаю—перебѣсится. Франтить, форсить— это наше дѣло, а попроси я или жена: «Капитоша, сходи къ кумѣ, спровѣдай, жива ли?» либо въ гостинный дворъ, матери коленкору купить,—такъ куда! «Я вамъ, говоритъ, не лакей достался, можете сами сходить.»

— И ты съ женой молчишь?

— Я-то прикрикну, а жена сейчасъ же его сторону приметъ, либо все въ шутку повернетъ. «Вѣдь онъ, говоритъ, у насъ бѣлоручка, что твой барченокъ...» И поплетется сама, зачѣмъ тамъ ей надобно, а онъ на цѣлый день опять тамъ пропадетъ!

— Куда же онъ уходилъ?

— Богъ его вѣдаетъ. Только знаю я, что ѣзжалъ онъ и за городъ, на лихачахъ; и въ трактирахъ бывалъ. Я все крѣпился и ждалъ, что дальше будетъ?

— Страшный промахъ съ твоей стороны. Что дальше будетъ? Ты видишь теперь, что значитъ запустить подобнаго рода болѣзни, то есть пороки? Онѣ злѣе всякой горячки... Ну, дальше!

— Такъ и вышло, ваше сіятельство, — чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Наконецъ, какъ-то въ началѣ осени, Капитонъ пришелъ домой, извините, пьянехонекъ. Этого прежде за нимъ не водилось. Гдѣ былъ? Такъ, говоритъ, съ пріятелями. Будь они прокляты, твои пріятели говорю; ты пьянъ, негодяй! «Пьянъ, да не вы угощали, — стало, не ваша и забота...»

— Опять, твоя ошибка! перебилъ графъ:—отчего было тогда же мнѣ не сказать?

— Батюшка, ваше сіятельство, да осмѣлился бы я безпокоить васъ такими кляузами?

— Теперь лучше, — не правда ли?

— Вотъ-съ и сталъ Капитонъ загуливать. Ужь чего только я ни дѣлалъ,—уговаривалъ его, билъ, за замокъ сажалъ... Нѣтъ! хоть лбомъ объ уголъ бейся. Пересталъ я ему карманныя деньги давать; онъ утѣшился: подобьется къ матери, полиситъ ей, а она растаетъ, да тайкомъ и дастъ ему—когда пять, а когда и десять рублей. Кромѣ того, сталъ онъ потихоньку свои вещи продавать. Часы я ему на Рождествѣ подарилъ, богатые часы, на восьми камняхъ; по случаю дешево достались, а то у часовщика, рублей двѣсти дать нужно, да и то не купишь. Вотъ, ваше сіятельство, онъ эти часики — по боку; галстухи, жилетки, даже что было изъ хорошаго бѣлья — все спустилъ... А куда выдти нужно, такъ вырядится въ мое платье, да такъ безъ зазрѣнія совѣсти и щеголяетъ.

— А сколько ему лѣтъ отъ роду? Уже за двадцать, я думаю?

— Двадцать первый годъ, ваше сіятельство.

— Не ребенокъ. Удивляюсь тебѣ, Абрамъ Никитичъ, человѣкъ ты не глупый, а до сихъ поръ не заботился о сынѣ. Какъже не пристроить его?

— Ахъ, ваше сіятельство, не хватитъ у васъ терпѣнія всего переслушать! Я ли о немъ, негодномъ, не заботился? Выходило ему славное мѣсто въ прикащики, къ знакомому кандитеру. Сказалъ ему и женѣ,—такъ вѣдь руками и ногами. Да какъ же ему съ его образованіемъ сидѣть въ кондитерской лавкѣ? Какъ можно! Потомъ, весной, кумъ Иванъ Елизарычъ изъ Рыбинска пріѣзжалъ (онъ хлѣбомъ торгуетъ, купецъ второй гильдіи); просилъ меня отдать ему Капитона. «Будетъ моей правой рукой; а честно служить будетъ, такъ я его въ люди выведу». Мы было порѣшили съ нимъ, да какъ только я моей старухѣ намекнулъ— расплакалась! «Одно дѣтище, и то отъ меня отнимаютъ! Да не бывать этому, не ѣхать Капитошѣ въ Рыбинскъ! Прежде меня, живую, въ землю закопай...» И пошла, и пошла; еле унялъ. А потомъ и говоримъ: не помнишь ты, что ли, въ прошедшемъ году, его сіятельство изволили сказать, что найдутъ ему должность при дворѣ?» — Точно, ваше сіятельство, вы изволили обѣщать; но смѣлъ ли я разсчитывать навѣрное? Мы уже и безъ того осыпаны вашими милостями...

— Слушай, сказалъ графъ, послѣ минутнаго молчанія,—виноваты мы всѣ, какъ я посмотрю,—избаловали мальчишку. Но— доканчивай.

— Вотъ-съ, такъ у насъ все и шло. Случилась эта покража, весь домъ въ попыхахъ, всѣ въ горѣ, — одинъ Капитонъ ухомъ не ведетъ, да еще мало того — подшучиваетъ! «Что, говоритъ, папенька, я думаю, у васъ душа въ пятки уходитъ? Вѣдь, по настоящему, на васъ должно падать все подозрѣніе.» Вѣрите ли, ваше сіятельство, даже страхъ напалъ. Потомъ, дня черезъ два, гляжу, у Капитона обновки: шляпа, тросгь съ золоченымъ набалдашникомъ, серебряные часики. Меня будто кто въ лобъ обухомъ стукнулъ, гляжу и боюсь глазамъ вѣрить. Откуда? Гдѣ взялъ? А онъ такъ спокойно: «знакомый, говоритъ, подарилъ.» Да вѣдь самъ не смигнетъ,—только усмѣхается. Тамъ, глядь, у Капитона новый бекешъ. Тутъ уже у меня будто повязка съ глазъ спала; я попросилъ жену выпытать у негодяя всю подноготную. Онъ мялся, мялся да и сплелъ ей цѣлую исторію, что это подарки одной хорошенькой барыни. Старуха съ дуру повѣрила, да и мнѣ туману въ глаза напустила. Наконецъ, третьяго дня Богъ его попуталъ. Собирался онъ со двора, въ торопяхъ выронилъ бумажникъ, а изъ него и вывалился вашъ серебряный карандашъ, который пропалъ вмѣстѣ съ другими вещами. Вотъ

ужь тутъ я отпѣлъ за все: обновку-то, Капитошкину трость, такъ всю объ него и изломалъ: жена вздумала заступаться — за то и ей досталось.... Избилъ я его немилосердно, но полнаго признанія не могъ добиться; стоитъ на одномъ словѣ: «знать не знаю! Видно, говоритъ, вы сами украли, а теперь на меня сворачиваете!...» Отдаю его на судъ вашего сіятельства; хоть въ Сибирь его отправьте, не пожалѣю! Худая трава изъ поля вонъ. За какіе только грѣхи наказалъ меня Господь этимъ извергомъ? Одиннадцать лѣтъ дѣтей не было и вдругъ, вымолили себѣ не-щечко!...

— Въ Сибирь я его не пошлю, сказалъ графъ:—но и безъ наказанія не оставлю. Наказаніе будетъ зависѣть отъ него самого: я смягчу наказаніе, если замѣчу въ твоемъ Капитонѣ хоть искру раскаянія; если же нѣтъ, предупреждаю тебя, Абрамъ, я буду безпощаденъ! Судя по тому, что ты мнѣ о немъ разсказалъ, я вижу, что онъ негодяй большой руки!

— И въ кого только онъ уродился? Я воромъ отъ роду не бывалъ; жена — баба глупая, баловница, но заповѣди Господни помнитъ....

— Хорошо, Абрамъ Никитичъ, спасибо за исповѣдь; смотри же, храни все въ тайнѣ. Для твоего собственнаго спокойствія говорю. Теперь мнѣ некогда, а ты приходи ко мнѣ завтра, вмѣстѣ съ нимъ, мы и потолкуемъ. Постарайся урезонить его, доведи, если можешь, до раскаянія — и, пожалуйста, не бей! Это глупо и пошло. Повторяю тебѣ, вся судьба Капитона въ его рукахъ. За кротость и раскаяніе, можетъ быть будетъ даже прощеніе, но если я замѣчу упрямство, непокорность.... смотри, чуръ на меня не роптать!

— Ваша добрая воля, ваше сіятельство!

На другой день, въ кабинетѣ графа разыгралась новая сцена, хотя и при той же обстановкѣ, съ прибавкою новаго дѣйствующаго лица — Капитона Абрамыча.

Графъ большими шагами ходилъ по комнатѣ, останавливаясь по временамъ передъ стоявшимъ у дверей молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати. Онъ былъ невысокаго роста, съ широкими плечами и атлетическими формами, — жаль только, что колѣни его были какъ-то некрасиво изогнуты и отличались большими, топорными разрѣзами. Рыжіе волосы моего героя были густо напомажены, и, кажется, завиты. Лицо было блѣдно, отъ чего еще рѣзче обозначались веснушки, обильно покрывавшія его щоки и

переносье. Взглядъ прищуремыхъ сѣрыхъ глазъ былъ полонъ какой-то безсильной ярости, особенно, если раздавался голосъ Абрама Никитича, стоявшаго нѣсколько поодаль. Одѣтъ Капитонъ былъ щеголевато, но безъ вкусу; дрожащая правая рука машинально перебирала толстую, бронзовую цѣпочку, извивающуюся по пестрому жилету; лѣвая — была закинута назадъ. Толстые, красные пальцы были унизаны семилоровыми перстнями и противными колечками, съ гранатками и бирюзой. Колечки эти въ большомъ употребленіи въ дѣвичьихъ, лакейскихъ и модныхъ магазинахъ, — ими обыкновенно размѣниваются модистки и субретки съ *предметами* своихъ нѣжныхъ сердецъ, то есть лакеями и писарями.

Долго графъ не могъ собраться съ мыслями. Врожденная деликатность боролась въ немъ съ крайнимъ негодованіемъ; онъ посматривалъ на своего подсудимаго съ тѣми же чувствами, съ какими иные нервные люди смотрятъ на пауковъ, таракановъ, лягушекъ и другихъ граціозныхъ насѣкомыхъ.... чувства эти почему-то называютъ боязнію. Долго ходилъ графъ по кабинету, наконецъ, облокотясь на кресла, сказалъ вполголоса:

— Капитонъ!

Юноша выпрямился и устремилъ на графа холодный, стальной взглядъ. Отецъ дѣлалъ ему какіе-то масонскіе знаки, кивая головой на ноги графа; но Капитонъ отвѣчалъ на эти знаки презрительной усмѣшкой.

—Капитонъ, продолжалъ графъ:—отецъ твой выросъ у насъ въ домѣ. Честно служилъ онъ моему отцу, честно и мнѣ служитъ. Мало сказать я люблю, я уважаю старика Абрама, и знаю, что онъ любитъ меня неограниченно. Когда ты родился, отецъ твой просилъ меня и мою покойную матушку покумиться съ нимъ,— и мы тебя окрестили. Вмѣстѣ съ крестомъ, я положилъ тебѣ, младенцу, на грудь — *вольную*, желая душевно, чтобы ты, будучи добрымъ христіаниномъ, былъ въ то же время человѣкомъ, полезнымъ обществу. Этимъ я отблагодарилъ отца твоего за вѣрную службу, предлагалъ вольную и ему,но онъ отказался, не желая мѣнять своего положенія.

Капитонъ въ это время, отъ нечего дѣлать, считалъ *сухарики* на карнизѣ графскаго кабинета; старикъ Абрамъ плакалъ.

— Ребенкомъ, трехъ, четырехъ лѣтъ, продолжалъ графъ: — ты игрывалъ у насъ въ комнатахъ; матушка моя часто брала

тебя на руки, цаловала, ласкала.... Скажи мнѣ, по совѣсти, позабылъ ты эти ласки?

— Тридцать шесть, тридцать семь,— считалъ глазами Капитонъ; но прерванный графомъ, сбился со счету, и вмѣсто отвѣта, поклонился.

— Да ты слышишь ли, истуканъ, что его сіятельство говорятъ? задыхаясь прошепталъ отецъ.

— Говорятъ да не вамъ, дерзко отвѣчалъ сынъ: — а ежели я истуканъ, то натурально не могу ничего слышать!

Графъ поблѣднѣлъ, и перевернувъ кресла, стукнулъ ими объ полъ такъ сильно, что мѣдное колесцо отлетѣло всторону; Абрамъ Никитичъ поспѣшно его поднялъ, а Капитонъ даже не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія. Онъ шепнулъ отцу, показывая глазами на колесцо: «лѣвѣе, около столика!»

— Помнишь ли ты мать мою? спросилъ графъ отрывисто.

— Какъ не помнить, ваше сіятельство; я ихъ какъ теперь вижу, отвѣчалъ Капитонъ любезнымъ голосомъ, будто рѣчь была о какомъ нибудь сверстникѣ-мальчишкѣ.

— А видѣлъ ли ты ее, когда пришелъ красть въ этотъ кабинетъ? И графъ дрожащей рукой указалъ на столъ, на которомъ лежалъ серебряный карандашъ, который Капитономъ былъ выроненъ изъ бумажника.

— Можетъ кто и кралъ, да только не я, ваше сіятельство! дерзко отвѣчалъ Капитонъ.

— Не ты? И ты можешь еще запираться? Отецъ уличилъ тебя....

— Можетъ, онъ самъ воровалъ, а на меня....

Но графъ не далъ ему кончить. Внѣ себя, выведенный изъ терпѣнія наглостью негодяя, онъ оторвалъ шелковую кисть отъ халата и бросилъ ее въ лицо Капитона.

— Вы напрасно драться изволите, ваше сіятельство, отвѣчалъ тотъ, отталкивая кисть ногою: — я, кажется, вольный....

— А! ты вольный! вскричалъ графъ, съ какой-то странной улыбкой: — такъ въ этомъ случаѣ ты помнишь, что ты вольный? Да развѣ я и покойная матушка затѣмъ освободили тебя, чтобъ ты былъ воромъ? Говори!

— Говори! крикнулъ отецъ.

— Да молчите вы! отвѣчалъ съ досадой Капитонъ: — я съ вами и говорить-то не хочу! либо васъ, либо ихъ сіятельство слушать....

— Послушай, негодяй, перебилъ графъ: — да ты опомнись, гдѣ ты?

— Какъ не помнить, — у вашего сіятельства.

— Такъ отвѣчай же мнѣ, какъ слѣдуетъ. Что̀ побудило тебя воровать? Бѣдность, нужда, голодъ?... Послушай, Капитонъ, продолжалъ графъ съ усиліемъ:—скажи мнѣ, какъ отцу... скажи: можетъ быть тебѣ была крайность въ деньгахъ, ты хотѣлъ отдать долгъ — и ты, сдѣлавъ низость передо мною, сталъ честнымъ человѣкомъ передъ кѣмъ нибудь другимъ? можетъ быть ты влюбленъ, и укралъ, чтобы подарить обновку своей возлюбленной?... Это дурно, конечно, это не оправданіе; но страсть часто увлекаетъ за предѣлы благоразумія. Да скажи же, наконецъ, хоть слово?

— Ничего не знаю, ваше сіятельство, и говорить мнѣ нечего! апатично отвѣчалъ Капитонъ.

— Наконецъ, что бы ни заставило тебя рѣшиться на кражу, признайся только (можетъ быть твой отецъ ошибается), признайся — ты укралъ вещи?

— Я сказалъ, ваше сіятельство, что не я,—и сто разъ то же скажу!

— Знаешь ли ты, какое, по закону, опредѣлено наказаніе ворамъ?

— Какъ не знать, ваше сіятельство! Плети, клейма и ссылка! Да вѣдь надобно доказать, что человѣкъ воръ, а такъ, по голословному обвиненію, подъ плети подвести нельзя... Гдѣ свидѣтели?

— Отецъ твой!

— Отецъ едва ли можетъ быть свидѣтелемъ. Пойдемъ судиться, такъ еще Богъ-вѣсть чья возьметъ? Я отца-то и до присяги, вотъ, не допущу, а отведу! Не пойманъ — такъ не воръ!.. Я, слава Богу, законы-то знаю не хуже инаго прочаго. Вы, ваше сіятельство, и въ полицію-то объявки не подавали, а дѣлали домашніе розыски. Самоуправство—закономъ воспрещается!

— И ты смѣешь еще говорить о законахъ? Слушай, Капитонъ, въ послѣдній разъ, именемъ покойной матушки, прошу тебя: если въ тебѣ есть совѣсть и сердце — покайся, скажи мнѣ всю истину, и я, можетъ быть, прощу тебя.

— Простите? А въ чемъ же меня прощать, ваше сіятельство? Праваго и прощать нечего.

— Такъ ты правъ? Стало быть отецъ твой на тебя клевещетъ? Стало быть не ты, а онъ настоящій воръ?

— Разумѣется, онъ, — а то кто же? Не вы же сами, ваше сіятельство. Кромѣ отца, сюда никто не ходитъ.

— Хорошо. Завтра же я увѣдомляю полицію, и отдаю отца твоего подъ судъ. Тебѣ не жаль?

— Чего жалѣть? По дѣломъ вору и мука!

Въ комнатѣ воцарилось мертвое молчаніе, только часы на столѣ мѣрно и звонко постукивали и имъ вторили удары сердецъ присутствующихъ.

— Капитонъ Архиповъ, сказалъ графъ торжественно: — я обѣщалъ тебѣ казенное мѣсто, на которое ты разсчитывалъ, — и сдержу свое обѣщаніе. Мнѣ ничего не значило бы упрятать тебя въ теплое мѣстечко; но я не хочу, чтобы клеймо палача прикоснулось къ лицу, которое когда-то цаловала мать моя, да и не хочется мнѣ позорить сѣдины твоего несчастнаго отца. Теперь время военное, ты малый не уродъ, не калѣка, пуля лучше клейма, и кровь, пролитая на полѣ чести, можетъ смыть позоръ и безчестіе... Ступай-ко, братъ, подъ красную шапку. Поздравляю тебя вольноопредѣляющимся въ любой кавалерійскій или пѣхотный полкъ.

— Ваше сіятельство! вскрикнулъ Капитонъ, падая на колѣни. Онъ понялъ, что тутъ уже не до шутокъ; но графъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Капитонъ постоялъ еще минуты двѣ на колѣняхъ, потомъ медленно приподнялся, и обмахивая колѣни носовымъ платкомъ, сказалъ съ усмѣшкой:

— Подъ красную шапку? Шутите, ваше сіятельство! это одна только страсть. Насильно вольноопредѣляющихся въ службу не принимаютъ, а лба забрить мнѣ не посмѣютъ. Вѣдь я вольный.

— Видишь ли, негодяй, что ты надѣлалъ! сказалъ Абрамъ Никитичъ, схвативъ его за руку.

— Что вы сумашествуете-то! заворчалъ Капитонъ, отдергивая руку: — ишь какъ дернули! даже кость хрустнула и колечко погнулось. Сейчасъ видно необразованнаго человѣка....

ГЛАВА III.

Рѣшеніе участи Капитона было замедлено совершенно неожиданнымъ событіемъ, которое на время отвлекло мысли графа

отъ негодяя, и заставило его чуть не позабыть и Капитона, и его проступокъ. Октября 14 скончалась императрица Марія Өеодоровна, и графъ Суздальцевъ, занимавшій важныя должности при дворѣ и въ одномъ изъ многочисленныхъ учрежденій усопшей императрицы, занялся важными дѣлами. Не только графъ, но даже дворецкій и ключница почти позабыли о покражѣ,—не до нея имъ было! Артемій Прохорычъ былъ въ страшной суматохѣ по случаю обивки трауромъ парадныхъ комнатъ и графскихъ экипажей; ключница хлопотала о заготовленіи траура для женской прислуги. Въ это время Капитонъ успѣлъ досыта надуматься объ угрожающей ему перемѣнѣ, и мало по малу не только перестать бояться сѣрой шинели и солдатскаго кивера, но даже видѣлъ въ нихъ нѣкоторую пріятность. «Конечно», разсуждалъ онъ, «я бы могъ потягаться съ графомъ, еслибъ захотѣлъ, — да не хочу! И, по правдѣ сказать, чѣмъ не жизнь въ военной службѣ? Вѣдь я не сдаточный рекрутъ, я буду вольноопредѣляющимся, на линіи дворянина! Двѣнадцать лѣтъ не вѣкъ, я еще молодъ, — не увижу, какъ время пройдетъ и въ тридцать лѣтъ буду офицеромъ... Фу ты, пропасть! Эполеты, шарфъ, полусабля съ темлякомъ — лихо! Ай да папенька крестный, спасибо ему, ей-Богу спасибо, надоумилъ. А то, дѣйствительно, я былъ ни рыба, ни мясо, ни лакей, ни дворянинъ. Отецъ — камердинеръ, мать была прачкой, а я вольный казакъ, грамотѣ знаю, даже образованъ... Удивительная пріятность жить между холопами; тогда же буду окончательно отрѣзаннымъ ломтемъ!»

Утѣшаясь подобными мыслями, Капитонъ былъ совершенно спокоенъ, даже веселъ. Отецъ не говорилъ съ нимъ ни слова; мать, не осушая глазъ съ утра до вечера, плакала и стенала. Капитонъ утѣшалъ ее по своему.

— Ну, что вы воете-то, да голосите словно о покойникѣ? Ну, велика важность, что въ солдаты пойду? Послужу, послужу, офицеромъ буду, съ эполетами и шляпой съ перомъ... Только ужь тогда атанде, Ульяна Өедотовна! не ждите меня къ себѣ въ гости! Не больно-то прилично россейскому офицеру знаться съ лакеями!

— Голубчикъ ты мой, отвѣчала старуха, всхлипывая: — дай только Господи дожить до этой радости, и сохрани тебя Спаситель и Царица Небесная, Иверская Божія Матерь... Нынче война съ Туркой окаяннымъ, пошлютъ тебя голубчика моего на

войну, убьютъ, либо въ плѣнъ возьмутъ, — ну что мнѣ тогда дѣлать? вѣдь я съ тоски пропаду!

— Видите, какая вамъ чушь въ голову лѣзетъ! насмѣшливо отвѣчалъ Капитонъ. — Ужь такъ вотъ безпремѣнно и убьютъ!

— Дай тебѣ Господи всякаго случая и благополучія, да каково мнѣ будетъ въ разлукѣ-то съ тобою жить, Капитошенька, ты мнѣ это скажи!...

— А такъ и будете жить, какъ до сихъ поръ жили. Небось, съ тоски не помрете.

— А все еще я надѣюсь, Капитошенька, что дѣло обойдется къ нашему благополучію. Можетъ быть графъ пораздумаетъ и проститъ тебя. Вѣдь это ангельская душа. Онъ вспыльчивъ, но сердце у него отходчиво. Только ужь и ты, голубчикъ, какъ будешь говорить съ нимъ, поудержись; и, знаешь, не сердись на него. Вѣдь и ты, мой ангелъ, тоже такой горячій. Даже, знаешь что, Капитоша? попроси-ко ты у него прощенія. Ручку поцалуй, и скажи: «молъ, такъ и такъ, виноватъ, ваше сіятельство, лукавый попуталъ, погулять захотѣлъ.» Да тамъ ужь ты самъ знаешь, что сказать!

— Да что вы, что вы? Богъ съ вами! съ грубымъ хохотомъ отвѣчалъ Капитонъ: — въ чемъ же это мнѣ прощенія просить? Али вы взаправду думаете, что я воръ? Чудное дѣло!

— Ну, ладно, не ты воръ, да вѣдь графъ-то такъ думаетъ, за это и хочетъ опредѣлить тебя въ военную службу.

— Да я и безъ его хотѣнія поступлю въ военную службу!

— Ты шутишь, Капитоша? съ ужасомъ прошептала бѣдная мать.

— Кромѣ шутокъ, поступлю! Мнѣ, признаться, ужь самому надоѣло баклушничать, да между лакеями жить. И безпремѣнно буду военнымъ.

— Голубчикъ ты мой, полно! Выбрось ты эти мысли изъ головы вонъ! И заливаясь слезами, Ульяна Ѳедотовна обнимала сына.

— Да полно вамъ хныкать-то, отвѣчалъ онъ, освобождаясь отъ ея объятій. — Вы, вашими слезами, мнѣ всю жилетку вымочили... пятна будутъ; это пренѣжный цвѣтъ... вотъ и воротнички помяли! Эхъ! что это у васъ за манера — безпремѣнно обниматься, да на шею вѣшаться.

Дня черезъ два Абрамъ Никитичъ рано утромъ велѣлъ сыну почище пріодѣться и идти къ графу. Въ голосѣ и движеніяхъ

старика была замѣтна какая-то суетливость, слезы поминутно навертывались на глазахъ, и на всѣ распросы жены онъ отвѣчалъ, а вотъ погоди! увидишь!

— Капитоша! сердце мое чуетъ что-то недоброе, сказала старушка, дрожа всѣмъ тѣломъ: дай себя перекрестить;—да какъ будешь входить къ графу, прочти ты про себя молитву: «Господи, помяни царя Давида и всю кротость его!»

— Да вы вѣдь наскажете! отвѣчалъ нѣжный сынокъ, выходя изъ комнаты.

Опять кабинетъ графа; опять графъ ходитъ по комнатѣ, а отецъ съ сыномъ стоятъ у дверей.

— Ну что, Капитонъ? обдумалъ ли ты хорошенько то, что тебѣ готовится? сказалъ графъ кротко.

— Обдумалъ, ваше сіятельство!

— Приходило ли тебѣ на мысль, что ты одинъ сынъ у родителей, и что ты своимъ безчестнымъ поступкомъ заставляешь меня отнять у нихъ послѣднюю подпору — тебя! Согласись, что это безчеловѣчно съ твоей стороны.

Капитонъ молчалъ, опустя голову, и думалъ глядя на край сапога: «ге! ужь подпоролся; а давно-ли купилъ! мошенники эти сапожники!»

— Ты видѣлъ, какъ я прошлый разъ уговаривалъ и усовѣщивалъ тебя! продолжалъ графъ.—Но своими отвѣтами ты вывелъ меня изъ терпѣнія, довелъ даже до того, что я поднялъ на тебя руку... (кажется, первый разъ во всю мою жизнь) и не смотря ни на что, ты не хотѣлъ смириться, не выказалъ ни малѣйшаго раскаянія. Теперь, я хочу испытать послѣднее средство, которое мнѣ болѣе прилично, и авось на тебя вѣрнѣе подѣйствуетъ. Ты свободенъ, я прощаю тебя. Совѣтую тебѣ исправиться и повѣрь, что всегда найдешь во мнѣ отца и покровителя...

Абрамъ Никитичъ, рыдая, упалъ въ ноги графу и покрывалъ ихъ поцалуями. Капитонъ тоже подошелъ къ нему, но за тѣмъ, чтобы поправить завязки у манишки своего отца, которыя выбились изъ-за галстуха.

— Батюшка, ваше сіятельство! твердилъ старикъ:—да вы ангелъ, а не человѣкъ!... Капитонъ, да что-жь ты молчишь?

— Я не найду словъ, какъ благодарить ихъ сіятельство! холодно отвѣчалъ графскій крестникъ:—только очень жалѣю, что не могу воспользоваться ихъ милостями. Я самъ желаю идти въ военную службу!

— Какъ! вскричалъ графъ:—стало быть, ты считаешь себя недостойнымъ прощенія, и самъ хочешь загладить свою вину?

— Опять скажу, ваше сіятельство, упрямо возразилъ Капитонъ,— вины на мнѣ никакой нѣтъ, и прощать меня не за что. Только прошлый разъ, какъ вы мнѣ сказали про солдатство, я и подумалъ: чего же лучше? Надобно же чѣмъ нибудь позаняться, быть человѣкомъ. Такъ и рѣшился!

— Капитонъ! да подумай только, на что ты рѣшаешься, робко замѣтилъ Абрамъ Никитичъ.

— Да ужь думалъ я, и надумался! съ досадой отвѣчалъ сынъ:— теперь и вы присмирѣли. Ладно! поздненько спохватились.

— Хоть мать-то ты пожалѣй.

— Чего ее жалѣть! не ей служить, а мнѣ. Ей, да вамъ не вѣкъ жить; такъ не лучше ли мнѣ пристроиться, покудова вы живы?

— Не удерживай его, Абрамъ Никитичъ, замѣтилъ графъ: — ручаюсь тебѣ, что онъ ничего не проиграетъ; я берусь снабдить его рекомендательными письмами, и постараюсь обезпечить на будущее время; пусть, съ Богомъ служитъ! Это желаніе нѣсколько миритъ меня съ тобой, Капитонъ. Но скажи же ты мнѣ теперь: ты укралъ часы и подсвѣчники?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не я; и знать ничего не знаю!

Черезъ мѣсяцъ, въ первыхъ числахъ ноября, у станціи Трехъ Рукъ, на московскомъ шоссе, происходила сцена трогательная, хотя и довольно обыкновенная на проѣзжей дорогѣ. У подъѣзда стояла дорожная кибитка и ямщичья карета. Въ кибитку усаживался молодой человѣкъ, въ новенькомъ тулупчикѣ, огромныхъ сапогахъ, мѣховой шапкѣ, обвязанный краснымъ, гарусньмъ шарфомъ. Его провожали старичокъ въ енотовой шубѣ, и старушка въ капорѣ и лисьемъ салопѣ. Утро было настоящее осеннее, петербургское. Густой туманъ одѣвалъ окрестность, мелкій снѣгъ крутился въ холодномъ, сыромъ воздухѣ. Рѣзкій вѣтеръ шумѣлъ обнаженными вѣтвями липъ, окаймляющихъ дорогу, и обрывая жолтые и красные листья, мчалъ ихъ Богъ вѣсть куда, либо кучами гналъ по пустому полю, надъ которымъ съ отчаяннымъ карканьемъ кружились измокшія вороны. По дорогѣ гуськомъ тянулось нѣсколько двухколесныхъ таратаекъ со спящими на нихъ чухнами; помотывая головами, лошаденки гремѣли бубенчиками, и эхо уныло повторяло это однообразное бряцанье.

— Смотри же, говорилъ старичокъ молодому путешественнику: — какъ пріѣдешь въ Москву, сейчасъ же отпиши къ намъ. Слышишь? Да еще, если...

— У Иверской Божіей Матери безпремѣнно побывай! задыхаясь, перебила старушка:—свѣчку поставь!

— Да пожалуйста не позабудь письмо-то отъ графа къ полковнику, живо сказалъ Абрамъ Никитичъ.

— Ну, какъ же можно! отвѣчалъ Капитонъ, порываясь въ кибитку.

— Погоди немного, сказалъ старичокъ, взявъ его за руку: — что же ты такъ торопишься? Я что-то еще хотѣлъ тебѣ сказать. Что, бишь, такое?

— Куда ты пирожки-то положилъ, заботливо сказала Ульяна Ѳедотовна, заглядывая въ кибитку:—можетъ, дорогой покушать захочешь.

— Эхъ, маменька, какія вы смѣшныя! отвѣчалъ Капитонъ нетерпѣливо:—все бы вамъ только ѣсть да пить... Такъ прощайте! И онъ занесъ ногу въ кибитку.

— Постой! вскрикнула старушка, осматривая его:—у тебя все горлышко открыто. Надѣнь хоть мой платокъ! — И сорвавъ съ шеи платокъ, она начала укутывать сына; потомъ подошла къ скучающему ямщику и ласково спросила:

— А какъ тебя зовутъ, голубчикъ?

— Ефремомъ, матушка!

— Такъ ты, пожалуйста, Ефремушка, поѣзжай осторожнѣе! Не вывали, какъ нибудь. Знаешь, тише ѣдешь, дальше будешь... Пожалуйста, осторожнѣе. Вотъ тебѣ гривенничекъ на чай.

Ефремъ взялъ гривенникъ и усмѣхнулся.

— Притча! Двадцать лѣтъ ямщикомъ, а еще ни разу не доводилось слышать подобной просьбы: поѣзжай тише! Даютъ на чай, да только именно за то, чтобъ гнать во всю прыть.

Ямщикъ не понялъ, что въ этой просьбѣ бѣдной матери было затаенное желаніе подольше посмотрѣть хоть на кибитку, въ которой ѣдетъ ея сынъ. Самъ Капитонъ не понялъ этой нѣжности.

— Что вы пустяки выдумываете! крикнулъ онъ сердито: — ямщикъ, не слушай ихъ; они сами не знаютъ, что говорятъ. Не ѣхать же намъ по клюкву, по ягоду! Прощайте, пора!...

— Постой, сказалъ Абрамъ Никитичъ, смотря на часы:—ты хотѣлъ выѣхать въ половинѣ десятаго, а теперь еще только четверть...

— Да я озябъ, стоявши на вѣтру...

— Такъ садись въ кибитку, голубчикъ! сказала Ульяна Өедотовна:—а мы тутъ возлѣ постоимъ; садись съ Богомъ! И крѣпко обнявъ сына, она залилась слезами; заплакалъ и Абрамъ Никитичъ.

— Дай же, и я благословлю тебя! Пусти-ко, жена. Ну, Господь съ тобой! Служи молодцомъ, а главное—будь честнымъ человѣкомъ. Прощай, голубчикъ!...

— Капитоша! родной! рыдала мать, цѣпляясь за кибитку:— погодилъ бы еще минутку.

— Трогать, что ль? спросилъ ямщикъ, подбирая возжи и помахивая кнутомъ.

— Погоди, сказалъ было Абрамъ Никитичъ: но Капитонъ нетерпѣливо крикнулъ: «Трогай!.. Прощайте!»

— «Капитошечка!.. голубчикъ!...» твердила старушка съ плачемъ, и побѣжала было за кибиткой. Но ямщикъ свиснулъ, гикнулъ, и экипажъ понесся по Московскому тракту.

— Стой! стой! кричала отчаянно Ульяна Өедотовна. Но стукъ колесъ понемногу уже затихалъ въ отдаленіи.

— Хоть бы изъ окна-то выглянулъ! задумчиво прошепталъ Абрамъ Никитичъ.

Жена его стояла молча посреди дороги. Вся жизнь ея, кажется, перешла въ глаза. Нетерпѣливо отирала она досадныя слезы, мѣшавшія ей видѣть удалявшуюся кибитку. Вѣтеръ игралъ всклокоченными волосами старушки, мокрый снѣгъ билъ по лицу, падалъ на открытую шею. До того ли Ульянѣ Өедотовнѣ? Когда кибитка совершенно скрылась изъ виду, бѣдная мать устремила пристальный взглядъ на колеи отъ колесъ, оттиснувшіяся на шоссе, запорошенномъ снѣгомъ. Она хотѣла подождать до тѣхъ поръ, покуда новый снѣгъ не замѣтетъ этихъ двухъ черныхъ полосъ первыхъ слѣдовъ Капитона на новомъ пути его жизни.

— Ульяна Өедотовна! а, Ульяна Өедотовна! повторялъ старичокъ—поѣдемъ, матушка! Что понапрасну студиться-то? Поѣдемъ домой!

— Да подождемъ немножко, куда спѣшить? Дома будетъ еще тяжелче. Посмотри-ко, продолжала она, бросаясь къ крыльцу:— вѣдь это Капитошинъ слѣдокъ?

И она наклонилась.

— Что ты! что ты, старуха! вскричалъ мужъ, удерживая ее за плечо.

— Ничего, ничего, батюшка! Я, знаешь, поцаловать хотѣла...

А погодка разыгрывалась не на шутку. Вѣтеръ крѣпчалъ, мелкій снѣгъ перестаалъ; вмѣсто его закрутились въ воздухѣ *бѣлыя мухи*; окрестность будто бѣлой кисеей заволокло. Прощай, скучная осень! Здравствуй, зимушка-зима! Вотъ она, сказочная-то баба-яга, костяная-нога, что въ ступкѣ ѣдетъ, а слѣдъ помеломъ замѣтаетъ.

ГЛАВА IV.

Августъ 1837 года. Дѣйствіе происходитъ въ миньятюрномъ городкѣ, Тамбовской губерніи. Имени не скажу; да и на что оно намъ? Городокъ этотъ рѣшительно ничѣмъ незамѣчателенъ ни въ статистическомъ, ни въ топографическомъ, ни даже этнографическомъ отношеніяхъ; тамъ люди такіе же какъ и вездѣ, какъ и мы грѣшные; такъ же веселятся, горюютъ и утѣшаются; старые старѣются, молодые ростутъ. Тѣ. которые родились въ годъ моего разсказа, либо на четвереенькахъ ползали, — теперь переженились, замужъ повышли, обзавелись семьей. Да и городокъ нынѣ тотъ же, что и двадцать пять лѣтъ тому назадъ; разница только въ томъ, что нынѣ тамъ квартируетъ какой-то кавалерійскій полкъ, а въ 1837 году квартировалъ гренадерскій, пѣхотный, принца Фердинанда Вольфенбиттельскаго, или, — какъ для краткости называли его сами солдаты — Вафельсбитенькій полкъ.

Вотъ, бывало, чуть свѣтъ, когда половина жителей безъименнаго городка покоится сладкимъ сномъ, на площадкѣ между рядами и соборомъ происходитъ ученье — когда строевое, когда одиночное. Горнисты, словно пѣтухи передъ ненастьемъ, взапуски перекликаются. Одинъ, что есть мочи, съ чувствомъ, выдуваетъ: «Въ колонну соберись бѣгомъ, трезвону зададимъ штыкомъ! Скорѣй, скорѣй, скорѣй!» Другой, нѣсколько поотдаль, бойко трубитъ: «Наведи! до груди! попади!!» Третій, пятый — каждый свое. Это концертъ инструментальный. Хаосу звуковъ горновъ вторятъ командныя слова, или вокальный концертъ. Здѣсь ротный командиръ баситъ: «Правое плечо впередъ! лѣвое плечо впередъ! стоо-ой! ровняйсь!» Тамъ худенькій прапорщикъ звонко покрикиваетъ: «Шереньга!... кладсь!» и послѣ небольшой паузы протягиваетъ: «О-о-отставь!» Шагахъ въ пятидесяти отъ него,

нѣсколько усатыхъ *кадровиковъ* поютъ на разные тоны. Сначала: «Учебнымъ шагомъ, въ три пріема — ра-а-азъ!» потомъ немного погодя: «два-а-а!» а немного погодя еще, болѣе густымъ басомъ: «два-а-а!» И нѣсколько рекрутиковъ старательно вытягиваютъ носки... Послѣ четверти часа этихъ упражненій, учитель снисходительно и какъ-то отрывисто говоритъ давно ожидаемое: «оправься!» и начинается въ шеренгахъ громкое, разногласное сморканье... Однако согласитесь, что это очень скучно. Пойдемте лучше въ полковую канцелярію, хотя и здѣсь не очень-то весело. Мрачная, закоптѣлая комната въ три окна; стѣны обставлены шкафами, увѣшаны приказами, изъ которыхъ иные въ деревянныхъ рамочкахъ, другіе просто налѣплены такъ, безъ дальнихъ околичностей. Два стола; на нихъ оловянныя чернильницы, исправляющія ихъ должность — помадныя банки, книги, кипы бумагъ; воздухъ тяжелый, онъ весь пропитанъ запахомъ щей, печенаго хлѣба и кожевеннаго товару, а пуще всего махорки. За однимъ изъ столовъ сидятъ трое писарей: одинъ мальчикъ, кантонистъ, двое среднихъ лѣтъ; за другимъ столомъ полковой адъютантъ. Боже мой, изъ ума вонъ! Извините пожалуйста. На стѣнѣ, направо отъ дверей, висятъ часы съ чугунными гирями и длиннымъ, предлиннымъ маятникомъ. Оно, конечно, если разсудить, то часы не Богъ вѣсть какой важный предметъ; но я считаю долгомъ упомянуть о нихъ потому, что они нѣсколько оживляютъ картину; а то писаря и даже полковой адъютантъ сидятъ съ неподвижностью китайскихъ куколъ; даже и перья-то у нихъ не скрипятъ.

Полковой адъютантъ, поручикъ Кудренко, изъ бурбоновъ (разумѣется, не потомокъ Генриха IV, это ясно доказываетъ его малороссійская фамилія; онъ бурбонъ такъ, самъ по себѣ!). Какъ онъ попалъ въ адъютанты,—просто Богъ вѣдаетъ! Говорятъ, за любовь его къ музыкѣ и усовершенствованіе полковаго оркестра. Да кажется, за другое что едва ли посчастливилось бы Макару Сидоровичу получить это мѣсто, требующее отъ офицера именно того, чѣмъ не могъ похвалиться поручикъ Кудренко. Природа, одаривъ его высокимъ ростомъ, огромными усами и звонкимъ голосомъ, позабыла о бездѣлицѣ. Вмѣсто мозгу, она наполнила голову поручика какой-то кашицей. Вслѣдствіе этой обиды, и познанія полковаго адъютанта въ россійской грамотѣ ограничивались умѣньемъ подписать свою фамилію, съ прехитрымъ, однакоже, росчеркомъ. Впрочемъ, болѣе отъ

него ничего и не требовалось: всѣми дѣлами управлялъ и двигалъ старшій писарь, унтеръ-офицеръ, Капитонъ Абрамычъ Архиповъ. Да! въ девять лѣтъ Капитошенька достигъ этого чина, и мало того, — въ офицеры смотрѣлъ! Чтобы ни на одну секунду не оставлять читателя въ пріятномъ сомнѣніи о достоинствахъ моего героя, спѣшу увѣрить, что Архиповъ нисколько не перемѣнился, а только усовершенствовалъ свои таланты. Въ службѣ, въ которой все берется грудью, потомъ и кровью, Архиповъ взялъ все, что только возможно, даже чего было и нельзя взять спиною и чернилами. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ графа дивизіонному и бригадному командирамъ, на вольноопредѣляющагося Архипова, съ перваго же дня вступленія его въ службу, было обращено особенное, благосклонное вниманіе начальства. Его не утомляли ученьемъ, не взыскивали съ него, и, такимъ образомъ, первую, тяжелую пору Архиповъ провелъ припѣваючи. Гордо держалъ онъ себя съ солдатами, обшилъ галуномъ погоны на мундирѣ и шинели и льнулъ къ офицерамъ.

— Удивительно ли, говаривалъ онъ имъ иногда,—что графъ Аркадій Платоновичъ принимаетъ во мнѣ такое родственное участье, и деньгами мнѣ помогаетъ?...

— Ты его крестникъ?

— Да, по документамъ оно такъ! съ лукавой усмѣшкой отвѣчалъ Капитонъ:—но на дѣлѣ оно иначе! Видите ли эти часы? продолжалъ пройдоха, показывая превосходные золотые часы, украшенные вензелемъ А. М. подъ графской короной.

— Славные часы! Дороги?

— Для меня они безцѣнны. Надѣвая ихъ мнѣ на шею, благородный отецъ сказалъ мнѣ: «иди, Богъ съ тобою! Пусть онъ поможетъ тебѣ пріобрѣсть то, чего ты не имѣешь: доброе имя!»

Тутъ Капитонъ принималъ разстроенный видъ и пряталъ часы за пазуху.

Онъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ подмѣчать въ каждомъ изъ окружавшихъ его слабую или темную сторону, и потомъ безстыдно льстилъ и угождалъ этимъ слабостямъ. Онъ изучилъ недостатки всѣхъ своихъ начальниковъ, отъ полковаго командира до фельдфебеля. Послѣдній любилъ иногда «производиться хмѣлемъ», и Капитонъ снабжалъ его водочкой, винцомъ, закусочкой; прапорщикъ, взводный командиръ, охотникъ до занимательной игры въ «любишь, не любишь», пользовался у Архипова не-

ограниченнымъ кредитомъ; ротному командиру, который болѣе «на счетъ прекраснаго пола....» тоже успѣлъ угодить Капитошенька. И письмецо кому нужно передастъ, и кого нужно приведетъ, уведетъ; иной разъ даже, приличія ради, въ свою шинель и фуражку вырядитъ. «Славный парень!» единогласно говорили про Архипова въ полку. Во время стоянки въ Польшѣ, евреи-факторы были въ страшной ярости на Капитона.

— Гвалтъ, вей миръ! говорилъ какой-нибудь Шмуйло или Мовша: — зацѣмъ-зе такой кавалеръ, бравый, фейнеръ кавалеръ, у насего-зе брата, бѣднаго еврея, хлѣбъ отнимаетъ? Ну, зацѣмъ?

Капитонъ и ухомъ не ведетъ, либо сдѣлавъ изъ полы шинели свиное ухо, подразнитъ имъ бѣдныхъ жидковъ.—«Молчи-молъ, знай, жидовское племя!» Служилъ онъ то въ строю, то въ канцеляріи, смотря по обстоятельствамъ. Чуть полкъ готовится въ дѣйствіе, Архиповъ вооружается перомъ; пальба утихла, еще порохомъ пахнетъ—Архиповъ тутъ какъ тутъ съ ружьемъ, въ киверѣ и полномъ вооруженіи. Во время польской кампаніи захотѣлось Капитошенькѣ Егорья, смерть, какъ захотѣлось.... Честолюбіе одолѣло! Вотъ онъ и вступилъ въ переговоры съ фельдфебелемъ.

— Что, Иванъ Савельичъ, можно надѣяться на вашу милость?

— Почему же, Капитонъ Абрамычъ, все можно.... да только осторожно! Надобно, отецъ мой, отличиться чѣмъ нибудь, да такъ, чтобъ командеры видѣли; а ужь остальное — наше дѣло! Крестики въ роту пришлютъ, такъ и васъ не забудемъ....

— Отличиться? (и Капитошенька за ухомъ почесалъ). Оно, конечно, хорошо.... Только въ чемъ же? Духу-то у меня хватитъ, а что если, Боже сохрани, пуля оцарапаетъ?

— Что же, отвѣчалъ фельдфебель:—и прекрасно! Тогда, батюшка, дѣло въ шляпѣ; навѣрное Егорья получите!

— Покорнѣйше благодарю. Нѣтъ, ужь нельзя ли обойтись какъ нибудь иначе? Вѣдь юнкеръ Рубцовъ получилъ же крестъ, а слава Богу цѣлъ и невредимъ!

— Да; за то ужь и досталось мнѣ за его крестъ! Вся рота ворчала; еле, еле умаслилъ! Половину рубцовскихъ денегъ на угощеніе употребилъ!...

— А много онъ вамъ далъ?

— Сами знаете....

— Право, нѣтъ. Сколько? Что секретничать!

— Двѣсти.

— Я двѣсти пятьдесятъ дамъ.

Фельдфебель еще поломался нѣсколько времени, наконецъ согласился. Условлено было пустить Архипова въ перестрѣлку. Хоть военная пословица и говоритъ, что пуля дура, однако фельдфебель назначилъ Капитону самое безопасное мѣстечко. Руки и ноги нашего героя тряслись, какъ въ лихорадкѣ; это не мѣшало ему, однако же, шутить и хорохориться. Раздались первые выстрѣлы: свистъ пуль непріятно подѣйствовалъ на нервы Архипова.

— Что жь ты, барченокъ, сказалъ ему старый солдатъ, заряжая ружье, послѣ десятаго выстрѣла: — что задумался? Стрѣляй, братъ, не то пуля въ ружьѣ примерзнетъ. Да куда цѣлишь-то? Тамъ наши. Лѣвѣй, лѣвѣй!... Ну!

Капитонъ выстрѣлилъ и въ ту же минуту со стономъ повалился на землю. Успокойтесь, не раненъ; ружье отдало и прикладомъ ему чуть-чуть зубовъ не вышибло. Такъ пролежалъ Архиповъ до окончанія схватки. Преодолѣвая боль въ правой щекѣ, Капитонъ приподнялся и примкнулъ къ строящимся солдатамъ. Пороховой дымъ разстилался еще по полю; то тутъ, то тамъ стонали раненые и умирающіе. Желая вознаградить себя за неудачный выстрѣлъ, Капитонъ мимоходомъ прикололъ штыкомъ раненаго непріятельскаго улана.

— Стыдился бы, собака! сказалъ ему тотъ же старый гренадеръ, слегка ударивъ его прикладомъ: — бей живыхъ, а не полумертвыхъ.

Само собою, что Архиповъ не получилъ креста, и за это съ полгода былъ въ побранкѣ съ фельдфебелемъ; потомъ помирился, да не на долго. Иванъ Савельичъ вскорѣ лишился своего мѣста. Чудный казусъ вышелъ! На инспекторскомъ смотру, въ ранцѣ у фельдфебеля, вмѣсто чистой рубахи, оказалась какая-то сальная тряпка, а на мундирѣ не хватало двухъ пуговицъ.

— Просто чортъ подсунулъ! говорилъ Иванъ Савельичъ, разставаясь со своимъ теплымъ мѣстечкомъ: — еще наканунѣ все было въ исправности...

Капитонъ душевно жалѣлъ его и сказалъ на прощаньи, что не скоро дождется другаго такого же фельдфебеля.

Опухоль правой щеки была не единственной раной Архипова; лѣвая его щека была украшена глубокимъ шрамомъ.

Гдѣ-то въ шинкѣ происходила драка, нѣчто въ родѣ Мамаева побоища. Пользуясь суматохой, Капитонъ вздумалъ-было пошарить въ выручкѣ; но шинкарь, замѣтивъ это, пустилъ въ него оловянной кружкой. Капитонъ жаловался и получилъ законное удовлетвореніе. Шинокъ запечатали, шинкаря высѣкли; но шрамъ на щекѣ Архипова остался на всю жизнь.

О подвигахъ нашего героя на поприщѣ военно-канцелярской жизни я еще поговорю въ свое время; а теперь возвратимся въ канцелярію, гдѣ дремлетъ поручикъ Кудренко.

ГЛАВА V.

Съ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ влетѣлъ Капитонъ Архиповъ въ канцелярію. Глаза его маслились, улыбка кривила тонкія губы; въ дрожащихъ рукахъ онъ несъ печатный листокъ.

— Ну, что? встрѣтилъ его Кудренко.

— Произведенъ! отвѣчалъ, задыхаясь, старшій писарь:—приказъ состоялся еще въ концѣ прошлаго мѣсяца.

— Поздравляю, братъ, поздравляю! Что же, прапорщикъ?

— Нѣтъ-съ, подпоручикъ!

— Въ свой полкъ?

— Въ свой. Спасибо вамъ, Макаръ Сидоровичъ; вѣкъ не забуду вашей милости!..

— Ничего, батько, ничего! За службу ты того стòишь...

— Имѣемъ честь поздравить, ваше благородіе! крикнули писаря, вставши со своихъ мѣстъ.

— Спасибо, надменно отвѣчалъ имъ нововыпечатанный подпоручикъ:—ужо приходите ко мнѣ, угощу на славу. Да! Макаръ Сидоровичъ, чуть-было не забылъ. Васъ полковникъ къ себѣ зачѣмъ-то требуетъ.

— Эге! А что, сердитъ?

— Нѣтъ, ничего... Должно быть что нибудь о моемъ производствѣ.

— Ладно. Сію минуту иду. Тутъ, батенька, бумага есть какая-то, въ дивизіонный штабъ... Нехай ее, бисову собаку! Читалъ, читалъ...

— Ладно! Я пересмотрю, небрежно отвѣчалъ Капитонъ, садясь къ столу. Кудренко взялся за ручку двери, но подпоручикъ Архиповъ его воротилъ. На два слова! сказалъ онъ, дѣлая знакъ, чтобы Макаръ Сидорычъ наклонился.

— Що?

— Макаръ Сидоровичъ, шепнулъ ему Капитонъ:—прошу васъ покорно, изъ двухъ одно: либо говорить намъ другъ-другу *ты*, либо *вы*; а то, знаете, неловко... Я такой же офицеръ, какъ и вы!

— Да, да, конечно! громко и краснѣя отвѣчалъ Кудренко.— Я, знаешь, по старой памяти. Смотри же, лишки за тобой!

— Не пропадутъ!.. А вы, смирно! крикнулъ онъ на писарей и принялся было перебирать бумаги.—Но, нѣтъ, не въ состояніи; въ головѣ одна мысль: я офицеръ! Не сонъ, такъ правда. И схвативъ чистый листъ бумаги, Капитонъ исписалъ его кругомъ двумя словами: «подпоручикъ Архиповъ», придумывая, какъ-бы покрасивѣе расчеркнуться.—Такъ—хорошо, а вотъ этакъ—еще лучше! Подпоручикъ... охъ, да нелегко и достался этотъ чинъ! думалъ Капитонъ:—не всякому такое счастіе; потеръ-таки лямку, будетъ съ меня. Теперь гуляй, Капитонъ Абрамычъ, припѣваючи. Деньжонокъ есть; тысячекъ пятнадцать наберется, изъ нихъ только три—отцовское наслѣдство; остальныя всѣ самъ заработалъ, трудовыя!..

Да, трудовыя, нечего сказать. Въ бытность свою старшимъ писаремъ, Архиповъ на руку охулки не клалъ; бралъ онъ и съ господъ офицеровъ, и съ подпрапорщиковъ, а ужь всего пуще съ солдатиковъ. Въ безсрочный ли отпускъ, на побывку ли идти — дай Капитону Абрамычу красненькую,—все обдѣлаетъ! Къ шеврону подвинуться, даже и въ чистую *пораньше* выйдти... трудновато, да ничего! Есть сотенная въ запасѣ, такъ не тужи! Перо, ножичекъ и сандараковый мѣшечекъ въ рукахъ Архипова все устроютъ къ твоему благополучію. Но самый большой и почти непрерывный доходъ Капитонъ Абрамычъ получалъ изъ разныхъ городовъ, селъ и деревень Россійской имперіи. Поборъ этотъ, прозванный старшимъ писаремъ, очень остроумно—*потрошеніемъ гусей*, требуетъ продолжительнаго объясненія.

Нашъ простой народъ поговорить любитъ, и мастеръ поговорить, но до корреспонденціи небольшой охотникъ. Простонародье, въ этомъ случаѣ, весьма здраво разсуждаетъ: «зачѣмъ-де по пустому время тратить, на бумагу да на письма изъяниться? Нужно дать вѣсточку—съ землякомъ можно прислать. Этотъ все разскажетъ обстоятельственно; спросятъ ли его о чемъ — отвѣтитъ. Съ землякомъ и посылочку можно прислать, а то почта, Господь ее вѣдаетъ, станетъ ли еще заниматься нашими мужиц-

кими письмами? Ей и такъ дѣла довольно!» Почта для многихъ какое-то загадочное учрежденіе. Я не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ мужички въ почтовыхъ конторахъ предлагали чиновникамъ прибавку къ вѣсовымъ деньгамъ, «лишь бы письмо было доставлено.» Однажды какая-то старушка, отдавъ штемпельное письмо, наивно просила почтмейстера непремѣнно отправить письмецо; «оно, молъ, очень нужное; да нельзя ли послать поскорѣе, я бы кульеру на чаекъ дала!» Такимъ образомъ отсутствующіе по нѣскольку лѣтъ не получаютъ извѣстій отъ оставшихся родственниковъ. За то, по возвращеніи на родину, сколько сюрпризовъ! Жена встрѣчаетъ мужа съ груднымъ ребенкомъ; вмѣсто отца и матери, сынъ находитъ два бугра на погостѣ; брата взяли въ солдаты... Вотъ денежная-то корреспонденція преимущественно и существуетъ у простаго народа съ разными полками. Страховыя письма гуртомъ доставляются въ полковыя канцеляріи, сортируются по-ротно казначеемъ, либо адъютантомъ, и потомъ раздаются фельдфебелямъ для распредѣленія по принадлежности. Не знаю, какъ нынче, но лѣтъ тридцать тому назадъ, во многихъ полкахъ раздача денежныхъ писемъ производилась весьма небрежно съ одной, и недобросовѣстно съ другой стороны. Фельдфебеля, или прежде ихъ старшіе писаря, дѣлали изъ страховыхъ писемъ выемки. Первые сообразовались при этомъ со степенью грамотности и продолжительностію службы тѣхъ, на чьи имена письма были адресованы. У рекрутовъ, а тѣмъ болѣе неграмотныхъ, вычитались: половина, три четверти, а нерѣдко удерживалась и вся присланная сумма. Попробуй протестовать! Писаря дѣйствовали искуснѣе: дѣлая вычеты, они подскабливали цифру и на конвертахъ и въ самомъ письмѣ. Это искусство Капитонъ Абрамычъ изучилъ до тонкости, и это значило на его техническомъ языкѣ: *гусей потрошить.*

Мѣсяца черезъ два послѣ своего производства, Архиповъ былъ полковымъ адъютантомъ; но съ этого времени счастье повернулось къ нему, если не спиной, то по крайней мѣрѣ бокомъ. Полковой командиръ сдѣлался что-то взыскательнымъ; многіе офицеры перестали съ нимъ ладить, а пуще всѣхъ ротный командиръ, капитанъ Бѣляевъ. Писаря и солдаты возненавидѣли подпоручика Архипова за его непомѣрную строгость и жестокое обхожденіе. Надъ нимъ собиралась туча. Эта туча, въ 1842 году, разразилась надъ Архиповымъ грозой. Отъ прежняго командира полкъ перешелъ къ новому, переведенному изъ гвардіи,

барину знатной фамиліи. При сдачѣ полка оказались многія хозяйственныя упущенія, и на Архипова покосились, но на первый случай промолчали. Тамъ вышла исторія съ капитаномъ Бѣляевымъ. Архиповъ, ни за что, ни про что, ударилъ правящаго унтеръ-офицера его роты; Бѣляевъ вступился; слово за слово... Капитонъ Абрамычъ бросился съ жалобой къ полковому командиру, наговорилъ ему про Бѣляева съ три короба; полковой командиръ только слушалъ, покручивая усы.

— Наконецъ, полковникъ, заключилъ расходившійся Архиповъ: — мы съ нимъ вмѣстѣ служить не можемъ: либо я, либо онъ...

— А куда же вы намѣрены перейдти? холодно спросилъ полковникъ.

— Какъ, полковникъ, куда? Да я не имѣю никакой охоты. Я и не думаю!

— Право? А я бы вамъ совѣтывалъ подумать! Я уже давно собираюсь поговорить съ вами объ этомъ, и очень радъ, что могу воспользоваться удобнымъ случаемъ. Вспомните русскую пословицу: «не все коту масляница!» Чтобъ идти жаловаться на заслуженаго Бѣляева, надобно быть очень самонадѣянну, господинъ подпоручикъ. Я знаю Бѣляева съ отличнѣйшей стороны, знаю и васъ... (жаль только, что не такъ же). Не трудно догадаться, кому я скорѣе окажу снисхожденіе — вамъ, или ему?

— На милость образца нѣтъ, полковникъ. Я въ продолженіе моей тринадцатилѣтней службы ни разу не слыхалъ ничего подобнаго...

— Удивляюсь, господинъ подпоручикъ! насмѣшливо отвѣчалъ полковникъ.

— Я не имѣю понятія о томъ, что значитъ арестъ...

— Неугодно ли познакомиться?

— Зачѣмъ же, помилуйте... Ужь отъ этого увольте...

— Я и увольняю васъ — отъ полка. Завтра же вы сдадите всѣ бумаги и дѣла прапорщику Кремницкому, и признаюсь вамъ, вы доставили бы мнѣ большое удовольствіе, еслибъ избавили полкъ отъ вашего пріятнаго сообщества... Я терпѣть не могу наушниковъ и ябедниковъ; стало-быть вамъ у меня въ полку дѣлать нечего!..

— Этотъ шрамъ доказываетъ, что я не наушничествомъ заслужилъ эполеты! отвѣчалъ съ достоинствомъ Капитонъ, указы-

вая на лѣвую щеку.—Сабельный ударъ турецкаго янычара подъ стѣнами Шумлы...

— Мнѣ до него нѣтъ дѣла! отвѣчалъ полковникъ, отвертываясь.

Черезъ нѣсколько дней подпоручикъ Архиповъ, согласно прошенію, по болѣзни, былъ уволенъ отъ службы.

Въ 1843 году онъ служилъ въ Петербургѣ, въ коммиссаріатской коммиссіи. Но объ этомъ рѣчь впереди. Признаюсь, надоѣлъ мнѣ этотъ Архиповъ; я что-то о немъ черезъ чуръ заговорился. Побесѣдуемъ лучше о томъ, что въ эти двѣнадцать лѣтъ дѣлалось въ Петербургѣ, въ большой Милліонной, въ домѣ графа Суздальцева.

Первые дни разлуки съ сыномъ, старики Архиповы были неутѣшны. Ульяна Ѳедотовна заливалась слезами съ утра до вечера, и не выпускала картъ изъ рукъ, гадая о сынѣ. Она нѣсколько успокоивалась, если при раскладкѣ ихъ бубновый король былъ окруженъ красными мастями. Но горе, если выдергивались трефы или того хуже — пики, особенно тузъ либо десятка! Тогда Ульяна Ѳедотовна была неутѣшна.

Мужъ ея ежедневно ходилъ въ почтамтъ и вскорѣ всѣмъ надоѣлъ распросами—нѣтъ-ли писемъ на его имя?—Нѣтъ, любезнѣйшій, нѣтъ! отвѣчалъ ему наконецъ, при двадцатомъ посѣщеніи какой-то пожилой чиновникъ.—Будетъ письмо — на домъ принесутъ.

Дождались старики радости, пришло первое письмо. Надобно было ихъ видѣть. Почтальону съ жаркою благодарностью вручили четвертакъ и угостили его рюмкой водки.—«Носи почаще!» сказала Ульяна Ѳедотовна:—«кажный разъ то же получишь!» Письмо было въ двѣ странички; въ нихъ Капитошенька офиціальнымъ тономъ увѣдомлялъ о своемъ прибытіи въ Москву, извинялся въ долгомъ молчаніи нездоровьемъ и недосугомъ, и въ заключеніе просилъ денегъ и родительскаго благословенія. Письмо читано и перечитано, конечно, сотню разъ; въ отвѣтъ на него послано длинное посланіе со вложеніемъ двадцати пяти рублей ассигнаціями. Рѣдко радовалъ Капитонъ родителей своими письмами; бывало на одно ихъ слово отвѣчалъ двадцать, а тутъ на десятокъ писемъ едва отвѣчалъ однимъ. Если были надобны ему деньги, онъ ударялся въ поэзію бивачной или казарменной жизни: выдумывалъ о себѣ небывалую, опасную болѣзнь, иногда заключая письмо трагической фразой: «присылка этихъ

денегъ будетъ, можетъ быть, вашей послѣдней милостью...» Наконецъ пророчества эти сбылись — только въ отношеніи къ Ульянѣ Ѳедотовнѣ. Постоянныя слезы и горе расшатали ея до сихъ поръ крѣпкое здоровье. Осенью 1829 года она начала часто прихварывать, а весною 1830—окончательно слегла въ постель. Предчувствуя близкую смерть, какъ умоляла она своего мужа написать Капитошѣ письмо и выслать деньги на дорогу, — авось пріѣдетъ!—«Напиши ему», говорила она:—«что я при смерти, что мнѣ дорога кажная минута! Пусть скажетъ начальству, что мать умираетъ, его пустятъ! Неужто есть законъ, который запрещаетъ умирающей матери благословить сына?» Абрамъ Никититъ исполнилъ ея желаніе, въ полной однакоже увѣренности, что сынъ не пріѣдетъ; такъ и вышло! Въ день похоронъ жены, возвратясь съ кладбища, Абрамъ Никитичъ получилъ письмо отъ сына, въ которомъ онъ, рѣшительно отказываясь отъ свиданія, говорилъ между прочимъ: «Вы съ матушкой воображаете, что «военная служба — шуточка! вздумалъ поѣхать, покататься — «взялъ да и поѣхалъ! Нѣтъ, любезнѣйшіе мои, не такъ оно! Я «и не просилъ объ отпускѣ по начальству, потому что мнѣ сказа- «ли бы дурака въ глаза! Военное время, полкъ готовится въ по- «ходъ выступать, а я буду за *подобными пустяками* отпраши- «ваться въ отпускъ! Славно вы выдумали!»—Со времени смерти жены, старикъ Архиповъ впалъ въ мрачную задумчивость и какую-то мизантропію. Къ графу онъ охладѣлъ еще тотчасъ же послѣ отъѣзда Капитона въ Москву; теперь это охлажденіе перешло въ какую-то ненависть. Кому же, какъ не графу, обязанъ я моимъ горемъ? Кто отнялъ у меня сына, по чьей милости жену схоронилъ? Кто просилъ его сіятельство говорить Капитону объ военной службѣ? кто просилъ его крестить, ростить моего сына, давать ему вольную?.. Наконецъ, что за привычка у этихъ богатыхъ господъ выставлять на показъ золотые часы, да драгоцѣнныя запонки? Имъ — хвастовство, а бѣдному человѣку только искушеніе!

Въ несчастьяхъ, когда умъ подавленъ сердечною скорбію, человѣкъ видитъ многія вещи въ превратномъ видѣ. Тогда у него особая логика, или вѣрнѣе сказать, совершенное ея отсутствіе. Убитый смертью жены, разлукой съ сыномъ, старикъ Абрамъ сталъ во всемъ винить графа, самыя его благодѣянія называлъ зломъ и пагубой. Иногда, въ порывѣ какой-то безсильной ярости, прибирая графскій кабинетъ, старикъ Архиповъ,

подходилъ къ столу, на которомъ попрежнему лежали разныя драгоцѣнныя безделушки. Абрамъ схватывалъ которую нибудь изъ нихъ въ руки, и съ глухими проклятьями плевалъ на нее, бросалъ на полъ и толкалъ ногою (съ нѣкоторою однако же осторожностью). Такимъ образомъ однажды ему попались графскіе часы. Съ любопытствомъ шаловливаго ребенка, онъ открылъ ихъ, долго, долго всматривался во внутренній механизмъ. «Ладно, ладно! постукивайте, постукивайте!» проворчалъ онъ со злобной усмѣшкой:—«авось еще какого нибудь дурака, въ родѣ моего бѣднаго Капитона, въ грѣхъ введете! А ну-тко не съумѣете ли справиться вотъ съ этимъ?» И Абрамъ бросилъ во внутренность часовъ нѣсколько песчинокъ. Колеса звонко затрещали, боевая пружина остановилась, часы умерли. «Что? замолкли?» прошепталъ старикъ, закрывъ ихъ и кладя на прежнее мѣсто:—«отдохните маленько!»

Лѣтомъ 1831 года, старикъ Абрамъ былъ одною изъ первыхъ жертвъ свирѣпствовавшей тогда холеры. Оставшіяся послѣ него деньги, какъ наличныя, такъ и вырученныя отъ продажи имущества, были, по распоряженію графа, доставлены въ полкъ, Капитону.

— Только-то? три тысячи! съ досадой воскликнулъ добрый сынокъ.—Правъ я былъ, почитая покойнаго батьку за дурака. На такомъ чудномъ мѣстѣ и въ тридцать пять лѣтъ только и накопилъ!... Э-хъ! Впрочемъ ладно и это. Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ!

Таковъ былъ панегирикъ отъ сына отцу, который въ послѣднюю минуту молился о его счастіи! Право, иногда серьёзно думаешь, что родительская любовь не иное что, какъ облагороженное самолюбіе!

ГЛАВА VI.

Въ ясное декабрьское утро 1845 года, въ сѣняхъ великолѣпнаго дома графини Елизаветы Аркадьевны Муромцовой, урожденной Суздальцевой, дочери покойнаго графа Аркадія Платоновича, происходилъ оживленный разговоръ между швейцаромъ и какимъ-то раннимъ посѣтителемъ. Этотъ послѣдній былъ мужчина лѣтъ сорока, средняго роста, со здоровеннымъ краснымъ лицомъ и густыми рыжими бакенбардами. Сѣрая, довольно поно-

шенная военная шинель съ потертымъ бобромъ, и фуражка съ кокардой — свидѣтельствовали о его званіи; медали и крестъ за Польскую кампанію доказывали, что это заслуженный воинъ; шрамъ на лѣвой щекѣ — что это когда-то раненный воинъ.

— Итакъ, почтеннѣйшій Егоръ Артемьевичъ, говорилъ онъ швейцару: — вы рѣшительно не узнаете меня?

— Виноватъ, батюшка, не узнаю! отвѣчалъ тотъ, осматривая незнакомца.

— Ха, ха, ха! Да вы припомните хорошенько... вѣдь двадцать лѣтъ не бездѣлица! Вотъ я, такъ не въ васъ,—все помню. Съ того времени многое перемѣнилось, правда. Вотъ и домъ совершенно перестроенъ. Прежде сѣни были попроще, полъ былъ штучный, каменный,—желтый съ сѣрымъ, и колонны сѣрыя; а теперь все бѣлый мраморъ, да разныя растенія, экзотикъ и музы всякія... Да! а меня вы все не узнаете?

— Мудрено признать! Мы, кажется, съ жизни первый разъ видимся.

— Ошибаетесь, почтеннѣйшій, ошибаетесь! Я часто васъ видѣлъ, какъ вы отъ княгини Варвары Кириловны къ покойному графу пріѣзжали.

— Правда, я служилъ у нихъ.

— Ну-съ, а батюшка вашъ Артемій Прохорычъ былъ дворецкимъ у графа?

— Такъ-съ, это точно! отвѣчалъ удивленный швейцаръ. — Да кто же вы-то?

— Эге! съ граціозной гримасой отозвался незнакомецъ:—вотъ тутъ-то и занятая. Ну, да объ этомъ послѣ поговоримъ, а теперь вы мнѣ вотъ что скажите: въ которомъ часу графиня принимаютъ?

— Да различно: иногда въ двѣнадцать, иногда въ два часа. А вы съ просьбой?

— По дѣлу, любезнѣйшій, по дѣлу. Покойный супругъ ихъ были военные?

— Генералъ отъ инфантеріи и кавалеръ.

— Такъ-съ. Давно они скончались?

— Третьяго года, за границей. Они тамъ постоянно жили.

— Царство имъ небесное! Жаль бѣдную графиню, — скучаетъ?

— Еще бы не скучать; только и утѣхи какъ въ Невскую лавру на графскую могилу съѣздятъ.

— Дѣтей у нихъ не было?

— Были, да всѣ за границей померли.

— Такъ, такъ! Онѣ совершенно однѣ живутъ?

— Ну, нѣтъ, есть у нихъ компаньонка—француженка, мамзель Буффье, нѣсколько воспитанницъ, да двѣ три старушки, благородныя вдовы.

— Вѣрно, графиня благотворитъ?

— Да, можно сказать, — ангелъ доброты. Каждую субботу на пять рублей серебромъ нищимъ милостыни роздаютъ, въ разныхъ лотереяхъ участвуютъ, и на свой счетъ цѣлый дѣтскій пріютъ содержатъ. Но, скажите мнѣ, почему вы меня-то знаете?

— Да ужь такъ, что знаю. Вотъ, батюшка мой, передайте это письмо ея сіятельству, а я въ два часа прійду за отвѣтомъ. До свиданія!

И прежде нежели швейцаръ успѣлъ ему отвѣтить, незнакомецъ былъ уже на улицѣ. «Либо шутъ, либо мазурикъ!» рѣшилъ швейцаръ осмотрѣвъ письмо. Черезъ полчаса оно было въ рукахъ одной изъ проживалокъ графини Олимпіады Любимовны Зориной, исправлявшей у нея должность домашняго секретаря.

Эта Олимпіада Любимовна, дѣвица лѣтъ тридцати пяти, какъ водится, была дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Воспитанная довольно порядочно, въ одномъ изъ столичныхъ институтовъ, она отличалась многими забавными странностями. Изъ нихъ — самою главнѣйшею было непомѣрное самолюбіе, твердая увѣренность, что краше ея никого въ мірѣ нѣтъ, что рано или поздно явится *онъ* и предложитъ ей руку и сердце. Любила Олимпіада Любимовна помечтать при лунѣ, любила стишки и страшные романы, знала наизустъ «Кавказскаго плѣнника» и Лермонтовскаго «Демона.» Послѣднимъ стихотвореніемъ она прожужжала всѣ уши прочимъ проживалкамъ графини, и въ особенности благороднымъ вдовамъ. Чуть которая нибудь изъ нихъ прихворнетъ, либо по какимъ нибудь другимъ причинамъ сидитъ одна въ своей комнатѣ, тотчасъ же является къ ней Олимпіада Любимовна и радушно предложитъ чѣмъ нибудь разсѣяться: въ дурачки поиграть, или стишки послушать. Послѣднее предложеніе, будучи принято, неминуемо влекло за собою чтеніе *Демона*. Наконецъ Олимпіада Любимовна добилась до того, что отъ ея «Демона» всѣ бѣгали точно такъ же, какъ самъ демонъ (какъ полагаютъ) бѣгаетъ отъ ладона. Было у нея еще два пункта помѣшательства: тонность и аристократизмъ. За исключеніемъ вы-

шеозначенныхъ недостатковъ, Олимпіада Любимовна была вообще добрѣйшимъ существомъ въ мірѣ, и графиня, любя ее, постоянно заботилась о томъ, какъ бы ее пристроить. Петербургскіе женихи — народъ разсчетливый, безприданницъ не любятъ; а Олимпіада Любимовна, какъ я уже сказалъ, была дѣвушка бѣдная.

Впрочемъ, описалъ я ее со смѣшной стороны, и право раскаяваюсь. Кто-то сказалъ, что въ каждыхъ слезахъ — есть своя доза смѣшнаго, точно такъ же, какъ въ каждомъ смѣхѣ есть невидимыя слезы. Оно справедливо. Вотъ я, напримѣръ, ни за что ни про что, осмѣялъ Зорину, а между тѣмъ ея участь была скорѣе достойна сожалѣнія. Она была въ томъ возрастѣ, когда любовь дѣлается несбыточною мечтою, а между тѣмъ въ душѣ чувствуется потребность любить и быть любимой. Житье въ домѣ какой бы то ни было благодѣтельницы — замужней сестры, тетеньки или крестной маменьки — не веселое житье. За *свой* кусокъ хлѣба, за *свою* одежду благодаришь только Бога; а тутъ, послѣ молитвы, благодари благодѣтельницу. Конечно, графиня никогда этого не требовала, но Зорина вмѣняла себѣ въ непремѣнную обязанность при каждомъ удобномъ случаѣ выражать графинѣ свою признательность. Какъ быть! Malheur oblige...

Записка таинственнаго незнакомца къ графинѣ, была слѣдующаго содержанія:

Ваше Сіятельство!

«Гонимый судьбою, преслѣдуемый людьми, я пріемлю смѣ«лость прибѣгнуть къ вашему покровительству, подобно устало«му путнику, который въ Аравійской степи укрывается подъ го«степріимной сѣнью раскидистой пальмы. Я проливалъ кровь за «отечество, что свидѣтельствуютъ мои многочисленныя раны и «ордена; служеніе мое въ коммиссаріатской коммиссіи было бе«зукоризненно, какъ значится въ указѣ объ отставкѣ, отъ 17-го «ноября сего года за № 563,879; по формулярамъ всегда атте«стовался способнымъ и достойнымъ. Происки враговъ лишили «меня должности.

«Припадая къ благодѣтельнымъ стопамъ вашего сіятельства, «я тѣмъ болѣе осмѣливаюсь надѣяться на сильную съ вашей сто«роны протекцію, что нахожусь съ дѣтства въ ближайшемъ род«ствѣ съ вашимъ сіятельнымъ домомъ.»

— Проситель, это ясно! сказала графиня, возвращая письмо

Зориной:—и какъ странно пишетъ: сильная протекція! Въ чемъ? передъ кѣмъ?

— Конечно, онъ выражается нѣсколько темно, сказала Олимпіада, но слогъ прекрасный! Tout-à-fait dans le genre de Марлинскій!

— Дѣло не въ слогѣ, ma bonne amie! Отъ просьбы я всегда требую ясности. Будьте такъ добры, примите за меня этого таинственнаго просителя. Распросите его обо всемъ, а главное, въ чемъ состоитъ это родство съ нашимъ домомъ? Мнѣ очень любопытно знать.

Въ два часа, по сказанному, какъ по писанному, явился авторъ прошенія.

— Ну что, батюшка? сказалъ онъ швейцару.

— Приказано просить.

— А, вотъ это прекрасно! отвѣчалъ онъ, поспѣшно сбрасывая шинель и галоши. — Куда-же идти?

— Вверхъ, а потомъ налѣво... дежурный камердинеръ васъ проводитъ! сказалъ важно швейцаръ, дернувъ за звонокъ.

Просителя ввели въ бѣлую съ золотомъ пріемную, украшенную нѣсколькими порядочными копіями съ Айвазовскаго и Калама. Рѣзвый, привѣтливый огонекъ пылалъ въ каминѣ, на которомъ стояли великолѣпные бронзовые часы и двѣ японскія вазы. Проситель посмотрѣлся въ зеркало: ничего, хоть куда! погоны на воротникѣ немного потускли, да авось графиня не замѣтитъ. А чудесно живетъ, не по отцовски! Я помню его пріемную: тяжелыя занавѣски, мебель корельской березы съ голубыми баркановыми подушками, а на стѣнахъ какія-то старыя почернѣлыя картины! Помнится, тогда говорили, что это какіе-то *ординалы*... на одной, какъ теперь вижу, была представлена какая-то итальянская святая... какъ бишь ее? *Сассафрата*... именно *Сассафрата*! (Картина была работы *Сассоферрато*). Дверь скрипнула и въ пріемную вошла Зорина. Проситель отвѣсилъ ей почтительный поклонъ, на который она отвѣчала глубокимъ реверансомъ.

— Отставной поручикъ Архиповъ! отрекомендовался проситель. Почитаю незабвенно счастливымъ день, въ который удостоиваюсь лицезрѣть персону вашего сіятельства! Я помню васъ младенцемъ четырехъ лѣтъ, и съ того времени ангельскія черты вашего прелестнаго, добродѣтельнаго лица нисколько не измѣнились.

— Вы ошибаетесь, отвѣчала Зорина чуть слышно:—я не графиня!. Ея сіятельство поручила мнѣ принять васъ и распросить подробно о томъ, что вамъ угодно? Садитесь, пожалуйста!

— Вы видѣли, сударыня, мое письмо? вѣжливо, хотя и не съ прежнимъ раболѣпствомъ, спросилъ Капитонъ Абрамычъ.

— Вотъ оно, со мною. Чего же вы желаете?

— Партикулярнаго мѣста въ одномъ изъ благотворительныхъ заведеній ея сіятельства. Признаюсь вамъ, сударыня, со всею откровенностью солдата, что мнѣ жить нечѣмъ; я ничего не имѣю кромѣ добраго имени!

«Ахъ», подумала Олимпіада Любимовна, «такъ же, какъ и я! Но Архиповъ безсовѣстно лгалъ. У него въ ломбардѣ лежало шесть тысячъ серебромъ,—ровно половина прежняго его состоянія. Во время своего служенія въ коммиссаріатѣ Капитонъ Абрамычъ его утроилъ, — можетъ быть даже и удесятерилъ бы, еслибъ не случилось какой-то непріятной исторіи съ сапожнымъ товаромъ, въ которую былъ замѣшанъ и нашъ искатель приключеній. Онъ попалъ подъ слѣдствіе, но оправдался; — жаль, что оправданіе дорого стоило.... но и то слава Богу! «Не до жиру, быть бы живу», говоритъ пословица, и Капитонъ Абрамычъ хотя и отступилъ съ урономъ, но отступилъ съ честію. А досадно было, крѣпко досадно. Только что началъ привыкать, анъ тутъ бѣда и стряслась! Хорошо было старшему писарю, выгодно полковому адъютанту, — а тутъ просто рай земной. Командировки, осмотры госпиталей, сдѣлочки съ подрядчиками, пріятельскія бесѣды въ *Отель дю-норъ*.... Эхъ! да ужь лучше и не вспоминать.

— А вы долго были въ военной службѣ? съ участіемъ спросила Олимпіада Любимовна.

— Порядочно, сударыня! Этотъ шрамъ свидѣтельствуетъ, что я не сидѣлъ склавши руки. Онъ достался мнѣ подъ Остроленкой, отъ какого-то польскаго полковника. Я сбросилъ его съ сѣдла и, обливаясь кровью, сказалъ только: «дарю тебѣ жизнь!»

— Ахъ, какъ должно быть ужасно на войнѣ! томно прошептала Зорина.

— О, сударыня, этого нельзя себѣ и вообразить! Не достанетъ словъ описать вамъ эту картину...

Пошли разсказы, пріятно занявшіе Зорину часа полтора. Она даже чуть было не позабыла спросить Капитона, о какомъ род-

связи съ графинею говорилъ онъ въ своемъ письмѣ? Вопросъ этотъ нѣсколько смутилъ смѣлаго пройдоху.

— Напомните ихъ сіятельству крестника ихъ покойнаго родителя, скромно отвѣчалъ онъ, — и походатайствуйте обо мнѣ, сударыня! Надобно вамъ сказать, что мѣсто, къ которому я всего болѣе сознаю въ себѣ способностей — это должность эконома или смотрителя. Вообще, сударыня, хозяйственная часть мнѣ отлично знакома. Ужь, явите божескую милость, походатайствуйте! Если при вашемъ благородномъ содѣйствіи, мнѣ посчастливится получить мѣсто, я надѣюсь, вы не откажетесь принять отъ меня серьги, эмалевый браслетъ, брошъ и маленькіе часики — какъ слабые знаки признательнаго сердца и совершеннаго уваженія?

— Что вы, что вы, Богъ съ вами! съ ужасомъ отвѣчала Зорина: — ни за что на свѣтѣ!

— Въ такомъ случаѣ вмѣняю себѣ въ священный долгъ внести ваше имя въ тотъ секретный уголокъ моего благороднаго сердца, гдѣ записаны имена особъ, мнѣ благодѣтельствовавшихъ. Повѣрьте, солдатская молитва до Бога доходитъ!

ГЛАВА VII.

Село Лизаветино, Овражкино то жь, принадлежащее графинѣ Елизаветѣ Аркадьевнѣ Муромцевой, находится Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, въ семидесяти верстахъ отъ Вышневолоцкой станціи Николаевской желѣзной дороги. Въ 1850 году въ немъ числилось душъ мужскаго пола 570; пахатной земли, полей, лѣсовъ, а пуще всего болотъ — сколько душѣ угодно. Мѣстоположеніе не отличается особенной красотой; избы чистой славянской архитектуры; церковь ветхая, во имя равноапостольнаго князя Владиміра. Вокругъ нея ограда, за которой покоятся жители села.... Могилы, ближайшія къ церкви, или осѣненныя разноцвѣтными крестами принадлежатъ зажиточнымъ мужичкамъ, въ могилахъ же, обозначенныхъ огромными булыжниками, покоятся бѣдняки и голыши. Дѣдъ графини, Платонъ Александровичъ Суздальцевъ, во время тяжкой болѣзни далъ торжественное обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, выстроить церковь каменную, съ золочеными главами, великолѣпнымъ иконостасомъ и драгоцѣнною утварью. Выздоровѣлъ онъ и прожилъ

послѣ того десять лѣтъ, а церковь осталась въ прежнемъ состояніи. Говорятъ, ни одинъ архитекторъ не могъ, по вкусу графа, плана нарисовать: выходило, да все не то, чего хотѣлось графу; на эти одни планы онъ до тысячи рублей потратилъ.... Можетъ быть! За то барскій домъ былъ великолѣпенъ а при немъ садъ съ оранжереями еще лучше. Въ домѣ были: концертная зала, портретная галлерея, театръ и небольшая библіотека; въ саду, кромѣ оранжерей, кіоски, павильоны, пещеры, развалины и монументы. За нѣкоторые изъ послѣднихъ заплочены иностраннымъ мастерамъ знатныя суммы; иные монументы были сооружены надъ убитыми на ихъ постройку деньгами и временемъ; другіе — надъ любимыми собачками покойныхъ графа и графини.

Господская усадьба казалась тѣмъ роскошнѣе, что находившіяся по сосѣдству имѣнья принадлежали бѣднымъ, мелкомѣстнымъ дворянамъ. Ближайшій сосѣдъ, отставной полковникъ Бѣляевъ, обладалъ шестьюдесятью душами и двумя стами десятинъ земли: тутъ и сѣнокосы, и пашни, и лѣса.... Не диво, что иному помѣщику усадьба графини казалась чѣмъ-то въ родѣ нашего Петергофа или французскаго Версаля. До 1845 года Лизаветинымъ управлялъ какой-то отставной чиновникъ Кириловъ, пожилой вдовецъ, плохой агрономъ, — но хоть за то спасибо, что честный и добрый человѣкъ. Бывало, случись какая нуждишка мужичку,—иди смѣло къ управляющему. Покричитъ, покричитъ, а все же о чемъ просишь — исполнитъ. Само собою, себя онъ не забывалъ, да и Господь съ нимъ! мужичкамъ отъ того обиды не было. Одинъ недостатокъ былъ въ Кириловѣ: любилъ покричать и выругаться нехорошими словами. Самое простое приказаніе отдавалъ всегда съ криками и бранью, будто кто ему грубитъ или перечитъ; но крестьяне, по немножку, и къ этому привыкли. Они утѣшались пословицей: «брань на вороту не виснетъ»; а къ тому же у многихъ изъ нихъ нехорошія слова были чѣмъ-то въ родѣ поговорки. Съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ Кириловъ, можно, да еще и какъ можно было жить. Но въ 1845 году его смѣнилъ новый управляющій, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ крестьяне увидѣли, что промѣняли кукушку на ястреба. Пошли новые порядки, строгости, да такія, что и не приведи Господи! Не разъ пришлось вспомнить Кирилова, — да поздно! Новый управляющій въ первую пору осмотрѣлъ все имѣнье, отъ господскаго дома до послѣдняго хлѣва;

поголовно переписалъ всѣхъ мужичковъ, и сколько-то у каждаго семьи, земли и скотинки; устроилъ совершенно въ новомъ порядкѣ контору по управленію имѣньемъ. Двумъ писарямъ приказалъ строго-на-строго соблюдать порядокъ и чистоту, какъ въ комнатѣ, такъ и въ письмѣ, ежедневно являться въ контору въ десять, а уходить въ три часа; по вечерамъ являться къ нему съ докладомъ. Выбралъ себѣ для прислуги (кромѣ прибывшаго съ нимъ изъ Петербурга лакея) двухъ мальчишекъ, сыновей кузнеца и ткача; а женѣ двухъ—горничныхъ. Какъ-то вздумалъ староста что-то новому управляющему наперекоръ сказать, — такъ и жизни былъ не радъ! Ушелъ отъ него старикъ съ всклоконенной бородой и такими румяными щеками, что можно было подумать о пріятномъ угощеніи.... Дѣйствительно, управляющій угостилъ его знатно.

Изъ всего села только одно лицо пользовалось уваженіемъ управляющаго, — это старикъ-священникъ, отецъ Аполлинарій. Но уваженіе это могло назваться уваженіемъ только сравнительно. Иногда, подъ горячій часъ, управляющій и отцу Аполлинарію такія любезности отпускалъ, что старичокъ не зналъ куда, и глаза дѣвать! Пробовали мужички просить защиты у жены управляющаго, но какъ ее увидѣли, то поняли, что и ей житье не краше нашего: она передъ мужемъ не смѣла и пикнуть, боялась, какъ огня, но повидимому и любила его безъ памяти.

Говорятъ, будто встарину, гдѣ-то поймали разбойника, и приговорили его, раба Божія, ежедневно наказывать,—по сотнѣ или по двѣ лозановъ. Вотъ прошла недѣля, другая, мѣсяцъ — сжалились ли судьи, надоѣло ли имъ,—но разбойнику объявили прощеніе. Что же вы думаете? На другой день приходитъ къ своимъ судьямъ и проситъ опредѣленное количество ударовъ. «Ужь я — говоритъ — привыкъ!» Что говорить! привычка дѣло великое; не даромъ же говорится, что привычка — вторая натура. Въ два, три года жители Лизаветина до того привыкли къ своему управляющему, что инымъ казалось, будто такъ быть должно, а иначе и быть не можетъ. «Должно быть хорошій человѣкъ», разсуждали они—«если барыня его намъ въ управляющіе назначила!»

Жилъ управляющій знатно, лошадей да экипажи такіе держалъ, что хоть бы самому становому. Квартиру свою омеблировалъ на диво. Мебель-то, правда, была не его собственная, а вынесена изъ господскаго дома; но управляющій и не скры-

валъ этого. «Чѣмъ ей попусту тамъ плѣсневѣть, не лучше ли идти въ дѣло? По крайней мѣрѣ моль не точитъ; а стоять стульямъ да столамъ, я думаю, все равно!» говаривалъ онъ своимъ гостямъ. Гостями его были: становой, повѣренный по винному откупу, и многіе сосѣдніе помѣщики, кромѣ полковника Бѣляева. Они какъ-то встрѣтились, крупно поговорили, и съ того времени управляющій не любилъ даже, когда при немъ говорили про бѣднаго сосѣда; при случаѣ всегда ввертывалъ на его счетъ обидное словцо. Должно быть повздорили не на шутку. Осенью 1848 года жена управляющаго захворала горячкой. Мужъ ея былъ, если не въ отчаяніи, такъ въ досадѣ. Въ городъ за докторомъ посылать далеко, да и лошади на бѣду — которая больна, которая расковалась. Попробовалъ онъ ее лѣчить (то есть жену) домашними средствами, по лѣчебнику, — больной стало хуже! Ужь нѣжный супругъ обдумывалъ, какія бы блюда приказать готовить для поминокъ, за отцомъ Аполлинаріемъ послалъ, — какъ вдругъ ему доложили, что пришла Марина Михайловна. Эта Марина Михайловна, о которой я еще многое пораскажу, была бабкой, лѣкаркой и ворожеей села Лизаветина. Послѣднее ремесло она тщательно скрывала и отъ управляющаго, и отъ священника. Послѣдній давно зналъ ее за старуху набожную, ежегодно ходившую на богомолье къ Саввѣ Вишерскому и Нилу Столобенскому; но мужички были о ней совершенно инаго мнѣнія, и послѣ управляющаго боялись Михайловны, какъ чумы, отъ которой, однакоже, она умѣла лѣчить скотину. Эта самая лѣкарка, явясь къ управляющему, униженно предложила свои услуги больной его женѣ.

— А если ты уморишь ее? угрюмо спросилъ онъ.

— Тогда, батюшка, твоя воля! Хошь живую въ землю закопай!

И принялась она за лѣченье. Богъ знаетъ, что было тому причиной—крѣпкая ли натура жены управляющаго, болѣзнь ли свершила свой узаконенный кризисъ, лѣкарства ли, наконецъ; какъ-бы то ни было, больная выздоровѣла. Съ этого времени Марина заняла въ домѣ управляющаго должность лейбъ-медика, и пользовалась особеннымъ расположеніемъ жены его. Во всякое время дня, безъ доклада, она имѣла право входить къ управляющему, и по цѣлымъ вечерамъ бесѣдовала съ его женой. Крестьяне, пуще прежняго, стали бояться лѣкарки, а она, въ свою очередь, пуще прежняго стала драть и съ живаго, и съ

мертваго. Старуха рискнула даже снять съ себя утомительную маску ханжи предъ отцомъ Аполлинаріемъ, и стала явно заниматься ворожбой, гаданьями, пожалуй, даже и другими вещами, опаснѣе и серьезнѣе.

Я вполнѣ увѣренъ, что читатель догадался, кто былъ управляющій села Лизаветина. Капитонъ Абрамычъ? Онъ самый. На комъ же онъ женатъ? А этого не угадываете? На Олимпіадѣ Любимовнѣ Зориной. Графиня, какъ видите, съумѣла составить счастіе двухъ людей: Архипову дала мѣсто управляющаго, а компаньонкѣ — мужа. Счастливы ли только мужики-то ихъ управляющихъ? Эхъ! ужь вы многаго хотите.... Не всѣмъ-же быть счастливымъ.

ГЛАВА VIII.

Іюль 1850 года. Время знойное, на небѣ ни облачка; часъ седьмой вечера. Архиповъ съ женою сидятъ за чайнымъ столомъ; мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ какой-то полувоенной ливреѣ, дремлетъ у дверей, стоя и вытянувъ руки по швамъ. Окна раскрыты настежь, но листья на цвѣтахъ, разставленныхъ на подоконникахъ, не шелохнутся; тишина нарушается громкимъ прихлебываніемъ Архипова и несноснымъ жужжаніемъ мухъ, да звонкимъ кованьемъ кузнечиковъ въ саду. Сервировка чайнаго стола безукоризненна. Салфетка вышита гарусомъ, самоваръ апплике ярко вычищенъ, посуда блестящая, лоточекъ нагруженъ булочками, крендельками, ватрушками и другими печеньями, о которыхъ мы, столичные жители, и понятія не имѣемъ. Капитонъ Абрамычъ кушаетъ чай изъ превосходной чашки севрскаго фарфора съ портретомъ Лудовика XV. Чашка эта взята съ этажерки изъ гостинной барскаго дома.... Но это все пустяки. Займемся лучше хозяевами. Признаюсь, мнѣ очень досадно, что при описаніи первой встрѣчи Зориной съ моимъ героемъ, я ни слова не сказалъ о ея наружности. Это было пять лѣтъ тому назадъ, когда она была помоложе и получше нынѣшняго. Въ волосахъ ея еще не проглядывала сѣдина, на лицѣ не такъ замѣтны были морщинки, глаза не были, правда, такъ выразительны, какъ теперь; но за то и не были такъ мертвенно тусклы.... Тогда не то житье и было! Плакала Олимпіада Любимовна надъ книгами, о вымышленныхъ бѣдствіяхъ какого нибудь романиче-

скаго героя, либо о судьбѣ Тамары, убитой поцалуемъ *Демона.* Тѣ слезы были въ родѣ теплаго весенняго дождичка: онѣ не продолжительны, и послѣ ихъ какъ-то прохладнѣе на душѣ, и чувства, какъ цвѣты — ярче и ароматнѣе, если можно такъ выразиться. Теперь Олимпіада плачетъ иначе; теперь холодный осенній дождь, послѣ котораго на душѣ остается одна грязь. Бываютъ минуты, когда жена Капитона, подобно его покойному отцу, ропщетъ на графиню за ея благодѣянія, и раскаявается въ томъ, что она грамотна и образована. Ей было бы легче въ тысячу разъ, если бы она была тупымъ, безсмысленнымъ существомъ, неспособнымъ понимать своего мужа, подобно тому, какъ и онъ самъ неспособенъ понимать ее.... Но, покуда — довольно!

Капитонечка все тотъ же: здоровъ, толстъ и румянъ. На головѣ лысинка просвѣчиваетъ, за то бакенбарды и усы роскошнѣе прежнихъ. На немъ черный атласный архалукъ съ георгіевской ленточкой въ петличкѣ.

— Что, есть еще чай? говоритъ онъ отрывисто женѣ, осушая пятую чашку.

— Можно еще приварить, заботливо отвѣчаетъ она, открывая чайный ящикъ.

— Ну, нѣтъ, такъ и не нужно! Значитъ—будетъ, довольно. Ты, братъ, Липа, на чай будь поэкономнѣе, да поменьше угощай свою пріятельницу Михайловну. Я знаю, она часто у тебя чай лопаетъ.... не ея бы рылу. Посмотри, посмотри, продолжалъ онъ, взявъ жену за руку, и кивая головой на дремлющаго мальчика: — опять спитъ! Ладно, я его выучу.

И Архиновъ медленно приподнялся съ креселъ.

— Капитонъ! вскричала жена, взявъ его за руку:—ради Бога оставь; я видѣть этого не могу!

— Ну, и не смотри; вѣдь я не принуждаю! Видите, какія нѣжности!... Не спать, не спать, не спать! продолжалъ онъ, сопровождая каждое слово крѣпкимъ щелчкомъ въ носъ спящаго казачка.

Мальчикъ дико вскрикнулъ. Нѣсколько капель крови упало на чисто вымытый полъ.

— Еще полъ загадить! Вонъ, каналья! крикнулъ управляющій, выталкивая его въ прихожую. Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, посвистывая какой-то маршъ, онъ отошелъ къ столу, и началъ набивать трубку. Олимпіада, закрывъ лицо плат-

комъ, истерически всхлипывала. — Э-э-это что еще за новости! презрительно и нараспѣвъ протянулъ Капитонъ Абрамычъ: — прошу покорно! Эдакъ обо всякомъ щенкѣ нюнить, такъ и слезъ не напасешься! Въ пять лѣтъ, кажется, можно привыкнуть! О, охъ! ужь вы мнѣ, избалованныя лимонницы! При васъ человѣка пальцемъ не тронь. А повелъ бы я васъ въ полковой *цейхгаузъ* послѣ ученья, такъ еще не то бы увидѣли! Ну, Липа, молчать! Чтобъ этихъ слезъ не было! Слышишь? я этого не люблю!...

Олимпіада быстро вышла изъ комнаты. Во слѣдъ ей мужъ пронзительно свистнулъ и махнулъ рукой. На свистъ изъ внутреннихъ комнатъ, постукивая когтями объ полъ, къ Капитону Абрамычу прибѣжала огромная лягавая собака, съ вывороченными лапами и красными на выкатѣ глазами. Съ глухимъ лаемъ и визжаньемъ начала она ласкаться къ управляющему и увиваться около его, помахивая обрубленнымъ хвостомъ.

— А! Трезоръ! Трезоръ! вскричалъ Капитонъ Абрамычъ, поглаживая собаку: — здравствуй, здравствуй! Ну, ну, полно, полно, мой добрый песъ, перестань!... И онъ сталъ защищаться отъ Трезора, которому непремѣнно хотѣлось полизать лицо управляющему. Капитонъ Абрамычъ, какъ видно, очень любилъ свою собаку. Онъ началъ угощать ее крендельками и ватрушками, которые Трезоръ на лету подхватывалъ или подбрасывалъ по командѣ — носомъ, а потомъ проглатывалъ, какъ пилюли: чавкнетъ разъ, другой и довольно! Эти упражненія продолжались съ полчаса, ихъ прервалъ вошедшій слуга.

— Ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ: — священникъ пришелъ; желаетъ васъ видѣть. Прикажете принять?

— Проси! отвѣчалъ важно управляющій, продолжая играть съ собакой. Трезоръ повалился на спину, а Капитонъ Абрамычъ трепалъ его за брыли.... Умилительная картина!

— Добраго здоровья! сказалъ вошедшій отецъ Аполлинарій, перекрестясь на иконы и низко кланяясь. Ему лѣтъ подъ семьдесятъ; росту невысокаго, одѣтъ очень бѣдно—въ крашенинный подрясникъ, заплатанный во многихъ мѣстахъ. Бѣлые его волосы были заплетены въ тоненькія косички.

— Здравствуйте, батюшка! нехотя сказалъ управляющій, принимая благословеніе.—Что вамъ угодно? Вѣрно опять мужичка, сѣнцо убрать? Не могу, не могу! Время рабочее, сами знаете.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ, Капитонъ Абрамычъ! поспѣшно, тономъ извиненія, отвѣчалъ священникъ: — я къ вамъ по другому дѣлу.

— Слушаю-съ! съ гримасой отозвался управляющій, возвращаясь къ Трезору и снова принялся играть съ нимъ.

— Вотъ, какого рода обстоятельство, робко началъ отецъ Аполлинарій: — послѣ покойнаго батюшки насъ осталось двое: я и сестра, Анисья.

— Такъ-съ, отвѣчалъ управляющій, не поднимая головы.

— Анисья была замужемъ за діакономъ, Тверской преображенской церкви, Романомъ Яворовымъ.

— Славная фамилія — Яворовъ! отвѣчалъ Капитонъ, заставляя служить Трезора. Ну-съ, дальше?

— Послѣ нихъ остался сынъ Павелъ, нынѣ окончившій курсъ въ губернской гимназіи.

— Да сядьте, батюшка, что вы все стоите!.. Ничего, садитесь. Ну, такъ сынъ остался и въ гимназіи курсъ кончилъ? Молодецъ! Значитъ—ученый?

— Господь его знаетъ, ученый, нѣтъ ли. Я не видалъ его двѣнадцать лѣтъ. По письмамъ вижу, что малый не глупый и скромный. Вотъ насчетъ племянника-то я и желаю поговорить съ вами.

— Хе, хе, хе! ну, признаюсь—издалека же вы начали! Что, не отъ Адама? Цѣлую родословную прочли. Ну, что же вашъ племянникъ?

— Да вотъ-съ, хотя курсъ и окончилъ и вышелъ изъ первыхъ, — а пріюта не имѣетъ; родныхъ, кромѣ меня, у него никого нѣтъ. Будьте милостивы, позвольте ему переселиться на житье ко мнѣ, до пріисканія должности.

— Охъ, батюшка! откровенно вамъ скажу: не люблю я этихъ нахлѣбниковъ, а ужь пуще всего, если они изъ ученыхъ! Что онъ тутъ будетъ дѣлать? Баклуши бить, да за дѣвушками гоняться? А тамъ, неравно, вздумаетъ купаться идти да потонетъ; либо на охотѣ, нечаянно, застрѣлится? Вотъ вамъ и исторія, и выпутывайся, какъ знаешь.

— Но позвольте, Капитонъ Абрамычъ: зачѣмъ ему топиться да стрѣляться. Я прошу васъ чтобъ вы позволили ему не умирать, а жить здѣсь!

— Вотъ, вы мнѣ досказать не дали, и только напрасно рѣчь перебили! съ досадой отвѣчалъ управляющій.—Умирать? Кому умирать охота? Вотъ, и вы стары, стары, а я думаю какъ *курносая*-то придетъ, такъ небойсь, руками и ногами! Хе, хе, хе! Не такъ ли?

— Совѣсть у меня чиста! съ величіемъ праведника отвѣчалъ священникъ: — и я смерти не боюсь! Неправильно и говорятъ— бояться смерти; это собственно не *смерть*, а будущая *жизнь* страшна!...

— На счетъ этого я съ вами не спорю. Вы и встрѣчаете вступающаго въ земную жизнь и провожаете въ будущую! Да не объ этомъ рѣчь. Вотъ, племянникъ-то вашъ что?

— Да ужь разрѣшите, Капитонъ Абрамычъ, будьте милостивы!

— Право, не знаю, какъ мнѣ быть! Отвѣтственность, батюшка, отвѣтственность огромная. Шутите вы—чужаго человѣка въ село на житье пустить!... Ну, да ужь нечего дѣлать! пусть пріѣзжаетъ! Только я васъ предупреждаю—что если что худое замѣчу, безъ церемоніи прогоню. Я, вѣдь, человѣкъ военный, шутить не люблю. И то сказать—не въ лѣсу же вашему племяннику жить. Хе, хе, хе! Вотъ, еслибъ ихъ въ гимназіяхъ, вмѣсто всякихъ латинскихъ да французскихъ языковъ, учили — какъ безъ хлѣба быть сытымъ, либо на дождѣ не мокнуть, а на холоду не дрогнуть—вотъ это было бы дѣло хорошее. А гдѣ вы его помѣстите? У васъ и такъ въ хаткѣ негдѣ повернуться.

— Какъ быть! Въ тѣснотѣ люди живутъ, да не живутъ въ обидѣ. Помѣстимся какъ нибудь.

— Ну, тамъ какъ знаете. Да погодите немножко, я кой что вамъ дамъ; сію минуту.

Капитонъ вышелъ и черезъ нѣсколько времени возвратился, неся въ рукахъ старую засаленную жилеткуи атласный галстухъ въ родѣ аркана.

— Вотъ, не пригодится ли вашему племяннику, сказалъ онъ любезно, отдавая эти вещи отцу Аполлинарію.—Хотѣлъ было я подарить эти вещи моему человѣку, но у него платьевъ и такъ довольно, а вашему ученому философу онѣ будутъ не лишнія.

— Покорнѣйше васъ благодарю! отвѣчалъ отецъ Аполлинарій, принимая вещи. Господь Богъ наградитъ васъ за доброе дѣло.

— Ничего, ничего-съ. Ужь такая у меня съ дѣтства привычка. Съ нищимъ радъ послѣднимъ подѣлиться. Пріѣдетъ племянникъ, такъ вы его когда нибудь ко мнѣ пришлите. Я, можетъ, еще что нибудь изъ старья найду. А понравится онъ мнѣ—такъ я ему мѣсто старшаго писаря въ моей конторѣ дамъ; бѣдняку, знаете, это находка!

— Конечно, конечно!

— Однако, извините; мнѣ надобно кой чѣмъ позаняться; идите съ Богомъ; я васъ не задерживаю.

Капитонъ протянулъ руку чтобы принять благословеніе.

— Какъ здоровье Олимпіады Любимовны?

— Ничего, здорова. Тамъ, на своей половинѣ, вѣроятно книжки читаетъ! Она, вѣдь, у меня тоже изъ ученыхъ. Прощайте, батюшка.

— Счастливо оставаться, Капитонъ Абрамычъ; Господь съ вами!

ГЛАВА IX.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого разговора, рано утромъ, у подъѣзда бѣдной хатки отца Аполлинарія, стояла небольшая бричка, запряженная усталой, взмыленной лошаденкой. Изъ брички, кривой Вавила, работникъ священника, выносилъ небольшой чемоданъ и два узелка. Въ хатѣ происходила суматоха; слышенъ былъ громкій голосъ самого священника и еще пріятный теноръ, голосъ что-то незнакомый. Полюбопытствуемъ.

Отецъ Аполлинарій сидитъ на скамьѣ рядомъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ въ гимназическомъ сюртукѣ. Лицо этого молодаго человѣка одно изъ тѣхъ открытыхъ, милыхъ лицъ, которыя съ перваго взгляда возбуждаютъ живѣйшую симпатію. Голубые глаза изъ подъ длинныхъ рѣсницъ блистали умомъ и энергіей; нѣжный, юношескій пушокъ покрывалъ румяныя щоки и подбородокъ молодаго человѣка, котораго имѣю честь рекомендовать благосклонному читателю. Это племянникъ священника, о которомъ онъ говорилъ управляющему, Павелъ Романовичъ Яворовъ.

— Ну вотъ, мой голубчикъ, наконецъ-то ты и пріѣхалъ! говорилъ священникъ чуть ли не двадцатый разъ въ теченіе четверти часа.—Да что же это ты такъ замѣшкалъ? Я ждалъ тебя третьяго дня.

— Виноватъ, дядюшка, безъ вины виноватъ. Вѣдь я нездоровъ былъ!

— А-а! гдѣ же, въ городѣ?

— Нѣтъ, заболѣлъ на дорогѣ. Отъ жару, должно быть, голову, страхъ, какъ разломило, даже бредъ начинался. Я принуж-

денъ былъ остановиться, верстахъ въ двѣнадцати отсюда, въ деревнѣ Рябой, и ночевалъ у тамошняго помѣщика, отставнаго полковника, Николая Владиміровича Бѣляева.

— Бѣляева? почти съ ужасомъ воскликнулъ отецъ Аполлинарій.

— А вы съ нимъ знакомы? Не правда ли, что за милый человѣкъ? Вѣрите ли, онъ обласкалъ меня какъ роднаго и взялъ съ меня честное слово, что я побываю у него. Я обѣщалъ. Вѣдь вы позволите?

— Ну, тамъ, увидимъ. Еще будетъ время поговорить объ этомъ. Теперь побесѣдуемъ лучше о тебѣ. Ну, какъ съ тобой разстались учителя, товарищи?... Не грустно было разставаться съ гимназіей?

— По правдѣ вамъ сказать, немножко и погрустилъ, даже поплакалъ. Семь лѣтъ—не бездѣлица! Поступилъ я мальчикомъ двѣнадцати лѣтъ, вышелъ — юношей. Поступая, я чувствовалъ какой-то нелѣпый ужасъ, а нашелъ пользу и добро. Кто знаетъ? Теперь, вступая въ свѣтъ, съ какимъ-то безотчетнымъ предчувствіемъ добра и счастья, не найду ли я противнаго? Но разскажите мнѣ о себѣ; довольны ли вы вашей паствой? Что здѣшніе мужички? Разумѣется, любятъ, уважаютъ васъ; вы бесѣдуете съ ними, какъ добрый отецъ съ дѣтьми? Объясняете имъ божественный законъ Спасителя, учите ихъ грамотѣ?

— Дружокъ мой, дай опомниться. Ты забросалъ меня вопросами. Доволенъ ли я моей паствой, говоришь ты? Ничего, мужички меня точно любятъ и уважаютъ; въ церковь ходятъ исправно, а въ великій постъ, либо въ успенскій, бываютъ у исповѣди и святаго причастія. Проповѣди я имъ говорилъ, лѣтъ пять тому назадъ, каждое воскресенье. Что же касается до грамоты, то я не учу ихъ по неимѣнію времени; а они не учатся по этой же самой причинѣ. Да и на что имъ грамота? самъ посуди!

Вмѣсто отвѣта, Яворовъ съ удивленіемъ взглянулъ на дядю, потомъ непримѣтно улыбнулся. Въ разговорахъ время пролетѣло скоро; пришелъ часъ обѣда. Обѣдъ былъ простой, деревенскій, но приправленный радушіемъ хозяина и бутылочкой краснаго вина; онъ показался Яворову самымъ роскошнымъ банкетомъ. Послѣ обѣда отецъ Аполлинарій прилегъ отдохнуть, а Яворовъ принялся разбирать свой чемоданъ. Главную часть скромнаго багажа гимназиста составляли книги и тетради. Кромѣ учебни-

ковъ, были тутъ книги съ оттиснутыми на переплетѣ золотыми словами: «за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ;» былъ тутъ и альбомъ Яворова, исписанный и изрисованный товарищами, украшенный мѣстами нравоучительными изреченіями учителей, физики и русской словесности, въ родѣ слѣдующаго: «Только тотъ человѣкъ можетъ сказать—*я жилъ*, который принесъ свою лепту на алтарь отечества.» Въ числѣ рукописей было очень много сочиненій Яворова, между прочимъ, три тетрадки, которыя онъ бережно отложилъ къ сторонкѣ. Онѣ были переписаны на хорошей бумагѣ, щегольскимъ почеркомъ. На первой, готическими буквами было написано: «Проэктъ устройства школы для взрослыхъ и малолѣтныхъ крестьянъ.» На оборотѣ второй тетради было написано нѣсколько попроще: «Сельская ботаника», и, наконецъ на третьей: «Лѣчебникъ.» Всѣ эти книги и тетради Яворовъ разложилъ въ порядкѣ на столѣ — и задумался.

«Ну вотъ, наконецъ я свободенъ; давнишнее мое желаніе— жить въ деревнѣ, въ кругу добрыхъ простыхъ поселянъ, осуществилось. Отдохну денька два, три, а потомъ примусь за дѣло. Цѣль прекрасная, но достиженіе трудно, очень трудно; но надѣюсь на содѣйствіе дяди и здѣшняго управляющаго. Мой недавній знакомый, полковникъ Бѣляевъ, что-то невыгодно о немъ отзывался. Но они, кажется, въ побранкѣ, и потому это мнѣніе не совсѣмъ безпристрасно. Я увѣренъ, что управляющій одобритъ мои планы. Да, кто что ни говори, а мнѣ кажется—въ мірѣ нѣтъ званія благороднѣе, какъ званіе учителя и врача. Постараюсь соединить въ лицѣ моемъ и то, и другое!»

Фантазія Яворова разыгрывалась. Чуждый мелочнаго тщеславія, онъ однакоже не безъ самодовольствія тѣшился мыслію— какъ въ два, три года жители Лизаветина достигнутъ самого цвѣтущаго состоянія и въ физическомъ, и въ моральномъ быту. Не будетъ замѣтно этихъ полуразрушенныхъ, грязныхъ избушекъ, которыя произвели такое грустное впечатлѣніе на Яворова при въѣздѣ его въ село. Исчезнутъ безполезныя болота и на ихъ мѣстѣ будутъ шумѣть богатыя нивы, либо зеленѣть луга и пастбища. Вотъ, чистенькая избушка съ надписью «аптека», при ней небольшая лабораторія, гдѣ мужички занимаются приготовленіемъ простыхъ лѣкарствъ изъ травъ и растеній, ими же собранныхъ Къ аптекѣ принадлежитъ небольшой огородъ, гдѣ эти полезныя растѣнія сѣются и разводятся. Далѣе сарай, гдѣ хранятся огнегасительные инструменты; здѣсь школа, тамъ изба для воскрес-

ныхъ собраній мужиковъ, гдѣ, вмѣсто глупыхъ сказокъ, съ ними бесѣдуютъ о наукахъ, разсказываютъ о дѣяніяхъ великихъ людей, имена которыхъ сохраняются въ исторіи и народныхъ преданіяхъ. И все это сдѣлаютъ—грамотность и знаніе! Но кто же похититъ съ неба этотъ Прометеевъ огонь, кто будетъ преобразователемъ Лизаветина? «Ты!» шепчетъ Яворову какой-то внутренній голосъ, и яркій румянецъ играетъ на его бархатныхъ щекахъ, и глаза сверкаютъ необыкновеннымъ блескомъ.

— О чемъ задумался? спросилъ отецъ Аполлинарій, положивъ ему руку на плечо.

— Ахъ, дядюшка, о многомъ, очень о многомъ! отвѣчалъ Яворовъ, неохотно отрываясь отъ своихъ мечтаній.

— Думай, думай! Какой-то старинный писатель сказалъ очень умно: «думы—тучи, слова—дождь, дѣла—плоды.» Дай Богъ, чтобы твои думы были добрыя и полезныя.

— О, что онѣ полезныя—за это я отвѣчаю головой. Угодно вамъ меня выслушать?

— За тѣмъ я къ тебѣ и пришелъ, чтобы говорить съ тобою. Ты не отдыхалъ?

— Нѣтъ, дядюшка; перебиралъ мои бумаги. Вотъ-съ, продолжалъ онъ съ самодовольствіемъ автора, показывая три завѣтныя тетради:—что вы скажете мнѣ на это?

— А что это дружокъ? отвѣчалъ отецъ Аполлинарій, щуря глаза. — Гдѣ же мои очки? Я этого и не прочту; это, братъ, не по русски.

— Какъ, не по русски? «Проэктъ устройства школы для взрослыхъ и малолѣтныхъ крестьянъ.»

— Такъ, голубчикъ. Что же, это въ гимназіи этому, что ли, учили? Ишь ты, буквы-то какія узорчатыя!..

— Нѣтъ, это я самъ написалъ. Это мое сочиненіе.

— А! хорошо, хорошо! Только что же ты такой странный предметъ для сочиненія выбралъ? Проэктъ? Сколько помнится, это слово иностранное, значитъ: предпріятіе, намѣреніе; такъ ли?

— Такъ, радостно отвѣчалъ Яворовъ:—угодно, я вамъ прочту.—И молодой человѣкъ развернулъ-было тетрадь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! оставь, покуда. Еще будетъ время. Что спѣшить? зима придетъ, тогда вечеркомъ и почитаешь.

— Такъ вотъ, другая тетрадь, началъ сконфуженный Яворовъ.

— Да послѣ, все пересмотримъ. Вижу я, что почеркъ у тебя славный, и бумага отличная. Казенная?

— Нѣтъ, я самъ покупалъ.

— Дорога, я думаю, а? копѣекъ шесть — десть?

— Не помню, дядюшка! Да дѣло не въ бумагѣ, а въ самомъ сочиненіи.

— Эхъ, Павлуша, дались тебѣ эти сочиненія! Ты, кажется, безъ книгъ минуты пробыть не можешь. Такъ и быть; какъ пойдемъ къ управляющему, такъ ты покажи ему.

— Мой проэктъ? радостно спросилъ Яворовъ.

— Нѣтъ, эта тетрадка не такъ-то красиво переписана. А ты лучше вотъ маленькую-то возьми. Лѣчебникъ, что ли; тутъ почеркъ красивѣе.

— Да на что же ему мой почеркъ?

— Какъ на что? онъ мнѣ сказалъ, что можетъ быть возьметъ тебя къ себѣ въ писаря.

— Въ писаря?

— Да, да, дружокъ. Вотъ къ кому какъ, а ко мнѣ Капитонъ Абрамычъ милостивъ и ласковъ. Да! кстати: когда я просилъ его разрѣшенія насчетъ твоего пріѣзда, сначала онъ, было, заупрямился, но потомъ позволилъ, и даже отдалъ мнѣ для тебя жилетку и галстухъ. Вотъ они, помѣряй-ко!

— Дядюшка! краснѣя, пролепеталъ Яворовъ:—да къ чему же это? Вѣдь я, слава Богу, не нищій.

— Не нищій? съ удивленіемъ спросилъ отецъ Аполлинарій:— а что же ты, батюшка мой, богачъ, что ли? Это не хорошо, Павлуша, очень не хорошо. Гордость—смертный грѣхъ. Вспомни великое изрѣченіе: «всякое даяніе благо...»

— Дядюшка, спросилъ Яворовъ въ какомъ-то раздумьи: — что за человѣкъ здѣшній управляющій?

— Какъ, что за человѣкъ? Какъ ты, и я.

— Нѣтъ, я не объ этомъ спрашиваю. Какой у него нравъ?

— Нравъ у него горячій, крутой. Съ мужичками онъ очень строгъ, и вообще упрямства не любитъ. У меня, говоритъ, правило — повиновеніе старшимъ. Старшій прикажетъ въ огонь идти — иди; въ воду — полѣзай въ воду.

— Старшій прикажетъ человѣка убить, — убивай?

— Ахъ, какой ты, Павля, вольнодумецъ! Что, васъ этому, что ли, въ гимназіи учатъ?..

— Да какъ же, дядюшка, помилуйте! Повиновеніе должно

быть обусловлено разсудкомъ; въ противномъ случаѣ человѣкъ уже не человѣкъ, а машина.

— Совѣтую тебѣ, Павлуша, не заноситься. Я вижу, что ты съ Капитономъ Абрамычемъ не поладишь, отъ чего Боже тебя упаси! Тогда обоимъ намъ худо будетъ!

— Обоимъ намъ? Да что же посмѣетъ сдѣлать намъ управляющій? удивляясь все болѣе и болѣе, спросилъ Яворовъ.

— Все что захочетъ!

— Я бы посмотрѣлъ...

— Ну, такъ! На кулаки полѣзешь? Охъ, молодость неразумная! Даже слушать досадно. Нѣтъ, Павелъ, заблаговреминно тебя прошу: когда пойдемъ къ управляющему, будь ты тише воды, ниже травы; отвѣчай ему ласково, да не мѣшаетъ, если въ разговорѣ будешь титуловать его: «ваше высокоблагородіе.» Капитонъ Абрамычъ это любитъ.

— Но, кажется, я не рядовой?

— Ну, да! Ты — генералъ! Эй, говорю, не вольнодумствуй и не кичись не по чину. Вспомни, что здѣшній управляющій заслуженный, израненый воинъ, капитанъ гвардіи, въ отставкѣ, имѣетъ ордена; а ты—что? Мальчикъ — и только!

— Мое время не ушло. Буду служить — тоже буду чѣмъ нибудь.

— Улита ѣдетъ, коли-то будетъ! А покуда — ты ничто. Первый долгъ молодаго человѣка—кротость и смиреніе. Да что, молодой человѣкъ? Ты на меня посмотри. Осмѣливаюсь ли я когда въ разговорѣ спорить или поперечить? Никогда. Если слышу, что человѣкъ что нибудь неразумное говоритъ — я замолчу и прекращаю разговоръ. «Отойди отъ зла и сотвори благо.» Такъ-то, голубчикъ мой, смиреніе и смиреніе!.. Однако, пора мнѣ въ церковь, къ вечерни. Ты покуда побудь дома, а если хочешь погулять, то ходи въ саду, а на улицу идти не совѣтую; неравно Капитонъ Абрамычъ увидитъ и еще обидится, что ты не представлялся ему. Слышишь?

— Слушаю, дядюшка, я буду дома.

— То-то, дружокъ! Еще будетъ время, нагуляешься до сыта! Ну, прости, Господь съ тобой! Да что ты такъ вдругъ опечалился?

— Я? ничего. Такъ что-то голова болитъ...

— Такъ, прилягъ, засни. Это отъ усталости.

— Должно быть. До свиданія, дядюшка!..

Характеристика управляющаго, составленная отцомъ Аполлинаріемъ, не предвѣщала Яворову ничего добраго. «Едва ли я сойдусь», думалъ онъ, «съ человѣкомъ такихъ дикихъ правилъ, какъ этотъ Капитонъ Абрамычъ. Непремѣнно надобно будетъ побывать у Бѣляева, и распросить его подробнѣе объ управляющемъ. Онъ сегодня утромъ сказалъ мнѣ про него какъ-то вскользь... Да тамъ, увидимъ, увидимъ!»

ГЛАВА X.

На другой день, часовъ въ шесть вечера, въ передней квартиры управляющаго стояли отецъ Аполлинарій и Яворовъ. Человѣкъ ушелъ съ докладомъ.

— Что, Павлуша, не робѣешь? шопотомъ спросилъ дядя племянника.

— Нисколько, дядюшка! Да, кажется, и робѣть-то не отъ чего.

— Ну вотъ, опять храбришься! Вѣдь ты далъ мнѣ слово...

— Помню, помню, будьте спокойны!

— Пожалуйте въ гостиную! сказалъ лакей, возвратясь изъ внутреннихъ комнатъ. Въ залѣ посѣтителей облаялъ Трезоръ, чуть не сбившій съ ногъ отца Аполлинарія. Въ гостиной у окна, за пяльцами сидѣла Олимпіада Любимовна, а на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, Капитонъ Абрамычъ, по обыкновенію, въ своемъ атласномъ архалукѣ съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ. Жена его, подойдя на встрѣчу къ вошедшимъ, поцаловала руку отцу Аполлинарію и любезно поклонилась Яворову.

— Здравствуйте, батюшка! не вставая съ дивана, сказалъ управляющій.—Такъ это-то и есть вашъ племянникъ? Ничего, недуренъ. Хе, хе, хе! въ гвардію годится. Здравствуй, мой милый, здравствуй! продолжалъ онъ, небрежно кивнувъ головой Яворову. — Ну что ты, въ гимназіи учился?

— Въ гимназіи! спокойно отвѣчалъ Яворовъ, хотя его губы судорожно подергивало. Олимпіада взглянула на мужа съ выраженіемъ кроткой мольбы, потомъ на Яворова.

— Такъ, съ усмѣшкой сказалъ управляющій.—Чему же ты учился? Астрономіи, зимологіи, сѣнологіи, винографіи... всему?

— Этимъ наукамъ я не учился, потому что такихъ наукъ на свѣтѣ нѣтъ. Но прежде всего меня учили вѣжливости, и говори-

ли всегда, что порядочные люди, встрѣчаясь впервые въ жизни, не говорятъ другъ другу — *ты!*

Архиповъ закусилъ янтарный мундштукъ и позеленѣлъ, однако же не нашелся что отвѣтить. Отецъ Аполлинарій застоналъ, Олимпіада отвернулась къ окну въ смущеніи;—одинъ Яворовъ спокойно смотрѣлъ въ глаза Капитону Абрамычу.

— Садитесь, батюшка! сказалъ управляющій священнику, кивнувъ головой на кресла. Старичокъ сѣлъ. Павелъ Романовичъ, между тѣмъ, съ любопытствомъ осматривалъ висящую на стѣнѣ гравюру.

— Садитесь, пожалуйста! сказала ему жена управляющаго, и Яворовъ сѣлъ около пялецъ. Капитонъ яростно посмотрѣлъ на жену, однако же смолчалъ.

— Жаркіе дни стоятъ! робко произнесъ отецъ Аполлинарій.

— Да, отвѣчалъ управляющій: —жарко. Вотъ я думаю, господинъ философъ можетъ намъ сказать сколько градусовъ?

— Здѣсь нѣтъ термометра, отозвался Яворовъ.

— Э! съ термометромъ-то и дуракъ скажетъ, сколько градусовъ, а вотъ извольте мнѣ безъ градусника сказать! Что-съ?

— Никто изъ находящихся здѣсь въ комнатѣ не осмѣлится назвать васъ дуракомъ; такъ потрудитесь сказать сами, безъ термометра, сколько градусовъ?

— Эва, что выдумали! Вѣдь я не ученый, не философъ!.. Я, говорю, что это могутъ только ученые, какъ вы; а ужь гдѣ намъ! Мы люди маленькіе!..

— Однако же вы очень остроумно допускаете возможность опредѣлять степень жара градусами безъ градусника?

— Отчего же и нѣтъ, молодой человѣкъ? Вѣдь безъ часовъ люди угадываютъ же время... Ась? Вотъ, вы языкъ и прикусили!

— Дѣйствительно прикусилъ.

— А вотъ, Капитонъ Абрамычъ, пишетъ онъ отлично! нѣсколько пріободрясь, сказалъ отецъ Аполлинарій:—какое ты мнѣ сочиненіе-то показывалъ, Павлуша?

— Проэктъ крестьянской школы.

— Такъ онъ у васъ и сочинитель? насмѣшливо спросилъ управляющій. — Поздравляю! поздравляю! Ха, ха, ха! Липа, слышишь, сочинитель! А что вы, батенька, объ этой школѣ, стихами написали? Говорятъ, сочинители всегда стихами пишутъ.

— Не всѣ. Иные прозой а другіе — стихами.

— Шутъ ихъ знаетъ! Какая-то тамъ еще проза! Бѣда быть ученымъ—съ ума сойдешь. Ученые, ученые, а сапоги въ заплатахъ, локти въ дырахъ. Лучше быть неученымъ, да сытымъ. Такъ ли я говорю, батюшка?

— Истинно такъ, отвѣчалъ отецъ Аполлинарій.

— Въ наше время объ этихъ премудростяхъ, прозахъ какихъ-то, и понятія не имѣли, а выходили люди путные! Нынче все ученость да латынь, анъ все негодяи выходятъ!

— Я надѣюсь, сказала робко Олимпіада:—вы сдѣлаете мнѣ честь, доставите вашъ проэктъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сударыня! отвѣчалъ Павелъ Романовичъ, взглянувъ на жену управляющаго съ выраженіемъ глубокой благодарности.

— Читай, матушка, по праздникамъ! съ грубымъ хохотомъ отозвался Капитонъ:—читай, да проливай слезы. Грѣшный человѣкъ, терпѣть не могу я этихъ дурацкихъ книгъ, и всегда удивляюсь откуда ихъ на свѣтѣ такая пропасть. Вонъ, въ графской библіотекѣ ихъ около тысячи! Ну, иныя съ картинками, еще куда не шли! а другія, шутъ ихъ знаетъ! да еще печать такая мелкая, что просто очки надѣвай. Удивляюсь, какъ у жены по сіе время глаза не лопнули!...

— Ахъ, другъ мой! грустно отозвалась бѣдная женщина: — это единственные мои собесѣдники.

— Ну, и бесѣдуй на здоровье. Да только, пожалуйста, душенька, ставь послѣ на мѣсто. Мнѣ большаго труда стоило выстроить ихъ по ранжиру.

— По ранжиру! вскричалъ удивленный Яворовъ:—какъ же это?

— А еще ученый! Не знаетъ, что значитъ строиться по ранжиру! Это, сударь мой, значитъ...

— Я знаю, что значитъ ранжиръ, но не понимаю, какимъ образомъ ранжиръ можно примѣнить къ книгамъ?

— Очень просто-съ. Судя потому, какого калибра книга и какой переплетъ. А то, книги были разставлены на полкахъ просто курамъ на смѣхъ. Здѣсь книжища вотъ этакая, а рядомъ съ ней — вотъ такая фитюлька! Тутъ книжка красная, а рядомъ съ ней—зеленая! Нѣтъ-съ, я мигомъ—по военному: красныя съ красными, зеленыя съ зелеными! Любо, дорого смотрѣть!

— Не любите книгъ? едва удерживаясь отъ смѣха спросилъ Яворовъ.

— Терпѣть не могу. Да что въ нихъ и толку? Однѣ мерзости, да безпутства. Это, что сочинители, что актеры — первые безпутники! Еслибъ моя воля, я бы ихъ всѣхъ подъ красную шапку.

— Стало быть грамотность — зло? съ какимъ-то любопытствомъ спросилъ Яворовъ.

— А по вашему — добро? Разумѣется, зло страшное. Я ежедневно благодарю Всевышняго Создателя за то, что управляю безграмотными мужичками! Съ этими еще можно ладить, а ужь грамотѣи.... у-у! не приведи Боже! Да и на что грамота мужику? Вы, пожалуй, скажете, что и по французски надобно ему учиться?

— Ну, нѣтъ-съ, этого я не говорю.

— А сами по французски знаете?

— Знаю.

— А! вотъ это любопытно! Ну-тко, Лица, поговори-ко съ мудрецомъ-то, а мы послушаемъ съ отцомъ Аполлинаріемъ. Ну, начинай! заключилъ онъ, взмахнувъ рукой, будто капельмейстерскимъ жезломъ.

— Ради Бога! сказала вполголоса Олимпіада по французски:—ради Бога, не сердитесь на мужа за его обидныя выраженія. Умоляю васъ именемъ образованія и наукъ, которыя вы такъ любите!

— Сударыня, отвѣчалъ Яворовъ по французски же: — повѣрьте мнѣ, что только уваженіе къ вамъ удерживаетъ меня!...

— Будьте снисходительны и простите ему. Первый долгъ образованнаго человѣка — снисхожденіе къ необразованному. Не раздражайте его и не обращайте вниманія на его дерзости. Я не смѣю просить васъ, но....

— Громче, громче! перебилъ Капитонъ: — бормочешь подъ носъ; шутъ тебя знаетъ что. Говори погромче.

— Но, продолжала Олимпіада громче прежняго:—сжальтесь хоть надъ вашимъ дядей. Знайте только, что я поняла, я оцѣнила....

— Ну, будетъ! перервалъ Капитонъ Абрамычъ: — будетъ; ужь ты обрадовалась, матушка! рада цѣлый день болтать, какъ попугай! Вотъ, батюшка, говорятъ, французскій языкъ звучный, а право ничего я въ немъ не нахожу звучнаго! *Экскюзе*, да *же ву при.... команъ, же се....* тьпфу! весь языкъ обломаешь! Жена начала меня учить, да нѣтъ, спасибо! Дрянь язычишка! Ужь вы

только вотъ что сообразите: по французски *правда* или *истина* значитъ: *верите!* Ну, понимаете, все равно, какъ у насъ по русски говорится: вѣрите? Ну, хорошо. А какъ сказать, Липа: «это правда?»

— C'est vrai! отвѣчала Олимпіада.

— Видите? Точно по русски: *совре*, то есть совралъ! Да это еще что! Есть такія слова, что просто сказать неприлично! Весь языкъ, знаете, составленъ изъ самыхъ нехорошихъ словъ. Впрочемъ, извѣстно, что французы самый безнравственный народъ въ свѣтѣ. Лучше русскаго языка, по моему, нѣтъ. Ужь скажешь, такъ и татаринъ пойметъ! Бывало, въ полку, приведутъ рекрутика, знаете, изъ чухонъ. *Энъ муйста*, говоритъ, не понимаю. А тамъ, глядишь, черезъ недѣлю по русски понимаетъ не плоше иного ру́сака. Да-съ!

«Боже мой!» подумалъ Яворовъ, «да скоро ли кончится эта пытка! «И чтобы обратить разговоръ на что нибудь другое, спросилъ Архипова:

— Позвольте спросить, Капитонъ Абрамычъ, въ какомъ дѣлѣ вы получили георгіевскій крестъ?

— Управляющій какъ будто смутился и отвѣчалъ, поглаживая ленточку:

— Про то мнѣ знать! Этотъ крестъ получилъ я тогда, когда васъ еще на свѣтѣ не было! Вотъ что-съ. Ужь вѣроятно не за латинскій языкъ! А видите этотъ шрамъ? Это, батюшка, меня угостилъ какой-то турецкій кизляръ-ага, ятаганомъ, когда я, однимъ изъ первыхъ охотниковъ, взбѣжалъ на стѣны Варны.

— Вы были подъ Варной? съ живѣйшимъ любопытствомъ спросилъ Яворовъ. Слѣдъ отъ раны на лицѣ управляющаго какъ будто примирилъ съ нимъ, на время, молодаго человѣка; но Капитонъ уничтожилъ это выгодное впечатлѣніе своимъ любезнымъ отвѣтомъ.

— Вотъ-то дурацкій вопросъ! сказалъ онъ съ хохотомъ: — а еще ученый, профессоръ! Да я же вамъ говорю, что меня ранили подъ Варной, — русскимъ, кажется, языкомъ говорю!

— Зачѣмъ же тамъ былъ кизляръ-ага? Его должность въ султанскомъ сералѣ?

— Ну, вотъ, вы еще меня будете учить, какое у турковъ войско? Позвольте мнѣ лучше знать. Кизляръ-аги у турокъ значитъ гвардія, янычары — армія; офицеръ, по ихнему, паша, а генералъ — визирь. Если вы этого не знали, такъ знайте. Что-

же вы, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь къ вставшему съ мѣста отцу Аполлинарію, уже и домой собрались? Посидите, чайку напьетесь. Мы, правда, ужь отпили, да ничего, можно для васъ еще разъ самоваръ поставить.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодаримъ, отвѣчалъ священникъ: — намъ уже пора! И онъ выразительно взглянулъ на племянника. Тотъ съ радостью всталъ съ мѣста.

— Ну, не держу. До свиданія. Прощайте, господинъ ученый! (и Капитонъ насмѣшливо поклонился) — думалъ я вамъ мѣстечко дать въ нашей конторѣ, да нѣтъ-съ: ужь больно умны, намъ такихъ не надобно. Вамъ слово не такъ скажи, такъ вы и задерябитесь.... Нѣтъ-съ, ужь живите вы себѣ у дядюшки, да звѣзды считайте. Но, — вотъ при дядюшкѣ говорю, — за бабами, да дѣвчонками не бѣгать и вести себя смирно.

— Вотъ, Капитонъ Абрамычъ, съ замѣшательствомъ сказалъ отецъ Аполлинарій: — хотѣлъ онъ васъ попросить, да не смѣетъ... Разрѣшите ему иногда въ господскомъ саду погулять.

— На это свой порядокъ. Пусть возьметъ билетъ за моей подписью. Я дамъ. Да только, чуръ, цвѣтовъ не воровать, я этого не люблю! Воровство чего бы то ни было — все воровство! Птицъ не стрѣлять, да вообще на охоту не ходить. Какой вы стрѣлокъ! Я думаю, мѣтите въ ворону, а попадаете въ корову.

— До свиданія, сударыня! сказалъ по французски Павелъ Романовичъ, кланяясь Олимпіадѣ.

— До свиданія! робко отвѣчала она.

— Ну, ну, *заоревуарили!* Французы! Хе, хе, хе!... Бѣда съ ними, — ни къ селу, ни къ городу сказалъ Капитонъ.

— Ну, Павелъ, спасибо! сказалъ отецъ Аполлинарій, какъ только они вышли отъ Архипова. — Спасибо, одолжилъ! Мастеръ слово держать....

— Но, что же я сдѣлалъ?

— Молчи лучше! Только что дурака ему въ глаза не сказалъ; и все-то око за око, и зубъ за зубъ! Откуда рысь бралась. Ужь я тебѣ и головой-то кивалъ, и знаки тебѣ дѣлалъ. Куда — и ухомъ не ведешь. Стыдно, душа моя, стыдно! Вы, молодые люди, хотите чтобъ васъ уважали, а сами никому и шапки не ломаете. А что съ тобой говорила Олимпіада Любимовна?

— Она извинялась въ дерзостяхъ своего мужа.

— Не можетъ быть!

— Право.

— Ну, будетъ у насъ каша! Будетъ мнѣ съ тобой хлопотъ полонъ ротъ! Говорилъ я тебѣ, какъ путному: эй, будь повѣжливѣе, будь покротче.... Нѣтъ! Какъ можно нашего совѣта слушать.

Въ это же время Капитонъ говорилъ своей женѣ:

— Видите, вѣжливость напала! Предлагаетъ садиться, когда я молчалъ.... Еслибъ не вы съ вашимъ барствомъ, такъ проморилъ бы я его на ногахъ часа два. Какъ можно! Видите ли, образованный! А мнѣ его образованность — тьфу! И Архиповъ плюнулъ.

— За что же ты сердишься?

— За что? Еще вы спрашиваете, сударыня? За то, что я передъ какимъ нибудь мальчишкой унижаться не намѣренъ; у него еще молоко на губахъ не обсохло.... онъ еще въ рубашонкѣ бѣгалъ, а я уже офицеромъ былъ, я уже девятьнадцать кампаній свершилъ.... А онъ? Мозглякъ, больше ничего! Что по французски-то болтаетъ? Эко диво! да по французски-то и попка умѣетъ болтать. Что онъ, удивить хочетъ своей ученостью? Да я вотъ не учился, а въ шелкахъ хожу, да въ карманѣ тысячи имѣю; а онъ умникъ, воспитанный, да дыры въ карманѣ, да сапоги безъ подошвы!

— Такъ въ этомъ его вина?

— Въ этомъ? Нѣтъ, не въ этомъ, а въ его усмѣшечкѣ, да фигляхъ.... Я не дуракъ, я вещи понимаю не хуже его. А вы напрасно за него заступаетесь. Что? румяненькій, хорошенькій, не влюбилась ли? Смотри у меня, Липа: если я что замѣчу — тутъ тебѣ и смерть!...

На другой день Яворовъ отправился въ гости къ Бѣляеву. Эта прогулка была не совсѣмъ понутру отцу Аполлинарію; но желая загладить вчерашній выговоръ, онъ, скрѣпя сердце, отпустилъ племянника, съ просьбою непремѣнно возвратиться черезъ два дня. Яворовъ обѣщалъ.

ГЛАВА XI.

Въ эти два дня въ селѣ Елизаветинѣ особеннаго ничего не случилось. Управляющій больно наказалъ старшаго писаря, побранилъ старосту, надавалъ разнымъ лицамъ десятка полтора пощечинъ... Но это вещи до того обыкновенныя, что о нихъ и

упоминать не стоитъ. Что жена управляющаго прихворнула и въ постель слегла — это также вещь очень обыкновенная. Разсказать вамъ развѣ о совѣщаніи Архипова съ Мариной? Это было вещію необыкновенной, тѣмъ болѣе, что ворожея впервые въ жизни удостоилась этой чести. Она и удивилась, и испугалась, когда вечеромъ, часу въ девятомъ, къ ней въ избу пришелъ казачокъ Васька, съ приказаніемъ немедленно идти къ управляющему.

— Что онъ, здоровъ? спросила она дорогою.

— Слава Богу, ничего.

— А барыня?

— Барыня больна еще съ третьяго дня; да не ей тебя нужно, а барину.

Марину Михайловну ввели прямо въ кабинетъ управляющаго; онъ сидѣлъ у своего бюро въ огромныхъ креслахъ. Передъ нимъ лежала большая шнуровая книга, счеты и стоялъ огромный стаканъ холоднаго чаю.

— Здорово, старая корга! сказалъ онъ, едва кивнувъ головой лѣкаркѣ: — ну, что, еще ноги носятъ?

— Ничего, батюшка, Капитонъ Абрамычъ, живу вашими милостями...

— Живу молъ, скажи, да народъ морю. Въ прошедшемъ году угомонила Варвару кузнечиху?

— Не я, батюшка, видитъ Богъ, не я! Сама покойница виновата. Я ей строго настрого запретила кислое, либо соленое кушать, а она цѣлую чашку простокваши сперла! Ну, и померла! Воля Божія!

— Ну, а по веснѣ Ивана Никифорова, кто лѣчилъ?

— Я же, батюшка, Капитонъ Абрамычъ. Опять тутъ бѣда— порча! Спортили мужика, надобно думать, около святокъ. Ну а ужь тутъ, отецъ мой, ваше высокоблагородіе, ничего не сдѣлаешь!

— По моему, эти порчи — сущія глупости, право! Ну какъ, примѣрно, человѣка можно испортить? Споить, либо на какое распутство подбить, оно еще такъ; а то, что-то плохо вѣрится.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, порча точно есть. Я на своемъ вѣку сколько примѣровъ видала. И людей, и скотинку портить можно. Вонъ на дняхъ, у Ермолаевны, коровка доиться перестала. Прибѣгла ко мнѣ; вижу — порча! Вотъ, батюшка

мой, я и сдѣлала одну штучку, и все какъ рукой сняло, стала Ермолаевнина коровка доиться больше прежняго...

— А что же ты сдѣлала?

— Оно, значитъ, тайна. Ну, да вамъ, батюшка-баринъ, сказать можно. Штука простая: вытерла я Ермолаевнину корову землицей съ девяти могилъ.

— Тьфу ты, пропасть! съ испугомъ вскричалъ управляющій: — съ нами крестная сила!

— Разныя на свѣтѣ средства есть. Вотъ, батюшка, примѣрно, воровъ умѣю отыскивать. Ужь отъ меня не укроется... Да мало этого, — краденую вещь мигомъ узнаю.

Капитонъ бросилъ испуганный взглядъ на свой хрустальный стаканъ, потомъ посмотрѣлъ на часы. «Ишь, какая ты хитрая!» проворчалъ онъ сквозь зубы.

— Вамъ, батюшка, не надо ли вора отыскать? заботливо спросила старуха.

— Ну вотъ, дурища! Наладила одно — воры, да воры. Да кто у меня посмѣетъ что украсть? Кому жизнь надоѣла, али кто въ каторгу захотѣлъ? Я съ тобой не объ ворахъ поговорить хочу, а совсѣмъ о другомъ. (Тутъ управляющій понизилъ голосъ). Ты съ моей женой о чемъ говоришь, когда у нея бываешь?

Старуха замялась.

— Ну же, отвѣчай! Ворожишь ей?

— Да, батюшка, иной разъ въ картишки гадаю на какую-то крестовую кралю, графиню что-ли, а иной разъ на вашу милость....

— А какъ же ты смѣешь, старая корга, а? Ты всю правду говоришь?

— Завсегда, просто въ руку кладу.

— А вотъ, какъ я тебѣ въ затылокъ накладу, такъ ты и будешь у меня говорить правду. Не смѣй ей больше на меня гадать, слышишь! Либо, если будешь гадать, такъ ври, что на умъ взбредетъ, — а правды не говори.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! отвѣчала старуха, кланяясь.

— Гадаетъ!... Туда-же, я думаю, и мастей-то разлагать не умѣетъ. Хочешь, испытаю?

— Извольте, батюшка. Потрудитесь приказать огоньку подать, да позвольте карточекъ.

— Увидимъ, увидимъ! твердилъ управляющій, зажигая свѣчку и подавая ей карты. Иди къ столу, и ври что знаешь.

— Позвольте сѣсть, ваше высокоблагородіе, — въ ногахъ правды нѣтъ.

— Ну, такъ и быть — садись!

— Покорнѣйше васъ благодарю, батюшка! Ишь небель-то у васъ—что твой пуховикъ. Ну, батюшка, потрудитесь задумать и снять лѣвой рукой отъ сердца. Вотъ такъ! Вы, батюшка, значитъ, червонный король, и есть у васъ досада на сердцѣ чрезъ молодаго бубноваго короля.... Ухъ! какая досада!

— Ну, на первый случай — вѣрно. Дальше.

— Вотъ, батюшка, будетъ вамъ и огромнѣйшій антиресъ; не то деньги, не то наслѣдство отъ пожилаго благороднаго мужчины; выйдетъ какая-то непріятность черезъ деньги,— а все же дѣло окончится къ вашему благополучію. Вотъ на сердцѣ-то у васъ что-то такое странное, я ужь и сама не пойму. Супружница ваша — червонная краля, а на сердцѣ у васъ — бубновая!

— Такъ, такъ! Волкъ тебя заѣшь! радостно вскрикнулъ Капитонъ. — Наливки хошь?

— Много благодарны, батюшка! Позвольте отвѣдать.... ужь то-то, я думаю, наливочка!

— Ну, какая ни на есть. Пей-знай!

— Ваше здоровье и супружницы вашей Олимпіады Любимовны....

— Не о ней рѣчь. Кончай же свое гаданье.... А бубновая-то краля думаетъ обо мнѣ?

— Думать-то думаетъ, отвѣчала Марина, облизываясь послѣ наливки: — да точно она васъ боится!...

— Дура она, чего бояться!... Ну, спасибо! сбирай-же карты, и слушай обѣими ушами. Ты разсказала мнѣ сущую правду. Вотъ о бубновомъ-то королѣ я и хочу съ тобой поговорить, а потомъ и о кралѣ. Знаешь, кто бубновый король?

— Этого, батюшка, ужь не знаю. По картамъ выходитъ бѣлобрысый, глаза голубые, лупетка румяная.

— Ну, ну, ну! Его портретъ, — племянникъ отца Аполлинарія. Видѣла ты его?

— Нѣтъ, батюшка, не видала. Въ деревнѣ баили, что на прошедшей недѣлѣ пріѣхалъ.

— Ну да. Вотъ этотъ мальчишка у меня, просто, какъ бѣльмо на глазу; съ перваго взгляда мнѣ опротивѣлъ. Ты, я знаю, воръ-

баба. Слѣди же ты за нимъ, и что худаго замѣтишь, — сейчасъ говори мнѣ. Съ мужиками ли что онъ будетъ говорить, и особенно, если съ бабами либо дѣвками балагурить станетъ, — сейчасъ доноси мнѣ!

— Безпремѣнно, ваше высокоблагородіе!

— За это отъ меня карбованецъ получишь. Ну, теперь насчетъ кралечки-то.... Какъ бы ты мнѣ ее приворожила, а?

— Радехонька была бы, батюшка! Да кто же это такая?

— А Дашка Прохорова.... хе, хе, хе! Да ужь у меня, женѣ не сболтни!

— Ну, вотъ, батюшка, не знаю я! Ужь вы на меня сердитесь, не сердитесь, а я какъ пять лѣтъ назадъ увидала васъ, такъ сама себѣ и сказала: «нѣтъ, не пара! Онъ-то,—то есть вы, ваше высокоблагородіе — что твой соколъ ясный; а ужь она передъ нимъ, просто.... хе, хе, хе! Да вы осердитесь?

— Ничего, ничего! Говори.

— Просто — курица мокрая.

— Именно, Михайловна! Вотъ вѣрно ты сказала. Ну, такъ Дашку сосватаешь? И глаза управляющаго замаслились.

— Ужь всѣ средствія употреблю. Батька-то ея глупъ, какъ пень; старшая сестра — тоже бабенка дрянь....

— За Дашку-то, кажется, сватается пастухъ Михайло?

— Да что намъ Михайло! Нужно будетъ, мы его и въ бараній рогъ скрутимъ!

— Такъ, смотри же, исполни все, что я тебѣ приказываю!

— Насчетъ Дашки будьте спокойны, батюшка: это дѣло пустяковъ стоитъ. А давно ли она ндравится вашему высокоблагородію?

— Да я ее первый разъ видѣлъ по веснѣ. Прежде встрѣчалъ, да не обращалъ особеннаго вниманія. И правду сказать, Даша была такая худенькая, тщедушная.... а теперь, какъ выровнялась, просто лебедка! Я, было, знаешь, началъ прямо штурмовать — куда тебѣ! такую пыль подняла, что я просто въ тупикъ сталъ! Такая она, братецъ ты мой, упрямая, суровая. Ужь я-то ее и такъ, и сякъ умасливалъ: денегъ даю — не беретъ, сережки предлагалъ, ожерелье — отличные янтари, — и слушать не хочетъ. Я грозить началъ — такъ и угрозы не берутъ. Ваша сестра, деревенская дѣвка, это такой олухъ, какого и свѣтъ не производилъ! На нашего брата, барина, и смотрѣть не хочетъ, добродѣтель изъ себя разыгрываетъ; а тамъ, глядишь, съ мужи-

чонкомъ свяжется, да съ такимъ уродомъ, медвѣдемъ, что благородному человѣку, мнѣ напримѣръ, и въ подметки не годится.

— Справедливо вы, батюшка, говорите. Да вѣдь у нихъ тотъ разсчетъ, что мужикъ, долго-ль, коротко-ль, — женится; а вѣдь баринъ любилъ, любилъ, да и бросилъ! Хорошо иной: точно, благородный и добрый человѣкъ наградитъ и пристроитъ, а другой опозоритъ дѣвку задаромъ.... Ну, извѣстно, хоть кому доведись — обидно!

— Я, кажется, не таковскій! Я Дарью и замужъ выдамъ, и приданымъ награжу. Да и тебѣ избенку починю.

— Много довольны вашей милостью, батюшка! Богъ наградитъ васъ за добродѣтель, что вы меня сироту горемычную не оставляете. Я старушонка убогая, меня малый ребенокъ обидитъ. Вонъ, намедни, иду по селу, а Кондрашка Шайкинъ изъ-за плетня комомъ навозу кинулъ и вѣдьмой назвалъ.

— Ахъ, онъ щенокъ! Завтра же велю его отодрать!

— А то, другой разъ, Акулька Нестерова, въ глаза людоморкой выругала. А за что? Нешто я виновата, что ея ребенка вылѣчить не могла? Такъ нѣтъ, вѣдьма, забыть не можетъ! Другая бы Господа благодарила, что ея мальчишку прибралъ: и такъ вся дѣтьми, какъ насѣдка цыплятами, обложена: одиннадцать штукъ малъ мала меньше!

— Ну, и Нестеровой, при случаѣ, будетъ гонка. А теперь иди съ Богомъ. Вотъ тебѣ четвертакъ. Угодишь — больше будетъ. Помни, двѣ вещи: за поповскимъ племянникомъ присматривай— это разъ; а другое — насчетъ Даши....

— Да ужь будьте благонадежны, ваше высокоблагородіе. Честнымъ словомъ завѣряю васъ, что останетесь мною довольны!

ГЛАВА XII.

Яворовъ возвратился отъ Бѣляева такой веселый и довольный, что отецъ Аполлинарій даже испугался. Малѣйшая перемѣна въ характерѣ окружавшихъ старика всегда казалась ему чѣмъ-то зловѣщимъ.

— Николай Владиміровичъ вамъ кланяется, дядюшка, и весьма сожалѣетъ, что ваши служебныя обязанности мѣшаютъ вамъ его видѣть.

— Мы съ нимъ почти незнакомы, сухо отвѣчалъ священникъ. — Ну а ты, весело время провелъ?

— Очень, очень! этотъ Бѣляевъ чудный человѣкъ. Говорилъ онъ со мной о своемъ хозяйствѣ, о мужичкахъ, потомъ рѣчь зашла о его службѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ про свои походы, въ какихъ сраженіяхъ былъ.... Наконецъ потолковали мы про нашего управляющаго, и я узналъ все, что мнѣ нужно было узнать объ этомъ человѣкѣ. Теперь ясно вижу, что первое впечатлѣніе меня не обмануло, и отставной поручикъ Архиповъ дѣйствительно мерзавецъ и негодяй.

— Павелъ, да что у тебя за слова за такія? За что ты его ругаешь?

— Во-первыхъ, за то, что онъ угнетаетъ крестьянъ, деретъ съ нихъ взятки, воруетъ обѣими горстями, и рано или поздно разоритъ ихъ въ конецъ.

— Да что ты, Павля? Ты не рехнулся ли отъ Бѣляевскаго угощенья? Не бѣлены ли ты тамъ объѣлся? Да знаешь ли ты, что Капитонъ Абрамычъ домашній человѣкъ у ея сіятельства, и женатъ на ея любимицѣ.

— Знаю, что онъ вольноотпущенный покойнаго графа Аркадія Платоновича, сынъ его каммердинера; стало быть не домашній, а дворовый человѣкъ графини. Что же касается до жены его, то она добровольная его крѣпостная... Одинъ другаго стоитъ! Она, по моему, еще презрѣннѣе мужа. Онъ неучъ, звѣрь; но она женщина образованная, воспитанница, или, вѣрнѣе, приживалка графини, и смѣетъ, за всѣ благодѣянія, сквозь пальцы смотрѣть на плутни своего сожителя! Это слишкомъ подло для женщины.

— Павелъ! лягъ и усни, съ непритворнымъ участіемъ отвѣчалъ отецъ Аполлинарій. — Видишь, другъ мой, какъ нехорошо пить вино! А полковнику грѣшно подпаивать молодаго человѣка. Лягъ, Павлуша, да укутайся хорошенько! Признаюсь, ты глубоко огорчаешь меня своимъ поведеніемъ. Не хорошо, не хорошо!

— Дядюшка, увѣряю васъ, что я не пьянъ.

— Тогда еще того хуже. Ты помѣшался!

— Ну, пусть будетъ по вашему — я помѣшанъ, не спорю. У меня два предмета помѣшательства — честь и совѣсть. Скажите мнѣ, напримѣръ: хорошо ли обкрадывать солдатъ, безчеловѣчно наказывать ихъ, тиранить? наушничать на товарищей, ссорить ихъ между собою?

— Не хорошо, не хорошо! боязливо отвѣчалъ отецъ Аполлинарій.

— А когда я сказалъ Бѣляеву про георгіевскій крестъ Капитона Абрамыча, онъ со смѣху покатился, Архиповъ никогда и не получалъ его.

— Ахъ, Боже ты мой, милосердый! чуть не плача, говорилъ отецъ Аполлинарій: — хоть бы за Михайловной послать. Говорятъ, она умѣетъ всякія болѣзни лѣчить! Да вотъ горе, онъ при ней бредить начнетъ, а она пользуется милостями Капитона Абрамыча, разскажетъ!... Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!

— Теперь я вижу и понимаю, какъ мнѣ надобно дѣйствовать и благодарю Бога, что онъ привелъ меня сюда. Васъ, дядюшка, за ваше малодушное молчаніе, я не обвиняю; а между тѣмъ, не ваша ли прямая обязанность заботиться о счастіи вашей паствы? Но умолчу лучше.

— Конечно, это лучше, успокойся. Какъ мнѣ быть теперь? Павлуша, дружокъ! помолись-ка ты Господу, чтобы онъ, милосердый, утишилъ твою душевную скорбь, и успокойся. Мнѣ надобно не далеко сходить, такъ ужь ты безъ меня сиди, Бога ради, смирно и не безумствуй. Вотъ, сядь, пиши какое нибудь сочиненіе, книжки читай; но до моего возвращенія не ходи никуда. Пожалуйста!

— Извольте, дядюшка; я покуда пересмотрю мой проэктъ. Мы толковали про него съ Бѣляевымъ, на дняхъ я обѣщалъ ему прочитать.

— Лучше и не думай! Не пущу я тебя къ Бѣляеву. Будетъ! Еще Капитонъ Абрамычъ узнаетъ, что былъ у его недруга, намъ достанется!

— А! такъ поручикъ Архиповъ посмѣетъ мнѣ запрещать знаться съ кѣмъ я хочу?

— Не онъ, а я! Слышишь ли ты, — я! Не хочу, чтобъ ты знался съ Бѣляевымъ и бывалъ у него въ гостяхъ. Можешь найдти себѣ занятія поумнѣе. Пиши, читай, работай въ саду, гуляй, а къ Бѣляеву больше ни ногой! Хорошъ ты отъ него возвратился. Слава Богу, теперь нѣсколько угомонился, а то просто на себя не былъ похожъ; говорилъ такую нескладицу и про графиню, и про георгіевскій крестъ, и про солдатъ.... Я думаю, теперь самъ не помнишь?

— Ошибаетесь, дядюшка, все помню, и разъ навсегда говорю вамъ, что отнынѣ управляющій имѣетъ во мнѣ заклятаго

врага и противника всѣмъ своимъ злоупотребленіямъ; я буду другомъ и защитникомъ крестьянъ и, рано или поздно, докажу графинѣ, что она пустила волка въ овчарню. Бой неравный, знаю; но тѣмъ болѣе чести и славы быть побѣдителемъ! Въ этомъ бою пріятно и голову сложить. У Архипова вся правда—въ силѣ, а у меня сила — въ правдѣ! Увидимъ же; чья возьметъ.

— Потягайся, потягайся съ нимъ, я тебѣ совѣтую! серьезно отвѣчалъ отецъ Аполлинарій.—Вотъ, правду говорятъ, что у нынѣшней молодежи только вольнодумство въ головѣ. Вотъ, этакой франтъ, какъ мой Павелъ Романовичъ: дали ему уголъ, пріютили, кой-что изъ одежонки подарили; другой бы на его мѣстѣ молчалъ, либо благодарилъ за милости, а Павелъ — не таковъ! Онъ вмѣсто благодарности только злобствуетъ да бѣсится, за чужое горе заступается!

— А! такъ по вашему надобно такъ жить на свѣтѣ, чтобы было мнѣ хорошо, а тамъ хоть трава не рости? Дядюшка, не вы бы это говорили, да не я бы слушалъ!

— Ну, извините, Павелъ Романычъ, что я изъ ума выживаю!

— Вы напрасно сердитесь, а лучше выслушайте меня спокойно. Скажите мнѣ: что, если бы судьба забросила васъ случайно въ страну дикарей, язычниковъ, васъ—христіанина и служителя Божіего? Скажите мнѣ откровенно, вы не старались бы просвѣтить свѣтомъ истины, не готовы были бы умереть подобно мученикамъ?

— Конечно, — да. Но къ чему же это сравненіе?

— А къ тому, что здѣшнее село—то же царство мрака, невѣжества и суевѣрія. Я зналъ это, и ѣхалъ сюда съ надеждою—принести свѣтъ знанія и грамотности. Я вижу, какъ здѣсь приносятся жертвы идоламъ... Идолы эти—у мужиковъ суевѣріе и невѣжество, у управляющаго—корыстолюбіе и самодурство. Я хочу разрушить эти гнусныя капища, разбить идоловъ и...

— И погибнуть подъ ихъ обломками? Безумецъ ты, безумецъ! За что ты берешься? Что ты затѣялъ? Искоренять суевѣріе, распространять грамотность? Ты, ничтожный червячокъ, берешься сдѣлать то, что творится вѣками? Ты учился исторіи и знаешь ее, чай, лучше моего. Странно и сравнивать, но вспомни ты всѣ тѣ трудности, которыя встрѣтилъ великій государь Петръ I, въ важномъ дѣлѣ преобразованія Россіи. На него возстали и стрѣльцы, и раскольники, духовенство, дворяне,

народъ — всё! А почему? потому что онъ хотѣлъ отнять у младенца - народа его вѣковую игрушку — суевѣріе, и вмѣсто игрушки давалъ этому младенцу книжку, то есть знаніе и грамотность. Такъ то былъ избранникъ, а не ты, Павелъ Яворовъ, племянникъ бѣдняка, деревенскаго священника...

— Стало-быть вы не противникъ грамотности?

— Нимало. Учи грамотѣ каждаго, кто только пожелаетъ и попроситъ, но не навязывайся тамъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Ты бранишь Архипова за то, что онъ яко-бы угнетаетъ и грабитъ мужиковъ. Хорошо. А посади на его мѣсто тебя, и ты точно тѣми же розгами начнешь вколачивать въ нихъ грамотность и просвѣщеніе! Архипову мужикъ отдаетъ послѣднюю гривну, и не тужитъ. «Деньги», говоритъ, «дѣло наживное.» Ты же хочешь отнять у мужика его сокровище — предразсудки, и за нихъ онъ будетъ горой стоять. Полно, Павлуша, послушайся добраго совѣта и оставь свои бредни. Послѣ раскаешься, да поздно будетъ; помяни ты мое слово!

Яворовъ остался одинъ. Въ словахъ дяди онъ видѣлъ частичку и правды; но влюбленный въ свою идею, онъ, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ, видѣлъ въ ней одни только достоинства. Желая нѣсколько освѣжиться и разсѣяться, онъ пошелъ прогуляться по селу.

Время было самое рабочее, часъ одиннадцатый утра. Знойно и пыльно. На улицѣ ни живой души. Слышно кудахтанье куръ, да пѣніе пѣтуховъ; гдѣ-то отчаянно мычитъ теленокъ, да еще въ какой-то избѣ дѣвчонка визгливо ребенка убаюкиваетъ. Крѣпко хотѣлось Яворову потолковать съ кѣмъ нибудь изъ крестьянъ о ихъ житьѣ-битьѣ, да жаль — всѣ на работѣ. Вздумалось ему полюбопытствовать на ихъ домашній бытъ, хотя домашній бытъ мужика ему давно знакомъ.

Избушка въ два окна, крылечко съ поломанными ступеньками: хозяйскій сынишко въ прошедшемъ году ногу сломалъ, хотѣли тогда ступеньки починить, да такъ до сегодня и оставили, — ходи осторожнѣе, не сломишь ноги. На дворѣ до колѣна навозу и гнилой соломы — раздолье хавроньѣ и ея многочисленному семейству; тутъ же, подобравши до пояса рубашонку, бѣловолосый сынишко хозяина въ навозной лужѣ ногами шлепаетъ, да съ сестренкой перебрызгивается. Входишь въ сѣни — хоть глазъ выколи! Крыша, правда, мѣстами просвѣчиваетъ, да мало: сквозь эти дыры только дождикъ капаетъ. Тутъ у тебя изъ подъ

ногъ непремѣнно порснетъ насѣдка и запищатъ кургузенькіе, покрытые желтымъ пушкомъ, цыплята. Вотъ и хатка; темно, душно, угарно. На осиновомъ колѣ виситъ зыбка; въ ней всегда найдешь двухнедѣльнаго или мѣсячнаго крестьянина, либо будущую мать семейства. Это такая же неизбѣжная принадлежность избы, какъ и столѣтній, слѣпой и глухой дѣдъ, который уже давно кряхтитъ на печкѣ, да смерти ждетъ... Не идетъ разбойница, знать забыла! А куда тошно жить старику: и сынъ-то подъ горячій часъ попрекнетъ, и невѣстка-то ѣсть не дастъ; иной разъ внукъ, либо внучка—и тѣ обидятъ! И въ этой избѣ живетъ человѣкъ десять, а иногда и болѣе, особенно изъ женскаго полу! Тутъ всѣ степени родства: теща, свекровь, невѣстка, золовка, сватья, кума; послѣдняя большею частью какая нибудь бездомная солдатка. Отъ муженька уже который годъ вѣсточки нѣтъ, что однако же не мѣшаетъ ей имѣть груднаго ребенка... и онъ, бѣдняжка, сирота бездомный! Настоящій отецъ гдѣ-то далеко... полюбилъ матку мимоходомъ; одна чарка сосватала, а другая спать уложила,—хмѣль прошелъ и любовь прошла!.. Да что грѣха таить: не будь водки на свѣтѣ, можетъ и любви не было-бы. *Тверезый* мужичокъ любезничать не охотникъ, а подъ пьяную руку хоть беззубую старуху приголубитъ,—такая ужь у насъ натура! И это добрые люди жизнію называютъ! А мнѣ думается, что это каррикатура на жизнь.

Съ такими мыслями Яворовъ совершенно машинально толкнулся въ какую-то избу, и декорація была совершенно такая же, какъ и та, о которой мы сейчасъ говорили; но дѣйствующихъ лицъ не было. Съ печки торчала чья-то изсохшая, желтая рука, и качала зыбку, въ которой хрипло хныкалъ ребенокъ.

— Матвѣй, ты? спросилъ голосъ съ печки.

— Нѣтъ, не Матвѣй! отвѣчалъ Яворовъ, осматриваясь.

— А тебѣ кого надо-ть? спросилъ голосъ съ печки.

— Здѣшнюю хозяйку.

— Матрену, што ль?

— Именно, Матрену. Гдѣ она?

— Хозяинъ-то на поле работать ушелъ, а тетка Степанида въ лѣсъ, по ягоды...

— Да Матрена-то гдѣ?

— А я сама и есть, Матрена. Ты отъ Михайловны, што ль?

— Нѣтъ, самъ отъ себя.

— Ахъ, батюшка свѣты! ахицеръ!...

Яворовъ былъ въ своемъ гимназическомъ мундирѣ.

— Что же ты дома, Матрена? спросилъ онъ, подойдя къ печкѣ. Но Матрена не отвѣчала; она даже какъ будто притаила дыханіе. Яворовъ повторилъ свой вопросъ, но Матрена ни гу—гу.

— Да что же ты не отвѣчаешь? сказалъ онъ наконецъ сердито.

— А что отвѣчать? отозвалась она робко.

— Отчего ты не на работѣ?

— Рука болитъ; оттого и не на работѣ.

— Давно болитъ?

— Давно.

— Отчего же она заболѣла?

— А такъ вотъ, взяла да и заболѣла.

— Ты съ ней что нибудь сдѣлала?

— А что мнѣ съ ней дѣлать? Ничего не дѣлала.

— Покажи мнѣ.

— А зачѣмъ тебѣ казать?

Яворовъ упросилъ Матрену показать руку. Размотавъ грязныя тряпки, онъ увидѣлъ, что правая ладонь бѣдной женщины была покрыта сильною опухолью, повидимому отъ занозы. Съ величайшимъ трудомъ удалось ему наконецъ допытаться, что Матрена занозила руку при уборкѣ сѣна, а чѣмъ — Богъ вѣсть. Осмотрѣвъ еще раненую руку, Яворовъ увидѣлъ посрединѣ опухоли небольшое, темноватое острее. Искусно захвативъ его, онъ вытащилъ изъ раны иголку. Не хуже лѣкаря, Яворовъ обмылъ рану, приложилъ къ ней сѣнной трухи, и забинтовалъ своимъ платкомъ. Больная повиновалась ему во всемъ, молча, съ тупостью идіотки.

— Лучше ли тебѣ? спросилъ лѣкарь-самоучка свою паціентку.

— Какъ будто получше.

— Кромѣ теплой сѣнной трухи, ничего не прикладывай. Слышишь?

— Ладно. Значитъ, ужь Михайловнину-то мазь прикладать не нужно?

— Какую мазь? Гдѣ она?

— А вотъ на полочкѣ-то стоитъ, зеленая банка. Мой хозяинъ за нее сорокъ копѣекъ лѣкаркѣ заплатилъ.

Яворовъ осмотрѣлъ мазь, и у него волосы стали дыбомъ на головѣ: мазь была составлена изъ свинаго сала съ мѣдною ярью.

— Боже тебя сохрани, сказалъ онъ: — и думать не смѣй. Кромѣ сѣнной трухи ничего не прикладывай.

— А Михайловна не осерчаетъ?

— А чортъ ее возьми! Что она тебѣ, мать родная, что ли? Было бы тебѣ легче, а ужь отчего — не все ли равно? Такъ ли?

— Да такъ-то, такъ.

— Вечеромъ я опять зайду. До свиданья.

— Прощай. А тебѣ кто сказалъ, что я руку спортила?

— Никто. Я зашелъ къ тебѣ нечаянно, и видишь, какъ пришлось кстати!

— Ишь ты! Ну, приходи, приходи. Да теперь, какъ пойдешь, прихлопни дверь въ сѣняхъ; а то все щеколда отстаетъ.

— А гдѣ живетъ эта Михайловна, которая тебѣ дала мази?

— А напротивъ колодца. Ейная изба съ точеными балясами. Тамъ увидишь.

ГЛАВА XIII.

Марина Михайловна наслаждалась послѣобѣденнымъ кейфомъ, и лежа въ дезабилье на своей высокой постели, обдумывала, какъ бы ей угодить управляющему. Ужь она Дашкѣ закидывала словечко,—блѣднѣетъ дѣвка, что твое полотно, плачетъ и упирается. Да ладно, уломаемъ. Ласка не беретъ—пригрозить можно; угроза не возьметъ—такъ можно будетъ угостить такимъ зельемъ, что сама Капитону Абрамычу на шею бросится. Мы, вѣдь, съ Мариной Михайловной люди опытные! — Ну, съ Дашкой поладить можно; а вотъ, на счетъ поповскаго племянника не знаю какъ быть! Какъ мнѣ за нимъ присматривать? Въ эти дни я его и въ глаза не видѣла; онъ, кажется, все дома съ дядей сидитъ, и человѣкъ, кажись, скромный и тихій. Собой молодчикъ, и сдается мнѣ, что бубновый король, на котораго вчера я гадала Олимпіадѣ, не иной кто, какъ онъ... должно быть такъ! И что Капитону Абрамычу за забота объ этомъ теленкѣ? Эге! никакъ стучатъ? Точно! Кто тамъ? крикнула Михайловна, вскакивая съ постели и приглаживая волосы, сбитые копной.

— Отвори! отвѣчалъ за дверьми чей-то незнакомый голосъ.

«Кто бы это?» подумала Михайловна, отворяя двери. На порогѣ стоялъ Яворовъ.

— Здравствуй, бабушка! сказалъ онъ, входя въ хату. — Что, ты одна?

— Одна, мой родимый, одна, отвѣчала боязливо Михайловна. — Прилегла отдохнуть маленько, да ты помѣшалъ...

— Ну, виноватъ, что обезпокоилъ.

— Ничего, батюшка, ничего. Что, дядюшка твой, отецъ Палинарій, здоровъ?

— Слава Богу.

— Ужь старенекъ становится. Ему, я чай, годовъ восемьдесятъ, али больше?

— Мы, бабушка, объ его годахъ послѣ поговоримъ, а теперь не о нихъ рѣчь. Ты мнѣ лучше вотъ что скажи: у кого ты училась добрыхъ людей лѣчить?

— А тебѣ, отецъ мой, какая нужда знать? дерзко отвѣчала старуха. — Много будешь знать, скоро состарѣешься!...

— То-то ты такъ и стара, бабушка! Видно, много чего знаешь?

— Да, знаю таки, касатикъ, побольше твоего!

— Я и не спорю. Гдѣ мнѣ съ тобой тягаться... Ну, одѣвайся же живѣе, да поѣдемъ въ городъ; тамъ, можетъ быть, ты разскажешь всю правду.

— А зачѣмъ мнѣ въ городъ ѣхать? крикнула старуха, блѣднѣя. — Поѣзжай самъ, коли тебѣ охота!...

— Мнѣ охота ѣхать съ тобой, Марина Михайловна.

— Да что ты, что ты, батюшка, одурѣлъ что ли? Али шутку шутишь?

— Нѣтъ, старая шутиха, не шучу. Скажи мнѣ, лѣчишь ли ты крестьянку Матрену отъ нарыва въ рукѣ?

— Лѣчу.

— Вотъ этой мазью? И Яворовъ показалъ ей банку.

— Энтой самой. А ты откудова эту банку подтибрилъ?

— Это ужь не твое дѣло; а ты скажи мнѣ лучше, кто ее приготовлялъ?

— Я сама приготовляла.

— Сама? А откуда ты ярь-мѣдянку достала?

— Какъ откуда? Извѣстно, изъ лавки.

— Да это ядъ.

— Знаю, что не сахаръ; да у меня найдется и не одна мѣдянка, если ты хочешь знать. Есть у меня купоросъ, мышьякъ,

сулема, киноварь... Мало-ль у меня ядовъ! А что? Тебѣ не понадобился ли какой нибудь? Извести кого, что ли, хочешь?

— Нѣтъ, не извести, а вывести тебя, голубушку, на свѣжую воду. Знаешь ли ты, что по закону, кромѣ аптекарей да докторовъ, никто не имѣетъ права держать ядовъ у себя дома?

— Ой-ли? Будто есть такіе законы? Что-то не слыхала. Да я сама — и аптекарь, и докторъ! Вотъ что!

— Покажи документы.

— Вотъ лѣшій-то навязался, прости меня Господи! Вѣдь присталъ, какъ смола. Вотъ спала, да выспала себѣ гостя... Я думала, за дѣломъ за какимъ пришелъ, а ему, вишь ты, какіе-то документы нужны! Слава Богу, тридцать лѣтъ въ Лизаветинѣ живу, а по сю пору никакихъ документовъ у меня никто не требовалъ. И вдругъ, нежданно-негадано, явился выскочка... Шалишь, ножку уколешь! Проваливай, за добра-ума!..

— Уйду, но сію же минуту поѣду къ становому.

— Къ Андрею Андреичу? Съ Богомъ! поклонись отъ меня. Я у него всѣхъ дѣточекъ принимала.

— Я къ губернатору дойду!

— Къ губернатору? Такъ тебя къ нему и допустили!.. Натко-сь, выкуси! И лѣкарка сдѣлала очень выразительный жестъ рукою.

Взбѣшенный Яворовъ со стыдомъ отступилъ. Первая его схватка въ войнѣ съ мракомъ и невѣжествомъ была очень неудачна. Но судьба готовила ему закуску погорче. Ни слова не сказавъ дядѣ о посѣщеніи больной Матрены, о спорѣ съ Михайловной, Павелъ Романовичъ вечеромъ зашелъ къ больной, гдѣ засталъ и лѣкарку. Матвѣй, мужъ Матрены, сидѣлъ на лавкѣ за ужиномъ; старшая дочка, дѣвочка лѣтъ шести, качала зыбку. Больная стонала на печкѣ.

— А, вотъ и самъ съ усамъ! сказала Михайловна, увидя входящаго Яворова.

— Ну что, Матрена, легче ли, спросилъ онъ? подходя къ печкѣ.

— Какъ не легче! отвѣчала за нее Михайловна:—больно скоро хочешь! Тутъ, батенька, нуженъ умъ, да не твой; нужны снадобья, да не сѣнная труха. Матвѣй Маркычъ, да полно чавкать-то; вонъ, лѣкарь пришелъ.

Матвѣй флегматически всталъ изъ-за стола, отеръ рукавомъ рубахи сальные усы и бороду, икнулъ, раза три перекрестился,

и нахмуривъ брови, почесываясь, очень близко подошелъ къ Яворову.

— Вамъ что нужно? спросилъ онъ угрюмо.

— Помочь твоей женѣ.

— Да васъ, нешто, звали? Вы, бабка, али лѣкарка, что ли?

— Именно, Матвѣюшка! подхватила Михайловна.—Такъ и скажи: не бабка ли молъ? Вы всѣ науки произошли, такъ и этому не учились ли въ вашей гумназіи?

— Вотъ, зачѣмъ вы мазь-то унесли?

— Потому что она ядовитая, и женѣ твоей не годится.

— А вамъ какая нужда до того, что моей женѣ годится, и что нѣтъ? Ась? Я, вотъ, вашему дядѣ пожалуюсь, чтобъ онъ васъ унялъ. Дѣлать-то вамъ нечего, такъ вы по избамъ шатаетесь, да у больныхъ мази воруете... Стыдились бы, а еще ученый!..

— Да еще мало того, замѣтила Михайловна:— у меня-то дукументы спрашиваетъ. Ну, одно слово—полоумный!

— А ты у меня, мотри! крикнулъ Матвѣй хозяйкѣ:—я-те еще не такъ оттаскаю, если всякаго фертика слушаться будешь! Что у меня деньги-то бѣшеныя, что-ль? Я Маринѣ Михайловнѣ-то за мазь сорокъ копѣекъ далъ; я ей пару курей да кусокъ полотна подарилъ, а она, дурища, сѣнной трухой лѣчится!.. Да если бъ всѣ болѣзни да порчи сѣнной трухой лѣчить, на что-бъ тогда и лѣкарей? Эхъ, батюшка, уйди ты съ глазъ долой, а то, право-слово, худо будетъ!

Яворовъ шелъ домой, пошатываясь, будто отъ хмѣлю; ему было стыдно и больно. Онъ понялъ, что тутъ не такъ-то легко учреждать школы, да такихъ господъ, какъ Матвѣй, ботаникѣ учить. Грустный, убитый, пришелъ онъ домой, и на всѣ распросы отца Аполлинарія едва отвѣчалъ, отговариваясь головной болью. Вечеромъ легъ спать ранѣе обыкновеннаго, но уснуть не могъ. Слезы ежеминутно навертывались у него на глазахъ, а оскорбленія Матвѣя и лѣкарки раздавались въ ушахъ, будто запавшій въ память музыкальный мотивъ. Малодушно, не правда ли? Полноте, обвинять его, а поставьте лучше себя на его мѣсто, особенно если вы также молоды, и ратуете за свѣтлыя, гуманныя идеи. Хорошо ихъ отстаивать въ кабинетѣ или гостиной, пріятно спорить за нихъ съ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ. Но если судьба (чего Боже сохрани) заброситъ васъ въ душную избу, а въ антагонисты дастъ вамъ крикливую бабу, либо члена Патагонской академіи, въ родѣ Матвѣя, тогда что вы скажете?

Отецъ Аполлинарій уже заснулъ; задремалъ наконецъ и Яворовъ съ какимъ-то необъяснимо грустнымъ предчувствіемъ. Лежалъ онъ закрывши глаза, а между тѣмъ ясно видѣлъ сухую, блѣдную руку, и зыбку, завѣшанную грязными лохмотьями. Сильный стукъ въ двери разбудилъ и дядю и племянника.

Кто тутъ? спросилъ Павелъ Романовичъ, приложивъ ухо къ дверямъ.

— Отвори, батюшка! отвѣчалъ за дверьми голосъ запыхавшагося Матвѣя: — у меня дома неладно!

— Что, что такое? спросилъ вышедшій въ сѣни отецъ Аполлинарій.

— Да хозяйка помираетъ! мрачно отвѣчалъ Матвѣй, входя въ хату.

— Помираетъ! вскричалъ Яворовъ.—Быть не можетъ!

— Чево, быть не можетъ! Сходи, господинъ, полюбуйся на свою работу. Настряпалъ!.. Хорошо? Покулева ты занозы не вынималъ, да сѣнной трухи не прикладывалъ, все было ладно; а таперича лежитъ пластъ пластомъ. И ништо! Не будетъ впередъ всякаго стракулиста слушать...

— Павелъ! съ упрекомъ спросилъ отецъ Аполлинарій.

Племянникъ расказалъ ему все, и священникъ, пожавъ плечами, кротко обратился къ Матвѣю:

— Ты напрасно моего племянника винишь. Вѣроятно, послѣ сѣнной трухи вы опять мазь прикладывали?

— То-то и есть, что прикладывали, да ужь она во вредъ пошла. Михайловна баитъ, что сѣнная труха все дѣло испортила.

— Но что же она за докторъ? отчаянно вскричалъ Яворовъ.

— А ты? строго спросилъ священникъ, собираясь идти съ Матвѣемъ.

— Дядюшка, возьмите же и меня съ собою! Если бѣдная женщина еще въ памяти, она можетъ оправдать меня. Иначе, я съ ума сойду!

— Велика, братъ, прибыль отъ твоего ума! уныло проворчалъ Матвѣй.

Всѣ трое вышли. Ночь была свѣтлая и теплая; воздухъ пропитанъ сладкимъ запахомъ ночныхъ фіалокъ и скошеннаго сѣна. На господскомъ дворѣ сторожъ барабанилъ въ чугунную доску; гдѣ-то хрипло лаяли собаки; изъ сосѣдняго болота доносился рѣзкій свистъ какой-то птицы, и ему вторило мѣрное скрипѣніе дергачей въ густой травѣ. На ясномъ небѣ, то тутъ, то тамъ,

мелькали звѣздочки—эти фонарики или, вѣрнѣе, маяки неизмѣримаго океана... Да! Немного погодя, понесется по этой дорогѣ, поплыветъ по этому океану душа бѣдной труженицы. Поплачетъ мужъ надъ ея охладѣлой оболочкой; поголосятъ, повоютъ, отъ нечего-дѣлать, двѣ три бабы. Снесутъ бѣднягу на погостъ, будетъ тамъ одной могилой больше, а въ селѣ одной бабой меньше, и все пойдетъ прежнимъ порядкомъ, будто Матрены никогда и на свѣтѣ не бывало. Маленькой крикунья, въ зыбкѣ, вмѣсто остывшей груди матери, сунутъ грязную соску, старшенькой — блинъ, и дѣти утѣшатся, тамъ — подростутъ... Вмѣсто материнской ласки, Божье солнышко пригрѣетъ... И напомнитъ ли когда Матвѣю младшая дочка, чертами своего лица, жену покойницу?

А Богъ ихъ знаетъ! да и намъ что за дѣло? Разскажу вамъ лучше, что дѣлалось на другой день смерти Матрены, въ квартирѣ управляющаго, и въ хаткѣ отца Аполлинарія.

ГЛАВА XIV.

Утромъ, часу въ девятомъ, Капитону Абрамычу доложили, что пришла лѣкарка и Матвѣй Сидоровъ. — Очень, говорятъ, нужно видѣть.

— Да какъ же они, ослы въ квартиру ко мнѣ лѣзутъ? вскричалъ съ неудовольствіемъ управляющій. — Точно порядковъ не знаютъ. Сейчасъ выйду.

Въ прихожей ему повалился въ ноги Матвѣй, и въ поясъ поклонилась Михайловна.

— Что вамъ нужно? важно спросилъ управляющій.

— Да, вотъ, батюшка, ваше высокоблагородіе, зачастила Михайловна: — поповскій племянникъ у Матвѣя хозяйку уморилъ.

— Что-о? уморилъ хозяйку? Это какъ?

— Да такъ, батюшка! съ злобной радостью отвѣчала лѣкарка.—Занозила покойница руку; я ей мази дала, и стало ей не въ примѣръ легче; еще бы денекъ—и баба совсѣмъ бы поправилась. Вечоръ, поповскій племянникъ въ избу къ ней и зашелъ, осмотрѣлъ руку, въ больное-то мѣсто вотъ эту иглу запустилъ, а потомъ велѣлъ сѣнной трухи прикладать. Вечеромъ руку вздуло, а

ночью она вся почернѣла, и покойница Богу душу отдала! Вотъ и Матвѣй то же скажетъ. Такъ, Матвѣюшка?

— Точно такъ, какъ Михайловна баитъ! отвѣчалъ Матвѣй, падая въ ноги управляющему.

— Онъ, батюшка, вамъ жаловаться пришелъ.

— Да, батюшка, ваше пресходительство, явите божескую милость...

— Скажи, Матвѣюшка, — защитите-молъ отъ губителя.

— Защитите! повторилъ Матвѣй.

— Да гдѣ же онъ теперь, разбойникъ? пыхтя, спросилъ Капитонъ Абрамычъ.

— Дома, у дяди. Сидитъ да въ усъ никому не дуетъ!

— Вязать его мошенника, тащить сюда! Михайловна, позови ко мнѣ старосту... Или, нѣтъ, пусть староста возьметъ съ собой Матвѣя и еще хоть Сеньку, и идетъ прямо къ отцу Аполлинарію; я самъ сейчасъ же туда буду. Такъ вотъ они каковы, ученые-то! Людей морить! О! я его, негодяя, въ Сибирь упеку...

Въ это время у отца Аполлинарія съ Яворовымъ происходилъ слѣдующій, не менѣе оживленный разговоръ:

— Такъ ты рѣшительно ѣдешь къ губернатору? говорилъ священникъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ѣду, дядюшка! отвѣчалъ твердо племянникъ, застегивая сюртукъ.

— Да подумалъ ли ты...

— Все обдумалъ и обсудилъ. Бѣляевъ, конечно, не откажется ѣхать со мною; банка съ мазью у меня; по моимъ словамъ составятъ актъ — и дѣло съ концомъ.

— Ты меня погубишь!

— Что вы, дядюшка, успокойтесь! Если кому и будетъ худо, то лѣкаркѣ и управляющему, но отнюдь не вамъ.

— Вспомни только, что управляющій богатъ, лѣкарка то же не пожалѣетъ послѣдняго; они выпутаются, а тебя обвинятъ кругомъ.

— Я дойду до государя!

— Ребенокъ ты, Павелъ, право, ребенокъ! Эй, послушайся моего совѣта; оставь это дѣло на волю Божію!

— Никогда, дядюшка, никогда! Около меня будутъ людей морить, а я буду молчать? Полноте. Лучше не задерживайте меня, и благословите на доброе и честное дѣло.

Яворовъ, со слезами на глазахъ, сталъ на колѣни; прослезился и отецъ Аполлинарій.

— Господь тебя благослови! прошепталъ онъ, троекратно перекрестивъ племянника. — Дай и мнѣ, Боже, пережить этотъ позоръ! Предчувствую я, что быть тутъ бѣдамъ.

— Нѣтъ, дядюшка, сердце мое говоритъ, что худа не будетъ. Прошу васъ только—не хоронить тѣла до моего возвращенія. Вы на это имѣете полное право, и никто не осмѣлится противиться вашимъ распоряженіямъ.

Въ эту минуту дверь распахнулась. Вошелъ староста. Помолясь на иконы, онъ почтительно подошелъ подъ благословеніе отца Аполлинарія.

— Что скажешь, дружокъ? спросилъ священникъ.

— Да вотъ, батюшка, Капитонъ Абрамычъ приказалъ мнѣ племянника вашего сторожить, чтобъ не убѣгъ!

— Я? съ удивленіемъ сказалъ Яворовъ: — чтобъ я не уѣжалъ? Это еще что за новости?

— Не могу знать. Они сами сію минуту сюда будутъ.

— И прекрасно! Пожалуй мы поговоримъ. Это отниметъ у меня часъ времени, но я еще поспѣю; теперь только еще десятый въ началѣ.

На улицѣ раздался стукъ бѣговыхъ дрожекъ, и вскорѣ управляющій величаво подъѣхалъ къ крыльцу, и опрометью вбѣжалъ въ хату.

— А, онъ еще здѣсь! радостно воскликнулъ Капитонъ Абрамычъ. — Слава Богу! Видно, готовился бѣжать. Гдѣ вы его догнали? спросилъ онъ старосту.

— Мы не ловили ихъ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ тотъ съ поклономъ: — они дома были.

— Подай стулъ.

— Милостивый государь, тихимъ, но твердымъ голосомъ сказалъ Яворовъ.

— Я не милостивый государь! крикнулъ Архиповъ: — а отставной капитанъ гвардіи, и въ разговорѣ низшіе говорятъ мнѣ: ваше высокоблагородіе!

И управляющій величественно развалился.

— Вы отставной поручикъ арміи, тѣмъ же невозмутимымъ тономъ продолжалъ Яворовъ:—и не смотря на то, право, еще задумаешься, прежде нежели рѣшиться сказать вамъ: ваше высокоблагородіе....

— Что-съ? вскакивая съ мѣста, крикнулъ управляющій, мѣняясь въ лицѣ.

— Да-съ. Но дѣло не въ чинахъ, даже не въ георгіевской ленточкѣ, которую вы совершенно незаконно носите....

При этихъ словахъ ленточка будто волшебствомъ исчезла съ архалука Архипова; задыхаясь, онъ вытаращилъ только глаза на Яворова. Молодой человѣкъ попрежнему продолжалъ:

— Дѣло въ томъ, что вы влетѣли въ комнату, не поздоровавшись съ моимъ дядей и не принявъ отъ него благословенія,—что исполняютъ особы и поважнѣе васъ чиномъ.

— Извините, батюшка! пролепеталъ уничтоженный Архиповъ, подходя къ священнику.

— Вотъ теперь мы поговоримъ! кротко сказалъ Яворовъ. — Что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно, собираясь съ силами отвѣчалъ Капитонъ Абрамычъ: — мнѣ угодно сказать вамъ, по какому праву вы лѣчили и уморили Матрену Сидорову?

— Кто смѣетъ говорить, что я уморилъ ее?

— Вдова мельника, Марина Михайловна, и мужъ покойной.

— То есть та, которая лѣчила ее ядовитой мазью, и тотъ, кто по невѣжеству допускалъ это варварское лѣченье?

— Знаете ли, государь мой, что мужъ покойной жаловался мнѣ на вашъ звѣрскій поступокъ, и я, какъ ни уважаю вашего дядюшку, по долгу справедливости долженъ послать за становымъ! заключилъ Архиповъ, съ торжествующимъ видомъ взглянувъ на Яворова.

— То есть за вашимъ добрымъ знакомымъ, Андреемъ Андреичемъ? Совершенно напрасно. Я по долгу справедливости иду повыше....

— Что это значитъ?

— А вотъ потрудитесь прочитать черновое мое донесеніе на имя начальника губерніи. Баночка мази, о которой я упоминаю, у меня въ карманѣ. Я бы показалъ ее вамъ, но признаюсь—опасаюсь, что вы вырвете ее у меня изъ рукъ.

— Я не разбойникъ! обидчиво отвѣчалъ управляющій: — да это еще не доказательство. Вы сами могли составить эту мазь.

— Повальный обыскъ въ квартирѣ лѣкарки докажетъ—я ли составилъ эту мазь.

— Что же, съ притворнымъ спокойствіемъ отвѣчалъ управляющій, пробѣжавъ глазами бумагу:—подавайте вашъ рапортъ,

желаю успѣха. Только, право, мнѣ думается, что вы своимъ доносомъ ничего не сдѣлаете. Не знаю, къ кому судьи будутъ внимательнѣе: ко мнѣ, человѣку заслуженному, или вамъ, человѣку молодому, только что сошедшему со школьной скамьи, и, кажется, несовершеннолѣтнему?

— Если бы я былъ несовершеннолѣтнимъ, то и мнимая вина моя въ отравленіи Сидоровой не заслужила бы строгаго наказанія. Авось, при моемъ доносѣ судьи вспомнятъ русскую пословицу: «не спрашивай стараго, а спрашивай бывалаго»....

— Помилуйте, сказалъ управляющій смиренно: — да вѣдь кто же васъ и обвиняетъ? Глупая, выжившая изъ ума, старуха, и дуракъ мужикъ. Кто же имъ повѣритъ?

— Вы, однакоже, повѣрили, если хотѣли посылать за становымъ?

— А вы и повѣрили? Это я только такъ сказалъ, но никогда бы этого не сдѣлалъ. Я не такой человѣкъ, Павелъ.... Павелъ.... Какъ по отчеству?

— Павелъ Романычъ.

— Прекрасное у васъ имя, Павелъ Романычъ. И фамилія мнѣ очень нравится. Помните, батюшка, я похвалилъ? Такъ, вотъ я и говорю, Павелъ Романычъ, что я человѣкъ не злой. Не вѣрите, старосту спросите. Козьма Ивановъ, золъ я?

— Не могимъ знать! мрачно промычалъ староста.

— Ну, вотъ, видите. Я знаете, крикунъ, ворчунъ, съ виду угрюмъ; но это по болѣзни. У меня завалы въ печени. Но душа у меня добрая, солдатская.

— Извините, Капитонъ Абрамычъ, некогда мнѣ! нетерпѣливо отвѣчалъ Яворовъ: — пора мнѣ!

— Староста, иди домой! сказалъ, вставая съ мѣста, управляющій: — а вы, Павелъ Романычъ, удѣлите мнѣ пять минутъ, только пять минутъ.

— Пять минутъ, извольте, но не болѣе.

— Могу я попросить васъ въ другую комнату?

— Отчего же не здѣсь?

— Секретецъ маленькій.

— Дядюшка, сказалъ Яворовъ, отдавая отцу Аполлинарію баночку съ мазью, и начисто переписанное донесеніе: — поберегите эти вещи. Неравенъ случай!

— Эхъ, Павелъ Романычъ, обижаете вы меня! жалобно ска-

залъ Капитонъ, видя эти предосторожности и медленно уходя въ другую комнату.

— Что вамъ угодно? сказалъ Яворовъ, входя туда..

— Вѣдь слѣдствіе нарядятъ, мнѣ будутъ большія непріятности....

— Я думаю.

— Дойдетъ до графини, а она имѣетъ связи, знакомства. Я могу лишиться мѣста.

— Легко можетъ быть.

— И вамъ не жаль меня?

— Нисколько.

— А жены моей, моей бѣдной жены?

— Что мнѣ до нея за дѣло. Матрена Сидорова еще бѣднѣе ея.

— О, вы не человѣкъ, а камень! Что я вамъ сдѣлалъ?

— Мнѣ, ничего! Да и что вы можете мнѣ сдѣлать? Вы скажите мнѣ, что вы съ крестьянами дѣлаете? Продаете ихъ покосы въ свою пользу, безъ взятокъ никого не увольняете на заработки, два раза въ годъ дѣлаете поборы въ свою пользу по двугривенному съ души. Помилуйте!

— Это все гнусныя клеветы, Павелъ Романычъ. А если я, батюшка, и пользуюсь при случаѣ, то кто себѣ врагъ? Безъ хлѣба за столъ не сядешь, какъ говаривалъ мой сослуживецъ по коммиссаріату, Осипъ Карлычъ. Да что объ этомъ толковать? А я вамъ вотъ что скажу. Человѣкъ вы молодой, бѣдный. Возьмите пятьдесятъ.... ну, виноватъ, сто! Хотите сто? Новенькую, радужную? Право, вамъ же добра желаю...

— И это вы мнѣ хотѣли сказать? съ негодованіемъ сказалъ Яворовъ, идя къ дверямъ.

— Мало вамъ? Ну, такъ и быть! Двѣ сотенныхъ. Вѣдь это батинька, капиталъ. Эхъ, несговорчивый!... Все-таки неумолимы?

— Прощайте.

— Послушайте, послушайте! сказалъ управляющій, побѣжавъ за нимъ: — послушайте.... Батюшка, отчаянно вскричалъ онъ, бросаясь къ священнику: — ради Бога уговорите вы Павла Романыча: можетъ быть онъ васъ послушаетъ. Да, чтобъ не забыть, я уже давно собираюсь вашу хаточку починить; видите, какая ветхая, а не скажете! Лѣсу у насъ довольно, рабочихъ берите сколько угодно, а на время перестройки переберитесь, вмѣстѣ съ Павломъ Романычемъ, къ намъ. Вѣдь жена васъ лю-

битъ, какъ отца роднаго. Всегда говоритъ: это праведникъ! Ахъ, Павелъ Романычъ, вы книжки любите... Не хотите ли книжекъ изъ графской библіотеки? Берите любыя, можете прекрасную библіотеку составить.

— Мнѣ чужаго не надобно! угрюмо отвѣчалъ Яворовъ.

— Ну, батюшка, послѣдняя просьба, а тамъ — ваша воля! Повремените съ полчаса. Теперь одиннадцать; до двѣнадцатаго половины! А тамъ, какъ знаете.... До свиданія!

— Знаете ли, дядюшка, сказалъ Яворовъ въ раздумьи, когда ушелъ управляющій: — мнѣ жаль этого негодяя, и право, я теперь уже въ нерѣшимости, — быть или не быть?..

ГЛАВА XV.

«Это чортъ, а не человѣкъ!» думалъ управляющій, летя во весь духъ на бѣговыхъ дрожкахъ домой. — «Если жена не поможетъ, тогда не знаю, какъ и быть. Нарядятъ слѣдствіе, притянутъ Михайловну. Она, старая псовка, меня не пощадитъ и все разскажетъ.... Пожалуй, еще подниметъ старое дѣло о Демьяновѣ, что подъ розгами умеръ, либо гадкую исторію про Наташку.... Конечно, отверчусь! Но — деньги, огласка, хлопоты. О, еслибъ можно было этому Павлушкѣ яри-мѣдянки въ щи подсыпать!...»

— Дома барыня? крикнулъ онъ, взбѣгая на крыльцо.

— Дома-съ.... Еще почиваютъ, отвѣчалъ лакей.

— Барствуетъ! проворчалъ управляющій, и побѣжалъ прямо въ спальню.

Больная Олимпіада, за полчаса назадъ, только что забылась сномъ послѣ мучительной безсонницы. Лице бѣдной женщины выражало глубокое страданье; на впалыхъ щекахъ замѣтны были слѣды слезъ; ротъ былъ полуоткрытъ, запекшіяся губы обметаны лихорадкой. Нѣжный супругъ разбудилъ ее по-военному; тряхнувъ за плечо и не давъ ей опомниться, торопливо началъ разсказывать непріятную исторію. Она слушала съ возрастающимъ ужасомъ. «Что же ты намѣренъ дѣлать?» спросила она, когда мужъ кончилъ.

— Да что дѣлать? Если ты не поможешь, то я просто капутъ!

— Чѣмъ же я могу помочь тебѣ, другъ мой?

— Упроси Яворова. Тебя онъ послушаетъ. Знаешь, говори по французски, вѣдь ты у меня мастерица, умница... Выручи, голубушка! Вѣдь вы, женщины, не то что нашъ братъ, солдатъ, — умѣете разжалобить, умаслить.... Мнѣ думается, что тебя онъ послушаетъ. Главное въ томъ, чтобы выманить у него донесеніе къ губернатору, и банку съ мазью. Сдѣлай это — и молодецъ будешь! Честное, благородное слово тебѣ даю, что подарю два платья дама. Мало того, бархатнаго не пожалѣю! Помни одно, отъ этого зависитъ участь насъ обоихъ, и все наше состояніе. Одѣвайся же, и бѣгомъ, бѣгомъ къ отцу Аполлинарію. Польсти имъ обоимъ...

— Постараюсь угодить тебѣ, робко прошептала Олимпіада.

— Да что тутъ постараюсь! Вѣдь если меня отсюда турнутъ, мнѣ же доведется тебя кормить. Да знаешь ли что? можно даже съ нимъ быть, какъ нельзя любезнѣе, понимаешь? Какъ нельзя любезнѣе... Ты уже не молода, но еще, того... прехорошенькая, ей-Богу! Ничего, дурочка, я не осержусь... Чтобъ спасти мужа, добрая жена должна жертвовать всѣмъ, рѣшительно всѣмъ!

— Боже мой, простонала Олимпіада, и слезы градомъ полились изъ ея глазъ.

— Ну, вотъ, слезы! Да ты плачь тамъ, передъ нимъ.... А то здѣсь будешь безъ толку ревѣть, такъ и слезъ не останется, и глаза распухнутъ. Онъ тебя испугается.

— Будь спокоенъ, съ выраженіемъ раздирающимъ сердце отвѣчала несчастная: — у меня слезъ богатые запасы.

— То-то же! сказалъ мужъ, будто рѣчь шла о провіантѣ, либо фуражѣ. — Одѣвайся, одѣвайся же, и съ Богомъ!

— Ну, дядюшка, говорилъ Яворовъ, когда стѣнные часы пробили половину двѣнадцатаго: — я иду, пора!

— Подожди еще немного, началъ было отецъ Аполлинарій: — онъ можетъ быть придетъ; онъ такъ умолялъ тебя...

— А знаете, зачѣмъ? Чтобы этимъ временемъ распорядиться какой нибудь низостью, либо принесетъ мнѣ взятку. Денегъ я не взялъ; онъ предложитъ какую нибудь вещь. Вотъ увидите.

— Павлуша! сказалъ священникъ, обнимая племянника: — ты могъ отвергнуть нечестивыя предложенія Капитона Абрамыча; это, конечно, похвально, честно, за это хвалю тебя; но неужели ты отвергнешь просьбу бѣднаго старика? Именемъ неизрѣченнаго милосердія Божія прошу тебя: прости имъ. Не осуждай, и осужденъ не будешь! Загляни въ свою душу, и скажи мнѣ,

какъ духовнику: не тревожна ли, не смущена ли она? Не шепчетъ ли тебѣ совѣсть того же, что я вслухъ говорю тебѣ? Слушайся этого голоса, чадо, и повѣрь мнѣ, что Господу гораздо угоднѣе побѣда надъ собственными страстями, нежели надъ непріятелями. Месть несовмѣстна съ кротостью ученія Христова. Не хочу я, чтобы изъ стѣнъ моего убогаго жилища вышелъ доносъ, который погубитъ нѣсколько человѣкъ. Изъ мирнаго гнѣзда голубинаго не долженъ вылетать коршунъ!

Яворовъ задумался. Видно было, что въ душѣ его происходитъ страшная борьба добра и зла. Первое взяло верхъ. Онъ разорвалъ свой доносъ, и отдавая его вмѣстѣ съ банкою дядѣ, прошепталъ:

— Вотъ мой отвѣтъ!

Въ эту минуту въ хату вошла Олимпіада Любимовна. Она была блѣдна, и едва стояла на ногахъ. Дядя и племянникъ бросились къ ней на встрѣчу. Яворовъ подалъ стулъ. Отъ волненія, она не могла выговорить ни слова, и не скоро еще оправилась.

— Павелъ Романычъ! томно произнесла она наконецъ: — вы вѣроятно угадываете причину моего посѣщенія?

— Угадываю, сударыня! холодно отвѣчалъ Яворовъ: — и очень сожалѣю, что оно напрасно. За минуту до вашего прихода, уступая желанію дядюшки, и по внушенію собственнаго сердца, я уничтожилъ мое донесеніе. Клочья его и банку съ ядовитой мазью вы можете получить отъ дядюшки.

Олимпіада схватила руку Яворова и, рыдая, прижала ее къ губамъ.

— Что вы дѣлаете, Олимпіада Любимовна? сказалъ онъ, отнимая руку: — право, я не заслуживаю такой унизительной для васъ и для меня благодарности.

— Павелъ Романычъ! съ воплемъ вскричала жена управляющаго: — скажите по доброй совѣсти, вы ненавидите моего мужа?

— Вы требуете отвѣта откровеннаго? Хорошо, я скажу вамъ, что прежде я ненавидѣлъ его, а теперь — только презираю. Вы видите, я питаю къ вашему супругу самыя безопасныя чувства. Ненависть можетъ довести до преступленія, презрѣніе — никогда! Ненависть — ножъ, а презрѣніе — только пощечина!

— Но... скажите мнѣ... Конечно, мы знакомы такъ недавно, однакоже у такихъ возвышенныхъ характеровъ, какъ вашъ,

первое впечатлѣніе рѣдко бываетъ обманчиво, — скажите мнѣ, какого вы мнѣнія обо мнѣ?

— О васъ? Прикажете отвѣчать также откровенно?

— Прикажете? съ жалобнымъ упрекомъ возразила Олимпіада. — Развѣ я смѣю вамъ приказывать? Я умоляю васъ...

— Отвѣтъ мой будетъ неутѣшителенъ. При первой встрѣчѣ, вы были мнѣ жалки, а при второй, то есть сегодня, вы... И Яворовъ остановился, видимо пріискивая выраженія: — при второй — я раскаялся въ моей жалости!

— Стало быть, меня вы презираете такъ же, какъ моего мужа? воскликнула Олимпіада, краснѣя.

Яворовъ, молча, отошелъ къ окну.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, чѣмъ заслужила я ваше презрѣніе?

— Слишкомъ долго разсказывать, Олимпіада Любимовна. Да и зачѣмъ? Пусть каждый изъ насъ остается при своемъ мнѣніи.

— Вы даже не хотите говорить со мной?

— Напротивъ, съ вами очень пріятно поговорить. Вы очень милая, любезная и образованная дама, говорите прекрасно. Жаль только, что объ иныхъ вещахъ,—мнѣ, по крайней мѣрѣ,— лучше не говорить съ вами — по несходству понятій. Я врагъ злоупотребленія силы, слуга правды, а вы... Вы, ничего, очень милая дама — и только!

— Но кто же говоритъ вамъ, что и я не стараюсь стоять за правду? Кто сказалъ вамъ, что я не умру за нее? съ жаромъ возразила Олимпіада.

— Вы умрете за правду? Полноте, Олимпіада Любимовна. Можно ли женщинѣ, которая неправдой живетъ, умирать за правду? Странно!..

— Павелъ Романычъ, придетъ время, и вы раскаетесь въ этихъ обидахъ беззащитной, убитой женщинѣ!

— Нѣтъ, сударыня, едва ли! Вы называете себя беззащитной и убитой? Послушайте: живете вы въ довольствѣ, одѣваетесь въ шелки и бархаты; у васъ служанки, готовыя исполнять малѣйшія ваши желанія; у васъ есть мужъ, человѣкъ честный и заслуженый, какъ онъ самъ себя называетъ; и вы, послѣ всего этого, называете себя беззащитной? А приходило ли вамъ когда нибудь въ голову, безващитная женщина, что эти шелки и бархаты — потъ и кровь бѣдныхъ мужичковъ; что вашихъ служа-

нокъ бьютъ и истязаютъ за малѣйшую оплошность; что, наконецъ, вашъ достойный супругъ — піявка и живодеръ? Скажите!

— Я постоянно думаю объ этомъ, и вотъ почему жизнь моя — рядъ непрерывныхъ страданій!

— Вы воспитанница или компаньонка графини; она выдала васъ замужъ, дала мѣсто вашему мужу. Вѣроятно вы пишете къ ней. Вотъ мнѣ и любопытно знать, что вы ей пишете? Мужички голодны, а вы краснорѣчиво описываете прелести сельской жизни — о златыхъ нивахъ, да изумрудныхъ пастбищахъ; они волкомъ воютъ, а вы описываете графинѣ сельскіе праздники... Такъ ли? Словомъ, вы живая ширма, декорація, кулиса, за которой прячется нужда, голодъ, даже кровь, можетъ быть. Ахъ, Олимпіада Любимовна! чѣмъ болѣе вникаю я въ вашъ характеръ, тѣмъ болѣе ужасаюсь. Мужъ вашъ человѣкъ грубый, испорченный, одинъ изъ тѣхъ людей, которые крадутъ и не боятся; понадобится человѣка убить — не задумываются. Но, кто онъ? Вольноотпущенникъ, безъ образованія, проведшій всю молодость въ казармѣ, да на бивакахъ, и годами дослужившійся до эполетъ, которые были позолотой этой живой грязи. А вы? Вы барыня, воспитанная, образованная; вы женщина! Съ кого изъ двухъ болѣе взыскивать: съ вашего мужа, или съ васъ?

— Господи, Господи! рыдая простонала Олимпіада.—Зачѣмъ мнѣ дали образованіе, зачѣмъ воспитали меня? Не для того ли, чтобы и образованіе и воспитаніе были мнѣ вѣчнымъ упрекомъ и отъ мужа, который мнѣ ими постоянно глаза колетъ, и отъ людей, которые въ свою очередь и воспитаны и образованы! Павелъ Романычъ, я спрошу васъ только: что же мнѣ дѣлать? Погубить мужа, лишить его мѣста, и идти съ нимъ по міру? Вамъ легко обвинять меня. Вы не были свидѣтелемъ его обхожденія со мною; вы не видали, какъ я пишу письма подъ его диктовку; вы не знаете, что дома я ниже служанки! Я безмолвная свидѣтельница не однихъ злоупотребленій мужа по управленію имѣніемъ. Вы не поймете меня—для этого надо быть женою,—если я буду разсказывать вамъ о моихъ страданіяхъ, когда случается мнѣ слышать нѣжный шопотъ мужа съ моими служанками, уходить изъ дому по его приказанію въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе мое мѣшаетъ ему. О! было время, когда душа моя возмущалась, когда я всѣми силами старалась отвлечь его отъ порочныхъ наклонностей, но мало по малу энергія моя угасла. Грубости, оскорбленія, побои сдѣлали свое дѣло, и я сдѣлалась

автоматомъ. Я исполняю все, что мнѣ приказываетъ мужъ мой. Часъ тому назадъ, онъ умолялъ меня спасти его, и употребить всѣ средства, чтобы выманить у васъ доносъ... Понимаете ли, *всѣ* средства. «Жертвуй, если нужно», сказалъ онъ на прощаньи: «жертвуй всѣмъ: честью, совѣстью, стыдомъ!» Да, Павелъ Романовичъ, да, батюшка (сказала она священнику, сверкая глазами), мужъ сказалъ мнѣ это! Я понимаю, я чувствую всю низость его поступковъ и, между тѣмъ, не могу сдѣлать ничего. Этотъ человѣкъ — мужъ мой!

Слушатели каждый по своему задумались, и когда Павелъ Романычъ первый поднялъ голову, Олимпіады Любимовны не было уже въ хатѣ.

Въ тотъ же вечеръ, Капитонъ Абрамычъ, послѣ краткаго, но сильнаго наставленія лѣкаркѣ — быть впредь поосторожнѣе, взялъ съ нея, въ видѣ контрибуціи, двѣ красненькихъ. Жалась, жалась старуха, но какъ быть? отдала послѣднія деньжонки, какъ она говорила, и обрушила страшныя проклятья на голову Яворова. Мало по малу, все пошло по старому. Управляющій дралъ попрежнему, Михайловна попрежнему, и даже болѣе прежняго занималась своей врачебной практикой. Исторія съ Яворовымъ заставила мужичковъ съ особеннымъ уваженіемъ и жалостью смотрѣть на Михайловну; на гонителя же ея—съ ненавистью и ожесточеніемъ. Но, позвольте, это требуетъ подробнаго объясненія.

ГЛАВА XVI.

Vox populi — vox Dei! говаривали древніе римляне, подразумѣвая подъ этимъ, что ихъ желанія и требованія всегда угодны богамъ, что ихъ устами говорятъ сами боги. Эту фразу, чрезъ нѣсколько вѣковъ, какой-то досужій семинаристъ перевелъ у насъ на святой Руси словами: «гласъ народа — гласъ божій!» И пошла гулять по бѣлому свѣту римская пословица, и стали ее добрые люди вклеивать и кстати и не кстати; последнее всего чаще. Языческіе боги могли говорить устами римлянъ; но никакой народъ въ мірѣ не можетъ быть отголоскомъ глаголовъ Бога единаго.

Воплощенное слово Божіе было между людьми. Два народа слышали Его, и одинъ изъ этихъ народовъ кричалъ другому:

«распни Его!» и палачъ, римлянинъ, исполнилъ волю іудея! Гласъ народа — гласъ божій! Вникните хорошенько въ эти слова, и вы увидите въ нихъ едва ли не совершенное отсутствіе смысла. Во время повальныхъ болѣзней, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, и у насъ въ Россіи, простой народъ бунтовалъ, говоря, что его отравляютъ. Неужели и въ этомъ случаѣ гласъ народа — гласъ божій?

Село Лизаветино, это крошечное, феодальное владѣніе, можетъ назваться подобіемъ цѣлаго государства. И тутъ свои нравы и обычаи, свой голосъ, называемый необъятнымъ словомъ — міръ. Посмотримъ, что говорили въ этомъ мірѣ черезъ два мѣсяца послѣ прибытія туда Яворова.

— Ну! говоритъ староста своимъ приближеннымъ: — было намъ тошно и жутко, а теперь, какъ поповскій племянникъ здѣсь, стало не въ примѣръ хуже прежняго. Ужь видно зелье человѣкъ, коли управляющій съ нимъ сладить не можетъ. Становымъ-то только погрозился, а ничего сдѣлать не могъ. Быть бѣдамъ, прогнѣвили мы Господа, послѣднія времена приходятъ! А посмотри на этого Павлуху, такъ, кажется, и водой не замутитъ. Такой тихонькой, скромный, что твоя красная дѣвица; а небойсь, Матвѣеву хозяйку уморилъ, да и Михайловну приструнилъ. Видно, нашла коса на камень!..

— Ину пору, слышь ты, въ избы заходитъ, замѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ:—да мужичковъ уговариваетъ грамотѣ учиться, либо робятъ ему въ ученье отдать. Да ладно! мы люди православные — на пустую не собьешь!

— Это значитъ, глубокомысленно отвѣчалъ третій:—время-то, знаешь, приходитъ Павлухѣ съ *нимъ*-то,—смекаешь съ кѣмъ,— расплачиваться! Вотъ онъ и ищетъ христіанской души, а ужь пуще всего безгрѣшной, дѣтской, чтобы вмѣсто своей *ему* подсунуть.

— Ну, да вѣстимо такъ!

Разговоры въ женскихъ кружкахъ были еще безпощаднѣе. Тутъ пламя вражды и ненависти къ Яворову усердно раздувала Михайловна, и, такъ сказать, подливала масла въ огонь.

— О-охъ! говаривала подъ-часъ какая нибудь Кондратьевна, сидя на заваликѣ, своей кумѣ, либо сватьѣ: — вотъ и лѣтушко прошло, и зима на дворѣ.

— А тяжелыя времена, мать! отвѣчаетъ та съ глубокимъ вздохомъ. — Вѣришь ли, у меня вторую недѣлю сердце болитъ,

да вѣдь какъ! Не приведи Господи! (И старуха плачетъ.) Ну, вотъ словно гибель какую чуетъ. А вечоръ, видѣла ты, на небѣ, красные столбы?

— Видѣла, мать моя, видѣла!

— Надъ самымъ господскимъ домомъ. Ой, не къ добру!

— Не къ добру, родная, вѣстимо, не къ добру! Олимпіада-то, говорятъ, какъ свѣчка таетъ, да и онъ-то самъ сталъ на себя непохожъ!

— Да онъ-то, Богъ съ нимъ, а ее-то голубушку жаль. И все это съ того времени, какъ поповскій племянникъ сюда затесался.

— Да, да, мать моя. Это всѣ знаютъ.

— На дняхъ у Никитки курица пѣтухомъ запѣла, а у Павловны надъ хатой, который день—воронъ летаетъ.

— Да что говорить, на насъ, на всѣхъ напущено! Сама Михайловна говоритъ: «таперича моя лафа отошла, ужь я, говоритъ, прежней силы не имѣю. Лишнее бревно въ селѣ есть!»

Слѣдствіемъ этихъ разговоровъ было то, что отъ Яворова всѣ, отъ мала до велика, бѣгали. Подойдетъ ли онъ къ мужику — тотъ отъ него тягу; заговоритъ съ бабой—она крестится, отплевывается и дрожитъ, какъ осиновый листъ; мальчишку вздумаетъ приласкать — мальчишка заревётъ благимъ матомъ. Одни грудные младенцы улыбались ему и протягивали ручонки. То было будущее поколѣніе Лизаветина, люди, которые будутъ учиться грамотѣ, люди, которые пробудятся отъ вѣковой летаргіи. Они сами будутъ отыскивать Яворовыхъ, будутъ алкать и жаждать знанія.

Да будутъ ли? Полно, такъ ли?

Эта ненависть крестьянъ къ Павлу Романычу мало по малу задушила въ Яворовѣ прежнюю энергію. Онъ переставъ бесѣдовать съ дядей объ устройствѣ сельской школы, сжегъ свое руководство къ ботаникѣ, и мало по малу сталъ погружаться въ какую-то моральную летаргію. Какъ проводилъ онъ осенніе дни? Была та грустная, осенняя пора, такъ волшебно дѣйствующая на душу мыслящаго и чувствующаго человѣка. Природа походила на прелестную собою чахоточную больную. Холодный воздухъ струился неровно, перерывисто. Небо прозрачно и солнце ярко, а все не то, что лѣтомъ. Это небо, это солнце можно сравнить съ лихорадочнымъ блескомъ глазъ, съ зловѣщимъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ умирающей красавицы. Въ поблеклой травѣ

перекликаются зазевавшіеся кузнечики. Мерные удары этихъ полевыхъ маятниковъ напоминаютъ слабое біеніе умирающаго пульса. Деревья пожелтели, на рябине рдеютъ гроздья пунцовыхъ ягодъ, уже раза два прихваченныхъ морозомъ; перезрелые стручья акацій лопаются съ звонкимъ трескомъ. Вчера по небу пронеслась клинообразная вереница журавлей, бабы и девки уже и въ лесъ не ходятъ, собраны последніе грибы — грузди и волнушки. Да теперь и боязно въ лесъ ходить; скоро Воздвиженье, гады кучами собираются, чтобы въ землю прятаться....

Вотъ, въ эти дни Яворовъ бродилъ по саду и, право, ничего не думалъ. Бывали минуты, когда ему казалось, что онъ сходитъ съ ума, и молодой человекъ съ испугомъ перебиралъ все свои мысли, какъ настройщикъ клавиши инструмента. Нетъ, слава Богу, струны все целы, а на что? Къ Беляеву по этой грязи не доберешься. Обыденный разговоръ Яворова съ дядей умещается весь въ одну октаву. Скажетъ старикъ, что вотъ уже и зима близко, а тамъ весна будетъ... Истины неопровержимыя! Что нынешній урожай лучше прошлогодняго—и слава Богу!

По вечерамъ Яворовъ читаетъ дяде житіе святыхъ, либо дремлетъ. Дни проходятъ съ грехомъ пополамъ... Убійственны долгія, утомительныя осеннія ночи! Иной разъ безсонница навяжется. Отецъ Аполлинарій давно спитъ и дышетъ такъ ровно, спокойно, а Павелъ Романычъ ворочается съ боку на бокъ, — сна ни въ одномъ глазу нетъ, и въ голову всякая чепуха лезетъ. То думаетъ онъ объ управляющемъ и его жене; то о строющейся Московской железной дороге. Говорятъ, въ будущемъ году откроютъ; тогда можетъ быть здешній край оживится, и мало по малу крестьяне просветятся. Едва ли! Мужики говорятъ, что въ паровозе нечистая сила, крестятся и отплевываются, видя пробные поезды.

А ночь-то какая страшная! Зги не видать. Где-то подъ кровлей дождь мерно капаетъ, да ветеръ лесомъ шумитъ. Каково-то теперь дорожному или безпріютному? Здесь, въ хатке, тепло и привольно; лампада такъ приветливо теплится, и озаряетъ потемневшіе лики святыхъ и угодниковъ. Вотъ за кіотомъ прошлогодняя вербочка и пальмовая ветвь—подарокъ дяде отъ знакомаго священника, ходившаго въ Іерусалимъ...

«Скажи мне, ветка Палестины,
«Где ты росла, где ты цвела?»

шепчетъ Яворовъ, и тутъ промелькнетъ у него смутная мысль о крестовыхъ походахъ, о гимназическомъ учителѣ исторіи, о его привычкѣ — чесать себѣ лѣвую бровь; а стихи про вѣтку Палестины такъ и звенятъ въ ушахъ... только эти два стиха,—даже ужь и надоѣли!... Имъ какъ будто вторитъ таинственный шумъ лѣса. Вотъ въ памяти Яворова является гимназія: рекреаціонная зала, классы, скамья, на которой онъ сидѣлъ, даже чугунная, печная заслонка, на которой изображена конногвардейская каска и карабинъ, окруженные лаврами. А вѣтеръ все шумитъ лѣсомъ, дождь подъ кровлей все капаетъ, да капаетъ!... Павелъ Романычъ, чтобъ сократить время, считаетъ капли... Девятьсотъ шестьдесятъ двѣ... Вдругъ стѣнные часы бьютъ полночь. Еще только полночь! Да скоро ли заря?...

ГЛАВА XVII.

Въ концѣ сентября судьба сжалилась надъ бѣднымъ ревнителемъ просвѣщенія. Она послала ему ученика. Наконецъ-то изъ 650 душъ села Лизаветина, нашлась одна добрая душа, обратившаяся къ Яворову съ просьбой—обучить ее грамотѣ. Душу эту звали Кондрашкой Митряшевымъ, и была она запрятана въ некрасивое тѣло, съ огромной головой, косыми глазами и огромнѣйшимъ ротомъ, чуть ли не до ушей. Давъ Кондрашкѣ такой огромный ротъ, природа лишила его языка, то есть, языкъ былъ, но Кондрашка не дѣлалъ изъ него ни малѣйшаго употребленія. Онъ былъ нѣмъ. Но такъ какъ природа, отнимая у человѣка одно, всегда вознаграждаетъ чѣмъ нибудь другимъ, то она и украсила спину Митряшева огромнымъ горбомъ. Кондрашка двѣнадцати лѣтъ остался круглымъ сиротою, и взятъ изъ милости дядею съ отцовой стороны, кузнецомъ Демьяномъ. Судя по наружности, Кондрашка долженъ бы, по настоящему, быть совершеннымъ вулканомъ или, по крайней мѣрѣ, циклопомъ. Но увы! наружность обманчива. Племянникъ кузнеца былъ неловокъ, неповоротливъ до нельзя. Молотъ валится у него изъ рукъ; щипцами да клещами онъ чаще захватывалъ себѣ пальцы, нежели желѣзныя полосы, либо подковы. Долго бился съ

нимъ Демьянъ, именно бился! потому что горбъ Кондрашки ежедневно отвѣдывалъ и ременную плетку, и палку, и даже желѣзныя полосы — и все напрасно! Выведенный изъ терпѣнія, кузнецъ выгналъ отъ себя племянника. Кондрашка былъ пастухомъ, но недолго; потомъ превратясь въ юродиваго, ходилъ по селу, вымаливая себѣ гдѣ кусокъ хлѣба, гдѣ старую одежишку, а гдѣ ночлегъ. Мужики подавать — подавали, но ужь за то безжалостно потѣшались надъ уродцемъ. Кондрашка все сносилъ, но не по христіанскому смиренію, а просто по безсилію. Предшественникъ Архипова, Кириловъ, сжалясь надъ горбуномъ, далъ ему на своей кухнѣ должность судомойки. Здѣсь, послѣ двухлѣтняго служенія, Кондрашка укралъ кострюлю. Кириловъ его выгналъ, и снова уродецъ пошелъ странствовать по бѣлу свѣту. «Вотъ не прибираетъ Господь!» говорилъ староста: «только небо коптитъ! Ну, какая онъ него польза? Сдать бы его въ солдаты, такъ и то — нѣтъ: уродъ! Создаетъ же Богъ этакихъ олуховъ!» Явился въ Лизаветинѣ Капитонъ Абрамычъ. Окинувъ своимъ орлинымъ окомъ все народонаселеніе, онъ замѣтилъ Кондрашку, и мигомъ нашелъ ему должность, сообразную его способностямъ. Кондрашка при Архиповѣ былъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ Тристанъ Лермитъ при Лудовикѣ XI. На него была возложена пріятная обязанность—сѣчь провинившихся крестьянъ. И надобно отдать справедливость, горбунъ исполнялъ свою должность съ необыкновеннымъ стараніемъ и наслажденіемъ. Розги находилъ всегда необыкновенно гибкія и ѣдкія,—жгутъ что твоя крапива. Пришло время, и на Кондратія Иваныча стали смотрѣть съ уваженіемъ. Кромѣ штатнаго жалованья по четвертаку въ мѣсяцъ, Кондрашка пользовался и посторонними доходами. Приговоренные къ наказанію подкупали его, чтобы онъ наказывалъ полегче; и Тристанъ Лермитъ села Лизаветина умѣлъ при самомъ управляющемъ смягчать и ослаблять удары, такъ что даже опытный глазъ Архипова обманывался.

Надобно замѣтить, что управляющій всегда лично присутствовалъ при экзекуціяхъ. Сверхъ обязанностей по должности заплечнаго мастера, Кондрашка получалъ иногда отъ управляющаго какія-то секретныя порученія. Въ чемъ онѣ состояли — это тайна; но исполнялись всегда исправно, къ совершенному удовольствію Капитона Абрамыча. За это Кондрашка получалъ особую плату, доходившую иногда до рубля серебромъ.

Этотъ самый Кондрашка явился къ Яворову съ просьбою учить его грамотѣ. Но это надобно описать подробно.

Это было вечеромъ, часу въ шестомъ, наканунѣ праздничнаго дня святаго Іоанна Богослова. Яворовъ сидѣлъ одинъ въ хаткѣ, и отъ нечего дѣлать перечитывалъ Древнюю Исторію, Кайданова. Любопытное чтеніе! Вдругъ сильные удары въ дверь заставили его вскочить съ мѣста и выйдти въ сѣни. Долго, долго, нѣсколько разъ спрашивалъ онъ—кто тамъ? Но отвѣта не было. Посѣтитель только продолжалъ царапаться въ дверь. Яворовъ отперъ, и увидѣлъ Кондрашку.

Онъ зналъ, чѣмъ занимается уродецъ, и потому всегда смотрѣлъ на него съ жалостью, отнюдь не съ презрѣніемъ. Яворовъ зналъ, что весь позоръ, въ этомъ случаѣ, падаетъ на одного управляющаго.

Нѣмой, войдя въ сѣни, тотчасъ-же заперъ за собою двери и приложивъ палецъ къ губамъ, долго къ чему-то прислушивался.

— Здравствуй, Кондраша, сказалъ ласково Яворовъ. И взглянувъ на него, ужаснулся. Лицо нѣмаго было блѣдно, посинѣлыя губы дрожали, онъ дышалъ перерывисто, со стономъ.

— Что съ тобой?

Вмѣсто отвѣта, нѣмой упалъ ему въ ноги, и неемотря на сопротивленіе Павла Романовича, долго цаловалъ ихъ; потомъ, не вставая съ колѣнъ, протянулъ къ нему руки.

— Ты просишь меня о чемъ-то? Да? Чего же ты хочешь?

Нѣмой вскочилъ съ колѣнъ, схватилъ обѣими руками голову Яворова и нѣсколько разъ поцѣловалъ въ лобъ; потомъ знаками и мычаньемъ очень явственно выразилъ, что Яворовъ умный человѣкъ, все знаетъ, умѣетъ и читать и писать; кромѣ того, очень добръ.

— Не управляющій ли прислалъ тебя? съ грустной улыбкой спросилъ Яворовъ.

Глаза Кондрашки налились кровью. Съ какимъ-то змѣинымъ шипѣньемъ онъ погрозилъ кулакомъ въ ту сторону, откуда пришелъ.

— Какъ? Вы не поладили? Онъ обидѣлъ тебя? Свою правую руку?

Вмѣсто отвѣта, нѣмой показалъ на свои плечи. Рубаха была вся въ крови и присохла къ распухшему горбу.

— Понимаю, онъ избилъ тебя! Но чего же ты отъ меня хочешь? Что? Ты просишь, чтобъ я ему не говорилъ? Будь спокоенъ. И дядюшкѣ не говорить? Хорошо, и ему не скажу. А! ты просишь клятвы? Зачѣмъ? Ну, изволь клянусь.

Нѣмой, взявъ за руку Яворова, подвелъ его къ столу, и взявъ въ руку книгу, сдѣлалъ видъ что читаетъ; потомъ указалъ на перо; и наконецъ—на себя.

— Ты просишь, чтобы я училъ тебя читать и писать? съ радостью спросилъ Яворовъ.

Не менѣе радостно промычалъ Кондратій и снова упалъ ему въ ноги.

— Боже, Боже мой! прошепталъ Павелъ Романычъ:—я просилъ, умолялъ учиться грамотѣ людей говорящихъ, людей не лишенныхъ способностей, и они отвѣчали мнѣ презрѣніемъ и насмѣшками! И вотъ, изъ всего села одинъ умоляетъ меня учить его; и этотъ одинъ—нѣмой! Хорошо, Кондратій, я буду съ радостью учить тебя, тайно отъ всѣхъ. Хорошо, будь спокоенъ. Какъ? Ты будешь платить мнѣ деньги? Полно, полно, бѣдняжка, не обижай меня. Я буду учить тебя даромъ. Ты спрашиваешь, скоро ли можно выучиться писать? Въ годъ, даже менѣе, смотря по стараніямъ и способностямъ. Въ три мѣсяца? Мудрено. Впрочемъ, старайся, Богъ милостивъ!

Условлено было, между учителемъ и ученикомъ, что Кондратій будетъ приходить къ Павлу Романовичу по два раза въ день, утромъ, во время ранней обѣдни и вечеромъ — въ такое время, когда отецъ Аполлинарій не бываетъ дома. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ Яворовъ удостовѣрился, что Кондратій скоро выучится писать—потому что способности и стараніо мужика были выше всякихъ похвалъ... Легко можетъ быть, что черезъ три мѣсяца Кондратій сдѣлался бы украшеніемъ Лизаветина, если бы страшныя бѣдствія не разразились надъ селомъ и не пресѣкли на долгое время учебныхъ занятій Яворова съ его понятливымъ ученикомъ.

ГЛАВА XVIII.

Какъ-то ночью, въ первыхъ числахъ октября, Яворовъ былъ разбуженъ какимъ-то смутнымъ шумомъ и говоромъ множества голосовъ. Онъ взглянулъ въ окно, и съ ужасомъ отшатнулся. Было отъ чего! Небо рдѣло алымъ, какъ кровь заревомъ, клубы дыму и цѣлый дождь искоръ неслись по поднебесью. Сердце Павла Романыча болѣзненно сжалось, будто застыло, потомъ забилось чаще, чаще, и какая-то дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ. Этотъ припадокъ трусости скоро однако же прошелъ, и Яворовъ живо началъ одѣваться. Пожаръ въ ночное время и въ городѣ страшное явленіе, но въ деревнѣ, гдѣ огню такая богатая пожива, гдѣ нѣтъ почти никакой искусственной преграды огню, пожаръ въ тысячу разъ ужаснѣе. Надобно быть очевидцемъ деревенскаго пожара, чтобы имѣть о немъ точное понятіе. Толпы бабъ и мужиковъ бѣгутъ, сами не зная куда. Первыя воютъ, вторые кричатъ, бранятся, а огонь свое дѣло дѣлаетъ; тушить его, кажется, никому и въ голову не приходитъ. Идутъ не на встрѣчу огню, а въ слѣдъ за огнемъ. Ломать не занявшуюся избу, для спасенія десятка другихъ, почитается чуть ли не такимъ же уголовнымъ преступленіемъ, какъ и смертоубійство.

— Павлуша! вскричалъ пробудившійся отецъ Аполлинарій: — никакъ пожаръ?

— Пожаръ, дядюшка! Будите дьячка, отстаивайте церковь, а я...

— А ты куда?

— Спасать мужичковъ, туда, въ огонь!..

— Что ты, безумецъ, не смѣй! Что ты затѣялъ? Останься со мной. Ты еще убьешься!

— Тогда, надѣюсь, вы помолитесь за меня.

— Полно, полно! Послушай...

Но Яворовъ уже выбѣжалъ на улицу. Ноги его скользили по грязной дорогѣ и по лужамъ; запахъ гари захватывалъ дыханье, но онъ бѣжалъ, бѣжалъ безъ устали. Небо рдѣло все болѣе и болѣе, отчетливо обрисовывались на немъ силуэты избъ и колодезныхъ журавлей. Церковь была вся освѣщена заревомъ, и одно

изъ оконъ колокольни сверкало, будто вмѣсто стеколъ вставлены въ немъ листы красной фольги. Но вотъ, и самое пожарище: горитъ запасная житница! Стѣны обуглены, а внутри строенія клокочетъ цѣлый адъ, пылаютъ мѣшки съ хлѣбомъ. Шагахъ въ тридцати управляющій, староста и десятка два мужиковъ.

— Ну, ребята, говоритъ управляющій:—прогнѣвили мы видно Господа!

— Божья воля! смиренно повторяютъ нѣсколько голосовъ.

— Я бы послалъ васъ тушить, но зачѣмъ напрасно рисковать жизнію? Будемъ живы — и хлѣбъ будетъ!

— Но вмѣсто того, чтобы стоять склавши руки, замѣтилъ подошедшій Яворовъ: — не лучше ли ломать смежныя строенія?

— А! вы уже тутъ, какъ тутъ! Злобно и насмѣшливо отозвался управляющій.—Я только что подумалъ, что это Павла... Павла Иваныча...

— Романыча! поправилъ Яворовъ.

— Ну, да, все равно! Что-молъ, васъ нѣтъ? а вы какъ листъ передъ травой!.. Тушите, тушите, если жизнь прискучила.

— Ребята! За мной! крикнулъ Яворовъ, схвативъ съ земли топоръ и бросаясь къ огню. Нѣсколько мужиковъ сдѣлали-было движеніе, но ихъ остановилъ грозный голосъ Капитона Абрамыча.

— Стоять, и окромя меня никого не слушаться! Я за васъ отвѣчаю, болваны, а не другой-кто! А вамъ, г. Яворовъ, совѣтую по пустому не суетиться...

— Я знаю, что мнѣ дѣлать! отвѣчалъ Павелъ Романычъ, и исчезъ въ вихрѣ огня, дыму и искоръ. Тутъ кто-то тронулъ его за локоть. Онъ оглянулся; сзади его стоялъ Кондрашка. Весь выпачканный сажею, съ дымящимися волосами, горбунъ былъ страшенъ! Оскаливъ огромные зубы, онъ показалъ Яворову вытащенный изъ огня куль съ хлѣбомъ. Павелъ Романовичъ думалъ, что Кондратій хочетъ похвалиться своимъ подвигомъ. Но можете судить о его удивленіи, когда горбунъ прорвалъ куль и оттуда посыпались стружки! Яворовъ хотѣлъ было спросить, но Кондратій бросивъ куль обратно въ огонь, сдѣлалъ ему рукою знакъ молчанія и исчезъ, будто утонулъ въ огненныхъ волнахъ.

По другую сторону горящей житницы стояли и голосили бабы и старухи.

— Ахъ, ты Господи Боже ты нашъ! Царица ты небесная, помилуй насъ грѣшныхъ! Авдѣевой хаткѣ не сдобровать, прямо на нее полымя пышетъ, да и на Михайловнину-то избу головни летятъ! О-охъ, прогнѣвили мы Царя небеснаго!

— Тетки, да чѣмъ по пусту голосить, вы бы хоть пожитки выносили, крикнулъ имъ Яворовъ. Онѣ взглянули на него съ такимъ же ужасомъ, какъ и на самое пожарище, но съ мѣста не тронулись. Павелъ Романычъ бросился далѣе къ группѣ мужиковъ, смотрѣвшихъ на бѣдствіе, розиня рты, и не только спокойно, но даже, какъ будто съ наслажденіемъ.

— Ишь, какъ знатно деретъ! говоритъ одинъ почесывая за ухомъ: — словно порухъ какой!..

— А глянь-ко, отвѣчаетъ другой, закинувъ голову вверхъ: — глянь-ко, огненныя-то птицы летаютъ. — Дѣйствительно, пробужденныя заревомъ, надъ пожаромъ кружились голуби, либо вороны. Простой народъ почти повсемѣстно въ этомъ случаѣ не узнаетъ птицъ, и называетъ ихъ какими-то *огненными*. Это напоминаетъ нѣсколько повѣрье о саламандрахъ.

— Сафронкина хата безпремѣнно загорится! замѣчаетъ третій. —Ишь крышка-то такъ и курится! А Сафронка спитъ себѣ, лѣшій, ухомъ не ведетъ!

— А вотъ, погоди маленько! Какъ еще поразгорится, такъ Арина-то хлѣбы печь начнетъ! Хо, хо, хо!..

— А хлѣба-то вдоволь! Готовый.

— Жаль только, съ маленькимъ закаломъ будетъ! Ну! во! во! Мотри, загорѣлась! Таперича пошла писать!

Дѣйствительно, соломенная крыша избы горѣла въ двухъ или трехъ мѣстахъ. Яворовъ, между тѣмъ, топоромъ ломалъ ворота и выводилъ со двора на улицу сильно упиравшихся корову и лошадь.

— Глянь-ко, Митюха, поповскій-то племянникъ что дѣлаетъ? Молодецъ!

— Да ты бы, баринъ, лошадку-то кнутомъ подстегнулъ! замѣтилъ Митюха.—А то ишь упирается, видно прозябла, погрѣться хочетъ! Хошь, за кнутомъ домой сбѣгаю?

— Чѣмъ смѣяться чужой бѣдѣ, ты бы лучше помогъ мнѣ, кротко отвѣчалъ Яворовъ.

— Аль подсобить? сказалъ Митюха товарищамъ, и не дожидаясь отвѣта, принялъ отъ Яворова спасенную имъ скотину. Куда же ее вести? спросилъ онъ.

— На погостъ, къ церкви. Туда можете и пожитки сносить и скотину загонять. Да у кого есть по сосѣдству хата, совѣтую выноситься, вѣтеръ крѣпчаетъ.

— Слушаемъ, да не исполняемъ! отвѣчалъ кто-то изъ крестьянъ.

— Все бы ему на погостъ тащить, какъ мою бѣдную Матрену! раздался сиповатый голосъ Матвѣя Сидорова.

— Рады стараться, ваше пресходительство! гаркнулъ какой-то балагуръ.

Но Яворовъ ничего не слыхалъ. Выломавъ дверь въ хату, онъ бросился туда и черезъ минуту вынесъ зыбку со спящимъ ребенкомъ. За нимъ, въ одной рубахѣ, воя и голося, бѣжала баба.

— Охъ, отцы мои! родимые вы мои! Охъ, тошнехонько, охъ смерть моя! Да гдѣ же Софронка-то? Софронка, окаянный! Не слышь, што ли, горимъ!

— Я-у! крикнулъ мужъ, выбѣгая изъ сѣней.

— Скотинка ваша на погостѣ, сказалъ имъ Яворовъ, подавая плачущаго ребенка.

— Ась? А зачѣмъ ей на погостѣ быть? Ой, родной!.. Буренка моя! И крестьянка бросилась къ горящему хлѣву. Мужъ только почесывался и твердилъ, тупо озираясь: «ну, оказія! Прахъ ихъ побери!»

Кого ихъ? Этого ужь не могимъ знать.

— Возьми же хоть ты своего ребенка! крикнулъ ему Яворовъ.

— Ребенка? Какого ребенка?

— Да вотъ этого. Твоего, слышишь ли?

— Вѣстимо слышу! отвѣчалъ онъ флегматически, неловко взявъ ребенка на руки; потомъ черезъ минуту опять протянулъ его Павлу Романычу.

— Подержи, братъ, еще маненько. У меня въ клѣти сундучишко; добыть надо-бы.

Но Яворовъ выводилъ въ это время со двора хозяйку Софрона.

— Да отстань ты отъ меня! кричала она въ изступленіи. Гдѣ буренка? Ты мнѣ буренку подай.

— И лошадь, и корова на погостѣ.

— А сынъ гдѣ? Сережа гдѣ? кричала баба, озираясь.—Ай, родные! въ хатѣ остался! вскрикнула она, порываясь въ огонь.

Въ это время явилось нѣсколько мужиковъ, съ ведрами, баграми и топорами, подъ предводительствомъ Капитона Абрамыча. Покуда они возились надъ пылающими развалинами Софроновой избы, пламя охватило жилище Михайловны.

— Эге! крикнули зрители: — до Михайловны дѣло дошло! Какъ-то она выкрутится?

ГЛАВА XIX.

Весь вечеръ, предшествовавшій пожару, лѣкарка провела у Капитона Абрамыча. Ему сообщила она пріятную вѣсточку на счетъ Дашки Прохоровой; Олимпіадѣ Любимовнѣ принесла какой-то травки-муравки. Просидѣла она у нихъ до одиннадцати часовъ; порывалась идти раньше, да Архиповъ все удерживалъ. Въ девять часовъ приходилъ къ нему горбатый Кондрашка: долго о чемъ-то бесѣдовали, потомъ на полчаса вмѣстѣ ушли. Возвратился управляющій блѣдный, встревоженный; выпилъ двѣ рюмки водки, Михайловну поподчивалъ, да еще на посошокъ рюмочку поднесъ. Михайловна домой шла,—и пошатывало ее немного... Да ничего! ночнымъ вѣтромъ освѣжило; а еслибъ и не такъ, то дома всякія снадобья есть, и не только отъ легкаго хмѣлю— даже отъ родимаго запою. Пришла старуха домой, двери крѣпко-на-крѣпко заперла; а замчище здоровенный: съ добрый калачъ будетъ. Вздула огоньку и отправилась въ клѣть, скуки ради кой-чѣмъ позаняться. Подошла къ завѣтному сундучку, гдѣ у нея хранились разные спирты, мази и дорогія снадобья, а на самомъ днѣ пакеты синей сахарной бумаги и холщевые мѣшечки. Въ пакетахъ разноцвѣтные кредитики, а въ мѣшечкахъ серебро. Старуха имѣла похвальную привычку, каждый вечеръ ложась спать, пересчитывать свое богатство... Ничего, ростетъ понемногу...

множку! Хотя два мѣсяца тому назадъ и выхватила отсюда двѣ красненькихъ — да ладно! съ того времени она успѣла уложить въ сундукъ нѣсколько синенькихъ. Нынѣшній разъ она что-то поторопилась и вспомнила, что лампады не затеплила, а надобно непремѣнно: завтра большой праздникъ! Затеплила старуха лампаду, набожно положила три земныхъ поклона и возвратилась въ клѣть. Пересчитала свое сокровище, опять бережно уложила его на дно сундука, уставила банками и стклянками; сундукъ на ключъ, а ключъ подъ подушку. Легла и захрапѣла богатырскимъ сномъ. Видѣла она во снѣ разныя разности,—всего не перескажешь; но подъ конецъ видитъ она баню: она въ ней парится. Славная такая баня: свѣтлая, чистая, и моется въ ней лѣкарка одна одинехонька; моется, а сама во снѣ думаетъ: «это не къ добру!—либо мнѣ битой быть, либо больной, а ужъ сонъ этотъ даромъ не пройдетъ!» Думаетъ, думаетъ а сама все моется. Вздумалось ей пару поддать: набрала воды въ шайку, плеснула на каменку—паръ такъ и повалилъ... Но, чудное дѣло! паръ красный, что кровь, и такой злой, ѣдкой — глаза ѣстъ, и жарко больно, просто не въ моготу! Вотъ, старуха къ дверямъ—а ихъ нѣтъ! Какъ есть — гладкая стѣна. «Ну», думаетъ, «въ двери нельзя, въ окно полѣзу!» Да вотъ бѣда-то: оконъ нѣтъ, а между тѣмъ въ банѣ свѣтло, какъ днемъ!

Заметалась Михайловна туда, сюда,—да и проснулась. Глядь. а потолокъ надъ головой горитъ и ситцевый пологъ у постели затлѣлся! Откуда у старухи прыть взялась: скокъ съ постели и прямехонько въ клѣть... Шалишь, бабушка! Тамъ какъ въ пеклѣ, и огонь къ родимому сундучку подбирается; съ одного краю ужъ подгораетъ, да и оковка до красна раскалилась.

Взвыла Михайловна. Хоть бы душу грѣшную спасти!.. Схватила ключъ, давай замокъ отпирать,—не тутъ-то было! Этотъ замчище хорошо отпирать да запирать въ спокойномъ расположеніи духа, когда руки и ноги не дрожатъ, дымъ глазъ не ѣстъ и рубаха на тѣлѣ не дымится; а при этой обстановкѣ ключомъ и въ замокъ не попадешь, да и замокъ-то на бѣду горячъ такъ, что рука не терпитъ. Марина Михайловна къ окну; приподняла раму,—да что толку? Оконце маленькое, только голову просунуть. Отъ свѣжаго воздуха огонь пуще разгорается...

— Отцы мои, родные! реветъ старуха не своимъ голосомъ: — спасите, отпустите душу на покаяніе!

— Глянь-ко, глянь-ко! кричатъ бѣгущіе мимо мужики:—лѣкарка-то наша куда попала!

— Ишь старая вѣдьма! Вѣдь не вылѣзетъ?

— Голубчики! отцы вы мои благодѣтели! продолжаетъ Михайловна (а ужь ногамъ и всему туловищу не втерпежъ жарко), ради Отца небеснаго! Вспомните, добрые люди, вѣдь и я, чѣмъ могла, помогала... Ой, ой, смерть моя! Вотъ она гдѣ, смерть-то! Охъ, Господи!

— Эге, видно тутъ не до шутокъ! говоритъ одинъ крестьянинъ другому.—Али помочь? Жаль старуху!

— Оставь! ну ее, къ лѣшему! Не суйся лучше... знаешь, она вѣдь, *того*!... Ишь ты, и избенка-то ея совсѣмъ инымъ манеромъ, не какъ у другихъ людей горитъ. Огонь-то какой! То зеленый, то красный—да такъ и пыхаетъ! Эвто не спросту.

— Господи! ревѣла старуха, уже задыхаясь,—да смилуйся же надо мной, грѣшной!

— А, тутъ и Бога вспомнила, а то бывало другое говорила...

Надъ головой старухи раздались частые удары топора, часть крыши и стѣна рухнули. Кто-то сильными руками отдернулъ ее отъ окна—а дальше она уже ничего не помнила: дыханье замерло, глаза будто застыли, руки и обожженныя ноги—окоченѣли! По пылающимъ бревнамъ, задыхаясь отъ дыму, съ опаленнымъ лицомъ, Яворовъ тащилъ старху на свѣжій воздухъ. Остается сдѣлать нѣсколько шаговъ. Что-то ударило его по головѣ: онъ вскрикнулъ, зашатался, однакоже старухи изъ рукъ не выпустилъ... шагнулъ разъ, другой—и замертво упалъ на груду углей и горящихъ обломковъ. Въ эту минуту въ клѣти раздался оглушительный трескъ, и огненный, зеленоватый снопъ вмѣстѣ съ горящими щепами брызнулъ къ небу.

— Съ нами крестная сила! крикнули въ одинъ голосъ крестьяне.—Вѣдь это *онъ* вылетѣлъ изъ старухинаго сундука!

— Душеньку ея унесъ! замѣтила, крестясь, какая-то баба.

— Да, кажется, и поповскаго племянника съ нею прихватилъ! замѣтилъ Матвѣй... Жаль бѣдняка! Богъ ему прости, а я лихомъ поминать не хочу!

Нужно ли говорить что взрывъ сундука произошелъ отъ находящихся въ немъ горючихъ веществъ?

Впрочемъ, мужички, отчасти — не ошиблись. Въ сундукѣ дѣйствительно находилась *нечистая сила*, помогавшая старухѣ: дрянныя мази, спирты и снадобья, которыми она пачкала своихъ паціентовъ... Тамъ же находилась и душа *ея*—то есть неправо нажитыя и прахомъ ушедшія деньги.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

РАБОЧІЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ

ВЪ АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ.

II.

РАБОЧІЕ ВО ФРАНЦІИ.

Положеніе рабочихъ во Франціи представляетъ такіе же печальные факты, какъ и въ Англіи. Фабрики и мануфактуры ростутъ во Франціи все болѣе и болѣе, но рабочему отъ этого не дѣлается лучше. Попытка, сдѣланная тамъ и здѣсь, улучшить его положеніе помогла нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ; но вся система осталась прежней, и зло въ цѣломъ его объемѣ не только не уменьшилось, но постоянно увеличивается.

Фабрики и мануфактуры, съ ихъ механическими двигателями и машинами, разорвали всѣ прежнія соціальныя отношенія рабочихъ и къ хозяевамъ, и между рабочими. Прежніе патроны и мастера или обанкрутились, или пошли въ рабочіе, или сдѣлались управляющими на фабрикахъ. Что же касается собственно рабочихъ, то ихъ втиснули огромными массами въ огромныя фабрики и поставили въ то же положеніе пролетаріата, въ которое Англія поставила своихъ рабочихъ. Положеніе женщинъ во всемъ этомъ вышло самое печальное. Когда Кольберъ, желая развить фабричную промышленость Франціи, задумалъ запереть на фабрики и женщинъ, — онѣ не пошли, и всесильный министръ съ деспотическимъ королемъ не могли побѣдить ихъ. Но то, что было невозможно для короля и

министра, то сдѣлалъ легко паръ, машины и фабричная система: теперь женщины и дѣти составляютъ главную рабочую силу французскихъ фабрикъ.

Фабричная система Франціи та же, что и Англіи;—она и вездѣ одинакова;—понятно, что и слѣдствія будутъ тѣ же самыя. Факты, представляемые Франціей въ этомъ отношеніи, едва ли еще не печальнѣе, особенно потому, что протесты рабочихъ здѣсь менѣе возможны по самому политическому устройству страны.

Чтобы не дѣлать статью слишкомъ длинной и не повторять того, что было уже говорено объ Англіи, мы остановимся на тѣхъ болѣе главныхъ моментахъ жизни и положенія французскаго рабочаго, которые показываютъ болѣе осязательно, что ему очень скверно и невозможно оставаться долго въ этомъ положеніи: задѣльную плату получаетъ онъ очень малую, живетъ въ дурномъ помѣщеніи, въ грязи и нечистотѣ; работаетъ до упадка силъ; о воспитаніи его никто не заботится, и послѣ всего этого, его же еще и обвиняютъ въ пьянствѣ и развратѣ, какъ будто бы онъ не съумѣлъ бы быть другимъ, если бы его жизнь поставили въ другія условія. Надобно удивляться не разврату рабочаго, а тому, что несмотря на ужасный гнетъ всѣхъ обстоятельствъ, рабочій еще такъ хорошъ, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ далеко гуманнѣе и нравственнѣе французской буржуазіи.

I.

ПЬЯНСТВО И РАЗВРАТЪ.

Склонность къ пьянству сильно развита между фабричными рабочими Франціи. Получивъ разсчетъ за недѣлю, рабочій отправляется обыкновенно въ кабакъ. Тутъ онъ играетъ въ карты, пьетъ, поетъ, курить—и ему весело. Всякій край представляетъ въ этомъ отношеніи свои особенности. Въ Лилѣ и Мильгузѣ поютъ; въ Руанѣ пьютъ серьёзно, уединенно, пока не напьются совсѣмъ. До послѣдняго увеличенія Парижа, въ немъ составили себѣ славу, подъ именемъ la barrière, цѣлый рядъ загородныхъ кабаковъ. Куда они дѣлись теперь—неизвѣстно. Обыкновенно пустынные въ теченіе всей недѣли, они вдругъ оживали въ субботу. Ужь съ утра привозились туда провизія, тарелки, стаканы, посыпался въ комнатахъ песокъ, у входовъ ставились деревья въ горшкахъ и развѣшивались повсюду цвѣтные фонари. Гарсоны, неимѣющіе постоянныхъ мѣстъ, сбѣгались тучами со всѣхъ концовъ Парижа. Скрипки, кларнеты,

всякіе бродяги и дѣвки — все набиралось заблаговременно. Толпы рабочихъ появлялись наконецъ только вечеромъ, послѣ разсчета. Каждую субботу въ одинъ и тотъ же часъ они являлись сюда съ точностію хронометра. Съ ихъ появленіемъ, все оживало и начиналась оргія. Визгъ кларнетовъ и скрипокъ, чоканье стакановъ, шумъ, крикъ, пляски и даже драки смѣняли обыкновенную тишину барьера. Кого не увела полиція вечеромъ, тотъ оставался здѣсь всю ночь, оставался воскресенье и даже понедѣльникъ.

Эти прогулы понедѣльниковъ, или попросту «понедѣльники», составляютъ для фабриканта порядочное мученье. Они общи всѣмъ фабрикамъ Франціи; и только въ Аданѣ удалось ихъ прекратить. Зло понедѣльниковъ важно не столько въ томъ отношеніи, что убавляютъ барыши фабрикантовъ, какъ въ томъ, что пьющіе рабочіе заставляютъ сидѣть безъ дѣла людей непьющихъ; напримѣръ: если двое работаютъ на одномъ станѣ, или при одной машинѣ, или работа одного слѣдуетъ непосредственно за работою другаго. Въ Аміенѣ выпивается въ день 80,000 рюмокъ водки. Въ Руанѣ, гдѣ въ послѣдніе годы выдѣлывалось мало сидру, а вино виноградное было не по средствамъ рабочихъ, они принялись за водку. Въ годъ, въ Руанѣ, продается до пяти милліоновъ литровъ водки, не считая сидра, вина и пива.

Кромѣ постоянныхъ понедѣльниковъ, рабочіе имѣютъ еще годовые праздники. Праздникъ въ Ліонѣ бываетъ въ первый понедѣльникъ послѣ лѣтняго Николы, и продолжается три дня. Въ этотъ праздникъ пропивается очень много. Еще наканунѣ рабочіе являются къ хозяевамъ и просятъ у нихъ штрафныя деньги, взыскиваемыя съ нихъ въ теченіе года. Чтобы показать рабочимъ, что штрафы взыскиваются съ нихъ не въ личную свою пользу, а для поддержанія порядка и дисциплины, хозяева отдаютъ имъ эти деньги. Разумѣется, все это тутъ же и пропивается. Излишнее пьянство, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, въ которыхъ живутъ фабричные рабочіе, обнаружило во Франціи свое вліяніе: порода рабочихъ уже вырождается. Но во Франціи пьютъ не одни взрослые, тамъ пьютъ и дѣти,—совершенно такъ же какъ и въ Англіи, увлекаясь примѣромъ родителей и товариществомъ, мальчики начинаютъ уже пить съ двѣнадцати лѣтъ. Нерѣдко можно встрѣтить ихъ цѣлыми кучками въ кабакѣ передъ прилавкомъ, съ трубками въ зубахъ. Не успѣвъ придумать другихъ средствъ противъ зла, французы обратились къ полицейскимъ мѣрамъ. Напримѣръ въ Дуэ, полицейское начальство запретило мальчикамъ курить, а въ Лилѣ запрещено виннымъ торговцамъ отпускать имъ вино, если они приходятъ безъ родителей. Это кончается, разумѣется, тѣмъ, что первый попавшійся пріятель,

или просто какой нибудь гуляка, беретъ мальчика подъ свое покровительство и пьетъ съ нимъ вмѣстѣ, на его счетъ.

Противъ прогуловъ фабриканты придумывали много средствъ, и всѣ они оказывались неуспѣшны, потому что хотѣли лѣчить болѣзнь не съ того конца. Одни изъ фабрикантовъ платили своимъ рабочимъ разъ въ двѣ недѣли, чтобы рабочему было менѣе случаевъ и соблазна. Но развѣ рабочій можетъ согласиться на это? Развѣ ему, человѣку, живущему изо дня въ день, можно ждать двѣ недѣли? Да хоть бы и не эти причины. Рабочій хочетъ просто, чтобы ему платили чаще, разъ въ недѣлю, и онъ не станетъ жить у хозяина, который вздумаетъ платить ему чрезъ двѣ недѣли. Другіе фабриканты вздумали платить по средамъ, или по понедѣльникамъ, и кто не явился въ понедѣльникъ, тому плата откладывалась до слѣдующаго понедѣльника. Но эта буржуазная выдумка стоитъ рабочему пытки; хуже, — она раззоряетъ его въ конецъ, она дѣлаетъ его нищимъ. Чтобы прожить недѣлю,ему нужно брать все въ долгъ, т. е. покупать все гораздо дороже. А развѣ у рабочаго есть средства платить за все дороже? Развѣ ему есть возможность входить въ долги? Такими полицейскими мѣрами можно или ожесточить рабочаго, или разорить его въ конецъ, нисколько не исправивъ. Причина зла лежитъ въ самомъ положеніи рабочаго: измѣните его, и все измѣнится само собой. Но были мѣстности, гдѣ французы поступили еще глупѣе. Они закрыли заведенія, пользовавшіяся дурной репутаціей, и увеличили число полицейскихъ для надзора за рабочими. Какъ будто бы продавецъ, знающій свое дѣло, не найдетъ случая продать вино или привлечь къ себѣ охотника до водки; какъ будто бы человѣкъ, желающій непремѣнно выпить, не съумѣетъ обмануть самаго строгаго и неусыпнаго надзирателя!Все это, разумѣется, пустыя и смѣшныя мѣры; мы упоминаемъ о нихъ для того, чтобы показать ошибки людей, считающихъ возможнымъ огромное общественное зло, экономическую неурядицу, лѣчить частными полицейскими мѣрами.

Бѣдность, трудныя и вредныя работы и развратъ обнаружили и во Франціи огромное вліяніе на смертность, особенно между дѣтьми. Виллермэ приводитъ слѣдующій фактъ. Бѣдность, въ которой живутъ рабочіе бумажныхъ фабрикъ въ верхнерейнскомъ департаментѣ, такъ велика, что половина ихъ дѣтей умираетъ до двухлѣтняго возраста, тогда какъ изъ дѣтей негоціантовъ, фабрикантовъ, управляющихъ фабриками та же самая половина достигаетъ до двадцатидевяти-лѣтняго возраста. Смертность между дѣтьми во Франціи ужасна. Очень часто можно слышать отъ матерей: у меня осталось четверо дѣтей изъ двѣнадцати; а въ фабричныхъ городахъ

Франціи вовсе не рѣдко, если у матери было восемнадцать дѣтей. И чѣмъ больше число рожденій, тѣмъ больше смертность. Какъ бы ни было велико число дѣтей, матери едва ли удается спасти двухъ. И не смотря на огромное число рожденій, населеніе Франціи не увеличивается. Въ Руанѣ, по свѣдѣніямъ 1850 года, изъ 3,000 дѣтей умерло въ томъ же году 1,100. Но эта цифра невѣрна потому, что она относится до дѣтей умершихъ въ Руанѣ, тогда какъ еще значительное число отсылается въ деревни. Вообще принимаютъ, что изъ числа дѣтей рабочихъ половина умираетъ въ первомъ году. Изъ наблюденій, дѣланныхъ съ большой точностью въ 1855 году и въ теченіе половины слѣдующаго года въ госпиталахъ и въ воспитательныхъ домахъ Сенъ-Вивіена и Сенъ-Маслу, оказывается слѣдующее: изъ 100 дѣтей принятыхъ въ дома, въ возрастѣ отъ 6 дней до одного года—56 умерло въ томъ же году; изъ 100 дѣтей, принятыхъ въ госпитали моложе—60 дней, 83 умерло, не достигнувъ года. И почти всѣ умерли отъ голоду. Супъ, который дается дѣтямъ, утомляетъ ихъ желудокъ, порождаетъ хроническую діарею; ничто такъ не трудно для груднаго младенца, котораго силы должны быть возстановлены быстро, какъ супъ; ребенокъ не переноситъ его и умираетъ. Замѣчаніе это подкрѣплено многими вскрытіями. Докторъ Леруа говоритъ, что причиной смертности дѣтей не столько развратъ матерей, сколько ихъ отсутствіе. Молоко матери, самое дурное, негодное для посторонняго ребенка, хорошо для ея собственнаго. Исключеніе только въ томъ случаѣ, если мать насыщается водкой. Другое общее правило, недопускающее почти исключеній, заключается въ томъ, что всѣ бѣдныя дѣти, имѣющія молочницу (что почти всегда бываетъ), и когда она сопровождается поносомъ (что очень часто), умираютъ, если они на соскѣ. Въ этомъ отношеніи фабрики и мануфактуры въ высшей степени убійственны, потому что матери могутъ кормить своихъ дѣтей только ночью и въ полдень, когда дается роздыхъ.

Вырожденіе фабричныхъ и страшная смертность между дѣтьми составляютъ фактъ, замѣченный во всѣхъ фабричныхъ мѣстностяхъ Франціи. Если находиться при выходѣ рабочихъ съ фабрикъ, то поражаешся огромнымъ числомъ искалѣченныхъ и обезображенныхъ дѣтей. Фабричные округа даютъ наименьшее число людей, годныхъ для военной службы, не смотря на то, что теперешнія требованія уже не такъ строги. Голодъ въ первой молодости, а за тѣмъ слишкомъ ранняя и чрезмѣрная работа сдерживаютъ ростъ ихъ и дѣлаютъ ихъ слабыми и болѣзненными.

Легкое поведеніе, въ которомъ обвиняютъ рабочихъ, происходитъ отъ тѣхъ же причинъ, и идетъ рядомъ съ страстью къ вину.

Большая часть дѣвушекъ, занятыхъ на фабрикахъ и мануфактурахъ, не отличаются нравственностью. Да и кому смотрѣть за ними? Управляющій фабрикой наблюдаетъ только за работой; до остальнаго ему нѣтъ дѣла. А еще чаще онъ и самъ помогаетъ разврату, пользуясь своимъ положеніемъ. Хозяинъ, если нѣтъ скандаловъ, и внутри заведенія все въ порядкѣ, смотритъ на это сквозь пальцы. Да и какъ устоять дѣвушкамъ вообще противъ соблазна? Отецъ пьетъ или не бываетъ дома, мать тоже—или кутитъ, или занята вѣчно на фабрикѣ; а тутъ такое множество соблазновъ, такъ легко забыться въ любви; да къ тому же, среди вѣчной нищеты, лишеній, вѣчнаго труда, и нѣтъ другихъ радостей. А случается, что и сама мать помогаетъ разврату дочери: сама совѣтуетъ ей пріискать себѣ любовника, въ надеждѣ извлечь изъ этого какія нибудь выгоды. А если дѣло затянется, то пожалуй и замѣтятъ дочери: «вотъ, ты ничего не дѣлаешь для своихъ». Фабричныя дѣвушки имѣютъ обыкновенно дѣтей уже въ 16 лѣтъ, и даже ранѣе. Виллермэ увѣряетъ, что въ Реймсѣ дѣвушки начинаютъ съ двѣнадцати лѣтъ. Реймсъ, какъ извѣстно, долго служилъ главнымъ источникомъ, снабжавшимъ парижскіе дома извѣстными женщинами. Въ Сенъ-Кентіенѣ о самыхъ большихъ безпорядкахъ этого рода говорятъ тономъ шутки. А о дѣвушкахъ, которыя наряжаются, чтобы понравится кому нибудь выходя съ фабрики, говорятъ, что они дѣлаютъ «пятую четверть», и ихъ прозвали cinq-quarts. Въ Лилѣ, даже въ самыхъ лучшихъ домахъ предназначаютъ въ кормилицы дѣвушекъ-матерей.

Даже Парижъ въ дѣлѣ разврата не превосходитъ фабричныхъ городовъ Франціи: Сенъ-Кентіена, Реймса, Руана, Лила. Развратъ въ этихъ городахъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Разница только въ томъ, что дебоши Парижа болѣе систематичны, болѣе сознательны. Парижскій рабочій развратничаетъ по принципу, у него есть свои софизмы противъ супружества. Манера жить внѣ брака распространяется съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе въ населеніи предмѣстій Парижа. Эльзасскіе рабочіе, если имъ случится устроить такую контрабандную связь, называютъ это жить по парижски. У нихъ даже выдуманъ и глаголъ — parisieren.

Дѣвушки вообще зрѣютъ ранѣе мальчиковъ. При выходѣ съ фабрикъ, когда дѣвушки и мальчики сталпливаются на лѣстницахъ, на дворѣ или въ сосѣднихъ улицахъ, очень часто дѣвушки задѣваютъ мальчиковъ, смѣются надъ ихъ неловкостью и преслѣдуютъ ихъ двусмысленными и даже непристойными словами и выраженіями. Уроки эти, разумѣется, не пропадаютъ даромъ.

Чтобы предупредить развратъ, нѣкоторые фабриканты устроили у себя разные выходы, для каждаго пола отдѣльный, и даже раз-

ные часы отпуска съ работы. Въ Баккара работники и работницы отдѣлены совершенно перегородкой, и ключъ отъ двери находится всегда у управляющаго. Но только изъ этого, разумѣется, не выходитъ ничего.

Разсказываютъ, что между работницами есть такія, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ своего жилья. Когда любовникъ оставитъ такую дѣвушку, она сейчасъ же должна взять другаго, чтобы не очутиться подъ открытымъ небомъ. Родится ребенокъ — любовники нерѣдко бросаютъ мать и оставляютъ ребенка на ея плечахъ; и она не удивляется этому, она даже не ропщетъ. Если такой ребенокъ не будетъ помѣщенъ въ домъ для найденышей, то мать отдаетъ его на сохраненіе, чтобы кормить au petit pot, т. е. козьимъ или коровьимъ молокомъ. Обычай убійственный.

Въ Аміенѣ и въ другихъ городахъ конторы благотворительности даютъ дѣвушкамъ-матерямъ, которыя кормятъ сами своихъ дѣтей по 7 франковъ въ мѣсяцъ; но замужнія женщины не имѣютъ права на эту помощь. А между тѣмъ многіе мужья смотрятъ на своихъ женъ какъ на любовницъ; они ихъ бросаютъ, когда у нихъ пойдутъ дѣти, и уходятъ въ другой городъ, чтобы жить холостяками. Если чрезъ нѣсколько лѣтъ такой мужъ возвращается, жена принимаетъ его обыкновенно по старому, какъ будто бы ничего и не было.

Чтобы облегчить браки во Франціи, между католиками есть общество (Société de Saint-François-Régis), которое беретъ на себя всѣ расходы и хлопоты, и устраиваетъ женитьбы между людьми, имѣющими связи. Будущимъ супругамъ заботиться рѣшительно не о чемъ—отъ нихъ ждутъ только согласія. Предсѣдатели разныхъ отдѣленій этого общества говорятъ, что въ минуты совершенія брака у жены открываются всегда нѣсколько дѣтей, обыкновенно отъ разныхъ отцовъ, и объявляются нерѣдко такія дѣти, которыхъ будущій мужъ совсѣмъ не знаетъ. И не смотря на все это, весьма нерѣдко женщины, имѣвшія до брака многихъ любовниковъ, остаются совершенно вѣрны своимъ мужьямъ. Кажется, только Руанъ и представляетъ исключеніе въ этомъ случаѣ. Въ немъ есть множество примѣровъ, что мужъ и жена расходятся, и каждый изъ нихъ обзаводится новымъ семействомъ.

Впрочемъ, какъ бы ни было дурно въ молодости поведеніе женщинъ, онѣ ведутъ себя впослѣдствіи гораздо лучше, чѣмъ мужчины; уже одно, что она гораздо воздержнѣе во всемъ. Но съ развитіемъ фабричной жизни и фабричныхъ нравовъ, съ увеличеніемъ бѣдности между рабочими, и съ увеличеніемъ числа ихъ, ничего нѣтъ мудренаго, что и женщины начнутъ пить. Въ Англіи, гдѣ фабричная система со всѣми ея послѣдствіями существуетъ уже давно,

распивочныя лавки посѣщаются болѣе женщинами, чѣмъ мужчинами. Въ Руанѣ и Лилѣ пьянство между женщинами начинаетъ тоже развиваться. Председатель благотворительнаго общества въ Лилѣ опредѣляетъ число пьяницъ въ слѣдующихъ процентахъ: между мужчинами 25, и между женщинами 12. Въ кварталѣ Спасителя, женщины имѣютъ даже свои кабаки, назначеные собственно для нихъ. Тамъ они пьютъ кофе, а еще больше джинъ.

Необходимость оставлять дѣтей дома однихъ, отправляясь на фабрику, ввела между французскими рабочими англійскій обычай давать имъ теріакъ. Благодаря такому снадобью, женщины, берущія дѣтей на сохраненіе, могутъ безъ труда держать въ одной комнатѣ большое число совсѣмъ маленькихъ и грудныхъ дѣтей. Эти несчастныя существа и въ воскресенье не спасены отъ своей отравы. Въ субботу вечеромъ, продажа напель у аптекарей квартала Спасителя даже усиливается, потому что матерямъ нужно идти на вечернее собраніе въ свои кабаки.

Въ Руанѣ слѣдуютъ другой методѣ. Мелочные продавцы овощей настаиваютъ хлѣбную или кортофельную водку остатками овощей. Женщины, являющіяся за провизіей, покупаютъ у нихъ на нѣсколько су этой водки и пьютъ ее дома, сначала, чтобы заглушить свое горе, забыть свою нищету, а потомъ понемногу привыкаютъ и пьютъ уже не хуже мужчинъ. Пьянство женщинъ во Франціи не ушло такъ далеко, какъ въ Англіи, гдѣ матери не только пьютъ сами, но поятъ своихъ дѣтей, и даже бьютъ ихъ, когда они не хотятъ пить. Французскія женщины во многихъ мѣстахъ даже совсѣмъ не пьютъ, напримѣръ въ Сенъ-Кентенѣ, гдѣ хотя онѣ дошли до крайнихъ предѣловъ распущенности въ одномъ отношеніи, но за то не знаютъ ничего, кромѣ воды.

Вообще, однако, женщинамъ труднѣе, чѣмъ мужчинамъ; кромѣ фабричной работы, на нихъ лежитъ еще много обязанностей: онѣ должны смотрѣть за домомъ, онѣ должны и встать раньше своихъ, чтобы приготовить пастетъ мужу и дѣтямъ, онѣ должны и лечь послѣ, чтобы убрать домъ и починить лохмотья своихъ домашнихъ. Разумѣется, совершеннаго хозяйства нельзя требовать отъ женщины, работающей каждый день на фабрикѣ по тринадцати часовъ. Но работа ея—этотъ вѣчный принудительный трудъ, трудъ изъ-за куска чорстваго насущнаго хлѣба—трудъ каторжника. Семья доставляетъ ей не утѣшеніе, а новый трудъ и огорченія; даже со стороны мужа, которому она служитъ, вмѣсто ласки дѣлаются ей нерѣдко побои. Вотъ жизнь фабричной женщины! Трудъ и нищета въ настоящемъ, трудъ и нищета въ будущемъ,—другаго впереди нѣтъ.

II.

ПОМѢЩЕНІЯ РАБОЧИХЪ.

Помѣщенія французскихъ фабричныхъ рабочихъ того же сорта, какъ и рабочихъ англійскихъ—они грязны, скверны, вредны.

Когда Бланки, нѣсколько лѣтъ назадъ, описалъ подвалы Лиля, со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ, что онъ преувеличиваетъ. А между тѣмъ Бланки говорилъ полную правду. Съ тѣхъ поръ принялись усердно ломать погреба и изъ 3600 уничтожили три тысячи; многіе изъ подваловъ на большихъ улицахъ и площадяхъ превращены въ магазины и въ кофейныя. Но при всемъ томъ, въ Лилѣ и въ Дуэ осталось еще нѣсколько сотенъ образчиковъ, какъ ихъ описалъ Бланки. Это—отверстіе на улицѣ, закрывающееся подземной дверцой, затѣмъ пятнадцать или двадцать каменныхъ дурныхъ ступеней, ведущихъ въ погребъ; погребъ, какъ всѣ погреба, со сводомъ, съ землей вмѣсто пола, освѣщаемый единственно черезъ входъ; длиной подвалъ въ двѣ съ половиной сажени, а шириной въ двѣ. Разумѣется, и тутъ нашлись люди, которые стали увѣрять, что такія квартиры нравятся рабочимъ, что лѣтомъ въ нихъ не жарко, а зимой тепло. Но все это натяжки и ложь. Погреба эти темны, такъ что въ нихъ ничего нельзя дѣлать; женщины не могутъ въ нихъ шить и заниматься подобной работой, потому что рискуютъ лишиться зрѣнія. Полъ неровный, сырой; стѣны грязныя, потемнѣвшія отъ времени и тоже сырыя; воздухъ спертый, влажный, безъ всякой возможности вентиляціи, потому что въ погребѣ всего одно отверстіе; а если рядомъ случится еще и сточная труба, то онъ становится совершенно невозможнымъ для дыханія, особенно лѣтомъ. Эти-то подземелья служатъ квартирами для цѣлой семьи. Отецъ, мать, дѣти, помѣщаются всѣ вмѣстѣ, а нерѣдко и спятъ въ одной кровати, въ перемѣшку, безъ различія пола и возраста. Ихъ даже не стѣсняетъ смѣшеніе половъ, и если случается кровосмѣшеніе, они не краснѣютъ и даже не скрываютъ его. Коммиссія, назначенная въ Лилѣ для наблюденія за помѣщеніями вредными для здоровья, распорядилась уже уничтоженіемъ многихъ изъ этихъ погребовъ, но къ несчастью ихъ приходится терпѣть, потому что для рабочихъ нѣтъ помѣщеній. Впрочемъ, они и не выиграли бы много, если бы, покинувъ свои подземелья, переселились бы на старые «дворики». Это—лабиринтъ узкихъ переулковъ, входящихъ одинъ въ другой. Дома въ нихъ дурны, стары, скверно выстроены, худо освѣщены, почти не запираются, и въ нихъ-то на-

биты рабочіе. Переулки такъ узки, что нужно ходить по одиночкѣ, и грязны до послѣдней степени. Дома издаютъ страшное зловоніе, потому что отхожія мѣста помѣщены внизу у лѣстницы, и бо́льшею частью не запираются. Одно семейство рабочихъ занимаетъ рѣдко болѣе одной комнаты, и обыкновенно платитъ въ недѣлю отъ 1 фр. 25 с. до 2 франковъ. Въ такой комнатѣ, какъ бы ни велика была семья, рѣдко болѣе двухъ постелей. Благотворительное общество въ Лилѣ разда́стъ бѣднымъ рабочимъ желѣзныя кровати. Въ послѣдніе четыре года ихъ было роздано 3500. Но рабочіе не всегда пользуются ими. Одинъ изъ нихъ—продастъ; другіе отказываются, потому-что нѣтъ мѣста въ квартирѣ.

Въ Рубэ, въ Сенъ-Кентенѣ, вездѣ тоже самое; та же скученность людей и домовъ, та же нечистота. А между тѣмъ Рубэ новый городъ, онъ все расширяется и не имѣетъ извиненія Лиля, который окруженъ крѣпостной стѣной и не можетъ идти за нее. Мало того, что помѣщенія для рабочихъ скверны, но ихъ еще и мало. Недавно одинъ фабрикантъ въ Лилѣ, у котораго недоставало рабочихъ рукъ, пріискалъ себѣ съ большимъ трудомъ нѣсколько работницъ изъ другаго мѣста. Имъ было у него гораздо выгоднѣе, и несмотря на то, при первомъ разсчетѣ онѣ объявили, что должны оставить фабрику. Оказалось, что онѣ не могли найти квартиры и ночевали все время подъ воротами.

Выгода сдавать помѣщенія рабочимъ вызвала много спекуляторовъ, которые, думая только о барышахъ, строятъ дома скверно, безъ стоковъ, безъ отдѣльныхъ дворовъ или совсѣмъ безъ дворовъ, безъ хозяйственныхъ помѣщеній при квартирахъ, и стараясь выгадать какъ можно больше мѣста, дѣлаютъ комнатки совсѣмъ тѣсныя. Дома эти хороши повидимому, пока они еще новы.

Въ Аміенѣ и въ Сенъ-Кентенѣ, въ каждомъ изъ нихъ есть свои рабочіе кварталы, и помѣщенія для рабочихъ такъ же скверны, какъ въ Рубэ и въ Лилѣ. Въ Сенъ-Кентенѣ можно еще найти нѣкоторые слѣды фламандской чистоты. Даже самые бѣдные стараются добыть себѣ стѣнные часы, или, имѣя нѣсколько су, покупаютъ себѣ распятія, чтобы украсить свою комнату. Но въ Аміенѣ этого уже нѣтъ, чувство чистоты тамъ притупилось и въ рабочемъ замѣтна какая-то апатія; онъ живетъ дурно въ очень дурныхъ помѣщеніяхъ. А между тѣмъ Аміенъ очень красивый городокъ,—въ немъ прекрасные бульвары, широкія, красиво застроенныя улицы и одинъ изъ лучшихъ соборовъ въ Европѣ. Жителямъ этихъ хорошихъ улицъ только и остается думать, что и рабочимъ жить такъ же хорошо, какъ имъ, что у всѣхъ рабочихъ есть и хлѣбъ и огонь, у всѣхъ есть постель!

Въ Реймсѣ контрастъ еще поразительнѣе, потому-что промышлен-

ность тамъ живѣе. Красивый городъ, съ прекрасными окрестностями, богатыми зданіями, скрываетъ въ себѣ бездну улицъ и дворовъ, болѣе ужасныхъ, чѣмъ тюрьма, гдѣ нѣтъ почти свѣта и воздуха, и вредное вліяніе которыхъ на здоровье и нравственность рабочихъ было признано свидѣтельствомъ офиціальныхъ лицъ.

И всѣ фабричные города Франціи представляютъ то же самое. Въ Таннѣ, въ предмѣстіи Катенбахъ, напримѣръ въ квартирѣ изъ двухъ маленькихъ комнатъ—живутъ: отецъ, мать, дочь съ мужемъ и четырьмя дѣтьми. Къ нимъ входъ чрезъ свиное стойло, въ которомъ хозяинъ дома держитъ образчики поросятъ и свиней. Рядомъ съ ними два женатыхъ брата, каждый съ тремя дѣтьми,—всего десять человѣкъ, живутъ въ комнаткѣ въ $1^1/_2$ сажени ширины и $2^1/_2$ длины, освѣщенной однимъ окномъ. Тутъ же, еще комната, побольше, довольно хорошо освѣщенная, въ которой живутъ девять человѣкъ. Когда въ 1855 году явилась холера, изъ этихъ девяти, семеро умерло въ два дня; и населеніе всего квартала падало страшнымъ образомъ. Когда холера входила въ какой нибудь домъ, такъ развѣ чудомъ оставался кто либо въ живыхъ.

Но бѣдность еще ужаснѣе и еще повальнѣе въ Руанѣ. Трудно составить себѣ понятіе о нечистотѣ нѣкоторыхъ тамошнихъ домовъ, не видѣвъ ихъ. Нѣкоторые хозяева, получая плохую плату, совсѣмъ не заботятся о починкѣ и поправкѣ своихъ домовъ. Вотъ нѣкоторые факты. На одной мансардѣ, въ улицѣ Matelas, полъ совсѣмъ сгнилъ, и въ двухъ шагахъ отъ двери образовался провалъ такой величины, что чрезъ него пройдетъ легко человѣкъ. Двѣ несчастныя, занимающія эту квартиру, не имѣютъ даже чѣмъ заложить дыру и должны предупреждать всякаго посѣтителя крикомъ. Въ концѣ улицы Canettes, гдѣ деревянные дома такъ и угрожаютъ развалиться каждую минуту, одинъ тесемочный ткачъ съ семействомъ живетъ въ помѣщеніи, назначенномъ вѣроятно быть чердакомъ. Квартира его имѣетъ 4 аршина ширины и 7 съ небольшимъ аршинъ длины, если мѣрить по полу. Печная труба дома съ выступомъ занимаетъ половину мѣста, а остальное такъ низко, что нельзя сдѣлать стоя трехъ шаговъ. Когда вся семья—мужъ, жена и четверо дѣтей въ полномъ сборѣ, то имъ почти невозможно шевелиться. Голодъ и недостатокъ воздуха совершенно разстроили всю семью. Изъ четырехъ дѣтей, которыя еще были живы въ апрѣлѣ 1860 г., двое умерли чрезъ три мѣсяца, остальныхъ голодъ истомилъ совершенно: онѣ были какъ скелеты. Отецъ этого несчастнаго семейства, хорошій ткачъ, могъ бы заробатывать въ день 3—4 франка, а междутѣмъ, работая на тесемочной фабрикѣ онъ добываетъ всего полтора франка. Зачѣмъ же онъ остается на ней? А онъ остается на ней потому, что онъ болѣе

честный человѣкъ, чѣмъ его хозяинъ. Когда у него родилось последнее дитя, онъ былъ совершенно безъ денегъ, не было у него ни дровъ, ни одѣяла, ни свѣта, ни хлѣба, и онъ занялъ у своего хозяина 20 франковъ. Въ настоящее время онъ не можетъ оставить своего хозяина, не отработавъ ему долга. Ясно, что ему придется умереть, если ему не помогутъ; но его семья умретъ раньше.

Двѣнадцать лѣтъ назадъ Бланки описалъ такъ дома бѣдныхъ рабочихъ въ Руанѣ. «Единственный входъ въ эти дома низкій, узкій и темный, служитъ въ то же время скатомъ всякихъ нечистотъ, выливаемыхъ жильцами и стекающихъ съ двора. Ходъ этотъ такъ низокъ, что въ немъ нельзя помѣститься стоя. Въ квартиры ведетъ узкая, витая, высокая, темная лѣстница. Сами квартиры чрезвычайно низки и тѣсны, почти не запираются и лишены почти всякой мебели и домашней посуды. Изломанная кровать безъ простыни и одѣяла служитъ постелью. Дѣти болѣе маленькія сидятъ на мѣшкѣ съ золой, а остальное семейство въ перемѣшку, какъ случится, на кровати.» То же самое и теперь, Руанъ не ушелъ дальше. «Я не богата», сказала намъ (Бланки) одна изъ бѣдныхъ работницъ, указывая на свою сосѣдку, лежавшую на полу сыраго подвала,—но «благодаря Бога, у меня есть свой пучокъ соломы.» Вотъ положеніе бѣдныхъ рабочихъ, гораздо худшее чѣмъ дикарей, въ такъ называемой образованной странѣ Европы, рядомъ съ роскошью разбогатѣвшей буржуазіи, замаскированное ея блестящими отелями, блестящими магазинами, ресторанами и кафе!

Нѣкоторые дома для рабочихъ приносятъ ихъ владѣльцамъ весьма незначительный доходъ, вслѣдствіе невысокой платы и неаккуратнаго платежа. Франкъ въ недѣлю за квартиру составляетъ для многихъ рабочихъ, имѣющихъ едва хлѣбъ, большой расходъ, а между тѣмъ при неисправномъ платежѣ съ него взять нечего: у него даже нѣтъ постели, которую пощадилъ законъ и не позволяетъ конфисковать. Между тѣмъ въ Реймсѣ, Сенъ-Кентенѣ, Лилѣ, Рубэ считаютъ хорошимъ помѣщеніемъ для капитала — строить на него дома для рабочихъ. Случается, что дома приносятъ 10 и 15%. Но зато какихъ хлопотъ стоитъ это хозяину! Болѣе богатые нанимаютъ управляющихъ, но есть и такіе, которые сами занимаются этимъ дѣломъ и убиваютъ на него все свое время. Только-что хозяинъ собралъ съ своихъ жильцовъ деньги, ему снова приходится отправляться за сборомъ, потому что не всѣ жильцы въ состояніи заплатить при первомъ требованіи. Приходится нерѣдко къ одному и тому же постояльцу ходить нѣсколько разъ — и сегодня, и завтра, и послѣзавтра,—и все-таки неудачно. Хозяинъ, недопускающій отсрочекъ, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы получить деньги сразу;

франкъ, полтора, еще взыскать нетрудно, но 5, 6, 7 франковъ сразу,— это не всегда легко. Хозяева въ такихъ случаяхъ не церемонятся. Если мать семейства не въ состояніи заплатить въ понедѣльникъ, ей просто велятъ очистить квартиру, безъ всякаго сожалѣнія. Но если свободныхъ квартиръ нѣтъ, то довольно мудрено справиться съ неисправнымъ плательщикомъ, потому что онъ остается силой. Владѣльцы домовъ придумали снимать и уносить двери и окна. Разсказываютъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ, жилъ въ Лилѣ домовладѣлецъ, который отправлялся изъ дому утромъ съ ручной тележкой. Если одинъ изъ его жильцовъ не платилъ ему, онъ снималъ въ его квартирѣ окно или дверь и увозилъ. Случалось, что къ концу дня тележка его была сильно нагружена — и, какъ говорятъ, онъ все-таки не умеръ милліонеромъ.

Чтобы имѣть понятіе о внутренности квартиръ рабочихъ, нужно видѣть ихъ до и послѣ закрытія фабрики. Въ теченіе дня, мужчинъ нельзя найти въ квартирахъ; можно встрѣтить только женщинъ, дѣтей, иногда старика или больнаго, или ночнаго рабочаго, который отсыпается днемъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ женщины выросли и воспитались на фабрикахъ, разумѣется, порядка въ квартирѣ рабочаго немного. Такая женщина выходитъ замужъ, имѣетъ дѣтей, но ей незнакомы ни заботы о хозяйствѣ, ни даже заботы о своихъ дѣтяхъ, — она вся поглощена фабричной работой, которая для ея хозяйства почти не оставляетъ ей ни одной свободной минуты. Въ 1836 году число рабочихъ часовъ въ Мильгузѣ, Дорнадѣ, Лилѣ было 15, въ Бишвиллерѣ—16 и во многихъ мануфактурахъ доходило даже до 17. Въ настоящее время законъ ограничилъ время дѣйствительной работы для взрослыхъ двѣнадцатью часами; кромѣ того, еще полтора часа для отдыха, такъ-что въ теченіе $13^1/_2$ часовъ женщина разлучена съ своимъ семействомъ и не видитъ своего дома. При такомъ разсчетѣ, слѣдуетъ предполагать, что квартира ея какъ-разъ подлѣ фабрики, но это бываетъ рѣдко; обыкновенно же болѣе часу нужно, чтобы придти на фабрику и возвратиться домой, и выходитъ, что въ дѣйствительности женщина не бываетъ дома отъ 14 до 15 часовъ въ день. Понятно, что ее нельзя упрекать, если домъ у нея невыметенъ, неприбранъ и вообще держится не въ особенномъ порядкѣ. Истомленная дневнымъ трудомъ, она едва имѣетъ силъ приготовить ужинъ и уложить дѣтей спать. Ни для нея, ни для мужа домъ не представляетъ никакихъ радостей. И что они могутъ найти въ немъ? грязь и нечистоту, недостаточную и нездоровую пищу, страдающихъ и больныхъ дѣтей, которыя едва знаютъ своихъ родителей! Но не вечеръ составляетъ несчастіе семьи, — онъ по крайней мѣрѣ коротокъ, — а день, который тянется безконечно долго.

И что будутъ дѣлать дѣти во все это время? Но вѣдь есть пріюты, школы, разныя благотворительныя заведенія. Да, все это есть, но все это не то; все это не мать. Вообразите какой хотите пріютъ — прекрасныя свѣтлыя комнаты, чистоту, порядокъ, ласковое обращеніе; а многіе ли изъ людей, мечтающихъ объ этомъ раѣ для рабочихъ, согласятся помѣстить туда своихъ дѣтей? Этотъ рай рабочаго начинается для него свѣтлымъ пріютомъ, продолжается свѣтлой фабрикой и кончается не менѣе свѣтлымъ госпиталемъ! И несмотря на все это, не для всякаго ребенка осуществимъ рай пріюта. Постойте у дверей пріюта утромъ, и вы увидите, сколько матерей возвращаются съ своими дѣтьми. Сосчитайте число мѣстъ въ пріютѣ и число дѣтей отъ двухъ до пяти лѣтъ, и вы увидите, что для десятой доли изъ нихъ найдется можетъ быть помѣщеніе. Откройте списки больницъ, и вы увидите, сколько кандидатовъ на каждую постель. Дѣло въ томъ, что мастерскія и фабрики открываются въ шесть часовъ, а пріюты и школы только въ восемь; что есть много городовъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ пріютовъ; что почти вездѣ слѣдуетъ платить за помѣщеніе, и хоть сумма невелика, но гдѣ ее возьметъ мать, сама едва имѣющая хлѣбъ? Вотъ почему нельзя удивляться, что такъ много дѣтей, едва одѣтыхъ, скитается въ переулкахъ рабочихъ кварталовъ и проводитъ свое время, забавляясь въ лужахъ и стокахъ всякихъ нечистотъ. Обращаемся еще разъ къ Манчестеру, представляющему въ этомъ случаѣ удивительный образчикъ своего рода. Въ теченіе 1858 года было объявлено въ полицію о пропажѣ 4,715 дѣтей; и въ томъ же году въ Ливерпулѣ, городѣ не мануфактурномъ, но имѣющемъ такое же населеніе, какъ Манчестеръ, число заплутавшихся дѣтей составляло только 360.

Отправлять дѣтей въ школы? Но для этого нужно быть богатымъ, даже и для школъ даровыхъ. Шестилѣтнее дитя можетъ уже наматывать шпули, а восьмилѣтнее—работать на фабрикѣ. Предположите двухъ до четырехъ дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ, развѣ одинъ рабочій въ семьѣ въ состояніи ихъ прокормить? Нужно, чтобы они сами добывали деньги. И родители съ нетерпѣніемъ ждутъ опредѣленнаго возраста, когда дѣти ихъ могутъ поступать на мануфактуру. Тутъ дѣйствуетъ не злое сердце, а голодъ. Если у родителей есть больше средствъ, если и жена заработываетъ деньги, такъ-что они могутъ продержать своихъ дѣтей дома до 12 лѣтъ, они посылаютъ ихъ въ школы. Но тутъ другая бѣда: школы открыты пять-шесть часовъ, а на мануфактурѣ нужно пробыть тринадцать съ половиной. Что лучше: шесть часовъ ученья въ школѣ и семь съ половиною часовъ шатанья по улицамъ, или преждевременная работа на фабрикѣ, безъ ученья? Вотъ въ чемъ вопросъ, — вопросъ, который сводится весь къ бѣдности.

Наибольшее число рабочихъ Франціи терпятъ страшную бѣдность, огромныя лишенія, которыя даже трудно вообразить, не видѣвъ ихъ. Даже на фабрикахъ и мануфактурахъ, идущихъ хорошо, гдѣ хозяева платятъ хорошо рабочимъ, болѣе половины ихъ, а особенно женщины, стѣснены очень въ жизни: у нихъ нѣтъ средствъ кормить и одѣвать своихъ дѣтей, они живутъ въ помѣщеніяхъ болѣе тѣсныхъ и неопрятныхъ, чѣмъ тюрьма; если одно изъ дѣтей захвораетъ, они не въ состояніи ни купить лекарства, ни устроить ему удобную постель, ни даже нагрѣть квартиру. Доктора для бѣдныхъ говорятъ, что въ половинѣ случаевъ лучшее лѣкарство для нихъ хорошая пища; но они боятся, не смѣютъ сказать этого семейству больнаго. Вотъ въ какомъ положеніи половина мануфактурныхъ городовъ даже въ пору цвѣтущаго состоянія промышленности и торговли. Но войдите въ нихъ во время кризиса,—вы ужаснетесь, вы встрѣтите не людей, а тѣни. Тутъ только и становится вполнѣ понятенъ смыслъ извѣстной формулы: «право на работу». Если ужасно положеніе человѣка работающаго, но не имѣющаго хлѣба, то каково же положеніе человѣка, полнаго силъ, полнаго желанія работать, со способностями—и не имѣющаго работы! Лишніе люди,—можно отвѣтить на это. Да, лишніе.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, относилось до рабочихъ фабричныхъ, рабочихъ на мануфактурахъ, бѣдность которыхъ рѣзче бросается въ глаза, потому что рабочіе скучены, потому что нищета кидается въ глаза массой. Но есть еще много другихъ занятій, такъ-называемая малая индустрія — работа ремесленниковъ въ небольшихъ мастерскихъ и работа на дому. И тутъ положеніе рабочихъ такъ же жалко, какъ положеніе рабочихъ фабричныхъ. Мы разсмотримъ болѣе главныя изъ нихъ, и преимущественно такія, гдѣ работа производится исключительно женщинами.

III.

РУЧНЫЕ ТКАЧИ.

Введеніе машинъ и мануфактуры не убили еще вполнѣ ручнаго тканья. Очень можетъ быть, что ручные станы наконецъ исчезнутъ, но въ настоящее время они еще держатся, и нерѣдко рядомъ съ мануфактурой, гдѣ работаетъ сразу пятьсотъ становъ, можно найти ручныхъ ткачей, скромно работающихъ у себя на дому. Они рабо-

таютъ обыкновенно въ подвалахъ. Подвалъ, какъ всѣ подвалы, освѣщается однимъ отверстіемъ, довольно сыръ, чтобы пряжа не рвалась, и нерѣдко такъ малъ, что станъ занимаетъ его вполнѣ, и ткачу, чтобы связать лопнувшую нить, нужно подлѣзать подъ станъ.

Бо́льшая часть ткачей работаютъ поодиначкѣ, но случается, что въ одномъ подвалѣ стоятъ два, рѣдко болѣе становъ.

Бумажныя матеріи ткутся обыкновенно машиннымъ способомъ, какой бы онѣ ни были тонины. Ручная работа исключеніе въ этомъ случаѣ, и число ручныхъ становъ постоянно уменьшается, вслѣдствіе невозможности соперничествовать съ машиннымъ производствомъ. Вотъ разсчетъ. Механическій станокъ производитъ среднимъ числомъ въ день 25 метровъ (почти 40 арш.) или 7,500 метровъ въ годъ. Ручной станъ только 8 или 9 метровъ; но какъ онъ не работаетъ постоянно, то принимаютъ, что въ годъ на ручномъ станѣ можетъ быть приготовлено 1,300 метровъ. Матерія, стоющая 9 сантимовъ за метръ машиннымъ способомъ, стоитъ ручному ткачу около 11 сантимовъ. Положимъ, что фабрикантъ возьметъ только одинъ сантимъ барыша съ метра матерій, имѣющихъ постоянный сбытъ; ясно, что ручному ткачу соперничествовать съ нимъ невозможно.

Въ Вогезахъ, гдѣ множество ручьевъ и рѣчекъ позволили завести до 15,000 механическихъ становъ, ручные почти исчезли совсѣмъ. Въ Жерардмерѣ, въ Сенъ-Діэ, въ Ремиремонѣ и близь Бламона ткутъ на ручныхъ только полотно и пеньку, а изъ бумаги только матеріи исключительной толщины и ширины, запросъ на которыя незначителенъ. Въ верхнерейнскомъ департаментѣ на 20,000 механическихъ становъ считалось 4,000 ручныхъ. Въ Сенъ-Кентенѣ пропорція обратная: въ городѣ всего до 800 механическихъ становъ; но въ мѣстности, которая тянется отсюда до Камбрэ и Перона и даже до Вервена съ другой стороны, занято тканьемъ не меньше 70,000 рабочихъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и до 40,000 ручныхъ становъ. Льняныя ткани только средней тонины приготовляютъ до сихъ поръ механическимъ путемъ; толстыя изъ нихъ и особенно тонкій батистъ ткутся руками. Ліонъ и весь югъ Франціи до сихъ поръ былъ спасенъ отъ машинъ и механическихъ двигателей, и шелковыя матеріи ткутся почти исключительно на ручныхъ станахъ.

Вездѣ, гдѣ паръ и вода не убили еще ручнаго производства, оно служитъ источникомъ благоденствія для населенія. Двойная выгода имѣть ремесло дома, и занятіе въ полѣ. Вообще для крестьянъ весьма выгодно сосѣдство большихъ промышленныхъ центровъ. Если остановилось его производство, онъ возвращается къ своему полю;

если у него осталось время отъ полевыхъ занятій, онъ добываетъ деньги своимъ промысломъ. На западѣ Франціи, гдѣ народонаселеніе занято особенно возрощеніемъ льна и конопли, обработка ихъ, пряжа и тканье производятся руками, безъ всякаго пара и механическихъ становъ. Полотно Бретани пользовалось и пользуется до сихъ поръ извѣстностью и предпочитается фландрскому. Бумажныя ткани и мануфактуры дѣлаютъ страшную конкурренцію Бретани, но она вѣрна своимъ преданіямъ и не отстаетъ отъ обычаевъ своихъ предковъ. Красивая прялка съ веретенами тонкой работы служитъ до сихъ поръ свадебнымъ подаркомъ, который крестьянинъ-бретанецъ дѣлаетъ своей невѣстѣ, несмотря на то, что одной пряжей, когда нѣтъ другихъ занятій, невозможно ужь и тамъ заработать себѣ кусокъ хлѣба.

IV.

КРУЖЕВНИЦЫ И ЦВѢТОЧНИЦЫ.

Плетеніе кружевъ было всегда исключительно женскимъ занятіемъ. Несмотря на свою высокую цѣну, кружева едва вознаграждаютъ ихъ плетеніе. Въ Парижѣ, гдѣ жизнь дорога, никогда не дѣлали кружевъ, развѣ въ видѣ исключенія. По той же самой причинѣ перестали ихъ дѣлать и въ Валансіенѣ, хоть и до сихъ поръ существуютъ въ продажѣ такъ называемыя валансіенскія кружева. Работа эта чрезвычайно трудная, требующая продолжительнаго ученія и отнимающая у работницы все ея время. Она вознаграждается такъ плохо, что промышленное населеніе сѣвернаго департамента нашло необходимымъ пріискать занятія болѣе выгодныя. А какъ нужно нѣсколько мѣсяцевъ, иногда и цѣлый годъ, чтобы сплести купонъ въ три метра, и какъ кружевницы не могутъ ждать такъ долго платы, то установился обычай платить имъ по частямъ, за четверть метра. Но это опять невыгодно для подрядчиковъ, которые, снабжая кружевницъ нитками, должны платить впередъ почти за всю работу. Такимъ образомъ Валансіенъ кончилъ съ своими кружевами. Въ немъ остались всего три кружевницы: одна, дѣлающая настоящій валансіенъ, зарабатываетъ въ день всего полтора франка, а двѣ другія плетутъ тотъ сортъ валансіена, какой дѣлается въ Бельгіи, и добываютъ нѣсколько болѣе, т. е. полтора франка за двѣнадцать часовъ работы.

Алансонскія кружева (point d'Alençon) работаются совершенно на другихъ основаніяхъ; у кружевницъ принята система раздѣленія

работъ. Въ валансіенскихъ одна и та же работница дѣлаетъ сѣть и рисунокъ; работницы же, плетущія алансонскія кружева, дѣлятся на нѣсколько категорій; у каждой свое занятіе — одна дѣлаетъ сѣть, другая контуры цвѣтовъ, третья шагъ мелкій, четвертая шагъ крупный, и т. д. Трехъ мѣсяцевъ достаточно, чтобы изучить дѣло, и какъ работа ихъ необременительна, то и позволяетъ въ тоже время заниматься вполнѣ и домашнимъ хозяйствомъ. Среднимъ числомъ работница добываетъ въ день только одинъ франкъ, или около 10 сантимовъ въ часъ. Болѣе искусныя заработываютъ даже 12 и 14 сант., но такихъ чрезвычайно мало. Нѣсколько кружевницъ, не болѣе десяти, находятся въ магазинахъ для пріема и поправки приносимыхъ работъ. Жалованье имъ въ недѣлю измѣняется отъ 7 ф. 50 с. до 10 фр. Кружевницы работаютъ или поодиночкѣ, сидя даже на порогѣ своего дома, или особенно; чтобы сдѣлать экономію на освѣщеніи, они собираются и работаютъ вмѣстѣ.

Алансонскія и валансіенскія кружева составляютъ предметъ роскоши; но въ Арасѣ, въ Овернѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лорены и преимущественно въ округѣ Миркуръ, дѣлаютъ кружева болѣе грубыя. Въ Арасѣ и его окрестностяхъ заняты этимъ дѣломъ до трехъ тысячъ работницъ. Кружевницы эти, большею частью изъ окрестныхъ крестьянокъ, занимаются этимъ дѣломъ, когда имъ нѣтъ работы въ полѣ. Онѣ работаютъ обыкновенно безъ заказа, изъ своихъ собственныхъ матеріаловъ, и добываютъ весьма мало денегъ. Отличная работница, работая по двѣнадцати часовъ въ день, можетъ добыть около 1 фр. 25 сантимовъ.

Плетеніе кружевъ, кажется, единственная работа, которой не повредили машины, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ имъ неудались кружева; то машинное издѣліе, которое извѣстно подъ названіемъ «кружевъ», есть собственно тюль.

Къ занятіямъ цвѣточницъ принадлежитъ не одно дѣланіе собственно цвѣтовъ, но и приготовленіе другихъ украшеній, головнаго убора дамъ, разныхъ сортовъ перьевъ — морабу, райскихъ птицъ и т. д. Едва ли какое нибудь произведеніе современной промышленности можетъ сравниться въ изяществѣ съ издѣліями цвѣточницъ. Цвѣты, ими приготовляемые изъ бумаги, или батиста, по свѣжести и блеску рѣшительно соперничествуютъ съ цвѣтами живыми. Многія изъ работницъ совершенные артисты, изучающіе съ любовью настоящіе цвѣты и подражающіе природѣ съ точностію и искусствомъ лучшихъ живописцевъ. И несмотря на все это, плата самымъ искуснымъ цвѣточницамъ не бываетъ болѣе 3 франковъ въ

день за одинадцать часовъ работы. Minimum — два франка. При такой платѣ цвѣточницы едва имѣютъ средства существовать.

Дѣланіе цвѣтовъ—промышленность по преимуществу парижская, по крайней мѣрѣ Парижъ производитъ лучшее, что существуетъ въ этомъ родѣ. Около 6 тысячъ работницъ заняты въ Парижѣ этимъ дѣломъ.

V.

ШЛЯПНЫЯ МАСТЕРИЦЫ И ДѢВУШКИ ВЪ МАГАЗИНАХЪ.

Плетеніе соломенныхъ шляпъ составляетъ довольно значительную промышленность, и Нанси — одинъ изъ главныхъ центровъ этого производства. Если вѣрить тамошнимъ фабрикантамъ, то ихъ шляпы отсылаются даже въ Америку. Большая часть мужскихъ шляпъ, извѣстныхъ подъ названіемъ соломенныхъ, плетутся изъ коры латановой пальмы. Фабриканты Нанси получаютъ кору, выдѣлываютъ и, разрѣзывая ее металлическими гребенками на тонкія нити, отсылаютъ для плетенья въ Мозель и въ Нижній Рейнъ.

Работницѣ платится за шляпу 56 сантимовъ; и нужно быть исключительно ловкой и работать весь день безъ устали, чтобы сплести двѣ шляпы. Панама и сливныя шляпы, высшей доброты, дѣлаются также во Франціи: первыя изъ листьевъ папафы, привозимыхъ изъ Панамы, а вторыя изъ плетенокъ, привозимыхъ изъ Флоренціи, и обложенныхъ страшно высокой пошлиной. Эта-то пошлина, а въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, качество матеріала, объясняютъ частью причину дороговизны нѣкоторыхъ шляпъ. Въ одномъ изъ шляпныхъ магазиновъ Парижа долго была выставлена панама съ ярлычкомъ «2,000 фр.». Къ чести французской торговли, слѣдовало бы ожидать, что ее не продали бы за эту цѣну, если бы даже и явился покупщикъ. Но, кажется, случилось иначе, и шляпу купилъ, какъ говорятъ, русскій. Эта самая шляпа продана фабрикантомъ въ магазинъ за 60 франковъ, а работница, которая плела ее, получила едва ли болѣе трехъ франковъ.

Дѣвушки въ магазинахъ принадлежатъ не всегда къ сословію работницъ. Занятія дѣвушекъ бываютъ чрезвычайно разнообразны, ихъ нѣсколько категорій, и положеніе, которое онѣ занимаютъ, зависитъ отъ ихъ средствъ и образованія. Есть дѣвушки—чистокровныя буржуа, другія—простыя работницы или мастерицы, наконецъ третьи, занимающіяся, рядомъ съ дѣломъ, практикой другаго рода...

Дѣвушки, сидящія въ магазинахъ за конторками и исполняющія нѣкоторыя мелочныя работы подъ надзоромъ хозяйки, принадлежатъ часто къ рабочему сословію. Для этого избираются женщины, отличающіяся красотой. Онѣ должны быть одѣты со вкусомъ, изящно, и обыкновенно находятся въ постоянномъ сношеніи съ постоянными заказчицами. Многіе думаютъ, что для этихъ дѣвушекъ постоянное сношеніе съ богатыми домами, роскошь, изящные туалеты, которые онѣ всегда имѣютъ передъ глазами — будто бы все это дѣйствуетъ на нихъ вредно въ моральномъ отношеніи. Такое замѣчаніе дѣлаютъ относительно модистокъ. Но едва ли оно справедливо. Есть другіе магазины, гдѣ за конторками должны быть непремѣнно самыя красивыя женщины. Этихъ магазиновъ гораздо больше, чѣмъ магазиновъ модъ, и опасность въ нихъ для женскаго цѣломудрія гораздо сильнѣе. Возьмемъ хоть кандитерскія. Это совершенныя мастерскія, въ которыхъ, въ ожиданіи покупщиковъ, дѣвушки приготовляютъ плоды, сиропы, взвѣшиваютъ сахаръ и одѣваютъ конфекты. Недостаточно еще умѣть сдѣлать отлично вкусныя конфекты, нужно умѣть ихъ и завернуть, украсить изящной оберткой; это тоже большое искусство, которымъ парижанки владѣютъ въ совершенствѣ. Занятіе повидимому пріятное, къ которому располагаетъ еще больше изящество и яркое освѣщеніе самой кандитерской лавки. Но вотъ вечеръ кончился, нужно оставить и великолѣпный, ароматическій, ярко освѣщенный салонъ, и богатые зеркала и ковры, и отправляться въ своемъ нарядномъ шелковомъ платьѣ въ какую нибудь бѣдную улицу, или закоулокъ и забраться въ шестой этажъ въ бѣдную, маленькую, нетопленную комнату, гдѣ вся семья дѣвушки страдаетъ отъ нищеты, а нерѣдко и болѣзни.

Игрушечное производство имѣетъ много общаго съ кандитерскимъ,—общаго въ характерѣ собственно работъ, но великую разницу въ томъ отношеніи, что дѣвушкѣ не приходится играть роль изящной дамы съ десяти часовъ утра до десяти вечера. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа эта похожа на забаву, но большею частью она тосклива и однообразна. Есть работницы, все дѣло которыхъ заключается въ оклеиваніи цвѣтной бумагой маленькихъ комодиковъ; а этихъ комодиковъ тысячи. Однѣ изъ работницъ, болѣе искусныя, принуждены работать очень долго; другія полгода не имѣютъ никакихъ занятій. Въ ноябрѣ и декабрѣ обыкновенно не находятъ достаточнаго числа рабочихъ для убранства куколъ и для завертыванія мелкихъ конфектъ, и за этимъ дѣломъ приходится проводить цѣлыя ночи; потомъ наступаетъ тихое время, а лѣтомъ почти дѣлать нечего. Это сумасшествіе, лихорадочность въ запросѣ кидаетъ бѣдныхъ работницъ изъ одной крайности въ другую—ихъ или убиваетъ

работа, или убиваетъ голодъ. Сюда же можно отвести и приготовленіе всякихъ картонажей и даже бумажное производство, занимающее много женщинъ. Всѣмъ этимъ работницамъ достается въ день заработной платы отъ 1 до $2^1/_2$ фр. Теперь стали брать женщинъ даже въ наборщики типографій. Работа эта нелегкая, — она утомляетъ зрѣніе и заставляетъ проводить все время стоя.

. . . .

VI.

ПРАЧКИ И ПРИСЛУГА.

Главный отличительный характеръ прислуги, которая въ строгомъ смыслѣ тоже рабочіе, заключается въ томъ, что они болѣе всѣхъ другихъ находятся въ неволѣ. Эта должность — рабство, холопство; тутъ личная услужливость, постоянное подчиненіе себя капризу и прихоти отдѣльнаго лица. Фабричный рабочій менѣе оскорбленъ въ своемъ личномъ достоинствѣ, тамъ есть законъ, извѣстный порядокъ, изъ котораго не могутъ выдти ни рабочій, ни даже самъ хозяинъ; какъ бы ни была невѣрна или ошибочна экономическая сила, управляющая движеніями промышленности и торговли, но это все-таки сила, которую всѣ чувствуютъ надъ собой, это не произволъ одного лица. Наконецъ у фабричнаго рабочаго есть время, когда онъ можетъ быть у себя, какъ бы это «себя» ни было худо; у него есть свой домъ, есть отдыхъ. Ни чѣмъ подобнымъ не пользуется прислуга: она никогда не принадлежитъ себѣ, она зависитъ отъ хозяина, она служитъ ему лично, служитъ все время непрерывно. Какъ бы въ награжденіе за потерю личной свободы, экономическое положеніе ея много лучше положенія остальныхъ рабочихъ. Она имѣетъ лучшее помѣщеніе, лучшій столъ и весьма большое жалованье. Если во Франціи еще и сохранились такіе благословенные уголки, какъ Бретань, гдѣ прислугѣ платятъ пятнадцать, двадцать экю въ годъ, за то въ другихъ мѣстахъ, и особенно въ большихъ городахъ, явились совсѣмъ уже другія цѣны. Напримѣръ въ Парижѣ, въ большихъ домахъ, 50 франковъ жалованья въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ — вовсе не рѣдкость. Но кромѣ всего этого, еще и подарки. А кухарки къ этому пользуются еще контрабандными доходами, разными получками съ лавочниковъ и купцовъ, боящихся лишиться практики. Все это, разумѣется, на счетъ хозяевъ кухарки.

Судя по обезпеченному положенію кухарокъ, можно думать, что въ образѣ жизни ихъ есть нѣкоторый порядокъ и порядочность. Напро-

тивъ, по свѣдѣніямъ собраннымъ Требюше и Пуара Дювалемъ (1855 г.) оказывается, что первое мѣсто по разврату принадлежитъ, какъ слѣдуетъ, женщинамъ безъ занятій, а за ними тотчасъ же слѣдуетъ прислуга. Оно и весьма понятно. Многіе изъ нихъ будутъ даже обольщены въ томъ домѣ, гдѣ они служатъ. Лакей, кучеръ, проводя бо́льшую часть своего времени съ служанками, имѣютъ бездну случаевъ сблизиться съ ними. А случается, что и самъ баринъ дастъ дѣвушкѣ первый урокъ любви.

Особенно дурное въ положеніи прислуги — это ихъ ужасныя помѣщенія. Парижскіе дома—совершенныя башни, бо́льшая часть изъ нихъ имѣютъ шесть этажей. Дороговизна земли заставляетъ хозяевъ вытягивать по возможности свои дома вверхъ; всякое едва годное мѣсто они дѣлаютъ комнатой. Ложи портіе стали дѣлать наконецъ такими темными, а слѣдовательно нездоровыми, что полиція вмѣшалась въ это дѣло и ихъ запретила. Есть также законъ, опредѣляющій размѣръ комнатъ для спанья; хотя онъ почти невыполняется. Но законъ не можетъ принудить домовладѣльцевъ дѣлать комнаты для прислуги непремѣнно въ квартирахъ для жильцовъ. А отъ этого прислуга цѣлаго дома: горничныя, няньки, кухарки, лакеи, кучера живутъ подъ крышей, въ каморкахъ, едва закрывающихся, куда можно взобраться только скорчившись. Въ этихъ-то свѣтелкахъ, съ микроскопическими окнами въ самой крышѣ, открывающимися, какъ табакерки, зимой холодно и сыро, а лѣтомъ нестерпимый жаръ. Если бы эти свѣтелки обладали качествомъ обитаемости, хотя въ самой малой степени, изъ нихъ бы сдѣлали квартиру. Но они потому отданы прислугѣ, что нѣтъ такого человѣка, который бы согласился жить въ такой квартирѣ за деньги. Если же въ домѣ нѣтъ такихъ свѣтелокъ, то на чердакѣ, въ подвалѣ, гдѣ нибудь подъ изворотомъ лѣстницы всегда найдется мѣсто, чтобы положить тюфякъ горничной или лакея. И дѣйствительно помѣщать прислугу въ седьмомъ этажѣ — совершенное варварство, даже убійство. Это что-то вродѣ знаменитыхъ свинцовыхъ тюрьмъ Венеціи, которыя вѣроятно нисколько не жарче комнатъ подъ желѣзными крышами Парижа. Но едва ли не такое же варварство помѣстить горничную, какъ собаку, на чердакѣ или подъ лѣстницей!

Въ ремеслѣ прачекъ сохранилось еще нѣсколько слѣдовъ прежней корпоративности. Всякій годъ, въ четвергъ средины великаго поста, прачки избираютъ изъ себя царицу и сотни фіакровъ привозятъ прачекъ и гладильщицъ изъ окрестностей Парижа. Водоносы, нѣсколько навеселѣ, украшенные лентами всевозможныхъ цвѣтовъ,

провожаютъ этотъ кортежъ. Вечеромъ же прачешныя на судахъ, на Сенѣ, превращаются въ танцовальныя залы. Праздникъ продолжается всего одинъ день; уже въ пятницу съ утра прачки принимаются снова за свои утюги.

Прачки дѣлятся на два разряда — мыльщицы и гладильщицы. Мыльщицамъ гораздо труднѣе; но чтобы быть гладильщицей, требуется особенная ловкость и довольно продолжительное ученье, по крайней мѣрѣ два года. Мыльщицы за день, въ четырнадцать часовъ, получаютъ 2 фр. 50 сант. и рѣдко 2 фр. 75 сант. Отдыху дается имъ полтора часа. Каждое утро хозяйка должна дать каждой рюмку водки. Гладильщицы тонкаго бѣлья и трубочками заработываютъ въ день 2 фр. 75 сант., а за ровное глаженье — 2 фр. 50 сант. Рабочій день для прачекъ начинается въ восемь часовъ утра и продолжается до восьми вечера, съ получасовымъ отдыхомъ, — это зимой; а лѣтомъ съ половины восьмаго утра до восьми вечера, съ часовымъ отдыхомъ. Если приходится работать дольше, то за каждый лишній часъ платится 25 сантимовъ.

Особенность этой профессіи заключается въ томъ, что работницы не служатъ постоянно у одной хозяйки, по крайней мѣрѣ это исключеніе. Обыкновенно же хозяйки, вышедшія сами изъ работницъ, смачиваютъ и крахмалятъ бѣлье сами и каждый день отправляюся въ извѣстныя мѣста Парижа, куда гладильщицы собираются съ половины шестаго утра и вербуютъ себѣ поденщицъ на день, на два.

VII.

ШВЕИ.

По свѣдѣніямъ 1851 года, число всѣхъ рабочихъ Парижа составляло 204,925 мужчинъ и 112,891 женщинъ. Изъ этихъ 112 тысячъ по меньшей мѣрѣ 60,000 занимались шитьемъ разнаго рода. Но эта цифра ниже дѣйствительной, потому что коммиссія считала наемныхъ работницъ, т. е. получающихъ жалованье; но сколько еще есть швей, занимающихся работой, у себя на дому, одиночно. Напримѣръ работницъ, занимающихся починкой и поправкой, показано въ отчетѣ 98 мастерицъ и 16 ученицъ, всего 114, и не показано еще 217 мастерицъ, работающихъ безъ помощницъ.

Въ томъ же отчетѣ показанъ и размѣръ задѣльной платы швей, maximum, minimum и средній выводъ. Maximum для модистокъ и вышивальщицъ былъ 5 франк., для швей у портныхъ 4 фр. 50 с., для

обыкновенныхъ швей, корсетницъ и швей бѣлья 4 фр. Здѣсь кстати замѣтимъ, что корсеты составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ парижской промышленности: ихъ продаютъ каждый годъ не менѣе 1,200,000 штукъ. Для чинильщицъ, швей для башмашниковъ и сапожниковъ maximum составлялъ 3 фр. 50 с. Minimum падалъ до 75 сант. въ день—для перешивальщицъ и поправщицъ стараго платa и кожаныхъ перчатокъ; 50 сант. — для швей, жилетницъ, корсетницъ; 40 сант. — для башмашницъ и 15 сант. для швей бѣлья. Эти показанія однако не даютъ еще вѣрной идеи о дѣйствительномъ заработкѣ швей. Большая плата достается обыкновенно самому ограниченному числу работницъ; напримѣръ по отчету видно, что за живопись на фарфорѣ maximum составлялъ 20 фр. въ день. Но эти двадцать франковъ доставались только одной. Средняя плата для работницъ составляла отъ 2 фр. 5 сант. до 1 ф. 6 сант. Общая средняя плата для всѣхъ парижскихъ работницъ была 1 ф. 6 сант. 950 работницъ получили меньше 60 сант. въ день, 100,050 отъ 60 сант. до 3 фр. и только 626 добывали болѣе 3 фр. въ день. Для швей, работающихъ у себя, средній заработокъ составлялъ 1 фр. 42 сант., а для работающихъ въ магазинахъ—2 франка.

Отчетъ этотъ оспоривали много, и вообще слѣдуетъ думать, что показанныя въ немъ цифры задѣльной платы выше дѣйствительной, потому что свѣдѣнія забирались отъ хозяевъ, которые находили выгоднѣе показывать высоко. Несмотря однако на это, свѣдѣнія эти все-таки представляютъ интересъ, особенно при сравненіи ихъ съ цѣнами послѣдняго времени, въ которыхъ произошло большое измѣненіе двойнаго рода: талантъ сталъ платиться выше, работницы же не имѣющія особыхъ дарованій получаютъ все меньше и меньше. Это объясняется очень просто. Бо̀льшая часть швей, работающихъ на дому, шьютъ для магазиновъ готоваго платья; а большая часть работающихъ въ магазинахъ шьютъ по заказу. Первое дѣло легче и не требуетъ таланта, какъ второе. Талантливыхъ швей вообще немного, имъ нестрашна конкурренція швей остальныхъ, тогда какъ послѣднимъ всякій наплывъ швей обыкновенныхъ и всякое увеличеніе швейныхъ машинъ понижаетъ заработокъ. Вотъ подтвержденіе этого фактами. Женщины шьющія для портныхъ получаютъ плату поштучную. Онѣ шьютъ только жилеты и панталоны. За фасонъ жилета портной платитъ отъ 4 до 6 франковъ; расходы на шелкъ и на уголь составляютъ 50 сант., хорошая работница кончаетъ жилетъ въ день, слѣдовательно можетъ заработать отъ $3^1/_2$ до $5^1/_2$ франковъ. Магазины готоваго платья платятъ за фасонъ жилета отъ 1 фр. 50 сант. до 2 фр. 50 сант. Жилетъ шьется тоже въ одинъ день, расходы на нитки и уголь 25 сант., слѣдовательно за-

работокъ отъ 1 фр. 25 сант. до 2 фр. 25 сант. Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же ремеслѣ заработокъ отъ maximum'а въ 5 фр. 50 сантимовъ можетъ упасть до 1 франка 25 сантимовъ. За платья, изготовляемыя для вывоза, платится гораздо дешевле: за фасонъ жилета maximum 1 фр. 25 сант., miminum 75 сант., расходы на нитки и уголь 20 сантимовъ; одна работница шьетъ три прямыхъ жилета въ два дня, слѣдовательно заработокъ въ день отъ 1 фр. 57 сант. до 82 сантимовъ.

Въ 1849 году былъ напечатанъ тарифъ одного магазина готоваго платья. Вотъ цѣны, которыя онъ платилъ рабочимъ. За фракъ 14 фр., расходы рабочаго составляли 1 фр. 50 сант., чистыхъ оставалось ему двѣнадцать съ половиной франковъ. Костюмъ шился въ 60 часовъ, слѣдовательно заработокъ въ часъ составлялъ почти 21 сантимъ. И это были еще рабочіе, получавшіе высшую плату. Плата за панталоны составляла только $6^1/_2$ сантимовъ въ часъ. Женщинами шились только жилеты, потому что у нихъ нѣтъ достаточной силы для утюженья брюкъ. Цѣна за прямой жилетъ съ карманами была 60 сантимовъ, за такой же жилетъ безъ кармановъ 40 сантимовъ. Расходы швеи въ томъ и другомъ случаѣ 15 сантимовъ, такъ что приходилось за часъ $4^1/_2$ и 3 сантима. И такая плата вовсе не исключеніе. Даже въ провинціальныхъ городахъ плата не поднимается выше 5 сантимовъ въ часъ. Допуская, что работница, получающая 3 сантима, будетъ шить въ день 14 часовъ, ей придется 42 сантима — 12 к. сер. Но вѣдь нужны еще расходы на иголки, нитки, уголь, свѣчи; нужно считать праздники и воскресные дни, потерю времени на отдыхъ и пріисканіе работы, наконецъ болѣзнь. Какъ же великъ чистый барышъ, если вычесть все это? Копѣекъ восемь въ день, не больше. Развѣ на это можно жить? Что же остается бѣдной швеѣ! Просить милостыню не позволяютъ, воровать тоже, но за то не запрещаютъ торговать своимъ тѣломъ, и она торгуетъ, разумѣется, если красива; — а если нѣтъ?

Приготовленіе мантилій для дамъ отдается обыкновенно магазинами въ однѣ руки. Такая модистка беретъ на себя все, что касается покроя и отдѣлки, а для шитья нанимаетъ простыхъ работницъ. Работница за 12 часовъ труда получаетъ отъ 2 до $2^1/_2$ франковъ. Заготовленіе мантилій въ большомъ размѣрѣ дѣлается нѣсколько иначе. Напримѣръ, торговый домъ заказываетъ модисткѣ три дюжины пальто. За каждое пальто платится два франка; изъ нихъ 50 сантимовъ модистка беретъ себѣ, а остальные отдаетъ швеѣ. За вычетомъ 15 сантимовъ на шелкъ и нитки, ей остается чистыхъ только 1 фр. 35 сант. Работая самымъ прилежнымъ образомъ 13 часовъ въ день, проворная швея сошьетъ въ два дни три пальто, и добудетъ

въ день два франка. Чтобы понять, что значитъ эти два франка, нужно представить себѣ ясно, что значитъ шить въ теченіе тринадцати часовъ, не вставая со стула, не отнимая глазъ отъ работы и не переставая ни на минуту. Нужно прибавить къ этому холодъ зимой, и пять, по меньшей мѣрѣ, часовъ работы при огнѣ. Только при этихъ условіяхъ исключительно ловкая работница добудетъ 2 франка. Ужасно? А каково положеніе той, которая съ тѣми же усиліями и страданіями добываетъ только 3 сантима въ часъ, 42 сантима въ день?

Въ бѣльѣ, и слѣдовательно въ шитьѣ его, есть чрезвычайно много переходовъ, начиная съ передника лакея до изящнаго, моднаго чепца. Модистка шьющая чепцы можетъ добыть въ день 5, 6 франковъ; но это ужь не простыя работницы. Между же обыкновенными швеями, лучшія, разумѣется, въ самомъ ограниченномъ числѣ, заработываютъ въ день 3 франка; а почти всѣ остальныя — 2 и 2 франка 50 сант., за день въ 13 часовъ. Работа легкая даетъ далеко меньше; напримѣръ, за дюжину фишу платится 80 сантимовъ, и нужно быть очень быстрой швеей, чтобы сшить двѣ дюжины въ 13 часовъ. Шитье домашняго бѣлья — простынь, наволочекъ, утиральниковъ и проч. приноситъ съ трудомъ 1 франкъ въ день. Эта работа вообще служитъ для швей ресурсомъ, когда у нихъ нѣтъ другой работы.

Въ одномъ департаментѣ, Изерь, шитьемъ перчатокъ занято по меньшей мѣрѣ 12,000 работницъ. Гренобльская фабрика имѣетъ однихъ кройщиковъ до 1,200 человѣкъ, и приготовляетъ въ годъ до 540,000 дюжинъ перчатокъ. Считая дюжину въ 30 франковъ, вся фабрика производитъ ихъ на 16,200,000 фр. въ годъ. Вотъ примѣръ, изъ котораго можно судить о важности этого производства для Франціи. Одинъ торговый домъ въ Шомонѣ имѣетъ 2,050 перчаточныхъ швей.

Приготовленіе перчатокъ распадается на три производства: кройку, шитье и отдѣлку. Кроятъ мужчины, хотя въ послѣднее время начали заниматься этимъ и женщины. За дюжину платится 20 сантимовъ, и въ мѣсяцъ можно заработать отъ 45 до 70 франковъ.

Положеніе швей хуже. Подрядъ сдается обыкновенно одной, и за дюжину дамскихъ перчатокъ съ одной пуговкой платится ей 4 фр. 50 сант., съ двумя пуговками 4 фр. 75 сант. Подрядчица беретъ себѣ 50 сантимовъ, а остальное идетъ швеѣ. За вычетомъ расхода на шелкъ—40 сан., ей достается за дюжину 3 фр. 60 сант., или 30 сантимовъ за пару!

Но сколько же работница можетъ сшить паръ въ день? При усиленномъ трудѣ, и работая 12 часовъ въ день, можетъ сшить четыре

пары. Вообще же работницы дѣлаютъ не болѣе $2^1/_2$. Это зависитъ отъ бóльшихъ или меньшихъ занятій домашнимъ хозяйствомъ.

Особенность перчаточнаго производства заключается въ томъ, что оно требуетъ необыкновенной чистоты; не только грязныя перчатки не принимаются хозяиномъ, но съ работницы взыскиваютъ даже за кожу. Допуская, что швея сдѣлаетъ четыре пары, ей придется 1 фр. 20 сант. Изъ этого нужно вычесть что нибудь на освѣщеніе. При двухъ же съ половиной парахъ день дастъ только 75 сантимовъ. Но и такая плата дается не вездѣ. Въ Сенъ-Жюніенѣ, въ Авейронѣ, въ Верхней-Марнѣ и даже въ Изерѣ плата за дюжину падаетъ иногда до 3 и даже 2 фр. 75 сантимовъ, и въ такомъ случаѣ работницѣ остается въ день $37^1/_2$ сантимовъ, если не считать праздника и болѣзни.

Парижскія перчаточницы получаютъ плату гораздо большую; во-первыхъ, потому что получаютъ работу прямо отъ хозяевъ; а во-вторыхъ, и работа ихъ цѣнится выше. Обыкновенная парижская цѣна 6 и $6^1/_2$ франковъ за дюжину; но есть швеи, которымъ платятъ 14 и даже 15 франковъ за дюжину. Впрочемъ, если взять въ разсчетъ бѣготню за работой, то эта повидимому высокая плата уменьшится значительно.

Вообще во всѣхъ отрасляхъ промышленности работницы, которыя шьютъ прямо на постоянныхъ заказчиковъ магазиновъ, теряютъ много своего времени въ переднихъ своихъ кліентовъ, неумѣющихъ понять самой простой вещи, что время для бѣднаго рабочаго его насущный хлѣбъ.

Вотъ печальныя подробности о положеніи французской работницы. Шитье дѣйствительно можетъ доставлять удовольствіе; это фактъ, который мы видимъ ежедневно на женщинахъ вполнѣ обезпеченныхъ, занимающихся шитьемъ въ видѣ развлеченія. Но это удовольствіе понятно, когда оно тянется часъ, два, когда не голодъ вызываетъ его. Этой-то простой вещи обыкновенно и не понимаютъ. Совсѣмъ не то положеніе швеи по профессіи. Ея трудъ, трудъ лихорадочный; каждый стежокъ для нея часть сантима, крошка хлѣба; она вся поглощена своимъ шитьемъ, потому что только имъ и существуетъ. И трудъ этотъ, не трудъ развлеченія, какъ для знатныхъ барынь,—онъ тянется вѣчно, всю жизнь швеи. Она садится за работу съ разсвѣтомъ, и шьетъ до ночи. И это каждый день. А что же даетъ ей этотъ трудъ? Хлѣбъ? Нѣтъ. Онъ даетъ ей возможность самаго жалкаго существованія, потому что конкурренція все больше и больше портитъ ей ея заработокъ. Она должна понижать задѣльную плату еще и потому, что замужнія швеи, для которыхъ

заработокъ служитъ только дополненіемъ къ заработкамъ ихъ мужей понижаютъ все цѣну. Чтобы добывать два франка въ 12 часовъ работы, нужно быть работницей исключительной. А такихъ одна на сто. Но развѣ и два франка достаточны, чтобы одѣться и быть сытой? Къ этому еще тысячи несчастныхъ случаевъ, которые угрожаютъ работницѣ каждую минуту: промышленные кризисы, капризы моды, болѣзнь самой работницы, ея семьи, дѣтей, нерасположеніе духа ея хозяина, стоянки въ передникъ знатныхъ господъ. Еще замужнимъ лучше; но несчастныя одиночныя дѣвушки, не имѣющія семьи,—положеніе ихъ такъ худо, онѣ такъ безпомощны, такъ бѣдны, что едва ли можно придумать для человѣка большее страданіе. Объ этихъ-то несчастныхъ мы и будемъ говорить сейчасъ.

VIII.

УСЛОВІЯ ЖИЗНИ РАБОТНИЦЪ.

Работница, о которой мы говоримъ теперь, раба парижская; у нея нѣтъ ни мужа, ни брата, ни отца, у нея нѣтъ никакого покровителя, она одна среди Парижа. И не думайте, что такія работницы рѣдки; напротивъ. Допустимъ, что она принадлежитъ къ числу избранныхъ, и добываетъ два франка въ день.

Найдутся многіе, которымъ эти два франка покажутся несмѣтной суммой, потому что есть люди получающіе еще меньше. Правда, что имѣть постоянно круглый годъ по два франка въ день, дѣйствительно недурно. Но мы говоримъ здѣсь о двухъ франкахъ задѣльной, поденной платы. Чтобы понять, какую сумму составитъ это на цѣлый годъ, нужно исключить всѣ дни нерабочіе: четыре большихъ годовыхъ праздника, и пятьдесятъ два воскресенья; а отъ этого всѣхъ рабочихъ дней останется въ году только 310. Это еще не все. Нужно исключить время, когда у швеи не бываетъ работы, то, что французы называютъ morte saison. Число такихъ дней весьма различно, смотря по роду занятій. Вышивальщицы по шелку, бархату и сукну, получающія въ день отъ 3 до 4 франковъ, не имѣютъ работы шесть мѣсяцевъ въ году; позументщицы — четыре мѣсяца; швеи для дамъ, тоже около четырехъ мѣсяцевъ; швеи грубаго бѣлья — три мѣсяца; жилетницы, работающія по заказу — также столько же. Общее правило, что нерабочее время для всѣхъ работъ, по меньшей мѣрѣ, три мѣсяца. Исключеніе только для тѣхъ, кто работаетъ въ магазины гуртовой продажи. Но за то они никогда не добываютъ два франка въ день; даже 1 ф. 25 сант. для нихъ очень высокая плата. Вычитая

эти три мѣсяца, останется двѣсти тридцать четыре дня, представляющіе 468 франковъ.

Правда, что нерабочее время не пропадаетъ совершенно; нѣкоторыя работницы находятъ себѣ занятіе на день, на два въ недѣлю. Но не нужно забывать, что это съ большимъ трудомъ, потому что затишье настаетъ вдругъ, распространяется сразу на всѣ вѣтви промышленности; а къ тому въ нѣкоторыхъ производствахъ всегда больше рукъ, чѣмъ дѣла, напримѣръ въ шитьѣ для магазиновъ готоваго платья. Но кромѣ того, рабочіе вообще не слишкомъ любятъ измѣнять родъ занятій; у нихъ есть въ этомъ случаѣ самолюбіе особаго рода: швея, работающая по заказу, повѣрьте, неохотно пойдетъ за работой въ магазинъ готоваго платья. Вообще нужно принять, что время безъ работы приноситъ заработокъ самый жалкій, такъ-что, нисколько не уменьшая, можно принять годовой доходъ работницы, получающей два франка въ день, въ 500 франковъ. Эта цифра скорѣе выше, чѣмъ ниже дѣйствительной, потому что невозможно же, чтобы женщина работала все время непрерывно, ни разу не захворавъ, чтобы съ ней не случилось какихъ нибудь неудачъ въ самой работѣ, чтобы у нея не пропадало время на пріисканіе работы и т. п.

Итакъ, наша работница имѣетъ въ годъ 500 франковъ. Какъ же она разсчитаетъ свои расходы? Прежде всего нужно найти квартиру.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ пробиваются въ Парижѣ великолѣпные бульвары, и прежніе жалкіе дома смѣняются огромными отелями. Даже богатой буржуазіи едва подъ силу квартиры въ этихъ дворцахъ. А между тѣмъ, число помѣщеній для рабочихъ все уменьшается годъ-отъ-году, и годъ-отъ-году увеличиваются на нихъ цѣны. Чтобы имѣть рабочую мансарду въ пятомъ этажѣ, на правой сторонѣ улицы, нужно платить 150 фр., а комната стоитъ 20, 30, 40 фр. дороже. Въ прежней городской чертѣ, теперь уже значительно отодвинутой, можно еще найти квартиры менѣе дорогія, но удаляясь слишкомъ отъ мастерской, или отъ магазина, на который работаешь, приходится терять много времени, и увеличиваются расходы на обувь. Возьмемъ однако, что работница займетъ квартиру во сто франковъ. Такой расходъ не для всѣхъ возможенъ, и потому нерѣдко двѣ швеи или работницы занимаютъ комнату вдвоемъ.

Наша работница не будетъ ходить въ лохмотьяхъ, во-первыхъ, это нельзя по самому роду ея занятій, по сношеніямъ, которыя она имѣетъ съ магазинами; а во-вторыхъ, мы говоримъ не о нищей. Вотъ что нужно работницѣ, ограничивая ее самымъ необходимымъ. Она будетъ шить себѣ платья изъ матерій, разумѣется, деше-

выхъ, положимъ по 75 сантимовъ за метръ. Ей нужно три платья въ годъ, считая работу и прикладъ въ 4 фр. за платье—всего 30 фр. И это будутъ очень жалкія платья. Два передника — 4 франка; корсетъ — 5 фр.; четыре чепчика — 8 фр.; воротнички и рукавчики — 5 фр. 50 сант. У нея будетъ маленькая шаль или платокъ, положимъ въ 20 франковъ, которая прослужитъ ей четыре года, значитъ, въ годъ 5 фр.; четыре пары чулковъ бумажныхъ и двѣ шерстяныхъ — 9 фр.; три пары башмаковъ — 21 фр. Теперь бѣлье. У нея будетъ, но, разумѣется, мало, и низкаго сорта: 3 рубашки — 9 фр.; четыре юбки — 8 фр.; шесть носовыхъ платковъ по 60 сант. — 3 фр. 60 сант.; четыре утиральника — 2 фр. 40 сант.; пара простынь — 5 фр. Весь этотъ гардеробъ скромный, до послѣдней степени, обойдется въ 115 фр. 50 сант.

Но вотъ другіе расходы. Стирка бѣлья нужна; но кромѣ того, манишки, чепчики, безъ которыхъ нельзя никуда показаться. Положимъ, что стирать она будетъ сама; значитъ, накрахмаленіе и глаженіе, по меньшей мѣрѣ, 3 фр. въ мѣсяцъ. Освѣщеніе и отопленіе тоже неизбѣжно. Продавецъ угля будетъ отпускать ей грѣлку съ углями и золой за 5 сант. Освѣщать она будетъ свою комнату ночникомъ, т. е. свѣтильней въ маслѣ. Для швеи это освѣщеніе черезъчуръ варварское; но что же дѣлать,—и оно дорого: масло на три часа будетъ стоить 10 сант. Вотъ общій расходъ: квартира 100 фр.; одежда 115 фр. 60 сант.; стирка 36 фр.; освѣщеніе и отопленіе 36 фр.; всего 287 фр. 50 сант. На ѣду остается 215 фр. 50 сант., или 59 сантимовъ въ день. Это ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду. Но вѣдь можетъ случится болѣзнь, — нужно купить лѣкарство; можетъ случится недѣля безъ работы. На чемъ сдѣлать экономію? Или войти въ долгъ? Но чѣмъ заплатить его?

Мы взяли два франка въ день. Но какія работницы могутъ имѣть такой доходъ? Ужь, разумѣется, не швеи рубашекъ, потому что для двухъ франковъ ей нужно сшить въ день восемь рубашекъ; и не перчаточницы, имъ пришлось бы шить $6^1/_2$ паръ въ день; и не жилетницы магазиновъ готоваго платья, потому что для этого нужно сработать въ день шесть жилетовъ, или шесть паръ брюкъ. Также и не вышивальщицы, ни башмачницы, ни бахромщицы; всѣ онѣ заработываютъ много менѣе. Какимъ же образомъ жить тѣмъ работницамъ, которыя добываютъ въ день 50, 70 сантимовъ, когда получающія два франка имѣютъ едва возможность существовать?

Трудно представить себѣ, какъ изворачиваются эти люди, если не видѣть того своими собственными глазами. Мансарды, которыя онѣ занимаютъ, едва возможны для житья. Поправокъ въ нихъ, разумѣется, никакихъ не дѣлается, потому что низкая плата за квартиру

не позволяетъ хозяину этого. Мебели у нихъ никакой нѣтъ; какая нибудь жалкая кровать, да соломенный табуретъ. Окно въ крышѣ такъ мало и такъ дурно пригнано, что не защищаетъ жилицу отъ дождя. Коммиссія, наряженная въ 1851 году для изслѣдованія, доносила между прочимъ, что одна работница принуждена была разбить стекло въ своемъ микроскопическомъ окнѣ, чтобы имѣть возможность дышать. Многіе чердаки, служившіе квартирами, были совершенно пусты; ни стула, ни кровати, ни даже пучка соломы, которая дается даже преступнику въ тюрьмѣ. Многіе изъ этихъ ужасовъ уже исчезли, цѣлыя улицы проломаны вновь, и новые дома смѣнили прежнія ужасныя помѣщенія и грязные закоулки. Но развѣ это убавило бѣдность рабочихъ, развѣ это имъ прибавило хоть лишній франкъ въ день? Жильцы покинули эти старыя помѣщенія; ихъ ужь нѣтъ въ этихъ палаццахъ новыхъ роскошныхъ улицъ и бульваровъ. Но куда они скрылись, гдѣ нашли себѣ пріютъ? Или для нихъ выстроили новые дома, болѣе здоровые и заманчивые? Нѣтъ. Собравъ свои жалкіе пожитки, они почти всѣ переселились въ самые отдаленные концы Парижа, рискуя дѣлать лишнихъ четыре, пять верстъ, отправляясь за работой, и относя ее. Ужасное пожертвованіе для женщины, добывающей въ часъ какіе нибудь 10 сантимовъ, и питающейся исключительно хлѣбомъ и молокомъ.

Да, хлѣбомъ и молокомъ! Работница, получающая менѣе двухъ франковъ, должна дѣлать экономію на ѣдѣ. Она довольствуется хлѣбомъ на три су, и молокомъ на два су, и въ Парижѣ множество женщинъ, незнакомыхъ съ другой пищей. Постепенно меньшій заработокъ, сводя женщину и вообще рабочаго все ниже и ниже въ удобствахъ жизни, заставляя его дѣлать экономію на всемъ противъ приведеннаго нами выше разсчета, сводилъ нѣкоторыхъ на такую нищету, что они не носятъ бѣлья и одѣваются въ лохмотья. Есть примѣры такой бѣдности, что по недостатку платья работницы не могутъ выдти изъ дому для прiисканія себѣ работы.

Хорошо быть добродѣтельной, когда это не стоитъ ничего, или мужественно переносить свои несчастія, когда невозможно измѣнить своей судьбы. Но не въ такомъ положеніи находятся работницы, а особенно парижскія. Всѣ другія женщины вокругъ ея имѣютъ любовниковъ, и никто не стыдится этого; а она молода, парижанка, и на каждомъ шагу такъ много соблазновъ. Когда она вечеромъ отправляется въ магазинъ, чтобы отнести свою работу, не увѣренная вполнѣ—возьмутъ ли ее, заплатятъ ли ей тотчасъ, видитъ весь блескъ и роскошь, ея окружающую, слышитъ о театрахъ и балахъ, встрѣчаетъ женщинъ такихъ же бѣдныхъ, какъ она нѣкогда, а теперь роскошно одѣтыхъ, и утопающихъ во всѣхъ удовольствіяхъ Пари-

жа; когда на каждомъ шагу встрѣчаются ей мужчины, готовые окружить ее тѣми же наслажденіями жизни,—что можетъ мѣшать ей отказаться отъ этихъ предложеній? Чувство нравственности? Да что такое для нея нравственность? Кто говорилъ ей о нравственности хоть одно слово! Напротивъ, и литература, и нравы всего ея окружающаго говорятъ ей противное. Видя все, ей трудно удержаться отъ сравненія, трудно не желать выдти изъ своего положенія, какой бы то ни было цѣной. Можно даже съ одного ожесточенія кинуться въ крайній развратъ.

Болѣе счастливыя спасаются отъ него. Онѣ рѣдко находятъ мужей, потому что порядочные рабочіе берутъ себѣ женъ изъ семействъ. Но по крайней мѣрѣ она находитъ себѣ любовника. И тутъ не всѣмъ выпадаетъ одинаковый жребій. Иногда связь тянется хоть и долго, но общественное положеніе женщины отъ этого не лучше; она не пользуется никакими признанными правами, и зависитъ исключительно отъ доброй воли своего любовника. Если же дѣвушка, которую обольстить вообще не трудно, отдается какому нибудь негодяю, онъ бросаетъ ее скоро. Случается, что какъ только она сдѣлается больной, или приближается время родовъ, любовникъ, изъ страха кормить ее и ребенка, бросаетъ ее подло, и ищетъ новой связи. Что же ей дѣлать? Чѣмъ существовать съ ребенкомъ, когда и для нея одной едва доставало ея заработка? И вотъ новая связь, или же женщина падаетъ еще ниже. Между дѣвушками, кинувшимися въ открытый развратъ, указываютъ много примѣровъ, когда онѣ рѣшались на это, чтобы воспитывать своихъ дѣтей. Паракъ-Дюшателе видѣлъ одну, которая боролась долго, долго, и когда она явилась записаться, — три дня передъ тѣмъ ей уже нечего было ѣсть.

Есть и счастливыя исключенія, но они рѣдки, какъ и вообще сильные характеры, и можно пожалѣть, что героизмъ этотъ долженъ тратиться на мелочную, безвѣстную борьбу въ четырехъ стѣнахъ противъ голодной смерти. Такіе характеры заслуживали бы чего нибудь лучшаго.

IX.

СОПЕРНИЧЕСТВО ТЮРЬМЪ, МОНАСТЫРЕЙ И ШВЕЙНОЙ МАШИНЫ.

Какъ экономическое положеніе работницъ, и особенно швей, ни дурно, но конкурренція успѣла явиться и тутъ, чтобы дурное сдѣлалось еще болѣе дурнымъ. Конкурренція швейной машины и магазиновъ, заготовляющихъ въ огромныхъ размѣрахъ, по крайней мѣ-

рѣ, не противорѣчитъ существующему общему экономическому порядку. Но чѣмъ оправдать благотворительныя заведенія, монастыри и тюрьмы, которыя портятъ совершенно практику бѣдныхъ швей?

Относительно тюрьмъ во Франціи существуетъ такой порядокъ. Содержаніе тюрьмы и всѣхъ арестантовъ, въ ней находящихся, сдается съ торговъ одному лицу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣтаетъ право пользоваться ихъ трудами. Съемщикъ располагаетъ арестантами вполнѣ, какъ крѣпостными людьми. Онъ можетъ заставить ихъ работать на себя лично, если онъ самъ фабрикантъ; или же продаетъ ихъ трудъ другимъ, одному или многимъ фабрикантамъ, безъ всякаго посредства и вмѣшательства правительства. Поденная плата опредѣляется особой таксой, утвержденной правительствомъ, и весь заработокъ дѣлится на три части: одна арестанту, другая въ казну, третья съемщику. Вотъ первая причина, почему тюремная работа выгоднѣе для хозяина работы вольнымъ трудомъ; часть поденной платы, которую онъ обязался платить, онъ удерживаетъ у себя. Далѣе, арестантъ имѣетъ даровое помѣщеніе, одежду, ѣду, освѣщеніе, отопленіе; у него нѣтъ прогуловъ, потому что для него работа всегда готова; во время болѣзни онъ имѣетъ готовое даровое лѣченье. Ничѣмъ этимъ не пользуется свободный рабочій; слѣдовательно арестантъ работаетъ выгоднѣе, и производитъ дешевле. Опасность такой конкурренціи для вольнаго рабочаго очевидна.

Но кромѣ подрыва въ цѣнѣ, тюрьмы, вслѣдствіе этого самаго, конкуррируютъ и въ количествѣ работы. Вотъ одинъ примѣръ. Центральныя тюрьмы въ 1858 году дѣлали конкурренцію работѣ вольныхъ швей 3,606 работницами, производившими по пониженной цѣнѣ въ теченіе 1,122,544 дней. Въ Бельгіи понимаютъ лучше опасность тюремъ для вольнаго труда. Тамъ работа арестантовъ идетъ или для ихъ собственныхъ потребностей, или назначается для войска.

Монастыри, учрежденныя ими благотворительныя заведенія, извѣстныя подъ названіемъ мастерскихъ (ouvroirs), и разныя благородныя дамы, занимающіяся шитьемъ для продажи, вредятъ еще больше бѣднымъ швеямъ по професеіи.

Разумѣется, и монахини, и благородныя дамы имѣютъ полное право заниматься работой на продажу; благотворительныя заведенія оказываютъ тоже большую услугу обществу, давая занятіе и воспитаніе множеству бездомныхъ, или покинутыхъ дѣвушекъ; тѣмъ не менѣе они дѣйствуютъ въ подрывъ бѣднымъ работницамъ, у которыхъ для существованія нѣтъ другихъ источниковъ, кромѣ ихъ труда.

Въ Парижѣ на сто дюжинъ рубашекъ, поступающихъ въ прода-

жу, восемьдесятъ пять дюжинъ шьются въ монастыряхъ. Не однѣ дѣвушки и женщины монастырскихъ мастерскихъ занимаются ихъ шитьемъ,—монахини тоже. Но если бы эти самыя монахини жили въ свѣтѣ, то ужь, разумѣется, бо́льшая часть изъ нихъ не занимались бы шитьемъ. Живя въ монастыряхъ на счетъ монастырскихъ доходовъ, для нихъ нѣтъ необходимости добывать еще деньги; къ тому же монастырскія постановленія налагаютъ на нихъ правила строгой жизни, и слѣдовательно, увеличеніе дохода не можетъ и не должно измѣнить этой жизни. Работая такимъ образомъ безъ нужды и больше по обряду, или для того, чтобы избѣгнуть праздности, онѣ могутъ понижать свой заработокъ, рѣшительно какъ имъ вздумается. Но положеніе вольной швеи не то; она живетъ своей задѣльной платой; торговаться съ ней, чтобы понизить эту плату, значитъ торговаться на ея жизнь; всякій сантимъ, который она уступитъ, есть для нея новое какое нибудь лишеніе; а лишеніямъ этимъ есть наконецъ и предѣлъ.

Обыкновенно монастырское вышиванье и шитье считаютъ лучшимъ, чѣмъ работу вольныхъ швей. Это справедливо. Монахини, которыхъ ничто не торопитъ, могутъ работать медленно, и слѣдовательно хорошо; для бѣдной швеи это менѣе возможно; количество ея труда есть для нея мѣра средствъ ея существованія. Такимъ образомъ, монастырская работа можетъ быть и лучше по качеству, и дешевле въ цѣнѣ. Обыкновенное пониженіе на монастырскую работу составляетъ 25%. Въ настоящее время за грубыя рубашки монастыри берутъ отъ 25 до 60 сантимовъ. Обыкновенно хорошая вольная швея не можетъ сдѣлать въ день болѣе двухъ рубашекъ въ 60 сантимовъ и трехъ въ 25 сантимовъ. А расходы на иголки, нитки, а зимой на освѣщеніе?

Тоже самое можно сказать о конкурренціи дамъ, которыя пользуются своимъ временемъ, чтобъ увеличить нѣсколько свои средства. Женщина, сидящая за конторкой магазина, мать, идущая съ дѣтьми гулять, очень часто заняты какимъ нибудь рукодѣльемъ. Еще хорошо, если это дѣлается потому, что трудъ мужа недостаточенъ для содержанія семейства; но чаще всего вышивка идетъ на суетное удовольствіе, на покупку одного лишняго наряда. Тутъ время ужь не цѣнится, работа продается за безцѣнокъ. Не цѣня такимъ образомъ время, барыни вовсе не думаютъ, что они торгуютъ не своимъ, а чужимъ временемъ.

Довольно трудно сказать, до какого размѣра доходитъ эта торговля обезпеченныхъ женщинъ, добывающихъ себѣ деньги единственно на прихоти, на удовлетвореніе своей суетности. Многіе изъ отцовъ семействъ вовсе не подозрѣваютъ, что блестящія бездѣлушки,

вышиваемыя домашними средъ ихъ глазами, запроданы или даже заказаны какимъ нибудь магазиномъ изъ улицы Saint-Denis. Почти всѣ вышивки, дѣлающіяся въ Парижѣ на виссѣ, или на матеріяхъ, идутъ изъ этого источника. Также и комиельки, фете, сѣтки, вышивки для мебели, туфли, подушки и т. д.,—однимъ словомъ то, что называется у насъ рукодѣльемъ.

Единственнымъ спасеніемъ швей противъ монастырей и ихъ благотворительныхъ заведеній, служатъ спѣшные заказы магазиновъ. Въ году всегда есть время, когда наплывъ требованій заставляетъ производить вдругъ и очень много. Напримѣръ, измѣненіе моды, внезапная перемѣна въ воздухѣ, наступленіе новаго сезона, праздника. Въ этихъ случаяхъ на монастыри, работающіе хоть и хорошо, но медленно, расчитывать нельзя — они работаютъ регулярно, въ опредѣленные часы, и не станутъ просиживать ночей. Наконецъ, и работницы для этого должны быть подъ руками, и вотъ пора парижскихъ швей. Но и тутъ имъ грозитъ опасность со стороны магазиновъ готовыхъ вещей, заготовляющихъ все въ огромныхъ размѣрахъ. Капризы, самые требовательные, могутъ быть удовлетворены богатствомъ выбора. Купецъ, спекулирующій въ огромномъ размѣрѣ, рискуетъ менѣе; онъ пошлетъ въ провинцію, что не нашло себѣ сбыта въ Парижѣ, и отправитъ за границу, что не нашло сбыта въ провинціи. Несвязанный, такимъ образомъ, своими кліентами, онъ болѣе независимъ и отъ мѣстныхъ работницъ. Онъ можетъ дѣлать заказы далеко, во многихъ мѣстахъ, и этимъ беретъ совершенный перевѣсъ надъ рабочими.

Но послѣднее и самое ужасное, что начинаетъ угрожать швеямъ —это швейная машина. Если она начнетъ одолѣвать ручную работу, то съ швеями сдѣлается тоже, что уже случилось съ ручными ткачами и прядильщиками, когда машины оставили массы рабочихъ населеній совершенно безъ работы. А что это время близко, сомнѣваться невозможно; въ Парижѣ уже объявляютъ о «мануфактурахъ платья», и вѣроятно скоро начнутъ шить паровыми машинами.

Швейная машина обратила на себя во Франціи особенное вниманіе на выставкѣ 1855 года. Съ тѣхъ поръ сдѣлано было въ ней много улучшеній, взято много привилегій, и въ настоящее время пять или шесть болѣе главныхъ изобрѣтателей стараются, одинъ передъ другимъ, обратить на свое изобрѣтеніе вниманіе публики. Швейная машина занимаетъ вообще мало мѣста, ее можно даже поставить передъ собой на столъ. Машина Кальбо дѣлаетъ сто стежковъ въ минуту, и слѣдовательно въ десять часовъ работы ею можно сшить дюжину перчатокъ; въ парѣ перчатокъ среднимъ числомъ 3150 стежковъ. Швейными машинами шьютъ уже во Франціи кожу, разныя

матерій, обшиваютъ шляпы, и даже употребляютъ ихъ для разныхъ вышивокъ. Шовъ выходитъ прочный, правильный, и можетъ быть такъ тонокъ, какъ нужно.

Насколько машинная работа будетъ выгоднѣе ручнаго шитья, сказать еще нельзя точно. Изобрѣтатели, преувеличивая достоинство своихъ машинъ, увѣряютъ, что онѣ шьютъ въ десять разъ скорѣе, чѣмъ швеи. Но это едва ли такъ. Вообще принимаютъ, что машина можетъ сшить въ день 18 рубашекъ, такихъ, какую обыкновенная швея шьетъ четыре часа. Слѣдовательно, заработная плата за рубашку можетъ упасть до 20 сантимовъ.

Теперь еще швейныя машины въ небольшомъ ходу; этому мѣшаетъ частью не совершенное знакомство съ выгодами машиннаго шитья, а частью и дороговизна машинъ; самая дешевая машина стоитъ 200 франковъ, есть въ 500, а машина для шитья кожи стоитъ 900 франковъ. И пока машины будутъ дороги, а это будетъ тянуться до конца привилегій, взятыхъ на нихъ, не возможно ожидать, чтобы отдѣльные рабочіе стали бы ими обзаводиться. Ихъ начнутъ покупать тюрьмы, монастыри, благотворительныя заведенія, большіе торговые дома и полки, т. е. какъ разъ тѣ, кто скорѣе всего можетъ обойтись безъ машинъ. Въ тюрьмѣ св. Лазаря въ Парижѣ уже есть 36 машинъ, и почти всѣ главныя тюрьмы Франціи и полки обзавелись ими. Въ сентябрѣ 1859 года считалось въ полкахъ 481 машина. Полки, въ этомъ случаѣ, менѣе всего опасны. Они всегда работали для себя. Но тюрьмы и монастыри, эти заведенія нравственности и порядка, существующія для подкрѣпленія нравственныхъ, и для поддержанія павшихъ, выступивъ на экономическій путь, и плѣнившись выгодами промышленныхъ предпріятій, сдѣлаютъ въ жизни швей самый ужасный переломъ. Если они поглотятъ только двѣ трети ручной работы,—въ дѣйствительности же будетъ болѣе, потому-что теперь изъ 100 дюжинъ 85 шьютъ монастыри, а усовершенствованная швейная машина будетъ замѣнять десять работницъ,—то изъ 60,000 парижскихъ швей пятьдесятъ восемь тысячъ очутятся безъ хлѣба, и имъ останется только выбрать одно изъ четырхъ положеній — или умереть съ голоду, или кинуться въ развратъ, или отправиться въ монастырь, или же наконецъ сдѣлать преступленіе, чтобы найти въ тюрьмѣ готовое помѣщеніе, со столомъ, и даже работой.

X.

ПОМОЩЬ БУРЖУАЗІИ И ПОПЫТКИ ПРОЛЕТАРІЯ.

Чтобы объяснить себѣ причины бѣдности рабочихъ классовъ, защитники отживающаго экономическаго порядка не затруднились

обвинить самого рабочаго. Въ чемъ же вина его? Вина его въ томъ, что онъ бѣденъ, что у него нѣтъ любви къ труду, что онъ невѣжественъ, беззаботенъ, развратенъ, или формулируя все это однимъ словомъ,—въ немъ не находятъ «предусмотрительности». Непредусмотрительность вотъ первая причина бѣдности, нищеты, пауперизма. Уничтожьте рядъ гнусныхъ пороковъ, которые опредѣляются однимъ словомъ «непредусмотрительность», и съ ней исчезнетъ бѣдность. Такъ разсуждаютъ моралисты, экономисты и филантропы. Съ своей точки зрѣнія они, разумѣется, правы; но если невѣжество и непредусмотрительность точно главная причина бѣдности, то откуда же взялись они? Моралистамъ нужна образованность. Что же? создайте довольство, съ нимъ явится возможность устраненія невѣжества. Съ устраненіемъ невѣжества поднимется уровень цивилизаціи; съ большимъ умственнымъ развитіемъ придетъ и способность смотрѣть нѣсколько дальше завтрашняго дня. Предусмотрительность есть непремѣнное качество людей, стоящихъ уже на извѣстной степени образованія; дикарь не владѣетъ этой способностью. Значитъ, поставьте человѣка выше того предѣла понятій, при которомъ предусмотрительность невозможна, и она явится. А чтобы поставить человѣка выше этого предѣла, ему нужно дать средства для образованія, дать ему возможность не только желать учиться, но и имѣть возможность учиться, т. е. избавить его отъ нищеты. Такимъ образомъ приходимъ къ обратному выводу: вмѣсто того, чтобы для избавленія человѣка отъ нищеты вселять въ него предусмотрительность, придется, для развитія въ немъ предусмотрительности, избавить его отъ нищеты. Полагая, что невѣжество и непредусмотрительность создала бѣдность, моралисты, частью изъ трусости, частью по невѣдѣнію, частью изъ своекорыстія, стали проповѣдывать пользу бережливости. Нѣкоторые, напримѣръ Эмиль Лоранъ (Le Paupérisme et les associations de Prévoyance), дошли до того, что въ бережливости видѣли вполнѣ спасеніе бѣдняка, источникъ его благосостоянія и начало нравственности. По ихъ мнѣнію, она всегда дѣлала и будетъ производить чудеса. Въ ней нѣтъ ничего безнравственнаго, ничего очерствляющаго, не пораждающаго никакихъ дурныхъ наклонностей, не развивающаго дурныхъ инстинктовъ и эгоизма; напротивъ, въ ней источникъ самыхъ возвышенныхъ и прекрасныхъ чувствъ, справедливости, правды и тому подобнаго. Послѣдователи этого мнѣнія, если они разсуждаютъ на основаніи теоретическихъ положеній, вполнѣ правы, потому-что всякій капиталъ есть сбереженіе; но переходя на практическую почву, вникая въ положеніе современнаго рабочаго пролетарія, всѣ эти громкія фразы теряютъ всякій смыслъ, по той простой причинѣ, что рабоче-

му не изъ чего экономничать. Трудами его пользуется другой, и оставляетъ рабочему изъ созданныхъ имъ цѣнностей или продуктовъ ровно такую долю, какая позволяетъ рабочему не умереть съ голоду и не лишаетъ его способности быть рабочей силой. Изъ чего же тутъ экономничать? Откуда и для чего взяться предусмотрительности, когда нечего предусматривать? Но благотворители мало обращаютъ вниманія на дѣйствительные признаки бѣдности, на дѣйствительную невозможность рабочаго бороться съ обстоятельствами, которыя дѣлаютъ его пролетаріемъ. Вотъ почему они предлагали до сихъ поръ только палліативы, и вотъ почему всѣ ихъ попытки и стремленія не привели ни къ чему дѣйствительно полезному. Главная причина въ томъ, что за дѣло брались люди, не умѣвшіе стать въ положеніе пролетарія, и вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда на помощь рабочему шла буржуазія, она показывала полнѣйшее незнаніе того, за что она бралась. Оставаясь вѣрной своимъ принципамъ, она хотѣла лѣчить болѣзнь всего организма частными средствами, подводя всѣ ихъ къ благотворительности. Понятно, что изъ этого не только не выходило ничего,—напротивъ, еще зло увеличивалось, и рабочій падалъ еще ниже въ нравственномъ отношеніи.

При всѣхъ кажущихся прекрасныхъ сторонахъ благотворительности, не нужно забывать, что вмѣстѣ съ вопросомъ вспомоществованія рабочему, въ ней заключается и другой вопросъ, вопросъ о безопасности буржуазіи. Вотъ въ чемъ главнѣйше и слѣдуетъ искать причину щедрости буржуазіи и заботливости ея о положеніи рабочаго. Ему готовы всегда помочь, если онъ, какъ послушное дитя, выполняетъ все, что ему велятъ, ведетъ себя смирно и не забывается, что его хозяева—буржуа, его кормильцы и благотворители. Только о такихъ послушныхъ дѣтяхъ и заботятся, имъ только и помогаютъ. Если же рабочій вздумалъ бы приняться самъ за разрѣшеніе своего вопроса, то это ему не всегда позволятъ, и смотря потому, какимъ путемъ вздумаетъ онъ идти къ разрѣшенію своей задачи; есть и разныя средства положить конецъ этому. Еще въ нынѣшнемъ году, въ отвѣтъ на экономическій вопросъ, возбужденный рабочими въ Бельгіи, правительство послало нѣсколько батальоновъ солдатъ.

Во многихъ частныхъ случаяхъ прямая помощь есть единственственное средство спасти отъ нищеты и голодной смерти; но этотъ способъ помощи, взятый вообще какъ система, покуда негодится. Она не только не уменьшаетъ бѣдности, напротивъ, дѣлаетъ ее наслѣдственной и создаетъ нищенство. Вездѣ, гдѣ общественная благотворительность выражается исключительно въ раздачѣ милостыни, народонаселеніе становится нормальное, развивается лѣность,

является ханжество, лицемѣріе; но гдѣ взамѣнъ милостыни предлагаютъ работу, нищій смѣняется рабочимъ. Даже во Франціи было сдѣлано замѣчаніе, что какъ только городъ начинаетъ раздавать милостыню, со всѣхъ сторонъ стекаются нищіе; если же онъ открываетъ мастерскія, тѣ же нищіе являются рабочими. И въ этомъ заключается вся сущность вопроса: рабочему нужна работа, средства и орудія работы, а не милостыня.

Такимъ образомъ, милостыня портитъ рабочаго въ нравственномъ отношеніи, и въ тоже время она совершенно безсильна спасти его отъ нищеты. Причину безсилія понять легко. При существующей системѣ распредѣленія результатовъ труда, рабочій получаетъ наименьшую долю продукта; большая идетъ капиталисту. Капиталистъ, побуждаемый помогать бѣдному, и можетъ быть тому же самому рабочему, на счетъ котораго онъ богатѣетъ, отдаетъ самую ничтожную часть изъ своей большой доли, а остальнаго не дастъ. Слѣдовательно рабочему, да и то не всякому, достанется меньшая часть изъ того, что онъ дѣйствительно выработалъ. Все остальное пристаетъ къ капиталамъ, и увеличивая ихъ силу, въ тоже время создаетъ новыхъ бѣдняковъ, на счетъ которыхъ ростутъ новые капиталы. Въ этихъ капиталахъ рабочій опять получаетъ свою долю въ видѣ милостыни, которая далеко ниже той части продукта, созданнаго его трудомъ, которая ушла въ руки капиталиста. И такъ все идетъ дальше и дальше: съ одной стороны увеличиваются постоянно капиталы, скопляющіеся въ рукахъ немногихъ, съ другой—увеличивается число бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи.

Безсиліе благотворительности, вполнѣ очевидное даже изъ этого краткаго соображенія, подтверждается, разумѣется, и практикой благотворительности. Оно и неможетъ быть иначе, и при всей изобрѣтательности филантроповъ, и при разнообразіи способовъ, придуманныхъ ими, результаты, къ которымъ они пришли, показываютъ вполнѣ ихъ безсиліе и несостоятельность системы. Люди или трусятъ, или не хотятъ, или не умѣютъ взглянуть на дѣло прямо, поставить вопросъ, какъ слѣдуетъ. Тамъ, гдѣ слѣдуетъ лѣчить коренными средствами, они только подмазываютъ, и потомъ сами же удивляются, что изъ этого нѣтъ никакого толку.

Существующая система вспомоществованія бѣднымъ заключается или въ непосредственной раздачѣ средствъ существованія, или въ учрежденіи благотворительныхъ заведеній.

Прямая помощь, преимущественно раздача денегъ, хоть и велика, но бѣдность гораздо сильнѣе ея , и число нуждающихся увеличивается годъ отъ году больше. Во Франціи на 12 жителей считается одинъ нуждающійся, т. е. 8% всего населенія. Что же сдѣлала для

нихъ филантропія? Изъ 36,820 комунъ, при населеніи 35,400,486 душъ (1847), 9,336 комунъ, съ населеніемъ въ 16,521,883 человѣкъ, имѣли конторы благотворительности. Число бѣдныхъ, внесенныхъ въ списки, составляло 1,329,659. Изъ числа конторъ, существующихъ теперь, 1,062 не имѣютъ никакого капитала, 7,000 получаютъ доходу менѣе 1,000 франковъ, 5,400 менѣе 500 фр., 2,000 менѣе 100 франковъ, а 145 не получаютъ и 10 франковъ въ годъ. Общіе расходы поглощаютъ отъ $^1/_6$ до $^1/_3$ дохода. Сколько же остается для бѣдныхъ? Среднимъ числомъ приходилось на бѣднаго 12 фр. 70 с.; но это средняя цифра, въ дѣйствительности же нѣсколько иначе, а именно 77 конторъ давали въ годъ каждому бѣдному менѣе франка, а другія 77 конторъ не дали ровно ничего, и вообще годичная помощь, начиная съ одного сантима въ годъ на бѣднаго, доходила до 899 фр. 51 сант., т. е. однимъ не доставалось ровно ничего, другимъ слишкомъ много, и вообще для наибольшаго числа бѣдныхъ рѣшительно все равно, существуетъ ли благотворительность, или нѣтъ. Если бы имъ не давали ровно ничего, положеніе ихъ не было бы хуже. Въ Парижѣ тотъ же порядокъ. Тамошнее благотворительное общество имѣетъ на своемъ попеченіи 20,912 ребенковъ; въ его больницахъ 7,172 кровати. Бюджетъ общества болѣе 24 милл. франковъ. Налогъ на спектакли даетъ ему болѣе 14 милліоновъ, и наконецъ оно получаетъ отъ города болѣе 8 милліоновъ на текущіе, обыкновенные расходы, не считая помощи чрезвычайной, бѣлья, платья, мебели. Каждый годъ общество получаетъ еще суммы отъ частныхъ благотворителей; оно устраиваетъ балы, лотереи — и все-таки парижская бѣдность сильнѣе его двадцати-четырехмилліоннаго бюджета. Если посмотрѣть на все, что̀ дѣлается во Франціи для бѣдныхъ, то поражаешься громадностью усилій и ничтожностью результатовъ. По изслѣдованію Легуа (Legoyt), оказывается, что въ 1853 г. расходы благотворительныхъ обществъ составляли 17,349,927 франковъ; изъ нихъ 12,328,467 фр. или 71,05% были употреблены на вспомоществованіе, и 2,238,148 на содержаніе конторъ. При всѣхъ усиліяхъ обществъ, число бѣдныхъ все растетъ. Въ 1833—1847 годахъ ихъ было 731,311, а къ 1853 году число ихъ возрасло до 1,022,996, т. е. увеличилось на 40%, тогда какъ народонаселеніе только 8,05%. Съ 1833 по 1837 годъ на 100 жителей число нуждавшихся составляло 2,25, и среднимъ числомъ помощь составляла 9 фр. 44 сант. на человѣка; а въ 1853 г. бѣдныхъ было 2,86 на сто и помощь возрасла до 12 фр. Въ теченіе 60 лѣтъ, что существуютъ во Франціи благотворительныя общества, имъ удалось спасти отъ нищеты всего только одно семейство. А въ спискахъ настоящаго времени стоятъ бѣдные, дѣды и отцы которыхъ значились въ спи-

скахъ 1802 и 1830 годовъ. Въ Англіи совершенно то же: тѣ же громадныя усилія и та же безплодность результатовъ. Тамъ на 19 милл. населенія считается 1,876,000 нуждающихся, занесенныхъ въ списки бѣдныхъ, т. е. почти 10%. Налогъ на бѣдныхъ составлялъ болѣе 6 милл. стерлинговъ, — и число бѣдныхъ не уменьшается, напротивъ, увеличивается. Въ чемъ же польза такой благотворительности? И какъ опытъ не убѣдилъ до сихъ поръ филантроповъ, что этимъ путемъ имъ не разрѣшить вопроса; что отвѣтъ на него лежитъ глубже, чѣмъ они ищутъ; что давая бѣдному только часть того, что онъ добылъ своимъ трудомъ, вовсе еще не значитъ дѣлать для него благодѣяніе. И отчего филантропы, возвращающіе бѣдному только часть ему недоданнаго, не задаютъ себѣ вопроса: гдѣ же остальная часть? Вотъ вопросъ, къ которому благотворители боятся подступить, частью по незнанію дѣла или неспособности понять его, частью изъ трудности, или, наконецъ, изъ своекорыстія. Не умѣя разрѣшить вопроса въ корнѣ, они идутъ путемъ безполезной чувствительности и еще плодятъ зло, которое бы имъ хотѣлось уничтожить. Создавая своей помощью бѣдность наслѣдственную, они плодятъ бѣдныхъ: на мѣсто одного выбывшаго бѣдняка, является десять кандидатовъ, — а въ цѣломъ выходитъ только мгновенная и совершенно недостаточная помощь отдѣльнымъ лицамъ. А развѣ нужно только это? Благотворители-буржуа и сами знаютъ, что нѣтъ; они знаютъ также, что если существующій экономическій порядокъ не измѣнится, если число бѣдныхъ и благотворителей будетъ рости въ той же прогрессіи, какъ это было до сихъ поръ, то отчего же Европѣ не повторить старую исторію, когда римскіе императоры раздавали хлѣбъ голодному и праздному народу? Но этого, разумѣется, не хочетъ ни одинъ самый заклятый благотворитель; а въ такомъ случаѣ нужно идти другимъ путемъ, и если ни буржуазія, ни благодѣтели не могутъ выдумать ничего сами, пусть они уступятъ свою роль народу: не будетъ ли онъ посчастливѣе.

Къ такимъ же безплоднымъ результатамъ пришла филантропія и въ своихъ другихъ учрежденіяхъ, и они—та же милостыня, но въ другой формѣ. Больницы, разумѣется, лучше изъ всего придуманнаго; но развѣ для всѣхъ больныхъ въ нихъ есть мѣсто? Моралисты идутъ и еще дальше. Они находятъ, что больницы уничтожаютъ поводъ къ жертвѣ и возможность той солидарности горя и радости, которая образуетъ наиболѣе тѣсную и крѣпкую связь между людьми. Они находятъ большимъ несчастіемъ для больнаго и для его семейства, если его отрываютъ отъ семьи и помѣщаютъ въ больницу, когда домашніе, цѣною жертвы, могли бы лѣчить его дома. Замѣчаніе это хоть и тонко, но справедливо, и подтверждается практикой

людей со средствами, — они не отправляютъ своихъ больныхъ въ госпитали. Если они дѣлаютъ это не ради солидарности горя и радости, а изъ одной неувѣренности въ успѣхѣ госпитальнаго лѣченія, вопросъ нисколько не мѣняется въ своей сущности. И бѣдные хотѣли бы, чтобы ихъ лѣчили хорошо, и имъ бы не хотѣлось разставаться съ своими больными, и у нихъ нѣтъ недостатка въ моральномъ побужденіи на жертву; но гдѣ у нихъ возможность осуществить его, гдѣ у нихъ деньги? Всѣ кабинетныя разсужденія благотворителей, все, что они дѣлали, дѣлаютъ и думаютъ дѣлать, прежде всего невѣрно въ самомъ основаніи. Они разсуждаютъ о какой-то солидарности горя и радости, о необходимости развивать и поддерживать это чувство въ бѣдномъ рабочемъ; но въ то же время, при кажущейся искренности и гуманности своихъ побужденій и стремленій, они видятъ въ рабочемъ человѣка не бѣлой кости, человѣка, который можетъ довольствоваться тѣмъ, что не нравится или негодится для людей со средствами болѣе значительными. Рабочему предлагаютъ говядину, которую не хочетъ ѣсть буржуа; ему предлагаютъ квартиру, которую человѣкъ другой кости считаетъ для себя нездоровой; наконецъ ему предлагаютъ госпиталь, отъ котораго человѣкъ со средствами бѣжитъ съ отвращеніемъ и боязнью. По ихъ мнѣнію, что негодится для буржуа со средствами, то долженъ бѣдный рабочій принимать, какъ благодѣяніе. Но будто бы это такъ? Будто бы сердце рабочаго составлено изъ другихъ элементовъ? Будто бы онъ чувствуетъ по другому закону? Будто бы, когда богатому кажется, что на дворѣ холодно и мокро, рабочій находитъ, что на дворѣ тепло и сухо? Существующая система благотворительности, выражающаяся въ подачкахъ разнаго рода, совершенно безсильна передъ сокрушающей силой настоящаго экономическаго порядка Европы, и бѣдный стоитъ внѣ всякой возможности осуществить на практикѣ бо́льшую часть своихъ человѣческихъ побужденій, если для этого нужны денежныя средства, которыхъ у него едва достаетъ на то, чтобы существовать.

Экономическій порядокъ, особенно развившійся съ послѣдними изобрѣтеніями въ области промышленности, разрушивъ рабочую семью, замѣнивъ бракъ короткой любовной связью, долженъ былъ привести къ тѣмъ результатамъ, которые наконецъ такъ испугали всѣхъ. Пошли дѣти внѣ брака, пошли подкидыши, а у бѣдныхъ для воспитанія своихъ законныхъ дѣтей недоставало средствъ. Что дѣлать со всѣми этими дѣтьми, какъ ихъ кормить? Вездѣ, особенно въ фабричныхъ округахъ, число убійствъ дѣтей, число дѣтей, подкинутыхъ не только къ богатымъ, но даже на паперти церквей и ко вдовцамъ, стало увеличиваться въ огромномъ размѣрѣ. И вотъ при-

думали воспитательные дома. Но развѣ воспитательные дома измѣнили хоть на волосъ порядокъ? Развѣ они убавили число незаконныхъ рожденій, число подкидышей? развѣ они дали бѣднымъ средства содержать своихъ дѣтей дома? Но вѣдь благотворители и учреждали ихъ совсѣмъ не для того, чтобы дать бѣднымъ средства содержать своихъ дѣтей дома. А если это такъ, то очевидно, что благотворители придумали свои дома для того, чтобы еще больше разорвать и безъ того уже распадавшуюся семью. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же поддерживать семью всѣми законодательствами, зачѣмъ разсуждать о ней въ теоріи, разрушая ее въ то же время на практикѣ? На это обстоятельство благотворители не обратили никакого вниманія. Или, можетъ быть, дѣтей воспитывали и воспитываютъ въ духѣ семьи? Тоже нѣтъ. Напротивъ, еще отъ матери прятали ея дитя, матери не позволяли знать своего ребенка, а ребенку свою мать. Или, можетъ быть, воспитательные дома представляютъ что нибудь хорошее въ гигіеническомъ отношеніи? И даже этого въ нихъ нѣтъ. Смертность въ воспитательныхъ домахъ страшная, и причина этого лежитъ въ стадномъ кормленіи и воспитаніи дѣтей. Въ воспитательныхъ домахъ нѣтъ, да и не можетъ быть ничего общаго съ семьей; у ребенка тамъ нѣтъ матери, за нимъ ходитъ казенная нянька, и дитя выростетъ «казеннымъ», чѣмъ-то оторваннымъ отъ всего міра, какой-то одиночкой. Ужь, разумѣется, не этимъ путемъ, не стаднымъ воспитаніемъ возстановятъ благотворители разрушающуюся семью, о которой такъ плачутся моралисты, противорѣчащіе на практикѣ своей собственной теоріи.

Пріюты тоже вещь прекрасная. Они чисты, опрятны, смотрятъ очень весело, и если сравнить самый плохой пріютъ съ помѣщеніемъ родителей дитяти, туда взятаго, то нетрудно придти къ убѣжденію, что, вырывая дитя изъ грязи и отравляющей атмосферы его дома, пріютъ спасаетъ ребенка отъ смерти. Но развѣ тутъ не та же стадность? развѣ не по одному таблону лѣпятъ воспитаніе дѣтей? Развѣ пріютъ пріучаетъ къ семьѣ, развѣ онъ замѣняетъ попеченіе матери и пріучаетъ къ быту, который ожидаетъ впослѣдствіи ребенка? Пріюты хороши въ фабричныхъ и мануфактурныхъ мѣстностяхъ, они, разумѣется, лучше, чѣмъ ничего, т. е. лучше, если ребенокъ сидитъ въ свѣтлой и сухой комнатѣ, чѣмъ полоскается одинъ въ грязной лужѣ среди улицы. Но развѣ кто нибудь изъ достаточныхъ людей помѣститъ своего ребенка въ воспитательный домъ или въ пріютъ? Нѣтъ. А если это худо для дѣтей людей со средствами, то отчего же то же самое худое должно сдѣлаться хорошимъ для людей бѣдныхъ? Отчего семейная связь, нужная для однихъ, ненужна для другихъ? Слѣдовательно, очевидно, что пріюты служатъ больше

для услажденія самихъ благотворителей, не разрѣшая нисколько вопроса о возстановленіи семьи и уничтоженія бѣдности рабочихъ классовъ.

Въ той же степени неудачны были и остальныя попытки благотворительной буржуазіи. Замѣтивъ, что прямая помощь деньгами достигаетъ рѣдко цѣли, что рабочій не всегда употребляетъ ихъ на дѣло, а большею частью относитъ въ кабакъ, филантропическія общества придумали средства другаго рода: они стали оказывать помощь бѣднымъ натурой. Но развѣ и эту помощь нельзя пропить? Въ большихъ городахъ есть охотники вымѣнять рабочему всякую вещь на водку. Рабочему даже и не нужно хлопотать самому объ этомъ,— мѣнялы придутъ къ нему и на домъ. Догадавшись, что этотъ способъ помощи придуманъ не совсѣмъ удачно, филантропы стали строить экономическія кухни и снабжать бѣдныхъ готовой пищей безденежно или за самую незначительную плату. Такія экономическія кухни существуютъ почти во всѣхъ большихъ городахъ, но несмотря на постоянно возрастающіе размѣры благотворительности, они не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ: число голодныхъ желудковъ постоянно больше числа раздаваемыхъ порцій, а повидимому низкая цѣна порцій для множества бѣдныхъ все еще слишкомъ высока и, слѣдовательно, недоступна. Наконецъ система эта, въ основаніи совершенно невинная, т. е. нисколько неспособная спасти рабочаго отъ нищеты, дать ему средства для независимаго существованія, превратить его изъ нищаго, пользующагося подачкой; въ рабочаго, имѣющаго постоянный заработокъ,—дурна въ томъ отношеніи, что убивая въ бѣдномъ чувство собственнаго достоинства, она не уничтожаетъ, напротивъ, еще увеличиваетъ нищенство. Куда идти, въ чемъ искать спасенья? Всѣ эти дѣтскія выдумки, какъ нарочно, именно такого свойства, что вмѣсто уменьшенія, напротивъ, увеличиваютъ число бѣдныхъ, готовыхъ жить на чужой счетъ, ничего не дѣлая. Моралисты пришли въ ужасъ. Разумѣется, они пугались напрасно; все это слѣдовало имъ знать ранѣе, на основаніи той солидарности горя и радости, которая имъ такъ нравится. Если богатый живетъ трудомъ бѣднаго, и это не только никого не пугаетъ, напротивъ, признается учеными нормальнымъ состояніемъ настоящаго европейскаго общества, то отчего же бѣдному рабочему не жить на счетъ богатаго буржуа. Послѣднее, говорятъ, худо, а чѣмъ же хорошо первое? Бѣдный долженъ работать,—согласны; онъ и работаетъ: а если, по милости сумасшедшей промышленной конкурренціи или по глупости фабриканта, рабочій останется безъ работы, — гдѣ возьметъ онъ средства для существованія, когда у него недостаетъ силы протянуть руку за милостыней? Или умирать ему

съ голоду? Разумѣется, нѣтъ. Если ему приходится выбирать между нищенствомъ и голодной смертью, то онъ выберетъ нищенство. Какъ же послѣ этого филантропы не умѣютъ понять, что невозможно соглашать несогласимое, что нельзя требовать отъ бѣднаго, неразвитаго человѣка какихъ-то высокихъ моральныхъ качествъ, чувства собственнаго достоинства и т. п., когда филантропы въ то же время учатъ рабочаго нищенствовать. Разбирая всѣ эти филантропическія заботы, удивляешься, разумѣется, не тому, что изъ нихъ не можетъ выйдти ничего путнаго, — люди, умѣющіе смотрѣть на вещи прямо, понимали это всегда, — нѣтъ, тутъ больно, что люди, повидимому добрые, способные на жертву, недальновидны въ такой степени, что тратятъ свои силы на игру въ филантропическія бирюльки, что въ нихъ нѣтъ никакой нравственной силы, нѣтъ ни искры правды и справедливости. Впрочемъ, смѣшно и требовать отъ нихъ качествъ противоположныхъ, смѣшно требовать правды, справедливости, нравственной силы. Если бы въ нихъ было все это, очевидно они не стали бы забавляться стряпней въ экономическихъ кухняхъ, они нашли бы для себя другую работу.

Совершенная неудовлетворительность неудачныхъ попытокъ филантроповъ бороться съ зломъ, увеличивающимся все болѣе и болѣе, вызвало другую систему дѣйствій. Явилось что-то среднее, явилась система, построенная на филантропіи, моралистикѣ и экономическомъ началѣ. Новая система, менѣе забавная, въ той же степени поверхностна, какъ и прежнія.

Въ промышленныхъ центрахъ съ небольшимъ населеніемъ торговцы предметовъ, необходимыхъ для рабочихъ, имѣютъ въ рукахъ своихъ совершенную монополію, и берутъ съ рабочихъ цѣны, какія имъ вздумаются. Рабочій не имѣетъ никакихъ средствъ избавиться отъ грабежа мелочныхъ торговцевъ потому, что у него нѣтъ времени ходить за покупками въ ближайшій городъ, гдѣ бы онъ могъ достать все дешевле. Наконецъ, и въ городахъ цѣны, кажущіяся болѣе снисходительными, все еще слишкомъ высоки, и рабочій, закупающій все у мелочныхъ торговцевъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, получаетъ все хуже, и платитъ за все дороже, чѣмъ покупщики, имѣющіе дѣло съ болѣе значительными торговцами. Сблизить по возможности потребителя съ производителемъ, вотъ основаніе, на которомъ задумали построить новую систему помощи рабочимъ. Не возставая вполнѣ противъ торгующаго сословія, не проповѣдуя его полной безполезности, новая система хотѣла только уменьшить для рабочаго число посредниковъ, и пугала дѣйствительно огромное число людей живущихъ исключительно торговлей, людей, не увеличивающихъ своимъ трудомъ массы продуктовъ, нахо-

дящихся въ обращеніи, а между тѣмъ поднимающихъ на нихъ цѣну. Чтобы понять, въ какой степени излишнее число купцовъ, особенно мелочныхъ, поднимаетъ цѣны на продукты, довольно было сравнить цѣну оптовую съ цѣной розничной. Основываясь на точныхъ данныхъ, было выведено, что мелочными закупками рабочему обходится все дороже на 20, 30, а иногда на 50 процентовъ. Вотъ примѣры: въ Брюсселѣ килограммъ говядины продавался за 1 фр. 25 сант., а на разстояніи 25 верстъ—только 65 сант.; гренобльское общество для снабженія бѣдныхъ пищею закупало на 3 фр. такое количество картофеля, за которое въ мелочной продажѣ нужно дать отъ 8 до 10 франковъ. Что было дѣлать, какъ облегчить рабочаго? Посягать на свободу торговли, или силой уменьшить число купцовъ невозможно. Раздавать пищу даромъ, или въ убытокъ себѣ, какъ это дѣлаютъ общества, построенныя на началѣ чистой благотворительности, не ведетъ къ цѣли. Представителямъ новой системы показалось умнѣе всего не ссориться съ существующими порядками, а придавить всѣхъ мелочныхъ торговцевъ, тѣхъ же нищихъ, какъ и рабочіе, своимъ капиталомъ, т. е. относительно лавочниковъ разыграть роль монополиста-богача. Съ такимъ миролюбивымъ принципомъ основались во многихъ мѣстахъ — въ Германіи, Англіи, Бельгіи, Швейцаріи — общества сбереженія, для закупки зимней провизіи. Бѣдные, желающіе покупать провизію отъ общества объявляютъ о томъ заранѣе, имена ихъ вносятся въ списки, и затѣмъ въ теченіе лѣта каждую недѣлю они вносятъ назначенную сумму, и зимой получаютъ отъ общества провизію. Общество, закупающее все гуртомъ продаетъ, разумѣется, дешевле, чѣмъ мелочные торговцы. Полезное вліяніе такихъ обществъ, по мнѣнію акціонеровъ, заключается въ томъ, что рабочій пріучается къ экономіи, и даже не смѣетъ быть не экономнымъ потому, что связанъ условіемъ платить въ общество непремѣнно деньги, въ извѣстные сроки. Далѣе, онъ не играетъ роль нищаго, и не живетъ подачкой. Но опять старый вопросъ: въ чемъ же для фабричнаго или вообще всякаго рабочаго и всякаго пролетарія заключается существенная польза отъ такихъ обществъ, выгодныхъ преимущественно для самихъ только акціонеровъ? Даютъ они пролетарію хоть малѣйшую надежду перестать быть пролетаріемъ? Нѣтъ, они, и то только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, и только для извѣстнаго числа людей, а вовсе не для всѣхъ бѣдныхъ, понижаютъ цѣну на нѣкоторые продукты. А что же остается другимъ? Что станется съ лишними людьми, которые, не имѣя работы, вздумали, какъ англійскіе пролетаріи, торговать пирогами, или какой нибудь ветошью? Подрывая такого торгаша, развѣ общество пристроитъ его къ работѣ? Однимъ словомъ, насколько измѣняется вообще положеніе рабочаго?

Кромѣ закупокъ, такія акціонерныя общества устроиваютъ еще рестораны, и дѣйствуютъ чисто на экономическомъ основаніи: они пускаютъ свой капиталъ въ оборотъ и пользуются процентами. Подобныя общества существуютъ въ разныхъ мѣстахъ — и не всѣ учреждены по одному плану. Въ Мюльгаузенѣ, напримѣръ, общество устроило ресторанъ и булочную. Вотъ цѣны, по которымъ отпускаются тамъ кушанья: супъ — 5 сант.; говядина (1/4 ф.) 10 сант., boeuf à la mode—15 сант., колбаса—15 сант., жареная говядина—20 сант., бѣлое вино—10 сант., красное—15 сант., сыръ—5 сант. Порціи такого размѣра, что можно довольствоваться двумя. Обыкновенно расходы рабочаго на обѣдъ измѣняются отъ 35 до 45 сантим. При всей кажущейся дешевизнѣ, рестораны эти имѣютъ два чрезвычайно важныхъ недостатка: они доступны только для холостыхъ, и дороги. Если рабочій, расходующій на обѣдъ 35 сант., приложитъ еще 20 на завтракъ, то онъ имѣетъ содержаніе на цѣлый день. Это расходъ небольшой для одного; но вотъ до какихъ размѣровъ онъ выростаетъ для цѣлой семьи. Положимъ, у рабочаго жена и трое дѣтей: значитъ, расходъ на ѣду составитъ для нихъ по нашему разсчету 2 фр. 75 сант. Но вѣдь, кромѣ ѣды, нужно платить еще за квартиру, нужно одѣть всѣхъ, нужно освѣщеніе, отопленіе. Сообразивъ всѣ эти расходы, становится очевиднымъ, что 55 сантим., на человѣка, на ѣду въ день превышаютъ силы даже хорошо поставленнаго рабочаго. Вотъ остальные его расходы:

квартира 7 фр. въ мѣсяцъ,— въ годъ . .	84 фр.	— с.
отопленіе	62 »	40 »
освѣщеніе.	12 »	48 »
содержаніе: т. е.; одежда и прочія вещи.	50 »	— »
матери	50 »	— »
трехъ дѣтей	50 »	— »
да каждому расходъ на ѣду по 2 фр. 75 с.	1,003 »	75 »
всего . .	1,312 фр.	63 с.

Такой расходъ долженъ предполагать постоянный ежедневный заработокъ болѣе 4 фр. 50 сант. Рабочему не позволяется хворать, съ нимъ не должно случаться ничего непредвидѣннаго, ему не остается ничего на ремонтъ хозяйства, т. е. посуды, мебели и т. д. Но гдѣ же рабочіе, получающіе въ день 5 франковъ? Много ли ихъ? А если ихъ мало, и большинство находится въ положеніи много худшемъ, то очевидно, что ему-то именно и нѣтъ никакихъ выгодъ отъ дешевыхъ ресторановъ, что рестораны эти устроены для тѣхъ, кому легче справиться съ дорогими цѣнами; а для кого это трудно, положеніе того нисколько не облегчено. Чѣмъ же послѣ этого гор-

дятся эти экономическія общества, въ чемъ ихъ заслуга? Въ томъ, что они устроили харчевни, въ которыхъ можно ѣсть выгоднѣе, чѣмъ въ ресторанѣ на Итальянскомъ бульварѣ? Ну, это еще не много: во всѣхъ большихъ городахъ есть харчевни, въ которыхъ рабочіе могутъ достать себѣ очень дешевую ѣду; значитъ, сущность новаго открытія въ томъ, что кромѣ харчевень, содержимыхъ отдѣльными хозяевами, явились харчевни на акціяхъ, или учреждаемыя компаніями людей со средствами. Что же въ этомъ важнаго? О чемъ шумъ? Чѣмъ тутъ гордиться благотворителямъ и моралистамъ? Или, можетъ быть, у рабочаго явилась увѣренность въ заработкѣ, явилась постоянная работа, фабрикантъ пересталъ его эксплуатировать, или наконецъ измѣнилась система распредѣленія результатовъ труда? Разумѣется, нѣтъ, да и странно было бы думать, что нѣсколько спекулянтовъ, устроившихъ на паяхъ дешевую харчевню, могли и захотѣли бы разрѣшить этотъ вопросъ, какъ слѣдуетъ. Напротивъ, весь ихъ разсчетъ основанъ на бѣдномъ рабочемъ; значитъ, очевидно имъ нѣтъ никакой выгоды идти такимъ путемъ, чтобы пролетарій пересталъ быть пролетаріемъ. Кто станетъ тогда ходить въ эти дешевыя, акціонерныя харчевни?

Совершенно въ томъ же отношеніи хороши и сберегательныя кассы. По теоріи, выгодныя стороны кассъ заключаются въ томъ, что онѣ спасаютъ рабочаго отъ голодной смерти во время неимѣнія имъ работы, во время болѣзни; поселяютъ въ рабочихъ любовь къ экономіи, удерживаютъ отъ кабака, и укрѣпляютъ ихъ въ семейныхъ добродѣтеляхъ. Противъ всего этого можно возразить однимъ,—что сберегательныя кассы хороши для тѣхъ, кому есть что сберегать. Значитъ, и семейныя добродѣтели, и отвращеніе отъ кабака онѣ поселятъ въ одномъ изъ ста, если не изъ тысячи; а что же остальнымъ? Первый опытъ сберегательной кассы былъ сдѣланъ во Франціи въ 1818 году,—значитъ, вотъ уже сорокъ три года какъ Франція укрѣпляетъ своихъ рабочихъ въ разныхъ добродѣтеляхъ: но гдѣ же эта семейная жизнь, гдѣ это отвращеніе отъ разврата? Оно не только не уменьшилось, еще, напротивъ, увеличилось.

Неудовлетворительность системы сбереженій посредствомъ кассъ поняли наконецъ и сами благотворители. И дѣйствительно, сколько успѣетъ съэкономничать рабочій? И какіе проценты на его ничтожную сумму? Почти нуль. И все это, въ случаѣ промышленнаго кризиса или болѣзни, уйдетъ въ нѣсколько недѣль. А тамъ что? Опять таже бѣдность? Нельзя ли взамѣнъ экономіи предложить рабочему немедленно что нибудь болѣе прочное, напримѣръ домъ, землю? Мысль эта новая, явившаяся въ послѣднее десятилѣтіе, уже осуществлена въ Мюльгаузенѣ. Тамъ это устроили такимъ образомъ:

между Мюльгаузеномъ и Дорнакомъ лежитъ довольно большая равнина и на ней выстроили въ настоящее время городъ рабочихъ; въ немъ уже есть театръ (place Napoléon) и множество улицъ, названныхъ преимущественно въ честь ученыхъ: rue Papin, rue Thénard и мѣстныхъ богатыхъ фабрикантовъ. Дома двухъ родовъ: одни стоящіе отдѣльно, съ маленькими садиками; другіе стоятъ рядомъ, примыкая плотно одинъ къ другому, какъ вообще въ городахъ. Каждый изъ домовъ перваго ряда раздѣленъ двумя капитальными стѣнами на крестъ, на четыре квартиры, совершенно одинаковыя, которыя отдаются или продаются отдѣльно. Расположеніе комнатъ въ нихъ такое: внизу двѣ комнаты: одна служитъ кухней и спальней, другая спальней для отца съ матерью. Лѣстница, обыкновенно помѣщенная въ этой комнатѣ, чтобы дѣти не могли ни выдти изъ дому, ни придти безъ вѣдома родителей, ведетъ въ первый этажъ, раздѣленный на три маленькія спальни. Въ этомъ же этажѣ и отхожее мѣсто. При квартирѣ есть чердакъ, погребъ и насосъ для воды. Дома эти чрезвычайно тѣсны, комнаты почти микроскопическія: каждая группа четырехъ квартиръ съ садикомъ занимаетъ 150 кв. метровъ, изъ нихъ почти 120 подъ садами; но это сдѣлано, какъ говорятъ, намѣренно, чтобы рабочіе не могли брать къ себѣ жильцовъ, чтобы семья жила совершенно отдѣльно, сама въ себѣ, и чтобы посторонній своимъ присутствіемъ не нарушалъ святость домашняго очага!

Постройка домовъ началась въ 1853 году. Въ первый годъ было выстроено 100 домовъ, въ началѣ 1859 ихъ было 428, а теперь уже 560. Вначалѣ рабочіе смотрѣли недовѣрчиво на это дѣло, но теперь уже многіе стали покупать дома; изъ 560 домовъ, 403 уже проданы, 403 семейства сдѣлались собственниками.

Вотъ какъ организована система продажи. Каждый домъ — т. е. помѣщеніе для одной семьи — стоитъ обществу отъ 2,400 до 3,000 франковъ; теперь даже стали строить дома въ 3,300 франковъ. За эту же самую сумму домъ продается. Первый взносъ составляетъ сразу 300 или 400 франковъ, затѣмъ ежемѣсячно платится—за домъ въ 2,400 фр. — 18 фр., а за домъ въ 3,000 фр. — 23 франка, и весь долгъ погашается въ теченіе 14 лѣтъ.

Что можетъ быть повидимому лучше этой новой системы помощи бѣднымъ? Человѣкъ изъ пролетарія дѣлается домовладѣльцемъ. Но точно ли это былъ пролетарій? и къ чему приводитъ домовладѣніе? Вотъ два главныхъ вопроса, отвѣтъ на которые долженъ прохладить нѣсколько восторгъ поклонниковъ новой системы, и уменьшить ихъ благоговѣніе къ акціонерамъ этого новаго филантропическаго предпріятія. Чтобы добыть себѣ домъ, нужно имѣть въ за-

пасѣ 300 или 400 франковъ; а у многихъ ли рабочихъ найдется такое сбереженіе? у одного изъ тысячи, а всѣ остальные, т. е. дѣйствительно самые несчастные, стоятъ внѣ всякой возможности мечтать о домовладѣніи. Очевидно, что для пролетарія настоящаго, рѣшительно все равно существуетъ или нѣтъ такое филантропическое общество. Ему говорятъ: посмотри, твои собратія обзаводятся домами; копи — будетъ и у тебя собственность. А пролетарій отвѣчаетъ: «у меня жена и трое дѣтей, задѣльная плата моя четыре франка въ день, считая тутъ же и заработокъ жены; копить мнѣ рѣшительно не изъ чего, я веду жизнь самую умѣренную и трезвую; а если и случится какая нибудь жалкая экономія, то и та проѣдается въ дни, когда фабрики стоятъ безъ дѣла, въ дни коммерческихъ кризисовъ, въ дни болѣзни моей, и моей жены; покупка дома для меня вещь рѣшительно невозможная, потому что никакими силами я не въ состояніи скопить 400 франковъ.» Что же выигрываютъ тысячи такихъ бѣдняковъ оттого, что есть на свѣтѣ люди болѣе богатые, имѣющіе возможность купить домъ? Такой порядокъ существовалъ всегда, потому что всегда были счастливцы, имѣвшіе деньги. Что выигрываемъ—вы, я, третій оттого, что какой нибудь Сорокинъ можетъ купить домъ? вѣдь для насъ важно, чтобы и мы могли обзавестись собственностью, а оттого, что Сорокинъ богатъ, мы богаче не сдѣлаемся. Очевидно, что вопросы о дѣйствительной помощи дѣйствительно бѣднымъ не разрѣшенъ нисколько новымъ способомъ. Ужь въ самомъ основаніи его лежитъ разсчетъ, недопускающій возможности другаго разрѣшенія. Акціонерная компанія хочетъ выгодъ, выгоды же ея заключаются въ томъ, чтобы воротить свой капиталъ съ процентами, и не потерять ничего на своемъ предпріятіи. Наибольшую гарантію въ этомъ представляютъ, разумѣется, рабочіе со средствами, тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ возможность дѣлать сбереженія, и уплачивать долгъ съ процентами. Это одна сторона вопроса. Другая заключается въ томъ, что фабриканты, составляющіе акціонерное общество, разсчитали очень вѣрно, что вмѣсто рабочихъ, вполнѣ свободныхъ, и слѣдовательно ненадежныхъ, гораздо удобнѣе имѣть рабочихъ постоянныхъ, прикрѣпленныхъ къ фабриканту долговымъ обязательствомъ, находящихся у него въ опекѣ и подъ надзоромъ. Это своего рода кабальная зависимость, предоставляющая три четверти выгодъ фабриканту, и только одну четверть рабочему. Но почему же это такъ? Очень просто. Чтобы выплатить фабриканту, за закупленный у него домъ, рабочій вноситъ ему сразу 400 франковъ, и затѣмъ каждый мѣсяцъ въ теченіе 14 лѣтъ платитъ ему пятью франками больше противъ того, что бы ему стоилъ наемъ квартиры на сторонѣ: ежемѣсячный

взносъ составляетъ отъ 18 до 23 франковъ. Фабрикантъ имѣетъ хорошій процентъ на свой капиталъ, и спокоенъ въ уплатѣ ему денегъ, ибо рабочій платитъ ему тѣмъ, что самъ у него заработываетъ, или, говоря проще, платитъ ему своимъ трудомъ. Что рабочій отъ него не уйдетъ, т. е. будетъ на него работать, и отработаетъ свой домъ, фабрикантъ вполнѣ увѣренъ; значитъ, фабрикантъ, ссужая свой капиталъ подъ вѣрные проценты, кромѣ прямыхъ денежныхъ выгодъ, пріобрѣтаетъ себѣ не только постояннаго и усерднаго, но еще и преданнаго рабочаго, видящаго въ фабрикантѣ своего благодѣтеля. Онъ закрѣпляетъ его себѣ въ кабалу, и создаетъ для своей фабрики семью вѣчныхъ рабочихъ, прикрѣпленныхъ къ его фабрикѣ. Но что же пріобрѣтаетъ рабочій? Онъ пріобрѣтаетъ микроскопическій домъ, разсчитанный на мужа и жену съ тремя маленькими дѣтьми. А если, кромѣ мужа и жены, есть еще и бабушка или дѣдушка, вмѣсто трехъ дѣтей пятеро, вмѣсто маленькихъ взрослые? Такимъ семьямъ, разумѣется, нѣтъ мѣста въ этихъ домахъ, и потому могутъ покупать дома только немногочисленныя семьи. На бѣду, въ эти четырнадцать лѣтъ, семья какъ разъ увеличилась, маленькія дѣти стали большими, всѣмъ имъ въ одномъ домѣ помѣщаться трудно, найти работу на фабрикѣ, гдѣ работаетъ отецъ, тоже нельзя: комплектъ на фабрикѣ полный; семья, значитъ, разсыпается, каждый взрослый пошелъ промышлять на сторонѣ; и каждый изъ нихъ вышелъ пролетарій, какъ и ихъ отецъ до покупки дома. Въ чемъ же тутъ помощь, гдѣ же уничтоженіе бѣдности? Ни въ чемъ и нигдѣ, и вся сущность спекуляціи фабрикантовъ заключается въ томъ, что закабаливъ себѣ хорошихъ рабочихъ, они выигрываютъ съ ними значительно больше, чѣмъ съ рабочими непостоянными, съ рабочими празднующими понедѣльники, — однимъ словомъ, съ рабочими дурными.

Приходя къ такимъ неутѣшительнымъ выводамъ благотворительности буржуазіи, мы беремъ назадъ свое неосторожное выраженіе, что будто бы буржуазія въ дѣлахъ помощи рабочему показывала полнѣйшее незнаніе того, за что она бралась. Это заключеніе опрометчиво: буржуазія отлично знала, за что она бралась, и она поступала именно такъ, какъ ей было выгоднѣе. Да и съ какой стати фабриканту или купцу хлопотать о томъ, чтобы создавать новыхъ купцовъ или фабрикантовъ? Поступая такимъ образомъ, они знаютъ очень хорошо, что будутъ поступать во вредъ себѣ; и французскій, и англійскій буржуа вовсе не такъ глупъ, чтобы не понималъ своихъ интересомъ. Вотъ почему онъ дѣйствовалъ всегда полумѣрами, зная очень хорошо, что ими онъ успокоивалъ на время рабочаго, зная, что это лучшее средство заткнуть ему на время ротъ и

обезпечить свои личные интересы. Принимать какія нибудь коренныя мѣры для улучшенія быта и положенія рабочаго не входило никогда въ интересы буржуа; онъ обдумалъ все это хорошо, и разумѣется, менѣе всего хотѣлъ идти такимъ путемъ. Благотворители, большею частью добрые, но малосвѣдущіе люди, дѣйствовали искренно, думая, что спасаютъ человѣчество и вовсе не подозрѣвая, что они служатъ смѣлымъ орудіемъ своекорыстныхъ цѣлей буржуа. Такъ шли и идутъ до сихъ поръ дѣла въ западной Европѣ. — А что же пролетарій, что сдѣлалъ онъ, чтобы выдти изъ своего печальнаго положенія? И пролетарій не сидѣлъ сложа руки; въ его протестахъ-то и лежитъ причина, почему буржуа понялъ, что ему прямой разсчетъ быть благотворительнымъ. Не заяви пролетарій своихъ стремленій обезпечить себѣ болѣе человѣческое положеніе, конечно нѣтъ мудренаго, что буржуа и не вспомнилъ бы о немъ. Начавъ думать, пролетарій понялъ, что буржуа смотритъ на него, какъ на вещь, онъ увидѣлъ, что его личные интересы прямо противорѣчатъ интересамъ буржуа, что ихъ раздѣляетъ наиболѣе непримиримое, враждебное начало. Первая форма перваго протеста бѣднаго противъ богатаго, форма грубая—частный грабежъ, безцѣльный и безплодный въ общихъ интересахъ пролетарія, для него негодился, потому что пролетарій не нищій, не воръ, не убійца. Не нищій онъ, потому что у него есть силы, способности и желаніе работать; онъ не отказывается ни отъ какой честной работы, но не работа ищетъ его, а онъ ищетъ работы. Промышленный міръ западной Европы, съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ, не представилъ еще ни одного случая, гдѣ бы фабрики остановились отъ недостатка рабочихъ, тогда какъ каждый годъ непремѣнно гдѣ нибудь случится, что рабочіе остаются безъ хлѣба, потому что для нихъ нѣтъ работы; «почти всегда», сказалъ Кобденъ, «два рабочихъ гонятся за однимъ хозяиномъ, и очень рѣдко два хозяина за однимъ рабочимъ.» Не воръ и не убійца онъ потому, что онъ человѣкъ желающій жить своимъ трудомъ, что преступленіемъ выражается протестъ отдѣльныхъ лицъ, протестъ безсильный, противъ котораго возстаетъ все общество въ цѣломъ своемъ объемѣ. Кража, эта безсознательная и безсильная форма протеста, отвергнута пролетаріемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прежній бѣднякъ съ изобрѣтеніемъ машинъ и развитіемъ фабричныхъ производствъ, превратился въ пролетарія, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сложился въ одно цѣлое и увидѣлъ бездну, раздѣляющую его отъ буржуа, онъ понялъ, что кража и преступленіе орудія для него совершенно негодныя: идти ему въ мошенники и убійцы не разсчетъ,—этимъ не улучшится ни его личное положеніе, ни всего сословія рабочихъ. Идти противъ движенія мысли и про-

тестовать противъ изобрѣтеній и улучшеній, ломая машины или разоряя фабрики, тоже нелѣпость, хотя не только въ первое время, но даже еще и не очень давно подобные случаи повторялись. Сломавъ и разоривъ нѣсколько машинъ и фабрикъ, пролетарій увидѣлъ, что этимъ положеніе его не улучшается, что возвратъ къ прожитому невозможенъ, что нужно искать спасенья въ другихъ мѣрахъ, а не въ протестѣ противъ человѣческой мысли. Нужно было придумать другую форму для оппозиціи, гдѣ бы силы пролетарія были болѣе сосредоточены и не проявлялись въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ частныхъ преступленій.—Однимъ словомъ, пролетарію, какъ мыслящему цѣлому, сознающему свое положеніе и причины его, нужно было придумать мѣры болѣе коренныя и болѣе дѣйствительныя. Въ этомъ случаѣ помогъ особенно англійскому пролетарію законъ 1824 года, по которому уничтожены всѣ акты, запрещающіе рабочимъ собранія по предметамъ ихъ занятій. Съ изданіемъ новаго закона, рабочій пріобрѣлъ право, принадлежавшее до тѣхъ поръ исключительно буржуазіи и аристократіи,—право свободныхъ ассоціацій. Съ этого времени стало существовать въ Англіи законно то, что существовало до тѣхъ поръ незаконно. Рабочій выигралъ очевидно, потому что прежнія тайныя ихъ сборища не приводили къ особенно замѣтнымъ результатамъ,— таинственность вредила успѣху, а буржуазія давала законное орудіе противъ всѣхъ попытокъ рабочихъ застраховать себя противъ гнета капиталистовъ. Но когда явился законъ 1824 г., ассоціаціи рабочихъ быстро распространились по всей Англіи. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности образовались союзы или собранія съ опредѣленной, открытой, всѣмъ извѣстной цѣлью—защищать отдѣльнаго рабочаго противъ тиранніи и равнодушія буржуазіи къ его положенію. Цѣлью этихъ обществъ было установить твердую задѣльную плату, входить въ сношеніе съ фабрикантами цѣлыми союзами, какъ сила противъ силы, регулировать рабочую плату, возвышать ее, когда представится случай и поддерживать ее на одной высотѣ во всѣхъ отрасляхъ производствъ; для этого предполагалось составить росписаніе платы, предъявлять его отдѣльнымъ капиталистамъ, и если они не принимали его, прекращать съ ними договоры о работѣ. Далѣе, ограниченіемъ пріема учениковъ поднять запросъ на рабочихъ и возвысить имъ плату; работать всѣми силами противъ пониженія фабрикантами задѣльной платы, пониженія, ловко вводимаго фабрикантами по мѣрѣ улучшенія производствъ и изобрѣтенія машинъ, и наконецъ рабочимъ, лишеннымъ средствъ существованія, помогать деньгами. Въ отдѣльныхъ случаяхъ были попытки образовать общіе союзы по всей Англіи изъ рабочихъ одного рода занятій, и даже—въ пер-

вый разъ въ 1830 году—составить одну рабочую ассоціацію для всей страны, съ отдѣльными организаціями частныхъ обществъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производствъ. Такіе союзы, какъ дѣло еще совершенно новое, рѣдко держались долго: у нихъ еще не доставало силы приложить къ практикѣ въ огромныхъ размѣрахъ истины, вполнѣ вѣрныя въ теоріи.

Какими же средствами общества рабочихъ старались достигнуть цѣли? Средства ихъ были весьма просты. Если одинъ или нѣсколько мастеровъ отказывались платить цѣну, установленную ассоціацией, къ нимъ посылалась депутація или жалоба; если мастеръ или хозяинъ не уважалъ претензіи, ассоціація приказывала рабочимъ прекратить работу и всѣ рабочіе уходили домой. Такія прекращенія работъ (turnout) были или отдѣльныя, частныя, касавшіяся одной фабрики, или общія, когда всѣ хозяева или фабриканты одного рода занятій отказывались установить плату согласно ассоціаціи. Средства такихъ союзовъ держать ассоціацію крѣпко въ легальномъ отношеніи были весьма слабы, и ассоціація не могла быть вполнѣ застрахована противъ фабрикантовъ, пока въ странѣ имѣлись рабочіе, стоявшіе всѣ ассоціаціи, или если у буржуазіи была возможность какими нибудь приманками отдѣлить нѣкоторыхъ рабочихъ отъ союза. Особенно это было легко при частыхъ отказахъ отъ работъ, когда фабриканту не представлялось особаго труда набрать себѣ кое-гдѣ рабочихъ. Тогда сила всей ассоціаціи разбивалась этой простой мѣрой. Что оставалось дѣлать ассоціаціи въ такихъ случаяхъ? Оставалось одно средство — угрожать, бранить и преслѣдовать всѣми возможными способами такихъ измѣнниковъ между рабочими; но этого законъ не позволяетъ, слѣдовательно, въ случаѣ жалобы, буржуазія, для защиты своихъ интересовъ, обрушивалась всей тягостью, всѣми силами закона, на членовъ ассоціаціи и совершенно ломала ее, — рабочіе были побѣждены, фабрикантъ торжествовалъ.

Исторія ассоціацій англійскихъ рабочихъ есть постоянный рядъ потерь рабочихъ въ борьбѣ со всемогущей буржуазіей. И очень естественно, что стремленія пролетарія, выражавшіяся въ такомъ видѣ, не могли измѣнить порядка вещей, въ которомъ задѣльная плата опредѣляется запросомъ и предложеніемъ на рабочаго. Рабочій долженъ былъ проиграть, потому что онъ былъ безсиленъ противъ соперничества, лежащаго въ основѣ этого вопроса; въ случаѣ торговаго или промышленнаго кризиса ассоціація должна была сама понизить цѣну или разсыпаться: другаго выхода ей не оставалось, если всѣ члены ея не рѣшились умереть съ голоду—вещь невозможная; а въ случаѣ сильно увеличившагося запроса на трудъ, рабочій не могъ поднять задѣльную плату выше того уровня, какой опредѣлял-

ся самъ собою, конкурренціей между капиталистами. Безсильные въ разрѣшеніи вопроса вообще, эти ассоціаціи были довольно сильны въ борьбѣ съ частными причинами. Если бы фабриканты не ожидали встрѣтить въ рабочихъ оппозицію цѣлой массой, то разумѣется имъ не было никакой причины стараться возвышать плату; напротивъ, вслѣдствіе конкурренціи на товары, фабриканты старались бы постоянно понижать задѣльную плату, и очень скоро довели бы ее до minimum'a. Этой то именно конкурренціи и мѣшаютъ ассоціаціи рабочихъ. Также были безсильны ассоціаціи противъ значительныхъ причинъ, измѣнявшихъ условія рабочаго рынка. Въ такихъ случаяхъ, напримѣръ при кризисѣ, голодъ принуждалъ рабочихъ соглашаться на всякія условія, лишь бы добыть себѣ работу; и если только нѣкоторые рабочіе шли на соглашеніе, вся ассоціація теряла силу: основной капиталъ ея быстро истощался на вспомоществованіе рабочимъ безъ дѣла, кредитъ у мелочныхъ торговцевъ не могъ тоже тянуться долго, потому что у тѣхъ самихъ нѣтъ средствъ существованія,—и нужда заставляла рабочихъ идти снова въ ярмо капиталистовъ. Въ этомъ случаѣ положеніе его обыкновенно ухудшалось; — причина простая: интересъ фабриканта въ томъ, чтобы по возможности понижать плату и производить фабрикаты съ наименьшими расходами; потерявъ на простоѣ фабрики, угрожаемый конкурренціей, наконецъ раздраженный противодѣйствіемъ рабочихъ, фабрикантъ старается понижать по возможности плату не только для возвращенія своихъ потерь, но и для того, чтобы дать рабочему урокъ и удержать его впередъ отъ такихъ продѣлокъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ рабочіе брались за такую мѣру, зная впередъ ея безполезность, зная впередъ, что имъ будетъ хуже? Очень просто, потому что имъ должно было протестовать противъ уменьшенія платы, имъ слѣдовало заявлять, что не имъ, какъ людямъ, слѣдовало зависѣть вполнѣ отъ экономическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ они находятся, а напротивъ эти обстоятельства должны быть выработаны, соображаясь съ человѣческими потребностями рабочихъ; наконецъ потому, что молчаніе рабочаго служило бы признаніемъ съ его стороны справедливости порядка, по которому во времена процвѣтанія промышленности и торговли буржуазія даетъ рабочему ходъ, чтобы извлечь изъ этого свои выгоды, а въ дурныя времена оставляетъ его умирать съ голоду. Эти-то конечно протесты и служили доказательствомъ, что въ рабочемъ не заглохло еще человѣческое чувство, и какъ англичане народъ практическій по преимуществу, то понятно, что протестъ англійскаго пролетарія заявился не молчаніемъ, не безмолвнымъ сознаніемъ своего положенія и отношеній своихъ къ

буржуазіи, а дѣйствительнымъ дѣломъ. Важность этихъ заявленій, несмотря на всю кажущуюся ихъ несостоятельность, заключается въ томъ, что это были первыя попытки рабочаго уничтожить соперничество, показать на практикѣ, что господство буржуазіи основывается на конкурренціи между рабочими, т. е. на разбросанности пролетаріевъ и на противодѣйствіи ихъ одного къ другому. Что подобныя протесты не составляютъ дѣла тупой, неразумной силы, не знающей, что ей нужно, доказывается слишкомъ частыми и повсемѣстными повтореніями ихъ рѣшительно вездѣ. Очевидно, что рабочій чувствуетъ, что ему не хорошо, и онъ хочетъ развязаться съ своимъ грустнымъ положеніемъ. Но протесты эти важны еще и въ другомъ отношеніи: рабочій въ нихъ зрѣетъ, онъ думаетъ, соображаетъ всѣ обстоятельства, могущія улучшить его бытъ, онъ пробуетъ, какое средство лучше и вѣрнѣе приведетъ его къ цѣли. Въ это-то школѣ рабочій понялъ, почему буржуа сильнѣе его, почему буржуа держится за законъ и повидимому уважаетъ его, — законъ на его сторонѣ, а не на сторонѣ пролетарія. У пролетарія нѣтъ этихъ причинъ, — вотъ почему онъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что въ учрежденіяхъ Англіи нужно сдѣлать измѣненіе и предложилъ наконецъ свою народную хартію, скрывающую подъ политической формой тенденціи чисто экономическія; чартизмъ въ сущности оппозиція противъ буржуазіи, онъ выраженіе общаго протеста всего пролетаріата Англіи, понимавшаго, что отдѣльные протесты и возстанія рабочихъ противъ отдѣльныхъ фабрикантовъ, какъ аванпостныя стычки, не рѣшаютъ вопроса. Въ чартизмѣ, напротивъ, заявился общій протестъ одного сословія противъ другаго, ударъ направленъ на политическую силу буржуазіи, которой у пролетарія не было, и которая ему нужна для разрѣшенія экономическихъ вопросовъ. Пролетарій понималъ, что пока вся власть сосредоточивается въ рукахъ духовенства, землевладѣльцевъ и денежной аристократіи, а онъ не имѣетъ никакого участія даже въ дѣлахъ, касающихся личныхъ его интересовъ, — ему нечего ждать хоть какого нибудь успѣха въ его столкновеніяхъ съ буржуазіей. Поэтому еще въ 1817 году было подано въ палату прошеніе съ 1,700,000 подписей, которымъ требовалось право голоса для всѣхъ сословій. Два года спустя, въ Петерлофельдѣ былъ назначенъ большой сходъ, гдѣ предполагалось разсуждать объ измѣненіи хлѣбныхъ законовъ и объ экономическомъ положеніи страны. Собраніе не состоялось, потому что его разогнали военной силой. Эта мѣра хоть и пріостановила политическія демонстраціи пролетарія, но не могла заставить его отказаться отъ своихъ стремленій; и въ 1827 году рабочіе составили политическое общество National union of the working clas-

ses, и въ тоже время начали составляться по всей Англіи небольшія общества, съ цѣлью стѣснять произволъ фабрикантовъ и мѣшать пониженію задѣльной платы. Недовольство новымъ закономъ о бѣдныхъ вызвало между рабочими новое общество — Working Men's Association, имѣющаго политическій характеръ и недопускавшаго въ свои члены средній классъ. Это-то общество, имѣя въ главѣ Вильяма Ловета, бывшаго сначала столяромъ, потомъ хозяиномъ кофейни, наконецъ книготорговцемъ, составило хартію изъ слѣдующихъ шести пунктовъ: право голоса для всякаго взрослаго человѣка, если онъ въ здравомъ умѣ и не сдѣлалъ никакого преступленія; ежегодное возобновленіе парламента; содержаніе членамъ парламента, чтобы люди несостоятельные могли тоже принять выборъ; выборъ баллотировкой, чтобы устранить подкупы и застращиванія буржуазіи; равенство избирательныхъ округовъ; уничтоженіе избирательнаго ценса. Эти шесть пунктовъ, не заключающіе въ себѣ ничего грознаго, страшно однако напугали парламентъ, потому что касались основныхъ элементовъ государственнаго управленія Англіи. Вопросъ былъ поставленъ прямо и рѣшительно: цѣлый слой общества, исключенный изъ управленія, хотѣлъ облегчить занятія аристократіи и буржуазіи, и раздѣлить съ ними власть. Несмотря на этотъ политическій оттѣнокъ чартизма, сущность его была чисто экономическая, какъ мы это уже и сказали, и основная задача была отлично высказана на одномъ митингѣ рабочихъ, извѣстнымъ методистомъ Стефенсомъ. — «Чартизмъ, мои друзья, сказалъ онъ, — вовсе не политическій вопросъ, гдѣ бы разсуждалось о томъ, чтобы вы получили право выборовъ и т. п.; нѣтъ, чартизмъ—это вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба; хартія — это значитъ хорошее жилье, хорошая ѣда и питье, хорошее содержаніе и короткое рабочее время.» Волненія въ рабочемъ населеніи не ограничились одними митингами; было задумано поднять всѣхъ рабочихъ страны; неблагоразумныя распоряженія правительства, именно: преслѣдованіе чартистовъ Ловета, Колина, излишнее усердіе полиціи разгонять собранія рабочихъ, отказъ палаты на требованіе рабочихъ — ускорили дѣло. Начались ночныя собранія, и наконецъ въ ноябрѣ 1839 года, поднялся Южный Валисъ. Движеніе подавили военной силой, и главныхъ предводителей возстанія сослали. Въ 1840 году депутаты изъ разныхъ провинцій Англіи собрались въ Манчестеръ, а въ іюнѣ 1841 года пошло новое прошеніе, подписанное 1,300,000 рабочихъ. Требовали снова утвержденія хартіи. А между тѣмъ, во все это время не только не прекращались частныя возстанія, но и было нѣсколько возстаній огромнаго размѣра, напримѣръ на сѣверѣ между рудокопами, гдѣ въ мартѣ 1841 года, 40,000 горныхъ рабочихъ

оставили рудники, и отказались отъ работы. Во время разрѣшенія вопроса о свободной торговлѣ, чартизмъ какъ будто бы ослабѣлъ, но февральская революція подожгла снова чартистовъ: начались частыя собранія рабочихъ, посылались французамъ поздравительные адресы, а въ мартѣ 1848 года въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Эдинбургѣ и Глазгау, гдѣ даже строились баррикады, сдѣланы были кое-какіе безпорядки, и даже раздавались крики: «да здравствуетъ республика! долой королеву!» Впрочемъ, надобно замѣтить, что эта шумливая французская система дѣйствій не совсѣмъ-то въ духѣ англичанъ, и предводители чартистовъ старались постоянно избѣгать стычекъ, кровопролитія. Вскорѣ послѣ этого, въ Лондонѣ было новое собраніе чартистовъ, и въ палату подана новая просьба, подписанная 5,760,000 рабочихъ. И на этотъ разъ значительное большинство членовъ палаты отвергло прошеніе. Рабочіе однако были тихи, и этому между прочимъ способствовало оживленіе промышленности и пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе новыхъ хлѣбныхъ законовъ. Чартизмъ притихъ; но онъ существуетъ, и куда онъ долженъ привести современемъ—вполнѣ очевидно. Главный вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, достанетъ ли у господствующихъ сословій столько политическаго такта, чтобы сдѣлать во-время уступку, и не вызвать въ народѣ болѣе энергическаго способа дѣйствій, чѣмъ это было до сихъ поръ. Знатоки англійскаго народа, разумѣется, найдутъ такое заключеніе невѣрнымъ, они видятъ въ англичанахъ слишкомъ много благоразумія и разсчета, и недопускаютъ возможности въ этомъ народѣ побужденія дѣйствовать силой. Но это едва ли такъ. Дѣйствительно, англійскій рабочій менѣе политикъ, чѣмъ французъ, онъ болѣе спокоенъ и разсчетливъ, онъ не поднимается такъ легко на возстаніе, какъ его континентальный сосѣдъ; но за то въ англичанинѣ есть столько нравственной силы, столько мужества и способности обсудить свое положеніе и средства для выхода изъ него, что если ему не останется ничего, кромѣ крайности, то ужь, разумѣется, онъ не остановится ни предъ какими препятствіями. Исторія движеній французскаго пролетарія, конечно, хорошо извѣстна читателю; ему извѣстно также, что результаты, къ которымъ пришелъ французскій пролетарій, не имѣютъ особенно блестящихъ сторонъ; французъ поднимается легко на возстаніе, но въ немъ нѣтъ того холоднаго, спокойнаго мужества, которымъ такъ богатъ англичанинъ. Движенія англійскаго пролетарія уже показали, чего можно ожидать отъ него, и оставитъ ли свое дѣло на полдорогѣ народъ, обладающій такимъ мужествомъ, умѣющій такъ твердо и спокойно выдерживать себя. И дѣйствительно, сколько рѣшимости и воли должно быть въ рабочемъ, знакомомъ уже съ нищетой и нуждой, и

все-таки упорно рѣшающемся голодать, обрекающемъ на страданіе жену, дѣтей, какъ это дѣлалъ англійскій пролетарій, вступившій въ борьбу съ своимъ хозяиномъ-фабрикантомъ и отказывавшійся отъ работы, чтобы заставить поднять задѣльную плату. Рискъ француза былъ меньше: онъ вспыхнулъ, пошумѣлъ, поломалъ, его схватили и наказали; все это было дѣломъ энтузіазма, дѣломъ быстрымъ; не такъ дѣйствовалъ англичанинъ; вотъ одинъ примѣръ изъ множества. Въ каменноугольныхъ копяхъ отношенія хозяевъ къ рабочимъ были нисколько не лучше, какъ и въ остальныхъ мѣстахъ Англіи. Сначала рабочіе переносили безропотно всѣ притѣсненія, но потомъ, особенно въ фабричныхъ округахъ, начали обнаруживать на рудокоповъ свое вліяніе болѣе ихъ развитые фабричные мастеровые. Время отъ времени и работники въ рудникахъ стали составлять ассоціаціи, и отказываться отъ работъ. Въ мѣстностяхъ болѣе цивилизованныхъ, они примкнули тѣсно къ чартистамъ. Но одиноко лежащій каменноугольный округъ сѣверной Англіи долго не принималъ участія въ этихъ движеніяхъ, и только послѣ множества усилій, частью чартистовъ, частью самихъ болѣе развитыхъ горныхъ рабочихъ, начало появляться общее неудовольствіе, и организировалась оппозиція. Постепенно накипавшее озлобленіе кончилось тѣмъ, что горные рабочіе Нортумберланда и Дергама стали въ главѣ оппозиціи всѣхъ горныхъ рабочихъ Англіи, и извѣстнаго чартиста, адвоката Робертса, изъ Бристоля, избрали генералъ-прокураторомъ. «Union» — извѣстное общество рабочихъ — стало распространяться почти по всѣмъ округамъ, вездѣ были назначены агенты, стали собираться сходки и вербоваться члены; на первомъ собраніи депутатовъ въ Манчестерѣ въ 1844 году было болѣе 60,000 членовъ, на второмъ въ Глазгау, чрезъ полгода, болѣе 100,000. Тутъ были обсужены всѣ обстоятельства, касавшіяся горныхъ рабочихъ, и вопросъ объ отказѣ отъ работъ. Въ мартѣ 1844 года, рабочіе Нортумберланда и Дергама рѣшили уничтожить прежнія условія съ своими хозяевами, и поручили Робертсу составить новыя. Между разными пунктами, имѣвшими единственной цѣлью ограничить произволъ хозяевъ, стоялъ и слѣдующій: владѣльцы рудниковъ обязываются гарантировать своимъ постояннымъ рабочимъ работу, по меньшей мѣрѣ на четыре дня въ недѣлю, или же плату за четыре дня. Это условіе, самое важное изъ всѣхъ, показываетъ, въ чемъ заключалась главная причина протеста англійскаго рабочаго. Условія эти были переданы владѣльцамъ особой депутаціей; но они отвѣтили, что «Союзъ» для нихъ не существуетъ, они не имѣютъ съ нимъ никакихъ сношеній, знаютъ только отдѣльныхъ рабочихъ, и не признаютъ никакихъ законовъ между рабочими. Въ отвѣтъ на условія,

предложенныя рабочими, владѣльцы рудниковъ предложили имъ свои; рабочіе, разумѣется, ихъ не приняли, и тогда рабочіе въ числѣ 40,000, бросивъ свои норки, вышли изъ рудниковъ, и горное производство двухъ графствъ прекратилось сразу. Фондъ ассоціаціи былъ такъ великъ, что каждое семейство могло получить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ по $2^1/_2$ шиллинга пособія въ недѣлю. Въ то время, какъ рабочіе рѣшились испытать этимъ страшнымъ путемъ терпѣніе своихъ хозяевъ, Робертсъ старался поддерживать вездѣ волненіе, объѣзжалъ Англію вдоль и поперегъ, собиралъ сходки и пособія для рабочихъ, оставшихся безъ дѣла, проповѣдывалъ спокойствіе и законность, и въ то же время поднималъ народъ противъ деспотическихъ и своевольныхъ мировыхъ судей. Войну противъ послѣднихъ онъ объявилъ еще въ началѣ года; причина же неудовольствія на судей заключалась въ томъ, что выбираемые изъ владѣльцевъ рудниковъ и копей, они постоянно во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ обвиняли рабочихъ и отстаивали исключительно интересы своего сословія. Робертсъ держался такой методы: какъ только какой нибудь рабочій былъ обвиненъ мировымъ судьей, онъ подавалъ протестъ въ высшую инстанцію, отправлялся съ обвиненнымъ въ Лондонъ, и того оправдывали. Такъ разъ были оправданы трое обвиненныхъ въ томъ, что они не хотѣли работать въ такомъ мѣстѣ, которое готово уже было обрушиться; и дѣйствительно, прежде чѣмъ они воротились домой, сдѣлался обвалъ. Робертсъ навелъ ужасъ на мировыхъ судей, и наконецъ довольно было его появленія, чтобы рѣшить дѣло въ пользу несправедливо обвиняемыхъ. Судьи смирились и перестали кривить совѣстью изъ желанья угодить владѣльцамъ рудниковъ. Точно также ополчился Робертсъ и противъ разбойничьей системы фабрикантовъ платить рабочимъ натурой. Многихъ изъ нихъ онъ притянулъ къ суду и обвинилъ, и вообще своей энергіей, неутомимостью и дѣятельностью, внезапнымъ появленіемъ вездѣ, гдѣ являлась въ немъ хоть малѣйшая надобность, Робертсъ сжалъ произволъ ближайшихъ враговъ рабочихъ, и научилъ ихъ если не честности, то по крайней мѣрѣ нѣкоторой справедливости изъ боязни. Напримѣръ, при появленіи его въ Дерби, одинъ изъ фабрикантовъ тотчасъ же объявилъ, что всѣ рабочіе его фирмы будутъ получать плату исключительно деньгами, гдѣ и какъ они хотятъ. Если же они вздумаютъ брать товары изъ лавокъ фирмы, то вещи будутъ отпускаться по оптовой цѣнѣ; вообще фабрикантъ будетъ платить рабочимъ по настоящей цѣнѣ, въ какихъ бы въ лавкахъ они ни покупали — въ его, или посторонникъ. Такой успѣхъ «Союза» поднялъ его чрезвычайно въ мнѣніи всего рабочаго населенія въ Англіи, и привлекъ множество новыхъ членовъ. А между

тѣмъ на сѣверѣ никто изъ рабочихъ и не думалъ приниматься за работу, и пока фондъ «Союза» былъ крѣпокъ, все шло хорошо; но ужь къ зимѣ положеніе рабочихъ начало становиться хуже. Нужда становилась все больше и больше; денегъ между ними не было; пожертвованія рабочихъ, занимавшихся другими производствами, не значили ничего, когда приходилось помогать такой огромной массѣ людей безъ всякихъ средствъ; покупка у мелочныхъ торговцевъ разстроивала еще больше и безъ того чрезвычайно печальное состояніе финансовъ «Союза»; а между тѣмъ вся пресса, исключая нѣсколько журналовъ партіи пролетаріевъ, была не только противъ нихъ, но даже писала ложь, выставляла все дѣло въ невѣрномъ свѣтѣ, и вооружала противъ рабочихъ тѣхъ немногихъ изъ буржуазіи, которые еще не утратили чувства справедливости. Несмотря однако на крайнюю нужду, рабочіе были тверды, и при всей враждебности дѣйствій со стороны владѣльцевъ — спокойны: не было сдѣлано ни одного покушенія на врагу, случаевъ дерзости, оскорбленія или мести. Такъ прошли четыре мѣсяца, и владѣльцы уже теряли надежду побѣдить рѣшимость рабочихъ. Оставалось еще одно средство: они вспомнили, что котеджи не принадлежатъ рабочимъ. Въ іюлѣ послѣдовалъ отказъ рабочимъ отъ квартиръ, и черезъ недѣлю всѣ сорокъ тысячъ были выгнаны вонъ. Мѣра эта была исполнена самымъ варварскимъ образомъ. Больные и слабые, старики и младенцы, даже родильницы, были безъ всякой жалости выведены изъ домовъ. Одинъ агентъ дошелъ даже до такого усердія, что собственными руками вытащилъ за волосы съ постели на улицу женщину въ послѣднемъ времени беременности. Войско и полиція находились при этомъ, готовые при первомъ противодѣйствіи рабочихъ, по первому знаку мировыхъ судей, управлявшихъ всей этой отвратительной процедурой, броситься и рубить народъ. Рабочіе вынесли все спокойно и обманули ожиданіе владѣльцевъ, хотѣвшихъ, во что бы то ни стало, вывести ихъ изъ терпѣнія и принудить къ возстанію, чтобы имѣть поводъ прекратить всю исторію военной силой. Уговариваемые своими прокураторами, рабочіе молча и спокойно вынесли всѣ свои пожитки на болота и сжатыя поля; а кому не нашлось мѣста на болотѣ, поселился въ шоссейныхъ канавахъ. Такъ прожили рабочіе болѣе восьми недѣль, совершенно подъ открытымъ небомъ, не имѣя другихъ средствъ, кромѣ самой незначительной помощи «Союза» и уже ослабѣвавшаго кредита мелочныхъ торговцевъ. Тогда лордъ Лондондерри сталъ угрожать лавочникамъ и мелочнымъ торговцамъ своимъ высокимъ гнѣвомъ, если они «его» ослушникамъ-рабочимъ станутъ дѣлать кредитъ. Но когда владѣльцы рудниковъ убѣдились,

что рѣшительно ничто не помогаетъ, они начали выписывать рудокоповъ изъ Ирландіи и изъ отдаленныхъ мѣстъ Валиса, куда еще не распространилось возстаніе между рабочими: и возстановивъ такимъ образомъ конкурренцію, сломили своего врага. Тогда владѣльцы заставили рабочихъ отказаться отъ «Союза», уволить Робертса и принять предложенныя имъ условія. Такъ, въ началѣ октября кончилась эта пятимѣсячная борьба рудокоповъ съ владѣльцами рудниковъ, борьба, въ которой рабочіе показали необычайное мужество, спокойствіе и благоразуміе. Что значатъ вспышки французскихъ революціонеровъ съ этимъ спокойнымъ мужествомъ сорока тысячъ человѣкъ, которые, какъ одинъ, съ величайшимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ вели дѣло, пока сопротивленіе дальше становилось уже безуміемъ. И кто же врагъ, съ которымъ приходилось сражаться? Голодъ, нужда и лишенія всякаго рода и бездомность. Вотъ почему отъ англичанъ скорѣе, чѣмъ отъ кого либо, можно ожидать непремѣннаго разрѣшенія современнаго экономическаго вопроса въ пользу пролетарія. Разумѣется, во всѣхъ этихъ протестахъ можно видѣть тупое безсмысліе со стороны рабочаго, можно даже обвинить его, зачѣмъ онъ пошелъ къ своей цѣли тѣмъ, а не другимъ путемъ. Но прежде всего нужно вспомнить, что съ исторіей слѣдуетъ обращаться нѣсколько деликатнѣе, что извѣстное историческое явленіе, разсматриваемое, какъ характеристическій фактъ данной эпохи, нельзя обвинять въ томъ, что оно рисуетъ извѣстный моментъ въ исторіи народа или человѣческой мысли тѣмъ, а не другимъ образомъ или цвѣтомъ. Если англійскій или французскій пролетарій поступилъ именно такъ, это значитъ, что онъ не могъ поступить иначе. Наука уже разрѣшила вопросъ, на чьей сторонѣ правда и справедливость, кому худо, кому хорошо, и что нужно, чтобы дурное перестало быть дурнымъ. Но теоретическое разрѣшеніе вопроса еще не доказываетъ возможности немедленнаго примѣненія теоріи къ практикѣ. И вотъ въ чемъ отвѣтъ на замѣчаніе тѣхъ, кому неправится, что англійскій и французскій пролетарій позволяли себѣ выходить изъ границъ приличія и вѣжливости въ своихъ отношеніяхъ къ буржуазіи и фабрикантамъ. Пролетарій пытался найти средство помочь своей бѣдѣ, онъ дѣйствовалъ и такъ и иначе; что попытка его не была безплодна, видно уже изъ того, что буржуазія сдѣлалась осторожнѣе, что многое изъ возможнаго прежде, когда пролетарій былъ слабъ на ногахъ, сдѣлалось невозможнымъ, когда пролетарій почувствовалъ свою силу, показалъ, что эту силу нельзя не уважать. Можетъ быть оно и точно не хорошо,—и въ этомъ согласны всѣ фабриканты Англіи и Франціи,—что пролетарій покушался прибѣгать иногда къ физической силѣ; но

развѣ онъ не держался въ этомъ случаѣ системы своихъ друзей фабрикантовъ? Наконецъ, онъ дѣлалъ это не только потому, что думалъ, что средство хорошо и дѣйствительно годится для разрѣшенія его экономической задачи, но и потому, что пролетарія всегда укоряли въ грубости и невѣжествѣ, пьянствѣ и развратѣ; а въ такомъ случаѣ, зачѣмъ и удивляться, или негодовать, что грубый поступаетъ грубо; гдѣ же ему взять деликатности въ обращеніи, когда въ своихъ отношеніяхъ къ буржуазіи онъ могъ научиться всему, исключая именно деликатности.

Впрочемъ пролетарій разрѣшалъ свой вопросъ и другимъ путемъ, путемъ мирнымъ, путемъ медленнаго прогресса. Мысль, лежавшая въ основаніи этого рѣшенія, была очень, очень простая и очень старая—ассоціаціи. Это значитъ, что тамъ, гдѣ усилія одного человѣка не ведутъ ни къ чему, множество людей составляютъ союзъ, чтобы дѣйствовать дружно въ однихъ, общихъ цѣляхъ. Въ ассоціаціяхъ повторяется на практикѣ старая басня о старикѣ и трехъ молодыхъ: прутья, которыя легко ломалъ старикъ поодиночкѣ, сдѣлались вдругъ несокрушимыми, когда онъ связалъ ихъ въ пучокъ. Мысль эта, не смотря на всю свою простоту, не смотря на свою давность, сказалась практически только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда бѣдный пролетарій понялъ цѣлой массой, что и онъ человѣкъ, что и ему не чуждо все человѣческое, и когда люди его партіи, стоящіе выше его по образованію и развитію, создавъ цѣлыя школы, развили и разъяснили этимъ вопросъ пролетарію. Но даже и въ этихъ совершенно скромныхъ и тихихъ стремленіяхъ пролетарія ему не легко было добиться права на ассоціацію, признанія ея законами. Особенно Франція, эта страна утонченнаго бюрократизма, шпіонства и крайней централизаціи, напуганная революціонными движеніями народа, не легко соглашалась дозволить ему составлять кружки и общества. Правительство постоянно боялось, чтобы экономическія учрежденія рабочихъ не служили бы щитомъ для маскированія его политическихъ цѣлей. Вотъ почему, признавъ справедливость научнаго положенія, лежащаго въ основѣ ассоціацій, правительство Франціи до сихъ поръ не рѣшалось устранить себя отъ надзора и опеки надъ общинами рабочихъ. Сладкія рѣчи Наполеона III, сказанныя имъ въ 1852 году, во время президентства, и впослѣдствіи въ Мецѣ, когда онъ уже былъ императоромъ, по поводу обществъ взаимнаго вспомоществованія; заявленное имъ тутъ горячее сочувствіе къ бѣднымъ и намѣреніе употребить всѣ свои силы, чтобъ облегчить участь несчастныхъ, не обманули никого. Онъ долженъ былъ ради своей популярности заговорить объ этомъ предметѣ и выразиться именно такимъ, а не другимъ обра-

зомъ, потому что многія изъ обществъ, принявшихъ политическій характеръ въ 1848, были закрыты правительствомъ между 1850 и 1851 годами. И въ Англіи правительство было тоже осторожно; но оно всегда было далеко либеральнѣе французскаго; стѣсненія ассоціацій не принимали тамъ никогда такого характера, какъ во Франціи, такъ что въ настоящее время даже самые преданные своему правительству французы начали уже понимать, что они пугались привидѣній, и что въ экономическихъ интересахъ страны необходимо имъ взять примѣръ съ Англіи.

Въ чемъ же заключаются эти ассоціаціи? Къ сожалѣнію, рабочій до сихъ поръ стоитъ только въ началѣ того длиннаго пути, который ему предстоитъ сдѣлать; все, что удалось ему, все, что приняло уже значительные размѣры, опредѣляется самымъ названіемъ выработанныхъ имъ учрежденій, это—общества для взаимнаго вспомоществованія. Задача ихъ помогать своимъ членамъ въ случаѣ болѣзни, кражи, пожара и другихъ несчастій. Денежныя ссуды безъ процентовъ. Поддержка и содержаніе стариковъ неспособныхъ работать; наконецъ погребеніе бѣдныхъ сочленовъ, неимѣющихъ средствъ, на счетъ общества. Вотъ сущность всѣхъ обществъ для взаимнаго вспомоществованія. Въ члены принимаются люди добропорядочные; за дурное поведеніе членъ устраняется или на время, или же вычеркивается изъ списка навсегда. Капиталъ общества образуется изъ годичныхъ членскихъ взносовъ. Такія общества имѣютъ нѣчто общее съ сберегательными кассами, съ той разницей, что вмѣсто одиночныхъ взносовъ образуется капиталъ, принадлежащій цѣлому обществу, и наконецъ въ основѣ дѣйствій общества лежитъ начало страхованія. При послѣднемъ условіи, средства ассоціаціи пріобрѣтаютъ большую силу, помощь становиться дѣйствительнѣе и прочнѣе, чѣмъ при одиночномъ копленіи денегъ. Число такихъ обществъ въ Англіи и во Франціи доходитъ до весьма значительной цифры. Во Франціи ихъ болѣе 2,500, а резервъ превышаетъ 20 милліоновъ франковъ; въ Англіи около 14,000, съ капиталомъ въ 160 милл. франковъ. Нѣкоторыя изъ обществъ вмѣстѣ съ вспомоществованіемъ имѣютъ и другую цѣль — сбереженіе, уменьшеніе издержекъ на средства существованія и доставленіе своимъ членамъ и ихъ семействамъ болѣе выгодныхъ способовъ образованія. Въ этихъ видахъ, общества заводятъ лавки для продажи предметовъ необходимыхъ рабочимъ, устроиваютъ школы, библіотеки, общественныя прачешныя и т. п. Разумѣется, все это хорошо въ томъ отношеніи, что спасаетъ рабочаго въ первый моментъ случившагося съ нимъ несчастія, спасаетъ стариковъ отъ голодной смерти, удешевляетъ жизнь, облегчаетъ и распространяетъ

образованіе, но въ сущности все это не извлекаетъ рабочаго изъ его положенія и съ великимъ трудомъ, рядомъ огромныхъ пожертвованій и лишеній, даетъ ему слабую надежду достигнуть въ отдаленномъ будущемъ той самостоятельности и экономической независимости, какая ему нужна, и безъ которой пролетарій останется вѣчнымъ пролетаріемъ. Съ этой стороны общества взаимнаго вспомоществованія слишкомъ далеки до осуществленія на практикѣ простаго средства, указаннаго уже новой экономической теоріей. Простое средство это заключается въ томъ, чтобы рабочій получалъ полную долю вознагражденія, причитающагося за его трудъ, и чтобы могъ получать ссуды подъ залогъ своего будущаго труда. Попытки для осуществленія на практикѣ этихъ двухъ идей были до сихъ поръ весьма слабы. Можно указать только на самое малое число подобныхъ обществъ во Франціи и въ Англіи. Что же касается до банковъ для ссудъ на честное слово, то ихъ и еще менѣе. Но что же изъ этого? Вопросъ не въ числѣ существующихъ банковъ или ассоціацій производителей, а въ томъ, что практика показала возможность разрѣшенія этого теоретическаго положенія. Трудно сказать, съ какой постепенностью и быстротой разовьются подобныя ассоціаціи; но что онѣ разовьются, что онѣ поглотятъ общества взаимнаго вспомоществованія, — въ этомъ нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться. Разумѣется, правительства и Англіи, и Франціи могутъ помѣшать развитію этихъ чисто экономическихъ учрежденій, если не съумѣютъ взглянуть на нихъ прямо съ точки интересовъ всей страны, если изъ политическаго своекорыстія будутъ стѣснять учрежденія своей опекой и вмѣшательствомъ съ политической цѣлью, если будутъ мѣшать народному образованію и вообще задерживать умственный ростъ народа.

Вотъ послѣднее слово науки, усвоиваемое уже практикой. Какъ приметъ его жизнь? Вполнѣ ли удовлетворится разрѣшеніемъ его? Куда пойдетъ дальше, какъ долго протянется эта борьба стараго экономическаго порядка съ новымъ? Вотъ вопросы, на которые настоящее не даетъ никакого отвѣта. Европа, гордая многимъ, что она сдѣлала, гордая своей цивилизаціей, какъ бы не хочетъ понять, что въ своихъ господствующихъ экономическихъ теоріяхъ она переживаетъ средніе вѣка; заря новой экономической жизни едва только загарается для нея, и разумѣется, одно изъ величайшихъ несчастій настоящаго времени для Европы заключается въ томъ, что словомъ науки, словомъ истины считаютъ обыкновенно только то, что подсказывается личнымъ своекорыстіемъ меньшинства. Борьба

новаго съ старымъ тѣмъ ужаснѣе въ своей медленной постепенности, что много людей, имѣвшихъ несчастіе смотрѣть на вещи выше общаго уровня, или выше сословій, располагающихъ судьбою своей страны, падутъ еще жертвой своей любви къ бѣдному пролетарію, не улучшивъ его настоящаго, не увидѣвъ сами будущаго, къ которому стремились и о которомъ мечтали. «Что жь,—зачѣмъ мечтать, къ чему рваться впередъ?» Разумѣется, такъ. Но научите мечтателя перестать быть самимъ собой, сдѣлайте изъ него другое существо; а безъ этого, не укоряйте его, не бросайте въ него грязью, или по крайней мѣрѣ соберите въ себѣ столько человѣческаго чувства, чтобы не обвинять человѣка, виноватаго только въ томъ, что ему тяжело смотрѣть на гнойныя раны общества, на страданія простаго человѣка. Неужели это такая вина?

Н. ШЕЛГУНОВЪ.

ЖИЛИ ДА БЫЛИ ТРИ СЕСТРЫ.

ПОВѢСТЬ.

(ЕЛЕНѢ КОНСТАНТИНОВНѢ С—ЧЪ).

Часть вторая.

VII.

Михайловское было въ —скомъ уѣздѣ, недалеко отъ маленькаго городишка; въ томъ городишкѣ сбиралась каждый годъ людная и богатая ярмарка. На эту ярмарку ѣздили и издалека, а изъ-близка и подавно. Всѣ ѣздили, кто могъ: кто продавать, кто покупать, кто людей посмотрѣть и себя показать. Кому на ярмаркѣ побывать не удалось, тѣ себя величали домосѣдами, всегда молили Бога сохранить ихъ отъ ярмарочныхъ непосѣдовъ и почему-то думали, что ихъ дразнятъ обновами и разсказами; всѣ обновы были на ихъ глаза съ изъяномъ, а въ разсказѣ ни въ одномъ не было на волосъ правды. Напримѣръ, въ тотъ годъ, что о немъ теперь рѣчь идетъ, одинъ помѣщикъ разсказывалъ, что онъ выигралъ на ярмаркѣ семь тысячъ и самъ удивлялся, какъ выгодно тамъ сбылъ сѣрыхъ лошадей и бричку, а между домосѣдами ходилъ слухъ, что онъ воротился домой съ однимъ кнутикомъ въ рукахъ, не ѣвши, не пивши

во всю дорогу. Одна помѣщица показывала покупокъ на двѣ тысячи, а домосѣдки считали, что она брала на ярмарку всего на всего девять-сотъ рублей. Однимъ словомъ сказать, сколько у однихъ было хвалы и похвалокъ, столько у другихъ хулы и насмѣшекъ.

Да это не самое главное; что̀ есть на свѣтѣ, за̀ что люди не ссорятся и о чемъ не спорятъ? — а главное пока теперь то, что на этой ярмаркѣ заводились знакомства новыя и даже такъ случалось, что повезетъ мать на ярмарку трехъ дочерей, а съ ярмарки привезетъ только одну. Не только тамошній соборный священникъ отъ свадебъ разбогатѣлъ, — и дьячки разжились и пономарь выстроилъ себѣ домикъ въ четыре окна.

Вороновы были на ярмаркѣ, накупили обновъ и завели новыя знакомства. Пріѣхали домой, кроили и шили обновы и вспоминали знакомыхъ.

Особенно вспоминали онѣ одного молодаго вдовца, Владиміра Андреича Саханина — какой онъ былъ красавецъ, какъ мчался по улицамъ на вороныхъ лошадяхъ въ серебряной збруѣ, какъ у него глаза блестѣли, какой у него голосъ звучный, какъ его встрѣчали вездѣ и всегда, что въ церкви онъ стоялъ выше всѣхъ, а въ собраніяхъ былъ лучше всѣхъ, и что онъ обѣщался пріѣхать въ Михайловское.

«Да онъ не пріѣдетъ», говорила Оля, а сама все поглядывала въ окно; а какъ-то Варя позвонила въ колокольчикъ позвать ключницу, она ахнула, кинулась и чуть не сбила съ ногъ ключницу на порогѣ; не сказала, чего испугалась, но краснѣла, какъ малина и сѣла читать книгу, — и страхъ, какъ прилежно читала.

Съ самаго пріѣзда съ ярмарки Оля скучала. Жаловалась на боль въ головѣ, больше спать стала, и жаловалась на дурные сны. Черезъ три дня послѣ пріѣзда, вечеркомъ Оля совсѣмъ разгрустилась, ударилась въ слезы и призналась Вѣрѣ, что она груститъ по вдовцѣ, просила совѣта, какъ ей быть, и что ей дѣлать. При такомъ признаньи Вѣра - вся поблѣднѣла; молча потомъ обняла ее; но Оля обнявшись стала пуще плакать и больше говорить и спрашивать. Она спрашивала у Вари: «хорошій ли человѣкъ Владиміръ Андреичъ? любитъ ли ее? Полюбитъ ли? Не разлюбитъ ли? Пріѣдетъ ли? Скоро ли? Какъ съ нимъ говорить? Какъ ему отвѣчать?»

— Мнѣ страшно, Варя; я не знаю, что мнѣ дѣлать, и какъ мнѣ быть... Ты мой другъ,—на тебя моя надежда...

Какъ повѣрила Оля сестрѣ свое горе и подошла подъ сестрину защиту, она поуспокоилась; наплакалась, наговорилась и уснула. А Варя цѣлую ночь на-пролетъ проходила по комнатѣ и продумала. Думала о вдовцѣ, о сестрѣ, объ ихъ любви, объ ихъ счастьи, о томъ, что имъ будетъ, да вѣрно думала и о себѣ, о томъ, что было,— а иныя воспоминанья только затронь, такъ отъ нихъ не отобьешься, не отмолишься и не отплачешься.

Утромъ Оля пришла сказать, что видѣла во снѣ Владиміра Андреича, и призналась, что онъ ей часто снится.

Призналась тоже, что за день до отъѣзда, вечеромъ она сидѣла подъ окномъ,—вдругъ онъ подошелъ подъ окно, схватилъ ея руки и цаловалъ,—что при прощаньи особеннымъ взглядомъ на нее глядѣлъ — точно ему жаль было, точно онъ пустить не хотѣлъ... что тихо ей сказалъ что-то; она не разслыхала, что сказалъ...

Вспомнилось потомъ еще то и другое; еще о немъ поговорили, еще его похвалили; поговорили тоже о жизни, о счастьи, о Богѣ и о терпѣньи.

Ввечеру всѣ три сестры сидѣли въ гостиной — кто за книгою, кто за работою; вдругъ послышался колокольчикъ; не успѣли переглянуться и вскочить, застучали колеса и зафыркали лошади подъ крыльцомъ. Въ открытыя окна блеснула серебряная сбруя и услышали знакомый звучный голосъ. Оля выбѣжала изъ гостиной, Варя за нею; Соня встрѣтила гостя. Онъ вошелъ; высокій, молодой, красивый, точь-въ-точь Иванъ Царевичъ удалой добрый молодецъ, что ему все ни по чемъ и все легко, стоитъ только крикнуть молодецкимъ голосомъ, свистнуть соловьинымъ посвистомъ; что отъ него злые колдуны прячутся, а добрые люди его побаиваются, товарищи и сверстники съ нимъ тягаться не станутъ, а прекрасныя царевны его завѣтными перстнями дарятъ.

— Здравствуйте, Софья Васильевна! Какъ вы поживаете?

Пока проговорилъ эти слова, быстрые его глаза блеснули по всѣмъ уголкамъ и дверямъ, — искали, гдѣ прекрасная царевна.

— Садитесь, Владиміръ Андреичъ, сказала Соня.

Онъ сѣлъ, а Соня противъ него сѣла. Завела Соня рѣчь о томъ, о семъ; но Владиміръ Андреевичъ отвѣчалъ ей *да*, да

нѣтъ, да не знаю, и то часто невпопадъ, и вертѣлся, точно его комары кусали.

Оля стояла давно передъ дверями, прислушивалась, что говорятъ, и шептала Варѣ, что она войдти не смѣетъ. Прошло съ часъ, пока она осмѣлилась и вошла за Варею слѣдомъ, какъ виноватая; и пора была войдти, потому что Владиміръ Андреичъ ужь всталъ съ своего мѣста, ходилъ по комнатѣ и, какъ говорится, рвалъ и металъ. Вошла Оля; онъ бросился къ ней мимо Вари: морщины на лбу сейчасъ же у него пропали, глаза другими искрами засверкали, онъ сѣлъ и заговорилъ, — заговорилъ живо, весело, громко.

Смущенье и тревога прошли; волненье и радость устоялись; вечеръ шелъ хорошо: у всѣхъ глаза разгорѣлись и всѣ улыбались, а больше всѣхъ Владиміръ Андреичъ и Оля.

Прошелъ вечеръ, давно было за полночь, а все еще не расходились — не хотѣлось. Сколько времени сбирались разойтись, а собравшись, сколько еще простояли посередь комнаты, а потомъ сколько еще въ дверяхъ проговорили, пока простились до утра; да потомъ еще сколько сестры межь собой проговорили, а Владиміръ Андреичъ по своей спальной изъ угла въ уголъ прошагалъ, пока все стихло и заснуло.

Владиміръ Андреичъ пробылъ въ Михайловскомъ два дня. Какъ быстро эти два дня пролетѣли! какъ живо! О чемъ, о чемъ не говорили! Чему-чему не смѣялись! Зато на третій день, когда его проводили, какъ стало тихо и пусто! День былъ долгій-предолгій; а ввечеру Оля пришла, поплакала около Вари, отвела душу немножко разговорами объ немъ.

Впрочемъ, не Богъ-знаетъ какъ долго пришлось по немъ тосковать, — черезъ недѣлю онъ опять пріѣхалъ. Еще веселѣй было съ нимъ, чѣмъ въ первый разъ, и еще скучнѣй стало послѣ его отъѣзда. Не только подъ вечерокъ, а утромъ и днемъ Оля тужила, ночью просыпалась, чаще да чаще къ Варѣ за совѣтомъ приходила, какъ тоску избыть, да чѣмъ помочь горю. Варя сама съ ней горевала. Время въ томъ проходило, что онѣ обнимались, толковали, ждали; пріѣзжалъ Владиміръ Андреичъ, привозилъ радость — радовались; уѣзжалъ, оставлялъ тоску — тосковали.

Разъ, проводивши Владиміра Андреича, Оля печально сидѣла подлѣ окна. Только-что онѣ съ Варей говорили, какъ грустно стало; Оля сидѣла и вздыхала. Вдругъ слышитъ коло-

кольчикъ. «Кто бы это?» подумала Оля, безучастно выглянула въ окно; но едва выглянула, вся вспыхнула: по улицѣ мчался Владиміръ Андреичъ.

Сердце у Оли замерло. «Господи, что это значитъ? Что это будетъ?»

Она побѣжала-было къ Варѣ, но въ двери ей на встрѣчу Владиміръ Андреичъ; бросился ей въ ноги и страшнымъ голосомъ сказалъ ей, что если она его не любитъ, такъ онъ застрѣлится или голову себѣ разобьетъ. Онъ—то шепталъ: «любите ли вы меня?» то кричалъ: «любите ли вы меня?» Оля ему шопотомъ отвѣтила: «да».

Тогда радости его не было предѣловъ. Онъ цаловалъ ея руки, и платокъ, что она держала въ рукахъ, и коверъ, по которому она прошла; называлъ и ангеломъ и очаровательницей; спрашивалъ, чего она хочетъ, чего желаетъ. Не хочетъ ли она его жизни? Онъ сейчасъ ей жизнь отдастъ! Не желаетъ ли она его смерти? Онъ сейчасъ умретъ!

Пришли Варя, Соня; обнимались всѣ, смѣялись, плакали. Владиміръ Андреичъ всталъ на колѣни и молилъ сейчасъ же послать за священникомъ, послать его лошадей: у него были рысаки.

Пока ключница повязалась синимъ шелковымъ платкомъ, а Варя написала записочку къ священнику, рысаки уже стояли у крыльца, и блѣдный кучеръ, испитой, измученный, сидѣлъ на козлахъ.

Владиміръ Андреичъ выскочилъ на крыльцо, бросилъ кучеру, на радостяхъ, десять рублей и сказалъ, чтобы онъ летѣлъ съ ключницей за священникомъ и прилетѣлъ съ священникомъ, а то голова у него на плечахъ не уцѣлѣетъ; опять прибѣжалъ къ Олѣ и опять пошло: «любишь или не любишь? Жить или умереть?» А кучеръ спряталъ рубли въ шапку безъ радости и выслушалъ слова барскія безъ робости.

Кучеръ этотъ былъ выбранъ за красоту свою, за высокій ростъ и за статность, и одѣтъ онъ былъ отлично: темнозеленый плисовый кафтанъ на немъ и поясъ съ серебромъ и съ чернью, шапка бархатная съ павлиными перушками; и былъ онъ хорошъ, когда былъ румянъ и здоровъ, когда глаза глядѣли живо, да усмѣшка веселая была, — теперь румянецъ у него пропалъ, глаза потускнѣли, онъ исхудалъ: теперь его одежа не красила Когда его Владиміръ Андреичъ взялъ въ кучера, — Владиміръ

Андреичъ тогда было пристрастился къ лошадямъ: загналъ тогда онъ двѣ тройки и молодаго кучера укаталъ,—съ той поры кучеръ не поправился, а все чахъ понемножечку. Онъ давно ужъ сказалъ своимъ друзьямъ и пріятелямъ, чтобы помянули его хорошенько, если онъ умретъ гдѣ на дорогѣ, безъ покаянья. «Помяните хорошенько», говорилъ онъ: «за то, что я никому ни худа, ни зла не сдѣлалъ». Сказавши такъ и распорядившись, онъ успокоился, и видъ у него былъ какъ у человѣка, что напасть къ нему не сегодня пришла, а ему знакома, неизбѣжна и онъ къ тому привыкъ. Онъ обѣдъ бросалъ безъ ропота, просыпался безъ ворчанья, и стоять подъ крыльцомъ случалось цѣлую зимнюю ночь на морозѣ, или стоялъ въ лѣтній жаръ, на солнцѣ, не шевельнувши и бровью. Если сонъ клонилъ, онъ дремалъ, а то глядѣлъ по сторонамъ на дома, на людей, на птицъ — на что попадалось. Была у него невѣста — онъ съ ней разошелся. «Полюби иного, лучше тебѣ будетъ», сказалъ ей и на память надарилъ ее всѣмъ, чѣмъ могъ. Что еще у него было добра, уступилъ все брату и сестрамъ.

Да это къ сторонѣ, а надо самое дѣло разсказывать.

Помчались за священникомъ и примчали его съ причтомъ. Священникъ кряхтѣлъ, ключница стонала; два молодые дьячка довольны были ѣздою скорою, посмѣивались; у дьякона было лицо озабоченное: онъ въ то время домъ перестроивалъ себѣ, у него заботъ много было.

Въ залѣ ужь стояли образа и лежали кольца; всѣ такъ сидѣли и ждали священника; изъ дверей видно было много разноцвѣтныхъ головъ, простоволосыхъ и повязанныхъ. Всѣ тихо говорили и тихо ходили, кромѣ Владиміра Андреича. Владиміръ Андреичъ въ нетерпѣньи даже не сидѣлъ съ невѣстой, а ходилъ по залѣ и у всѣхъ спрашивалъ, кто ему попадался: «скоро ли пріѣдетъ священникъ? Сколько верстъ до него? Дома ли онъ?» и много еще другихъ вопросовъ. Онъ встрѣтилъ священника словами: «отчего не ѣхали такъ долго? Что такъ долго медлили?»

Ужь сказано, что священникъ былъ человѣкъ добрѣйшій; къ тому жь онъ любилъ, когда слаживалась свадьба,—такъ онъ удивился, а не обидѣлся такими словами, поздравилъ всѣхъ и разсказалъ, какъ его мчали, какова пыль по дорогѣ, а впрочемъ засухи нѣту и сады цвѣли сильно. Пока онъ говорилъ и ризу надѣвалъ, дьяконъ раскрылъ книгу, дьячки стали за дьяконо-

выми плечами, восковыя свѣчи затеплили передъ образами, и священникъ началъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

Послѣ обрученья, заставили жениха съ невѣстой поцаловаться — и тутъ же ключница обозвала Владиміра Андреича сѣрымъ коршуномъ. И Владиміръ Андреичъ вправду немножко по коршунски сдѣлалъ: сейчасъ послѣ обрученья, онъ схватилъ невѣсту, увелъ въ гостиную отъ всѣхъ, потомъ и въ гостиной тѣсно ему показалась — увелъ ее въ садъ. Кто кликалъ его или заговаривалъ,—онъ на всякаго сверкалъ глазами и отъ всякаго уходилъ дальше.

Все это онъ такъ ясно и прямо выражалъ, что никому нельзя было ошибиться—и всѣ отъ него отстали. Онъ безъ помѣхи съ невѣстой по саду ходилъ, а Варя и Соня сидѣли съ священникомъ въ гостиной, угощали его кофеемъ и слушали, когда отцвѣтаютъ гортензіи, а когда зацвѣтаютъ гіацинты; дьяконъ сидѣлъ съ ключницей, толковалъ ей о своихъ постройкахъ, а дьячки тутъ же стояли поодаль: имъ скучно было — они часто зѣвали и крестились. У домашнихъ у всѣхъ разговоръ шелъ объ обрученьи, объ женихѣ и объ невѣстѣ; объ обрученьи прослышали уже на концѣ села и вѣсть полетѣла по сосѣдямъ.

VIII.

Со всѣхъ сторонъ шли толки, суды и пересуды объ женихѣ, каковъ это за женихъ; о невѣстѣ—какова это невѣста; о свадьбѣ—что это за свадьба. Осуждали и одобряли, хвалили и бранили, вспоминали, разыскивали, жалѣли, что первая жена бѣдная уморена, и предрекали, что вторая за ней пойдетъ; но что̀ бы ни ждало *за горами*, — пока для всѣхъ было очевидно, что невѣста любитъ жениха и весела, утѣшается подарками его и наряжается; а что ужь женихъ какъ невѣсту любитъ, такъ даже жутко становилось. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ ногахъ у нея, онъ пѣлъ какія-то разбойничьи пѣсни, онъ плакалъ, онъ всѣхъ гналъ отъ невѣсты, онъ всѣхъ сбиралъ около нея, онъ сбирался умереть отъ счастья; онъ сбирался домъ новый строить; говорилъ онъ такъ громко, дѣлалъ все такъ порывисто и живо; глаза у него такъ сверкали и горѣли, — многіе качали головою на него, а нѣкоторые думали даже, что онъ немножечко тронулся умомъ отъ любви и отъ радости, хотя другіе

завѣряли, что по вѣрнымъ слухамъ онъ всегда былъ такой взбалмошный.

Владиміръ Андреичъ ко всему свою любовь приставлялъ, и на всемъ свою любовь показывалъ. Какъ-то въ разговорѣ помянули, что въ рѣкѣ по близости утонулъ охотникъ въ водоворотѣ, и Оля сказала, какъ страшно по рѣкамъ такимъ плавать,—Владиміръ Андреичъ сейчасъ хотѣлъ бѣжать переплыть рѣку *изъ любви* — насилу его умолили, насилу удержали; похвалила Оля что у сосѣда-князя домъ хорошъ, темно-красныя бархатныя занавѣски на окнахъ — Владиміръ Андреичъ послалъ съ нарочнымъ приказъ старостѣ весь домъ обить бархатомъ темно-краснымъ, вмѣстѣ съ наказомъ быть умнѣй и выбрать все лучшее, а то очутится онъ тамъ же, гдѣ Ефимъ Θедоровъ. Ефимъ Θедоровъ былъ у Владиміра Андреевича управляющимъ и любимцемъ; Владиміръ Андреичъ ему подарилъ енотовую шубу, а потомъ въ сердцахъ сослалъ его въ рабочій домъ за грубость. Староста спросился: «надо ли дѣвичью и сѣни обивать бархатомъ?» Въ отвѣтъ ему одно слово написалъ Владиміръ Андреичъ: «повѣшу». Староста обилъ и сѣни и дѣвичью бархатомъ и выгадалъ на томъ только, что бархатъ сюда взялъ бумажный.

— А что, какъ замѣтятъ подлогъ? спросилъ пріятель старостинъ.

— Гдѣ ему замѣтить! У него глаза прыгаютъ, какъ у одержимаго, — гдѣ жь ему разглядѣть!

— А какъ на грѣхъ разглядитъ?

— Ну, что жь! Если на грѣхъ пойдетъ, такъ можетъ быть всяко! И бываетъ всяко: иной разъ ему угождали, онъ просто съ лица земли стиралъ; въ другой разъ ему и нагадятъ, онъ похвалитъ. Подъ какой часъ ему попадешься — все отъ того зависитъ.

Много было работы и хлопотъ старостѣ; кромѣ отдѣлки дома, надо еще было отдѣлать дворъ барскій, садъ барскій и всю деревню. Барская усадьба стояла на отлогой горкѣ, — съ горки видна была внизу церковь въ каменной оградѣ, деревня, луга, рѣки, дальше поля, а дальше полей ничего было не видно, потому что поля шли все выше и выше холмами и застилали даль.

Деревня эта не была похожа на прочія деревни: тутъ одна изба совсѣмъ валилась, подлѣ ней стояла новая, рубленая, съ красными ставнями, съ тесовыми воротами; подлѣ рубленой была

простая деревенская изба безъ затѣй; за ней — или въ три окошка съ рѣшетчатой трубой, или такъ, что кажись давнымъ-давно бы повалилась, еслибъ подлѣ ней не росла старая, кривая груша, что держала ее вѣтками, словно когтями. Въ тѣхъ избахъ, гдѣ были рѣшетчатыя трубы, красныя ставни и тесовыя ворота, жили люди Владиміру Андреичу угодные и за то они были надѣлены отъ него. Въ другихъ избахъ, простыхъ или ветхихъ жили люди нелюбимые, а то и просто такіе, что обѣднѣли, а Владиміръ Андреичъ не зналъ, или забылъ, или вниманья не обратилъ; а то и такіе, что отъ роду до старости прожили въ убожествѣ и въ нуждѣ, а въ голову не пришло, отчего и за что и почему — и всѣ глядѣли на нихъ спокойно: «вотъ люди живутъ — ѣсть нечего бѣднымъ», скажется иногда къ слову, да на томъ и кончится. Но къ свадьбѣ всѣ до одной избушки поправляли.

— На что это вы поправляете-то? спрашивалъ у старосты нанятый плотникъ. — Или губернатора будете встрѣчать?

— Женится баринъ, отвѣчала ему старуха.

— Такъ это на радостяхъ?

— На радостяхъ.

Прежде на барскомъ дворѣ росла крапива — тутъ ее рвали на щи, на острастку дѣтямъ, на лѣкарство коровамъ; къ свадьбѣ дворъ чистили, выметали и усыпали пескомъ. Садъ былъ давно запущенъ: деревья тамъ разрослись и вѣтками землю мели и пустили отростки; узенькія тропиночки вились и перекрещивались по высокой да густой травѣ, — черезъ садъ лежалъ короткій путь съ барскаго двора на деревню, и въ лѣсъ, и на рѣку; ребятишки забирались въ садъ разорять гнѣзда, за ягодами, за яблоками; въ саду у молодежи бывали тайныя свиданья; въ саду прятались, пережидали барскій гнѣвъ — садъ былъ самое глухое мѣсто; теперь къ свадьбѣ прорѣзывали въ саду дороги, вырубливали сухія деревья; непроходимыя аллеи расчищали, подстригали; ставили по саду лавочки.

— И лѣсъ велѣлъ прочистить, говорилъ староста садовнику, — садовникъ тоже былъ къ свадьбѣ къ саду приставленъ; прежде кто попало сбиралъ яблоки, а караулить никто не караулилъ, присматривать тоже никто не присматривалъ. Садовникъ былъ суровый такой старикъ, сѣдой, бородатый, съ смѣлыми глазами.

— Не знаю я, какъ съ этимъ лѣсомъ и быть, говорилъ ему староста: — авось до весны-то не пойдутъ туда.

— Чего ихъ въ лѣсъ теперь понесетъ? отвѣчалъ садовникъ. — Мало имъ по саду дорожекъ прорѣзали! — Брось ты лѣсъ, что по-пусту будешь людей трудить, — у людей еще хлѣбъ на полѣ не убранъ...

— А какъ бѣда будетъ?

— Какая бѣда! Свали на меня: я свое отбылъ—мнѣ восьмой десятокъ къ концу подходитъ, — ни замужъ меня отдать, ни что со мной сдѣлать!

— Не станетъ разбирать, который десятокъ!

— Ну, ну, волка-то бояться, такъ въ лѣсъ не ходить! А ты лѣсъ-то брось!

— А то и вправду брошу.

И бросили лѣсъ.

Церковь выбѣлили и куполъ выкрасили свѣжею зеленой краской, а священниковъ домикъ выкрасили розовой краской. Снесли дьячкову избушку,—она выходила изъ ряду другихъ построекъ и чернѣлась какъ обгорѣлый пень, — снесли избушку, а дьячка съ женой пока переселили въ баню. Дьячокъ ходилъ къ священнику просить защиты, — а тотъ былъ робокъ, всего боялся и все утѣшалъ тѣмъ, что дѣлать нечего.

— Ты молчи, сказалъ онъ дьячку.—Жалко твоей хижинки— да вѣдь она и такъ уже покривилась, нечего дѣлать — терпи. Всѣ мы терпѣть должны.

И скоро оправдалось на дѣлѣ, что терпѣть всѣ должны: у попадьи снесли курятникъ; напрасно она грозила всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ: и тѣмъ, что попъ не станетъ старостиныхъ дѣтей крестить, что за это на старостинъ скотъ нападетъ моръ, на его поле неурожай, а на его семью пойдутъ болѣзни и напасти.

На деревнѣ стучали топорами и молотками; садъ расчищали и подстригали; дворъ косили и мели; людскую отдѣлали за-ново снаружи, а внутри хотя и было по прежнему черно и голо, за то было веселѣе. Тамъ собрались чужіе нанятые люди. Тамъ сапожникъ точилъ сапоги, а башмачникъ башмаки, сами оба молодые, черноглазые, волосы у нихъ въ кружокъ и на головѣ черный козловый обручикъ, — они пѣли все печальныя пѣсни, но на каждую шутку, что говорилъ кривой портной, они пѣсни свои прерывали и заливались смѣхомъ. А портной былъ красно-

бай великій, и если умолкалъ, такъ затѣмъ только, чтобы собраться съ мыслями и разсказать что нибудь получше и посмѣшнѣе, или затѣмъ, чтобы прикроить, что надо. Передъ нимъ лежалъ ворохъ сукна синяго и серебряныя пуговицы, онъ шилъ ливреи; а передъ его товарищемъ лежали ситцы голубые, розовые, желтые и кубовые — товарищъ шилъ платья женскія и былъ человѣкъ красивый, тихій и работящій. Въ одномъ углу сидѣли портные за столомъ, а въ другомъ углу сапожникъ и башмачникъ, какъ почетные люди, а на лавкахъ поодаль дѣвушки и парни—новобранцы. Говорятъ, нерадостно, коли насильно выберутъ въ воеводы, а въ слуги и подавно,—такъ немудрено, что новобранцы всѣ сидѣли пригорюнившись. «Вотъ, это, иду я по морскому берегу, — краснобаилъ портной, — вижу, толпа людей мечется. «Утопъ, кричатъ, писарь утопъ! бѣда!» Нечего вамъ убиваться, добрые люди, говорю имъ—сейчасъ писарь вынырнетъ. «Гдѣ, говорятъ, вынырнетъ,—на восходѣ солнечномъ онъ ко дну пошелъ, а вотъ ужь вечерѣетъ!» Это все ничего, говорю имъ—сейчасъ писарь вынырнетъ. Подошелъ я къ самому синему морю, вынулъ изъ кармана рубль серебряный и повертѣлъ имъ, — море всколыхнулось и писарь вынырнулъ.»

Поднялся смѣхъ и хохотъ. Башмачникъ и сапожникъ такъ и катались; женскій портной смѣялся громко; и новобранцы и новобранки усмѣхались сквозь слезы и печаль.

Особенно между новобранцами тѣшился разсказомъ кудрявый мальчикъ и все поглядывалъ на портнаго.

— Что глядишь на меня? сказалъ ему портной: — глядишь, словно у меня въ карманѣ про тебя пирожокъ съ медомъ?

— Разскажите еще, дяденька.

Портной повелъ глазами, всѣ лица были къ нему обращены, всѣ глаза на него уставились, только одинъ парень не поднялъ головы и на лицѣ у него была забота, да ко всему ненависть.

— Или нездоровъ ты, братецъ? спросилъ у него портной обиженнымъ голосомъ: — что голову такъ повѣсилъ?

— Нездоровъ! былъ отвѣтъ.

Портной больше не спрашивалъ и сталъ рукава кроить. Другіе принялись за работу и поглядывали на парня; молчанье не прервалось разговоромъ, а прервалось пѣснью; башмачникъ запѣлъ: «*Что прошли-прошли наши красные дни...*»

Наканунѣ вѣнчанья Оля въ большой грусти и тревогѣ сидѣла съ Варей.

— Ахъ, Варя! ахъ, Варя! говорила она:—что-то мнѣ сулится? Что-то будетъ со мною?

— Чего ты боишься? о чемъ тоскуешь?

— Какъ же мнѣ не тосковать и не бояться, Варя? Все ново, все неизвѣстно... Кто знаетъ, что меня ждетъ впереди—счастье или горе?

— Да вѣдь ты любишь?

— Что за вопросъ, Варя! Я люблю его больше всего въ мірѣ!

— Зачѣмъ же бояться? Чего тосковать?

— Ахъ, Варя, Варя! Или ты свое горе забыла!

— Нѣтъ не забыла! не забыла!

— Ты любила и радовалась... Послѣ что? Одно горе осталось! Что, если мнѣ судилось то же!

— Да вѣдь ты любишь?

— Что жь? Хороша любовь счастливая, а несчастная только мою жизнь погубитъ!

Оля заплакала. Варя быстро ходила по комнатѣ. И у ней слезы катились по лицу.

— Что, если меня ждетъ горе впереди? опять начала Оля.

Варя остановилась и въ горькихъ слезахъ сказала ей, что все отъ любимаго человѣка благо, и ушла.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! говорила Оля ей вслѣдъ.

Оля пожаловалась Сонѣ, что будущее неизвѣстно и что грустно, — Соня ей отвѣтила, что да, будущее неизвѣстно и спросила, о чемъ она груститъ.

— Ты ничего не смыслишь еще, Соня! Ты еще не знаешь, что такое значитъ горе!

— Что бы ни значило, зачѣмъ его загодя оплакивать?

— А каково узнать горе!

— Если всѣ его знали, какъ же и намъ не узнать? О чемъ ты плачешь?

— Ахъ, никому меня не жалко! промолвила Оля: — никто мнѣ утѣшительнаго слова не скажетъ!

Соня стала ее утѣшать:

— Голубчикъ мой, не плачь, чего тебѣ плакать? Владиміръ Андреичъ тебя любитъ...

И все хорошо Соня ей высчитала: и какъ счастье иной разъ

прочно бываетъ, и какъ горе стороною проходитъ. Оля стала улыбаться. Потомъ пришла Варя, обнимала ее и цаловала, сулила ей всегдашнее веселье и вѣчныя радости; потомъ ключница пришла съ разсказами, каково у жениха домъ отдѣланъ, прогнали Олину и грусть и тревогу. На свадьбу гостей съѣхалось много; всѣ поздравляли и счастья желали, и знали каждую складочку, что не такъ легла на невѣстиномъ уборѣ; знали и въ жениховомъ нравѣ неровныя складочки и не упустили ни одной примѣты къ худу. Но чѣмъ ближе подходило къ вѣнчанью, тѣмъ всѣ мягче становилось, чаще вспоминали давнее знакомство и Олину ласковость. Замужнія научали Олю, чтобы она первая ступила на подножье и чтобъ непремѣнно ступила правой ногой — тогда будетъ властвовать надъ мужемъ и въ домѣ; незамужнія умоляли Олю объ этомъ не забыть, обѣщались стать поближе и подсказать, а тутъ же и себѣ, какъ говорится, на лбу зарубливали такую примѣту. Однѣ невѣсту одѣвали, другія смотрѣли, третьи поправляли, было безпрерывное движенье въ домѣ; становились въ дверяхъ, мѣшали другъ-другу; невѣсту одѣли и посадили въ карету съ посаженой матерью и съ Соней,—Варѣ, какъ старшей въ домѣ, негодилось ѣхать въ церковь. Всѣ Олѣ махали платками, кивали головами, кричали, чтобъ Богъ ей далъ счастья; Варя еще разъ подбѣжала къ каретнымъ дверцамъ, схватила Олину руку — слезъ и поцалуевъ пало безъ счету; ее взяли подъ руки и насильно увели; карета покатилась.

Оля сильно плакала; посаженая мать, съ страусовымъ перомъ на головѣ и съ золотымъ образомъ въ рукахъ, утирала глаза; Соня уговаривала.

Онѣ застали всю свадебную толпу женихову за церковной оградой и всѣ стояли отъ Владиміра Андреича поодаль, даже его шаферъ,—шаферъ боялся вдвое, и за себя, и за свой бѣлый жилетъ; Владиміръ Андреичъ давно ужь всѣхъ изъ церкви выгналъ за ограду встрѣчать невѣсту; давно ужь у всѣхъ спрашивалъ, отчего не ѣдутъ, давно волосы у него растрепались, а глаза сверкали; давно отъ него всѣ пятились, а священникъ прикрывалъ своими широкими полами любимый свой *американскій кустарничекъ*, и все повертывался лицомъ къ Владиміру Андреичу, съ какой стороны тотъ ни заходилъ. Владиміръ Андреичъ, по его мнѣнію, ходилъ, искій кого поглотити; онъ своими лаковыми сапогами выбивалъ изъ земли цвѣты и подкидывалъ, а бѣлыми перчатками ломалъ вѣтки на пути. Всѣ были кругомъ

въ безпокойствѣ, и хотя голоса два сказали: «да намъ-то что безпокоиться?»—имъ десять голосовъ отвѣтило: «помилуйте, вѣдь все-таки непріятно!» Невѣстѣ всѣ обрадовались; а видя, до чего радъ женихъ, безъ опаски надъ нимъ потрунили; увели его за вѣтвистую яблонь на паперть, а дьячка послали за вѣничкомъ почистить платье; шаферъ вынулъ свой гребешочекъ и пригладилъ ему волосы, а потомъ отвелъ его въ церковь. Невѣста уже стояла на своемъ мѣстѣ и за нею въ два ряда дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ. Шаферъ прошелъ мимо всѣхъ, словно велъ укрощеннаго тигра; съ такимъ видомъ люди возвращаются съ поля битвы или изъ чумнаго города, когда знаютъ, откуда они вышли цѣлы и другимъ не совѣтуютъ судьбу искушать.

Началось вѣнчанье.

Послѣ вѣнца Владиміръ Андреичъ едва кое-какъ выстоялъ благодарственный молебенъ, не выслушалъ поздравленій, вышелъ съ молодою изъ церкви плечомъ впередъ, сѣлъ съ ней въ карету, велѣлъ кучеру гнать лошадей во весь духъ, и умчался.

Въ Михайловскомъ, послѣ проводa гостей, все въ домѣ прибирали, разговоровъ ужь не велось, а только говорились отрывистыя слова и слышны были частые и громкіе зѣвки. Однимъ не спалось — Варѣ да Сонѣ.

— Какъ опустѣло безъ ней! какъ опустѣло! говорила Варя въ тоскѣ. — Соня, какъ безъ ней опустѣло!

— Да, Варя, опустѣло.

— Какъ она счастлива! какъ счастлива!

Варя переходила отъ тоски къ восторгу, отъ восторга къ тревогѣ и горю.

— И что, если она счастлива будетъ не долго! Боже мой! Пусть я не доживу до этого, если она будетъ несчастна!

Потомъ разговоръ переходилъ къ тому, какъ-то Оля пріѣхала на новое мѣсто, какъ хозяйничать будетъ въ домѣ, какъ поѣдутъ къ ней провѣдать ее, какъ она будетъ ѣздить къ нимъ; потомъ много, много предположеній, плановъ и надеждъ, что люди себѣ на забаву и на утѣшенье всегда припасаютъ.

IX.

Молодые стали жить да поживать. Все у нихъ въ домѣ было пышно и богато. Правда, что бархатъ через-чуръ отливалъ

краснымъ; но при большихъ зеркалахъ повсюду хоть и рѣзало немножечко глаза, а было необыкновенно, и Ольгѣ Петровнѣ нравилось. Первое время Ольга Петровна своими ногами почти не ходила: Владиміръ Андреичъ носилъ ее на рукахъ по комнатамъ, носилъ ее на рукахъ по саду. Потомъ онъ пересталъ ее носить на рукахъ; потомъ сталъ сердиться на часы, что часы невѣрно идутъ; потомъ онъ велѣлъ старостѣ зажечь плошки вечеромъ по всей деревнѣ, по саду и во дворѣ. Плошки зажгли, деревню, садъ и дворъ освѣтили,—Ольга Петровна очень этимъ утѣшалась, Владиміръ Андреичъ опять ее носилъ на рукахъ; потомъ онъ приказалъ нарядиться всей деревнѣ и собраться поклониться молодой барынѣ; деревня нарядилась, собралась и поклонилась. Ольга Петровна растрогалась, Владиміръ Андреичъ очень былъ веселъ и всѣхъ обдарилъ; потомъ онъ созвалъ гостей и задалъ пиръ; потомъ повезъ молодую на чужіе пиры; потомъ онъ сталъ бить любимую свою собаку, Діанку, гнѣваться на осень, на вѣтеръ, на солнце — на все, что было кругомъ; сталъ шагать по комнатамъ, кричать и топать ногами на людей.

Разъ, когда онъ ужь очень раскричался, Ольга Петровна встревожилась, прибѣжала къ нему и со слезами просила не сердиться; Владиміръ Андреичъ сейчасъ умолкъ, просилъ на колѣнахъ прощенья, поклялся небомъ и землею, что никогда этого больше не будетъ; дня черезъ два было опять то же. Опять Ольга Петровна прибѣжала и стала просить, — Владиміръ Андреичъ не слушалъ; Ольга Петровна стала плакать; Владиміръ Андреичъ спросилъ ее, о чемъ она плачетъ — такъ громко, что Ольга Петровна только ахнула; тогда Владиміръ Андреичъ посмѣялся надъ ея страхомъ, сказалъ ей: «успокойся» и поцаловалъ ее, и опять обѣщалъ, что больше кричать не будетъ, — и сталъ кричать, что дальше, то чаще. Наконецъ пришелъ такой часъ, когда Ольга Петровна хотѣла его остановить, онъ такъ на нее крикнулъ, что она совсѣмъ потерялась и чуть не упала со страху. Потомъ полились у ней слезы. Владиміръ Андреичъ разбѣжался и лбомъ объ притолку — ударился разъ, ударился другой и вдругъ очутился передъ Ольгой Петровной.

— Не плачь! крикнулъ онъ.

Ольга Петровна хотѣла убѣжать изъ комнаты, онъ крикнулъ еще громче:

— Останься!

Ольга Петровна стояла словно подъ громами небесными; тутъ грохочетъ и тамъ грохочетъ, и стоять страшно, что убьетъ, и ступить страшно, что убьетъ. А какъ она ни бѣжала, ни говорила, ни плакала, Владиміръ Андреичъ остановился и только скрежеталъ зубами; потомъ онъ опять разбѣжался въ притолку, а Ольга Петровна той минутой опомнилась и вырвалась изъ комнаты. Владиміръ Андреичъ бросился за ней по всему дому и нашелъ ее въ постелѣ, блѣдную, какъ бумага и съ закрытыми глазами; онъ самъ побѣлѣлъ, какъ бумага, целовалъ у ней руки и ноги, и плакалъ, какъ дѣвочка. Ольга Петровна пришла въ себя — радости его границъ не было; на Ольгу Петровну посыпалась тьма тьмущая поцалуевъ, ей наговорилось три короба обѣщаній; опять ее Владиміръ Андреичъ взялъ на руки и носилъ по комнатѣ.

Съ этого дня Владиміръ Андреичъ точно ее вдругъ сильнѣй полюбилъ, пересталъ выглядывать въ окошко, пересталъ сомнѣваться — идутъ ли вѣрно часы; и люди ему теперь съумѣли лучше угождать, и Діанка лежала теперь на своемъ мѣстѣ. Конечно, все это было до поры до времени.

Но съ этого же дня Ольга Петровна никогда не вмѣшивалась въ его гнѣвъ; Ольга Петровна только заслышитъ первое сердитое слово, только завидитъ первый грозный взглядъ, сейчасъ незамѣтно ускользнетъ изъ комнаты, и какова бы гроза и надъ кѣмъ бы ни разыгралась, она и перебудетъ у себя въ спальной, какъ мышка въ норкѣ.

Первое время замужества Ольги Петровны къ ней пріѣзжали сестры, именно пріѣзжали онѣ черезъ двѣ недѣли послѣ ея свадьбы; — какъ онѣ пріѣзжали, Владиміръ Андреичъ сталъ вздыхать отрывисто, и громко; потомъ вздыхалъ и глядѣлъ на сестеръ такъ, что имъ оставалось только покашливать для храбрости, — потомъ онъ просто-на-просто бѣгалъ отъ нихъ и затворялъ за собою двери, изъ-за дверей онъ кликалъ Ольгу Петровну: «Оля! Оля! Оля! гдѣ ты? гдѣ ты? гдѣ ты?» И все это шло одно за другимъ не по днямъ, а по часамъ, такъ что въ первый же вечеръ пріѣзда своего, сестры сказали Ольгѣ Петровнѣ, что онѣ поѣдутъ на другой день. Ольга Петровна хотя была рада имъ очень, но безъ печали услыхала о скоромъ отъѣздѣ — ее тогда Владиміръ Андреичъ еще на рукахъ носилъ. Владиміръ Андреичъ обрадовался этой вѣсти ужасно, развеселился, повелъ сестеръ по дому показывать имъ весь домъ, по-

томъ повелъ показывать садъ, — совсѣмъ темь была и впереди передъ ними два человѣка несли фонари; потомъ всѣмъ ихъ дарилъ: дарилъ органомъ и дарилъ восьми-лѣтней дѣвочкой дворовой, дарилъ сѣрой лошадкой, дарилъ шалью Ольги Петровны, угощалъ ихъ за ужиномъ и обнялся съ ними на сонъ грядущій. Вечеръ прошелъ въ суетѣ, въ движеньи: то Владиміръ Андреичъ велѣлъ привести лошадь,—приводили лошадь смотрѣть передъ окна и свѣтили лучинами и фонарями; то заводилъ Владиміръ Андреичъ органъ; то дѣвочку призывалъ, приказывалъ ей глядѣть прямо всѣмъ въ глаза; то шаль разстилалъ;—поздно разошлись спать.

Сестры пришли въ свою комнату и молча стали раздѣваться, и раздѣвалась Соня медленнѣй, а Варя поспѣшнѣй всегдашняго; потомъ онѣ обнялись крѣпче всегдашняго.

— Какъ онъ насъ выживаетъ! сказала Варя.—Вѣдь онъ просто ревнуетъ къ намъ Олю. Не надо къ нимъ часто ѣздить. Жалко мнѣ съ Олей разставаться! Какъ я рада, что она счастлива!

И глаза у ней блестѣли, и слезы блестѣли въ глазахъ. Соня сидѣла съ ней рядомъ на кровати и слушала.

— Соня, что же ты молчишь? Что же ты молчишь, Соня? Неужто ты сердишься за то, что мы имъ мѣшаемъ? Неужто ты не понимаешь, что когда любятъ... что когда мѣшаютъ... Погляди на меня! Неужто... Она быстро подняла Сонину голову вверхъ. Соня глядѣла ей въ глаза своими, добрыми и тихими — и ей улыбнулась; Варя жарко разцаловала ее.

— Нѣтъ, ты хорошо глядишь... Но что же ты ничего не скажешь? Скажи же мнѣ... Ты сердишься?

— Нѣтъ, — я думала...

— Ты объ этомъ дурно думала?

— Нѣтъ, я другое думала.

— Да что же? Что же?

— Дай я скажу тебѣ. Я думала, какого бы мнѣ себѣ счастья поискать, гдѣ, въ чемъ?

— Ты будешь, будешь счастлива! Ты найдешь человѣка, ты полюбишь... ты выберешь славнаго человѣка... Не думай, что люди нехороши, что не за что любить ихъ,—это неправда, Соня...

— Нѣтъ, любить есть за что. Я знаю многихъ, что ихъ есть за что очень, очень любить... а чтить некого...

Варинъ пылъ вдругъ утихъ, она присмирѣла и отвѣтила:

— Говорятъ, что на землѣ нѣтъ совершенства.

— Да это не совершенство, — не то что въ примѣръ всѣмъ, что ли, стать, а не даромъ быть и жить по своему,—такіе люди есть на свѣтѣ, только у насъ нѣтъ такихъ.

На другой день сестры встали рано и, дожидаясь къ чаю хозяевъ, бродили изъ комнаты въ комнату;—въ кладовую двери были настежь и на стѣнѣ въ кладовой висѣлъ портретъ въ черной рамкѣ,—портретъ мальчика, черноволосаго и кудряваго, съ такими ясными и смѣлыми глазами, съ такою веселою и откровенною улыбкою, что обѣ сестры на него заглядѣлись и обѣ подумали: «гдѣ-то онъ теперь? Что-то съ нимъ?» Въ кладовой ключница укладывала сухари на подносъ; платье на ней было розовое, чепчикъ съ розовыми лентами, — сама она была молодая, красивая, а глаза у ней заплаканные; ключница не знала, чей это портретъ и не сказала о чемъ она плакала.

Пришла Ольга Петровна.

— Оля, чей это портретъ? спросила Варвара Петровна.

Ольга Петровна въ первый разъ замѣтила, и чей—не знала.

За Ольгой Петровной вошелъ Владиміръ Андреичъ.

— Володя, чей это портретъ?

— Какъ чей портретъ? Гришинъ.

— Кто это Гриша?

— Мой сынъ.

— Какъ сынъ? У тебя есть сынъ? Гдѣ же онъ? Какъ же никто не зналъ?

— Какъ не зналъ никто? вскрикнулъ Владиміръ Андреичъ.— Не можетъ быть! Правда, что давно нѣтъ слуху о немъ, но онъ отлично учится. Онъ у дяди воспитывается, — съ шести лѣтъ тамъ,—нѣтъ, съ восьми; теперь ему шестнадцать, — отчего такъ время быстро пробѣжало? Я его не видалъ уже девять лѣтъ, но онъ чудесный мальчикъ и ему хорошо, какъ нельзя лучше у дяди; дядя человѣкъ сумасшедшій — о немъ и говорить не стоитъ!

Никто на это ничего не сказалъ, всѣ стояли передъ портретомъ и глядѣли на него.

— Будетъ ли онъ любить меня? проговорила Ольга Петровна.

— Кто? вскрикнулъ Владиміръ Андреичъ.

— Твой сынъ.

— Какъ? Какимъ образомъ? Кто тебя смѣетъ у меня не любить?

— Полно, полно, Володя! стала уговаривать Ольга Петровна.

— Ахъ, какой мальчикъ славный! сказала Варвара Петровна: — такъ бы и увезла его съ собою!

— Да возьмите, возьмите, возьмите! вскрикнулъ Владиміръ Андреичъ.

Онъ сорвалъ портретъ со стѣны и совалъ его Варварѣ Петровнѣ въ руки.

— Спасибо вамъ, сказала Варвара Петровна.

Послѣ чаю сестры поѣхали. Простились всѣ весело: съ крыльца хозяева махали платкомъ, изъ коляски выглядывали отъѣзжающія, пока не укатились изъ виду. Онѣ поѣхали яснымъ осеннимъ утромъ. Гдѣ пригрѣло солнышко—на травѣ лежала сильная роса, а въ тѣни трава бѣлѣлась подъ утреннимъ морозцемъ; листья попадали съ деревьевъ—сосна одна зеленѣла. Проселочная дорога вилась по сжатымъ убраннымъ полямъ. Послѣ этого сестры долго не были у Ольги Петровны. Изрѣдка отъ нея приходили письма; она писала, какія сани купилъ ей Володя, какъ они катаются съ Володей; кто былъ у нихъ въ гостяхъ; у кого они побывали,—и каждое письмо кончалось тѣмъ, что она совершенно счастлива.

Но потомъ письма стали приходить все чаще да чаще. Ольга Петровна писала, что она иногда боится мужа, что мужъ сердится и кричитъ; потомъ Ольга Петровна написала, что нѣтъ у ней спокойной минутки, что несчастная она жена, и что ей дѣлать теперь?

«Ты не пріѣзжай, милая Варя (приписывала Ольга Петровна), а то я боюсь, что будетъ мнѣ еще хуже. Онъ подозрѣваетъ, что я тебѣ пишу и тебѣ жалуюсь, и онъ сердится. Отложи свой пріѣздъ, прошу тебя. Когда нибудь, Богъ дастъ, мы увидимся. Ахъ, если бы можно было убѣжать мнѣ отсюда на край свѣта! Если бы кто могъ спасти меня отсюда!»

Письмо это пришло вечеромъ. Варвара Петровна сейчасъ же собралась ѣхать, послала впередъ нарочнаго съ письмомъ, что она ѣдетъ, и въ метель, въ холодную, февральскую ночь уѣхала. Соня просилась съ нею, но она ее не взяла съ собою.

На несчастье, именно въ тотъ день, какъ пріѣхать Варварѣ Петровнѣ, Владиміръ Андреичъ всталъ, какъ говорится, съ лѣ-

вой ноги. Онъ только завидѣлъ въ дворѣ нарочнаго, такъ и вспыхнулъ. Письма онъ женѣ не далъ, а изорвалъ въ мелкіе кусочки и поклялся, что онъ Варвару Петровну къ себѣ на порогъ не пуститъ.

Онъ закричалъ, зазвонилъ, велѣлъ нарочнаго прогнать со двора, а своимъ людямъ стать на выгонѣ и не впускать Варвару Петровну въ деревню. Онъ былъ такъ грозенъ и гнѣвенъ, что Ольга Петровна и не пикнула, ушла и притаилась въ своей спальной.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Нарочнаго прогнали со двора, Варвару Петровну не впустили въ деревню. Понапрасну она долго просила,—ничего не выиграла, кромѣ лихорадки отъ холоду, отъ тревогъ и отъ волненій. Надо было воротиться домой, и она домой воротилась въ горѣ. Погоревала дома, поволновалась, написала четыре письма къ Владиміру Андреичу,—посланный привезъ эти письма назадъ и доложилъ, что Владиміръ Андреичъ обѣщался пулями въ него стрѣлять, если еще разъ покажется ближе, чѣмъ на десять верстъ отъ его дома.

— Что дѣлать! что дѣлать! говорила Варвара Петровна. — Я опять поѣду.

— Возьми меня, просила ее Соня.

Онѣ вмѣстѣ поѣхали, но ихъ опять не впустили въ деревню. На выгонѣ выстроены были люди—не то воины, не то охотники, въ сѣрыхъ чекменяхъ, въ черкесскихъ шляпахъ; у каждаго за плечами по ружью, а въ рукахъ по рогу. Только-что подъѣхала повозка близко, сейчасъ всѣ затрубили въ рога, протрубили, нацѣлили ружья и закричали: «не подъѣзжай!»

— Стрѣляйте въ меня, я все-таки поѣду, крикнула Варвара Петровна, выскочила изъ повозки и пошла прямо; Соня за ней шла. Стрѣлять въ нихъ не стрѣляли, но и впередъ не пускали и трубили въ рога изо всей мочи.

Немного погодя, прикатили сани; въ саняхъ сидѣлъ Владиміръ Андреичъ съ Ольгой Петровной; сани только подъѣхали, завернули на выгонѣ и укатили опять. Сестры едва успѣли взглянуть на Ольгу Петровну: она сидѣла въ саняхъ словно восковая, безцвѣтна и неподвижна, а Владиміръ Андреичъ сидѣлъ прямымъ разбойникомъ.

Сестры воротились домой, стали думать да придумывать, что дѣлать, и какъ тутъ быть.

X.

Пока думали, придумывали и передумывали, отъ Ольги Петровны пришло письмо, коротенькое, неразборчивое, — видно, что писано было въ попыхахъ. Вотъ что Ольга Петровна писала.

«Ради Бога, ради всѣхъ святыхъ не пріѣзжайте, не пишите ко мнѣ, не говорите обо мнѣ. Это меня погубитъ, — не погубите меня. Послушайся, Варя, если не хочешь моей смерти. Сжалься надо мною. Отъ этого все зависитъ. Иначе я все потеряю. Ради Создателя, побереги свою несчастную сестру. Ничего не дѣлай, ничего не говори, не губи моей жизни...»

Письмо это принесла молодая пастушиха, и ни за что не хотѣла сказать, кто и гдѣ далъ ей это письмо. «Я побожилась отцомъ-матерью», говорила она, «ужъ вы не упрашивайте, не скажу.» Все это прибавило тревоги. Страшно было вмѣшиваться, страшно было и оставить. Рѣшили на томъ, чтобы оставить.

Надо сказать, что въ —скомъ уѣздѣ вдругъ прошелъ между нѣкоторыми слухъ, что жизнь должна быть полна, умственна и изящна; — для этого вдругъ принялись выписывать всѣ новые романы, разводить цвѣты, стали рисованьемъ заниматься, за музыку взялись. Между другими ходилъ слухъ, что жизнь на семъ свѣтѣ ничѣмъ не скрасишь, что человѣкъ осужденъ томиться, и что не скучаютъ на семъ свѣтѣ только одни нѣмцы, а это именно потому, что они нѣмцы.

Вороновы бились всячески, чтобы получше свою жизнь уладить. Онѣ многое множество прочитали; пробовали безвыѣздно дома сидѣть, пробовали часто бывать у сосѣдей; начали учиться по нѣмецки, — а все жизнь шла что-то мертво. Вотъ и погода славная, и всё цвѣтетъ, и здоровье хорошо, а Варвара Петровна быстро ходитъ по комнатѣ и нетерпѣливо кругомъ поглядываетъ.

— Соня, Соня! гдѣ ты? кличетъ она сестру.

Соня вошла съ книгой въ рукахъ. Варвара Петровна ее крѣпко поцаловала, одинъ, другой, третій разъ.

— Ты все читаешь? спросила она: — не вычитала ли ты, отчего это человѣкъ ни чѣмъ не доволенъ?

— А ты чѣмъ не довольна?

— А ты развѣ довольна? А чего намъ недостаетъ? Какъ

лучше устроить? Чѣмъ не хороша жизнь наша? Я—другое дѣло... но ты,—можешь ли ты сказать, что счастлива, что довольна? А на что ты пожалуешься?

— Не на что пожаловаться... Перемѣнись наша жизнь, можетъ мы загоревали бы; а идетъ наша жизнь хорошо, довольства не находимъ отчего-то...

— Да когда же найдемъ? Гдѣ же? Не я, Соня, — чего мнѣ искать?—а ты, мой голубчикъ! Мнѣ бы такъ хотѣлось тебѣ радостей, довольства, всякаго, всякаго добра! Когда же? Гдѣ же?

— Если бы знали, мы бы все это достали. Варя, погоди...

— Что жь ты думаешь, найдешь?

— Да, я думаю.

— Да, тебя ждетъ счастье, я вѣрю, вѣрю въ это... А меня что ждетъ? Чего мнѣ дожидать?

Потомъ она прибавила: «да, дѣлать нечего!» сѣла къ окну и стала глядѣть въ садъ. Софья Васильевна подошла и сѣла тутъ же. Варвара Петровна посмотрѣла на нее,—вдругъ слезы у нея хлынули изъ глазъ. Софья Васильевна бросилась къ сестрѣ, обняла ее и прижалась къ ней.

Варвара Петровна плакала горько, но не долго. Она стала опять цаловать сестру, и опять стала говорить:

— Да, ты будешь счастлива, Соничка. Ты еще не можешь теперь понять, какъ можно быть счастливой на свѣтѣ! Что жь ты глядишь? Не вѣришь, что я это знаю? Не вѣришь, что хорошо можетъ быть на свѣтѣ?

— Вѣрю.

— То-то! Ты въ одномъ только съ дѣтства измѣнилась.

— Въ чемъ, Варя?

— А ты ребенкомъ все увѣряла насъ, что счастья на землѣ нѣтъ, помнишь? А теперь ты вѣришь, что его найдешь, что гдѣ-то есть...

— Да то совсѣмъ другое, я и теперь скажу, что такого-то счастья нѣтъ... Я хочу сказать: нѣтъ для меня, по моему, такого счастья, какъ его у насъ ищутъ: чтобы вотъ душа была вѣчно спокойна, здорова, легка; знаешь, какъ иногда во снѣ бываетъ: и тепло, и мягко, — нѣжишься и не хочешь глазъ открывать... Такого счастья я не найду и искать такого не стану.

— А въ чемъ же счастье-то, Соня?

— Я еще не знаю.

Несмотря впрочемъ на недовольство, на печаль по Ольгѣ Пе-

тровнѣ и на тревоги, что-то съ нею, — несмотря, что сосѣди враждебно за что-то глядѣли и почти не навѣщали, Вороновы не скучали и не томились. Онѣ много учились и всегда были заняты. Такъ прожился почти годъ, очень тихо и уединенно. Къ концу года пришелъ въ уѣздъ полкъ, и военные стали ѣздить по гостямъ небольшими отрядами. Дошла очередь и до Вороновыхъ, и вотъ пріѣхалъ разъ къ нимъ отрядъ въ девять человѣкъ. Во дворъ влетѣли три тройки и стали у крыльца. Всѣ три телеги были покрыты пестрыми коврами. Деньщикъ вошелъ въ переднюю и доложилъ, что господа военные офицеры съ полковникомъ желаютъ видѣть здѣшнихъ господъ. Вороновы просили пожаловать. Вошелъ полковникъ, плечистый такой и довольный, а за нимъ стройно вошло восемь офицеровъ. Полковникъ представлялъ офицеровъ, словно ими подчивалъ.

— Позвольте представить вамъ, говорилъ онъ.

— Очень пріятно, отвѣчала Варвара Петровна.

— Нѣтъ, вы еще не знаете, что это за молодой человѣкъ, говорилъ полковникъ. — Время покажетъ вамъ, сударыня.

Такъ или почти такъ онъ всѣхъ представилъ, и всѣ сѣли.

Тогда какой-то бѣленькій, смѣленькій офицеръ началъ:

— Нашъ полковникъ насъ балуетъ...

— Полковникъ чрезвычайно хорошо людей знаетъ, и до крайности добръ... подхватилъ другой, глазастый офицеръ. Третій сталъ разсказывать, какъ полковникъ былъ въ ногу ядромъ раненъ; четвертый голосъ, пятый, шестой, седьмой, восьмой — всѣ голоса поднялись и восхваляли полковника; а полковникъ сидѣлъ въ креслѣ, скрестилъ руки, наклонялъ голову, закрывалъ и открывалъ глаза, улыбался; лицо его такъ и выражало: «Все, что говорятъ эти люди, совершенная правда!»

Потомъ всѣ офицеры пили чай, и полковникъ пилъ; подходили ударяли по клавишамъ — пробовали фортепьянный тонъ; полковникъ просилъ хозяекъ поиграть что нибудь хорошее, — ему поиграли. Потомъ полковникъ приподнялся и всѣ офицеры вдругъ снялись съ своихъ мѣстъ, всѣ распростились и поѣхали.

Послѣ этого, дней черезъ пять, опять пріѣхалъ полковникъ вдвоемъ съ своимъ племянникомъ.

Племянникъ былъ высокъ и красивъ; ходилъ онъ задумчиво и все бокомъ, глядѣлъ бокомъ и голову на бокъ держалъ (все задумчиво). Волосы у него были длинные и онъ часто ихъ по-

правлялъ. Онъ искалъ любви до гроба и загробной, и искалъ тоже богатой невѣсты.

Пока полковникъ распрашивалъ о здоровьи, племянникъ молчалъ задумчиво; полковникъ говорилъ о генералѣ, онъ тоже молчалъ; разговоръ наконецъ перешелъ уже на Суворова, на Наполеона; даже помянули Іоанна Грознаго.

— Какъ пріятно мыслить о великихъ людяхъ! сказалъ вдругъ племянникъ, и въ оба глаза глядѣлъ на Варвару Петровну.

— Да, сказала Варвара Петровна.

Онъ на Софью Васильевну обратилъ глаза.

— Да, сказала Софья Васильевна.

Онъ поправилъ волосы и задумался.

Полковникъ было притихъ, дожидая, что дальше; но видя, что дальше ничего, — спросилъ: «что-жь?»

Племянникъ задумчиво на него взглянулъ и не отвѣтилъ.

— Какъ вы думаете, Александръ Македонскій.... начала было Варвара Петровна; но полковникъ приложилъ палецъ къ губамъ, прелукаво улыбнулся и спросилъ:

— Что такое любовь?

Племянникъ всталъ, поглядѣлъ туда и сюда кругомъ и очень громко заговорилъ о любви.

Полковникъ былъ предоволенъ и поглядывалъ на хозяекъ: такъ поглядываютъ фокусники, когда удивляютъ своими фокусами.

Племянникъ сказалъ, что любовь — рай, ревность — адъ, разлука — погибель, измѣна — могила.

— Я не хочу обыкновенной любви, не хочу, не хочу! говорилъ онъ, и отмахивался обѣими руками, словно къ нему приставали съ чѣмъ.—Я хочу... (онъ зашепталъ и вытянулъ шею какъ гусь)—я хочу любви вѣчной, до гроба и за гробомъ!...

Послѣ этого онъ быстро вышелъ въ другую комнату. Полковникъ улыбался. Варвара Петровна хотѣла что-то сказать, но полковникъ опять приложилъ палецъ къ губамъ и промолвилъ:

— Терпѣнье!

Изъ другой комнаты послышались аккорды на фортепьянахъ, и запѣлъ племянникъ:

«Любовь, небесъ святое слово,
Лишь для тебя воскресну вновь!

И примиритъ меня съ вселенной
Одна любовь, одна любовь!»

Полковникъ руки потеръ отъ удовольствія, и перегодивши немножко, покликалъ:

— Мишель, а, Мишель!

Мишель вошелъ.

— Зачѣмъ вы меня кликали? Мнѣ было такъ хорошо! сказалъ онъ.

— Я не знала, что вы поете, промолвила Варвара Петровна.

Полковникъ моргнулъ, будто сказалъ: «мало ли вы чего не знаете»! а Мишель вздохнулъ.

— Не споете ли вы еще что нибудь? спросила Софья Васильевна.

— Я повинуюсь, отвѣчалъ Мишель и побрелъ къ фортепьянамъ; за нимъ пошли всѣ. Онъ пѣлъ очень долго и разныя слова на одинъ голосъ.

Позвали къ чаю.

— Это не моя стихія, сказалъ Мишель.

— Нѣтъ, я такъ къ чаю пристрастенъ, сказалъ полковникъ: —и всегда скажу, что китайцы хорошо сдѣлали, что его выдумали.

Послѣ чаю Мишель отошелъ къ окну и что-то писалъ, пока полковникъ слушалъ, какъ Софья Васильевна играла.

Передъ отъѣздомъ подошелъ Мишель къ Варварѣ Петровнѣ.

— Позвольте вамъ посвятить, сказалъ онъ,—и подалъ Варварѣ Петровнѣ листокъ бумаги, исписанный мелко и криво, точно макомъ посыпано.

— Покорно васъ благодарю, отвѣтила Варвара Петровна и стала читать.

— А, посвященье! вскрикнулъ полковникъ.—Позвольте послушать.

На листкѣ было написано:

Наполеонъ и купидонъ —
Маленькія дѣти;
Но берегись,
Не попадись
Въ золотыя сѣти.
Ихъ строилъ онъ,

Наполеонъ,
И злой мальчишка-купидонъ.

— Браво, браво, браво! вскрикнулъ полковникъ.

Потомъ онъ добавилъ тише и значительнѣй хозяйкамъ:

— Сударыни! если купидонъ къ вамъ заберется, то купидону, подобно Наполеону, будетъ у васъ Бородино!

Лошади давно были поданы, гости простились.

— Мы скоро будемъ имѣть честь васъ посѣтить, сказалъ на прощанье полковникъ, успокоивающимъ голосомъ.

Полковникъ съ племянникомъ повадились ѣздить часто. Полковникъ былъ всегда веселъ, словоохотливъ, одобрительно глядѣлъ на племянника и значительно глядѣлъ на Варвару Петровну и на Софью Васильевну. Племянникъ становился все унылѣе, почти пересталъ говорить, а только все пѣлъ.

Черезъ три недѣли послѣ перваго знакомства, полковникъ пріѣхалъ одинъ.

— Мишель не можетъ быть, сказалъ онъ останавливаясь въ дверяхъ, и поклонъ низкій отвѣсилъ, и помолчалъ. — Онъ раненъ стрѣлой, прибавилъ онъ и опять поглядѣлъ своими веселыми глазами. — А вотъ позвольте вручить...

Онъ подалъ Варварѣ Петровнѣ письмо.

Варвара Петровна посмотрѣла на конвертъ, посмотрѣла на печать. Конвертъ былъ голубой, печать большая; на ней изображена фигура стоящаго человѣка, схватившаго руками себя за голову; кругомъ вырѣзаны были слова: «Ахъ, какъ я разстроенъ!»

Варвара Петровна распечатала и стала читать. Полковникъ ходить сталъ по комнатѣ, поглядывалъ, посмѣивался, время отъ времени останавливался и звенѣлъ шпорами. Софья Васильевна глядѣла на сестру и ждала. Варвара Петровна была смущена.

Письмо было отъ Мишеля. Сначала онъ писалъ о природѣ, потомъ признавался въ вѣчной любви и сватался, потомъ онъ писалъ о счастьи, и объ мѣсяцѣ, и объ звѣздахъ. «Успокойтесь», сказалъ веселый полковникъ. — «Подойдите къ окну, освѣжитесь; выкушайте стаканъ воды; будьте счастливы!»

— Я прошу васъ... хотѣла сказать Варвара Петровна.

— И не просите! Я сейчасъ лечу и все устрою...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы слушайте! закричала Варвара Петровна

Скажите вашему племяннику, что я не могу... Или я, лучше, сама ему напишу...

— Какъ не можете? выговорилъ полковникъ. У него глаза остановились и брови поднялись.

— Я не пойду замужъ никогда.

— Ну вотъ! Полноте! полноте! увѣщалъ полковникъ, придя въ себя немного.

— Я не пойду!

— Ну, какъ можно! Выкушайте стаканъ воды... Счастье отъ васъ въ тридцати шагахъ...

— Да поймите меня...

— Я всѣхъ барышень понимаю, — барышни робки...

— Вы не хотите меня понять. Я еще разъ повторяю, не пойду замужъ. Прошу васъ передать это вашему племяннику.

Варвара Петровна выбѣжала изъ гостиной. Полковникъ оторопѣлъ.

— Что же это такое? сказалъ онъ.

— Передайте отвѣтъ сестры вашему племяннику, сказала Софья Васильевна и тоже ушла.

Полковникъ поглядѣлъ ей вслѣдъ, подумалъ и вдругъ разсердился.

— Ни на что непохоже! Ни на что непохоже! проговорилъ онъ. — Не хочу больше знать! не хочу прощаться!

Онъ уѣхалъ.

— Кто бы думалъ, откуда горе пришло! говорила Варвара Петровна и со смѣхомъ, и съ волненьемъ.

На третій день послѣ этого, деньщикъ прискакалъ верхомъ и привезъ Варварѣ Петровнѣ завялые цвѣты. Отъ кого были цвѣты, деньщику не приказано было сказывать; а зачѣмъ цвѣты присланы завялые — деньщикъ не зналъ.

Потомъ прошло недѣли двѣ, никто изъ полковыхъ не былъ ни разу. Поздно вечеромъ сестры вмѣстѣ читали. Вошла горничная дѣвушка и доложила, что какой-то человѣкъ хочетъ видѣть Варвару Петровну.

— Проси его въ гостиную, сказала Варвара Петровна и спросила сестру: — кто бы это, Соня? — Ахъ, не отъ Оли ли? Зови его, зови скорѣй!

— Да звала, — нейдетъ. Стоитъ подъ окномъ; какъ зовутъ, не говоритъ, а говоритъ, что онъ отсюда выгнанъ, и шинелью закрывается.

— Да пойдемъ, увидимъ, сказала Софья Васильевна.

Онѣ увидали полковникова племянника.

— Простите, я возмутилъ вашъ миръ, проговорилъ онъ: — я ухожу... Я васъ не буду преслѣдовать своимъ присутствіемъ... Хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ на мирныя мѣста... Я навсегда ухожу... прощайте... Сама природа противъ меня, смотрите...

Онъ показалъ на небо и кругомъ. Небо потемнѣло; молнія сверкала.

— Куда жь въ такую погоду пойдете, сказала Софья Васильевна: — переждите дождь. Не угодно ли вамъ войти въ комнаты?

— Оставьте меня моей судьбѣ! отвѣчалъ офицеръ.

— Лучше войдите, сказала опять Софья Васильевна.

— Лучше войдите, проговорила Варвара Петровна изъ-за сестры.

— Иду въ огонь и въ воду по вашему слову! крикнулъ офицеръ Варварѣ Петровнѣ, и вошелъ за хозяйками въ комнаты. Всѣ сѣли въ гостиной. Софья Васильевна заговорила съ гостемъ и спросила: какъ время проводилъ, гдѣ былъ.

— Не знаю, былъ ей отвѣтъ. — Я былъ вездѣ и нигдѣ.

Она спросила, гдѣ именно и у кого.

— И вы хотите знать имена? — я постараюсь припомнить эти бѣдныя имена...

Онъ сталъ высчитывать разныя фамиліи.

— Да это вы были въ чужомъ уѣздѣ, сказала Софья Васильевна.

— Можетъ быть. Для меня различья нѣтъ.

Софья Васильевна спросила, не слыхалъ ли онъ чего о Владимірѣ Андреичѣ, не встрѣтился ли съ нимъ?

— Да, я былъ у этого человѣка, отвѣчалъ онъ.

— Были? Видѣли? вскрикнула Варвара Петровна. — Что же тамъ?

Офицеръ мрачно на нее сталъ глядѣть.

— Владиміръ Андреичъ нашъ родственникъ, сказала Софья Васильевна.

— Скажите, что тамъ? Видѣли ли вы Олю — его жену, мою сестру? спрашивала Варвара Петровна.

— Говорила она съ вами? Очень грустна? Похудѣла?

— Да, я видѣлъ блѣдную женщину въ черномъ платьѣ, но

на мигъ: увидавши меня, она скрылась. Она плакала; волосы у ней вились въ безпорядкѣ...

— Господи! Боже мой! вскрикнула Варвара Петровна: — будь что будетъ, я поѣду, я увижу...

— Послушайте, сказала Софья Васильевна офицеру: — она плакала? Скажите, точно ли она плакала? Это наша сестра... Мы давно не знаемъ о ней... Скажите намъ правду!

Софья Васильевна была блѣдна и глядѣла ему прямо въ глаза. Варвара Петровна подошла ближе и, такая жь блѣдная, тоже глядѣла на него. Офицеръ смутился, сѣлъ прямѣе, сталъ разсказывать и запинался на каждомъ словѣ.

— Да, я видѣлъ... Я точно видѣлъ—она плакала... Мы всѣ пріѣхали туда, входимъ и слышимъ крикъ... Мы идемъ: Владиміръ Андреичъ кричалъ, а она плакала... Она убѣжала, а Владиміръ Андреичъ сталъ насъ принимать... Она не худа... и, кажется, платье на ней розовое, а не черное... Кажется...

— Послѣ она не выходила? спросила Софья Васильевна.

— Нѣтъ, она никогда не выходитъ. Наши бываютъ тамъ почти каждый день, никогда ее не видали.

— Соня, поѣдемъ, сказала Варвара Петровна.

— Поѣдемъ, отвѣчала Софья Васильевна. —Помогите намъ, Михаилъ Петровичъ.

— Моя жизнь вамъ принадлежитъ, сказалъ офицеръ.—Прикажите, что дѣлать мнѣ? прибавилъ онъ отъ души.

Сестры разсказали ему все, что было.

— Отвезите насъ туда, сказала Софья Васильевна. — Надо пріѣхать туда вечеромъ; вы пойдете къ Владиміру Андреичу, а мы къ сестрѣ проберемся.

— Да, да, прекрасно! Когда же ѣхать?

— Сейчасъ, сказала Варвара Петровна.

— Мои лошади отсюда недалеко ждутъ меня... Я побѣгу за ними... Завтра мы какъ разъ будемъ тамъ къ вечеру, завтра тамъ будутъ и наши пировать... И все устроится... васъ не увидятъ...

Офицеръ вдругъ оживился и одушевился. Онъ побѣжалъ за своими лошадьми и скоро прискакалъ назадъ, на тележкѣ парой. Сестры уже были готовы и ждали его на крыльцѣ. Повѣренными была только ключница, да одна дѣвушка, горничная. Кучеръ-деньщикъ обѣщался не болтать никому и никогда. Се-

стры сѣли въ тележку, офицеръ вскочилъ на облучокъ и поѣхали.

Небо совсѣмъ потемнѣло; не блестѣло ни одной звѣздочки. Чувствовалось, слышалось, что гроза близка. Вѣтеръ то утихалъ, то своимъ порывомъ приносилъ запахъ цвѣтовъ и травъ. Соловей было запѣлъ, да сейчасъ же смолкъ и искалъ пріюта. Они ѣхали все почти лѣсками, и ѣхали шибко по тряской и узкой дорогѣ.

XI.

Почти годъ сровнялся, какъ Ольга Петровна не видалась съ своими сестрами. Ольга Петровна считала себя такою же несчастною, но она поуспокоилась. Владиміръ Андреичъ былъ все такъ же вспыльчивъ, такой же буроломъ, да она стала привычнѣй и осторожнѣй. Она все жаловалась на нездоровье и сидѣла въ своей спальной; всегда и во всемъ съ Владиміромъ Андреичемъ соглашалась. Все-таки было не безъ грозъ; при грозахъ она плакала и просила пощады себѣ:

— Володя! Володя! пощади меня! Прости меня, въ чемъ я виновата передъ тобой! Сжалься надо мной, Володя! Прости меня!

— Въ чемъ ты просишь прощенья? кричалъ Владиміръ Андреичъ. — Въ чемъ, говори?

— Я не знаю, Володя! Я передъ тобой ни въ чемъ не виновата. Не сердись, пощади меня!

— Иди съ моихъ глазъ! кричалъ Владиміръ Андреичъ.

Ольга Петровна бѣжала съ его глазъ, запиралась въ своей комнатѣ, пила воду съ вишневымъ сиропомъ и осушала свои слезы. Она и ласковости его боялась. Она его если ласкала, такъ было похоже на то, какъ кормятъ ручнаго волка.

Чѣмъ дальше, она все чаще вздыхала и все рѣже плакала. Она пристрастилась къ бисернымъ работамъ и стала полнѣть.

Когда Владиміръ Андреичъ выѣзжалъ изъ дому, Ольга Петровна была рада радехонька: тогда она пѣла разныя пѣсни, заводила органъ, играла на фортепьяно.

Ея житье еще улучшилось съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ поселилась Авдотья Семеновна.

Вотъ какъ это было.

Разъ Ольга Петровна проводила Владиміра Андреича на охоту. Онъ уѣхалъ на нѣсколько дней. Ольга Петровна заказала къ обѣду свои любимые пирожки и любимое пирожное, завела органъ, — органъ игралъ «*Лучинушку*», а Ольга Петровна сидѣла въ залѣ подъ окномъ, слушала и грѣлась на весеннемъ солнышкѣ, что прямо било въ окно теплымъ лучемъ.

Вошла ключница и доложила ей, что какая-то барыня пріѣхала въ старой бричкѣ.

Ольга Петровна вскочила съ мѣста, — она ужасно перетревожилась.

— Зачѣмъ ее пустили? шептала она.—Вѣдь знаешь, что Владиміръ Андреичъ запретилъ принимать, когда его дома нѣтъ! Что теперь дѣлать! Я прямо ему скажу, что вы ее впустили безъ моего вѣдома... Откажи ей, не принимай... Скорѣй! скорѣй! а то войдетъ сюда!

Ольга Петровна убѣжала въ свою комнату, заперлась, прислушивалась и ждала. Скоро ключница подошла къ ея дверямъ и сказала:

— Эта барыня не слушается. Она грозится; говоритъ, что самъ Владиміръ Андреичъ ее къ вамъ послалъ.

Ольга Петровна отворила дверь.

— Такъ зови ее въ гостиную. Зови поскорѣе. Я сейчасъ приду. Ахъ, Господи! что это значитъ? кто это такая?

Ольга Петровна съ безпокойствомъ вошла въ гостиную; посреди гостиной стояла полная и высокая женщина, румяная, черноволосая. Глаза у ней были быстрые да живые и порядочные усы. Она казалась лѣтъ сорока семи. На ней было шерстяное платье темное, на плечахъ большой платокъ и на головѣ тюлевый чепецъ; на рукахъ у ней надѣты были вязаныя бѣлыя перчатки, а на правой рукѣ висѣлъ большой зеленый шелковый ридикюль.

Она въ мигъ окинула взглядомъ Ольгу Петровну съ головы до ногъ.

— Здравствуйте, Ольга Петровна. Позвольте представиться: Авдотья Семеновна Петрова, сказала она. — Давно я желала васъ увидать, вотъ Богъ привелъ.

Она говорила звучно и громко.

Ольга Петровна просила ее садиться.

— Если позволите, Ольга Петровна, сказала она и сѣла.

— Вы видѣли моего мужа? Онъ поручилъ что нибудь?

— Нѣтъ, Ольга Петровна, я вашего мужа не видала.

— Какъ же сказали?...

— Обманула, Ольга Петровна. Не хотѣли безъ того впустить люди... У меня есть дѣло къ вамъ...

— Вы вѣрно отъ сестеръ? съ ужасомъ вскрикнула Ольга Петровна. — Идите, идите! Я не хочу ничего слушать! Я погибла, погибла! Что со мной будетъ!

— Я не отъ сестеръ... Я вашихъ сестеръ не знаю! говорила Авдотья Семеновна; но Ольга Петровна ее не слушала и рвалась. Авдотья Семеновна придержала ее покрѣпче и сказала ей погромче.

— Не отъ сестеръ? Отъ кого же вы? Зачѣмъ? Все равно, все равно, что бы ни было, я не хочу слушать, я не хочу знать... Владиміръ Андреичъ велѣлъ мнѣ никого не принимать безъ него... Я не хочу... я не могу... Прощайте!...

— Какъ угодно, Ольга Петровна, а я отсюда не выйду, пока своего не выговорю.

— Боже мой! Что же вамъ надо?

— Вы однѣ скучаете, Ольга Петровна, вы безъ компаніи: примите меня къ себѣ. Буду вамъ служить вѣрою и правдою!

— Какъ же я могу безъ Владиміра Андреича?

— Да что тутъ Владиміръ Андреичъ! Вы согласны меня принять?

— Я не могу.

— Анъ можете, Ольга Петровна. Что Владиміръ Андреичъ? Я все такъ обдѣлаю, что Владиміръ Андреичъ самъ будетъ заставлять васъ, чтобы вы меня взяли!

— Тогда я буду очень рада...

— А я вамъ безъ лести говорю, Ольга Петровна, что съ перваго взгляда васъ полюбила безмѣрно и буду вамъ служить всею моею душою и всѣмъ помышленьемъ...

— Безъ Владиміра Андреича я не могу... Это отъ него зависитъ...

— Мы съ вами Владиміра Андреича спеленаемъ, погодите! Онъ у насъ станетъ шелковый!

— Ахъ, я право не знаю, что вы говорите... Я не могу ничего безъ Владиміра Андреича рѣшать.

— Да успокойтесь, Ольга Петровна! Слава Богу, не горитъ крыша надъ нами!

— Ахъ, я право не знаю, что будетъ изъ этого?

— Да ничего, кромѣ хорошаго. Я давно знаю Владиміра

Андреича,—знаю я, какъ съ нимъ ладить. Я вѣдь жила тутъ при первой его женѣ, пока онъ ее не выгналъ изъ дому.

— Онъ ее выгналъ?

— Какъ же. Да еще выгналъ-то середь ночи, въ крещенскій морозъ. Я какъ сейчасъ вижу ее, покойницу. Какъ онъ закричалъ на нее и какъ она остановилась и на него поглядѣла, словно не повѣрила. Вотъ въ этой самой гостиной все творилось, — я стояла вонъ тамъ. Онъ опять закричалъ, — она стала просить его: «отдай мнѣ Гришу». — Никогда не отдамъ! — «Такъ я не пойду». — А! ты не пойдешь? Люди! люди! вынесите ее! Двери за ней замкните! — Люди схватили ее въ охапку да и вынесли изъ дому и двери замкнули.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! шептала Ольга Петровна.

— Слышу, Владиміръ Андреичъ органъ завелъ,—онъ тогда органъ до страсти любилъ, — и самъ ходитъ по комнатѣ. Я къ окну подошла, посмотрѣла — мѣсяцъ-то ясно свѣтитъ при снѣгѣ — вижу, она стоитъ подъ окномъ въ одномъ платьицѣ. Я въ потемкахъ нашла ея салопъ, да платокъ большой и тихонько прокралась изъ дому. «Озябли», говорю, «Наталья Николавна, надѣньте салопъ». —«Спасибо вамъ, Авдотья Семеновна, —озябла», отвѣчаетъ, словно я ей только скамеечку подъ ноги подвинула, какъ бывало.—«Что жь вы дѣлать думаете?» спрашиваю. Промолчала, ничего не сказала.—«Вы поскорѣй ступайте къ дяденькѣ».

— Я не пойду безъ Гриши.

— Для Гриши ступайте, Наталья Николавна, чтобъ Гришѣ не терпѣть изъ за-этого. Онъ вѣдь васъ не впуститъ, онъ Гришу вамъ не дастъ; бѣситься пуще будетъ, а сердце на Гришѣ срывать... Все это я ей говорю, всѣ причины и законы — и она выслушала и сказала: «да, это правда!» И потомъ какъ вскрикнетъ: «Гриша! Гриша!» Я опять уговаривать, — ничѣмъ не вразумишь: бьется какъ птица. Насилу я справилась. Обѣщалась ей — коли Гришу добромъ не выручу, такъ украду. Ну, велѣла я кучеру санки запречь,—ея былъ приданый, и разбойникъ такой, что не боялся ничего на свѣтѣ; онъ ее и отвезъ къ дяденькѣ. Ужь надо было видѣть, какъ отъѣзжала! Выпрыгнула изъ санокъ да руки мнѣ цалуетъ, да слезами обливается прегорючими, да все молитъ и проситъ: «Гриша! Гриша!» Разжалобила меня въ конецъ и сна на ту ночь лишила совсѣмъ!

У Ольги Петровны капали слезы.

— Владимiръ Андреичъ цѣлехонькую ночь проигралъ на органѣ; на другой день подали самоваръ на столъ,—онъ ничего объ Натальѣ Николавнѣ не спрашиваетъ, а только мечется туда и сюда. Долго не вытерпѣлъ, закричалъ: «гдѣ барыня?» Всѣ отвѣчаютъ: «не знаемъ». Пошли розыски. Господи, какъ разсвирѣпѣлъ когда дознался!... И трое сутокъ онъ былъ въ бѣшенствѣ. Четвертыя сутки пролежалъ на диванѣ внизъ лицомъ.

А объ Натальѣ Николавнѣ, какъ уѣхала, то ни слуху, ни духу. Я дивлюсь: кажись, не за горами,—тогда дяденька жилъ близехонько отсюда, въ Бѣломъ,—и дяденька ея баринъ такой важный, любитъ всѣхъ учить: какъ это онъ не прiѣхалъ, или хотя письма отъ себя не прислалъ. Не добро, думаю себѣ, не добро тамъ,—а сама тѣмъ временемъ Гришу навостряю: «Гриша! гдѣ мама? Бѣдная мама! бѣдная мама!» Онъ у меня и зальется горючими. Въ три-то дня я такъ его навострила, что всѣ свои забавы онъ бросилъ, и только пристаетъ: «веди къ мамѣ! гдѣ мама?» И кого ни увидитъ—всѣхъ ловитъ ручонками и проситъ: «веди къ мамѣ!» На пятый день, вечеромъ, ужь свѣчи подали, сижу я съ Гришей: за день-то онъ наплакался, поблѣднѣлъ, и глазки мокрые, и дремлетъ, — вдругъ вошелъ Владимiръ Андреичъ, глянулъ.—«Что съ Гришей?» А Гриша сейчасъ пробудился, да какъ завопитъ: «мама! мама! Веди къ мамѣ!» У Владимiра Андреича словно духъ занялся, побѣлѣлъ совсѣмъ, какъ бумага бѣлая. Я Гришу на руки: «полно, Гриша! полно, Гришенька!» а сама ему на ушко: «бѣдная мама! бѣдная мама!» Гриша такъ и заходится! Владимiръ Андреичъ то выскочитъ изъ дѣтской, то вскочитъ... Гриша выбился изъ силъ, забылся. Владимiръ Андреичъ сталъ надъ нимъ и глядитъ. Я тогда говорю: «Владимiръ Андреичъ», говорю, «прикажете Натальѣ Николавнѣ ихнiя платья отослать или не прикажете?» Онъ сверкнулъ на меня глазами.—«Вѣрно онѣ нуждаются,—какъ прикажете?» — Отослать сейчасъ! — «Съ кѣмъ же, Владимiръ Андреичъ? Я бы и сама отвезла, да Гришу не на кого оставить.» — Отвезите, я побуду съ Гришей.

Ну, думаю, хороша охрана!

Собралась я въ мигъ и поѣхала. Прiѣзжаю, вижу—въ домѣ огни въ окнахъ мелькаютъ; по двору бѣготня; вхожу въ комнаты—шопотъ; одни говорятъ мнѣ: «Наталья Николавна помѣшалась», другiе говорятъ: «Наталья Николавна умираетъ»; одни

меня не пускаютъ къ ней, другіе посылаютъ,—смятенье! Отбилась я ото всѣхъ, вхожу въ гостиную, она тутъ и лежитъ на диванѣ. Дяденька, блѣдный, сидитъ надъ нею и ужь безъ всякой важности плачетъ. Тутъ и лѣкарь стоитъ, заложивши за спину руки... Я вошла, она лежала какъ мертвецъ, потомъ заметалась, заговорила, тамъ опять помертвѣла. То рвется—бѣжать хочетъ, кричитъ: «Гриша!» — то поминаетъ Владиміра Андреича, то своего папеньку покойнаго, всякія свои радости и печали видитъ, извѣстно какъ въ бреду... Я подошла къ ней и говорю: «Гриша!» —она такъ и впилась въ меня глазами; большіе такіе глаза-то у ней стали и дикіе... Я не дождалась, пока она опомнится—уѣхала. Дома застаю, Владиміръ Андреичъ сидитъ, словно монахъ, надъ Гришиной кроваткой. Ужь утро на дворѣ. Я вошла въ дѣтскую, вздохнула и сѣла, и ни гу-гу. Посмотритъ на меня Владиміръ Андреичъ,—я ничего, только вздохну.—«Что же?» спросилъ вдругъ.—Чего изволите, Владиміръ Андреичъ? спрашиваю.—«Видѣли Наталью Николавну?»—Видѣла, говорю, видѣла, лучше бъ мнѣ и не видать!—«Что такое? Что такое?»—Я все будто не смѣю.—«Ради Бога говорите!»крикнулъ. Гришу разбудилъ, Гриша заплакалъ, сталъ звать маму, а я стала разсказывать. И насказала я ему, что и умираетъ-то она, и его-то зоветъ, и съ Гришей-то проститься проситъ,—всего, что ни на есть въ свѣтѣ жалостнѣй. Стоитъ онъ передо мной, дрожитъ весь, какъ осиновый листъ: и Гришу отпускаетъ, и самъ хочетъ ѣхать, и вѣритъ всему, и слушается всего,—совсѣмъ тогда потерялся.

Говорю ему: «сейчасъ умираетъ она» — вѣритъ. Говорю за этимъ, что она проживетъ эту недѣлю — тоже вѣритъ. Говорю: «не ѣздите», — послушался, не поѣхалъ.

Привезла я Гришу, и только Наталья Николавна очнулась отъ забытья, я его и внесла прямо къ ней. Гриша закричалъ: «мама! мама!»—Богъ ты мой милосердый! Она вскочила, протянула руки, да такъ и грянулась на полъ... Привели ее въ чувство, посадили съ ней ребенка... Такъ глядѣть нельзя было на нихъ...И плачетъ она, и хохочетъ, и окликаетъ его, и цалуетъ... А Гриша себѣ бурлитъ, кричитъ: «моя мама!» обхватилъ ее ручонками; слезки сохнутъ у него, а глазенки—какъ раскаленные уголькя... Смотрѣть нельзя было: вышли всѣ оттуда освѣжиться... Вотъ это поуспокоились. Гриша принялся играть; дяденька сталъ-было говорить, да Наталья Николавна совсѣмъ его не

слушаетъ и ничего ему не отвѣчаетъ: глядитъ на Гришу и забавляется съ нимъ, палатки ему строитъ изъ стульевъ; я тоже строю палатки. Дяденька ушелъ. Мы этакъ забавлялись долгонько; вдругъ шумъ и крикъ ужасный и Владиміра Андреича голосъ. Наталья Николавна схватила Гришу, словно орлица. Я говорю: «лучше лягте въ постель, онъ пожалѣетъ больную», — куда! не хочетъ, и меня-то отталкиваетъ! И Гриша туда жь ручонками отмахивается! Вдругъ дверь отворяется... Ну, думаю... А это дяденька. Разсказываетъ, что Владиміръ Андреичъ пріѣзжалъ, а что онъ его на порогъ не пустилъ. Наталья Николавна вскрикнула: «отчего? зачѣмъ?» Дяденька удивился: «какъ же, говоритъ, онъ тебя прогналъ, и то и сё, — какъ же?» Она больше ни слова не вымолвила. Ввечеру написала длинное письмо, видно, къ Владиміру Андреичу, да отъ Владиміра Андреича прежде посолъ прибылъ и отъ него письмо привезъ. Ужасное этакое письмо, грозительное: сулилъ всѣ бѣды черныя... Наталья Николавна-таки написала ему въ отвѣтъ, какъ дяденька ее ни упрашивалъ; только она не умилостивила Владиміра Андреича: на другой это день, матушка, нагрянулъ, а за нимъ вся его деревня, съ ружьями, съ кольями, съ дубинами... Слава Богу, коляска была ужь запряжена, — издали эту орду завидѣли, — скорѣй въ коляску всѣ — и дяденька, и я, и Наталья Николавна съ Гришей, да по лошадямъ ударили, да по другой дорогѣ, околесицей, въ бѣгство... Съ Божьей помощью убѣжали, и съ той поры ужь и жили въ Березовкѣ, сюда не пріѣзжали. Ушли отъ напасти благополучно; а говорятъ, было тутъ жарко: сколько людей покалѣчили, а ужь сколько повредили въ домѣ, — окна побили, двери посорвали, стѣны ободрали...

— И какъ же вы послѣ всего еще рѣшились пріѣхать сюда? вскрикнула Ольга Петровна.

— Отчего жь? Вѣдь Владиміръ Андреичъ все это давно забылъ... теперь ему отъ этого ни жарко, ни холодно. Онъ вонъ тогда стращалъ, что и съ лица земли сотру, и то и другое, а ничего не было. Потомъ и забылъ совсѣмъ. Только какъ померла Наталья Николавна, такъ было всполошился, рыдалъ и терзалъ себя, говорятъ, и хотѣлъ Гришу взять, да такъ перешло.

— Лучше вы напишите ему прежде...

— Нѣтъ, нѣтъ. Что онъ, какъ съ вами-то? Наперекоръ вамъ идетъ во всемъ?

— Ахъ, Боже мой! что вы это говорите!

— Наперекоръ? Ну, такъ ужь я знаю, чтó ему говорить и какъ съ нимъ быть. Вы не гнѣвайтесь, что я ему буду плесть изъ учтивости, либо по необходимости,—иначе-то вѣдь нельзя: надо его ублажить. Мы съ вами заживемъ чудесно!

— Ахъ, дай Богъ! Боюсь я очень... очень боюсь... говорила Ольга Петровна.

— Нечего, совсѣмъ нечего! увѣренно отвѣчала Авдотья Семеновна. — А въ которомъ часу вы кушаете?

Авдотья Семеновна заговорила о пирогѣ съ розовой начинкой, объ исправничихиныхъ причудахъ, о мертвецахъ, о губернаторскомъ сынѣ, о чепчикахъ новыхъ, о рукодѣльяхъ, о пожарахъ, о кражахъ, о балахъ... День съ ней пролетѣлъ незамѣтно для Ольги Петровны.

Подъ вечеръ Ольга Петровна ужь разсказала ей всѣ свои огорченья — и поплакала, и пожаловалась.

— Да вы, какъ я вижу, ладить-то съ нимъ не умѣете, сказала Авдотья Семеновна.

— Нельзя... нельзя...

— Полнаго-то *ладу* точно не добьешься съ нимъ, а *ладокъ* будетъ, погодите! Не надо сокрушаться: что сокрухою поможете? И такъ все перемелется — все мукà будетъ.

— Что жь дѣлать, когда сердце ноетъ, когда сами слезы такъ и льются!

— Не можете преодолѣть себя — лягте въ постель и почивайте лучше, чѣмъ плакать.

— Не спится.

— А вы лягте, да все себѣ столбы представляйте, столбъ за столбомъ, столбъ за столбомъ... а сами все считайте: разъ, два, три; разъ, два, три... На четыреста двадцатомъ всякій засыпаетъ...

— Неужели, Авдотья Семеновна? Да вы шутите — это неправда!

— Истинно, матушка. А то, если кто ужь очень страдаетъ безсонницей, такъ полезнѣй нѣтъ, какъ *маковая подушечка*... Пухъ пересыпается макомъ... Я вамъ этакую подушечку сдѣлаю.

Ближе приходилъ день пріѣзда Владиміра Андреича и Ольга Петровна все больше тревожилась, а когда этотъ день наступилъ, она совсѣмъ струсила. Напрасно Авдотья Семеновна увѣряла ее, что все свалитъ на себя: Ольга Петровна молила ее уѣхать и отъ страху даже слегла. Авдотья Семеновна сидѣла у

ея кровати и уговаривала; въ отвѣтъ ей отъ Ольги Петровны все то же нытье, страхи и оханья. Доложили, что баринъ ѣдетъ. Ольга Петровна вскрикнула: «я пропала!»—а Авдотья Семеновна вышла и стала на крыльцѣ, на встрѣчу Владиміра Андреича. Онъ ее узналъ, удивился и закричалъ:

— Зачѣмъ?

— Явите божескую милость, Владиміръ Андреичъ. Чѣмъ я васъ прогнѣвала? Чѣмъ я васъ обидѣла?

— Говорите прямо, что такое?

— Ваша супруга не хотятъ меня на глаза принять... За что жь мной брезговать? Я, слава Богу...

Тутъ она, словно желая скрыть свое горе, отворила дверь и вошла въ комнаты. Владиміръ Андреичъ за нею съ криками:

— Что же такое? что такое?

— Не угодила я вашей супругѣ, начала опять Авдотья Семеновна, перешедши залу.

— Что вы пристаете ко мнѣ съ супругою! Говорите, въ чемъ дѣло?

— Да вся надежда на васъ, Владиміръ Андреичъ. Казните и милуйте. Позвольте нѣкоторое времечко побыть у васъ, батюшка... Я вашу супругу авось умилостивлю... Заступитесь за меня передъ ней...

— Оставайтесь, если хотите, и сколько хотите живите!

— Спасибо вамъ, батюшка. А супруга-то ваша?

— Какое вамъ до нея дѣло? Слышите, я спрашиваю: какое вамъ до нея дѣло?

— Владиміръ Андреичъ! Что это вы на старуху-то гнѣваетесь такъ? Старухѣ страшно, батюшка, и прискорбно! Ужь я сяду лучше, посижу!

Она сѣла, а Владиміръ Андреичъ ходилъ по комнатѣ.

— Отчего вы отъ дяди отошли? спросилъ Владиміръ Андреичъ.

— Что жь, батюшка, рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ ищетъ гдѣ лучше... Какая мнѣ тамъ утѣха безъ Гришеньки?

— А гдѣ жь Гриша? вскрикнулъ Владиміръ Андреичъ.

— Давнымъ-давно въ ученьи гдѣ-то... Умница такой и красавецъ, что и представить себѣ не можете! А дяденька-то состарѣлся, совсѣмъ изъ ума выживаетъ. У него поселилась теперь сестра и все въ руки взяла. Ревнивая такая, упрямая... Какъ къ сей ни подходи, она шарахнетъ отъ тебя, какъ звѣрь дикій.. Я.

думаю: пойду-ко я лучше къ Владиміру Андреичу, авось онъ не забылъ старинную дружбу, — да и пришла къ вамъ...

Вошла Ольга Петровна, ни жива, ни мертва.

— Я больна, Володя, и только встала, чтобы съ тобой поскорѣй повидаться... Я встала черезъ силу... Здравствуй, Володя!...

— Отчего ты не приняла Авдотью Семеновну? спросилъ онъ отрывисто.

— Я не знала, Володя: ты не приказалъ... Я больна... Здравствуй же, Володя...

— Такъ это вы, батюшка, не приказываете безъ себя принимать? А я-то съ-дуру вамъ жалуюсь! сказала Авдотья Семеновна. — Извините, Ольга Петровна!

— Извините, Авдотья Семеновна! проговорила Ольга Петровна.

Владиміръ Андреичъ поцаловалъ тогда жену и сталъ разсказывать объ охотѣ. У Авдотьи Семеновны разсказы были неистощимые обо всемъ. Весело отобѣдали и мирно; весело и мирно вечеръ прошелъ.

— А что я говорила? шепнула Авдотья Семеновна Ольгѣ Петровнѣ.

— Ахъ, какъ я рада! шепнула ей Ольга Петровна.

Такъ съ того дня Авдотья Семеновна и осталась въ домѣ. Она взяла на себя все хозяйство и всѣ распоряженья; она забавляла Ольгу Петровну, услуживала ей, утѣшала ее, — стала ей необходимѣй всѣхъ на свѣтѣ. Владиміра Андреича она укрощала то шуткой, то хитростью, то смѣлостью; онъ часто грозился ее прогнать, а еще чаще дарилъ ее разными подарками.

XII.

Каждое утро Ольга Петровна тихонько Авдотью Семеновну спрашивала: «что, Авдотья Семеновна?»

Иногда Авдотья Семеновна ей отвѣчала: «ничего, ничего — смиренъ», а иногда Авдотья Семеновна отвѣчала: «сердитъ, сердитъ. Въ ярости ходитъ.»

— Ахъ! ахъ! Боже мой!

— Ужь вы сидите въ спальной лучше, я ему скажу, что вы нездоровы. Вонъ исправника ждутъ—на немъ половину сердца

сорветъ, и намъ легче будетъ.—Но случалось чаще, что никто не пріѣзжалъ и все сердце срывалось на Ольгѣ Петровнѣ и на Авдотьѣ Семеновнѣ. Накричавшись, нагрозившись, Владиміръ Андреичъ ходилъ по комнатѣ и курилъ трубку, или ѣхалъ кататься верхомъ. Авдотья Семеновна укладывала Ольгу Петровну въ постель, на *маковую подушечку*.

Ольга Петровна засыпала. Авдотья Семеновна прибирала изломанные стулья, разбитые стаканы, изорванныя книги, — въ сердцахъ Владиміръ Андреичъ билъ, ломалъ и рвалъ, что попадалось подъ руку ему,—и садилась за работу. Авдотья Семеновна любила больше всего вязанье,—она вязала шарфы, косынки, перчатки, чулки, возжи, попоны, шапочки, коврики, и все это продавала.

Просыпалась Ольга Петровна и тоже садилась работать бисеромъ.

— Авдотья Семеновна, разскажите что нибудь.

— Что жь разсказать вамъ, Ольга Петровна?

— Ну, разскажите, какъ вы замужъ шли.

— Да все такъ же, матушка, какъ и прошлый разъ разсказывала. Родители у меня были дворяне умные и сердитые; меня не спросили, нашли мнѣ жениха сорокалѣтняго, а мнѣ всего четырнадцать сравнялось.—«Выходи!»—«Воля ваша, а я не хочу! помилуйте меня!»—«Не пойдешь, такъ мы отъ тебя отрекаемся!» Подумала я, поразсудила, да и покорилась. Пріѣхалъ женихъ—добрый былъ человѣкъ, веселый, только что съ сѣдиной, да труслив: больно лошадей боялся, собакъ боялся, крысъ боялся.... Ну, вотъ насъ перевѣнчали....

— Нѣтъ, нѣтъ, Авдотья Семеновна! Вы разсказывайте по порядку! Вы пропустили, какъ на дѣвичникѣ вы вспомнили, да плакали.... Нѣтъ, что же это! Вы по порядку разсказывайте!

— Точно пропустила. Языкъ ужь приболтался, Ольга Петровна. На дѣвичникѣ запѣли дѣвушки пѣсни да поютъ про черныя кудри, а мнѣ и вспомнился знакомый одинъ, кудрявый. Подумала я: «лучше бы мнѣ за нимъ быть!» и стала я плакать. Весь дѣвичникъ глазъ не осушала. То-то юность-то! Замужемъ мнѣ житье было хорошее: я госпожей была въ домѣ и во всемъ мнѣ была своя воля. Мужъ мнѣ угождалъ; наряжалась я какъ кукла. Прикосынюсь бывало и павой расхаживаю.... Вотъ это померъ мой мужъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Авдотья Семеновна! Вы опять пропустили, какъ ему сонъ-то передъ смертью снился. Нѣтъ, вы по порядку...

— Передъ смертью приснился ему сонъ....

— Что, Авдотья Семеновна? спросила утромъ Ольга Петровна.

— Ничего, ничего, благополучно. Назвалъ меня сейчасъ старой вѣдьмой, но учтиво, безъ сердца. Сегодня дожидаетъ полковыхъ въ гости.

Полковые наѣхали. Поднялся говоръ и шумъ и заклубился по комнатамъ дымъ отъ трубокъ. Горѣло много свѣчей. Разносили на подносахъ чай. Офицеры—одни развалились по диванамъ и по кресламъ, другіе стояли, подпершись рукою; завязался разговоръ, затѣялись споры о женитьбѣ, о любви, о выигрышахъ и проигрышахъ, о трусости и храбрости. Всѣ говорили и спорили, кромѣ четырехъ офицеровъ: четыре офицера молча сидѣли въ сторонѣ за зеленымъ столомъ и покусывали себя за усы, и поглядывали, словно ждали чего-то. На столѣ передъ ними лежали пока только мѣлки. Полковникъ говорилъ громче всѣхъ и меньше всѣхъ, за то смѣялся больше. Владиміръ Андреичъ былъ очень веселъ. Ольга Петровна наглядѣлась на гостей въ дверныя скважинки и ушла въ свою комнату. За ней пришла и Авдотья Семеновна.

— Охъ, дайте отдохнуть, сказала Авдотья Семеновна: — наливала *я*, наливала этотъ чай—до смерти измучилась. Легко ли, сколько выпили!

— Какъ вы думаете, Авдотья Семеновна, о полковникѣ? Какой у него голосъ.... Мнѣ кажется, онъ сердитъ.... а?

— Ну, ужь нашли сердитаго!

— Неужто? А офицеры эти должно быть славно верхомъ ѣздятъ.

— Отчего жь имъ славно не ѣздить? На томъ стоятъ!

— И танцуютъ вѣрно хорошо.

— Еще бы! У иныхъ эти танцы до звѣрства доходятъ. Случалось видать на балахъ—Матерь Божія!—голову закинетъ, плечи вверхъ, носится, какъ одержимый! Вотъ это на балу у Яблонскихъ....

Тутъ дверь распахнулась, вбѣжала Варвара Петровна и бросилась обнимать сестру. За ней Софья Васильевна. Авдотья Семе-

новна привстала и глядѣла на нихъ. Ольга Петровна сначала онѣмѣла отъ испуга; опомнившись, она стала молить сестеръ, чтобы поскорѣй уѣхали.

— Ахъ, поскорѣй, поскорѣй! твердила она:—зачѣмъ вы пріѣхали! Что вы надѣлали! Господи, какое несчастье! Что теперь будетъ?

— Оля, успокойся, Оля, не бойся! Скажи, ты несчастна? Чѣмъ тебѣ помочь? Что сдѣлать? говорила ей Варвара Петровна.

— Что сдѣлать, Оля? спрашивала Софья Васильевна.

— Ахъ, ничего, ничего! Ради Бога уѣзжайте поскорѣй! поскорѣй!

— Мы тебя такъ не оставимъ, Оля!

— Оставьте меня, оставьте, молила Ольга Петровна: —если вы меня любите, оставьте меня!

Что-то стукнуло.

— Боже мой! идетъ! вымолвила Ольга Петровна, оттолкнула отъ себя сестеръ и отбѣжала въ уголъ. Варвара Петровна вздрогнула и остановилась. Софья Васильевна подошла къ двери.

— Никого нѣту, не безпокойтесь, сказала Авдотья Семеновна.

Но Ольга Петровна все дрожала и все упрашивала сестеръ поскорѣй уѣхать.

— Если бы знали вы мое несчастье! повторяла она.

— Поѣдемъ съ нами, Оля! говорила Варвара Петровна.

— Нѣтъ, нѣтъ! ни за что! Онъ убьетъ меня! Нѣтъ, нѣтъ! онъ меня вездѣ найдетъ! Ахъ, поѣзжайте!

Такъ съ часъ прошло, въ страхѣ, въ волненьи, въ отрывистыхъ рѣчахъ. Послали Авдотью Семеновну вызвать Михаила Петровича изъ гостиной.

— Прощай, Оля, сказала Варвара Петровна:—я не понимаю ничего, что ты съ собой дѣлаешь. Мнѣ ужасно грустно.... Прощай, Оля!

Она обнимала Ольгу Петровну и плакала. Софья Васильевна тоже плакала.

— Тише, тише! шептала Ольга Петровна.—Ахъ, Варя! Ахъ, Соня! прощайте.... идите! Ахъ, Боже мой!

Авдотья Семеновна ихъ проводила и воротилась.

— Что? спросила Ольга Петровна въ слезахъ.

— Покатили.

— Никто не видалъ?

— Не бойтесь. Перестаньте плакать.

— Ахъ, Авдотья Семеновна, какъ же мнѣ не плакать!

— Выпейте-ко водицы съ сыропомъ.

— Что поможетъ!

— Лягте започивайте.

— Ахъ, еслибъ уснуть!

— Дайте-ко я васъ раздѣну и уложу.

Авдотья Семеновна ее раздѣла и уложила. Ольга Петровна вздрагивала безпрестанно, прислушивалась, и говорила:

— Что это за шумъ, Авдотья Семеновна? Авдотья Семеновна, что это за шумъ?

— Гости пируютъ. Экая вы трусиха какая!

— Ахъ, если бы вы были на моемъ мѣстѣ!

— Вотъ сестрицы-то ваши не въ васъ. Особенно младшая— охъ, звѣзда!

— Что вы, Авдотья Семеновна! Соня очень тихая.... Варя ужасно смѣла, это правда....

— Ну, та тихая-то еще посмѣлѣй.... Оттого она и молчитъ больше.

— Ахъ, Авдотья Семеновна, боюсь я, что все это Володя узнаетъ.

— Вольно же вамъ бояться!

— Ахъ, какъ я измучилась! Что за жизнь моя, что за жизнь!

— Започивайте, започивайте, Ольга Петровна!

— Гдѣ моя подушечка? Дайте подушечку,—хоть бы она меня усыпила поскорѣй!

— Усыпитъ, усыпитъ! Извольте, вотъ она.

Авдотья Семеновна подложила ей подъ голову маковую подушечку, задернула пологъ и принялась вязать зеленыя шерстяныя перчатки.

Михаилъ Петровичъ проводилъ Вороновыхъ домой. Онъ всю дорогу крѣпился—не спрашивалъ ихъ ни о чемъ, и видя ихъ слезы и печаль, только головой встряхивалъ; но при прощаньи вся усвоенная его твердость пропала: онъ спросилъ, что съ ними было, что ихъ сестра, о чемъ ихъ печаль и не надо ли имъ его услугъ? Разстались они друзьями. Попрежнему жизнь пошла у Вороновыхъ. Попрежнему пошла жизнь у Ольги Петровны. Время побѣжало своимъ чередомъ.

Разъ Ольга Петровна очень спокойно и хорошо сидѣла, вышивала бисеромъ и разговаривала съ Авдотьей Семеновной. Вла-

диміръ Андреичъ уѣхалъ въ то утро на охоту очень рано. Солнце начинало садиться.

— Кто-то ѣдетъ, сказала Авдотья Семеновна, глядя въ окно: —да это наши охотники!

— Боже мой! Что случилось? вскрикнула Ольга Петровна.

— Что-то случилось. Владиміра Андреича не видать. Лошадь его ведетъ Степанъ въ поводу. Какія-то сани тащатся.... Кого-то везутъ въ саняхъ.

Ольга Петровна охала. Авдотья Семеновна вышла навстрѣчу. Въ саняхъ лежалъ Владиміръ Андреичъ, блѣдный какъ платокъ, и только поводилъ глазами. Его охотники подняли и перенесли изъ саней въ домъ, положили на кровать. Въ домѣ все утихло. Ольга Петровна сидѣла около кровати, какъ каменная. Авдотья Семеновна послала верховаго за лѣкаремъ, шопотомъ распрашивала, какъ все случилось, и шопотомъ уговаривала Ольгу Петровну.

Владиміръ Андреичъ разсердился на охотѣ, бросился было на виноватаго, но вдругъ зашатался и упалъ безъ чувствъ. Охотники достали въ ближней деревушкѣ сани и привезли его домой.

Владиміръ Андреичъ долго былъ боленъ; потомъ онъ поправился, но не выздоровѣлъ. У него отнялись ноги и онъ не владѣлъ лѣвой рукой. Онъ цѣлые дни лежалъ въ постели, скрежеталъ зубами, безпрестанно дергалъ одѣяло—то имъ одѣвался, то его сбрасывалъ; разметывалъ головой подушки, кричалъ, звалъ, гналъ....

Никогда еще не бывало такъ трудно Ольгѣ Петровнѣ, никогда не бывало такъ ей безпокойно. Она ни жива, ни мертва входила къ больному. Напрасно она твердила себѣ, что онъ не можетъ встать, что теперь около него не ставятъ ни стакановъ, ни тарелокъ, что она сидитъ такъ, что ее не достанешь съ кровати — все напрасно; его голосъ и его глаза наводили на нее все такой же страхъ, можетъ еще больше. Да еще къ тому же эта болѣзнь почти совсѣмъ отняла у ней Авдотью Семеновну, — Авдотья Семеновна все почти была около больнаго. Лѣкарь все ѣздилъ, лѣчилъ и все просилъ не безпокоиться. Ольга Петровна спросила лѣкаря:

— Матвѣй Ильичъ, скажите мнѣ, можетъ ли онъ когда нибудь совсѣмъ выздоровѣть?

— Не безпокойтесь, Ольга Петровна, отвѣчалъ Матвѣй Ильичъ.

— Скажите мнѣ правду... Мнѣ очень хочется знать правду... Я буду спокойнѣй...

Матвѣй Ильичъ сказалъ тогда, что Владиміра Андреича вылѣчить нельзя, но что за жизнь его еще нечего безпокоиться.

Въ тотъ же день Ольга Петровна позвала Авдотью Семеновну.

— Авдотья Семеновна, я хочу уѣхать отсюда...

— Куда же? Надолго ли?

— Я переѣду къ сестрамъ... Я не могу такъ жить, въ такой мукѣ. Вы сами знаете, каково мнѣ! Я переѣду къ сестрамъ.

— Ужь къ чему вамъ переѣзжать, Ольга Петровна. Онъ теперь безопасенъ, только что кричитъ-то, а вѣдь не подниметея. Лучше вы потерпите, можетъ быть его скоро Богъ приберетъ.

— Ахъ, Авдотья Семеновна, какъ вамъ не грѣхъ такъ говорить! Какъ вы можете—это ужасно! Его болѣзнь вовсе не опасна... А я не могу здѣсь оставаться... Что же, я чѣмъ помогу? Только мнѣ мученье!

Ольга Петровна собралась, велѣла заложить лошадей и вошла къ больному.

— Ну, что же? закричалъ Владиміръ Андреичъ.—Тебѣ нечего мнѣ сказать? Нечего? Ахъ, зачѣмъ ты сюда пришла? Куда ты бѣжишь?

Она остановилась на порогѣ. Владиміръ Андреичъ съ гнѣвомъ отвернулся отъ нея, —она ушла.

Ольга Петровна очень много плакала, очень обнимала Авдотью Семеновну и уѣхала.

Когда Ольга Петровна вбѣжала въ домъ и обнялась съ сестрами, долго ничего нельзя было разобрать: слышались только рыданья да отрывистыя слова: «наконецъ-то! надолго ли? что съ тобой?»

— Я къ вамъ совсѣмъ пріѣхала, проговорила Ольга Петровна.

— Совсѣмъ? вскрикнули сестры. — Разскажи же, Оля, все разскажи!

— Я не могла больше жить такъ, я совсѣмъ измучилась... Ахъ, какое мученье!

— Ты отдохнешь у насъ, говорила Варвара Петровна.

— Что же Владиміръ Андреичъ? спросила Софья Васильевна.

— Онъ боленъ, отвѣтила Ольга Петровна. Въ болѣзни сталъ еще хуже... Ахъ, Боже мой, сколько я вынесла!

— Да разскажи все, Оля, — просила Варвара Петровна.

— Чѣмъ же онъ боленъ? спрашивала Софья Васильевна.

Ольга Петровна разсказала.

— Ты его такъ однако не оставишь, Оля! сказала Софья Васильевна.

— Ахъ, Оля! какъ ты могла его такъ бросить! вскрикнула Варвара Петровна.

— Да что же я? начала Ольга Петровна и стала плакать. Софья Васильевна просила ее поѣхать къ мужу; Варвара Петровна ее туда посылала.

— Вы за мной пріѣзжали, уговаривали меня жить съ вами, а я пріѣхала, такъ вы меня гоните! сказала съ плачемъ Ольга Петровна.

— Да, да, Оля! Это безбожно! Этотъ несчастный человѣкъ одинъ брошенъ!

— Онъ не одинъ, онъ съ Авдотьей Семеновной. Она ему угодить умѣетъ, а я показаться ему на глаза не могу — кричитъ на меня, подушками въ меня бросаетъ... А ему вредно сердиться... И если вы гоните меня, прибавила Ольга Петровна съ пущими слезами,—такъ я все-таки къ нему не ворочусь,—я поѣду куда нибудь, поселюсь гдѣ нибудь...

— Полно, Оля, прости меня, сказала Варвара Петровна. — Не плачь, не плачь... Поѣзжай къ нему, другъ мой! Ради Бога не бросай его!

Но Ольга Петровна такъ разстроилась, что надо было ее въ постель уложить. Она была больна съ недѣлю, и съ недѣлю не было помину о Владимірѣ Андреичѣ. Но какъ только Ольга Петровна выздоровѣла, Варвара Петровна завела рѣчь о немъ. Завела она рѣчь тихо и ласково, потомъ вспылила, — кончилось слезами, и Ольга Петровна велѣла закрыть ставни и положила себѣ подъ голову маковую подушечку. Ольга Петровна осталась жить у сестеръ; но споры у ней съ Варварой Петровой объ этомъ часто поднимались. Разъ поспоривши, Ольга Петровна лежала въ постели и велѣла позвать къ себѣ Софью Васильевну. Софья Васильевна пришла.

— Соня, сказала ей Ольга Петровна:—посиди со мной, ужь очень что-то мнѣ грустно. Нездоровится мнѣ, Соня! Я больна!

— Что же у тебя болитъ?

— Все болитъ. Я несчастная. Ахъ, Соня, Соня! Ты очень добра, ты меня жалѣешь... Вотъ Варя такъ мнѣ покою не даетъ... Точно я преступница, точно я злодѣйка... Если бъ ты

знала, сколько я вынесла! Какъ мнѣ было не уѣхать?.. Ну, сама посуди, какъ мнѣ было оставаться?.. Скажи?...

— Нехорошо, что ты уѣхала отъ него, сказала Софья Васильевна.

Ольга Петровна привскочила на постели.

— Какъ нехорошо? Да что жь было дѣлать! Силъ не было!

— Ужь если уѣзжать, такъ было тебѣ прежде уѣхать, когда онъ былъ здоровъ... Ты его оставила больнаго...

— Что онъ со мной дѣлалъ! Какъ онъ со мной обращался!

— Я не говорю, что онъ правъ; я не говорю, что онъ хорошъ;—онъ боленъ теперь! Провѣдай его!

— Господи! сказала Ольга Петровна и упала на подушки. Всѣ противъ меня! Варя ужь почти меня ненавидитъ; ты тоже, Соня.

Но лицо, что надъ ней наклонилось, было такъ кротко и ясно, что она не заговорила и закрыла глаза.

Софья Васильевна ее окликнула,—она не отвѣтила и не открыла глазъ — такъ она и забылась. Забытье это было нехорошее: понапрасну Ольга Петровна представляла себѣ столбы — столбы исчезали; приливало много, много безпокойныхъ мыслей. Она встала съ постели съ тяжелой головою, съ тревожнымъ сердцемъ; она пила холодную воду, молилась, плакала; попробовала было опять лечь,—да не улежала. Варвара Петровна застала ее въ слезахъ, и она съ отчаяніемъ ей сказала, что поѣдетъ къ мужу. Варвара Петровна бросилась ее обнимать, начала благодарить, словно тутъ ей было благо.

— Слышишь, Соня, — Оля ѣдетъ, говорила она Софьѣ Васильевнѣ.

— Да, Соня, я поѣду, сказала Ольга Петровна:—васъ обѣихъ обрадую.

— Поѣзжай, Оля, отвѣтила Софья Васильевна.

— Поѣзжай, поѣзжай! Вы не подумаете, каково будетъ мнѣ — страшно вспомнить!

— Ничего не будетъ... будетъ хорошо... Какъ ты обрадуешь его! говорила Варвара Петровна.

— Какъ трудно.... начала было Ольга Петровна.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ, увѣряла Варвара Петровна.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Такъ что жь, что трудно, сказала Софья Васильевна.

Ольга Петровна поглядѣла на нее и только вздохнула и заплакала.

Она собралась ѣхать черезъ два дня; ей хотѣлось еще побыть два денька съ сестрами, хотѣлось хорошенько совсѣмъ проститься.

Но на третій день ей немоглось, и на четвертый. Пятый день пришелся въ понедѣльникъ, а во вторникъ погода такая розыгралась, что нечего было и думать о выѣздѣ. Ольга Петровна отложила до четверга, — четвергъ самый легкій день; но когда въ четвергъ она проснулась, сердце у ней раньше замерло, вся рѣшимость пропала, какъ не бывало.

— Посмотрите, какой день, говорила она сестрамъ: — какъ солнце блеститъ... какъ хорошо... и птички... Все весело... а я ѣду... я уѣду.

Она плакала.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу! Это выше моихъ силъ! Я не поѣду! я не могу! вскрикнула она. И стала просить: «пожалѣйте меня, пожалѣйте! Подите поближе... не бросайте меня... сжальтесь вы надо мною!»

Послѣ этого она больше ужь не сбиралась ѣхать.

— Отчего Оля нейдетъ до сихъ поръ? спросилъ Владиміръ Андреичъ у Авдотьи Семеновны.—Или вы оглохли? Отчего нѣтъ Ольги Петровны?

— Ольги Петровны дома нѣту, отвѣтила ему Авдотья Семеновна и отошла отъ кровати подальше.

— Что? Гдѣ она? закричалъ Владиміръ Андреичъ.

— Поѣхала къ сестрамъ.

— Къ сестрамъ? Поѣхала?

Больше онъ не могъ ничего вымолвить долго.

— Чтобы она сейчасъ же была здѣсь! крикнулъ онъ опять. И еще разъ крикнулъ: «а, теперь меня никто не боится!»

Голосъ у него оборвался и слезы потекли по лицу. Авдотья Семеновна подбѣжала къ нему, онъ ее отталкивалъ отъ себя, отвертывался и плакалъ. Онъ плакалъ такъ громко и такъ горько, что у Авдотьи Семеновны румяныя ея щоки поблѣднѣли и глаза затуманились.

— Ну, прибейте меня, голубчикъ, лучше прибейте, можетъ вамъ полегчаетъ, уговаривала она Владиміра Андреича. Она его и крестила, и цаловала, и отирала ему слезы своимъ платкомъ. Потерялась Авдотья Семеновна не надолго, — скоро она оправилась и стала утѣшать, и успокоивать, и ободрять больнаго.

— Вотъ вы выздоровѣете, говорила она...

— Нѣтъ, вскрикнулъ Владиміръ Андреичъ.

— Ну, ну, я не буду объ этомъ говорить. А вотъ когда пріѣдетъ Ольга Петровна...

Владиміръ Андреичъ махнулъ рукой.

— Погодите, погодите, не то... Я поѣду и вашъ приказъ... Опять-таки не то хотѣла сказать! Я вотъ думаю Гришу увѣдомить... Погодите! Завѣщала мнѣ покойница Наталья Николавна завѣтъ: «пусть онъ, завѣщала, моего Гришеньку любитъ...» Да сейчасъ, сейчасъ перестану!... Она, бывало, покойница, какой споръ за васъ поднимала съ дяденькой, за васъ стояла горой всегда. Дяденька-то вѣдь вашъ врагъ.... Ну, ну, Богъ съ нимъ!... А покойница ему разъ сказала: «коли вы хотите моего мужа порочить, такъ я отъ васъ ничѣмъ не нуждаюсь; я уѣду отъ васъ, да и забуду объ васъ, какъ объ лѣтошнемъ снѣгѣ....» Вы дяденьку-то потормошите, стòитъ онъ того, право.... Что бишь такое? Да! еще хотѣла я вамъ сказать, что я вашу Діанку бить буду. Воля ваша, буду! Экая негодная собака! На что вы ее держите?

Авдотья Семеновна договорилась до того, что Владиміръ Андреичъ опять разсердился и раскричался.

— Посердись, покричи, — все лучше, чѣмъ плакать, бормотала она, слушая его крики.

Ночью съ больнымъ сдѣлался жаръ. Онъ бредилъ. Авдотья Семеновна не спала до утра; къ утру стало лучше больному, и на другой день хорошо. Онъ не разъ весело и смѣючись говорилъ въ этотъ день Авдотьѣ Семеновнѣ:

— Что, Авдотья Семеновна, никто теперь меня не боится?

У Авдотьи Семеновны на лицѣ словно написано было:

«Не обманешь! не съ чего тебѣ веселиться-то!» Но Авдотья Семеновна этого вслухъ не говорила. Она шутила тоже и смѣялась.

— Какъ не боится никто? говорила она. — Да я первая васъ до смерти боюсь.

— Не морочьте, Авдотья Семеновна! отвѣчалъ ей больной. — Вы-то меня отъ роду не боялись! Сколько разъ на вѣку вы меня провели?

— И, и! что это вы, Владиміръ Андреичъ! сказала Авдотья Семеновна.

Она пристально поглядѣла на него украдкой и качнула головой.

— Не проживетъ онъ долго! говорила она потомъ: — прозрѣвать сталъ,—это смертный знакъ!

Ольга Петровна часто присылала нарочнаго узнавать о мужниномъ здоровьѣ. Нарочный чаще всего привозилъ ей въ отвѣтъ, что «приказали Авдотья Семеновна кланяться и приказали доложить, что слава Богу все попрежнему»; а иногда Авдотья Семеновна писала, что больному получше или похуже.

Черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ Ольга Петровна переѣхала къ сестрамъ, вотъ какое письмо пришло ей отъ Авдотьи Семеновны:

«Дражайшая и безцѣнная
«Ольга Петровна!

«Честь имѣю васъ поздравить съ пріятнымъ днемъ вашего рожденія, и пошли вамъ отецъ небесный всякихъ благъ земныхъ и небесныхъ. И извольте принять розовую шапочку въ знакъ моего уваженія и въ знакъ подарка.

«У насъ, слава Богу, все благополучно, только Владиміръ Андреичъ день ото дня слабѣютъ. Теперь часъ покричатъ, а три часа молча пролежатъ. Сдѣлались нраву больше тихаго и печальнаго, отъ этого жалче на нихъ глядѣть. Прежде они васъ часто поминали, а поминаючи гнѣвались, либо храбрились смѣючись, а теперь поминать васъ совсѣмъ перестали. И я, матушка, не поминаю васъ при нихъ, берегу ихъ покой. Ни о васъ, ни о покойницѣ Натальѣ Николавнѣ я не веду теперь съ ними разговоровъ, потому что они молчатъ, а потомъ слезы проливаютъ. Мы съ ними больше разговариваемъ объ охотѣ, а то я разныя имъ сказки сказываю и всякія чужія были и небылицы, да въ карты играемъ. Только часто на нихъ тоска нападаетъ; вотъ это недавно играли въ карты и къ нимъ все козыри шли, и утѣшались они, вдругъ швырнули карты и залились сильными слезами и сказали мнѣ: «прирѣжьте меня, Авдотья Семеновна!» Перетревожили меня. А отъ Гришеньки письмо пришло; пишетъ — просится пріѣхать провѣдать. Не чаяли, видно, того Владиміръ Андреичъ и лихорадка съ ними сдѣлалась. Дожидаемся теперь Гришеньку, и все посылаютъ меня къ окошку глядѣть, какая погода.

«Прощайте, матушка, Ольга Петровна. Дай вамъ Богъ здоровья, а я всегда ваша покорная слуга

Авдотья Петрова.»

— Къ Владиміру Андреичу сынъ его пріѣдетъ, сказала Ольга Петровна сестрамъ.

— Слава Богу! отвѣтила Варвара Петровна, а Софья Васильевна ничего не отвѣтила.

Ольга Петровна начала вышивать бисеромъ новую картину; въ комнатѣ у ней пѣли канарейки и цвѣли цвѣты; она призывала къ себѣ бѣдныхъ и одѣляла ихъ, а одѣливши и проводивши ихъ говорила: «Богъ помогъ облегчить несчастье!» Она вздыхала и еще прибавляла: «это сладко!»

Ольга Петровна вставала поздно, ложилась рано и часто отдыхала. Ей стали все сниться небеса, рай, мѣшки, большіе полные мѣшки, а на нихъ написано золотыми словами: *добрыя дѣла* и ея имя. Она такіе сны записывала въ особенную тетрадку, и тетрадку эту хранила. Она говорила: «всѣ грѣшны — я грѣшница, но Богъ вѣдь и разбойниковъ прощаетъ. Одно доброе дѣло перевѣшиваетъ много грѣховъ.»

XIII.

Ольга Петровна сидѣла за пяльцами и вышивала; къ ней вошла Софья Васильевна и сказала, что пріѣхалъ нарочный съ письмомъ; за Софьей Васильевной вошла Варвара Петровна, совсѣмъ разстроенная. Ольга Петровна взяла письмо, увидѣла черную печать и не распечатывала — испугалась.

— Что такое? ахъ, что такое? вскричала Ольга Петровна.

Варвара Петровна обняла ее и выбѣжала изъ комнаты. Софья Васильевна сказала ей, что Владиміръ Андреичъ скончался.

Ольгѣ Петровнѣ стало дурно; надо было ее привесть въ чувство и за ней ухаживать.

Ольга Петровна заболѣла, слегла. Ставни у ней были закрыты цѣлые дни, а письмо лежало нераспечатанное.

— Возьмите его, прочтите про себя, сказала она сестрамъ: — а я не могу... Мнѣ и не говорите, что тамъ!

Письмо было отъ Авдотьи Семеновны.

Авдотья Семеновна писала, что Владиміръ Андреичъ Богу душу отдалъ, что Гришенька пріѣхалъ—успѣлъ проститься; что хоронить будутъ въ среду и просятъ на похороны Ольгу Петровну съ сестрицами. А буде Ольга Петровна не пожалуетъ, то

пусть дастъ приказъ, что дѣлать съ ея всѣми вещами и что вещи всѣ въ цѣлости сохранила Авдотья Семеновна.

Когда Ольгѣ Петровнѣ стало получше, она написала Авдотьѣ Семеновнѣ, чтобы Авдотья Семеновна къ ней пріѣхала немедля. Авдотья Семеновна ждать себя не заставила—пріѣхала скоро.

—Ахъ, Авдотья Семеновна! вскрикнула Ольга Петровна:—на долго ли вы ко мнѣ? Или вы меня опять покинете? Я по васъ такъ тоскую!

— Некому васъ забавлять-то безъ меня! Не бойтесь, матушка, я побуду съ вами.

— Да зачѣмъ вамъ уѣзжать отъ меня! Куда? Живите со мною. Вы знаете, какъ мы хорошо живали съ вами. Я что хотите, какъ хотите... всякія условія... Живите со мною!

— Какія жь условія, матушка? Владиміръ Андреичъ, царство небесное, мѣсто покойное, — безъ всякихъ условій все бывало дарилъ меня. — Знаю, что и вы меня не забудете.

— Ахъ, Авдотья Семеновна! грѣшно вамъ сомнѣваться во мнѣ!

— Не сомнѣваюсь, Ольга Петровна, не сомнѣваюсь. А коли ужь условія дѣлать, такъ годовыя: коли вы мнѣ положите сто рублей въ годъ, я и тѣмъ буду довольна.

— Извольте, извольте, Авдотья Семеновна. Вотъ комната возлѣ моей, тутъ вы и помѣщайтесь. Я безъ васъ, какъ безъ правой руки, право...

— Съ радостію буду вамъ служить, матушка, и буду за васъ Бога молить.

— Гришенька вамъ кланяться приказалъ, сказала Авдотья Семеновна. — Самъ къ вамъ будетъ.

— Ахъ, Авдотья Семеновна! не говорите мнѣ объ этомъ — погодите! Я еще ничего слушать не могу.

— Да все благополучно, матушка; а вы отдохните-ко хорошенько. Гдѣ ваши теплые башмачки-то? Ишь стынь какая на дворѣ, — никто не повѣритъ, что мартъ мѣсяцъ!

Авдотья Семеновна начала за Ольгой Петровной ухаживать, развлекать ее, и утѣшать, — и Ольга Петровна въ тотъ же день говорила: «Тяжко мнѣ, а все будто полегче стало съ вами, Авдотья Семеновна.»

— Что Гриша, спросила Ольга Петровна: — очень меня не любитъ? Очень на меня сердитъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Онъ у васъ самъ побываетъ.

— Владиміръ Андреичъ ему про меня говорилъ?

— Нѣтъ. Когда было ему говорить-то, матушка? Гришенька его ужь на смертномъ одрѣ засталъ, къ тому жь радость отцовская — ослабѣлъ совсѣмъ: хочетъ обняться покрѣпче—не можетъ; только плакалъ и цаловалъ, — даже руки ловилъ у Гришеньки—цаловалъ, а часа черезъ четыре послѣ того и скончался.

— А вамъ онъ говорилъ обо мнѣ что нибудь въ послѣднее время?

— Рѣдко. А сердиться подъ конецъ пересталъ. Одинъ разъ спросилъ у меня, здоровы ли вы; а въ другой разъ спросилъ, точно ли вы его боялись, и какой страхъ онъ наводилъ на васъ.

— И совсѣмъ не сердился на меня?

— Нѣтъ. Не по днямъ, а по часамъ онъ все смирнѣлъ.

— Слава Богу! Слава Богу, что онъ скончался безъ гнѣва на меня, съ миромъ. Это меня очень утѣшаетъ, Авдотья Семеновна.

— А какъ же, матушка, — утѣшительно!

— Что, каковъ Гриша, Авдотья Семеновна?

— Красавецъ, молодецъ, но тоже есть отцовская прыть: покойнику, царство небесное, со всѣми бы воевать, а этому всѣхъ бы ублажать. Всѣхъ это созвалъ, всѣхъ надѣлилъ, всѣхъ пожалѣлъ—и безъ разбору, безъ всякаго разбору. Ну, налетѣли къ нему коршуны. Извѣстно, человѣкъ бѣдный и скромный до самой смерти молчитъ, а человѣкъ дерзкій и безсовѣстный кричитъ и вопитъ;—набѣжало къ нему со всѣхъ четырехъ сторонъ.. «Гриша, говорю, какая тебѣ печаль чужихъ дѣтей качать? Разгони ты ихъ, говорю; а ужь если твоему сердцу жалко, дай я за тебя разгоню».Онъ словно не понялъ. Я толкую. «Ну, помогать, говорю, такъ ужь выбери помочь кому доброму.»—«Не за то помогать, отвѣчаетъ, что хорошій человѣкъ, а потому, что человѣкъ живой, Божій...» Я вижу, что онъ въ Бога вѣруетъ, и говорю: «какъ же это, Гриша, добра отъ зла не различаешь: добръ и золъ тебѣ все равенъ, а Богъ различаетъ.»—«Я, отвѣчаетъ, не судья.»—«Неразсудительно дѣлаешь, Гришенька!»И начала я ему выводить доводы. Вспыхнулъ, матушка, и глаза засверкали — отцовское то-есть. Только милѣй онъ не въ примѣръ. А тутъ еще и то, что я его нянчила и по головкѣ гладила,—все хочется и теперь по головкѣ погладить. Поспорили мы съ нимъ безъ обидъ. Глаза у него горѣли, какъ двѣ свѣчки, и по лицу тѣни бѣгали, а слова обиднаго Авдотьѣ Семеновнѣ не сказалъ. А упорный и постоянный, видно въ маменьку: ничѣмъ его не собьешь.

Отъѣзжаючи я ему опять сказала: «брось ты, Гриша!» — да полагаю что попусту я слова потратила.

— Да зачѣмъ же вы его отговариваете отъ добраго дѣла, Авдотья Семеновна? Всѣ мы должны помогать по мѣрѣ силъ...

— То-то и горе, что онъ не такъ, какъ всѣ. Вы вотъ милостыню подаете всласть: подавши, вы спокойны и довольны, а ему тошно станетъ: то ему кажется мало, то не впопадъ, то временна. Невозможнаго ищетъ,—ищетъ, чтобы всѣ были довольны.

— Да вѣдь это такъ отрадно, Авдотья Семеновна, когда всѣ кругомъ довольны!

— Знаю, матушка. Отрадно-то, точно отрадно. Человѣкъ не обремененъ, скотъ не измученъ и даже звѣрь лѣсной не алчетъ — чего бы лучше, да гдѣ его взять? Хороша Маша, да не наша!

— Богъ дастъ все поправится, Авдотья Семеновна.

— Будемъ ждать милости Божьей, Ольга Петровна.

— А какъ онъ сбирался ко мнѣ?

— Кто? Гришенька? Сбирался. Я, говоритъ, самъ побываю. Расправшивалъ меня, что, какъ было,—я ему разсказала все, какъ можно лучше.

— Какъ же вы разсказали, Авдотья Семеновна?»

— Да какъ можно лучше, Ольга Петровна. Я также пожила на бѣломъ свѣтѣ, — знаю бѣлый свѣтъ-то, — хожу какъ линь по дну.

— Да какъ же вы разсказывали? Какъ онъ спрашивалъ?

— Ну спросилъ: «несчастна очень была съ папенькой Ольга Петровна?» А какъ же, говорю, несчастна. Бывало, утѣшаешь, утѣшаешь ее... Не могла, говорю, сносить такого горя, была очень нѣжнаго характера. «А какъ разстались?» спрашиваетъ.— Да такъ, говорю, пришлось. Она, говорю, не могла, нездорова была, сестрицы ея настаивали, папенька-покойникъ съ глазъ гналъ.

— Ахъ, вѣдь все это правда! сказала Ольга Петровна.

— Конечно не безъ правды, матушка. Да какая бѣда словечко прикрасить для мира и для согласья! Къ примѣру, чего не говорится изъ учтивости? И счастливъ, и несчастливъ я, и на всю жизнь, и до гроба, и отъ всей души, и отъ всего сердца — мало ли что говорится! Вѣдь это и продается за что покупается,

и оттого какое кому зло? А слушать пріятно,— ужь такъ человѣкъ созданъ!

— Такъ вы думаете, что Гриша не вѣритъ...

— Вѣритъ. Вѣритъ онъ всему, что ни скажи. Это я вообще о людяхъ разсуждаю; а Гриша всему вѣритъ, и всему радуется, и всѣмъ печалится.

— Онъ хочетъ тутъ поселиться? Вѣдь онъ кончилъ ученье?

— Какъ же, давно. Послѣдній-то годъ, говоритъ, все разъѣзжалъ онъ гдѣ-то, а временно проживалъ у дяденьки,—то есть ему-то онъ выходитъ дѣдушка, а не дяденька. Я спрашивала: гдѣ, Гриша, поселишься?—«Не знаю еще».—Оставайся здѣсь,—чего тебѣ лучше? Самъ будешь себѣ хозяинъ.—«Не могу теперь, дѣла есть.»—Ну, какія у тебя дѣла? говорю.—«Есть, есть.»—Да гдѣ они, какія? — Поглядѣлъ на меня пристально—сказать молъ или не сказать?—И ничего, сказалъ. Молодъ еще, зеленъ. Небось пустяки какіе нибудь, а онъ почитаетъ за великую важность. А пожалуй и то, что самъ себѣ готовитъ какой нибудь капканъ, и трудится надъ этимъ, и спѣшитъ, и радуется.

— Ахъ, Авдотья Семеновна! Не дай Богъ, чтобъ съ нимъ какое несчастье случилось! Что это вы пророчите!

— Не бойтесь, матушка, отъ слова ничего не подѣлается.

Ольга Петровна сказала и сестрамъ, что будетъ Гриша.

— Когда? спросила Варвара Петровна.

— Какъ управится дома, такъ и пріѣдетъ, Варвара Петровна, отвѣтила Авдотья Семеновна.

— Я рада буду его увидать, сказала Варвара Петровна. — Похожъ ли онъ теперь на свой портретъ? Вѣдь у насъ есть его портретъ.

— Откуда жь это, Варвара Петровна? спросила Авдотья Семеновна. — Покажите-ко, матушка.

— Пойдемте въ мою комнату.

Всѣ пошли за Варварой Петровной въ ея комнату; на стѣнѣ между двухъ оконъ висѣлъ портретъ. — «А, старый знакомый!» сказала Авдотья Семеновна. Я помню, когда этотъ портретъ писали. Живописецъ-то хотя самоучка и молодъ, а хорошо писалъ. И пристрастенъ былъ къ своему дѣлу,—такъ бывало и дрожитъ, какъ пишетъ. А похвалъ не любилъ—похвалы ему все равно что ножъ острый были. Скажешь ему: «вотъ это вы славно написали, Касьянычъ»,—такъ зубами заскрежещетъ. «Такъ-ли, говоритъ славно-то писано бываетъ! Я дуракъ, говоритъ, я неумѣлый!»

«Погодите, утѣшаешь его, еще и получше того напишете»,—пуще раскручинится. Потомъ слышу, спился. Сплошь да рядомъ у насъ такіе люди спиваются. Да и какъ быть такому человѣку? Пристрастился къ одному, возится съ этимъ, совладать не можетъ, а тутъ добывать надо хлѣбъ насущный, — поглядитъ на правую сторону, посмотритъ на лѣвую, загляне‍тся впередъ, оборотится назадъ—да и пожелаетъ все позабыть. Такъ и этотъ. А вѣдь какъ похоже рисовалъ портреты — на томъ бы и стать...

— Гриша очень измѣнился теперь? спросила Ольга Петровна.

— Да, а узнать все можно.

— Въ чемъ же измѣнился? спросила Софья Васильевна.

— Хуже сталъ?—спросила Варвара Петровна.

— Умнѣе лицо стало, отвѣчала Авдотья Семеновна. — Какъ же сравнить? То дитя, а то человѣкъ взрослый.

Стали дожидать Гришу; и стукнетъ ли гдѣ, зашумитъ ли — всякій думаетъ, не онъ ли; прождали четыре дня, его не дождались.

— Еще видно не управился съ имѣньемъ, говорила Авдотья Семеновна. — Надѣлаетъ онъ тамъ дѣлъ!

— Или погода помѣшала, говорила Ольга Петровна.

— Когда бъ скорѣй пріѣзжалъ, — говорила Варвара Петровна.

— А вотъ сегодня погода хороша, говорила Софья Васильевна: — теперь ѣхать хорошо, — тепло и весной пахнетъ.

Пришелъ и тотъ день, когда Гриша пріѣхалъ. Онъ всѣмъ понравился и всѣмъ полюбился. Было что-то въ немъ доброе, честное, пламенное. Рѣчь у него была такая живая. И изъ себя хорошъ: черные волосы кудрями вились у него, лицо смуглое, лобъ высокій, славный; и глаза такіе хорошіе, и улыбка такая милая.

При первомъ знакомствѣ сначала мѣряютъ другъ-друга глазами, пока освоятся, пока признаютъ, что за человѣкъ;—съ Гришей освоились быстро, и такъ же быстро онъ всѣмъ милъ сталъ. Онъ пріѣхалъ утромъ и остался до вечера, — ввечеру, какъ они всѣ много, откровенно и сердечно говорили. Точно воротился изъ ссылки братъ: и все ему хотѣлось разсказать, и обо всемъ у него распросить. И вотъ разсказывали ему, и распрашивали его. Въ тотъ вечеръ и Софья Васильевна разговорилась, а Ольгѣ Петровнѣ спать не хотѣлось; Варвара Петровна не умолкала; Ав-

дотья Семеновна два раза сказала: «экой пріятный вечерокъ»—и долго разговорились, и поздно разошлись. Гриша остался ночевать.

На другой день утро было тихое и туманное, шелъ теплый дождикъ, быстро станвалъ послѣдній снѣгъ. Всѣ встали очень рано, и всѣ спѣшили въ гостиную. Встрѣтиться было всѣмъ какъ-то радостно и легко, и сердце въ тоже время немножко замирало при мысли, что надо скоро прощаться и разставаться.

Какъ быстро часы прошли до Гришинаго отъѣзда. Какъ долго съ нимъ прощались; сколько разъ повторяли: «пріѣзжай скорѣй»; сколько разъ спросили: «когда же пріѣдешь?» Какъ разгрустился Гриша при прощаньи. Какъ онъ поѣхалъ и все оглядывался, и какъ долго стояли на крыльцѣ, смотрѣли въ слѣдъ.

XIV.

Григорія Владиміровича дѣла задержали въ деревнѣ дольше, чѣмъ онъ думалъ. Много было дѣла. Приходили къ нему жалобщики, заимодавцы и разные просители; просили разсудить, просили помочь, просили рѣшить, просили заступить, просили уплатить, просили не обижать.

Пришелъ дьячокъ; покойный Владиміръ Андреичъ обѣщался ему пять десятинъ земли подарить за многотерпѣнье; дьячокъ привелъ съ собой двухъ свидѣтелей и говорилъ: «Покойникъ изволилъ мнѣ косу отрѣзать и безъ пищи изволилъ меня въ погребу продержать цѣлыя сутки,—вотъ и свидѣтели.» Оба свидѣтеля въ одинъ голосъ пробасили: «мы точно свидѣтели». Одинъ помѣщикъ привезъ росписку покойника въ сто рублей «за потоптанные въ часы гнѣва пажити, нивы и сѣнокосы,» и привезъ еще другую росписку въ триста рублей, что дана была его свекору «за испорченную мельницу въ часы веселья, для забавъ». Кривой сосѣдъ Мошкинъ требовалъ тысячу рублей «за безчестное купанье въ колодцѣ, въ генварѣ мѣсяцѣ»; сосѣдка Локтева спрашивала письмомъ, скоро ли Григорій Владиміровичъ заплатитъ ей за голландскую корову, что его папенька покойный застрѣлилъ изъ пистолета; купецъ, хлѣбный торговецъ, просилъ спустить цѣну пшеницы за то, что онъ много терпѣлъ отъ покойника папеньки; мѣщанка, что снимала землю подъ огороды,

увѣщала уступить на этотъ годъ подешевле, за то, что покойный папенька лихъ бывалъ на людей и надо молитвъ его душѣ; молодой пастухъ приходилъ бить челомъ, чтобы Григорій Владимировичъ приказалъ дѣвушкѣ Афросиньѣ идти за него замужъ и любить его; кузнецъ приходилъ жаловаться, что его сестры обижаютъ; попадья приходила—плакала, что у ней огородъ не загороженъ и дѣти маленькія; женщина Дарья приходила просить, чтобы Григорій Владимировичъ ея мужа пристращалъ; только чтобы не наказывалъ, а пристращалъ; женщина Лизавета просила вылѣчить мужа и обѣщалась за барское здоровье въ Соловецкій монастырь сходить помолиться; одна старуха приходила, падала въ ноги, молила—послѣдняго сына въ рекруты не отдавать. Кромѣ того пріѣзжалъ исправникъ, пріѣзжалъ становой съ старыми счетами; надо было самому ѣздить по судамъ.

Григорій Владимировичъ ничѣмъ не тяготился и не скучалъ. Онъ очень часто ѣздилъ къ Вороновымъ, — тамъ ему хорошо всегда бывало.

—Отчего у васъ никого изъ сосѣдей не видно? спросилъ разъ Григорій Владимировичъ.

— Мы сами ни къ кому не ѣздимъ, — сказала Варвара Петровна.

— Сосѣди насъ не любятъ, прибавила Ольга Петровна.

—Я вижу, вы сами ихъ не любите, сказалъ Григорій Владимировичъ. — Вы себя лучше ихъ считаете, а будто между ними нѣтъ хорошихъ людей!

Варвара Петровна вскрикнула:

— Если бы ты ихъ зналъ!

Ольга Петровна вздохнула и проговорила: «ахъ, нѣтъ между ними ничего хорошаго!»

Софья Васильевна оживилась и слушала.

—Нѣтъ ничего хорошаго? живо заговорилъ Григорій Владимировичъ.—Кто это можетъ сказать? Какъ бы человѣкъ ни палъ, все въ немъ есть и хорошее, и святое!...

— Ну, Гришенька, перебила Авдотья Семеновна, мотая шерсть на клубочекъ: — есть такіе сахары-медовичи, что не приведи Господи!

— Да знаете ли вы, что привело ихъ къ дурному? Знаете ли вы всю ихъ жизнь? Ну, да положимъ, человѣкъ нехорошъ, въ самомъ дѣлѣ, — такъ у васъ нѣтъ ничего, кромѣ осужденья?

— Къ слову говорится, Гриша; а конечно, судить не мое дѣло; — пусть Богу отвѣчаетъ.

— Какъ же можно осуждать? сказала Ольга Петровна. — Мы всѣ грѣшны.

— А по моему, можно осуждать, говорила Варвара Петровна. — Вотъ у насъ Медуевъ — онъ людей своихъ морозилъ....

— Неужели это правда? съ ужасомъ вскрикнулъ Григорій Владиміровичъ.

—Да, да, это правда, говорила Варвара Петровна.—Что жь, Гриша, по твоему, этого не надо судить?

Но Гриша ходилъ по комнатѣ и только твердилъ про себя: «ахъ, Боже мой! Несчастный человѣкъ!»

— Ты всегда, Варя, помнишь всѣ страшныя исторіи, сказала Ольга Петровна: — охота тебѣ, Варя!

Помолчали всѣ. Григорій Владиміровичъ походилъ и остановился.

— Что же онъ, какъ жилъ съ сосѣдями?

— Сосѣди у него бывали, отвѣчала Варвара Петровна.

— И никто ему не сказалъ? Никто на него не пожаловался?

— Нѣтъ.

— Кругомъ равнодушіе, вотъ что ужасно! Рукой никто не двинулъ!

— Нельзя было жаловаться на него, Гришенька, сказала Авдотья Семеновна: — онъ былъ богатѣйшій человѣкъ — жалобщикъ-то и мѣста бы себѣ не нашелъ!

— Пока будешь беречь себя, до тѣхъ поръ ничего не добьешься!

— Да вѣдь пропадать никому не хочется, Гришенька. Какая корысть себя запропастить!

— Такая корысть, что если одинъ пропадетъ, другому легче правды будетъ добиться!

— Своя-то рубашка ближе къ тѣлу.

— То-то и горе! Горе, горе!

— Ну, еще это горе сполагоря, Гришенька!

— Жить иногда на свѣтѣ не хочется! проговорила Варвара Петровна. — Лёгъ бы, кажется, въ могилу съ радостью!

— Ахъ, Варя, что ты говоришь? упрекнула Ольга Петровна.

— На что, матушка, смерть приглашать, сказала Авдотья Семеновна: — она неминучая и такъ; и такъ сама придетъ.

— Ты смерть призываешь? Развѣ у тебя нѣтъ любви ни къ

чему? Развѣ у тебя мужества нѣту? заговорилъ Григорій Владиміровичъ.

— Тяжко жить бываетъ, сказала Варвара Петровна.

— Не говори такъ! не будь малодушна! Неужели ты не можешь? Неужели ты не хочешь?

Григорій Владиміровичъ сѣлъ около нея и полились его живыя рѣчи. Всѣ его слушали. Ольга Петровна вздыхала; Авдотья Семеновна мотала клубочки.

— Гриша, я виновата была! вскрикнула Варвара Петровна.— Я была виновата, — твоя правда.

Наступило молчаніе. Григорій Владиміровичъ поглядѣлъ на всѣхъ, поглядѣлъ на Софью Васильевну,—она тоже смотрѣла на него. Онъ подошелъ и сѣлъ подлѣ нея, и долго около нея просидѣлъ молча и не смотря на нее. Всѣ призадумались; — Авдотья Семеновна начала опять разговоръ.

— А вѣдь правда, что мы живемъ отшельницами; что бы гостей созвать! Съ людьми-то веселѣй.

— Теперь ужь трудно, — давно никого не звали, сказала Ольга Петровна.

— Жаль, что полкъ ушелъ; полковымъ только бы кивнуть— сейчасъ бы нагрянули и затанцовали. Сельскіе у насъ тяжеле на подъемъ. Теперь, впрочемъ, намъ не до танцевъ; а вотъ обѣдъ званый.... Обѣдъ званый хорошо.

— Какъ бывало при маменькѣ, сказала Ольга Петровна. — Варя, помнишь бывало при маменькѣ?

— Право, сдѣлайте обѣдъ, сказала Авдотья Семеновна. — Гриша истину говоритъ: живши между людьми, не надо ими пренебрегать, и людямъ лестнѣй и вамъ веселѣй будетъ.

— Такъ вы думаете, Авдотья Семеновна, что лучше всего обѣдъ сдѣлать? спросила Ольга Петровна.

— Конечно, матушка, конечно.

— Знаете ли, сказала Ольга Петровна, поглядывая то на того, то на другаго: — въ самомъ дѣлѣ, обѣдъ сдѣлаемъ когда нибудь.

— И чудесно, отвѣтила Авдотья Семеновна.

Другіе на это ничего не сказали. Въ тотъ вечеръ, ложась спать, Ольга Петровна говорила Авдотьѣ Семеновнѣ:

— Отчего это всѣ такіе скучные были сегодня — все молчали, да думали.

— Ничего, матушка, это пройдетъ, отвѣчала Авдотья Семеновна.

— Хоть бы обѣдъ, въ самомъ дѣлѣ, устроить, Авдотья Семеновна.

— Да отчего жь не устроить-то, Ольга Петровна? Вѣдь въ вашей это волѣ.

— Да видите, какіе всѣ, — скажутъ что, да и забудутъ — и дѣла никакого нѣтъ, и не надо!

— Да что жь вамъ, кто мѣшаетъ? Вы сзовите гостей, да и дѣло съ концомъ. Вамъ перечить сестрицы не станутъ; а разлакомьте вы ихъ, такъ еще и благодарны вамъ будутъ.

— До какъ же это все сдѣлать, Авдотья Семеновна? Это надо ко всѣмъ письма писать....

— Что жь, пишите письма. Кстати у васъ всякія бумажки разноцвѣтныя есть.

— Завтра напишу всѣмъ.... Я думаю, что всѣ пріѣдутъ, а?

— Отчего жь имъ не пріѣхать? Вѣдь ссоры не было у васъ ни съ кѣмъ, и на обѣдъ зовете — отчего жь не пріѣхать?

— Такъ завтра....

На другой день Ольга Петрôвна написала пригласительныя письма и разослала сосѣдямъ. Отвѣты были отъ сосѣдей, что благодарятъ, и не преминутъ, и почтутъ за честь; иные писали: почтутъ за удовольствіе, а иные — за счастье.

— Видите, что отвѣчаютъ намъ сосѣди, говорила Ольга Петровна. — Послушай-ко, Варя! Соня, на прочти. Гриша, а вотъ ты съ нашими сосѣдями познакомишься.

Варвара Петровна была что-то грустна и разсѣянна; Григорія Владиміровича и Софью Васильевну больше занималъ свой разговоръ въ уголку. Ольга Петровна одна съ Авдотьей Семеновной хлопотала, приготовляла и думала о званомъ обѣдѣ. На обѣдъ пріѣхали всѣ, кто былъ званъ. Гостиная была полнымъ-полна дамами. Дамы были очень хорошо наряжены. Разговоръ у нихъ шелъ тихо: говорили о потеряхъ, о покойникахъ; жалѣли Ольгу Петровну и утѣшали ее — кто тѣмъ, что горе неизбѣжно, смерть неумолима, а кто тѣмъ, что за страданье Богъ радость посылаетъ. Мужчины были въ залѣ; иные входили въ гостиную: войдутъ, прислушаются, вздохнутъ да и выберутся опять въ залу, — тамъ у нихъ шли разговоры поживѣе и ужь затѣялись споры. Одинъ молодой черномазый помѣщикъ, съ алмазнымъ перстнемъ на мизинцѣ, спорилъ съ пожилымъ и угрюмымъ

помѣщикомъ о томъ, что въ Сибири не всѣ земли безплодныя, а есть и хорошія; около нихъ стояли три человѣка, слушали. Подальше, подлѣ окна, спорилъ горячо Григорій Владимировичъ съ востроносымъ помѣщикомъ, въ синемъ бархатномъ жилетѣ, о томъ, надо ли подавать милостыню; около нихъ стояло человѣкъ десять, слушали и глядѣли все на Григорья Владиміровича. А на другомъ концѣ залы споръ переходилъ ужъ въ ссору: нѣсколько помѣщиковъ махали руками, кричали, а одинъ съ черными глазами на выкатѣ, ихъ унималъ и самъ всѣхъ громче кричалъ: «Господа, именемъ хозяекъ: Господа! именемъ самаго дьявола!» Изъ уголка двое юношей, одинъ бѣленькій, другой потемнѣй, глядѣли на Григорія Владиміровича и шептались между собою. Остальные всѣ толпились и спрашивали другъ друга о здоровьѣ и о томъ, какъ живется и можется.

За столъ шли попарно, и сначала всѣ разговоры смолкли; только одинъ Григорій Владиміровичъ не отставалъ отъ помѣщика въ бархатномъ синемъ жилетѣ, ничего не ѣлъ, все говорилъ, а помѣщикъ слушалъ, обѣдалъ, улыбался и коротко отвѣчалъ ему: «нѣтъ-съ», или «я несогласенъ-съ.» Дамы навостряли ушки, чтобы схватить, о чемъ Григорій Владиміровичъ рѣчь ведетъ, да рѣчь долетала отрывками,—можно было только понять, что Григорій Владиміровичъ заступается за какихъ-то *бродягъ* передъ Иваномъ Силычемъ (Иваномъ Силычемъ — помѣщика въ синемъ жилетѣ звали). «Это странно!» подумали многія дамы и поглядѣли на Григорія Владиміровича, какъ на страннаго человѣка.

Къ концу обѣда поднялись разговоры и всѣ гости зашумѣли. Послѣ обѣда еще пошли разговоры живѣе и гораздо откровеннѣй. Въ гостиной старушки толковали, что за чудная женщина губернаторша; съ старушками сидѣла Ольга Петровна и слушала охотно о губернаторшѣ; сюда же присоединились два старичка, одинъ со звѣздою на груди: покорный старичокъ — онъ все только головою качалъ; другой старичокъ, съ медалью на груди, самъ толковалъ съ старушками; тутъ же была и Варвара Петровна. Молодежь высыпала на балконъ съ Софьей Васильевной; тутъ судили о любви. Въ залѣ были только курящіе, двери туда были затворены, слышенъ былъ оттуда шумъ и смѣхъ.

Вдругъ зальная дверь отворилась, оттуда вышелъ Иванъ Силычъ и прошелъ на балконъ. У него было лицо недовольное. За нимъ слѣдомъ пришелъ на балконъ Григорій Владиміровичъ,—

онъ былъ разстроенъ и взволнованъ. Иванъ Силычъ распрашивалъ дамъ, какъ время проводятъ.

— О чемъ это у васъ такой споръ былъ? спросила Ивана Силыча одна хорошенькая и бойкая барышня.

— Вамъ скучно будетъ слушать это, отвѣчалъ Иванъ Силычъ.

— Отчего же?

— Это мужской споръ.

— Развѣ женщина не пойметъ добра? развѣ женщина не увидитъ правды? вступился Григорій Владиміровичъ.

— Ахъ, конечно! ахъ, конечно! зазвенѣли одни голоски; а другіе голоски звенѣли: — вы насъ обижаете, Иванъ Силычъ, вы насъ обижаете!

— Такъ о чемъ же споръ-то? спросила та же бойкая барышня.

— Мы разсуждали о богатствѣ и о бѣдности, сказалъ Иванъ Силычъ: — и вотъ Григорій Владиміровичъ изволилъ утверждать, что богатый долженъ непремѣнно бѣдному всегда помощь подавать, а я Григорію Владиміровичу возражалъ, что вѣдь богатый въ томъ невиноватъ, что есть бѣдность....

— Да, за эту вину.... перебилъ горячо Григорій Владиміровичъ; но его заглушили дамскіе голоса, что поднялись на Ивана Силыча: «Иванъ Силычъ, какіе вы не добрые! Можно ли это, Иванъ Силычъ! Никогда этого я не ожидала! Какое у васъ сухое сердце!»

— Не бѣжать ли мнѣ отсюда? спросилъ Иванъ Силычъ, улыбаясь; онъ сдерживалъ досаду и хотѣлъ все въ шутку обратить, но кто-то изъ дамъ крикнулъ: «бѣгите, бѣгите отъ насъ!» остальные стали на него кричать тоже — бѣгите отъ насъ, замахали платками, захлопали въ ладоши и выгнали Ивана Силыча, какъ гуся.

— Подѣломъ ему, сказала одна барышня, глядя на Григорія Владиміровича.

— Онъ мнѣ всегда, всегда не нравился, сказала другая барышня.

А третья разсказала, какъ Иванъ Силычъ женился по любви, и очень, очень скоро разлюбилъ жену.

А четвертая разсказала, что Иванъ Силычъ, кромѣ того, что жену скоро разлюбилъ, еще мучилъ ее ужасно, и она отъ этихъ мученій въ могилу сошла.

— Гдѣ женщины не страдаютъ! сказала одна черноглазая дама, — женщины вездѣ страдаютъ!

А другая дама, у которой глаза были еще чернѣй, а щочки еще свѣжѣй, сказала: «это ихъ удѣлъ!»

— У насъ еще много варварства, сказалъ бѣленькій юноша, смѣло и громко, а за нимъ другіе юноши подхватили: «мы медвѣди», говорилъ одинъ; — «женщина живетъ сердцемъ», говорилъ другой, — «а мужчина разсудкомъ.»

— Оттого-то и больше женщина страдаетъ, что она больше предана чувству и поглощена вся любовью, сказалъ третій, и хотѣлъ было еще говорить, да вышла впередъ дама ростомъ и объёмомъ всего-то, какъ говорится, съ птичій ноготокъ, и сказала: «я не вѣрю въ любовь!»

— Какъ не вѣрите? Отчего не вѣрите? спрашивали со всѣхъ сторонъ. Григорій Владиміровичъ слушалъ разсѣянно, но при этомъ встрепенулся. Какъ разъ тутъ его и спросила хорошенькая дѣвушка: «а вы что, вѣрите въ любовь или нѣтъ?»

— Вѣрю, отвѣтилъ Григорій Владиміровичъ, и хотѣлъ было что-то сказать крошечной дамѣ, но не успѣлъ: крошечная дама вскрикнула: «а я совсѣмъ не вѣрю въ любовь!»

— Во что же вы вѣрите? спросилъ ее Григорій Владиміровичъ.

— Очень мало во что. Васъ удивляетъ, что я не вѣрю въ любовь?

— Я этого не понимаю. Что же за жизнь ваша?

Крошка обрадовалась.

— Не понимаете? сказала она:—моя жизнь самая спокойная, самая довольная.

— Не приведи Богъ, такого спокойствія и довольства! Лучше горе, лучше бѣда!

— Вы видно *femme sans coeur*, сказалъ одинъ юноша.

— Я только что хотѣла тоже сказать, вскрикнула худенькая дама.

— Есть у васъ мужъ? есть дѣти родные? спрашивалъ Григорій Владиміровичъ.

— Да, да! У меня это все есть, отвѣчала крошка,—а у самой глаза такъ и прыгаютъ отъ удовольствія.

— И вы ихъ не любите? спрашивалъ Григорій Владиміровичъ.

— Ахъ, хоть дѣтей-то любите! проговорила одна дама та-

кимъ молящимъ голосомъ, что крошка немного укротилась и отвѣчала съ запинкой:

— Конечно... Я знаю свои обязанности...

— Если все это правда, то вы самая несчастная женщина, сказалъ Григорій Владиміровичъ. — Мнѣ жаль... мнѣ жаль васъ!

Крошка вспыхнула.

— Чѣмъ я несчастна? Почему я сожалѣнія достойна? Я, напротивъ, горжусь...

— Чѣмъ же вы гордитесь? Тѣмъ, что вы не даете никому радости, и что для васъ радостей нѣтъ? Что ваша жизнь безцвѣтна и пустая? Подумайте, чѣмъ вы гордитесь!

— Да хоть бы тѣмъ же! отвѣчала крошка не долго думаючи, и ушла въ гостиную.

— Послушайте, послушайте, сказала черноглазая дама Григорію Владиміровичу:—по моему, такъ непремѣнно надобно любить. Это потребность души, любовь.

— И когда мы, женщины, любимъ, подхватила за нейхуденькая дама:—тогда намъ больше ничего не надо, всѣ — остальные люди лишніе, весь міръ остальной чуждъ, хоть тамъ все гори, тони...

Дамы многія вздохнули, многія прошептали: «да, да!»

— Боже мой! что это вы говорите? промолвилъ Григорій Владиміровичъ.

— Вы понимаете любовь, Ѳедосья Николавна? сказалъ бѣленькій юноша.

— Впрочемъ женщины не всѣ такъ умѣютъ любить, до самозабвенія, сказалъ другой съ нимъ въ одинъ голосъ.

— Чего вы будто испугались? спросила Григорія Владиміровича хорошенькая барышня, а худенькая все говорила:—нѣтъ любить такъ любить, одинъ человѣкъ въ мірѣ мой кумиръ; остальные всѣ лишніе — чуждые, ненавистные.

— Да это не любовь, это страсть, перебилъ ее Григорій Владиміровичъ.

— Давайте намъ страсти, намъ надо страсти, сказалъ бѣленькій юноша: а черноглазая дама у него спросила: «на что она вамъ?»

— Что же выше страсти? спросила одна тоненькимъ голоскомъ.

— Любовь, сказалъ Григорій Владиміровичъ.

— Какая же эта любовь, скажите намъ? добивался тотъ же тоненькій голосокъ.

— Любовь ко всѣмъ людямъ, любовь къ правдѣ и къ добру.

— Да эта любовь счастья не даетъ, сказала худенькая дама. Она была немножко сбита съ толку.

— Кто за любовь требуетъ платы счастьемъ, не умѣетъ тотъ любить! отвѣчалъ Григорій Владиміровичъ.

— Что такое счастье? проговорилъ бѣленькій юноша.

— Всякій желаетъ счастья, зашумѣли дамы.

— Это законъ природы, проговорилъ опять бѣленькій юноша.

— Въ любви непремѣнно есть счастье, сказалъ тоненькій голосокъ.

— Да, есть счастье въ любви, это тогда, когда положишь душу свою за друга своего! вымолвилъ Григорій Владиміровичъ.

Всѣ на него поглядѣли; онъ стоялъ блѣдный, а глаза у него свѣтились.

— Какъ мы увлеклись разговоромъ, сказала черноглазая дама: — ужь звѣзды сіяютъ... Пойдемте по саду погуляемъ.

Всѣ разошлись по саду. На балконѣ съ Григоріемъ Владиміровичемъ осталась только Софья Васильевна.

— Всѣ ушли! сказалъ онъ горько. — Соня, у меня душа болитъ!...

XV.

— Что это, какіе холода стоятъ, Авдотья Семеновна; говорила Ольга Петровна. Она сидѣла передъ печкой въ бархатной шубкѣ и грѣлась.

— Холода большіе, надо оттепели дожидать, отвѣчала Авдотья Семеновна.

— Хоть бы весна поскорѣй! Весной бы цвѣты зацвѣли...

— Потерпите, матушка. Придетъ и весна, и цвѣты зацвѣтутъ.

— Скучно что-то, Авдотья Семеновна!

— Говорятъ, когда скучно, такъ это къ веселью.

— А что, Гришѣ привезли сегодня письма съ почты, Авдотья Семеновна?

— Какъ же, матушка. Цѣлую кипу привезли.

— Отъ кого это онъ столько писемъ получаетъ, Авдотья Семеновна, — какъ вы думаете?

— Должно полагать, отъ своихъ пріятелей.

— Вы полагаете, ему пріятели такъ часто пишутъ?

— А почему жь? Есть охочіе писать, вотъ и пишутъ часто.

— И Гриша всегда бываетъ такъ радъ этимъ письмамъ?..

— Да, Гриша всему радъ.

— А мнѣ кажется, тутъ что-то кроется, Авдотья Семеновна.

— Чему жь тутъ крыться-то, матушка?

— Мы съ вами не знаемъ, Авдотья Семеновна; намъ съ вами Гриша ничего не довѣрилъ; а ужь если считать, такъ я ему по отцу ближе всѣхъ... а вы его ребенкомъ нянчили... И намъ съ вами ничего не довѣрилъ, у него безъ насъ есть другъ...

— Пускай, матушка. Дай ему Богъ.

— Соня его другъ главный, а за ней Варенька.

— Это хорошо, что дружно живутъ.

— А послѣднее время, вы замѣчаете, Варя все сидитъ у себя въ комнатѣ или у меня, а прежде они всѣ трое были неразлучны, — помните?

— Какъ же, помню.

— Поссорились они, что ли? Варя ужасно вспыльчива, съ ней какъ разъ можно поссориться. Но странно, что она молчитъ, она не можетъ молчать, когда сердита. И они другъ-съ-другомъ ласковы... Что эта за перемѣна?

— Да люди вѣдь перемѣнчивы, Ольга Петровна.

— Знаете, я было хотѣла спросить у нихъ прямо, да подумала, что вмѣшаешься да можетъ потомъ и не радъ будешь. Лучше ничего не знать, да спокойной быть. Богъ съ ними!

— Конечно, Богъ съ ними, Ольга Петровна.

— Хочется мнѣ узнать, отъ кого это Гриша письма получаетъ. Знаете, что я думаю, Авдотья Семеновна?

— Что, матушка?

— Что это письма отъ дамы... Гриша влюбленъ въ нее, а она въ него—и переписываются.

— По чемъ же вы такъ заключаете?

— А я разъ вошла къ Гришѣ въ комнату, гляжу, на столѣ

письмо, а Гриша сидитъ, очень задумался. Я нечаянно прочла нѣсколько словъ... Знаете, какія слова были написаны? «Мы положили свою душу и жизнь; зачѣмъ же ты грустишь и спрашиваешь, что будетъ съ нами?» Это вѣрно онъ утѣшалъ ее въ чемъ нибудь... вѣрно, у нихъ какія нибудь несчастія. Я говорю ему: «здравствуй, Гриша!» а онъ сейчасъ же за письмо, схватилъ пакетъ, сургучъ, запечаталъ и тутъ же отдалъ Сонѣ отправить. Такъ вы видите, что это не можетъ быть къ пріятелю.... Какъ бы это намъ все разузнать, Авдотья Семеновна?

— Только терпѣнье имѣйте, матушка, разузнаемъ. Нѣтъ такой тайны, чтобы не сдѣлалась явною.

— Очень меня занимаетъ это.... Очень рада буду, когда узнаю.

— Не спѣшите, Ольга Петровна, пусть все само откроется, такъ безпечнѣй.

— Конечно, конечно, Авдотья Семеновна, я лучше потерплю, подожду... А вмѣшиваться во что нибудь, сохрани меня Боже! Можетъ еще наживешь безпокойствъ, огорченій... Нѣтъ, Богъ съ нимъ со всѣмъ!

На другой день послѣ этого разговора, утромъ Авдотья Семеновна вошла въ комнаты Варвары Петровны.

— Здравствуйте, Варвара Петровна, добраго утра вамъ жежелаю. Извините, что я васъ побезпокоила. Не пожалуете ли вы мнѣ вашей кацавеечки на минуточку, хочу съ нея выкроечку снять.

— Извольте, Авдотья Семеновна, вотъ она.

Варвара Петровна взяла съ кресла кацавейку и подала Авдотьѣ Семеновнѣ.

— Покорно благодарю, Варвара Петровна; не прогнѣвайтесь, что помѣшала вашему чтенью. Вы все читаете, Варвара Петровна. Небось и не прискучитъ это вамъ?

— Нѣтъ, я очень люблю читать...

— У васъ съ Софьей Васильевной одинаковые вкусы. И у Гриши тоже... Да что это, матушка, или за что не поладили съ ними?

— Съ кѣмъ? спросила Варвара Петровна.

— Съ Гришей, да съ Софьей Васильевной. Или они въ чемъ провинились передъ вами? Я смотрю, точно вы сердиты на нихъ— сердиты, матушка?

— Нѣтъ, Авдотья Семеновна. За что же?

— Зачѣмъ же вы ихъ покинули-то, Варвара Петровна? Прежде бывало вы съ ними всегда неразлучны, а теперь они сидятъ одинехоньки. Иной день вы ни разочка къ нимъ и не подойдете.

— Нѣтъ, я несердита, я много читаю теперь, отвѣчала Варвара Петровна.

— А прежде-то вы бывало все вмѣстѣ читывали.

Варвара Петровна ничего не отвѣтила. Она была встревожена и недовольна. Авдотья Семеновна разсматривала кацавейку.

— Варвара Петровна, сказала Авдотья Семеновна вполголоса: — позвольте мнѣ вамъ одну правду сказать.

— Что это значитъ, Авдотья Семеновна? какую правду? Я не могу понять вашихъ словъ...

— Не тревожьтесь, матушка. Какъ вамъ кажется, еслибъ Гришѣ жениться на Софьѣ Васильевнѣ,—разрѣшатъ ему?

— Зачѣмъ вы это спрашиваете?

— Родство-то у нихъ не Богъ знаетъ какое близкое; должны бы разрѣшить, Варвара Петровна?

— Да, я думаю... Но зачѣмъ вы....

— А хлопотать-то гдѣ объ этомъ надо, Варвара Петровна? У архирея должно быть?

— Да, кажется...

— Не тревожьтесь, Варвара Петровна; Гриша вамъ ничего объ этомъ не говорилъ?

— Нѣтъ, не говорилъ...

— А Софья Васильевна?

— Нѣтъ, не говорила.

— И вы у нихъ не спрашивали?

— Нѣтъ, что все это значитъ, Авдотья Семеновна? Перестаньте ради Бога меня мучить!

— Осмѣлюсь вамъ совѣтъ подать, Варвара Петровна: извольте вы переговорить съ Софьей Васильевной: можетъ, по своей преданности къ вамъ, она и скажетъ, какъ они задумали на свою любовь. Я пробовала съ Гришей рѣчь завести, да неудачно...

— Что же я буду говорить? Я ничего не знаю... мнѣ не говорили ни о любви, ни о чемъ...

— Что жь что, не говорили, вы вѣдь и безъ сказу знаете сами. Зачѣмъ Гриша въ деревнѣ поселился? Зачѣмъ онъ у васъ живмя живетъ? Отчего не съѣстъ, ни сопьетъ безъ Софьи Ва-

сильевны? Съ чего каждой вѣсточкой бѣжитъ съ ней подѣлиться? Софья-то Васильевна съ чего такъ цвѣтетъ? Ясно, Варвара Петровна, ясно все какъ день! И я это вижу, и вы это видите. А вы меня не остерегайтесь: я Гришу люблю, и Софья Васильевна дѣвица прекрасная, я имъ желаю всякаго блага и всякаго добра. Дай имъ Богъ всякаго счастія.

— Ахъ, дай Богъ! Меня и радуютъ они, и тревожатъ, промолвила Варвара Петровна.

— Тревожатъ и меня, матушка...

— И васъ, Авдотья Семеновна? Что же васъ тревожитъ?

— А что это за письма Гриша пишетъ и получаетъ, Варвара Петровна?

Варвара Петровна удивилась.

— Письма? Васъ письма тревожатъ, Авдотья Семеновна? Съ товарищами переписывается, — что жь тутъ такое?

— Вы точно знаете, что съ товарищами?

— Да, Гриша сколько разъ говорилъ.

— Что-то мудрено, Варвара Петровна. Какъ тамъ ни дороги ему товарищи, а все бы, кажись, отъ всякаго ихъ письма не могло его бросать въ жаръ и въ холодъ. Особенно въ послѣднее время,—вы бы сами видѣли, если бы съ ними побыли,—получатся письма, Гриша читаетъ ихъ, и самъ не свой, и потомъ пойдутъ разговоры съ Софьей Васильевной, тайные и безконечные... И письма тѣ по сту разъ перечитываются... Что жь, не чудно это, Варвара Петровна?

— Вы что-то подозрѣваете, Авдотья Семеновна?

— Да, я прежде подозрѣвала, что это они о бракѣ хлопочутъ у архирея, поручили тамъ какому нибудь преданному человѣку, да вотъ Ольга Петровна сбили меня съ толку.

— Какъ же это?

— Я скажу вамъ все, Варвара Петровна, только чуръ меня не выдавать. Обѣщайте!

— Обѣщаю.

— Ни словомъ, ни взглядомъ?

— Обѣщаю.

— Ольга Петровна нечаянно почитали Гришинаго письма...

— Неужели! вскрикнула Варвара Петровна, и вся вспыхнула. Оля...

—Не гнѣвайтесь, Варвара Петровна,—онѣ не по коварству, говорятъ, а нечаянно и немножко почитали, всего-то слова три.

— Какъ же это было?

Авдотья Семеновна разсказала, какъ было и какія слова прочитаны.

— Полноте на сестрицу-то гнѣваться, матушка, говорила Авдотья Семеновна:—вотъ лучше извольте-ко посудить, что такія слова означаютъ? Стращаютъ его, «что съ нами будетъ?» Хотя Ольга Петровна и увѣряютъ, что это отъ возлюбленной дамы письмо, да этого быть не можетъ; онъ Софью Васильевну любитъ по всѣмъ примѣтамъ. А вотъ я боюсь, не затѣяли бы они чего нибудь опаснаго. Можетъ, брака не разрѣшили,—они и задумали безъ разрѣшенья повѣнчаться. Ну, выйдутъ еще непріятности большія, огласки. Лучше бы потише съ кѣмъ надо переговорить, да побольше заплатить, все бы и уладилось. Я знаю, Гриша все правдой хочетъ, да вѣдь Гриша бреда! Вы, впрочемъ, не безпокойтесь такъ, Варвара Петровна. Не такія тучи да мимо проходятъ, а по моему, все лучше вамъ съ Софьей Васильевной переговорить. Но, что вы ихъ покинули, матушка?

— Не хотѣлось мнѣ мѣшать.

— Какая жь вы имъ помѣха? Перемолвить между собою словечко они времечко найдутъ, — ужь это не ваша печаль; а прятаться они ни отъ кого не прячутся: сидятъ себѣ вмѣстѣ, какъ два цвѣточка — мило на нихъ поглядѣть.

Разговоръ этотъ Варвару Петровну очень взволновалъ и разстроилъ. Она стала замѣчать, и замѣтила, что отъ писемъ Григорія Владиміровича и Софью Васильевну бросаетъ въ жаръ и холодъ, какъ ей сказывала Авдотья Семеновна. Она было собралась спросить у нихъ, и не знала еще какъ, думала и волновалась — когда пришли новыя письма. Эти письма, казалось, принесли много радости Григорью Владиміровичу и Софьѣ Васильевнѣ, и Варвара Петровна подумала, что вѣрно все идетъ хорошо и что лучше ни о чемъ ихъ не спрашивать—погодить: они сами скажутъ.

Вороновы съ Григоріемъ Владиміровичемъ и съ Авдотьей Семеновной всѣ сидѣли въ гостиной за вечернимъ чаемъ. Варвара Петровна говорила съ Авдотьей Семеновной о гречихѣ—что просилъ въ займы одинъ сосѣдъ, и о томъ, что пора ужь двойныя рамы вынуть; Ольга Петровна говорила, что рамы вынимать еще рано—весна только-что наступила и еще были морозы. Григорій Владиміровичъ не разъ сказалъ Софьѣ Васильевнѣ, что по-

сланный на почту долго не ѣдетъ, и оба они поглядывали въ окно и прислушивались къ вечернему шуму.

Посланный пріѣхалъ, и привезъ Григорію Владиміровичу письмо. Григорій Владиміровичъ какъ открылъ это письмо, взглянулъ, такъ и поблѣднѣлъ, какъ бѣлая бумага. Всѣ на него глядѣли, и у каждаго замерло сердце, а Софьи Васильевны лицо также поблѣднѣло, какъ и его.

— Мнѣ надо сейчасъ ѣхать, проговорилъ Григорій Владиміровичъ.

— Неужели! вскрикнула Варвара Петровна.

— Гриша, рѣки пошли, — съ почты насилу переѣхали, сказаза Авдотья Семеновна.

— Не ѣзди, Гриша! попросила Ольга Петровна.

— Мнѣ надо сейчасъ ѣхать! Сейчасъ, непремѣнно. Соня! мнѣ надо ѣхать!

— Сейчасъ все будетъ готово, отвѣтила Софья Васильевна и вышла изъ гостиной. Ушелъ и Григорій Владиміровичъ.

— Господи! что это такое? проговорила Варвара Петровна.

— Какое нибудь еще, пожалуй, несчастье! Проноси Господи мимо! молилась Ольга Петровна.

Авдотья Семеновна была очень озабочена и успокоивала ихъ.

— Ужь коли ѣдетъ, такъ надо его въ дорогу собрать, сказала она: — пойду всѣмъ распоряжусь.

Она пошла, но скоро воротилась и сказала: «все ужь и безъ меня готово, и лошадей запрягаютъ.»

— Гдѣ онъ? спросила Варвара Петровна.—Гдѣ Соня?

— Оба въ Софьи Васильевниной комнатѣ.

Оба они тамъ сидѣли и ждали, когда зазвенитъ колокольчикъ. Колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Прощай! промолвилъ Григорій Владиміровичъ.

— Прощай! отвѣтила она.

Обнялись крѣпко, и долго-долго плакали....

. . . .

Всѣ вышли на крыльцо провожать. Небо было чистое, вечеръ теплый и звѣзды ярче блестѣли при легкомъ морозѣ; а дорога, дальнія поля видны были неясно; на деревнѣ горѣли огоньки; по вечеру звонко слышалось все: стукнетъ ли гдѣ дверью, скажется ли слово; и слышно было какъ полая вода шумитъ, и какъ вдалекѣ кто-то скачетъ. У крыльца стояла запряженная телега.

Со всѣми простился Григорій Владиміровичъ, и бросился было въ телегу, но опять выпрыгнулъ, подбѣжалъ къ Софьѣ Васильевнѣ и крѣпко ее обнялъ, и еще разъ ей сказалъ: «прощай, прощай!»

И она его обняла. Она схватила съ шеи платокъ и накинула на него, и говорила: «не простудись», и «береги себя, Гриша», и «прощай, Гриша.»

XVI.

. . . .

XVII.

. . . . . , ... , .

XVIII.

. . . .

. . . . . Всѣ плакали.

— Дай Богъ благополучно, моя голубушка, говорила ей Авдотья Семеновна.

— Можетъ, я тебя никогда и не увижу, говорила Ольга Петровна.

А Варвара Петровна просила:

— Соня, возьми меня съ собой! возьми меня съ собой!

— Нѣтъ, Варя. *Тамъ* будетъ меня одной, а ты оставайся здѣсь.

— Соня мнѣ больно и страшно. Дорогая моя, милая! Сколько горя, сколько горя!

— Счастья, Варя, счастья много! Ты погляди только на меня!

Варвара Петровна взглянула—увидѣла она счастливое, свѣтлое лицо передъ собою, и сказала: «благослови васъ Богъ!»

Стали прощаться. Прощались и все не разставались. А вотъ и въ послѣдній разъ обнялись; Софья Васильевна поѣхала. Варвара Петровна упала безъ памяти; Ольга Петровна громко плакала, какъ ребенокъ; Авдотья Семеновна около нихъ хлопотала,

Софья Васильевна поѣхала въ 18 . . году въ іюнѣ мѣсяцѣ. Чудесный день былъ, не жаркій. Вѣялъ прохладный вѣтерокъ. Вѣтерокъ бѣжалъ по полю, колыхалъ и волновалъ нивы; сбѣгалъ на рѣки и рябилъ воды; забирался въ лѣса и шумѣлъ зелеными листьями. А солнце играло.

МАРКО ВОВЧОКЪ.

МАТЕРИ.

Ну, сяду я къ огню роднаго камелька, —
Мы здѣсь опять твои послушливыя дѣти.
Я плачу радостно, мнѣ снова жизнь легка....
Пусть у кого нибудь поднимется рука
Каменьями бросать въ меня за слезы эти!

Прими, прими меня! Прости и все забудь:
И горечь быстрыхъ словъ, размолвокъ и разлуки,
И все, чѣмъ оскорблялъ я любящую грудь,
Въ объятіяхъ своихъ дай снова отдохнуть,
Какъ прежде, протяни скорѣй мнѣ эти руки!

Мы рано вышли въ путь, тревожны и больны,
Шумиху словъ чужихъ борьбою называли
И бились, и рвались, ненужны и смѣшны,
Но, искупительнымъ страданьемъ спасены,
Предъ жизнью трудною въ испугѣ не бѣжали....

Я все любви искалъ, а отъ любви твоей
Ушелъ.... Но Боже! ты — мнѣ все опять простила!
Я снова сердцемъ простъ. Прими жь меня скорѣй
И защити отъ нихъ, отъ этихъ злыхъ людей,
Отъ оскорбляющихъ, холодныхъ, какъ могила!

ПРОРОКЪ.

Онъ шелъ по селамъ, городамъ,
Онъ говорилъ: «настало время!
«Пора разрушить ветхій храмъ,
«Создастъ иной иное племя!»
Съ упрекомъ горькимъ осмѣялъ
Ихъ боязливыя сомнѣнья,
На нихъ онъ твердо отвѣчалъ,
Съ могучей силой убѣжденья:
«Когда хотя одинъ изъ насъ
«Сказалъ той новой жизни слово
«Заря ея ужь занялась,
«Скончалось царствіе былова!»

Ѳ. БЕРГЪ.

ЯМБЪ ПЕРВЫЙ.

(БАРБЬЕ).

Пусть риторы кричатъ, что рѣзкій стихъ мой золъ,
Что̀ желчь вскипаетъ въ немъ и ненависти пѣна,
Что̀ предъ кумирами увѣнчанными шелъ
Я безъ смущенія, съ безстыдствомъ Діогена,
Не ползалъ нищенски у золотыхъ тельцовъ
И грязь бросалъ къ подножью истукана, —
Я въ вакханаліи предателей-льстецовъ
Руки не оскверню трещоткой шарлатана.
Какое дѣло мнѣ? Пусть паѳосомъ не разъ
Торгуя по грошамъ всѣ плачутъ о развратѣ
И пляшутъ въ мишурѣ, на полѣ звонкихъ фразъ

Въ толпѣ, какъ гаеры на вздернутомъ канатѣ....
Да, стихъ мой грубъ, и несдержимъ разбѣгъ
Словъ проклинающихъ и слезъ негодованья, —
Но тѣмъ моимъ слезамъ рыданьемъ вторитъ вѣкъ,
Съ моими воплями слились его страданья.
Вотъ почему, порой, мутитъ такъ гнѣвъ и кровь
Мой желчный, рѣзкій стихъ, всѣ разорвавшій узы,
А между тѣмъ — не злость, а кроткая любовь
Дрожитъ въ рыданіяхъ моей суровой музы.

Д. МИНАЕВЪ.

НА ЖЕНЕВСКОМЪ ОЗЕРѢ.

На женевскомъ озерѣ
Лодочка плыветъ,
Ѣдетъ странникъ въ лодочкѣ,
Тяжело гребетъ.
Видитъ онъ по злачному
Скату береговъ
Много въ темной зелени
Прячется домовъ,
Видитъ — подъ окошками,
Возлѣ синихъ водъ,
Въ виноградныхъ садикахъ
Красный макъ цвѣтетъ;
Видитъ — изъ-за домиковъ,
Въ вѣковой пыли,
Колокольни сѣрыя
Подняли шпили.
А за ними — вѣчныя,
Въ снѣжныхъ пеленахъ,
Выси допотопныя
Тонутъ въ облакахъ.
И душой мятежною
Погрузился онъ

О далекой родинѣ
Въ неотвязный сонъ.
У него на родинѣ
Ни озеръ, ни горъ,
У него на родинѣ
Степи да просторъ....
Изъ простора этого
Некуда бѣжать —
Думы съ вѣтромъ носятся,
Вѣтра не догнать!...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О ПРОЭКТѢ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЗЕМСКИХЪ ПОВИННОСТЕЙ.

Коммиссія для пересмотра существующей системы податей и сборовъ обнародовала свои предположенія о преобразованіи земскихъ повинностей, приглашая общественное мнѣніе высказаться по этому вопросу. Всѣмъ извѣстно, что почти всѣ части нашего законодательства пересматриваются теперь коммиссіями, учрежденными при различныхъ министерствахъ. Податная коммиссія принадлежитъ къ числу тѣхъ изъ нихъ, которыя, руководясь современными началами прогресса, не только дѣлаютъ публикѣ любезность, знакомя ее съ своими проэктами до ихъ утвержденія, но и приглашаютъ обсуждать ихъ.

Такое направленіе, встрѣченное публикою въ самомъ началѣ съ горячимъ сочувствіемъ, возбуждало въ ней живое участіе, пока было новостью; но съ теченіемъ времени участіе до того охладѣло, что часто публикуемые проэкты, касающіеся важнѣйшихъ сторонъ общественной жизни, не удостоиваются никакого отвѣта. Многіе относятъ это къ апатіи общества, другіе къ его необразованности, утверждая, что у насъ нѣтъ компетентныхъ спеціалистовъ. Этотъ взглядъ далеко невѣренъ. Совершенно ошибочна мысль, что необходимы ни-вѣсть-какія познанія для того, чтобъ обсудить, удобна, или нѣтъ предположенная мѣра, и сказать, какою бы слѣдовало ей быть, чтобъ неудобства не существовали. Даже вовсе неграмотный и необразо-

ванный человѣкъ съумѣетъ сказать, что для него выгодно и даже то, что дурно. Если проэкты коммиссій не вызываютъ серьёзныхъ замѣчаній, то вѣроятно потому, что тѣ, которые могутъ сдѣлать ихъ, считаютъ это неудобнымъ, невозможнымъ или ненужнымъ. По большей части, ихъ соображенія правильны. Но бываютъ случаи, когда небезполезно попытаться отвѣтить на сдѣланный вызовъ и сказать нѣсколько словъ о предложенномъ на обсужденіе трудѣ. Къ такому исключенію даетъ поводъ и проэктъ о земскихъ повинностяхъ. Это не потому, что предметъ его особенно важенъ для народной жизни: много было уже составлено проэктовъ о предметахъ столь же важныхъ, какъ и земскія повинности. Тутъ дѣло не въ сущности вопроса, а въ достоинствѣ труда. Разборъ труда, превосходящаго по добросовѣстности составленія и смѣлости сужденій все до сихъ поръ написанное коммиссіями, конечно интересенъ, давая мѣрку результатовъ, получаемыхъ при извѣстной обстановкѣ, соединенными усиліями научныхъ познаній, практическаго знакомства съ дѣломъ, добросовѣстности, просвѣщеннаго направленія, — словомъ, совокупностью условій, требуемыхъ отъ хорошаго законодателя. Онъ особенно важенъ потому, что дѣло идетъ не объ отдѣльной, изолированной мѣрѣ, и не о случайномъ, незначущемъ учрежденіи. Преобразованіе земскихъ повинностей только одинъ параграфъ длиннаго списка законовъ и учрежденій, къ пересмотру которыхъ приступило теперь правительство. Этимъ опредѣляется радіусъ разбора лучшаго изъ трудовъ коммиссій. Впрочемъ поспѣшимъ прибавить, что разборъ этотъ вышелъ далеко не такъ полонъ, какъ намъ бы хотѣлось.

Податная коммиссія приступила къ преобразованію земскихъ повинностей, съ очевиднымъ желаніемъ выполнить свою задачу вполнѣ добросовѣстно. Она не поверхностно коснулась вопроса, но заглянула въ самую глубь его, и понимая, что для радикальнаго излѣченія застарѣвшаго недуга необходимо знать породившія его причины, разсмотрѣла историческое развитіе земскихъ повинностей и недостатки всѣхъ постановленій о нихъ, прежнихъ и существующихъ. Убѣдясь въ недостаточности дѣйствующаго законодательства по этому предмету, и выставя его недостатки весьма ярко и энергически, она обсудила общія основанія правильнаго устройства земскихъ повинностей, и придерживаясь ихъ, составила предположенія будущей системы.

Изъ этого видно, что работу желали сдѣлать основательно, и понимали, какъ взяться за нее. Но съ самыхъ первыхъ строкъ доклада коммиссіи можно было чувствовать, что задача ея такого рода, что и желанья справиться съ нею, и умѣнья взяться за дѣло будетъ не-

достаточно; что нужны такія условія, которыхъ коммиссія дать не въ состояніи.

«По смыслу нашихъ законовъ», начинаетъ докладъ,—«земскія повинности должны бы были назначаться для удовлетворенія потребностей земства, которымъ признается все населеніе губерніи; такимъ образомъ земскія повинности занимаютъ средину между податями, идущими на удовлетвореніе потребностей всего государства, и общественными или мірскими повинностями, удовлетворяющими потребностямъ общества или міра.» Прежде всего надо замѣтить, что наше законодательство вовсе не даетъ точнаго опредѣленія земскихъ повинностей. Вотъ подлинныя выраженія устава: «Земскими повинностями признаются только тѣ, коихъ предметы означены въ раздѣлахъ II и III сего устава» (ст. I.). Указанные раздѣлы содержатъ десять страницъ номенклатуры предметовъ земскихъ повинностей, отбываемыхъ деньгами или натурою. Разумѣется, тутъ нечего и искать какой нибудь опредѣленной мысли и системы: самое раздѣленіе этихъ повинностей на *государственныя*, *губернскія* и *частныя* показываетъ, что ихъ быть не можетъ. Вникая ближе въ сущность предметовъ, поименованныхъ уставомъ, приходишь къ убѣжденію, что къ земскимъ повинностямъ могутъ относиться всѣ издержки, которыя налагаются на народъ сверхъ общихъ податей.

Опредѣленіе, которое даетъ земскимъ повинностямъ коммиссія, обозначаетъ совершенно вѣрно ихъ характеръ. Что можетъ быть неопредѣленнѣе «середины» между потребностями государства и общества? Что можетъ быть произвольнѣе ея тамъ, гдѣ между различными сферами не существуетъ никакихъ разграниченій?... Отсюда послѣдовательно вытекаетъ вопросъ: какимъ же образомъ дать правильное устройство повинностямъ, идущимъ на удовлетвореніе потребностей, возникающихъ вслѣдствіе различныхъ административныхъ соображеній? Вѣдь самое понятіе земства, —какъ оно встрѣчается въ законѣ,—понятіе не естественное, а чисто условное. Законодательство, примѣняясь къ тому, что существуетъ административно-полицейская инстанція — губернія, произвело ее въ хозяйственно-финансовую инстанцію, собрало всѣхъ жителей губерніи въ одно собирательное цѣлое, назвавъ его первымъ попавшимся именемъ, уже означавшимъ другое, гораздо болѣе широкое понятіе, и предписало имъ имѣть общія потребности, то есть принять на свой счетъ тѣ издержки, которыя на нихъ будутъ возлагаться сверхъ общихъ податей. Вотъ земскія повинности. Неопредѣленныя по самой начальной, основной мысли, онѣ, очевидно, не могли найти твердой точки въ практическомъ примѣненіи. Вѣдь потребности возникаютъ, развиваются и мѣняются самою жизнью, — и только единство хозяй-

ственныхъ интересовъ можетъ обобщить или разграничить ихъ, а не зеленая или желтая черта, проведенная на планѣ. Всякая другая исходная точка будетъ неудовлетворительною. Неужели можно серьёзно вѣрить, что напримѣръ жители Елабуги, Мензелинска и Мамадыша, отстоящихъ какихъ нибудь 50 верстъ другъ отъ друга, лежащихъ подъ одной широтой, и на той же самой водяной системѣ, — имѣютъ совершенно разнородныя потребности на томъ основаніи, что принадлежатъ къ тремъ различнымъ губерніямъ; а та же самая Елабуга имѣетъ все общее съ причисленнымъ къ той же губерніи гор. Касмъ, отстоящимъ верстъ на 500, и лежащимъ 4-мя градусами сѣвернѣе; а житель Кая опять не имѣетъ ничего общаго съ деревней Палатки, лежащей въ нѣсколькихъ верстахъ, но безвозвратно раздѣленной отъ него губернскими столбами? Или, взявъ другую сторону, что галичанинъ, плотничая круглый годъ въ Петербургѣ, несетъ земскую тягу потому, что у него есть общія потребности съ жителями Галицкаго уѣзда?... Эти на удачу взятые примѣры,—такъ какъ ихъ можно найти на каждомъ шагу,—не только даютъ возможность сдѣлать оцѣнку существующихъ постановленій о земскихъ повинностяхъ, но и убѣждаютъ, что коммиссія не въ состояніи вполнѣ ихъ исправить.

Обстоятельный разборъ ея труда вполнѣ подтвердитъ послѣднее положеніе. Сдѣланный коммиссіею историческій разборъ показываетъ, что такъ-называемая система земскихъ повинностей, подобно всѣмъ частямъ существующаго устройства, развивалась и создалась подъ вліяніемъ весьма различныхъ началъ.

Въ древней до-петровской Руси, подъ грубыми формами первобытной простоты и отсутствія образованности, дѣйствуютъ зародыши вѣрныхъ и истинныхъ началъ, которыя быть можетъ привели бы къ совершеннѣйшимъ формамъ государственнаго устройства, еслибъ не встрѣтили различныхъ противодѣйствій, и развивались правильно, отбрасывая все негодное. Въ тѣ времена всѣ подати и повинности были двухъ родовъ: 1) царскіе и государственные сборы деньгами и запасами, шедшіе на удовлетвореніе потребностей царя, двора и частію государства; и 2) повинности натуральныя по разнымъ надобностямъ государственнымъ и мѣстнымъ; но всегда выполняемыя на мѣстахъ, мѣстными средствами. Только повинности перваго рода обращали на себя вниманіе правительства; въ назначеніе и отправленіе мѣстныхъ повинностей оно не только не вмѣшивалось, но большею частію даже вовсе не знало о ихъ существованіи; онѣ вполнѣ зависѣли отъ усмотрѣнія самихъ жителей или мѣстныхъ властей, большею частію выборныхъ. Съ Петра начинается крутой переломъ во всей народной жизни, стало и въ систе-

мѣ повинностей. Центральная власть принимаетъ въ свое вѣдѣніе отбываніе мѣстныхъ повинностей. Отличительный характеръ этой эпохи—обращеніе значительной части мѣстныхъ повинностей въ казенныя или государственныя. Такимъ образомъ, къ началу нынѣшняго столѣтія все государственное устройство слагалось изъ двухъ элементовъ. Съ одной стороны, старинныя народныя начала, стоявшія особнякомъ, не слившіяся съ началами государственными, но подчиненныя имъ, и не двинувшіяся ни на шагъ впередъ въ своемъ развитіи послѣ петровскаго разгрома. Съ другой,—господствующія начала, выразившіяся въ массѣ разнородныхъ учрежденій и законоположеній, не имѣвшихъ полнаго внутренняго единства. Результатомъ такого положенія была такая запутанность въ системѣ повинностей, что существованіе ихъ въ прежнемъ видѣ сдѣлалось невозможнымъ. Само правительство сознало это. Началось новое преобразованіе государственнаго быта, быть можетъ не менѣе обширное петровскаго въ мысляхъ преобразователей. Въ эту эпоху появляется впервые названіе *земскихъ повинностей*, означавшее повинности, отбываемыя на мѣстныя потребности въ предѣлахъ одной губерніи всѣми сословіями вмѣстѣ.

Понятно, что въ то время не могло быть у насъ ни равномѣрности и опредѣлительности въ отбываніи повинностей, ни правильной раскладки, ни учета въ распоряженіи сборами. Всѣ эти понятія,— пріобрѣтеніе новѣйшаго времени,—только что начинали получать право гражданства на континентѣ Европы...

Дѣйствовавшія до тѣхъ поръ, старыя начала имѣли силу и у насъ въ ту эпоху, о которой мы говоримъ. Въ 1802 году послѣдовалъ высочайшій указъ, повелѣвавшій: «собрать точныя свѣдѣнія о всѣхъ повинностяхъ, оцѣнить и опредѣлить, сколько нужно сборовъ на каждую губернію, постановить имъ единообразную раскладку и установить единообразное и общее для нихъ положеніе». Въ силу этого указа и было обнародовано, въ 1805 г., предварительное положеніе о земскихъ повинностяхъ, раздѣлявшее ихъ на ежегодныя и единовременныя; къ первымъ отнесены были: содержаніе почтъ, устройство казармъ, ихъ отопленіе и освѣщеніе и «прочіе предметы»; ко вторымъ: сборы на постройки или важныя починки въ зданіяхъ, содержимыхъ отъ земли. Подобно всѣмъ преобразованіямъ того періода, положеніе о земскихъ повинностяхъ имѣло цѣлью *постепенно* привести къ отмѣнѣ старыхъ началъ и построенной на нихъ системы централизаціи. Поэтому оно предоставляло сословнымъ представителямъ довольно значительное вліяніе на составленіе смѣтъ, раскладку и расходованіе земскихъ сборовъ. Но вѣрное идеи постепенности, поло-

женіе 1805 года не имѣло рѣшительнаго характера, а было издано какъ временная мѣра. Вслѣдствіе этого, оно, подобно прочимъ преобразовательнымъ планамъ того времени, не развилось вполнѣ, и не только не достигло предположенныхъ результатовъ, но совершенно измѣнило своему характеру...

Положеніе1805 г., изданное въ видѣ временной мѣры, и уже тогда признанное неудовлетворительнымъ, дѣйствовало до 1851 г., Для исправленія его назначали нѣсколько комитетовъ, и ни одинъ не принесъ положительныхъ результатовъ. Каждый обнаруживалъ новые недостатки существовавшей системы, и бракуя прежнія предположенія, предлагалъ свои измѣненія, оказывавшіяся дъ свою очередь недостаточными или несостоятельными. Въ 1851 году составленъ нынѣ дѣйствующій уставъ о земскихъ повинностяхъ; но и ему послужило основаніемъ прежнее положеніе. Независимо отъ раздѣленія земскихъ повинностей на денежныя и натуральныя, онъ раздѣлилъ ихъ на государственныя, губернскія и частныя, смотря потому, предназначаются ли онѣ на удовлетвореніе потребностей общихъ всѣмъ частямъ имперіи, одной губерніи, или одного сословія. Управленіе земскими повинностями основано совершенно на тѣхъ же началахъ, которыя лежатъ въ основаніи всего губернскаго устройства. Множество инстанцій, контролирующихъ одна другую, одна надъ другою начальствующихъ; коллегіальное устройство завѣдующихъ земскими повинностями присутствій, составленныхъ частію изъ представителей дворянства и городскихъ сословій, частію изъ коронныхъ чиновниковъ, какъ представителей интересовъ сельскихъ жителей; фактическая подчиненность всего губернскаго управленія повинностями губернатору, предсѣдательствующему въ особомъ присутствіи и въ комитетѣ о земскихъ повинностяхъ; стѣсненіе круга дѣйствій и губернскихъ инстанцій, и самого губернатора: во-первыхъ, всевозможными ограничительными постановленіями устава, во-вторыхъ, цѣлымъ рядомъ высшихъ инстанцій всевозможныхъ вѣдомствъ; вліяніе на возвышеніе смѣтъ и производство расходовъ центральныхъ управленій; отсутствіе системы и единства въ ихъ распоряженіяхъ; восхожденіе всѣхъ дѣлъ по земскимъ повинностямъ, до мельчайшихъ подробностей, до государственнаго совѣта...; нескончаемая переписка и прогрессивное увеличеніе тягостей народа, безъ существеннаго улучшенія въ его бытѣ.

Таковъ былъ историческій ходъ законодательства о земскихъ повинностяхъ, на основаніи историческаго обзора, представленнаго коммиссіею. Самою краснорѣчивою оцѣнкою дѣйствующей системы земскихъ повинностей служатъ представленныя коммиссіею стати-

стическія данныя. Съ $18^{14}/_{16}$ по 1834 г. смѣтная сумма сборовъ уменьшалась, но для земства не произошло облегченія, вслѣдствіе установленія особаго сбора на пути сообщенія, не вошедшаго въ смѣту. Въ 1834 г. сборы увеличились на 77%, а съ 1834 по 1861 г. на 242%. Общая сумма денежныхъ повинностей составляетъ болѣе $23^1/_2$ милл. руб. сер.; она распредѣляется такимъ образомъ: 4 до 5% падаютъ на торговое сословіе; 8—9% поземельнаго сбора; $86^1/_2$—88% подушнаго сбора съ податныхъ сословій. Но эта сумма означаетъ только денежный сборъ; стоимость натуральныхъ повинностей въ нее не входитъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, ихъ оцѣниваютъ въ 80% всей суммы денежныхъ сборовъ, то есть около 19 милл. руб. сер. На дѣлѣ, онѣ вѣроятно въ нѣсколько разъ превысятъ эту цифру, и составляютъ самое тяжкое бремя для народа, падающее преимущественно на классы, платящіе подушный сборъ. Заключеніе коммиссіи объ этой системѣ весьма рѣшительно.

Вотъ ея подлинныя слова:

«Общее и совокупное соображеніе положительнаго законодательства о земскихъ повинностяхъ, историческаго развитія этихъ повинностей и статистическихъ данныхъ о нихъ — приводитъ къ заключенію, что ни въ одинъ изъ періодовъ ихъ развитія, законоположенія правительства не соотвѣтствовали дѣйствительному значенію земскихъ повинностей въ общей системѣ государственнаго хозяйства, и потому естественно повели за собой тѣ вредныя послѣдствія для земства, какія видны изъ историко-статистическихъ данныхъ.

«Съ изданіемъ, въ началѣ XIX вѣка, временныхъ правилъ о земскихъ повинностяхъ, казалось, что правительство само сознало необходимость участія сословій въ исполненіи земскихъ повинностей, такъ какъ въ составъ учрежденій о сихъ повинностяхъ назначены были и представители, или депутаты, отъ земства; но дальнѣйшій опытъ показалъ незрѣлость и потому несостоятельность сего сознанія. Переводы многихъ издержекъ казны на земство, произволъ въ составленіи смѣтъ и раскадокъ въ теченіе XIX столѣтія осязательно доказываютъ преобладаніе правительственныхъ властей надъ земствомъ, и это преобладаніе, хотя въ меньшей уже мѣрѣ, развито и въ послѣднемъ уставѣ 1851 г., по которому распоряженіе и контроль по земскимъ повинностямъ оставлены существенно подъ вліяніемъ высшихъ правительственныхъ властей. Такимъ образомъ потерялся на практикѣ всякій дѣйствительный характеръ земства, повинности коего, смѣшанныя съ государственными и частными потребностями, не имѣютъ еще донынѣ законодательства, вполнѣ соотвѣтствующаго ихъ значенію.

«Въ настоящее время, за изданіемъ новаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, земство и его повинности еще болѣе обращаютъ на себя вниманія, по совершенному разъединенію мѣстныхъ интересовъ дворянства и сельскихъ обывателей. Послѣ этого нельзя сомнѣваться въ томъ, что *земскія повинности безотлагательно требуютъ кореннаго, радикальнаго преобразованія*, для соблюденія какъ интересовъ правительства, такъ и въ особенности сословныхъ».

Это заключеніе служитъ лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго нами вначалѣ о добросовѣстности побужденій коммиссіи, но тѣмъ оканчиваются наши похвалы этому труду...

Не входя въ разборъ соображеній коммиссіи о началахъ, необходимыхъ для правильнаго устройства новой системы земскихъ повинностей, мы прямо приступимъ къ ея заключенію, составленному на основаніи этихъ соображеній.

Заключеніе состоитъ изъ 20-ти пунктовъ. Главныя основанія его слѣдующія: отъ нынѣшнихъ земскихъ повинностей отдѣлятся государственныя и частныя повинности. Первыя войдутъ въ составъ общихъ государственныхъ податей, а именно—въ общую систему сборовъ съ торговли и промышленности, и прямыхъ податей; вторыя будутъ предоставлены непосредственному управленію сословій, потребности которыхъ ими удовлетворяются. Затѣмъ, земскія повинности будутъ составлять: 1) денежныя или натуральныя повинности на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей земства, то есть всего населенія губерніи или уѣзда, и 2) натуральныя повинности на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Послѣднія оставляются на земствѣ временно, впредь до обращенія ихъ, по ходатайству земскимъ хозяйственнымъ учрежденіемъ, въ общій государственный налогъ. Земскія повинности раздѣляются на губернскія и уѣздныя; все управленіе ими: составленіе смѣтъ, раскладка и расходованіе—предоставляется губернскимъ и уѣзднымъ хозяйственнымъ учрежденіямъ. Составленіе проэкта объ этихъ учрежденіяхъ: опредѣленіе порядка расходованія, отчетности, контроля и вообще надзора за отправленіемъ земскихъ повинностей, составляютъ предметы, подлежащіе разсмотрѣнію особой коммиссіи, образованной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Вліяніе губернской правительственной власти на составленіе смѣтъ предполагается ограничить единственно надзоромъ затѣмъ, чтобы при составленіи ихъ были соблюдены законныя условія. Назначеніе предметовъ земскихъ повинностей и избраніе способовъ ихъ удовлетворенія, деньгами или натурою, зависитъ отъ хозяйственныхъ учрежденій. Но какъ нѣкоторые предметы, составляя потребность мѣстныхъ жителей,

имѣютъ въ то же время государственное значеніе, то они должны составлять обязательную земскую повинность. Источниками, на которые должны падать земскія повинности, должны быть всѣ наличныя средства общества: земли, промышленныя заведенія, торговые капиталы, промышленные заработки и т. п.

Съ отнесеніемъ государственныхъ земскихъ повинностей въ общую сумму государственныхъ налоговъ, не должно быть устранено участіе мѣстныхъ земскихъ учрежденій въ разсмотрѣніи смѣтъ на нѣкоторые предметы расходовъ, входившіе до сихъ поръ въ составъ земскихъ повинностей. Поэтому имъ слѣдуетъ предоставить право разсматривать, по требованію правительства, смѣты и заявлять о мѣстныхъ нуждахъ. Сдѣланныя ими замѣчанія принимаются къ соображенію при окончательномъ утвержденіи смѣтъ правительствомъ. Внутренняя раскладка въ губерніи государственныхъ земскихъ повинностей, обращенныхъ въ прямые налоги, принадлежитъ тѣмъ же земскимъ хозяйственнымъ учрежденіямъ; на исполненіе этихъ расходовъ имъ слѣдуетъ предоставить право заявлять свои замѣчанія правительству. Все производство въ земскихъ учрежденіяхъ должно подлежать гласности.

Эти предположенія коммиссія заключила замѣчаніемъ, что успѣха всего дѣла можно ожидать въ такомъ только случаѣ, когда съ ея предположеніями будутъ соединены предположенія коммиссіи объ устройствѣ земскихъ хозяйственныхъ учрежденій; почему необходимо, по взаимному соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, дать означеннымъ предположеніямъ однообразный и одновременный ходъ.

Мы думаемъ, что для успѣха дѣла необходимы многія другія условія.

Чтобъ правильно оцѣнить степень удовлетворительности предположеній коммиссіи, нужно постоянно имѣть въ виду тѣ побужденія, которыя привели ее къ нимъ. Существующее законодательство о земскихъ повинностяхъ было осуждено ею рѣшительно и безвозвратно. Не ту или другую часть его, не то или другое постановленіе нашла она неудовлетворительными; нѣтъ, она осудила всю систему и произнесла безвозвратный приговоръ надъ ея основными началами.

«Законоположенія правительства, — сказала она, — не соотвѣтствовали дѣйствительному значенію земскихъ повинностей въ общей системѣ государственнаго хозяйства, и потому естественно повели за собою тѣ вредныя послѣдствія для земства, какія очевидны изъ историко-статистическихъ данныхъ». Строго и рѣшительнѣе осудить всю существующую систему этихъ повинностей невоз-

можно; тѣмъ болѣе, что доводомъ взяты не какія либо теоретическія воззрѣнія, всегда допускающія и pro, и contra, мѣняющіяся съ временемъ и обстоятельствами,—а числовыя данныя цифры—аргументъ положительный и неотразимый. Выводъ, сдѣланный на основаніи этого приговора, столь же энергиченъ, какъ и онъ самъ: «послѣ этого нельзя сомнѣваться въ томъ, что земскія повинности требуютъ кореннаго, радикальнаго преобразованія».

Ничего лучшаго и придумать невозможно. Но пойдя такъ далеко въ отрицаніи сущетвующаго, обдумала ли коммиссія зрѣло, что она дѣлаетъ? Сообразила ли она и свое положеніе, и свои силы?... Тотъ же самый приговоръ имѣетъ совершенно различное значеніе въ устахъ правительства и общества, вслѣдствіе различія ихъ положенія и обязанностей. Первое, составляя одно органическое цѣлое, должно представлять одно начало, одинъ принципъ,—второе слагается изъ множества разнородныхъ элементовъ; первое въ совокупности солидарно съ каждымъ отзывомъ каждаго изъ своихъ органовъ, —напротивъ, каждое мнѣніе, исходящее изъ среды втораго, служитъ только выраженіемъ личныхъ убѣжденій лица или сферы, высказавшей ихъ; первое повелѣваетъ, второе повинуется. Стало, всякое порицаніе какого бы то ни было законоположенія, выраженное кѣмъ бы то ни было изъ среды общества, означаетъ только, что, по его личному мнѣнію, то законоположеніе неудобно для извѣстной части общества, но затѣмъ не налагаетъ на общество ни отвѣтственности за то, ни какихъ либо прямыхъ обязанностей; напротивъ, порицаніе существующаго правительственнымъ органомъ влечетъ за собою необходимость не только измѣнить существующее, но и измѣнить такъ, чтобъ дѣйствительно отстранить его недостатки. Если бы приведенный выше отзывъ о земскихъ повинностяхъ встрѣтился, напримѣръ, въ нашей статьѣ, онъ ни мало не обязывалъ бы насъ составить какой бы то ни было, а тѣмъ болѣе хорошій, проэктъ преобразованія земскихъ повинностей; но принадлежа правительственной коммиссіи, онъ налагаетъ на нее обязанность преобразовать земскія повинности на правильныхъ началахъ, а обществу даетъ право быть весьма строгимъ въ своихъ требованіяхъ.

Коммиссія выразила убѣжденіе, что существующее законодательство о земскихъ повинностяхъ требуетъ безотлагательно кореннаго, радикальнаго преобразованія: стало, новый проэктъ долженъ отстранить всѣ существующіе недостатки. Условности тутъ допускать нельзя. Посмотримъ, достигаетъ ли этого новый проэктъ.

Капитальные и существенные недостатки дѣйствующей системы земскихъ повинностей заключаются въ слѣдующемъ: масса населенія

несетъ повинности, идущія на предметы, не составляющіе существенныхъ ея потребностей... Значитъ, чтобъ отстранить эти неудобства, нужно: уменьшить настоящія повинности; сдѣлать невозможнымъ на будущее время неправильное увеличеніе ихъ; обратить ихъ на удовлетвореніе существенныхъ потребностей населеній... дать жителямъ каждой мѣстности возможность опредѣлять, въ чемъ ихъ потребности и какъ удовлетворять имъ.

Изъ доклада коммиссіи можно вывести, что она согласна съ этими положеніями. Къ нимъ стремится и заключеніе ея. Но стремиться и достигнуть — далеко не однозначущія понятія: всею разницею между ними именно и грѣшитъ проэктъ. Онъ измѣняетъ только внѣшній видъ существующаго законодательства; недостатки его будутъ свойственны и новому порядку, предполагаемому коммиссіею.

Въ новомъ проэктѣ два главныхъ нововведенія: измѣненіе сущности земскихъ повинностей и новый порядокъ завѣдыванія ими.

Первое заключается въ отдѣленіи отъ земскихъ повинностей сборовъ на государственныя и сословныя потребности; второе въ учрежденіи новыхъ мѣстъ, завѣдующихъ земскими повинностями, на основаніяхъ, различныхъ отъ прежнихъ...

Непомѣрное возвышеніе земскихъ сборовъ, годъ отъ году возростающихъ — вотъ первый капитальный недостатокъ существующей системы, на который коммиссія обратила вниманіе. Она приписала это явленіе ненормальному положенію государственныхъ земскихъ сборовъ въ общей системѣ земскихъ повинностей. Мѣстныя власти, по словамъ ея, утратили всякое вліяніе на нихъ; кругъ ихъ дѣйствій ограничился перепискою въ смѣты требованій или штатовъ различныхъ вѣдомствъ. Контроль ихъ сдѣлался одною формальностью; и назначеніе, и расходованіе этихъ сборовъ принадлежитъ центральнымъ управленіямъ... До сихъ поръ разсужденія коммиссіи хороши, какъ и вообще вся критическая часть ея труда. Но чтобъ отстранить указанные ею недостатки, податная коммиссія не могла придумать ничего лучшаго, какъ перечислить сборы на государственныя земскія повинности изъ земскихъ повинностей въ общія государственныя подати. Вотъ къ какому результату пришли лица, рѣшительно требовавшія кореннаго преобразованія!

Высказавъ, что увеличеніе государственныхъ земскихъ сборовъ происходитъ главнѣйше отъ слишкомъ малаго вліянія на эти сборы земства, и слишкомъ большаго — центральныхъ управленій, коммис-

сія предлагаетъ, какъ радикальное средство, уничтожить послѣдніе остатки вліянія земства и предоставить сборы въ безотчетное распоряженіе центральныхъ вѣдомствъ! И такое предположеніе идетъ отъ тѣхъ же лицъ, которыя только-что доказали несостоятельность и вредныя послѣдствія направленія, думавшаго прекратить злоупотребленія мѣстныхъ властей — подчиненіемъ ихъ, до крайнихъ предѣловъ, центральному надзору! Чтобъ понять размѣръ значенія предлагаемой коммиссіею мѣры, надо имѣть въ виду, что государственные земскіе сборы составляютъ $^4/_5$ всей суммы денежныхъ земскихъ повинностей! Какое же значеніе послѣ этого могутъ имѣть всѣ ея разсужденія? Къ чему примѣнятся они, когда отдѣлены $^4/_5$ существующихъ повинностей и относительно ихъ жители поставлены въ положеніе болѣе невыгодное, чѣмъ было досёлѣ? Вѣдь то вліяніе, которое коммиссія думаетъ предоставить земскимъ хозяйственнымъ учрежденіямъ на расходованіе этихъ суммъ по поступленіи ихъ въ общіе государственные доходы, — не болѣе, какъ благая надежда, осуществленіе которой не зависитъ отъ коммиссіи. Если даже ея предположенія будутъ приняты цѣликомъ, права земскихъ учрежденій по этому отдѣлу такъ шатко и неопредѣленно выражены самою коммиссіею, что на практикѣ они весьма удобно могутъ быть приравнены къ нулю любымъ вѣдомствомъ. Стоитъ прочесть, въ чемъ заключаются эти права, и сообразить отношенія губернскихъ инстанцій къ центральнымъ, чтобъ не имѣть никакихъ иллюзій о пространствѣ и силѣ этихъ правъ. Это тѣ же самыя номинальныя принадлежности, которыя коммиссія такъ сильно порицаетъ въ существующей системѣ, и даже еще меньше. Интереснѣе всего, что коммиссія считаетъ обращеніе государственныхъ земскихъ повинностей въ общую систему налоговъ мѣрою столь существенною, что и въ своихъ соображеніяхъ въ нѣсколько пріемовъ выставляетъ на видъ ея достоинства. «Отдѣленіе государственныхъ земскихъ сборовъ отъ общихъ налоговъ, говоритъ она, имѣло слѣдующія неудобства: а) было несогласно съ свойствомъ этого сбора, употребляемаго на общія государственныя потребности и возлагаемаго на общія силы государства; б) вело къ увеличенію и запутанности счетоводства и переписки; в) было главною причиною увеличенія расходовъ, падающихъ на населеніе, и неуравнительности распредѣленія налоговъ между производительными силами страны. И далѣе, включеніемъ его въ разрядъ общихъ государственныхъ налоговъ дана будетъ возможность привести этотъ налогъ въ правильное отношеніе съ прочими источниками государственныхъ доходовъ; всякое измѣненіе его будетъ сообразно и соразмѣрно съ

положеніемъ прочихъ налоговъ, — слѣдовательно, налогъ этотъ пріобрѣтетъ бо̀льшее постоянство, правильность и уравнительность; всѣ затруднительные разсчеты между казною и земствомъ сами прекратятся; система финансовъ будетъ значительно упрощена и приложеніе ея облегчено». Спрашивается: для кого и для чего это писано? Вѣдь достаточно имѣть самое поверхностное понятіе о финансовой системѣ (а кто изъ читателей не знаетъ его?), чтотъ уничтожить всѣ эти доводы... Въ-замѣнъ этого, мы противопоставимъ панегирику коммиссіи слѣдующіе вопросы. Перечисленіе сборовъ на государственныя земскія повинности въ общіе налоги: уменьшитъ ли итогъ этихъ сборовъ? обратитъ ли ихъ на болѣе существенныя потребности? перенесетъ ли ихъ съ наиболѣе отягощенныхъ земель на другія? воспрепятствуетъ ли увеличенію ихъ на будущее время? Здравый смыслъ каждаго читателя дастъ отвѣтъ на эти вопросы. Затѣмъ, мы уже не будемъ и входить въ разсмотрѣніе, насколько существенно, что тѣ же самыя цифры попадутъ изъ одной книги въ другую, или изъ двухъ въ третью.

Кромѣ государственныхъ повинностей, коммиссія отдѣлила отъ земскихъ и частныя, предоставивъ ихъ въ полное распоряженіе подлежащихъ сословій или обществъ, на основаніи особыхъ о томъ постановленій. Это распоряженіе совершенно естественно; но чтобы оно имѣло дѣйствительное практическое значеніе, нужно прежде всего, чтобъ эти сословія и общества имѣли положительную самостоятельность въ своемъ хозяйственномъ управленіи. Можетъ ли коммиссія придать имъ ее? Къ тому же, взаимныя отношенія сословій необходимо должны будутъ измѣниться. Стало, и въ частныхъ потребностяхъ ихъ, и въ способахъ удовлетворенія имъ произошли такія перемѣны, что въ настоящее время никакое постановленіе объ этомъ нельзя считать прочнымъ и долговѣчнымъ.

За отдѣленіемъ отъ земскихъ повинностей этихъ двухъ отдѣловъ, сумма ихъ составитъ менѣе 4 милл. р. сер. денежными сборами, употребляемыми на предметы, входящіе теперь въ разрядъ губернскихъ повинностей. Размѣръ этой суммы составитъ предѣлы дѣятельности новыхъ земскихъ хозяйственныхъ учрежденій. Какъ видно, они не весьма широки — среднимъ числомъ около 90 т. р. с. въ годъ на губернію; но и эти узкіе предѣлы еще стѣснены тѣмъ, что сборы на нѣкоторые предметы будутъ, по закону, обязательны для земства; стало, ихъ опредѣлитъ законъ или подлежащее вѣдомство. Въ этомъ отношеніи намъ пока извѣстенъ только принципъ; о практическомъ приложеніи его, то есть о предметахъ обязатель-

ныхъ сборовъ и ихъ размѣрѣ, въ проэктѣ коммиссіи ничего не сказано. Значитъ, пока можно судить только о самомъ принципѣ; а онъ такого свойства, что какъ бы ограничено ни было первое его примѣненіе, помѣщеніе его въ уставѣ отнимаетъ у земства всякую самостоятельность и даетъ возможность увеличивать его повинности до безконечности. Коммиссія объясняетъ въ своихъ соображеніяхъ это постановленіе, всего двумя строками: «но какъ нѣкоторые предметы, составляя потребность преимущественно мѣстныхъ жителей, имѣютъ въ то же время и государственное значеніе, то такіе предметы должны составлять обязательную земскую повинность». Такой шаткій и неопредѣленный аргументъ доказываетъ, что начало мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія, поборникомъ котораго старается выказать себя коммиссія, весьма непрочно сознано ею самою. Старыя понятія, противъ воли, берутъ верхъ и стараются открыть себѣ лазейки,—а каждая изъ нихъ подкапываетъ непрочно положенныя основанія новыхъ началъ.

Новыя предположенія даютъ, правда, земскимъ учрежденіямъ возможность расширить кругъ своей дѣятельности, предоставивъ имъ опредѣлять предметы земскихъ повинностей; но такъ какъ самая тяжкая часть настоящихъ сборовъ изъята изъ вѣдѣнія этихъ учрежденій, не можетъ быть убавлена ими, то всякое стремленіе ихъ къ расширенію круга своей дѣятельности отзовется для земства только увеличеніемъ существующихъ тягостей. Но если значеніе новыхъ земскихъ учрежденій и маловажно относительно денежныхъ сборовъ, то оно возвышается предоставленіемъ имъ права распоряжаться самою обременительною для народа частію земскихъ повинностей—натуральными повинностями. По статистическимъ свѣдѣніямъ офиціальнаго происхожденія, цѣнность ихъ менѣе общей суммы денежныхъ земскихъ сборовъ; но всякій, имѣющій понятіе объ этой разорительной системѣ, можемъ усумниться въ точности подобныхъ свѣдѣній.

Натуральныя повинности — это государственная барщина, самый тяжкій видъ барщины. Коммиссія знала свойства этихъ повинностей и желала бы измѣнить ихъ... Она не только ничего не сдѣлала для измѣненія системы натуральныхъ повинностей, но даже принуждена была, приступя къ ней, отказаться отъ собственныхъ началъ, проводимыхъ въ другой части ея предположеній. Она оставила въ вѣдѣніи земскихъ учрежденій всѣ натуральныя повинности, хотя и отнесла однѣ изъ нихъ къ потребностямъ всего государства, другія-къ потребностямъ одного земства. Сознавая собственную не—

послѣдовательность, она думала стушевать ее, говоря, что государственныя натуральныя повинности остаются на земствѣ *временно*. Но развѣ то же самое слово не было употреблено болѣе полвѣка назадъ, когда впервые установлялись нынѣ дѣйствующія основанія, уже въ то время признанныя недостаточными? Опытъ, кажется, долженъ былъ научить насъ, что въ дѣлѣ преобразованій «временное» и «несостоятельное»—понятія тождественныя. Тѣмъ страннѣе встрѣтить подобное начало въ преобразованіи, которое должны бы быть кореннымъ, радикальнымъ.—Къ довершенію противорѣчія, коммиссія, желая, чтобъ «временность» была какъ можно короче, сама упрочиваетъ ее своими постановленіями. Временно остающіяся на земствѣ государственныя натуральныя повинности слагаются съ земства не иначе, какъ обращеніемъ ихъ, по ходатайству земскихъ учрежденій, *въ общій для всѣхъ губерній государственный налогъ*. Можно представить себѣ, какъ скоро совершится подобное преобразованіе. Если коммиссія, спеціально занимающаяся земскими повинностями, учрежденная собственно для преобразованія ихъ, дошла только до постановленія, что государственныя натуральныя повинности остаются на прежнемъ основаніи,—хорошо будетъ преобразованіе ихъ обычнымъ административнымъ порядкомъ! Любопытно выписать, параллельно постановленію коммиссіи о натуральныхъ повинностяхъ, мнѣніе, выраженное о нихъ въ обзорѣ основаній проэкта положенія одного изъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу.

«Повинности казенныя и земскія отбываются деньгами и натурою.

«Мы ввели въ наше положеніе всѣ нынѣ существующія повинности натуральныя, потому что постановленіе объ отмѣнѣ ихъ объусловливается коренными измѣненіями не только всей системы податей, но и многихъ частей государственнаго управленія, и требуя основательнаго обсужденія, зависитъ отъ высшихъ государственныхъ соображеній. Но не представляя своихъ предположеній о замѣнѣ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей денежными, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе правительства на этотъ важный предметъ. Натуральныя повинности представляютъ для государственнаго хозяйства всѣ невыгоды обязательнаго труда. Тяжелыя для крестьянъ, отбываемыя поневолѣ и потому нерадиво, онѣ убыточны для государства, и приносятъ выгоды только тѣмъ властямъ, которыя наблюдаютъ за ихъ отбываніемъ. Кто близко присматривался къ жизни народа, тотъ знаетъ, какъ разорительны для него своею неравномѣрностью эти повинности, и къ ка-

кимъ притѣсненіямъ и злоупотребленіямъ онѣ даютъ поводъ. Повинность постойная чрезвычайно неуравнительна вслѣдствіе безпрерывнаго передвиженія войскъ и произвола мѣстныхъ властей при распредѣленіи постоя по селеніямъ. Повинности подводная и дорожная даютъ поводъ къ еще большему произволу и злоупотребленіямъ; подводы нерѣдко требуются въ количествѣ, превышающемъ дѣйствительную потребность; крестьянъ отрываютъ отъ дѣла въ самую рабочую пору, задерживаютъ безъ надобности, и часто отпускаютъ домой только по собраніи дани; контрмарки же за подводы не всегда выдаются крестьянамъ. Дорожные участки отводятся иногда за нѣсколько десятковъ верстъ; требованіе на работы дѣлается часто безъ толка и порядка; самое же исправленіе дорогъ этимъ способомъ обыкновенно неудовлетворительно, и равно тягостно и для тѣхъ, кѣмъ оно производится, и для тѣхъ, кто имъ пользуется. Всякій видъ натуральной повинности представляетъ неисчислимые и неотвратимые поводы къ угнетенію и обиранію народа. Правительство, сознавъ необходимость государственной реформы и приступивъ къ ней, поставило на первомъ планѣ замѣну обязательнаго труда свободнымъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Но если эта мѣра есть несомнѣнный залогъ развитія благосостоянія государства, то не въ правѣ ли Россія ожидать, рядомъ съ отмѣною частнаго крѣпостнаго права, прекращенія крѣпостнаго права государственнаго, одна изъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ котораго, для народа, проявляется въ отбываніи натуральныхъ повинностей. Переложеніе по возможности натуральныхъ повинностей на деньги и подушнаго оклада на землю—должно быть основнымъ элементомъ новой системы налоговъ, которая необходимо должна замѣнить нынѣ дѣйствующую, не соотвѣтствующую ни потребностямъ государства, ни началамъ, выработаннымъ наукою» (*).

Можно ли имѣть хотя тѣнь сомнѣнія, что отстранить и исправить эти коренныя государственныя неудобства—будетъ рѣшительно не по силамъ отдѣльнымъ губернскимъ коммиссіямъ или комитетамъ? Самыя добросовѣстныя усилія ихъ неизбѣжно рушатся передъ неисправимыми поодиночкѣ органическими недостатками системы, и останутся только безполезными памятниками ихъ добрыхъ стремленій... Это даже въ томъ случаѣ, если земскія учрежденія дѣйствительно будутъ воодушевлены хорошими стремленіями. Но вѣдь можетъ встрѣтиться и противное. Намъ неизвѣстенъ не только образъ

(*) Обзоръ основаній выкупнаго и срочно-обязаннаго положеній меньшинства Калужскаго комитета, стр. 32, 33, 34.

дѣйствій будущихъ земскихъ хозяйственныхъ учрежденій, и принципы, которые будутъ руководить ими, но даже ихъ личный составъ. Если въ нихъ будутъ преобладать сословія, не обремененныя натуральными повинностями, а интересы сословій преимущественно отбывающихъ ихъ, будутъ представляемы ихъ начальствами, едва ли масса населенія получитъ много облегченій, въ этомъ отношеніи, отъ новыхъ хозяйственныхъ учрежденій...

Вся остальная часть труда о завѣдываніи будущими земскими повинностями: составленіе смѣтъ, раскладка, расходованіе суммъ, контроль и т. п., служитъ доказательствомъ добрыхъ желаній членовъ коммиссій,—и только. Какъ она отнесется къ дѣлу, ни мы, ни сама коммиссія сказать не можетъ. Всѣ эти предположенія относятся до хозяйственныхъ учрежденій, проэктируемыхъ одной изъ коммиссій, учрежденныхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Совпадутъ ли правила и постановленія той коммиссіи съ проэктомъ податной коммиссіи, или нѣтъ, никто заранѣе опредѣлить не можетъ. Это зависитъ чисто отъ случая. Еще недавно были распубликованы два новыхъ акцизныхъ устава, но совершеноо различныхъ по духу, по началамъ, по направленію. То были произведенія одного вѣдомства. Гдѣ же шансы, что произведенія различныхъ вѣдомствъ будутъ однородны? Податная коммиссія поняла это: она закончила проэктъ выраженіемъ желанія, чтобы предположеніямъ ея и коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ былъ данъ однообразный и одновременный ходъ. Неужели и это заключеніе—принадлежность коренной, радикальной реформы, совершенной податной коммиссіею? Изъ уваженія къ добросовѣстности стремленій коммиссіи, мы старались всячески избѣгать рѣзкости въ сужденіяхъ о ея трудѣ, старались замѣнить достоинствами его—недостатки. Но тѣмъ не менѣе, защитить ея окончательныхъ предположеній нѣтъ возможности. Они не рѣшаютъ вопроса о земскихъ повинностяхъ, не даютъ ему прочныхъ оснований; они опять таки временное переходное рѣшеніе. Поэтому, хотя по основнымъ началамъ они значительно рознятся отъ дѣйствующихъ постановленій о земскихъ повинностяхъ, но въ практическомъ примѣненіи окажутся столь же неудобны и стѣснительны.

Они не уменьшаютъ лежащихъ на народѣ тяжестей, не полагаютъ предѣла увеличенію его повинностей, не защищаютъ его отъ поборовъ и притѣсненій мѣстныхъ властей, не отмѣняютъ натуральныхъ повинностей, не даютъ земскимъ повинностямъ настоящаго смысла. Затѣмъ, если они и принесутъ кой-какія измѣненія къ лучшему въ губернскомъ хозяйствѣ,—это будутъ улучшенія, просачивающія-

ся по капелькѣ, и не производящія въ общемъ существенной перемѣны. Но что же было дѣлать коммиссіи, чтобъ составить проэктъ, производящій въ системѣ земскихъ повинностей такую радикальную реформу, которая была признана ею самою неизбѣжно-необходимою? Такая задача не по силамъ коммиссіи...

Н. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТЕКУЩІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ, БОЛѢЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ. — КРАТКІЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ НАШЕЙ ПРОШЕДШЕЙ ЖИЗНИ, КОТОРЫЕ, КАКЪ ОБЩЕИЗВѢСТНЫЕ И НИСКОЛЬКО НЕ ИНТЕРЕСНЫЕ, ЧИТАТЕЛЬ МОЖЕТЪ ПРОПУСТИТЬ, НЕ ЧИТАЯ, СЪ ОТМѢННОЮ ДЛЯ СЕБЯ ПОЛЬЗОЮ. — НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГАЗЕТѢ «ДЕНЬ».

УЧЕНИКЪ.

«Я бы желалъ, какъ можно больше знать;
Весьма бы радъ былъ постигать,
Все, что на свѣтѣ есть, — пройти
Науки и въ природу углубиться.»

МЕФИСТОФЕЛЬ.

«Здѣсь именно къ тому вы на прямомъ пути!
Прилежно только надобно учиться.»

Въ настоящее время весь міръ, благосклонный мой читатель, находится въ какомъ-то безпокойномъ состояніи. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ идетъ открытая война; въ Турціи тоже; Австрія недовольна своими народами; народы, вкусивши австрійской конституціи, сдѣлались еще болѣе недовольны своей Австріей. Папа не хочетъ покинуть Римской области, къ общему неудовольствію своихъ подданныхъ и всей Италіи; Германія и Англія находятся въ постоянномъ напряженіи, слѣдя неусыпно за каждымъ движеніемъ своего неразгаданнаго сосѣда, равно страшнаго и во время войны и во время мира; сосѣдъ сидитъ-себѣ пока спокойно и занимается дѣ-

лами повидимому, самыми мирными; вотъ онъ ввелъ недавно новый порядокъ въ финансовомъ управленіи Франціи, отказавшись въ этомъ случаѣ отъ такихъ правъ, отъ которыхъ не отказываются даже конституціонные короли; а для чего онъ это дѣлаетъ, кто его разберетъ? — Для того ли онъ копитъ богатства, чтобы увеличить благодѣянія мира для милой Франціи, или для того, чтобы имѣть возможность безпрепятственно, во всякое время понавѣдаться въ гости къ которому нибудь изъ любезныхъ сосѣдей, если придетъ охота!—Однимъ словомъ, Европа въ тревожномъ состояніи. Въ такомъ же состояніи находится и наша отечественная литература. И не безъ причины. Г. Водовозовъ не прекращаетъ своихъ набѣговъ на Гейне, несмотря на общій ропотъ Германіи, возмущаемой изъ конца въ конецъ страданіями, какія претерпѣваетъ родной поэтъ ея подъ русской прессой; г. Розенгеймъ, переставшій-было въ послѣднее время почти совершенно распалять свое воображеніе стиховнымъ разженіемъ и державшій себя примѣрно цѣломудренно, недавно, къ общему удивленію и прискорбію, снова вторгся въ область поэзіи съ *Купецкимъ сыномъ Акимомъ Скворцовымъ и боярскою дочкою*, и произвелъ тамъ страшныя опустошенія; новая московская газета «День» открыла крестовый походъ противъ литературы, Запада и проч. и проч.; г. Юлій Самаринъ противъ Бюхнера и матеріалистовъ; г. Левъ Камбекъ противъ здраваго и вообще всякаго человѣческаго смысла, открывъ въ издаваемомъ имъ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» особый, самостоятельный отдѣлъ для безсмыслицы и ерунды всякаго рода, въ которомъ и предлагаетъ гостепріимно всѣмъ желающимъ, безъ различія возрастовъ, умственнаго *обстоянія* и т. п., кровъ и упокоеніе за посильное приношеніе въ убогую кассу «Петербургскаго Вѣстника».

Мы перечислили, читатель, далеко не всѣ событія, которыми мы могли бы украсить наше нынѣшнее «внутреннее обозрѣніе». Но намъ теперь не до нихъ, не до этихъ событій. Все наше вниманіе поглощаетъ въ настоящее время одинъ вопросъ — вопросъ о россійской наукѣ.

Съ нѣкотораго времени вопросъ этотъ вошелъ въ нашей литературѣ въ большую моду. Одни изъ литераторовъ обвиняютъ наше юношество въ равнодушіи и холодности къ наукѣ, и умоляютъ его со всѣмъ жаромъ краснорѣчія учиться, учиться и учиться, не обращая болѣе ни на что вниманія. Другіе измышляютъ разные планы о томъ, въ какихъ размѣрахъ русскому юношеству разверсть святилище наукъ, чтобы они въ преподаваемыхъ наукахъ преуспѣли достолжнымъ образомъ.

Все это, признаемся, насъ немножко удивляетъ. Нужно ли тол-

ковать россійскому юношеству, чтобы оно училось, когда всѣ наши разсадники просвѣщенія осаждены желающими учиться въ буквальномъ смыслѣ этого слова, когда юношество наше очень хорошо понимаетъ, что безъ диплома ему никогда не выбиться изъ оберъ-офицерскихъ чиновъ, а безъ аттестата не добиться, пожалуй, и до оберъ-офицерскихъ, что безъ достаточной науки у насъ трудно получить не только видное, но и сколько нибудь порядочное мѣсто, когда оно видитъ на каждомъ шагу *опытно*, что въ Россіи

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ? —

Нужно ли? — Намъ кажется, что не нужно. Если наше юношество, при всемъ своемъ желаніи учиться, учится плохо, то, значитъ, ужь такъ ему на роду написано учиться плохо, и приглашеніемъ, чтобы оно училось ревностнѣе, тутъ ничего не возьмешь. Не отъ него, не отъ юношества это дѣло зависитъ. Еще менѣе, намъ кажется, зависитъ успѣхъ дѣла отъ непомѣрнаго расширенія размѣровъ наукъ. Въ исторіи нашего просвѣщенія бывали разныя эпохи, — бывало, что науки преподавались очень широко, бывало, что онѣ преподавались очень тѣсно,—а толкъ все былъ одинъ и тотъ же, или, точнѣе сказать, толку все-таки выходило мало. А зависѣло это отъ того, что и при широкомъ, и при тѣсномъ преподаваніи, на учащихся во всѣхъ возможныхъ россійскихъ разсадникахъ просвѣщенія, какихъ бы возрастовъ эти учащіеся ни были, смотрѣли какъ на школьниковъ, какъ на дѣтей, не заботились объ образованіи въ нихъ самодѣятельности мысли, а главное — не заботились о воспитаніи въ нихъ самостоятельности человѣческой, гражданской, необходимой въ жизни на каждомъ шагу, прежде всякихъ возможныхъ наукъ.

Вѣдь и мы съ вами, читатель, учились. Помните ли вы, съ какимъ благоговѣніемъ подходили мы въ первый разъ къ храмамъ россійскаго просвѣщенія, съ какимъ благоговѣніемъ вступили въ эти храмы? Какою жаждою знанія томились мы тогда, съ какимъ вниманіемъ ловили каждое слово нашихъ мудрыхъ наставниковъ, съ какимъ недоумѣннымъ для насъ теперь терпѣніемъ, продолжавшимся черезъ многое число лѣтъ, вели подробныя, дословныя записи чтеній, намъ преподаваемыхъ, сколько чемодановъ разныхъ тетрадокъ вывезли съ собою изъ школъ, въ запасъ на долгій путь жизни! — А что изъ всего этого вышло?—Да ничего. Прожили мы пять, десять лѣтъ по выходѣ изъ школы,—и всѣ наши свѣдѣнія разсѣялись положительно въ прахъ. По историческимъ наукамъ мы кой-что, пожалуй, еще и припомнимъ,—напримѣръ, объ Александрѣ Ма-

кедонскомъ, о крестовыхъ походахъ, о реформаціи, о революціи и т. п. А объ ассиріянахъ, вавилонянахъ,въ особенности же о какихъ нибудь варварскихъ народахъ, нечего и спрашивать. Свѣдѣнія наши здѣсь такъ жалки, что мы иногда, пожалуй, усомнимся въ бытіи народа, несомнѣнно игравшаго роль въ исторіи человѣчества. Исторію россійскую, которую намъ преподавали съ особеннымъ тщаніемъ, какъ нашу отечественную, мы знаемъ немного лучше всеобщей. Но и здѣсь опять остаются въ нашей памяти одни болѣе замѣчательныя эпохи, или, лучше сказать, признанныя нашими историками за замѣчательныя. А говоря по правдѣ, если бы не знали ничего этого, то потери большой не было бы. Ибо преподанная намъ россійская исторія столь же мало объясняетъ намъ нашъ бытъ, нашу жизнь, насъ самихъ, сколько и исторія объ ассиріянахъ и вавилонянахъ. Но и о тѣхъ жалкихъ свѣдѣніяхъ, которыя мы сохранили доселѣ по наукамъ историческимъ, еще нельзя рѣшительно сказать, чтобы они сохранились отъ школы. Они подогрѣты, поддержаны въ насъ чтеніемъ разныхъ книгъ, статеекъ и т. п. по выходѣ изъ школы. Не будь этого, быть можетъ, и они улетучились бы изъ нашей головы вмѣстѣ съ ассиріянами и вавилонянами. Таковы наши свѣдѣнія въ наукахъ живыхъ, интересныхъ, модныхъ, историческихъ. Нужно ли говорить о свѣдѣніяхъ, оставшихся у насъ изъ другихъ наукъ? — Да полно, и остались ли какія нибудь? Что же дала намъ школа прочнаго для нашего умственнаго развитія?

Посмотримъ теперь на ея вліяніе на насъ съ нашей практической дѣятельности. Вы помните, конечно, вашего товарища—Ивана Иваныча, который назадъ тому пятнадцать лѣтъ, кончилъ курсъ кандидатомъ словесныхъ наукъ, который быстрыми способностями и примѣрною нравственностію обращалъ на себя вниманіе всего начальства. Теперь онъ живетъ бариномъ въ своемъ помѣстьи, и здравствуетъ. Заглянемъ же къ нему. Вотъ передъ нимъ стоитъ въ смиренной позѣ староста Акимъ и рабски докладываетъ ему, что дѣвка Матрешка,которую хотѣлъ онъ,Иванъ Иванычъ,взять въ незаконное сожительство, огуряется, не хочетъ слышать объ этомъ, что, дескать, надъ своимъ тѣломъ она сама себѣ госпожа, а баринъ тутъ неволенъ. Иванъ Иванычъ выходитъ изъ себя отъ такого непослушанія, приказываетъ старостѣ Акиму Матрешку припугнуть, а если будетъ нужно, то и поучить, а черезъ день ему, Ивану Иванычу, непремѣнно потомъ ее доставить. Или вотъ Петръ Петровичъ; — онъ тоже кончилъ курсъ кандидатомъ по юридическимъ наукамъ, тоже былъ когда-то образцовымъ по способностямъ и благонравію,—а вотъ онъ стоитъ теперь передъ какимъ-то небольшимъ превосходительствомъ, которое, отправляя его на слѣдствіе,

даетъ ему такія наставленія: «вы, Петръ Петровичъ, при производствѣ слѣдствія обойдите и Тюфяйкина, и Лопаткина,—это лица хорошія, — а вотъ на Чечорина понажмите, таки и хорошенько понажмите. Я ужь давно до него добираюсь. Если небольшія и натяжечки будутъ примѣтны въ дѣлѣ, — это ничего; вамъ бояться нечего. Я улажу все.» Петръ Петровичъ съ наклоненною головою вслушивается въ каждое слово превосходительства, и на каждое наставленіе вѣжливѣйше отвѣчаетъ: «слушаю, ваше превосходительство, слушаю; будетъ исполнено въ точности.» Или вотъ припомните: сколько изъ вашихъ товарищей образовалось Ивановъ Петровичей, изъ которыхъ на каждаго стоитъ сходить посмотрѣть, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ—да просто отъ страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и ужь чего не выражаетъ лицо его,—просто бери планъ, да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мирно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что просто мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь вы небольшаго чина, Прометей такъ и остается Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ и сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ; муха, меньше даже мухи, уничтожается въ песчинку! «Да это не Иванъ Петровичъ», говоришь, глядя на него. «Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ, и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется»; подходишь ближе, глядишь, точно Иванъ Петровичъ! «Э-хе, хе», думаешь себѣ... А сколько изъ вашихъ товарищей, людей, почитавшихся когда-то очень хорошими и благонадежными, явилось такихъ, которые получили «страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины, изъ которыхъ иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностію, со звѣздою на груди, будетъ вамъ жать руку, разговаривать съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же передъ вашими глазами и нагадитъ вамъ. И нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздою на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ-что стоишь только, да дивишься пожимая, плечами, да и ничего болѣе».

Вы можете сказать мнѣ, что все это вѣдь вымыслы воображенія, что Богъ знаетъ, все ли оно еще такъ на дѣлѣ. Гм! вымыслы! Да полно вымыслы ли, читатель? — Припомните-ка хорошенько. Не встрѣчаемъ ли мы съ вами эти вымыслы живыми въ фракахъ, въ

мундирахъ, во всѣхъ возможныхъ, даже народныхъ костюмахъ, каждый день, на каждомъ шагу?

Чтобы показать вамъ однако, какъ мало наша натура разработана въ нравственномъ отношеніи, какъ мало приготовлена къ безупречной практической дѣятельности, какъ всѣ мы способны сдѣлать иногда подлость, даже ненужную, безцѣльную и ни къ чему не ведущую, если хотите, механическую, только потому, что такъ настроены съ дѣтства, — я представлю вамъ уже не вымыселъ воображенія, а откровенное свидѣтельство о себѣ человѣка образованнаго если не лучше, то уже во всякомъ случаѣ не хуже насъ съ вами, человѣка, старающагося освободиться отъ разнаго рода гадостей, которыми подарили насъ жизнь и воспитаніе,—о чемъ хлопочутъ вѣдь очень немногіе, слѣдовательно во всякомъ случаѣ человѣка, котораго нельзя не признать лучшимъ очень многихъ даже и лучшихъ. Вотъ что онъ говоритъ о себѣ:

«Немного болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ со мной случилось слѣдующее происшествіе: я ѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, и на одной станціи вышелъ изъ вагона покурить. Въ это время я увидѣлъ знакомаго мнѣ господина, котораго не считалъ достойнымъ ни малѣйшаго уваженія, но который занималъ довольно видное мѣсто въ нашей іерархической лѣстницѣ. Въ толпѣ я весьма легко могъ не подойти къ нему; но однако я къ нему подошелъ, и поклонился даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Онъ удостоилъ меня какою-то шуткой, которая была не смѣшна, и въ особенности не умна, но я счелъ нужнымъ улыбнуться.

«Я улыбнулся не искренно, натянуто, криво однимъ словомъ, — это правда; но все же улыбнулся.

«Говорятъ: почтительный поклонъ, кривая улыбка и прочія миловидныя уступки бываютъ необходимы для достиженія важныхъ цѣлей. Положимъ, такъ; но я долженъ сознаться, что не могу привести въ свое оправданіе и это политическое соображеніе. Для чего я такъ поступилъ? Думаю, что никто изъ моихъ читателей не въ состояніи удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ, и что несмотря на это, мой поступокъ знакомъ и понятенъ почти всѣмъ имъ. По крайней мѣрѣ, могу ли я ручаться, что ничего подобнаго со мною не случится впередъ.—Какъ-то страшно сказать: да! Но еще страшнѣе сказать: нѣтъ, не могу.

«Видно, въ самомъ дѣлѣ не даромъ прожилъ я въ томъ обществѣ около двадцати лѣтъ, которое сейчасъ описывалъ!»

Читатель, прочитавшій эту тираду, конечно, готовъ сказать вмѣстѣ съ ея авторомъ, что все это дѣлаетъ одна среда общественная, что она заѣдаетъ у насъ всѣхъ людей. Мы не совсѣмъ съ этимъ со-

гласны. Конечно, россійская среда ужасный монстръ. Но приписывать все ей одной, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, какъ-то трудно. Очень подозрительно, чтобы одна среда могла пріучить къ механическимъ подлостямъ. До нихъ, намъ кажется, можно выработаться только многолѣтнимъ и непремѣнно систематическимъ упражненіемъ съ дѣтства.

И что дѣйствительно въ этомъ много виновато наше воспитаніе и образованіе, что вообще оно не развиваетъ въ насъ сознанія нашего человѣческаго достоинства и равноправности съ другими, не выясняетъ намъ ни человѣческихъ, ни общественныхъ отношеній, что оно ухитряется вырабатывать изъ насъ не людей самостоятельныхъ, не гражданъ съ твердымъ сознаніемъ своей личностии правъ, съ умѣньемъ пробить въ жизни дорогу по сердцу своему, а какія-то жалкія, безцвѣтныя, даже грязныя тряпки, которыя всякій употребляетъ по своему усмотрѣнію, произволу, разсчету,—это мы ниже покажемъ подробно, — а пока, въ безпрактичности и жалости нашего воспитанія и образованія не трудно убѣдиться слѣдующимъ простымъ соображеніемъ. Помните ли вы, читатель, то время, когда окончивъ полный курсъ наукъ въ самомъ высшемъ изъ россійскихъ вертоградовъ, собравъ въ чемоданъ всѣ тетради, которыми запаслись въ продолженіе долгаго ученья и мученья,—вы стояли въ глубокомъ раздумьи о томъ: куда вамъ идти? Вы, изучавшій по крайней мѣрѣ до 30 наукъ, вы, украшенный самыми интересными и разнообразными свѣдѣніями, и имѣвшій въ рукахъ дипломъ и несомнѣнное право на чинъ X и даже IX класса? И это вѣдь не въ какомъ нибудь герцогствѣ Гессенъ-Дармштатскомъ, или курфирствѣ Гессенъ-Кассельскомъ, гдѣ на каждое мѣсто имѣется, можетъ быть, по нѣскольку десятковъ кандидатовъ изъ докторовъ всѣхъ возможныхъ наукъ, а въ благодатной Россіи, гдѣ во всѣхъ концахъ и углахъ кричатъ о недостаткѣ людей, гдѣ не только человѣкъ съ дипломомъ, но и человѣкъ научившійся толково кой чему—почитается находкою, составляетъ, по мѣстамъ, даже рѣдкость? Если бы у васъ не было отеческаго крова, гдѣ вы пріютились по выходѣ изъ высшихъ школъ, или, если бы васъ не посадили на какое нибудь казенное мѣсто,—вы почитали бы себя погибшимъ человѣкомъ, да и не только почитали бы, а и дѣйствительно затерялись бы и погибли, какъ затеривается и погибаетъ не мало юношей во время перехода отъ школы къ жизни. Такъ безпомощными, неготовыми для жизни, если угодно, малосмысленными въ дѣлахъ житейскихъ выпускаетъ насъ школа. А вѣдь мы выходимъ изъ высшихъ школъ въ такое время, когда у насъ и на щекахъ и на бородѣ бываетъ уже великолѣпная растительность, т. е. лѣтъ 23, 24, 25 и даже болѣе. Воз-

мите въ эти годы крестьянскаго парня, который не проходилъ курсовъ никакихъ наукъ, который не знаетъ даже грамотѣ, и пустите его въ совершенно незнакомый ему городъ. Повѣрьте, онъ не сробѣетъ, не задумается, не затеряется, найдетъ себѣ вездѣ и работу, и хлѣбъ; а если, и не найдетъ скоро, то съумѣетъ и поголодать, перенести невзгоду, не теряя ни мужества, ни энергіи, не то, что мы, люди образованнѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе, украшенные всевозможными знаніями, выслушавшіе всевозможные курсы и системы.

Чему же насъ учатъ воспитаніе и наука?

Да ей-Богу не тому, читатель, чему учить слѣдуетъ. Точнѣе сказать: вовсе не тѣ нужны пріемы, не та метода ученія, не тотъ способъ нравственной выправки, чтобы образовать изъ воспитываемыхъ и образовываемыхъ дѣйствительныхъ человѣковъ, а не жалкія пародіи на человѣка, хилые, слабые, безпомощные, болѣзненные недоноски и въ умственной, и практической дѣятельности.

Всмотримся теперь нѣсколько внимательнѣе въ наше воспитаніе и образованіе.

Человѣкъ родится на свѣтъ самымъ безпомощнѣйшимъ изъ всѣхъ созданій. Хотя это уже давно извѣстно всѣмъ и каждому, тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь небольшую тирадку объ этомъ самомъ предметѣ изъ письма: *о народномъ обученіи* (которое и рекомендуемъ прочесть всѣмъ, въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Вѣстника»)—французскаго писателя Евгенія Боннера, котораго мы душевно уважаемъ за теплоту чувствъ и благородныя симпатіи его къ простому народу.

«Богъ,—говоритъ онъ, — далъ человѣку свѣтильникъ разума, чтобы руководить имъ и освѣщать ему путь; но это свѣтильникъ угасшій, и человѣкъ самъ долженъ зажечь его на пылающемъ огнѣ науки, а если онъ не исполнитъ этой обязанности, то станетъ ниже животныхъ, которыя почти всѣ при самомъ рожденіи пользуются инстинктомъ, достаточнымъ для выполненія ихъ скромнаго назначенія. Взгляните попагляднѣе на послѣднее изъ четвероногихъ, которое мы, можетъ быть, совершенно несправедливо, представляемъ себѣ типомъ невѣжества и глупости,—я разумѣю осла. При самомъ рожденіи своемъ онъ уже поднимается на своихъ еще нетвердыхъ ногахъ, трясетъ свои длинныя уши, начинаетъ бѣгать и прыгать по двору, обнюхиваетъ травы, различаетъ между ними тѣ, которыя впослѣдствіи будутъ служить ему пищей, потомъ возвращается къ матери и съ жадностію хватается за питательные сосцы.

«Въ противоположность этому, возьмите ребенка, и не новорожденнаго,—это только масса плоти, прозябающая даже безъ сознанія жизни, — но ребенка семи или восьми мѣсяцевъ. Положите его въ

комнатѣ, въ четырехъ шагахъ отъ обычной его пищи; онъ будетъ судорожно вертѣться въ собственной нечистотѣ, будетъ истощаться въ безполезныхъ воплякъ, и будетъ въ опасности умереть съ голоду, перехвативъ въ ротъ всѣ предметы его окружающіе, но не добравшись до тѣхъ, которые могутъ дать ему жизнь».

Таковъ явившійся въ свѣтъ человѣкъ въ физическомъ отношеніи. Духовная его натура является еще безпомощнѣе. Почти все время дѣтства проходитъ въ пассивной пріемлемости впечатлѣній внѣшняго міра, въ пассивной пріемлемости чуждыхъ представленій, понятій, вѣрованій; такова дѣятельность умственная; дѣятельность практическая ограничивается одною подражательностію другимъ, постоянною переимчивостію чужихъ дѣйствій, привычекъ, безсознательнымъ исполненіемъ чужихъ внушеній, наставленій, приказаній. Между тѣмъ, во время дѣтства—этого пассивнаго состоянія умственной и нравственной дѣятельности человѣка—образовывается ядро будущаго человѣка. «Воспитаніе въ этомъ возрастѣ, говоритъ Бокъ,—имѣетъ весьма важное значеніе; можно даже сказать, что первые три года жизни, въ этомъ отношеніи, важнѣе другихъ періодовъ жизни, потому что въ это-то именно время полагается основаніе какъ будущимъ добродѣтелямъ, такъ и порокамъ». «Должно стараться вселять въ это время въ дитяти любовь къ справедливости, такъ чтобы съ первымъ проявленіемъ самосознанія, т. е. на 3 или 4 году оно уже имѣло хорошее *нравственное основаніе*. Образованныя безсознательною привычкою, добрыя наклонности впослѣдствіи укрѣпляются съ помощью разсудка и служатъ твердою основою для благороднаго характера. Вообще нравственное воспитаніе до 7-лѣтняго возраста чрезвычайно важно, потому что *чувство добра и справедливости* въ эти лѣта образуется легче, чѣмъ впослѣдствіи. Но чтобы въ дѣтяхъ укоренились одни только добрыя начала, необходимо удалять отъ нихъ все, что можетъ служить имъ дурнымъ примѣромъ; а за ложь, обманъ, упрямство, своеволіе, непристойность и проч., непремѣнно наказывать. Впрочемъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ надобно прибѣгать, какъ можно, рѣже; оно необходимо только въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, и *полезно вообще только до тѣхъ поръ, пока въ дитяти не развилось самосознаніе, т. е. до 4 года жизни*. (*Умоляемъ всѣхъ россійскихъ педагоговъ обратить вниманіе на это замѣчаніе!*). Съ этого же времени нужно руководить его только ласковымъ словомъ, дѣйствующимъ на него тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оно больше привыкло къ послушанію. На развитіе *общей впечатлительности* дитяти (способности ощущать) слѣдуетъ тоже обращать вниманіе, преимущественно же пріучать дитя къ преодолѣнію непріятныхъ ощущеній. Весьма сильно въ этомъ

случаѣ дѣйствуетъ на него примѣръ самихъ родителей, ибо, по свойственной ему подражательности, оно безсознательно усвоиваетъ себѣ все, что только видитъ въ другихъ, будь это хорошо или дурно; даже обычное расположеніе духа взрослыхъ (веселое или угрюмое) невольно отражается и въ дѣтяхъ ихъ. Поэтому въ присутствіи дѣтей не должно обнаруживать отвращеніе отъ какихъ нибудь животныхъ (напримѣръ, пауковъ, лягушекъ и т. п.), не приходить въ ужасъ и не терять присутствія духа при какомъ либо неожиданномъ случаѣ; не соболѣзновать о дитяти, когда оно упадетъ или ушибется и т. д.; гораздо лучше казаться ко всему подобному равнодушнымъ, и не измѣнять обыкновеннаго обращенія съ дитятей. Даже во время болѣзни дѣтей не должно оказывать имъ чрезмѣрныхъ ласкъ и сильной печали, потому что это часто безпокоитъ и пугаетъ ихъ, а слѣдовательно можетъ усилить болѣзнь.» Въ особенности въ послѣднемъ періодѣ дѣтскаго возраста надобно стараться укрѣплять волю дѣтей, «заставляя ихъ преодолѣвать препятствія, боязнь и различныя непріятныя ощущенія. Но при этомъ должно остерегаться пугать дѣтей. Испугъ производитъ боязнь, а боязнь есть начало трусости, криводушія и подлости. Особенно легко въ этомъ возрастѣ искажается внутреннее чувство (нравъ дѣтей). Это происходитъ оттого, что воспитатели возбуждаютъ часто только чувствительную способность мозга, оставляя разсудокъ и волю въ совершенной недѣятельности. Вслѣдствіе этого дитя, разумѣется, не можетъ дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, не можетъ подчинить ихъ своей волѣ и освободиться отъ нихъ. Многіе воспитатели, конечно, думаютъ, что такого рода воспитаніе развиваетъ въ дѣтяхъ благородныя и возвышенныя чувства; но они ошибаются; на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое, т. е. образуются не люди съ благородными чувствами, а сентиментальные фантазеры, совершенно негодные въ практической жизни и безполезные себѣ и другимъ. Точно также можно повредить дѣтямъ, разсказывая имъ безпрестанно сказки о разбойникахъ, волшебницахъ, привидѣніяхъ и т. п.; все это приводитъ воображеніе дѣтей въ ненормальную дѣятельность и пріучаетъ ихъ къ суевѣрію и романическимъ бреднямъ.»

Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ, читатель видитъ, какое жалкое существо человѣкъ. Онъ можетъ быть испорченъ умственно, развращенъ нравственно прежде, нежели возникнетъ въ немъ сознательная мысль о добрѣ, о злѣ, прежде нежели образуется въ немъ даже какое нибудь пониманіе себя самого, и всего его окружающаго. Съ самаго своего рожденія, онъ дѣлается рабомъ чужаго ума или глупости, чужой воли или произвола, — и такимъ рабомъ, въ

бóльшей или меньшей степени, онѣ оставался бы на всю жизнь, если бы не приходило къ нему на помощь воспитаніе и образованіе.

Задача воспитанія и образованія въ томъ именно и состоитъ, чтобы высвободить человѣка изъ этого рабскаго, пассивнаго положенія, образовать изъ него: 1) самостоятельную, свободно-самодѣятельную личность въ умственной дѣятельности, и 2) самостоятельную, свободно-самодѣятельную личность въ практической дѣятельности.

При разработкѣ умственныхъ способностей, дѣло воспитанія и образованія 1) возбуждать самодѣятельную любознательность въ человѣкѣ, умножая постепенно, по мѣрѣ усиленія ея, количество предметовъ вѣдѣнія, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ обниметъ въ общемъ весь горизонтъ человѣческаго вѣдѣнія и въ частности усвоитъ себѣ основательно тѣ общія и спеціальныя знанія, какія нужны ему для извѣстнаго, предстоящаго ему поприща дѣятельности на пути жизни; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ стараться выяснять внутреннюю связь различныхъ свѣдѣній между собою, группировать ихъ по видамъ и родамъ, проводить къ единству началъ и основаній, освѣщать свѣтомъ идеи, и такимъ образомъ постепенно помогать образованію самостоятельнаго, опять-таки непремѣнно самодѣятельно выработываемаго взгляда въ человѣкѣ на самого себя; на все окружающее и сущее, до тѣхъ поръ, пока взглядъ этотъ, выдержавъ борьбу со всѣми противоположными, противорѣчащими, ложными возрѣніями, утвердится окончательно на прочныхъ началахъ.

Любознательность есть необходимое, существеннѣйшее свойство человѣческаго ума, или того, что мы называемъ духовной природой въ человѣкѣ. Всякій новый, незнакомый намъ доселѣ предметъ, поражая наши чувства болѣе или менѣе сильно, въ то же время производитъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе въ мозгу, и возбуждаетъ въ насъ болѣе или менѣе сильное желаніе, потребность узнать его, разъяснить себѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ, преимущественно въ дѣтствѣ и отрочествѣ, когда для насъ бываютъ новы и свѣжи всѣ впечатлѣнія бытія, любознательность бываетъ развита въ высшей степени. Казалось бы, дѣло совершенно лишнее возбуждать любознательность, и безъ того всегда возбужденную въ молодыхъ возрастахъ, а любознательность не самодѣятельная кажется на первый взглядъ просто чѣмъ-то совершенно неудобнымъ для представленія, и даже едва ли возможнымъ въ дѣйствительности. Но дѣло не въ томъ, что среда, въ которой мы родимся, въ которой воспитываемся, вращаемся, со всѣмъ міромъ, насъ окружающимъ, всегда представляетъ кругъ предметовъ вѣдѣнія очень тѣсный, ограниченный, недостаточный даже для первоначальнаго образованія. Его на-

добно непремѣнно расширять *искуственно*. Здѣсь-то и наступаетъ трудная задача для воспитанія и образованія. Для того, чтобы въ насъ возбудилось желаніе узнать предметъ или, что тоже, чтобы возбудилась любознательность къ нему, нужно, чтобы онъ произвелъ на насъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Когда предметъ подлежитъ непосредственному нашему наблюденію, особенно когда онъ дѣйствуетъ на всѣ, или на нѣсколько изъ нашихъ чувствъ, такое впечатлѣніе получается весьма легко, само собою. Но какъ произвесть это впечатлѣніе, какъ возбудить вниманіе къ предмету, который не подлежитъ непосредственному нашему наблюденію, или даже вовсе и не принадлежитъ къ предметамъ чувственнаго наблюденія? — Непосредственное дѣйствіе самаго предмета замѣняется болѣе или менѣе подробнымъ и точнымъ, болѣе или менѣе поэтическимъ его изображеніемъ въ разсказѣ... т. е. силу дѣйствительности замѣняетъ сила воображенія. Не говоря уже о томъ, что воображеніе не у всѣхъ бываетъ сильно и богато, что недостатокъ его чувствуется иногда въ натурахъ весьма даровитыхъ, мы не должны опустить изъ виду при этомъ, что дѣйствіе на воображеніе и вообще умственныя силы въ юныхъ лѣтахъ должно быть весьма осторожно, и должно непремѣнно строго сообразоваться съ возрастомъ. Производимыя на дѣтей и отроковъ впечатлѣнія должны какъ по количеству, такъ и по качеству соотвѣтствовать состоянію ихъ мозга. Иначе они не разовьютъ, а разстроятъ его дѣятельность. Умные люди думаютъ, что «въ первые 7 лѣтъ жизни, игры должны «быть средствомъ духовнаго развитія дитяти. Во время игръ, и по- «средствомъ игръ, дитя изучаетъ множество предметовъ и пріобрѣ- «таетъ множество свѣдѣній, безъ которыхъ систематическое школь- «ное ученіе невозможно.» Мы совершенно согласны съ этимъ методомъ возбужденія любознательности въ дѣтяхъ къ предметамъ, не подлежащимъ ихъ непосредственному наблюденію. Но думаемъ, что эти игры, или, точнѣе сказать, игрушки, т. е. миніатюрныя модели разныхъ научныхъ предметовъ, а за недостаткомъ моделей, по крайней мѣрѣ изображенія предметовъ, должны идти при образованіи гораздо далѣе 7-го года, или дѣтскаго возраста. Они нелишни и во всемъ отроческомъ возрастѣ, и современемъ сдѣлаются необходимымъ условіемъ всякаго добраго школьнаго образованія, пока ихъ не смѣнятъ въ свою очередь устроенные при всѣхъ низшихъ и среднихъ школахъ музеи съ полными коллекціями тѣхъ предметовъ, или по крайней мѣрѣ хорошихъ моделей ихъ, преподаваніе которыхъ будетъ признано нужнымъ въ школахъ. Такъ думаемъ мы. Точно также должно идти умственное образованіе и во всѣхъ высшихъ школахъ, т. е должно сначала возбудить интересъ къ извѣстному пред-

мету въ своихъ слушателяхъ, и потомъ уже читать о немъ. Если вы хотите сообщить мнѣ исторію Египта, Греціи, Италіи и т. д., познакомьте меня настолько съ этими странами, чтобы я заинтересовался ими—ихъ жизнію, ихъ бытомъ, ихъ дѣятельностью, настоящими или прошедшими,—тогда съ удовольствіемъ я буду слушать вашу исторію этихъ странъ, укажу даже вамъ, на что вы должны обратить вниманіе, чтобы удовлетворить меня вашимъ чтеніемъ... А безъ этого... Да что, впрочемъ, говорить?—Современное человѣчество, по крайней мѣрѣ русское, въ отношеніи образованія находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Начиная отъ низшихъ школъ до самыхъ высшихъ, насъ учатъ обыкновенно не справляясь: есть ли въ насъ внутреннее желаніе, потребность, знать извѣстный предметъ или нѣтъ, въ какомъ отношеніи именно, и насколько мы заинтересованы этимъ предметомъ, наконецъ, даже нужно ли намъ быть и заинтересованнымъ имъ? — Наставникъ или профессоръ говорятъ обыкновенно о чемъ хотятъ, и сколько хотятъ, говорятъ то, что имъ Богъ положитъ на сердце. Дѣло, впрочемъ, кончается къ общему удовольствію. Какъ наставники и профессоры исполненіе своего долга поставляютъ въ томъ, чтобы придти извѣстное число разъ въ теченіе года въ классы или аудиторіи, и прочитать составленныя ими рацеи о предметахъ по ихъ каѳедрѣ, не обращая никакого вниманія на потребности своихъ слушателей, такъ и учащіеся почитаютъ свой долгъ исполненнымъ, когда они придутъ положенное для нихъ число разъ въ классы и аудиторіи, просидятъ здѣсь, не слушая рацей, для нихъ вовсе не интересныхъ, затѣмъ предъ экзаменомъ наскоро кой-что захватятъ изъ нихъ на память, сдадутъ по принадлежности кому слѣдуетъ по требованію устава, —и затѣмъ *не воспомянутъ* болѣе никогда. Наука — эта духовная пища, передаваемая намъ не по требованію нашего внутренняго, духовнаго организма, не примѣнительно къ его постепенному возростанію, пріемлемости, — не превращается въ нашу плоть и кровь, не доставляетъ намъ ни здоровья, ни красоты. Она у насъ тоже, что татуировка на кожѣ дикихъ. У насъ даже есть и подходящее выраженіе для этого: *украшаться свѣдѣніями*. Мы не учимся, не образуемся, а украшаемся свѣдѣніями. — И украшены ими всѣ, начиная отъ школьниковъ до самыхъ почтенныхъ профессоровъ!

Если любознательность, постоянное обогащеніе себя новыми свѣдѣніями, постоянное умноженіе массы свѣдѣній есть одно изъ существеннѣйшихъ стремленій нашего ума, то еще существеннѣйшее его стремленіе переработать эту массу постоянно наплывающихъ къ нему свѣдѣній, овладѣть ею вполнѣ, сдѣлать своимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Разнообразіе явленій, дѣйствій, предметовъ онъ по-

стоянно усиливается возвести къ единству видовъ, родовъ, къ единству законовъ, причинъ, основаній, выяснить тѣ немногія начала, которыя движутъ всюду, понять тѣ немногія идеи, которыя составляютъ внутреннюю основу всего. Вѣнцомъ подобныхъ усилій ума, долгихъ, постоянныхъ, утомительныхъ въ извѣстномъ человѣкѣ, бываетъ выработаніе личнаго міросозерцанія или самостоятельнаго взгляда на себя, на все окружающее, на все сущее. Собственно говоря, выработка самостоятельнаго взгляда должна составлять главную и существенную цѣль образованія. Масса свѣдѣній, какъ бы она ни была огромна и разнообразна, не даетъ ни человѣка, ни гражданина, ни даже полезнаго для науки ученаго. Бываетъ даже жалко смотрѣть на людей, которыхъ голова блеститъ, подобно калейдоскопу, цвѣтами и отливами самыхъ разнообразнѣйшихъ и прелестнѣйшихъ свѣдѣній, когда самъ хозяинъ въ этой головѣ точно чужой... ничѣмъ не можетъ распорядиться. Онъ согласенъ и съ Трофимомъ, и съ Панфиломъ, и съ Иваномъ, и съ Петромъ, и даже съ тѣми, которые сказали только: «эге!» Свѣдѣнія, которыми онъ *распереукрашенъ*, служатъ съ отмѣнною пользою всѣмъ, кромѣ его самого. Мы сказали, что самостоятельный взглядъ долженъ быть выработываемъ непремѣнно самодѣятельно, потому что взгляды, навязанные извнѣ, испаряются еще легче, чѣмъ навязанныя свѣдѣнія, не говоря уже о томъ, что никакой пользы никому принести не могутъ. Онъ можетъ выработаться только постоянной, упорной работой мысли. Дѣло воспитанія и образованія постепенно заохачивать, пріучать къ такой работѣ воспитываемыхъ и образуемыхъ.... Дѣло, конечно, очень трудное, несравненно труднѣе, чѣмъ возбужденіе любознательности. Во-первыхъ, надобно соображаться съ возрастомъ, съ физическимъ и умственнымъ развитіемъ учащагося; иначе вмѣсто образованія свѣтлаго взгляда въ немъ, можно вогнать его въ тупоуміе, которое останется, пожалуй, на всю жизнь; во-вторыхъ, самому воспитателю и образователю нужно имѣть хорошій запасъ свѣдѣній и даже діалектическую ловкость; иначе начинающій взглядывать на все самостоятельно бойкій мальчишка,—а ужь о юношѣ и говорить нечего,—загоняетъ его въ пухъ и прахъ; въ третьихъ.... Но впрочемъ, что объ этомъ говорить? — Наше воспитаніе и образованіе никогда не заботились и не заботятся о томъ: выйдетъ ли какой взглядъ въ учащихся или никакого не выйдетъ, а останется только тотъ сумбуръ свѣдѣній, которымъ набьютъ ихъ голову. Работа собственной мысли, начиная отъ школъ низшихъ до самыхъ высшихъ, у насъ въ полномъ пренебреженіи. Не только философія, но даже элементарные философскіе пріемы, которые могли бы возбуждать мысль къ работѣ и облегчать ея работу, преданы всеобщему

поруганію и даже чуть ли не проклятію. Каждый полковой командиръ приходитъ въ восторгъ оттого, что онъ не выдумалъ ни такихъ глупыхъ категорій, какъ Кантъ, и не измыслилъ такой хитросплетенной діалектики, какъ Гегель. Жалкіе люди не хотятъ понять того, что во всякомъ дѣлѣ, даже въ дѣлѣ свободнаго искусства, есть своя механическая сторона, безъ которой обойтись невозможно. Знаніе перспективы въ живописи, умѣнье дать выгодное освѣщеніе предметамъ, знаніе анатоміи, умѣнье рисовать разныя мелочи платья, домашняго скорба и т. п. не составятъ великаго художника въ живописи; но, не овладѣвъ этимъ мелочнымъ механизмомъ живописи, самый великій художникъ не воплотитъ своей идеи въ картинѣ. — Отъ такого пренебреженія къ работѣ мысли у насъ встрѣчаются весьма странныя явленія, которыя трудно встрѣтить гдѣ нибудь въ другой странѣ. Вы читаете, напримѣръ, ученѣйшее сочиненіе.... Съ перваго взгляда оно поражаетъ васъ.... Передъ вами точно многоводная рѣка.... Свѣдѣній неисчерпаемая полнота. — Одно за другимъ то-и-дѣло, точно

За струей струя катится
По склоненью своему.

А между тѣмъ, присматриваясь, съ грустію видишь, что въ наборѣ этихъ свѣдѣній толку никакого нѣтъ, что въ нихъ

Мысль за мыслію стремится
Ужь отнюдь
Не къ предмету одному.

Очень грустно!

Бываютъ нерѣдко и такіе примѣры, что человѣкъ, кончившій курсъ кандидатомъ, полнымъ кандидатомъ, какъ есть, съ несомнѣннымъ правомъ на чинъ X класса, но только кандидатомъ по тѣмъ факультетамъ, въ которыхъ не преподаются ни такъ-называемыя humaniora, ни jura, и затѣмъ волею коловратныхъ судебъ попавшій въ служителя Ѳемиды, не умѣетъ систематизировать или, проще сказать, не умѣетъ порядочно написать ни отношенія, ни предписанія, а ужь о толковомъ извлеченіи изъ дѣла и говорить нечего, — чѣмъ и возбуждаетъ въ уразумѣвшихъ подобныя хитрости приказныхъ насмѣшки надъ наукой и даже хулу на нее. А между тѣмъ сказанный кандидатъ въ сущности такъ себѣ, ничего... какъ и всѣ россійскіе кандидаты.... Свѣдѣніями *украшенъ*, все требуемое для кандидатства уставомъ школы *произошелъ*.... Но до такой степени голова его во все время ученія была чужда работы мысли, что онъ не можетъ справиться даже съ отношеніемъ и предписаніемъ!

На эту тэму мы могли бы поговорить еще очень много. Но довольно и сказаннаго. Не можемъ кстати не упомянуть только вотъ о чемъ: люди, не привыкшіе къ работѣ мысли, отвращающіеся отъ нея, у насъ зачастую клеймятъ названіемъ *схоластицизма* все, что носитъ на себѣ печать мысли серьёзной... Почему это? — мы уже и разсказать не умѣемъ. Извѣстно, что *схоластиками* назывались жившіе въ среднихъ вѣкахъ ученые или философы, которые посредствомъ аристотелевой философіи доказывали истины, проповѣдуемыя христіанскою церковію. Затѣмъ въ презрительномъ смыслѣ схоластиками называются ученые, отдѣляющіе науку отъ жизни, занимающіеся разрѣшеніемъ вопросовъ для жизни ненужныхъ, безполезныхъ, т. е. мелочныхъ, хитросплетенныхъ, школьныхъ и т. д. Теперь посмотрите, чего въ нашей литературѣ, особенно въ журналахъ, не заклеймяютъ именемъ схоластицизма?. — Вамъ стоитъ заняться только какимъ нибудь чисто научнымъ предметомъ и войти въ подробное его разсмотрѣніе, которое будетъ впрочемъ требоваться самымъ существомъ дѣла, — и васъ непремѣнно назовутъ схоластикомъ. Гг. не-схоластики никакъ понять не могутъ, что иное дѣло — сочиненія, назначенныя для популяризованія науки, и иное дѣло — сочиненія, занимающіяся изслѣдованіемъ научныхъ вопросовъ. Въ послѣднихъ безъ того, что они, гг. не-схоластики, называютъ *схоластикой*, никакъ не обойдешься, и нельзя не пожалѣть, что сами они въ лѣта юности не позанялись такой схоластикой. Они были бы въ двойномъ выигрышѣ: во-первыхъ, пріучили бы мысль свою къ серьезной, дѣйствительной работѣ, а не фиктивной только, quasi-рабатѣ; во-вторыхъ, не имѣли бы нужды лазить *въ Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ*, соч. г. Углова и искать тамъ, что значитъ: *категорія*, *раціональный*, *экстенсивно*, *интенсивно* и тому подобныя слова, на Сандвичевыхъ островахъ и у насъ доселѣ неизвѣстныя. Хорошо еще, что г. Угловъ позаботился составить такой словарь и время отъ времени пополняетъ его (Словарь вышелъ, кажется, вторымъ или третьимъ изданіемъ). Что мы безъ него стали бы дѣлать съ *схоластическими* терминами?

Далѣе, дѣло воспитанія и образованія—выработать въ учащемся самостоятельную, свободно-самодѣятельную личность въ практической дѣятельности. И это есть самое главное и существенное дѣло, для котораго существуютъ всѣ ученыя и учебныя учрежденія и заведенія, всѣ наставники, профессоры, всѣ блюстители ученаго и учебнаго порядка, и безъ тщательнаго исполненія котораго воспитаніе и образованіе будутъ постоянно давать одни жалкіе пустоцвѣты. Обществу не нужно вѣдь ни краснорѣчивыхъ болтуновъ о

благѣ общемъ—видало оно ихъ! — ни ученыхъ Вагнеровъ, заживо похоронившихъ себя въ своихъ кабинетахъ и нехотящихъ ничего знать о дѣлахъ міра сего, — видало оно и ихъ! — ни современныхъ героевъ либерализма, изнывающихъ отъ сердечной боли о недугахъ общественныхъ, о страданіяхъ меньшихъ братій — и спокойно кушающихъ отъ трапезы недуговъ общественныхъ и отъ плодовъ рукъ меньшихъ братій, — видало оно и такихъ, и какъ много еще видало! Ему нужны люди честные, у которыхъ принципъ не разнорѣчилъ бы съ дѣятельностію, слово было бы неразрывно съ дѣломъ, которые принимали бы участіе въ интересахъ общества, какъ въ своихъ собственныхъ, и умѣли постоять за нихъ, не взирая на лица.

Имѣя въ виду великую цѣль приготовленія для общества полезныхъ дѣятелей, воспитаніе и образованіе должны преслѣдовать эту цѣль постоянно, настойчиво, на каждомъ шагу, съ появленія первой самосознательной мысли въ дитяти до выхода его изъ школъ высшихъ.

Съ раннихъ лѣтъ должно быть внушаемо учащемуся, что онъ членъ великой семьи, именуемой человѣчествомъ, и вмѣстѣ членъ христіанскаго человѣческаго общества, въ которомъ соединяетъ людей, помимо всѣхъ другихъ интересовъ, еще и единство интересовъ высшихъ человѣческихъ, преуспѣяніе общими трудами въ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ, содѣйствіе также общими трудами къ постепенному водворенію въ обществѣ братской любви и братскихъ взаимныхъ отношеній; что какъ по единству этихъ высшихъ интересовъ, такъ и по одинаковости природы человѣческой во всѣхъ людяхъ, личныя человѣческія права всѣхъ членовъ общества равны; что личность каждаго, безъ различія половъ, возрастовъ, званій, состояній, не только не прикосновенна, но имѣетъ право на общее уваженіе; что уваженія къ своимъ правамъ каждый не только можетъ, но и нравственно обязывается требовать въ видахъ охраненія общественнаго порядка, — но что по этому самому, каждый непремѣнно *обязывается* уважать и права другихъ; что на такомъ взаимномъ уваженіи правъ другъ-друга и исполненіи обязанностей другъ къ другу основывается *правда* общественныхъ отношеній.

Правда общественныхъ отношеній, т. е. признанныя обществомъ, принадлежащія каждому права и обязанности, должна быть для всѣхъ обязательна безъ всякаго послабленія.

Правду общественную нарушаетъ не только тотъ, кто открыто и явно посягаетъ на ясныя права другихъ, но и тотъ, кто пріобрѣтаетъ себѣ общественныя преимущества, которыя могли бы при-

надлежатъ болѣе достойнымъ, путями безчестными, какъ-то: пронырствомъ, искательствомъ, наушничествомъ, лестію и т. п.; даже и тотъ, наконецъ, кто по своимъ талантамъ и дѣятельности, могъ бы имѣть право на эти преимущества, но пріобрѣтаетъ ихъ путями безчестными.

Правду общественную нарушаетъ и тотъ, кто не защищаетъ правъ другимъ принадлежащихъ: кто видя брата оскорбляемаго, притѣсняемаго, разоряемаго, остается хладнокровнымъ зрителемъ такого позора правды и не защищаетъ брата, сколько можетъ; нарушаетъ и тотъ, кто остается безучастнымъ къ интересамъ общественнымъ: кто, видя злоупотребленія злонамѣренныя и корыстолюбивыя,—не вооружается противъ всего этого, боясь, вопреки писанію, *гнѣва сильныхъ земли*, даже примиряется, въ видахъ подлаго собственнаго спокойствія, съ подобнымъ безпорядкомъ, къ явному вреду общественнаго благосостоянія, въ особенности, когда онъ своею ли матеріальною силою, или нравственною могъ содѣйствовать искорененію тѣхъ золъ; — нарушаетъ наконецъ и тотъ, кто зная разныя ложныя мнѣнія, укорененныя и распространенныя въ обществѣ вѣками, отъ которыхъ (мнѣній) страдаетъ его братъ, не вооружается противъ этихъ мнѣній, не старается искоренить ихъ и вмѣсто нихъ насадить здравыя понятія.

Правду общественную нарушаетъ и тотъ, кто, обольщаемый суетнымъ внѣшнимъ блескомъ, отдаетъ честь не истиннымъ достоинствамъ человѣка, не уму и добродѣтели, какъ учитъ писаніе, — а случайнымъ внѣшнимъ преимуществамъ, какъ-то: знатности, богатству, породѣ и т. п., хотя бы онъ дѣлалъ это и безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей; нарушаетъ и тотъ, кто унижаетъ, хотя бы то также безъ всякихъ видовъ, свое человѣческое достоинство, оказывая подобострастнымъ намъ человѣкамъ почитаніе, принадлежащее одному Богу, напримѣръ, поклоненіемъ до земли, цалованіемъ рукъ и т. п., ибо такимъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства онъ растлѣваетъ общественные нравы; нарушаетъ, наконецъ, правду общественную и тотъ, кто видя въ средѣ его окружающей, малоразвитой, испорченной, подобныя привычки напраснаго и недостойнаго человѣка самоуничиженія всосанными съ дѣтства и признаваемыми всѣми за разумныя, оставляетъ ихъ безъ обличенія и не старается распространить въ этой средѣ свѣтлыхъ понятій разума объ истинномъ достоинствѣ человѣка.

Вообще каждому съ раннихъ лѣтъ жизни должно быть внушаемо, что цѣль всѣхъ его стремленій, помысловъ, трудовъ, ученья должна быть общественная дѣятельность, что этою только дѣятельностію, то есть дѣйствіемъ въ видахъ общественнаго благосостоянія,

на аренѣ ли общественной, въ тиши ли кабинета, въ кругу ли семейномъ, опредѣляется смыслъ и значеніе жизни каждаго человѣка; что дѣло общественное для каждаго члена общества, безъ различія половъ, возрастовъ, званій, состояній, всегда и вездѣ должно быть первымъ и главнымъ дѣломъ, выше всякихъ другихъ дѣлъ. Ибо успѣшное движеніе впередъ, быстрое возростаніе благосостоянія какъ всякаго общества, такъ преимущественно христіанско человѣческаго, въ главѣ котораго поставлены высшіе человѣческіе интересы, тогда только и возможно, когда каждый членъ будетъ принимать горячее участіе въ дѣлахъ общественныхъ, когда каждый будетъ смотрѣть на дѣло общественное, какъ на свое собственное. Скажемъ болѣе: самое существованіе подобнаго общества возможно только подъ условіемъ живаго, вѣчно-присущаго членамъ общества сознанія этихъ высшихъ человѣческихъ интересовъ, когда каждый членъ, во имя этихъ интересовъ, на оскорбленіе, униженіе, стѣсненіе своего брата въ какихъ бы то ни было правахъ, принадлежащихъ ему, какъ человѣку и члену общества, смотритъ, какъ на попраніе своихъ собственныхъ правъ и правъ всего общества, и за дѣло брата готовъ жертвовать не только всѣми своими силами, но и жизнію, ибо, по слову писанія, *больше сея любви никто же иматъ, да аще кто душу свою положитъ за други своя.* Только такое общество имѣетъ право на названіе человѣческаго въ тѣснѣйшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Тамъ, гдѣ высшіе человѣческіе интересы не поставлены въ главѣ всѣхъ другихъ, гдѣ живо не сознаются эти интересы членами общества на всякомъ шагу ихъ жизни, гдѣ люди не находятъ для себя ничего выше заботъ о своихъ ежедневныхъ нуждахъ, о своемъ матеріальномъ благосостояніи, тамъ люди могутъ образовать изъ себя племя, шайку, ватагу, компанію, орду, даже государство въ родѣ Персидскаго, Бухарскаго и т. п., но никакъ не человѣческое общество. Но помимо этихъ высшихъ интересовъ, собственные интересы каждаго обязываютъ ставить благосостояніе общества выше всего другаго, а потому и общественную дѣятельность выше всякой другой. Съ благосостояніемъ общественнымъ неразрывно связано наше собственное благосостояніе. Каждый членъ, кто бы то ни былъ, начиная отъ своей жизни и внѣшнихъ удобствъ въ ней до высшаго своего развитія, — однимъ словомъ, всѣмъ обязанъ совокупнымъ трудамъ и усиліямъ цѣлаго общества. Каждый новый шагъ, который дѣлаетъ въ своемъ движеніи впередъ общество на пути жизни, непремѣнно увеличиваетъ сумму матеріальныхъ или нравственныхъ удобствъ, наслажденій въ жизни, въ которыхъ принимаемъ участіе всѣ мы, если не всегда лично, то непремѣнно въ нашемъ потомствѣ. Если бы современные люди были

менѣе близоруки, то поняли бы, что общественное благосостояніе, когда бы они были въ состояніи значительно подвинуть его впередъ, было бы лучшимъ наслѣдствомъ не только для всего послѣдующаго поколѣнія, но и въ частности для потомства каждаго изъ нихъ, наслѣдствомъ, котораго не замѣнятъ никакіе капиталы, никакія родословныя, никакія отличія.

Преподавая правила для практической дѣятельности, воспитатели и наставники должны приготовлять къ этой дѣятельности, пріучать къ ней съ раннихъ лѣтъ учащихся. На сухомъ берегу нельзя выучить человѣка плавать. Точно также нельзя выучить человѣка дѣйствовать, по крайней мѣрѣ въ желаемомъ совершенствѣ, безъ упражненія его въ дѣятельности на самомъ дѣлѣ. Первою ареною для такихъ практическихъ уроковъ и, по нашему мнѣнію, самою лучшею могутъ быть взаимныя отношенія учащихся и ихъ начальниковъ, воспитателей, наставниковъ. Мы говоримъ *лучшею*; потому что, какое же ученіе можетъ быть назидательнѣе, вразумительнѣе, прочнѣе того, которое самъ проповѣдникъ имѣетъ возможность оправдать, такъ сказать, запечатлѣть всею своею жизнію передъ своими слушателями? — Въ виду такой пользы отъ своей дѣятельности, всѣ воспитатели, будутъ ли они заниматься наблюденіемъ надъ учащимися, или преподаваніемъ имъ, должны всѣхъ своихъ воспитанниковъ, какихъ бы они возрастовъ и лѣтъ ни были, считать совершенно равными себѣ, признавать за ними полное человѣческое достоинство. У насъ нынѣ принято смотрѣть на дѣтей, на мальчиковъ, даже порядочныхъ возрастовъ, не какъ на людей, а какъ на не-человѣковъ или какихъ-то получеловѣковъ, которымъ приказываютъ, не считая нужнымъ входить въ объясненія; почему то или другое приказывается. — Такой взглядъ въ основаніи своемъ вполнѣ безсмысленъ. Человѣкъ во всѣхъ возрастахъ своихъ есть человѣкъ. Если мальчика нельзя признавать человѣкомъ потому только, что умственныя силы его сравнительно съ другими возрастами слабы отъ неразвитости, то вѣдь поэтому самому нельзя, пожалуй, признавать человѣками и стариковъ, которыхъ умственныя силы начинаютъ слабѣть отъ естественнаго ослабленія тѣлеснаго организма. Не нелѣпость ли это! Ни дѣтскій, ни отроческій возрастъ не лишены сознанія, соразмѣрнаго съ ихъ физическимъ развитіемъ. А для нихъ такое сознаніе только и нужно. Если вы даете какое нибудь приказаніе, предъявляете требованіе учащимся этихъ возрастовъ и не объясняете нужды, пользы своихъ приказаній, требованій, въ увѣренности, что ихъ не поймутъ учащіеся,—то поэтому самому вы уже дѣлаете капитальную ошибку въ воспитаніи. Такихъ приказаній и требованій, которыхъ не можетъ

понять учащійся, потому что они превышаютъ пониманіе его возраста, вы не должны и давать. Въ нравственномъ отношеніи и вообще въ практической дѣятельности отношеніе воспитателей къ учащемуся не какъ равныхъ, а какъ какихъ-то высшихъ существъ къ низшему, въ величайшей степени вредно. Оно первое уничтожаетъ въ насъ чувство человѣческаго равенства между людьми, воспитываетъ въ насъ привычку несвободной, рабской пріемлемости преподаваемыхъ намъ уроковъ, механическаго, рабскаго исполненія приказаній, разрушаетъ въ насъ довѣріе, любовь къ воспитателямъ, поселяетъ недовѣріе, боязнь къ нимъ, часто даже скрытную ненависть, — однимъ словомъ, оно закладываетъ первый и самый прочный камень пороковъ въ нашей душѣ и нашей практической дѣятельности. Не таково должно быть отношеніе истиннаго наставника, истиннаго воспитателя къ учащимся. Въ немъ не только не должно возникать мысли о неравенствѣ своемъ съ учащимися, напротивъ, онъ долженъ дѣлаться товарищемъ ихъ, другомъ; тогда только его уроки, его наставленія будутъ вполнѣ полезны и плодотворны, будутъ выслушиваться съ любовію, приниматься съ довѣріемъ, исполняться съ усердіемъ. Ни одного требованія не долженъ предлагать онъ, не выяснивъ прежде учащимся пользы его, необходимости и не убѣдившись, что они дѣйствительно принимаютъ требованіе свободно и сознательно, ибо только такое усвоеніе и исполненіе требованій и можетъ быть прочно и полезно. Онъ зорко долженъ блюсти за каждымъ своимъ шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ, чтобы не оскорбить какъ нибудь нечаянно, не намѣренно нѣжной и впечатлительной натуры учащихся, не нарушить правъ, имъ принадлежащихъ; никто такъ живо не чувствуетъ жестокости, холодности, невниманія къ себѣ и т. д., тѣмъ болѣе оскорбленія, какъ дѣти, которыя всегда подозрѣваютъ взрослыхъ въ неуваженіи къ себѣ, въ томъ, что послѣдніе смотрятъ на нихъ, какъ на существа низшія себя, малосмысленныя, съ которыми считаютъ низкимъ разсуждать о чемъ нибудь серьёзномъ и къ мнѣніямъ, сужденіямъ, дѣятельности которыхъ относятся обыкновенно съ насмѣшкою. Нѣтъ сомнѣнія, что наставнику или воспитателю придется выслушать много рѣчей неразумныхъ, притязаній смѣшныхъ, протестовъ нелѣпыхъ. Но развѣ взрослые всегда разумны въ своихъ рѣчахъ, всегда основательны въ своихъ требованіяхъ, всегда правы въ своихъ протестахъ? — Однакожъ за ихъ неразумность, неосновательность, неправоту, даже упрямство, ихъ никто не бьетъ, не бранитъ, не оскорбляетъ. Ихъ стараются довести до сознанія истины разумными убѣжденіями, объясненіемъ ихъ недоразумѣній, разсмотрѣніемъ

ложности ихъ доводовъ и т. п. Такъ точно должно поступать и съ дѣтьми. Повѣрьте, что разумными убѣжденіями ихъ скорѣе можно довести до сознанія истины, чѣмъ взрослыхъ; въ нихъ самолюбіе не успѣло еще такъ глубоко пустить своихъ корней, какъ въ взрослыхъ. Главное, въ этомъ случаѣ, вы сами, воспитатель, научитесь уважать настолько истину, чтобы быть всегда въ состояніи сознаться, безъ всякаго ложнаго стыда, въ неправотѣ вашихъ мнѣній, въ слабости вашихъ доводовъ и т. д., если вамъ это будетъ указано.

Вторая арена для уроковъ въ практической дѣятельности для учащихся есть взаимныя отношенія ихъ самихъ другъ къ другу. На этой аренѣ не только зарождаются, но часто вполнѣ образуются наши добрыя и дурныя качества въ общежитіи, которыя мы потомъ вносимъ съ собою въ нашу общественную жизнь. Напрасно мы воображали себѣ, что нашу общественную жизнь отъ общественной жизни школы отдѣляетъ цѣлая бездна, что наша дѣятельность въ основаніи своемъ совершенно иная, какая-то особенная, что она и разумнѣе, и основательнѣе, и серьёзнѣе школьной. Ничего не бывало. Люди во всѣхъ своихъ возрастахъ — въ своей дѣятельности тѣ же дѣти. Въ этомъ афоризмѣ, который очень много разъ повторяли уже писатели, и иностранные и россійскіе, если и есть преувеличеніе, то очень небольшое. Тѣ же самые рычаги—самолюбіе, честолюбіе, корыстолюбіе, и т. д., которые движутъ дѣтей въ ихъ дѣятельности, движутъ и насъ. Различіе только въ предметахъ стремленій и исканій. Мы бьемся за предметы покрупнѣе, поцѣннѣе, посущественнѣе, чѣмъ они. На то они и дѣти! Да рычаги, которые движутъ нашею дѣятельностію, засажены въ насъ покрѣпче, понадежнѣе, а въ дѣтяхъ такой прочной основы они получить еще не успѣли. Мы какъ-то умѣемъ выносить изъ школы въ жизнь почти всѣ дурныя склонности, которыя привились или начали только прививаться къ намъ въ школѣ, но растрачиваемъ на пути жизни тѣ зачатки добра, тѣ благородные порывы, которыми богата молодость. Оттого міръ школьнаго общества добромъ гораздо богаче нашего. Въ нашемъ обществѣ нѣтъ того духа взаимной любви и товарищества, той искренности и довѣрія другъ къ другу, того отвращенія къ подлости, какія существуютъ въ обществѣ школьномъ. Наконецъ, и вообще правда общественныхъ отношеній въ жизни далеко не соблюдается такъ строго, какъ въ школѣ между товарищами.

Начнемъ съ того, что дѣти, и вообще школьники, всегда живо чувствуютъ нанесенное имъ оскорбленіе,—и никогда не оставятъ оскорбленія безъ преслѣдованія, не смолчатъ, какъ часто дѣлаемъ въ подобныхъ случаяхъ мы. Что лучше, непомѣрная ли раздражительность, обидчивость школьниковъ, или наша кроткая терпѣли-

вость? Мы знаемъ, что многіе, очень многіе, даже быть можетъ болѣе, чѣмъ очень многіе, станутъ на сторонѣ насъ, людей разумныхъ, основательныхъ; мы, напротивъ, стоимъ горой за школьниковъ. Вникнемъ въ дѣло. Мы очень часто глотаемъ самыя горькія пилюли, оставляемъ безъ вниманія самыя тяжкія оскорбленія, намъ нанесенныя;—почему вы думаете?—по добродѣтели? О, совсѣмъ нѣтъ! А потому, что боимся потерять кусокъ хлеба, а у насъ жена, дѣти, и т. д. Это, какъ читатель ясно усмотрѣть можетъ и безъ нашихъ комментаріевъ, вовсе не добродѣтель,—а подлость, положимъ, вынуждаемая необходимостью, положимъ, нѣсколько извинительная, но все-таки подлость. Потому, далѣе, что мы довольно давненько уже занимаемъ очень хорошее по содержанію мѣсто, на которомъ привыкли къ хорошей обстановкѣ, къ многимъ жизненнымъ удобствамъ, вообще къ комфорту, а безъ перенесенія оскорбленія отъ извѣстнаго лица, должны неминуемо потерять это мѣсто, и неминуемо лишиться комфорта, съ которымъ такъ свыклись. Это опять не добродѣтель, а подлость, и подлость уже чистая, добровольная, ничѣмъ неизвиняемая. Потому, наконецъ, что мы давнымъ-давно уже плюнули не только на свою, но и вообще на человѣческую личность, и думаемъ, что честь есть нѣчто совершенно внѣшнее, что есть деньги въ кармане, да есть еще къ этому что нибудь на шеѣ... ну, значитъ, всѣ почитать будутъ... Вотъ и честь... А до души, кому что за дѣло? Ну, значитъ, что же за важность, если большая особа и въ глаза плюнетъ,—есть и противъ этого средство — обтереться можно... Намъ нѣтъ нужды доказывать, что добродѣтели и здѣсь нѣтъ. Если бы было нужно, мы могли бы доказать, что въ большей части случаевъ, когда мы оказываемся кроткими къ нашимъ оскорбителямъ, уступчивость наша зависитъ вовсе не отъ нашей добродѣтели, а отъ личныхъ разсчетовъ, весьма неблаговидныхъ... У дѣтей, у школьниковъ нѣтъ этихъ, связывающихъ ихъ въ ихъ дѣятельности, разсчетовъ. Они дѣйствуютъ по непосредственному, прямому человѣческому чувству. Мы не споримъ, что этотъ образъ дѣйствія не возвышенный, что можно представить образъ дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ гораздо возвышеннѣе, когда, напримѣръ, человѣкъ хорошо развитой, сознательно нравственный, вслѣдствіе ли религіозныхъ побужденій, или философскихъ убѣжденій, не преслѣдуетъ нанесеннаго ему извѣстнаго оскорбленія, потому-что внутренно не чувствуетъ этого оскорбленія, какъ совершенно безсмысленнаго, и вполнѣ увѣренъ, что такое оставленіе имъ оскорбленія безъ преслѣдованія не причинитъ никакого вреда обществу по извѣстной всѣмъ глупости или низости оскорбителя, или по другимъ обстоятельствамъ. Но и образъ дѣйствія школьниковъ также не дуренъ, даже положи-

тельно хорошъ; потому что искреиенъ. Скажемъ болѣе: такой образъ дѣйствія единственно и одобрителенъ въ школьникахъ. Нѣкоторые воспитатели, желая воспитать въ школьникахъ христіанскія добродѣтели, совѣтуютъ имъ, когда они являются съ жалобою на оскорбленіе, перенести это оскорбленіе, преподавая вообще и всѣмъ школьникамъ наставленіе переносить причиняемыя имъ обиды терпѣливо. Это, по нашему мнѣнію, величайшая ошибка въ воспитаніи. Христіанское терпѣніе имѣетъ смыслъ высокой добродѣтели потому, что оно, по представленію евангельскому, есть ничто иное, какъ таже горячая любовь къ ближнему... (*«любы долготерпитъ»*) т. е., есть необходимый плодъ сознательнаго проникновенія всего существа человѣческаго духомъ любви Христовой. Согласитесь сами, что ни въ одномъ школьникѣ нельзя предполагать ни такого высокаго пониманія христіанскаго ученія, ни такого сознательнаго усвоенія духа любви Христовой, которое можетъ быть пріобрѣтаемо только долгими подвигами. Заставляя его оставлять безъ вниманія наносимыя ему обиды, вы духа любви Христовой въ немъ не поселите, потому что насильно этого духа ни въ комъ поселить нельзя, а пріучите его только къ самоуправству, къ скрытной мести, къ лицемѣрію. Между тѣмъ, стараясь повидимому укоренить въ сердцахъ всѣхъ воспитанниковъ высокія христіанскія добродѣтели, вы на самомъ дѣлѣ готовите изъ нихъ людей, въ практической дѣятельности никуда негодныхъ. Вы притупляете въ нихъ чувство сознанія своихъ правъ, необходимое въ жизни на каждомъ шагу, убиваете въ зародышѣ силу самоохраненія, безъ которой человѣкъ въ жизни практической будетъ всюду тряпкою. Отъ подобныхъ господъ какихъ плодовъ можетъ ожидать общество? Кто не умѣетъ охранять, отстаивать своихъ собственныхъ правъ, тотъ въ обществѣ не явится защитникомъ правъ другихъ. Отъ него путнаго ничего нельзя надѣяться.

Та же искренность, то же непосредственное чувство сознанія правильности или неправильности, правоты или неправоты дѣйствій другихъ руководитъ школьника и во всѣхъ его отношеніяхъ къ своимъ товарищамъ. Школьникъ не смолчитъ, если увидитъ въ товарищѣ какую нибудь подлость, недостатокъ, ошибку; онъ является немедленно обличителемъ самъ, и обличителемъ публичнымъ въ присутствіи всѣхъ своихъ товарищей. Иногда тотчасъ производится надъ виновнымъ и судъ, особенно, если онъ погрѣшилъ противъ союза товарищества. Такой образъ дѣйствія прямой, открытый предохраняетъ школьное общество отъ множества пороковъ и разныхъ гнусныхъ поползновеній, такъ обыкновенныхъ между нами, взрослыми, не даетъ по крайней мѣрѣ широко развиться имъ, выводитъ на свѣжую воду и клеймитъ позоромъ людей безчестныхъ,

отъявленныхъ негодяевъ, и такимъ образомъ поддерживаетъ въ обществѣ духъ братства, любви и взаимнаго довѣрія. Умѣй воспитатели поддерживать добрыя стремленія, благородныя усилія духа школьнаго товарищества въ борьбѣ со зломъ, достойныя поистинѣ полнаго вниманія и сочувствія воспитателя, болѣе, чѣмъ что либо, и даже все другое, — общество школьное было бы лучшимъ обществомъ на землѣ, и было бы разсадникомъ истинно полезныхъ дѣятелей, бойцовъ противу зла въ общественной жизни. Теперь не то. Всѣ мы, воспитатели, наставники, къ общему нашему прискорбію, не можемъ не сознаться, что мы, не имѣя или вовсе никакого понятія о воспитаніи, или имѣя весьма скудное, нашимъ непониманьемъ дѣла, нашимъ неумѣньемъ вести его, нашею тяжелою, грубою, неловкою рукою разрушаемъ большею частію всё, что есть хорошаго въ школьникахъ, подавляемъ въ ихъ обществѣ лучшіе задатки добра, вносимъ въ него пороки, гадости, — и часто самыя гнусныя гадости, — изъ общества взрослыхъ; а потомъ сами же пренаивно и удивляемся: *отчего наши воспитанники выходятъ такіе дрянные?* Кто первый вноситъ въ школьное общество шпіонство, пронырство, лесть, и тому подобныя милыя добродѣтели нашихъ взрослыхъ обществъ? — Мы, господа, воспитатели, наставники и т. д. Вѣдь если внимательно всмотрѣться въ этотъ маленькій міръ — міръ школьниковъ, который мы привыкли почитать безсмысленнымъ, неспособнымъ ни къ какой серьезной дѣятельности, взвѣсить и оцѣнить ту стойкость, которую онъ показываетъ въ борьбѣ со зломъ, охватывающимъ его, проползающимъ въ него со всѣхъ сторонъ; то нельзя не признать его міромъ истинныхъ героевъ!

Мы знаемъ очень хорошо, что насъ обвинятъ въ строгости и рѣзкости нашихъ приговоровъ очень многіе, даже въ томъ числѣ и очень почтенные люди, но люди добродушные, которые легко и скоро забываютъ всякое, прошедшее для нихъ лично, зло; которые даже и на зло настоящее умѣютъ смотрѣть какимъ-то примирительнымъ взглядомъ, не то, чтобъ они одобряли зло, почитали его добромъ, — а смотрятъ они на зло, какъ на историческое наслѣдство; ну, и говорятъ поэтому, что сама исторія и справится въ свое время со зломъ, что намъ, дескать, ее преждевременно предупреждать нечего. Въ отношеніи воспитанія, прошедшее забывается для нихъ тѣмъ легче, что изъ школы мы переходимъ въ среду не только не лучшую, но гораздо худшую школьной: очень натурально, что для ихъ добраго и мягкаго сердца, которое безъ теплыхъ вѣрованій и любви, т. е. ohne Idealen, не можетъ жить, и на которое между тѣмъ въ грязи дѣйствительной жизни находитъ keine Idealen, гадости школьной жизни начинаютъ представляться не такъ гадкими, каковы онѣ дѣй-

ствительно, даже мало по малу совершенно стушевываются, исчезаютъ за нѣсколькими свѣтлыми воспоминаніями, и школьная жизнь рисуется въ розовомъ цвѣтѣ. Все это *розовое* въ настроеніи духа добрыхъ людей мы понимаемъ очень хорошо; мы вѣдь сами доселѣ еще отличаемся теплотою чувствъ, когда-то имѣли и сердце, полное любви, имѣли и теплыя вѣрованія и упованія, и даже,—не помяни, Господи, грѣхъ юности и невѣдѣнія! — искали идеаловъ,—однимъ словомъ:

И я въ Аркадіи родился;
Надъ колыбелію младенческой моей
И мнѣ мой богъ въ блаженствѣ поручился;
И я въ Аркадіи родился;
Но слезы лить однѣ былъ даръ весны моей.

Май жизни разъ цвѣтетъ, и вновь не разцвѣтаетъ:
Онъ для меня уже отцвѣлъ.
О, братья! кто о мнѣ изъ васъ не сострадаетъ!
Свѣтильникъ дней моихъ богъ тихій преклоняетъ,
И сонмъ видѣній отлетѣлъ.

И вотъ я, мракомъ окруженный,
О, вѣчность! на твоемъ мосту уже стою.
Прими залогъ, тебѣ на счастье мнѣ врученный;
Вотъ онъ, съ печатію, еще не преломленной;
Я счастія не встрѣтилъ въ жизнь свою.

Однако довольно. Начавъ говорить о людяхъ почтенныхъ и добродушныхъ, которые непремѣнно упрекнутъ насъ за нашу строгость и рѣзкость, мы невольно увлеклись пріятными воспоминаніями прошедшаго, — пріятными воспоминаніями такъ легко увлечься! — и уклонились далеко отъ предмета. Обращаемся къ нему снова. Въ отвѣтъ на упреки намъ въ строгости и рѣзкости приговоровъ, мы можемъ сказать, что мы злы, но безпристрастны; что въ справедливости нашихъ приговоровъ можетъ каждый убѣдиться и въ настоящее еще время; что такое мнѣніе, какое мы высказываемъ о нашемъ воспитаніи и образованіи, раздѣляютъ съ нами и нѣкоторые изъ самихъ образователей. Очень рады, что на этотъ разъ мы можемъ заручиться отзывомъ о нашихъ школахъ профессора Костомарова, который говоритъ: «во многихъ изъ насъ воспоминанія о мѣстахъ ученія вовсе не оставляютъ привязанностей, потому что нечѣмъ помянуть ихъ...... Я учился въ гимназіи, и въ университетѣ, и признаться, у меня осталось одно тяжелое воспоминаніе о бездарности, недобросовѣстности, корыстолюбіи и грубости наставниковъ, о невѣжествѣ, умственной лѣни и безнравственности боль-

шпіонства товарищей, да вдобавокъ о той неутѣшительной, нравственной-грязной средѣ, въ которой прозябало наше воспитаніе и образованіе. Я увѣренъ, что и многіе, подобно мнѣ, вспомния лѣта юности и ученія, почувствуютъ тоже, что я чувствую, вспоминая о нихъ.» (С.-Петербургскія Вѣдомости» № 258).

Читатель видитъ, что отзывъ г. Костомарова о мѣстахъ нашего воспитанія и образованія ни чуть не легче нашихъ приговоровъ. Но мы не охотники in verba magistri jurare. Если мы привели слова г. Костомарова, то для того только, чтобы показать, что взглядъ нашъ не какой нибудь странный, парадоксальный, исключительный, что взглядъ нашъ могутъ раздѣлять люди порядочные, почтенные. Что касается до внутренней состоятельности нашего взгляда, то съ этой стороны онъ не имѣетъ нужды для своего благосостоянія ни въ какихъ авторитетахъ. Мы можемъ утвердить его на основаніяхъ самыхъ прочныхъ, самыхъ объективныхъ, по крайней мѣрѣ вполнѣ достаточныхъ для людей, которые не хотятъ намѣренно закрывать глаза отъ истины.

Никто не будетъ спорить, что шпіонство есть дѣло самое гнусное во всякомъ обществѣ, — и такимъ почиталось оно во всѣ времена. Но въ обществѣ, связанномъ узами товарищества, шпіонство есть такое безчестное дѣло, для выраженія всей гнусности котораго нѣтъ слова, достаточно сильнаго на языкѣ человѣческомъ. Поцалуй іудинъ былъ всегда послѣднимъ позорнымъ пятномъ для чести человѣка, которымъ стыдились запятнать себя даже люди, не имѣющіе чести ни въ какихъ другихъ отношеніяхъ. Глубже предательства человѣческая природа и падать не можетъ. Ибо, если высшая ступень человѣческаго совершенства, по ученію евангельскому, та, когда человѣкъ полагаетъ душу свою за други своя, то очевидно, что и послѣдняя ступень нравственнаго растлѣнія, окончательное совлеченіе съ себя всякой чести, всякаго человѣческаго достоинства должна быть та, когда человѣкъ предаетъ или, что тоже, продаетъ други своя. Намъ нѣтъ нужды говорить, что для общежитія вообще, и въ особенности для товарищескаго общежитія, шпіонство вещь весьма неудобная. Тамъ, гдѣ люди дѣйствуютъ по отношенію къ другу довѣрчиво, совершенно откровенно, побратски, связанные единствомъ міросозерцанія и общихъ интересовъ, вдругъ является человѣкъ, по наружности также товарищъ, но тайно проникнутый другимъ міросозерцаніемъ и другими интересами, который въ каждомъ вашемъ словѣ, въ каждой мысли, въ каждомъ дѣйствіи видитъ или заинтересованъ видѣть преступленіе, и который вмѣстѣ съ тѣмъ остается постояннымъ, не разоблаченнымъ для васъ наблюдателемъ и соглядатаемъ всей вашей жизни, всѣхъ дѣйствій, рѣчей и

образа мыслей... Васъ и тянутъ, и тянутъ... Очень непріятно! Школьники терпѣть не могутъ шпіонства... Для нихъ шпіонъ-товарищъ лицо самое ненавистное, которое они и позорятъ, и бьютъ безъ всякой жалости, не взирая ни на какія наказанія, которыя имъ угрожаютъ за самоуправство... И однакожь, встрѣчаются иногда школы, гдѣ существуютъ шпіоны. Какъ они тамъ разводятся? Вопросъ очень любопытный, стоющій полнаго вниманія нашей русской педагогики; но она вѣдь занята у насъ предметами возвышенными и, вѣрно, не имѣетъ времени обратить вниманія на такіе пустяки. Потому мы рѣшились сами составить краткую исторію происхожденія школьнаго шпіонства, которую, какъ первый опытъ рѣшенія подобнаго вопроса, и представляемъ на судъ читателей, прося ихъ благосклоннаго снисхожденія къ нашему посильному труду. — Къ воспитателю является мальчикъ А* съ жалобою, что его ни за что, ни про что прибилъ его товарищъ N. Воспитатель призываетъ къ себѣ виновнаго и спрашиваетъ: «ты (въ педагогіи нашей еще не рѣшенъ вопросъ о томъ: говорить ли мальчикамъ *ты*, какъ говорили всегда, или замѣнить *ты*—моднымъ: *вы*; потому мы и придерживаемся нашего кореннаго, общепринятаго употребленія) прибилъ такого-то?» — «Да», отвѣчаетъ бойко N, «я ударилъ его раза два за то, что онъ меня выбранилъ скверными словами. Онъ всегда бранится. Онъ третьяго дня васъ при всѣхъ назвалъ свиньей за то, что вы дали ему выговоръ за шалость, — а на прошедшей недѣлѣ даже нарисовалъ васъ на бумагѣ въ видѣ осла, и всѣмъ показывалъ.» Воспитатель конфузится. «Ты правду говоришь?» спрашиваетъ онъ мальчика N. «Ей-Богу — правду»,— отвѣчаетъ послѣдній: «слышали и видѣли такіе-то, и такіе-то. Даже и бумага, на которой вы нарисованы, еще цѣла.» Начинается полное слѣдствіе надъ мальчикомъ. Спрашиваются всѣ школьники, слышавшіе поносительныя слова относительно особы воспитателя, и всѣ видѣвшіе злополучное его изображеніе, въ видѣ безсмысленнаго животнаго. Отыскивается даже самое изображеніе. Конецъ концовъ тотъ, что мальчикъ А* предается жесточайшему наказанію, по вниманію къ совокупности преступленій, имъ учиненныхъ, и по важности лица, противъ котораго они были направлены,— мальчикъ N, какъ открывшій такія важныя преступленія, которыя угрожали разрушеніемъ общественному порядку, не только остается безъ наказанія, но и получаетъ благоволеніе воспитателя. Кажется, особеннаго не случилось ничего, читатель. Мальчикъ N открылъ такія важныя преступленія противъ особы воспитателя; можно отсюда вывести, пожалуй, такое заключеніе, что мальчикъ N искренно любитъ и уважаетъ своего воспитателя и честь его защищаетъ, даже съ пожер-

твованіемъ своего товарища, какъ это ни больно товарищескому сердцу. Конечно N немножко увлекся, ударивъ А*,—но вѣдь А* самъ началъ бранить его прежде,—да къ тому же А* такой негодяй, котораго и стоитъ побить.—Въ головѣ тщеславнаго воспитателя, раздраженнаго изображеніемъ своей особы въ видѣ осла, весьма легко можетъ образоваться такое теченіе мыслей, и судъ, произнесенный имъ надъ А*, можетъ казаться ему самому судомъ *Соломона*. Но этотъ Соломоновъ судъ рождаетъ, читатель, вдругъ не одного, а цѣлый десятокъ, а можетъ быть и болѣе шпіоновъ. Воспитанники, услыхавъ такой судъ, тотчасъ смекнули, что если они провинятся въ чемъ нибудь, то имъ слѣдуетъ только сдѣлать какой нибудь доносъ на другихъ, — и тогда вина ихъ не только останется безъ наказанія, а, пожалуй, еще увѣнчается и наградой, если доносъ ихъ будетъ близокъ сердцу воспитателя. Болѣе прозорливые изъ школьниковъ смекательность свою простерли гораздо дальше. Они сообразили, что если воспитатель оказалъ благоволеніе къ виновному за доносъ, то такое благоволеніе удесятерится, конечно, если доносъ будетъ сдѣланъ не сдѣлавшимъ никакой вины. Слѣдовательно инсинуація, или, выражаясь по русски, нашептываніе на другихъ, есть одно изъ вѣрныхъ средствъ отличиться передъ воспитателемъ. Вотъ оно куда пошло, читатель! Имѣй воспитатель простой, здравый смыслъ, — мы не говоримъ уже, понимай дѣло воспитанія, а только просто здравый смыслъ имѣй,—онъ тотчасъ смекнулъ бы, что если рокъ судилъ ему быть названнымъ свиньей и быть изображеннымъ въ видѣ осла, то этого дѣла изслѣдованіемъ и преслѣдованіемъ никакъ не поправишь, а напротивъ только размножишь какъ художниковъ, которые посвятятъ себя исключительно живописи воспитателя въ такомъ родѣ, такъ и ораторовъ, которые поставятъ себѣ за долгъ на каждомъ шагу называть воспитателя одними поносительными именами; что нанесенное ему оскорбленіе онъ понесъ или незаслуженно, — въ такомъ случаѣ оно безсмысленно, и уваженія къ нему воспитателя не подорветъ ни въ одномъ школьникѣ,—или заслуженно, — въ такомъ случаѣ, исправлять его слѣдуетъ перемѣною образа дѣйствій; смекнулъ бы далѣе, что его прямой долгъ разобрать справедливость и несправедливость той жалобы, которая приносится ему въ данный моментъ, а прошедшаго вовсе не касаться, во-первыхъ, по тому самому, что это прошедшее въ свое время не обнаружилось, а дурныхъ послѣдствій за собой никакихъ не повело, во-вторыхъ потому, что это прошедшее касается собственно его особы, въ третьихъ потому, что объ немъ доводитъ до свѣдѣнія виновный, съ явнымъ намѣреніемъ черезъ доносъ избѣгнуть слѣдующаго ему наказанія. Сообразивъ все это, воспитатель

сдѣлалъ бы должное взысканіе съ A* за брань, съ N за самоуправство. Такой судъ былъ бы сносенъ. Лучшій бы же судъ былъ тотъ, когда бы воспитатель, не обращая никакого вниманія на доносъ о мнимомъ личномъ его оскорбленіи, и имѣя въ виду утвержденіе добрыхъ тенденцій въ школѣ, положилъ, кромѣ того, на N взысканіе за намѣренный доносъ. Этимъ онъ скорѣе всего заслужилъ бы уваженіе школьниковъ, и предотвратилъ оскорбительныя для себя прозвища и изображенія.

Наша теорія, читатель, вышла немножко длинновата и немножко скучненька.—Это уже общій недостатокъ всѣхъ теорій. Главный же недостатокъ въ ней тотъ, что она очень изысканна. Дѣла въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ школъ по части инсинуаціи обдѣлываются гораздо проще. Не помнимъ уже, въ какомъ-то изъ № «Искры» мы читали извѣстіе такого рода, что въ одномъ частномъ учебномъ заведеніи товарищъ начальника установилъ такой порядокъ: каждому мальчику, который сдѣлаетъ ему доносъ на другаго товарища, онъ платитъ *по четвертаку!!* да, просто таки *по четвертаку!!!* И дѣла въ заведеніи идутъ превосходно. Мальчишки такъ и шныряютъ за четвертаками, приготовляясь такимъ образомъ къ полезнымъ занятіямъ на поприщѣ общественной дѣятельности. Разъ только вышло недоразумѣніе. Родные одного школьника, узнавъ, что онъ отъ начальства получаетъ четвертаки за доносы на товарищей, неизвѣстно почему, возмутились этимъ и явившись къ начальству лично, наплевали ему въ глаза. Но начальство, дескать, этимъ исключительнымъ случаемъ ни мало не сконфузилось, и продолжаетъ донынѣ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ...

Какъ ни привыкли мы ко всему удивительному и величественному, но здѣсь уже и мы приходимъ въ невольное изумленіе, восторгъ, паѳосъ, и бросая холодное перо, неудержимо поемъ вмѣстѣ со «Свисткомъ»:

О наша родина, Богомъ хранимая!
Сколько простору въ тебѣ необъятнаго!
Сколько таится въ тебѣ, о родимая!
Неизъяснимаго, и непонятнаго!

Или вотъ, напримѣръ, можно ли найдти у насъ какое нибудь училище, чтобы въ немъ не было хотя одного наставника или воспитателя, «большаго любителя тишины и хорошаго поведенія», который терпѣть не можетъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ, которому кажется, что такіе мальчики непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться, и чтобы въ этомъ же самомъ училищѣ не было мальчиковъ, которые, «вдругъ постигнутъ духъ начальника, и въ чемъ

должно состоять поведеніе. Не шевельнутъ они ни глазомъ, ни бровью во все время класса,—какъ не щиплютъ ихъ сзади; какъ только раздастся звонокъ, они бросаются опрометью, и подаютъ учителю прежде всѣхъ треухъ (шляпу или фуражку; къ сожалѣнію, есть даже шляпы и фуражки, которыя часто любятъ то же поведеніе въ мальчикахъ не менѣе треуховъ); подавши треухъ, они первые выходятъ изъ класса, и стараются ему попасться раза три по дорогѣ, безпрестанно снимая шапку». И къ прискорбію, и стыду нашему мы должны сознаться, что подобное поведеніе даже и въ наше время часто имѣетъ совершенный успѣхъ. «Во все время пребыванія въ училищѣ эти *постигшіе духъ начальника* мальчики бываютъ на отличномъ счету, и при выпускѣ получаютъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ, и книгу съ золотыми буквами: *за примѣрно-приличное и благонадежное поведеніе»*. А послѣ этого съ этими, постигшими духъ начальника, мальчиками, бываетъ такая же исторія, какая была и съ Павлушей Чичиковымъ, который былъ также мальчикъ, постигшій духъ своего начальника. Когда Павлуша Чичиковъ, по выходѣ изъ училища, «очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы, и получилъ по смерти отца маленькое наслѣдство, въ это время былъ выгнанъ изъ училища за глупость или другую вину бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить, наконецъ и пить ему уже было не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещились безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавъ объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣньемъ, и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же ему товарищи бросили, сказавши: «эхъ ты жила!» Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ; слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать», произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ Павлуша! вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благонравный, ничего буйнаго, шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...» Бѣдный россійскій педагогъ! Даже умирая, онъ не понялъ, что не Павлуша надулъ его, а самъ онъ надулъ Павлушу, безжалостно ограбивъ у него въ юности всѣ человѣческія чувства!

Обратимъ теперь наше вниманіе на отношенія воспитателей къ

школьному товарищескому союзу, или къ тому, что мы обыкновенно называемъ *духомъ товарищества* въ школьникахъ. Всякая школа представляетъ собою болѣе или менѣе замкнутый мірокъ, крѣпко связываемый узами товарищества, нѣкоторымъ образомъ мірокъ an und für sich, по особенности своего міросозерцанія, по извѣстной упругости и неподатливости внѣшнимъ вліяніямъ, несроднымъ съ этимъ міросозерцаніемъ. Безъ этихъ узъ, безъ того, что мы называемъ духомъ товарищества, не можетъ быть ни одна школа. Повидимому нелѣпо было бы и спрашивать: законенъ ли, т. е. долженъ ли, имѣетъ ли право быть духъ товарищества въ школѣ? Но у насъ это вопросъ не только не нелѣпый, но настоятельно требующій разсмотрѣнія. Поэтому, читатель извинитъ насъ, что мы скажемъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на него. Въ каждой школѣ учатся дѣти болѣе или менѣе одного возраста, однихъ понятій, однихъ стремленій, которыя проводятъ притомъ вмѣстѣ все время своего пребыванія въ школѣ, дѣлятъ между собою и свои труды, и радости, и горе, и часто послѣдній кусокъ хлѣба. Дѣти такъ поставленныя могутъ ли не любить другъ-друга, по крайней мѣрѣ не имѣть другъ къ другу самыхъ искреннихъ симпатій, и могутъ ли по этому самому не защищать другъ-друга, въ случаѣ общей напасти или по крайней мѣрѣ того, что представляется имъ общею напастію по ихъ сознанію? Намъ кажется, что не могутъ. И если бы въ средѣ такъ-поставленныхъ дѣтей нашелся такой, который хладнокровно можетъ смотрѣть на обиду другихъ своихъ товарищей, не должно ли бы было его по всѣмъ законамъ, и божескимъ, и человѣческимъ, признать вполнѣ безчестнымъ человѣкомъ? Но если бы школьники и не имѣли взаимной любви, взаимныхъ симпатій другъ къ другу,— но они вѣдь люди же, въ которыхъ есть чувство справедливости, еще болѣе впечатлительное къ неправотѣ дѣйствій другихъ, чѣмъ въ взрослыхъ, которые притомъ всѣ живутъ подъ одними условіями, подъ одними законами,—не могутъ же они не понимать, что оскорбленіе, безпричинно нанесенное сегодня одному, точно-также безпричинно завтра можетъ постигнуть другаго. Не должно ли самое естественное чувство самосохраненія заставлять ихъ стоять за взаимные интересы другъ-друга, и тѣмъ болѣе за общіе интересы всѣхъ ихъ? Мы не споримъ, что они могутъ ошибаться, могутъ видѣть иногда оскорбленіе тамъ, гдѣ нѣтъ оскорбленія, требовать правъ, которыхъ имъ дать нельзя,—но такъ ошибаться и дѣйствовать могутъ не дѣти только, но и люди взрослые, у которыхъ за это никто не отнимаетъ принадлежащихъ имъ правъ. У дѣтей на то существуетъ и педагогія, чтобы предупреждать подобныя печальныя явленія, которыя, сказать по правдѣ, наносятъ позоръ не

столько школьникамъ, сколько педагогамъ. Что это выйдутъ за люди, что за христіане, которые во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ другимъ будутъ водиться однимъ только эгоизмомъ? — Къ прискорбію нашему, мы не можемъ однакожь не сознаться, что воспитаніе не только не старается развивать у насъ въ училищахъ духа товарищества и давать ему разумное и полезное для общественной дѣятельности направленіе, а напротивъ, при всякомъ случаѣ, когда онъ проявляется, старается подавить его, называя прямо духомъ мятежнымъ. Мятежный духъ — въ мальчикахъ отъ 7 до 14 лѣтъ! Какое дикое злоупотребленіе словъ и мыслей! — Господи! не вмѣни нашимъ злополучнымъ воспитателямъ грѣха сего! Невѣдятъ бо, что творятъ... Въ чемъ однакожь выражается обыкновенно этотъ мятежный духъ? — Какой нибудь полоумный педагогъ, не имѣющій человѣческаго смысла, точно также какъ и человѣческаго сердца, переходитъ въ своей жестокости по отношенію къ воспитанникамъ всѣ границы и даетъ, напримѣръ, воспитаннику ударъ рукою. Нѣтъ ничего удивительнаго, что школьники, еще незабитые, проникнутые чувствомъ человѣческаго достоинства, возмущаются такимъ варварскимъ поступкомъ и громко протестуютъ. Судъ повидимому тутъ очень простъ. Учителя, дозволившаго поднять себѣ руку на воспитанника, и для пользы науки, и для пользы воспитанія надобно, не медля ни минуты, съ позоромъ изгнать изъ училища. Между тѣмъ тутъ начинается изслѣдованіе, конецъ концовъ котораго бываетъ часто тотъ, что учитель не то, что оправдывается, не то, что обвиняется, а остается на прежнемъ мѣстѣ, а воспитанникамъ говорятъ, что хотя они въ существѣ дѣла и правы, но что имъ не слѣдовало бы протестовать громко въ классѣ, а принести бы на поступокъ учителя узаконеннымъ порядкомъ жалобу; т. е., въ этомъ косвенномъ выговорѣ заключается нравоученіе такого рода, что всякій воспитанникъ долженъ стараться выработать себя до одеревененія къ впечатлѣніямъ всякаго рода оскорбленій, и тогда онъ будетъ украшеніемъ школъ. Еще примѣръ въ томъ же родѣ: учитель скверно преподаетъ, что видятъ всѣ, по дурнымъ успѣхамъ учениковъ, по очевидной неспособности учителя, который даже въ средѣ другихъ, весьма впрочемъ не завидныхъ педагоговъ играетъ роль шута, наконецъ по частнымъ жалобамъ, которыя по разнымъ случаямъ были высказываемы объ этомъ нѣкоторыми воспитанниками. Казалось бы, для блага науки, заведенія, воспитанія, слѣдовало уволить какъ можно скорѣе такого педагога изъ заведенія. Но у педагога жена, дѣти;— человѣкъ онъ бѣдный и т. д., — и онъ проживаетъ въ училищѣ, точно въ богоугодномъ заведеніи для призрѣнія. — Проходитъ годъ

за годомъ, проходятъ годы, десятки лѣтъ, — а педагогъ все сидитъ въ училищѣ. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряется къ нему уваженіе школьниковъ, наконецъ онъ дѣлается общимъ посмѣшищемъ для всѣхъ ихъ. для самомалѣйшихъ изъ нихъ. Всѣмъ извѣстно, что человѣкъ сдѣлавшійся смѣшнымъ—порохъ для скандала во всякомъ обществѣ,—не у мальчиковъ только, но и у взрослыхъ. И вотъ дѣйствительно, при первой какой нибудь неожиданной выходкѣ жалкаго педагога, является въ школѣ великолѣпный скандалъ... Кто тутъ виноватъ? скажите ради Бога. Ужь вѣрно не школьники! — А между тѣмъ зачастую бываетъ, что школьниковъ именно и обвиняютъ, — а педагогъ признается невинно пострадавшею жертвою, и остается попрежнему украшеніемъ заведенія. Помилуй Господи! какая недальновидность въ самыхъ простыхъ повидимому вещахъ!—Еще одно послѣднее сказанье объ училищныхъ экономахъ: рѣдко можно найти у насъ училище, въ которомъ не сохранилось бы печальныхъ преданій о ссорахъ воспитаннивовъ съ экономами. Нѣкоторые экономы такъ ужь бываютъ созданы, что, при всемъ ихъ желаніи исполнить свой долгъ и быть полезными отечеству, въ отношеніи приготовленія стола для воспитанниковъ у нихъ всегда какъ-то неладится. То съѣстные припасы попадутъ тухлые, то какъ-то меньше ихъ купится, чѣмъ нужно, то поваръ попадается самый шарамыжный, хотя получаетъ и хорошее жалованье,—вообще всегда какіе нибудь недосмотры. Воспитанники, посидѣвъ разъ голодными, другой, третій, извѣстно, начинаютъ приходить въ непріятное настроеніе духа относительно эконома. Начинаются жалобы начальству... Но начальство, занятое исключителяно помыслами о духовномъ образованіи воспитанниковъ, на такія мелочи, какъ приготовленіе стола, не обращаетъ или вовсе никакого вниманія, или смотритъ сквозь пальцы, не принимая энергическихъ мѣръ къ вразумленію эконома. Такимъ образомъ проходятъ недѣли, мѣсяцы. Терпѣніе воспитанниковъ окончательно истощается... и въ одинъ прекрасный день, когда экономъ, вполнѣ довольный гармоніей и жизнію природы, является въ столовую, чтобы воспитанникамъ доставить удовольствіе своимъ присутствіемъ, — онъ сверхъ всякаго ожиданія осыпается градомъ хлѣбныхъ корокъ, картофелю, ложекъ и т. п. Отъ такого неожиданнаго *мятежа* всѣ воспитатели приходятъ въ крайнее изумленіе. Начинается изслѣдованіе, какимъ образомъ испортился духъ воспитанниковъ,—и открывается, что имъ мало сообщаемо было правилъ нравственности, — или, что мало за ними было приставлено по штату надзирателей, или что нибудь въ родѣ этого, что породило въ нихъ такой духъ, — а экономъ, какъ существо, съ духомъ воспитанниковъ никакихъ соприкосновеній видя-

мыхъ неимѣющее и слѣдовательно въ измѣненіи этого духа нимало неповинное, признается случайною и невинною жертвой происшествія и остается попрежнему экономомъ заведенія.

Въ видахъ приготовленія изъ учащихся хорошихъ практическихъ дѣятелей въ жизни, по мѣрѣ возростанія ихъ, должно знакомить ихъ съ современнымъ положеніемъ того общества, т. е. общества русскаго, котораго они будутъ членами. Для этого должна быть создана особенная наука, которой нынѣ не существуетъ, наука *о русскомъ обществѣ.* Не странно ли, что мы, которые изучаемъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ по 30 и болѣе наукъ, любопытствуемъ знать все, что можетъ знать человѣкъ — и звѣзды, и птицы небесныя, и рыбы морскія, и четвероногія, и гады, и незримыя для простаго глаза человѣческаго инфузоріи, и болгарскіе юсы, и Ярославле серебро, и ассиріянъ, и вавилонянъ, и сухіе туманы, — о варягахъ и Гарибальди и говорить нечего, — что мы, между тѣмъ, не хотимъ ничего знать о томъ обществѣ, въ которое вступаемъ для практической дѣятельности? — Да, должна быть непремѣнно особенная наука объ обществѣ, которая должна изложить теорію общества и государства вообще, теорію ихъ взаимныхъ отношеній; далѣе показать положеніе и отношеніе общества и государства въ Россіи; выяснить тѣ органы власти и силы, правительственные и общественные, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ обществу и народу, и то или другое ихъ вліяне на общество и на народъ; показать матеріальныя и моральныя силы общества и государства во всей ихъ подробности; наконецъ изложить патологію общества и государства, ничего не разукрашивая въ этомъ случаѣ. Тотъ, кто приготовляется къ общественной дѣятельности, долженъ знать все и всѣхъ въ настоящемъ видѣ. Только тогда шаги его будутъ вѣрны, тверды и полезны на общественной аренѣ. Само собою при этомъ разумѣется, что по мѣрѣ приближенія выхода воспитанниковъ изъ школы въ свѣтъ, ихъ должно вводить, насколько то будетъ возможно для нихъ, въ соприкосновеніе съ общественною жизнію и дѣятельностію, оріохочивать къ тому или другому участію въ ней, — однимъ словомъ, дѣлать все, что могло бы заставлять человѣка смотрѣть на себя еще на школьной скамьѣ, какъ на гражданина, обязаннаго служить обществу своими свѣдѣніями и силами, насколько то для него возможно.

Все, однакожь, что мы съ вами говорили доселѣ, читатель, о нашихъ школахъ, только наши мечты, наши pia desideria. Даже, когда намъ приходилось писать чернымъ по бѣлому, разсказывать кой-что изъ дѣйствительной жизни школъ, мы разсказывали случаи исключительные, частные. А намъ нужно знать дѣйствительную — ум-

ственную и нравственную жизнь школъ, въ томъ видѣ, какъ она есть вездѣ, въ ея такъ - сказать законныхъ проявленіяхъ, а не уклоненіяхъ, чтобъ всякій чувствовалъ и сознавалъ, что мы говоримъ такое, что всѣ мы бывшіе въ школахъ видѣли своими глазами, слышали своими ушами и руками нашими осязали. Внидемъ же снова во святилища нашего просвѣщенія, въ которыя мы съ вами уже заглядывали выше мимоходомъ, и повнимательнѣе посмотримъ, что тамъ дѣлается для умственнаго и нравственнаго нашего образованія.

Помните ли, читатель, то время, когда мы въ первый разъ съ вами вступали въ школу. Въ то время мы съ вами не знали почти ничего. Мы родились и провели дѣтство въ деревнѣ, видѣли однихъ только мужиковъ, бабъ, домашнихъ животныхъ, поля, луга, лѣсъ, вообще обиходную природу, обыденную жизнь, — да и ничего больше; выучились дома кой-какъ съ грѣхомъ пополамъ читать и писать, и съ такимъ не громоздкимъ по объему и еще болѣе легкимъ по вѣсу запасомъ свѣдѣній явились въ училище. Съ чего же начали здѣсь наше умственное образованіе? Чему начали учить насъ прежде всего?—Русской грамматикѣ. Я и теперь еще, какъ только вспомню о такомъ началѣ нашего ученія, каждый разъ прихожу невольно въ нѣкоторый священный ужасъ, какъ приходитъ въ ужасъ каждый человѣкъ, стоявшій на краю пропасти и отошедшій уже отъ нея, при одномъ воспоминаніи объ опасности, которой онъ подвергался. Мнѣ представляется: какъ не разстроился нашъ мозгъ отъ изученія грамматики? какъ не произошло съ нами помѣшательства? какъ не вогнали насъ въ тупоуміе? — А все вѣдь это было очень возможно. Помните ли, читатель, какъ мы употребляли нечеловѣческія, можно-сказать сверхъестественныя усилія, чтобы, не говоримъ понять (понять положительно мы не могли), а только механически овладѣть, затвердить на память, что такое имя существительное, прилагательное, числительное, глаголъ, причастіе, дѣепричастіе и т. д.? Для какихъ цѣлей нужно было истязать нашъ молодой умъ такою пыткою,—мы и доселѣ понять не можемъ. Мы знаемъ, что знакомство съ научнымъ анализомъ формъ роднаго языка въ извѣстномъ возрастѣ необходимо, потому что такой анализъ даетъ возможность классифицировать, вообще упорядочить подавляющую массу словесныхъ свѣдѣній, облегчаетъ ея изученіе, даетъ возможность къ всестороннему и подробнѣйшему наблюденію надъ свойствами языка, наконецъ безъ такого анализа невозможны ни лексикографическія, ни другія спеціальныя работы при изученіи языка. Но для чего знаніе формъ языка, и притомъ въ томъ видѣ, какъ оно преподается въ грамматикѣ, было нужно намъ въ дѣт-

скомъ и даже отроческомъ возрастѣ,—этого мы никакъ уразумѣть не можемъ. Человѣкъ, который началъ мыслить самъ и познакомился немножко съ одними онтологическими понятіями, не говоримъ уже съ философіей языка, пойметъ не только всѣ формы, преподаваемыя грамматикою, но и всю грамматическую мудрость, заключающуюся въ учебникахъ грамматики, въ день,—такой большой срокъ мы полагаемъ въ томъ предположеніи, что прежде онъ не видывалъ никогда ни одного учебника грамматики,— точно такъже, какъ человѣкъ познакомившійся съ философскими основаніями эстетики пойметъ въ нѣсколько часовъ не только всѣ формы, преподаваемыя реторикою, но и всю ложь и безсмыслицу подобныхъ формъ и безполезность анализа въ разложеніи тѣхъ формъ. Но дитяти, отроку, которые еще не могутъ абстрактировать, которые не знакомы съ философскими началами языка, никогда не понять грамматическихъ формъ въ ихъ живомъ, осмысленномъ значеніи въ организмѣ языка. Грамматика есть неудачная попытка популяризировать философію языка или, точнѣе сказать, научный анализъ нѣкоторыхъ формъ языка для дѣтей; преподаваніе ея въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастѣ должно признать величайшею ошибкою педагогіи. Скорѣе маловозрастные школьники поймутъ философію, абстракты которой сняты съ предметовъ видимаго міра, болѣе или менѣе впечатлительнаго для всѣхъ ихъ по своимъ дѣйствіямъ, чѣмъ философію языка, самые конкреты котораго дѣлаются примѣтными для сознанія или для вниманія сосредоточеннаго только при извѣстной уже способности и привычкѣ абстрактировать. Но когда, читатель, мы съ вами не понимали грамматическихъ формъ, когда на вопросъ учителя грамматики: дверь, какое имя—прилагательное или существительное?—спокойно отвѣчали, что дверь имя прилагательное, потому что прилагается къ косяку, — помните, съ какою злобою и ожесточеніемъ, красный, какъ ракъ, судорожно сжимая губы и, а propos, кулаки, стоялъ передъ нами учитель грамматики Чижиковъ, готовый, кажется, проглотить насъ за то, что дверь представлялась намъ именемъ прилагательнымъ, а не существительнымъ. А за нимъ, Чижиковымъ, съ неменьшею яростію наступалъ на насъ учитель исторіи за то, что мы постоянно перепутывали ассиріянъ, вавилонянъ, финикіянъ и прочіе народы, не могли удержать въ памяти самыхъ интересныхъ свѣдѣній о подробностяхъ всемірнаго потопа, имъ учителемъ вычитанныхъ въ какой-то весьма интересной книжкѣ и по той же самой книжкѣ намъ переданныхъ,—что мы наконецъ,—о, верхъ варварства! —не хотѣли знать даже подвиговъ Александра Македонскаго. Собственно говоря, мы дѣйствительно ничѣмъ этимъ и не интересовались, потому что, родившись и воспи-

тавшись въ деревнѣ, никогда не видывали ни одного финикіянина, ни одного вавилонянина и т. п., и не имѣли объ нихъ никакого представленія. Могли ли они сколько нибудь интересовать насъ, несмотря на все краснорѣчіе учебника исторіи и на всѣ комментаріи учителя, — состояли ли эти комментаріи въ словахъ: *отсюда досюда къ завтраму*, или въ пополненіи сухаго учебника роскошными подробностями изъ исторіи аббата Миллота, Беккера, да и кого угодно? Не менѣе бѣсновался учитель ариѳметики за наше тупоуміе, вслѣдствіе котораго мы, пересиливъ кой-какъ первыя четыре дѣйствія относительно простыхъ чиселъ, стали въ рѣшительный тупикъ передъ числами именованными, а тамъ въ перспективѣ виднѣлись еще дроби, ужасныя дроби, которыя нагоняли мракъ даже и на постигавшихъ числа именованныя! — Учитель съ ужасомъ помышлялъ о томъ: что онъ будетъ дѣлать съ нами, и какъ поведетъ онъ насъ черезъ дебри дробей? Что придумаетъ для изощренія нашего смысла? Ибо всѣ средства, даже и самыя радикальныя и вѣрныя, были уже истощены. Большіе запасы розогъ были уже потрачены, во еже отверсти смыслъ и разумѣніе намъ, отрокомъ. Но ни что не помогло. Бѣдные, жалкіе шульмейстеры! Какъ непритворно бѣсновались они! Они вѣдь никакъ не могли представить себѣ, что употребляютъ всѣ усилія не къ развитію, а къ забитію смысла въ своихъ питомцахъ, что жалчайшія свѣдѣнія, которыя удержитъ отъ ихъ преподаванія только самая счастливая память, продаютъ они слишкомъ дорогою цѣною для нравственнаго достоинства своихъ питомцевъ. Сколько молодое сердце перенесетъ униженія, оскорбленія, сколько всосетъ въ себя ненависти, ожесточенія въ нѣкоторыхъ нашихъ низшихъ школахъ отъ этихъ непрестанныхъ сценъ педагогическаго бѣснованія, жестокости, варварства, звѣрства!

Да, намъ нечѣмъ помянуть нашихъ низшихъ школъ. Выходя изъ нихъ, каждый изъ насъ имѣлъ право сказать съ непритворною радостію не только то, что говоритъ Гётевъ ученикъ о германскихъ школахъ.

А я такъ радъ бѣжать отселѣ:
Не нравится мнѣ, въ самомъ дѣлѣ,
Что здѣсь такъ мрачно и мертво.
Вокругъ все стѣны, по дворамъ
Ни деревца не зеленѣетъ;
А въ залахъ, на скамейкахъ, тамъ
Мой взоръ, и слухъ, и умъ тупѣетъ, —

но и во сто разъ больше. Нѣмецкіе педагоги не дѣлаютъ ни такихъ пламенныхъ натисковъ на своихъ питомцевъ, ни издерживаютъ такого несмѣтнаго количества розогъ; при всѣхъ ошибкахъ педагоги-

ческаго устройства школъ, не доводятъ до такого отупѣнія мальчиковъ, до какого доходятъ они иногда въ нашихъ школахъ. Мы знаемъ не одинъ примѣръ, что мальчики, признанные неспособными къ продолженію ученія въ низшихъ училищахъ и исключенные изъ нихъ, потомъ оканчивали блистательно курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Возблагодаримъ же, читатель, мать-природу за то, что она довольно прочно устроила наши мозги, такъ что шульмейстеры не успѣли при всѣхъ своихъ усиліяхъ вогнать насъ въ отупѣніе, и что мы добрались кой-какъ до среднихъ школъ.

Гм! Среднія школы! Здѣсь не царствуетъ уже одинъ мертвящій, всеподавляющій механизмъ, — здѣсь проявляется уже нѣкоторый свѣтъ умственнаго сознанія, тѣнь умственной самодѣятельности. — Здѣсь мальчики дѣлаются сочинителями. Сочинитель! Какое обворожительное, отуманивающее титло для мальчика въ 14 или 15 лѣтъ! И папенька, и маменька въ восторгѣ, что у нихъ сынъ сочинитель. И родные, и знакомые показываютъ особенное вниманіе къ сочинителю. Даже извѣстные сановники въ городѣ почитаютъ за долгъ обласкать при случаѣ сочинителя. О школѣ и говорить нечего. Тамъ полное торжество. Учитель объявилъ, что и въ *описаніи восхожденія солнца*, и въ стихахъ *къ жаворонку*, и *въ сочиненіи о пользѣ наукъ* большіе задатки дарованія. Отзывы эти стали извѣстны и всѣмъ педагогамъ, которые въ восторгѣ, что у нихъ въ заведеніи воспитывается такая жаръ-птица, и всѣмъ школьникамъ, которые грызутъ ногти отъ досады, что у нихъ нѣтъ такого же сочинительскаго дара, и тѣмъ съ большею ревностію пишутъ ерунду и о солнцѣ, и о звѣздахъ, и о добродѣтеляхъ всѣхъ возможныхъ сортовъ, чтобы черезъ такое постоянное упражненіе въ сочиненіи, пробить въ себѣ во что бы то ни стало ключъ сочинительства, и пріобрѣсть такую же славу жаръ-птицъ. Польза и нужда науки признана, значитъ, всѣми. Наука понята, какъ искусство, научающее занимающихся ею сочинять стихи и прозу. Съ этой стороны она и дѣйствительно умѣлымъ въ сочиненіи приноситъ пользу. У сочинителя все можетъ идти въ дѣло и финикіяне, и вавилоняне, и ассиріяне, и Александръ Македонскій, и грамматическія формы, и алгебра, и геометрія. А главное, что ничего основательно знать и изучать нѣтъ никакой надобности. Что знаешь объ ассиріянахъ, вавилонянахъ и т. д., то въ сочиненіи можно и употребить въ дѣло; — а чего не знаешь, — то само собою разумѣется, и въ дѣло не употребишь. Такимъ образомъ и сочинители не предъявляютъ никакихъ особенныхъ претензій наставникамъ относительно науки; что они выслушали и нѣ-

сколько поняли въ урокахъ наставника, для нихъ хорошо, полезно; чего не выслушали или не поняли вовсе, — худого и здѣсь ничего нѣтъ; можно въ сочиненіи обойдтись и безъ этого. А нѣтъ, чтобы въ сочинителяхъ расширялось каждодневно знаніе въ такой постепенности, чтобы у нихъ рождалась въ самихъ потребность знать извѣстныя вещи, чтобы они могли сказать наставнику: «потрудитесь обратить вниманіе на то-то и то-то, или разъяснить намъ это и это»; съ своей стороны и наставники довольны своимъ преподаваніемъ, — довольны потому, что воспитанники сочиняютъ, даже жаръ-птицы завелись между ними. Значитъ, преподаваніе ихъ не звѣрковъ же какихъ нибудь порождаетъ, а, очевидно, людей, которые обнаруживаютъ мыслительную способность даже въ связываніи мыслей своихъ на бумагѣ не только прозою, но и стихотворнымъ размѣромъ. А не придетъ наставникамъ въ голову подумать о томъ, что цѣль школьническихъ сочиненій вовсе не связываніе мыслей на бумагѣ, а постепенное пріученіе мыслительной способности школьниковъ къ самодѣятельной, серьёзной работѣ, что сами школьники должны сростись съ той мыслію, что цѣль всякаго человѣческаго мышленія есть изысканіе или разъясненіе истины, и потому достоинство своихъ сочиненій поставлять въ удовлетворительномъ разрѣшеніи извѣстнаго вопроса, или основательномъ разъясненіи извѣстной истины, а не въ краснорѣчіи, не въ блескѣ фразъ, не въ эффектахъ, и потому для одного грому и шуму не захватывать въ свои сочненія ни финикіянъ, ни вавилонянъ, ни даже Александра Македонскаго и т. п. Но что же наука?—Наука въ среднихъ заведеніяхъ не представляетъ уже собою чего-то страшнаго, подавляющаго, что можетъ разрушить даже мозгъ, какъ это бываетъ въ низшихъ школахъ; но для воспитанниковъ она остается все-таки чѣмъ-то внѣшнимъ, стороннимъ, чуждымъ, потому что знанія ихъ не расширяются, не увеличиваются въ такой постепенности и послѣдовательности, чтобы они могли чувствовать потребность въ той или другой наукѣ, разумѣть интересъ научныхъ знаній. Для наставниковъ наука остается также чѣмъ-то внѣшнимъ, чуждымъ. Мы не знаемъ, есть ли еще какая нибудь изъ образованныхъ странъ на землѣ, гдѣ такъ плохо приготовляемы были бы педагоги къ своему служенію, какъ у насъ. Люди прямо со школьной скамьи, безъ всякихъ приготовленій къ обязанностямъ педагоговъ, безъ всякихъ испытаній въ педагогическихъ талантахъ и свѣдѣніяхъ, отправляются прямо наставниками въ среднія заведенія. Даже тѣ, которые почитались изъ нихъ знающими извѣстную науку въ томъ заведеніи, въ которомъ они воспитывались, обыкновенно бываютъ весьма слабы и малознающи въ ней, при весьма пло-

хомъ преподаваніи наукъ вообще въ нашихъ заведеніяхъ. Случается же иногда и такъ, что въ наставники по извѣстной наукѣ посылаются въ среднія заведенія лица, вовсе не слушавшія ее въ высшихъ школахъ. Потому наши наставники въ среднихъ школахъ бо̀льшею частію не владѣютъ своей наукой. Они часто не имѣютъ даже достаточнаго запаса свѣдѣній, а главное — въ нихъ нѣтъ живой идеи науки, которая бы давала извѣстное направленіе всѣмъ сообщаемымъ ими свѣдѣніямъ, такъ чтобы это направленіе чувствовалось каждымъ слушателемъ во всѣхъ, даже и мелкихъ подробностахъ науки, которое бы опредѣляло размѣръ и значеніе преподаваемыхъ свѣдѣній, указывало бы каждому изъ этихъ свѣдѣній надлежащее мѣсто. То, что преподается подъ именемъ науки, представляетъ собою обыкновенно аггрегатъ свѣдѣній, связанныхъ чисто внѣшнимъ образомъ; здѣсь все случайно, и выборъ тѣхъ или другихъ свѣдѣній, и разсмотрѣніе даннаго предмета съ той, а не съ другой стороны, и даже значеніе, которое придается однимъ предметамъ насчетъ другихъ, — однимъ словомъ, отсутствіе плана полное. Эта безурядица школьной науки отразилась и на всѣхъ нашихъ учебникахъ. У насъ нѣтъ хорошихъ учебниковъ ни по одной наукѣ. Даже по родной нашей наукѣ, потребность которой, и притомъ въ извѣстномъ направленіи, всѣми болѣе или менѣе чувствуется и которую обработываемъ мы сами, не путаясь иностранцами, мы не можемъ добиться до хорошаго учебника. Прочитайте внимательно всѣ существующіе учебники русской исторіи, и вы увидите, что авторы ихъ не имѣли вовсе въ виду насъ и нашихъ интересовъ, съ точки зрѣнія которыхъ и можетъ только имѣть исторія живой смыслъ, а хотѣли, кажется, только доказать, что народъ русскій и русское государство существуютъ уже тысячу лѣтъ. Вообще, прощаясь съ нашими средними заведеніями, мы можемъ, не обижая никого, сказать о нихъ то же самое, что говорилъ Гёте о школахъ германскихъ:

А я такъ радъ бѣжать отселѣ.
Не нравится мнѣ, въ самомъ дѣлѣ,
Что здѣсь такъ мрачно и мертво;
Вокругъ все стѣны; по дворамъ
Ни деревца не зеленѣетъ;
А въ залахъ, на скамейкахъ, тамъ
Мой взоръ, и умъ, и слухъ тупѣетъ.

Въ наши высшія школы поступаютъ обыкновенно люди, болѣе или менѣе даровитые, въ юношескомъ возрастѣ, бо̀льшею частію съ

искреннимъ желаніемъ учиться, съ сознаніемъ всей недостаточности, даже ничтожности своего подготовительнаго образованія, и съ полною увѣренностію, что въ высшихъ школахъ они вознаградятъ вполнѣ потерянное время, что они узнаютъ истинный вкусъ и силу въ каждой наукѣ и то, что имѣетъ въ ней вѣчно живое значеніе. Довѣренность къ авторитетамъ профессоровъ бываетъ полная. Иначе оно и быть, впрочемъ, не можетъ. Человѣкъ, не подготовленный надлежащимъ образомъ къ наукѣ, конечно долженъ вполнѣ положиться на знаніе и умѣнье патентованнаго руководителя. Но здѣсь-то и начинается страшное недоразумѣніе между слушателями и профессорами, печальнымъ послѣдствіемъ котораго бываетъ то, что слушатели весьма мало выносятъ свѣдѣній и изъ школъ такъ-называемыхъ высшихъ. Профессора не хотятъ ничего знать о слабой предварительной подготовкѣ слушателей и не хотятъ примѣняться къ ихъ умственному развитію. Этого мало: не хотятъ даже ни привести науку въ тотъ видъ, въ какомъ она можетъ служить къ постепенному и послѣдовательному развитію вообще юношескихъ силъ, ни установить ея строго въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она должна быть установлена, чтобы слушатели могли выслушать ее всю въ теченіе извѣстнаго положеннаго для преподаванія срока. Общаго плана въ преподаваніи наукъ въ высшихъ школахъ нѣтъ никакого. Одинъ профессоръ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на предметахъ спорныхъ въ своей наукѣ, бывшихъ предметомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій, убивая безполезно время въ сообщеніи разныхъ подробностей изъ этихъ изслѣдованій, иногда самыхъ мелкихъ и пустыхъ; другой ограничивается въ наукѣ одними взглядами такъ-называемыми высшими, опуская самое существенное въ органической связи науки и останавливая вниманіе только на эффектныхъ отдѣлахъ науки, гдѣ ораторскія достоинства и пріемы профессора привлекаютъ вниманіе слушателей, прикрывая собою часто мысли весьма жалостныя и въ органической связи науки не имѣющія никакого прочнаго основанія; третій, не увлекаясь ни учеными изслѣдованіями, ни высшими взглядами, входитъ въ утомительнѣйшія и безполезнѣйшія подробности о каждомъ предметѣ въ своей наукѣ, безъ всякаго соображенія съ назначеннымъ для прочтенія науки временемъ, и проволочивши едва четвертую часть ея во все это время, затѣмъ объ остальныхъ трехъ четвертахъ науки сообщаетъ одинъ конспектъ того, что бы онъ хотѣлъ прочесть, но отъ чего Творецъ неба и земли избавилъ его слушателей, сжалившись надъ ихъ страданіями и во время слушанія первой четверти науки. Бываютъ наконецъ и такіе профессоры, которые вовсе не хотятъ чи-

тать цѣлую систему своей науки, а читаютъ изъ нея, что имъ понравится, или чѣмъ они занимаются въ кабинетѣ для какихъ нибудь ученыхъ трудовъ. Одинъ, напримѣръ, весь курсъ читаетъ объ источникахъ русской исторіи, другой о крестовыхъ походахъ, третій — римскую исторію, и т. д. Ко всему этому, какъ необходимое поясненіе, мы должны присовокупить, что профессора не хотятъ примѣняться къ умственному развитію своихъ слушателей не всегда потому, чтобы ихъ увлекала къ себѣ глубь науки, равно какъ не всегда потому увлекаются учеными изслѣдованіями или высшими взглядами въ наукѣ, что разсмотрѣвъ всѣ пріемы преподаванія науки и понявъ истинную *суть* науки, признали наконецъ за лучшій способъ преподаванія тотъ, котораго они держатся... Совсѣмъ нѣтъ. А преподается наука часто такъ, а не иначе, потому, что самъ профессоръ изучаетъ только ее или что онъ эмпирически привыкъ къ такому, а не другому способу ея преподаванія, или что, просто сказать, иначе онъ не умѣетъ преподавать, а преподаетъ, какъ можетъ, по своимъ силамъ. Здѣсь, хотя и къ совершенному нашему прискорбію, мы не можемъ не сказать, что и мѣста профессоровъ занимаются у насъ не всегда людьми талантливыми... И здѣсь также бываетъ всяко, какъ и вездѣ....

Чтобы не наводить на читателя грусти кой-какими печальными подробностями объ умственномъ состояніи нашихъ высшихъ школъ, мы оставляемъ этотъ предметъ, а переходимъ къ практическому воспитанію, которое дается въ нашихъ школахъ.

Воспитаніе это идетъ рядомъ съ умственнымъ и начинается, какъ и послѣднее, съ раннихъ лѣтъ. Какую оно имѣетъ задачу, какія хочетъ развить свойства въ воспитанникахъ, — мы не будемъ говорить сами, а предоставляемъ читателю соображать самому. Мы сообщимъ только нѣкоторыя изъ нравственныхъ правилъ и совѣтовъ, которые мы нашли въ печати.

Вотъ эти правила и совѣты:

Для выраженія вниманія къ разговаривающему съ тобою, старайся смотрѣть на него прямо, только не въ самые глаза, и не оборачивайся отъ него всторону.

Если бы тебѣ пришлось слушать о томъ, что тебѣ извѣстно, то *изъ вниманія къ своему собесѣднику*, иногда покажи видъ, что ты этого не знаешь, и не мѣшай ему окончить разсказъ свой.

Въ обществѣ лицъ высшихъ себя, *не начинай разговора*, больше молчи и слушай, что они говорятъ. Если люди, высшіе тебя, *удо-*

стоиваютъ тебя принять участіе въ ихъ разговорѣ, то говори всегда съ почтеніемъ къ нимъ.

Съ высшими говори голосомъ не громкимъ, *нѣсколько тише*, чѣмъ они говорятъ, и никогда не оспоривай ихъ мнѣній, хотя бы они *были противны твоимъ убѣжденіямъ*. Въ твоей волѣ не соглашаться съ ними, но учить ихъ не твое дѣло; притомъ спорщики нетерпимы ни въ какомъ обществѣ.

Начальникамъ и наставникамъ своего и другихъ учебныхъ заведеній и *всѣмъ другимъ почетнымъ* лицамъ въ городѣ, всегда отдавай почтеніе искреннее съ любовію. При встрѣчѣ съ ними, обернувшись къ нимъ лицомъ, сними шапку и поклонись.

Избѣгай шумныхъ и многолюдныхъ улицъ; не ходи безъ особенной нужды по торговой площади, чтобы не наслушаться тебѣ нескромныхъ словъ и *не разстроить своего чистаго сердца*.

Если по необходимости придется тебѣ проходить по торжищу, или близь другихъ публичныхъ мѣстъ, то *ускори свою походку* въ сихъ мѣстахъ.

Встрѣтивъ въ обществѣ своего начальника, и здѣсь какъ и вездѣ, будь внимателенъ къ нему и почтителенъ. Если онъ начнетъ говорить съ тобою, слушай и отвѣчай ему стоя, пока онъ не позволитъ тебѣ сѣсть; точно также держи себя и передъ лицами *посторонними*, особенно почтенными по своему званію, по лѣтамъ и т. д.

Старайся быть ближе къ старцамъ и ласковѣй къ дѣтямъ. Это тебѣ и приличнѣе всего какъ юношѣ, и еще воспитаннику; и *черезъ это же ты скорѣе всего пріобрѣтешь доброе мнѣніе о себѣ* и отъ хозяевъ, и отъ всего общества, и удобнѣе сохранишь, среди мірскихъ соблазновъ, чистоту души своей.

Для выраженія своего почтенія къ воспитателямъ старайся быть вѣжливымъ предъ ними во всѣхъ отношеніяхъ. И не только къ нимъ самимъ будь внимателенъ, но и ко всему, что имѣетъ близкое къ нимъ отношеніе: *обращайся уважительно даже съ вещами*, имъ принадлежащими, напримѣръ съ книгами, получаемыми отъ нихъ для чтенія.

Когда придешь къ нальчальнику или наставнику, то какъ скоро онъ выйдетъ къ тебѣ, прилично поклонись ему. Если онъ священникъ, прими немедленно благословеніе и поцалуй его руку. Свои руки отпусти, ноги не отставляй; по сторонамъ не смотри, а смотри на его грудь, и въ глазахъ своихъ выражай къ нему любовь и довѣ-

ренность. Если онъ начнетъ говорить, слушай его со вниманіемъ; не пророни ни одного, сказаннаго имъ тебѣ слова; самъ говори *не громко, не дерзко, — нѣсколько потише его.*

Будь искрененъ и чистосердеченъ въ бесѣдѣ съ своими начальниками. Самъ не пересказывай имъ ничего дурнаго о своихъ товарищахъ; если же начальникъ спроситъ тебя о поступкѣ котораго нибудь твоего товарища, извѣстномъ тебѣ,—*разскажи все, какъ знаешь*, безъ своихъ мнѣній и заключеній.

Повѣряй доброму, благорасположенному къ тебѣ своему начальнику и свою душу, особенно когда нуждаешься въ совѣтѣ, вразумленіи, наставленіи. Не скрывай отъ него ничего: ему, какъ доброму своему отцу, нужно знать всѣ, даже и *дурныя качества* твои и *твоихъ товарищей*, чтобы, во время, принять нужныя мѣры къ вашему исправленію.

Безпрекословное повиновеніе волѣ начальства должно быть главнымъ правиломъ твоего поведенія.

Умѣй благодушно перенести выговоръ и даже наказаніе отъ начальника, даже если бы *ты и не былъ виноватъ въ проступкѣ*, въ которомъ обвиняютъ тебя, но не имѣешь возможности оправдаться. Вникни во все свое поведеніе: нѣтъ ли въ немъ чего либо такого, что скрылось отъ начальства и прошло безъ замѣчанія, и за что теперь правосудный Богъ наказываетъ тебя? Никому никогда не жалуйся, что съ тобою поступили въ этомъ случаѣ несправедливо; но послѣдующимъ добрымъ поведеніемъ докажи, что ты дѣйствительно можешь быть благонравнымъ. Замѣтивъ твое хорошее поведеніе, начальники тебя тогда особенно полюбятъ.

Будь миролюбивъ: еслибъ кто тебя изъ товарищей оскорбилъ, *не замѣчай обиды*; если обида нестерпима, то принеси жалобу начальству; впрочемъ, вмѣсто того, чтобы жаловаться, *согласнѣе съ твоимъ званіемъ простить обидѣвшему тебя* и во время вечерней молитвы помолиться за него Богу.

Удаляйся отъ сообщества съ дурными товарищами; впрочемъ ученикъ, отличный по успѣхамъ, можетъ по временамъ *приближать къ себѣ товарища* лѣниваго, съ тѣмъ, чтобы передать ему любовь къ исправности. Равно и благонравнѣйшій по поведенію, съ осторожностію, изрѣдка можетъ допускать къ себѣ товаращa разсѣяннаго, чтобы тотъ перенялъ отъ него добрыя правила. Многіе гибнутъ потому только, что бываютъ отдалены отъ хорошихъ примѣровъ.

Въ классѣ наблюдай всякое приличіе: не покрывай головы картузомъ, не ходи по столамъ, не производи шуму и крику бѣганьемъ;

не дѣлай и другихъ неприличныхъ поступковъ; *будь почтителенъ къ наставническому столу и креслу*, напримѣръ, если замѣтишь на нихъ пыль или соръ, сотри, и никогда не позволяй себѣ садиться на нихъ.

Не принимай участія въ играхъ съ ремесленниками, и вообще съ лицами, не *принадлежащими къ вашему обществу*, особенно въ играхъ, недозволенныхъ вашимъ начальствомъ, чтобъ не наслышаться отъ нихъ словъ, которыя не должны быть вами употребляемы, и не перенять отъ нихъ пріемовъ обращенія, которые вамъ неприличны.

Изъ этихъ немногихъ правилъ вы, благосклонный читатель, можете уже уразумѣть духъ той нравственности, того практическаго воспитанія, который дается намъ въ нашихъ школахъ. Пока мы бываемъ слишкомъ молоды, безгласны, безсильны, мы безпрекословно подчиняемся этому духу, или протестуемъ противъ него только внутренно, молча, пассивно. Воспитатели и наставники приходятъ въ восторгъ отъ нашего поведенія, въ полной увѣренности, что они вселили и утвердили въ насъ вполнѣ благонравный духъ. Жалкое заблужденіе! Репрессивными мѣрами можно подавить, испортить природу человѣка, но уничтожить ее нельзя. Приходитъ пора, наконецъ, когда мы начинаемъ чувствовать въ себѣ силу, достаточную для того, чтобы дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно, чтобы сопротивляться стороннему, внѣшнему насилію и стѣсненію. Мы стремимся тогда заявить нашу личность извѣстною дѣятельностію на той же аренѣ, на которой заявляютъ себя другіе, и съ тѣмъ же полноправіемъ, которымъ пользуются и другіе. Напоръ молодыхъ силъ, ихъ стремительность бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онѣ доселѣ были стѣснены, подавлены. Здѣсь-то и начинается то, что мы называемъ въ юношескомъ возрастѣ порою увлеченій. Безъ увлеченій ничья юность не проходитъ, исключая юности тѣхъ благонравныхъ юношей, которые имѣютъ запасъ духовныхъ силъ очень жалкій или которые преждевременно успѣли нравственно разрушить себя до апатіи и безчувственности ко всему. Существенное различіе между разнаго рода увлеченіями состоитъ въ ихъ направленіи или, лучше сказать, въ предметахъ, къ которымъ они стремятся. Въ то время, когда одни юноши проводятъ время молодости въ похожденіяхъ за цыганками, въ побитіи уличныхъ фонарей и тому подобныхъ рыцарскихъ подвигахъ, другіе употребляютъ свою молодую дѣятельность на служеніе интересамъ общественнымъ, на сколько то возможно для нихъ. Такое различіе въ направленіи увлеченій зависитъ отъ воспитанія. Чѣмъ правильнѣе было воспитаніе, тѣмъ легче исходныя силы находятъ сродную ихъ внутреннему настроенію дорогу

для дѣятельности полезной, — и наоборотъ: чѣмъ воспитаніе было болѣе неправильнымъ, ретрограднымъ, замкнутымъ, репрессивнымъ, тѣмъ болѣе неправильный исходъ получаютъ увлеченія. Молодая сила, не умѣя найти легальнаго пути для своихъ стремленій, бьетъ куда попало, бросается на первый предметъ, который привлекаетъ къ себѣ ея неопытное любопытство.

Вотъ почему мы приходимъ въ недоумѣніе, когда люди мыслящіе, испытавшіе сами на себѣ вредъ замкнутаго, репрессивнаго воспитанія, видѣвшіе гибель или неуспѣхи многихъ своихъ товарищей на пути жизни именно отъ этого воспитанія, становятся потомъ ревностными его поборниками, рекомендуя подобное воспитаніе, какъ идеалъ для образованія истинныхъ людей и гражданскихъ дѣятелей, къ очевидному смущенію тѣхъ, которые сами не проходили этого воспитанія, опытно не сознали вреда его и, само собою разумѣется, въ сужденіи о немъ должны основываться на авторитетѣ людей мыслящихъ. Есть педагоги, усиливающіеся между прочимъ доказать ту мысль, что воспитаніе должно совершаться въ четырехъ стѣнахъ учебныхъ заведеній, безъ всякихъ сношеній обучающихся съ обществомъ, что общество своимъ тлетворнымъ дыханіемъ заражаетъ голубиную невинность и чистоту питаемыхъ въ заведеніи птенцовъ; что дѣло науки тогда только пойдетъ блистательно, когда эти голубиныя сердца не будутъ ничего знать о дѣлахъ общественныхъ, и не будутъ выказывать никакихъ симпатій къ этимъ дѣламъ. Мысли эти такъ поражаютъ своею дикостію съ перваго взгляда, что простой здравый смыслъ, не забитый воспитаніемъ, тотчасъ отвернется отъ нихъ съ ужасомъ. Скажите, пожалуйста, можете ли вы пожелать, чтобы вашъ сынъ, видя оскорбляемаго или грабимаго на улицѣ человѣка безъ защиты, не принялъ въ немъ участія и не подалъ ему помощь, какую можетъ, потому только, что вашъ сынъ изучаетъ науку, а для занимающихся наукой мѣшаться въ дѣла общественныя неприлично? Пожелаете ли вы, чтобы вашъ сынъ, положимъ очень привязанный къ наукѣ, сидѣлъ хладнокровно за книгой, когда у сосѣда вашего горитъ домъ, или когда передъ его глазами тонутъ въ рѣкѣ десять или болѣе человѣкъ, требующихъ немедленной помощи? Нѣтъ; если вы честный человѣкъ, вы, конечно, не пожелаете этого. Вы скажете, что чортъ съ ней и съ наукой, если она старается задавить въ человѣкѣ человѣческія движенія. Мы думаемъ, читатель, совершенно согласно съ вами, и полагаемъ съ своей стороны, что воспитанники разныхъ заведеній въ послѣднюю, напримѣръ, крымскую войну, дѣлали очень хорошо, когда жертвовали послѣдними своими деньгами для севастопольскихъ героевъ, когда они по оди-

ночкѣ и цѣлыми классами изъявляли желаніе идти въ ряды воиновъ, чтобы защищать свое отечество. Но мы съ вами разсуждаемъ такъ, читатель, водясь единственно простымъ здравымъ смысломъ.

Газета «День», какъ не безъ основанія догадываются многіе, есть газета *юмористическая,* хотя этого и не было объявлено въ программѣ. Такая догадка представляется намъ не неосновательною потому, что нѣтъ ни одного почти № «Дня», въ которомъ объ одномъ и томъ же предметѣ не высказывалось бы двухъ мнѣній совершенно противоположныхъ, даже противорѣчащихъ. Иногда такія противорѣчащія мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ сообщаются авторомъ какъ его коренныя, задушевныя мнѣнія въ одной и той же статьѣ. Надобно думать, что въ такихъ случаяхъ которое нибудь изъ мнѣній выдается за истинное *юмористически.* Но юморъ «Дня» такой тонкій и такъ искусно обыкновенно бываетъ замаскированъ, что до толку не добьешься нигдѣ. Такъ точно случилось съ нами и въ данномъ мѣстѣ, о которомъ мы хотимъ вести рѣчь. — Вотъ, не угодно ли прислушаться.

«Что такое, напримѣръ, наше молодое, учащееся племя?» говоритъ г. Аксаковъ. «Вѣдь это наши братья и сыновья, это русское молодое поколѣніе, выросшее на нашей же почвѣ, при воздѣйствіи извѣстныхъ историческихъ и соціальныхъ условій; это выводъ изъ нашей же исторической и общественной жизни, это плоды посѣянныхъ нами же и нашими отцами сѣмянъ.» (*Доселѣ все ничего, хорошо идетъ, хотя и длинненько немного.*) «Все это народъ молодой, и еще очень молодой, увлекающійся и легко увлекаемый, горячія головы и, вѣроятно, горячія сердца, мягкія и доступныя всякому искреннему, отъ души идущему, *человѣческому* слову.» (*Ну, что жь, и это хорошо; вѣрно.*) «Въ нихъ, разумѣется, при неразвитости воли, менѣе сдерживается то, что разумно сдерживается людьми взрослыми; все переходитъ черезъ край и спѣшитъ воплотиться въ живую, нерѣдко безобразную форму, спѣшитъ разрѣшить противорѣчія жизни, съ которыми мы уже сжились и свыклись.» (*Ничего и здѣсь; фактъ по крайней мѣрѣ вполнѣ вѣренъ.*) «Человѣкъ часто бываетъ неправъ въ данномъ случаѣ, но можетъ быть правъ въ первоначальныхъ своихъ побужденіяхъ....»

Изъ этихъ словъ г. Аксакова читатель можетъ подумать, что онъ вполнѣ согласенъ съ нами. Онъ допускаетъ, что народъ молодой не можетъ не увлекаться, имѣя горячія головы и горячія сердца, что у него нѣтъ той *разумной сдержанности,* которою владѣемъ мы; что онъ, по естественному нормальному состоянію, свойственному его

лѣтамъ, спѣшитъ разрѣшить противорѣчія жизни, *съ которыми мы уже сжились и свыклись*; что поэтому самому, въ случаѣ увлеченій, можно обвинять его *въ данномъ случаѣ извѣстнаго увлеченія*, но никакъ не *въ первоначальныхъ побужденіяхъ*.

Судя по этому, г. Аксаковъ, согласно съ нами, долженъ бы былъ думать и о томъ, что для *предупрежденія данныхъ случаевъ увлеченія* надобно дать правильное направленіе *первоначальнымъ побужденіямъ*, чтобы они не спѣшили *воплощаться въ безобразныя формы, не переходили черезъ край*, а устремлялись бы въ такія колеи жизненной дѣятельности, гдѣ, не сокращаясь въ своей силѣ и стремительности, дѣйствовали между тѣмъ на общество благотворно; что поэтому, уча людей наукѣ, не должно отдѣлять ихъ отъ жизни и общества, гдѣ они должны будутъ дѣйствовать, а, напротивъ, сколько возможно болѣе знакомить съ будущею ареною ихъ дѣйствій и предварительно пріучать воспитываемыхъ къ полезной дѣятельности на этой аренѣ.

У г. Аксакова, къ нашему удивленію, заключеніе выходитъ совсѣмъ не то. Онъ думаетъ, напротивъ, что для того, чтобы спасти людей отъ увлеченій на жизненномъ поприщѣ, надобно крѣпко запереть ихъ въ школахъ, и пока они учатся, не давать имъ и понюхать дѣятельности общественной, и аргументируетъ эту мысль такимъ оригинальнымъ способомъ: «на крестьянскія сходки не допускаются крестьяне, которые еще не несутъ тягла» (*Скажите, пожалуйста! Но вѣдь крестьянская сходка есть своего рода парламентъ, въ который также не допускаются не несущіе извѣстнаго тягла!*). «Вы также, вы не имѣете еще правъ гражданскихъ, а слѣдовательно и голоса въ дѣлахъ общественныхъ.» (*Какихъ правъ? Во-первыхъ, нѣтъ ни одного члена общества, который бы не имѣлъ правъ гражданскихъ; такое представленіе вовсе немыслимо; во-вторыхъ, и полныя гражданскія права у насъ зависятъ отъ совершеннолѣтія, а не отъ ученія; учащіеся бываютъ и въ 40 лѣтъ,— ужели и имъ надобно отказать въ правахъ за то, что они учатся?*) «Съ какою цѣлію вы поступаете въ *университетъ*? Съ единственною цѣлію учиться; другой цѣли, другой заботы, другой дѣятельности у васъ и быть не можетъ, и быть не должно». (*Какая великолѣпная галиматья! Что значитъ хлопотать объ однѣхъ бойкихъ фразахъ, не заботясь ни о мысли, ни объ истинѣ! — Ну, а у меня мать бѣдная старуха, братья мальчики, которыхъ я долженъ содержать своимъ трудомъ! Что жь, мнѣ бросить ихъ, не заботиться о нихъ, когда я могу отъ ученья удѣлять нѣсколько часовъ, чтобы добыть имъ пропитаніе? Да, быть можетъ, я и самъ могу учиться подъ тѣмъ условіемъ, что буду служить дворникомъ, или конторщикомъ, или управляющимъ*, и т. д.)

Далѣе слѣдуетъ такой же пустой наборъ фразъ, въ которыхъ ни истины, ни мысли, и въ довершеніе всего этого, послѣдующія фразы стоятъ въ совершенномъ противорѣчіи съ предыдущими, что впрочемъ, въ такъ-называемыхъ передовыхъ статьяхъ «Дня» вещь самая обыкновенная. Мы оставляемъ безъ разбора всю эту ерунду. Quiescat in pace!

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

ПО ПОВОДУ
ПОХОРОНЪ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Слишкомъ тринадцать лѣтъ назадъ тому, 29 мая 1848 года, по Лиговкѣ къ Волкову кладбищу тянулась бѣдная и печальная процессія, не обращавшая на себя особеннаго вниманія встрѣчныхъ. За гробомъ шло человѣкъ двадцать пріятелей умершаго, а за ними, какъ это обыкновенно водится на всякагорода похоронахъ, тащились двѣ извощичьи четвероместныя колымаги, запряженныя клячами.... Это были литературныя похороны, не почтенныя впрочемъ ни одной литературной и ученой знаменитостью. Даже ни одна редакція журнала (за исключеніемъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» и только-что возникшаго «Современника») не сочла необходимымъ отдать послѣдній долгъ своему собрату, который честно всю жизнь отстаивалъ независимость слова и мысли, всю жизнь энергически боролся съ невѣжествомъ и ложью.... Изъ числа двадцати, провожавшихъ этотъ гробъ, собственно литераторовъ было, можетъ быть, не болѣе пяти-шести человѣкъ,—остальные принадлежали къ людямъ простымъ, не пользовавшимся никакою извѣстностію, но близкими покойному.... Ни одного посторонняго человѣка добровольно не было на этихъ похоронахъ, только два или три какіе-то неизвѣстные появлялись и на пути къ кладбищу, и въ церкви при отпѣваніи, и на могилѣ при опусканіи гроба. Чего хотѣли они, чѣмъ могли возбудить ихъ любопытство эти бѣдныя похороны?...

Когда покойника отпѣли, друзья снесли гробъ его на своихъ пле-

чахъ до могилы, которая уже до половины была наполнена водою, опустили гробъ въ воду, бросили въ него, по обычаю, горсть земли и разошлись молча, не произнеся ни единаго слова надъ этимъ дорогимъ для нихъ гробомъ.

Послѣ возвращенія съ кладбища, начались разсужденія о памятникѣ, о необходимости обезпечить семейство покойнаго, и такъ далѣе,—открылась подписка.... Всѣ говорили такъ горячо, у всѣхъ голоса дрожали, у всѣхъ были слезы на глазахъ! Казалось, въ эту минуту, всѣ готовы были пожертвовать для этого половиной своего состоянія, или отдать половину своихъ трудовыхъ денегъ.... И во всемъ этомъ было столько искренности!

Но мы обыкновенно вспыхиваемъ такъ же легко и быстро, какъ легко и быстро охлаждаемся (здѣсь я разумѣю ужь не однихъ друзей покойнаго, а вообще всѣхъ русскихъ людей)...

Мы, друзья его, еще не успѣли сносить обувь, въ которой шли за его гробомъ (я былъ также изъ числа двадцати) человѣка, поддерживавшаго между нами разумную связь и осмыслившаго наше существованіе, какъ нашъ энтузіазмъ къ его памяти уже совершенно остылъ и мы потеряли даже слѣдъ къ его могилѣ....

Шли годы. Сбившись съ прямаго пути, погружаясь болѣе и болѣе въ изящную пустоту жизни, путаясь въ частныхъ и личныхъ мелочахъ, поддерживая однако въ-тихомолку свои авторитетики дружбою съ Бѣлинскимъ, имя котораго мы не рѣшались произносить громко, — мы и не замѣтили, какъ подошло къ намъ новое литературное поколѣніе съ горячею вѣрою въ будущее, которую мы давно утратили, съ твердыми убѣжденіями и съ смѣлымъ словомъ. Оно во всеуслышаніе произнесло имя Бѣлинскаго, которое въ теченіе слишкомъ семи лѣтъ не упоминалось въ литературѣ.

При этомъ, мы, немного смущенные и даже нѣсколько оскорбленные тѣмъ, что насъ предупредили люди посторонніе, также закричали: «Да, Бѣлинскій! Бѣлинскій!» и начали объяснять наши дружескія связи съ покойнымъ, намекать на нашу близость съ нимъ, чувствуя, что только этими намеками мы еще можемъ нѣсколько поддержать себя въ общественномъ мнѣніи. Затѣмъ множество почтенныхъ господъ профессоровъ и академиковъ,—которые при жизни Бѣлинскаго едва подозрѣвали о его существованіи, или зная его, избѣгали съ нимъ встрѣчи, приходили въ ужасъ отъ его статей и въ угоду тогдашнимъ литературнымъ знаменитостямъ отзывались объ немъ съ презрѣніемъ, — стали теперь упоминать о немъ съ весьма лестною для памяти покойнаго похвалою и даже какъ будто съ нѣкоторымъ чувствомъ. Эти господа, вооружась именемъ Бѣлинскаго (бѣдный Бѣлинскій!), его авторитетомъ пробовали было пре-

слѣдовать молодое, ненавистное для нихъ, поколѣніе.... «Куда вы идете?» кричали они: «что вы дѣлаете? Никогда Бѣлинскій не допустилъ бы того и того»; или: «если бы Бѣлинскій всталъ изъ гроба, онъ бы отвергнулъ съ негодованіемъ то и то»—и такъ далѣе.

Бѣлинскій пошелъ снова въ ходъ. Онъ пріобрѣлъ такихъ друзей и поклонниковъ черезъ десять лѣтъ послѣ своей смерти, отъ которыхъ бѣжалъ бы со страхомъ и негодованіемъ при жизни... Сочиненія его начали печататься въ Москвѣ и разошлись въ такомъ количествѣ, что можетъ быть скоро потребуется второе изданіе; имя его начало безпрестанно появляться во всѣхъ газетахъ и журналахъ; новая редакція «Сѣверной Пчелы» сочла долгомъ объявить, что она вовсе не раздѣляетъ мнѣнія о Бѣлинскомъ прежней редакціи и питаетъ къ нему большое уваженіе, какъ къ критику... Одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ писателей на своихъ изящныхъ лекціяхъ о литературѣ, читанныхъ для самаго избраннаго великосвѣтскаго общества, въ присутствіи старыхъ литературныхъ знаменитостей, совершилъ изумительный подвигъ, поставивъ имя Бѣлинскаго на ряду съ именами Пушкина и Гоголя!!.. Объ этомъ говорилъ нѣкогда весь городъ....

Даже могила Бѣлинскаго была отыскана, и къ изумленію друзей его, на этой могилѣ оказалась плита и камень съ надписью: «Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, скончался 26 мая 1848 года». Два года тому назадъ жена и дочь Бѣлинскаго, проѣздомъ черезъ Петербургъ, нашли на его могилѣ свѣжіе вѣнки и цвѣтки.... Кѣмъ положенъ этотъ камень? Кто украшаетъ эту могилу цвѣтами?...

По крайней мѣрѣ, мы, друзья Бѣлинскаго, не можемъ дать на это отвѣта....

Черезъ тринадцать лѣтъ, насъ привелъ къ его могилѣ Добролюбовъ. Сколько совершилось въ эти 13 лѣтъ — отъ смерти Бѣлинскаго до смерти Добролюбова! И какая разница между поколѣніемъ Бѣлинскаго и новымъ поколѣніемъ, современнымъ Добролюбову!

Бѣлинскій выступилъ на литературное поприще болѣе смѣлымъ и рьянымъ, чѣмъ приготовленнымъ къ дѣлу бойцомъ. Энергическій, талантливый, пылкій, увлекающійся, путающійся въ философскихъ теоріяхъ, которыя передавались ему его друзьями, онъ долго боролся съ собою: то съ ожесточеніемъ разбивалъ авторитеты, то съ торжественностію возносилъ ихъ до небесъ и пѣлъ имъ почти гимны. Онъ мучительно отыскивалъ истину, терзался отъ своихъ внутреннихъ противорѣчій, безпрестанно увлекался, сбивался съ пути, и приходилъ въ отчаяніе.... Только года за четыре до своей смерти, онъ высвободился отъ всѣхъ постороннихъ вліяній, и сталъ на болѣе твердую почву. Бѣлинскій съ начала тридцатыхъ

до конца сороковыхъ годовъ подвизался на литературномъ поприщѣ: въ «Молвѣ», въ «Телескопѣ», въ «Московскомъ Наблюдателѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Современникѣ»....

Съ самаго вступленія на литературное поприще онъ является окруженный друзьями, которые развиваютъ его, поддерживаютъ его и распространяютъ его извѣстность; онъ вскорѣ самъ дѣлается представителемъ кружка.... Бѣлинскій высказываетъ все, что дано ему было высказать, и сходитъ въ могилу, конечно преждевременно, но почти уже совершивъ свое назначеніе. Онъ былъ полнымъ отголоскомъ своего поколѣнія, серьезно начинавшаго сознавать грубость и пошлость среды его окружавшей, того поколѣнія, которое ощутило дѣйствительную потребность лучшей, высшей жизни и стремилось къ ней съ юношескою горячностью, страстно, тревожно, но ощупью,—то расплываясь въ романтизмѣ, то ища точки опоры въ нѣмецкой философіи, то увлекаясь соціальными идеями Леру и Жоржъ-Санда; того поколѣнія, которое произвело «Лишнихъ людей», Лаврецкихъ, Пасынковыхъ, Рудиныхъ и иныхъ; того поколѣнія, которое было исполнено благородныхъ, но не совсѣмъ опредѣленныхъ порыванiй, стремленій и увлеченій,—*безконечныхъ увлеченій* и вспышекъ; которое иногда впадало въ ложный, искуственный лиризмъ и нерѣдко смѣшивало фразы съ дѣломъ....

Литературная дѣятельность Добролюбова, явившаяся черезъ десять лѣтъ послѣ Бѣлинскаго,—эта дѣятельность едва успѣвшая проявиться, тѣмъ не менѣе однако указываетъ очень рѣзко на то, какъ ушло впередъ новое поколѣніе отъ поколѣнія Бѣлинскаго....

Добролюбовъ окончилъ курсъ въ бывшемъ Педагогическомъ институтѣ въ 1857 году. Онъ началъ принимать участіе въ критическихъ отдѣлахъ журналовъ еще будучи въ институтѣ, и одна изъ его библіографическихъ статей, относящихся къ этому времени, напечатанная въ «Современникѣ», обратила на себя всеобщее вниманіе своимъ здравымъ взглядомъ и ѣдкою иронiею. Статья эта надѣлала шумъ. Она была прочтена всѣми. «Какая умная и ловкая статья!» восклицали люди, никогда не обращающіе никакого вниманія на литературу.... «Скажите, кто писалъ эту статью?» слышались безпрестанные вопросы.

Умъ и блестящія способности Добролюбова не могли не обратить на него особеннаго вниманія лучшихъ изъ его профессоровъ; и я помню, что на вечерѣ у князя Щ*, который былъ въ то время попечителемъ петербургскаго округа, цѣлый вечеръ шли толки о Добролюбовѣ и о томъ, какія блестящія надежды подаетъ онъ.

— Жаль только одно, замѣтилъ кто-то: — онъ навѣрно не вступитъ въ службу... Журналисты тотчасъ запутаютъ его въ свои сѣти, и онъ весь отдастся литературѣ...

Многіе ученые присоединились къ этому голосу, и съ своей стороны изъявили также сожалѣніе.

Вышло дѣйствительно такъ. Добролюбовъ по выходѣ изъ института весь отдался литературѣ. Да и могло ли быть иначе?... У него была глубокая, истинная, непреодолимая потребность высказаться посредствомъ литературы; онъ глубоко чувствовалъ и сознавалъ свое призваніе. Журналистамъ нечего было ловить его въ свои сѣти, заманивать его: онъ самъ твердо и сознательно вошелъ въ литературу, какъ власть имѣющій. И съ перваго же раза занялъ въ ней видное мѣсто.

Не уступая нисколько Бѣлинскому въ литературномъ талантѣ, Добролюбовъ имѣлъ уже преимущество передъ нимъ въ томъ, что получилъ основаніе несравненно болѣе прочное и твердое; онъ съ перваго шагу сталъ на прямой путь, вполнѣ сознавая, куда онъ ведетъ, и пошелъ по немъ ровнымъ и твердымъ шагомъ, не уклоняясь въ стороны, не увлекаясь, не впадая въ юношескій паѳосъ, не подчиняясь и не кланяясь литературнымъ авторитетамъ и не дѣлая имъ ни малѣйшихъ уступокъ. Никто такъ глубоко и вѣрно, просто и здраво не смотрѣлъ на явленія русской жизни и на послѣднія произведенія русской литературы; никто такъ горячо не сочувствовалъ нашимъ насущнымъ общественнымъ потребностямъ... Въ его статьяхъ проглядывала та мощь, та внутренняя, сосредоточенная сила, которая обнаруживала въ немъ будущаго великаго двигателя; его статьи были проникнуты глубокою любовью къ человѣку, самымъ горячимъ участіемъ къ нашимъ низшимъ братьямъ и самымъ искреннимъ и здравымъ патріотизмомъ.... Онѣ, несмотря на срочность и быстроту журнальной работы, развивались стройно, съ изумительною логическою послѣдовательностію, съ какимъ-то внѣшнимъ спокойствіемъ, подъ которымъ однако слышалось біеніе горячаго, любящаго сердца и изъ-подъ котораго проглядывалъ горькій юморъ человѣка, оскорбляемаго всякою ложью, лицемѣріемъ и пошлостію... Въ статьяхъ его не было и тѣни той внѣшней горячности, которая выражается обыкновенно въ такъ-называемыхъ *лирическихъ выходкахъ и отступленіяхъ*, которыя нашимъ поколѣніемъ цѣнились нѣкогда очень высоко, но въ настоящее время уже потеряли всякое значеніе и сдѣлались болѣе смѣшными, чѣмъ трогательными. Такія статьи, какъ *Темное Царство* и *Забитые Люди*, я думаю, достаточно подтверждаютъ сказанное. Въ одномъ изъ некрологовъ Добролюбова очень справедливо сказано, что его девизомъ и предсмертнымъ завѣщаніемъ своимъ близкимъ собратамъ по труду было: «меньше словъ и больше дѣла».

Дѣятельность Добролюбова была коротка (всего только четыре

съ половиною года), но она была изумительно плодотворна.... Имя его не забудетъ исторія русской литературы!

Добролюбовъ вступилъ на литературное поприще одинокій, безъ всякихъ руководителей и покровителей (его гордой и сильной душѣ противно было меценатство), весь сосредоточенный въ самомъ себѣ въ 22 года и при всей мягкости своихъ манеръ, если не холодный по наружности, то по крайней мѣрѣ очень осторожный и сдержанный... Онъ едва очистилъ себѣ дорогу и проложилъ себѣ самостоятельный путь для дѣйствія, какъ смерть вдругъ прерываетъ его — на недоговоренномъ словѣ... но несмотря на это, онъ оставляетъ по себѣ въ русской критикѣ почти такой же глубокій слѣдъ, какой оставилъ Бѣлинскій послѣ 14-лѣтней неутомимой дѣятельности.... Чего нельзя было ожидать отъ такой духовной силы!

Да! сила его дѣйствительно была велика. Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ по стойкости, твердости и благородству изъ всѣхъ литературныхъ дѣятелей послѣдняго двадцатипятилѣтія.... Слово и дѣло никогда не противорѣчило въ немъ, и никогда въ своихъ поступкахъ онъ не допускалъ ни малѣйшаго, самаго невиннаго уклоненія отъ своихъ убѣжденій. Другаго, болѣе строгаго къ самому себѣ человѣка въ его лѣта трудно встрѣтить....

На многихъ изъ нашего поколѣнія,—людей впрочемъ очень замѣчательныхъ и даровитыхъ,—Добролюбовъ своею сдержанностію, сосредоточенностію и наружнымъ спокойствіемъ, которыя нерѣдко смѣшиваются съ холодностію и безсердечіемъ, производилъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Извѣстно, что наше поколѣніе попреимуществу обладало восторженностію, лиризмомъ и увлеченіемъ, и безпрестанно слова и фразы принимало за дѣло. Если какой нибудь малоизвѣстный намъ господинъ говорилъ, напримѣръ, при насъ, сверкая глазами и ударяя себя въ грудь, что онъ ставитъ выше всего на свѣтѣ человѣческое достоинство и готовъ жизнію пожертвовать за личную независимость, или что нибудь въ родѣ этого, — мы тотчасъ же бросались къ нему въ объятія, прижимали его, съ слезой въ глазу, къ нашему біющемуся сердцу, и восторженно, немного нараспѣвъ, восклицали: «Вы нашъ! О, вы нашъ!» и закрѣпляли союзъ съ нимъ прекраснымъ обѣдомъ съ шампанскимъ и *брудершафтомъ*. Если появлялся молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ талантомъ и притомъ съ изящными манерами (что соединяется весьма рѣдко въ одномъ лицѣ), мы немедля приближали его къ себѣ, кричали всѣмъ встрѣчнымъ: «какой талантъ появился! Чудо! чудо! Какая художественная сила, какой художественный тактъ!» и такъ далѣе,—давали ему утонченные обѣды, предлагали въ честь его тосты, и валялись съ нимъ по диванамъ цѣлые вечера, толкуя —

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви....

А молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ талантомъ (который срѣзывался обыкновенно на второмъ произведеніи) говорилъ про насъ: «Что за люди! Какъ они глубоко понимаютъ искусство! Какимъ благороднымъ энтузіазмомъ бьются сердца ихъ!»

Всякая бездѣлица приводила насъ въ восторженное состояніе, погружала въ лирическій экстазъ. Мы все привыкли страшно преувеличивать, на старости лѣтъ пускались даже въ романтизмъ, начали вздыхать и разнѣживаться, не хуже нашихъ сантиментальныхъ дѣдовъ временъ «Бѣдной Лизы», и, какъ институтки, стали симпатизировать только тѣмъ, которые, подобно намъ, свой внутренній жаръ, или, вѣрнѣе, отсутствіе всякаго внутренняго жара, обнаруживали восторженными внѣшними знаками и фразами.

Все это, конечно, было бы довольно забавно, если бы не было такъ грустно, особенно при мысли, что мы принадлежали нѣкогда къ кружку Бѣлинскаго, называли себя его учениками и, слѣдовательно, были нѣкогда на сторонѣ здравыхъ и свѣжихъ убѣжденій!

Замѣчая при томъ, что новое поколѣніе начинаетъ довольно зло подсмѣиваться надъ нашею изнѣженностію, разслабленностію, надъ нашими романтическими выходками и лирическими возгласами, что оно начинаетъ слишкомъ уже выдвигаться впередъ, во вредъ намъ, и прокладываетъ себѣ новый, болѣе строгій и болѣе прочный путь, — мы, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ насъ, ожесточились противъ новаго поколѣнія вообще и въ особенности противъ самыхъ яркихъ его представителей. Наше негодованіе должно было прежде всего, конечно, пасть на Добролюбова. Мы всѣ, или, пожалуй, нѣкоторые изъ насъ, за давностію лѣтъ, или по дѣйствительнымъ заслугамъ, оказаннымъ нами нѣкогда въ *дни нашей свѣжести*, — пріобрѣли авторитеты и кое-какіе авторитетики. Намъ, безъ сомнѣнія, было бы очень пріятно, если бы одинъ изъ представителей молодаго поколѣнія обнаружилъ передъ нами такое благоговѣніе, какое мы обнаруживали въ нашей молодости передъ тогдашними авторитетами, и хоть для виду совѣтовался бы съ нами, выслушивалъ бы наши замѣчанія, и такъ далѣе. А Добролюбовъ не только не оказывалъ намъ никакого вниманія, даже просто не хотѣлъ замѣчать насъ, не изъявлялъ желанія быть намъ представленнымъ и отзывался о нашихъ твореніяхъ такъ, какъ о самыхъ обыкновенныхъ, безъавторитетныхъ произведеніяхъ. Скажите, не оскорбительно ли это? Положимъ, что учитель нашъ Бѣлинскій громилъ также авторитеты, но вѣдь авторитеты тогдашняго времени держали себя совершенно недоступно относительно молодаго поколѣнія.... Тѣ изъ нихъ, которые знали о существованіи Бѣлин-

скаго, смотрѣли на него, какъ орлы на червя,—а мы—такъ ли вели себя *мы* относительно новаго поколѣнія?... Боже мой! да не мы ли *первые* протянули къ нему свои объятія, не мы ли первые встрѣтили его и привѣтствовали съ лирическимъ восторгомъ, и—что же?...

Но тутъ мы,—или, что все равно, нѣкоторые изъ насъ,—рѣшили, что новое поколѣніе, несмотря на свой дѣйствительно замѣчательный умъ и свѣдѣнія, поколѣніе сухое, холодное, черствое, безсердечное, все отрицающее, вдавшееся въ ужасную доктрину—въ *нигилизмъ*!... Нигилисты! Если мы не рѣшились заклеймить этимъ страшнымъ именемъ все поколѣніе, то по крайней мѣрѣ увѣрили себя, что Добролюбовъ принадлежалъ къ нигилистамъ изъ нигилистовъ.

— Господа! (я обращаюсь къ тѣмъ, которые хотя одну минуту почему бы то ни было могли впасть въ такое странное заблужденіе) прочтите внимательно все, что написано Добролюбовымъ, отъ первой библіографической статейки его въ «Современникѣ» 1857 г. до «Забитыхъ Людей» включительно (чтеніе это не утомитъ васъ), и сознайтесь, что тотъ, кто написалъ это, имѣлъ сердце горячее, любящее, благородное, проникнутое искреннею любовію къ человѣчеству, несокрушимой вѣрой въ его совершенствованіе,—сердце, мучительно страдавшее отъ всякой лжи, неправды и гнета.... Будьте откровенны, сознайтесь,—вы до сихъ поръ не читали ни одной статьи его, а такъ только аристократически перелистывали нѣкоторыя изъ нихъ, и составили о Добролюбовѣ понятія по отрывочнымъ слухамъ и толкамъ. Я увѣренъ, что серьезно перечитавъ его, вы искренно раскаетесь въ вашемъ опрометчивомъ объ немъ мнѣніи (у васъ сердце доброе, врожденное чувство справедливости еще не заглушено въ васъ), примиритесь съ нимъ внутренно, можетъ быть даже почувствуете симпатію къ его памяти и пойдете поклониться его праху.... Оно же и кстати: рядомъ съ нимъ лежитъ вашъ другъ и учитель — Бѣлинскій, на могилѣ котораго вы такъ давно не были!...

.... Я увидѣлъ въ первый разъ Добролюбова въ 1855 г., но познакомился съ нимъ уже позже, когда онъ сдѣлался постояннымъ членомъ редакціи «Современника», передъ окончаніемъ своего курса. Мнѣ всегда казалось, что въ немъ духовная сила преобладала надъ физической, что его мощный духъ заключенъ былъ въ слишкомъ слабомъ тѣлѣ. Онъ всегда имѣлъ видъ болѣзненный, нѣсколько утомленный. Неизлечимая хроническая болѣзнь, сокрушившая его, начинала, кажется, уже тогда зарождаться въ немъ. Усиленный трудъ въ институтѣ, усиленный трудъ послѣ выпуска, обращающійся обыкновенно въ потребность у всѣхъ людей, слишкомъ жаждущихъ знанія и слишкомъ стремящихся къ совершенствованію, тяжкая борьба съ гнетущею средою, — все это вмѣстѣ развивало въ немъ болѣзнь и быстро вело его къ ранней могилѣ....

Послѣ четырехлѣтней неутомимой и лихорадочной журнальной дѣятельности, онъ почувствовалъ истощеніе силъ и, по совѣту докторовъ, отправился за границу. За границей онъ пробылъ болѣе года, и возвратился въ Петербургъ въ половинѣ сентября этого года.

— Что, какъ вы находите меня? Поправился ли я? спросилъ онъ меня при первой нашей встрѣчѣ.

— Да, очень, отвѣчалъ я.

А между тѣмъ на блѣдномъ и вытянувшемся лицѣ его, обросшемъ бородою, выражалось крайнее истощеніе силъ, предвѣщавшее близящуюся смерть.

Изъ-за границы онъ привезъ много книгъ, изъ чего можно было замѣтить, что онъ приготовлялся къ труду, еще болѣе усидчивому и серьезному.

За мѣсяцъ до смерти онъ сказалъ своему брату-гимназисту: «Мнѣ теперь надо сильно работать, чтобы раздѣлаться съ моими долгами». Надобно замѣтить, что Добролюбовъ въ послѣднее время много помогалъ своему семейству, и опредѣлилъ двухъ братьевъ своихъ въ 3-ю петербургскую гимназію. Отецъ его, выстроившій передъ своею смертію трехъ-этажный домъ въ Нижнемъ Новгородѣ (о которомъ, по поводу смерти Добролюбова, упомянуто было въ одной газетѣ), очень запуталъ дѣла свои, именно по случаю этой постройки, и оставилъ послѣ себя долги.

Здоровье Добролюбова послѣ возвращенія его изъ-заграницы съ каждымъ днемъ становилось хуже. Борясь съ физическими и нравственными муками, подавляемый самыми тяжелыми и безотрадными впечатлѣніями, онъ принялся однако за свой обычный журнальный трудъ, и уже съ смертію въ груди, ослабѣвшей рукой дописывалъ послѣднія строки своей статьи по поводу г. Достоевскаго: «Забитые Люди». Доктора объявили въ это время его близкимъ, что никакой, самый малѣйшій трудъ невозможенъ для него, что ему необходимо совершенное спокойствіе физическое и нравственное (возможно ли было для него послѣднее—доказываетъ его раздирающій душу Дневникъ) и что дни его уже сочтены.

Добролюбовъ однажды утромъ кое-какъ добрелъ до Некрасова и уже не могъ возвратиться домой. Онъ пробылъ у Некрасова недѣли двѣ, и за недѣлю до смерти пожелалъ, чтобы его перенесли домой.

Съ этой минуты онъ не вставалъ съ постели и ослабѣвалъ съ каждымъ часомъ; страданія его усиливались: онъ не спалъ ночи напролетъ, метался, просилъ безпрестанно, чтобы его переворачивали и перекладывали:—въ послѣдніе дни онъ не могъ пошевельнутся самъ и говорилъ едва слышно; это была мучительная и долгая агонія. Онъ сознавалъ близость и неизбѣжность смерти.

Добролюбовъ скончался 17 ноября.

Друзья покойнаго объявили въ газетахъ о его смерти и о выносѣ его тѣла, и въ то же время озаботились, чтобы Добролюбовъ былъ положенъ рядомъ съ Бѣлинскимъ.

На похороны, 20 ноября, сошлось человѣкъ до двухъ сотъ,—въ числѣ которыхъ были профессоры университета, журналисты и извѣстные литераторы, за исключеніемъ весьма немногихъ. Гробъ несенъ былъ на рукахъ отъ квартиры покойнаго (на Литейной улицѣ) до самаго Волкова кладбища.

Надъ гробомъ Добролюбова и надъ его могилой произнесено было нѣсколько горькихъ и задушевныхъ словъ его друзьями и посторонними лицами и прочтены были отрывки изъ его дневника....

Какая разница между похоронами Бѣлинскаго и Добролюбова!

Отрывки изъ дневника Добролюбова яснѣе и краснорѣчивѣе всякихъ словъ объясняютъ, что люди съ такимъ энергическимъ стремленіемъ къ добру и правдѣ, какимъ былъ движимъ Добролюбовъ, должны чувствовать вдвое сильнѣе тѣ страшныя пытки и страданія, которыя суждено испытывать вообще всѣмъ мыслящимъ людямъ. Ни Бѣлинскій, ни Добролюбовъ вслѣдствіе этого не могли жить долго. Бѣлинскій умеръ тридцати пяти лѣтъ, Добролюбовъ двадцати шести!

Да и вообще, какъ извѣстно, всѣмъ даровитымъ русскимъ людямъ не живется что-то....

Церковный обрядъ былъ конченъ, слова и рѣчи смолкли, послѣдняя горсть земли брошена въ могилу, всѣ разошлись тоскливо, съ тяжелою думою....

Смерть соединила Добролюбова съ Бѣлинскимъ. Возлѣ благороднѣйшаго литературнаго дѣятеля нашего поколѣнія, легъ благороднѣйшій и талантливѣйшій литературный дѣятель новаго поколѣнія. Бѣлинскій дождался достойнаго гостя....

Новое поколѣніе будетъ, конечно, благодарнѣе и памятливѣе нашего — и не заростетъ тропа къ этимъ могиламъ.

Миръ вашему праху, наши братья по мысли и убѣжденію!........

. . . .

Въ этотъ разъ читатель уволитъ меня отъ сообщенія ему новостей петербургской жизни.

о.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПЕРЕМѢНЫ?

(**Разсказы.** *Н. В. Успенскаго.* Двѣ части. Спб. 1861 г.).

Чѣмъ г. Успенскій привлекъ вниманіе публики, за что онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ ея? — До сихъ поръ онъ писалъ только такіе крошечные разсказы, въ которыхъ не могло помѣститься ни одно изъ качествъ, обыкновенно составляющихъ репутацію хорошихъ беллетристовъ. Начать съ того, что ни въ одной его статейкѣ нѣтъ сказочнаго интереса; да и какъ въ нихъ быть ему, когда изъ 24 очерковъ, собранныхъ теперь въ отдѣльномъ изданіи, не меньше какъ двадцать разсказовъ какъ будто бы не имѣютъ даже никакого сюжета. Только въ четырехъ можно отыскать что нибудь похожее на повѣсть,—да и то, какую повѣсть? — самую незамысловатую и почти всегда недосказанную. «Старуха» разсказываетъ, какъ попали въ солдаты два ея сына; объ одномъ, еще такъ-себѣ, сказываетъ она по порядку, а объ другомъ не удалось ей поговорить, потому что уснулъ купецъ, слушавшій ее, и принесла хозяйка постоялаго двора бѣдной старушонкѣ творожку и молочка, въ ожиданіи которыхъ болтала она съ купцомъ.—Въ другой пьесѣ сталъ мѣщанинъ разсказывать о своей покойной женѣ Грушкѣ, досказалъ дѣло до женитьбы, да не случилось ему ничего сообщить, какъ онъ жилъ съ Грушкою послѣ свадьбы. — Въ третьемъ разсказѣ повелъ рѣчь г. Успенскій о томъ, въ какой гнусной бѣдности жилъ студентъ медицинской академіи Брусиловъ, но не довелъ рѣчи ни до какой развязки: лежитъ Брусиловъ больной въ

какомъ-то «углу» комнаты, за столомъ въ которой извощики считаютъ деньги, за стѣною которой пьяный сапожникъ бьетъ свое семейство, и надъ которой во второмъ этажѣ идетъ пляска, — на томъ и кончено; что же сталось съ Брусиловымъ? Умеръ что ли онъ, или какъ нибудь оправился?—Ничего неизвѣстно. — Есть еще разсказецъ о чудакѣ Антошкѣ, но и тутъ ничего не выжмешь, кромѣ того, что Антошка былъ мастеръ на нелѣпыя проказы. — Вотъ вамъ и всѣ четыре пьески, въ которыхъ есть, если не что нибудь цѣлое, то хоть половина чего нибудь, что̀ стало бы цѣлымъ, если бы было докончено. А въ остальныхъ двадцати пьесахъ не спрашивайте и того: это все только маленькіе отрывочки, какъ будто листки вырванные изъ чего-нибудь, а изъ чего—и догадаться нельзя. Описывается, напримѣръ, какъ извощики разсчитывались съ хозяиномъ постоялаго двора; или какъ проѣзжій съ огромными усами надѣлалъ кутерьму на станціи; или какъ шелъ праздничный обѣдъ у прикащика; или какъ народъ ждалъ благовѣста къ заутрени на свѣтлый праздникъ; или какъ проѣзжимъ юношамъ не удалось пошалить съ смазливою бабенкою, которую посадили они на облучокъ; или какъ одна дьяконица пріѣзжала въ гости къ другой, — и ни въ одной изъ этихъ отрывочныхъ сценъ ровно ничего особеннаго не описывается, и происшествій никакихъ нѣтъ. — Если взглянуть на разсказы г. Успенскаго съ другой стороны, посмотрѣть, не обрисованы ли въ нихъ характеры, нѣтъ ли психологическихъ анализовъ,—и того не находите.—Что жь, есть беллетристы, не заботящіеся ни о подборѣ приключеній съ занимательными завязками и развязками, ни объ обрисовкѣ характеровъ, ни о психологическихъ тонкостяхъ, но зато дѣйствующіе на васъ или яркою, жгучею тенденціею, или превосходнымъ слогомъ. У г-на Успенскаго не обнаруживается никакой тенденціи, да и пишетъ онъ такъ себѣ, не заботясь какъ будто бы ни объ остроуміи, ни объ изяществѣ. Правда, попадаются у него очень смѣшныя фразы, иной разъ случится и цѣлая страница очень забавная; не мало у него и коротенькихъ описаній, очень художественныхъ, — но все это какъ будто написалось у него случайно, а вообще разсказъ его идетъ, какъ попало, безъ всякаго уваженія къ обязанности вознаградить хотя слогомъ за безцеремонность относительно содержанія. Что же касается до тенденціи, объ ней лучше и не спрашивайте: взялъ человѣкъ два-три листа бумаги, набросалъ на нихъ какой нибудь разговорецъ или какое нибудь описаньице, и отдаетъ вамъ лоскутки этихъ листовъ безъ начала и безъ конца, совершенно не думая о томъ, выходитъ ли какой нибудь смыслъ изъ написаннаго имъ. Конечно, у г. Успенскаго есть талантъ и большой талантъ; но что же это за талантъ, который даетъ намъ все только лоскутки? Если уже говорить объ талантѣ, то

не слѣдуетъ ли только бранить его за такія незначительныя и небрежныя произведенія?

Незначительныя и небрежныя, — оно бы казалось, что слѣдуетъ ихъ считать такими, слѣдуетъ по всѣмъ возможнымъ основаніямъ, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ; а на дѣлѣ выходитъ не то. Публика считаетъ маленькія пьесы г. Успенскаго заслуживающими вниманія. Отчего же это?

Намъ кажется, что причиною тутъ не одна безспорная талантливость,—мало ли есть произведеній, написанныхъ съ талантомъ и все-таки не возбуждающихъ ни малѣйшаго участія къ себѣ? — Есть у г. Успенскаго другое качество, очень сильно нравящееся лучшей части публики. Онъ пишетъ о народѣ правду безъ всякихъ прикрасъ.

Давнымъ давно критика стала замѣчать, что въ повѣстяхъ и очеркахъ изъ народнаго быта и характеры, и обычаи, и понятія сильно идеализируются. Стало быть намъ нечего и доказывать это, когда всѣмъ оно извѣстно. Мы лучше поищемъ причинъ, по которымъ не могъ отстать отъ идеализированія народа никто изъ прежнихъ нашихъ беллетристовъ, не смотря на совѣты критики. По нашему мнѣнію, источникъ непобѣдимаго влеченія къ прикрашиванію народныхъ нравовъ и понятій былъ и похваленъ и чрезвычайно печаленъ. Замѣчали ли вы, какую разницу въ сужденіяхъ о человѣкѣ, которому вы симпатизируете, производитъ ваше мнѣніе о томъ, можно ли или нельзя выбиться этому человѣку изъ тяжелаго положенія, внушающаго вамъ состраданіе къ нему? Если положеніе представляется безнадежнымъ, вы толкуете только о томъ, какія хорошія качества находятся въ несчастномъ, какъ безвинно онъ страдаетъ, какъ злы къ нему люди, и такъ далѣе. Порицать его самого показалось бы вамъ напрасною жестокостію, говорить о его недостаткахъ — пошлою безчувственностію. Ваша рѣчь о немъ должна быть панегирикомъ ему, — говорить въ иномъ тонѣ было бы вамъ совѣстно. Но совершенно другое дѣло, когда вы полагаете, что бѣда, тяготѣющая надъ человѣкомъ, можетъ быть отстранена, если захочетъ онъ самъ и помогутъ ему близкіе къ нему по чувству. Тогда вы не распространяетесь о его достоинствахъ, а безпристрастно вникаете въ обстоятельства, отъ которыхъ происходитъ его бѣда. Обыкновенно вы находите, что нужно перемѣниться и ему самому, чтобы измѣнилась его жизнь; вы замѣчаете, что напрасно онъ дѣлалъ въ извѣстныхъ случаяхъ такъ, а не иначе, что ошибался онъ относительно многихъ предметовъ, что въ характерѣ его есть слабости, отъ которыхъ надобно ему исправляться, что въ привычкахъ его есть дурное, которое долженъ онъ бросить, что въ образѣ его мыслей есть неосновательность, которую долженъ онъ уничтожить болѣе серьёзнымъ размышленіемъ. Какъ бы

ни начадась ваша рѣчь о такомъ человѣкѣ, незамѣтно для васъ самихъ переходитъ она въ укоризны ему. А вы, когда дѣйствительно желаете ему добра, ни мало уже не конфузитесь этимъ,—вы чувствуете, что въ суровыхъ вашихъ словахъ слышится любовь къ нему и что они полезны для него,—гораздо полезнѣе всякихъ похвалъ.

Упоминаетъ ли Гоголь о какихъ нибудь недостаткахъ Акакія Акакіевича? Нѣтъ, Акакій Акакіевичъ безусловно правъ и хорошъ; вся бѣда его приписывается безчувствію, пошлости, грубости людей, отъ которыхъ зависитъ его судьба. Какъ пошлы, отвратительны сослуживцы Акакія Акакіевича, глумящіеся надъ его безпомощностью! Какъ преступно невнимательны его начальники, не вникающіе въ его бѣдственное положеніе, не заботящіеся пособить ему! Акакій Акакіевичъ страдаетъ и погибаетъ отъ человѣческаго жестокосердія. Такъ, подлецомъ почелъ бы себя Гоголь, если бы разсказалъ намъ о немъ другимъ тономъ. Но за то разсудите же, можно ли въ самомъ дѣлѣ пособить Акакію Акакіевичу. Разумѣется, можно: назначить ему награду побольше обыкновенной, подарить ему шинелёнку, когда старая стала слишкомъ плоха. Это можно сдѣлать. Но вѣдь это и дѣлалось. Вѣдь начальникъ назначилъ ему награду больше той, на какую разсчитывалъ самъ Акакій Акакіевичъ, и безъ сомнѣнія гораздо больше той, какую въ самомъ дѣлѣ онъ заслужилъ. А сослуживцы хотѣли устроить подписку для покупки ему шинели. Правда, подписка не состоялась, но только по случайнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ сослуживцы никакъ не были виноваты, и можетъ быть на другой мѣсяцъ, когда осталось бы у чиновниковъ нѣсколько лишнихъ денегъ, дѣйствительно собрали бы они рублей пять–шесть на починку старой шинели. По крайней мѣрѣ желаніе у нихъ было, и кое–что они вѣроятно сдѣлали бы. Да вѣдь они ужь и сдѣлали кое–что: развѣ они не радовались покупкѣ новой шинели? Они сдѣлали больше: они даже пригласили Акакія Акакіевича на вечеринку. Чего же вамъ еще? Вы скажете, что всѣ эти доброжелательства и милости не спасли Акакія Акакіевича ни отъ нищеты, ни отъ униженій, ни отъ жалкой смерти? — Разумѣется такъ, — но кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ было можно кому нибудь въ самомъ дѣлѣ улучшить жизнь Акакія Акакіевича? Служа писцомъ, онъ получалъ малое жалованье; такъ. Что же, можно было дать ему повышеніе по службѣ, сдѣлать, напримѣръ, помощникомъ столоначальника? Помилуйте, вѣдь начальникъ даже хотѣлъ было сдѣлать это, но Акакій Акакіевичъ оказался рѣшительно неспособенъ ни къ чему лучшему жалкой должности писца. Онъ даже самъ такъ думалъ. Вѣдь онъ самъ сталъ просить, чтобы оставили его на прежнемъ мѣстѣ. Скажите же пожалуйста, въ комъ заключалась причина бѣдствій и униженій Акакія Акакіевича? Въ немъ са-

момъ, только въ немъ самомъ. Сослуживцы издѣвались надъ нимъ. Но вѣдь другъ надъ другомъ не издѣвались же они, другъ съ другомъ обращались же по человѣчески. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ Акакій Акакіевичъ былъ смѣшной идіотъ.—Начальство давало мало жалованья Акакію Акакіевичу: ему нельзя было давать больше, онъ не заслуживалъ того, чтобы ему давали больше, едва ли заслуживалъ и такого жалованья, какое получалъ. — Значительный человѣкъ прикрикнулъ на Акакія Акакіевича, явившагося просить объ отысканіи шинели, и прогналъ его, но вѣдь Акакій Акакіевичъ не съумѣлъ ничего объяснить ему путнымъ образомъ, а все только твердилъ «тово.... тово.... тово...», и потомъ брякнулъ вздоръ, что секретари ненадежный народъ,—глупость, совершенно не относившуюся къ дѣлу. Скажите же по совѣсти, кто обязанъ слушать вздоръ, котораго и разобрать нельзя?

Видите ли теперь, Акакій Акакіевичъ имѣлъ множество недостатковъ, при которыхъ такъ и слѣдовало ему жить и умереть, какъ онъ жилъ и умеръ. Онъ былъ круглый невѣжда и совершенный идіотъ, ни къ чему неспособный. Это видно изъ разсказа о немъ, хотя разсказъ написанъ не съ тою цѣлію. Зачѣмъ же Гоголь прямо не налегаетъ на эту часть правды объ Акакіѣ Акакіевичѣ, — на эту невыгодную для Акакія Акакіевича часть правды, выставленную нами?

Мы знаемъ отчего. Говорить всю правду объ Акакіѣ Акакіевичѣ безполезно и безсовѣстно, если не можетъ эта правда принести пользы ему, заслуживающему состраданія по своей убогости. Можно говорить о немъ только то, что нужно для возбужденія симпатіи къ нему. Самъ для себя онъ ничего не можетъ сдѣлать, будемъ же склонять другихъ въ его пользу. Но если говорить другимъ о немъ все, что можно бы сказать, ихъ состраданіе къ нему будетъ ослабляться знаніемъ его недостатковъ. Будемъ же молчать о его недостаткахъ.

Таково было отношеніе прежнихъ нашихъ писателей къ народу. Онъ являлся передъ нами въ видѣ Акакія Акакіевича, о которомъ можно только сожалѣть, который можетъ получать себѣ пользу только отъ нашего состраданія. И вотъ писали о народѣ точно такъ, какъ написалъ Гоголь объ Акакіѣ Акакіевичѣ. Ни одного слова жесткаго или порицающаго. Все недостатки прячутся, затушевываются, замазываются. Налегается только на то, что онъ несчастенъ, несчастенъ, несчастенъ. Посмотрите, какъ онъ кротокъ и безотвѣтенъ, какъ безропотно переноситъ онъ обиды и страданія! Какъ онъ долженъ отказывать себѣ во всемъ, на что имѣетъ право человѣкъ! Какія у него скромныя желанія! Какія ничтожныя пособія были бы достаточны, чтобы удовлетворить и осчастливить это забитое существо, съ такимъ благоговѣніемъ смотрящее на насъ, столь готовое проникаться безпредѣльною признательностію къ намъ за малѣйшую помощь, за ни-

чтожнѣйшее вниманіе, за одно ласковое слово отъ насъ! Читайте повѣсти изъ народнаго быта г. Григоровича и г. Тургенева со всѣми ихъ подражателями — все это насквозь пропитано запахомъ «шинели» Акакія Акакіевича.

Прекрасно и благородно, — въ особенности благородно до чрезвычайности. Только, какая же польза изъ этого — народу? Для насъ польза дѣйствительно была, и очень большая. Какое чистое и вкусное наслажденіе получали мы отъ сострадательныхъ впечатлѣній, сладко щекотавшихъ нашу мысль ощущеніямъ нашей способности трогаться, умиляться, сострадать несчастію, проливать надъ нимъ слезу, достойную самого Манилова. Мы становились добрѣе и лучше, — нѣтъ, это еще очень сомнительно, становились ли мы добрѣе и лучше, но мы чувствовали себя очень добрыми и хорошими. Это очень большая пріятность, ее можно сравнить только съ тѣмъ удовольствіемъ, какое получалъ покойный мужъ Коробочки отъ чесанія пятокъ, — или, чтобы употребить сравненіе болѣе знакомое намъ, людямъ благовоспитаннымъ, мы испытывали то же самое наслажденіе, какое доставляетъ хорошая сигара. Славное было для насъ время!

А теперь не то. Являются какіе-то мальчишки, — по примѣру «Русскаго Вѣстника» и «Отечественныхъ Записокъ», называющихъ мальчишками насъ, я позволяю себѣ назвать мальчишкою г. Успенскаго, который, кстати, и довольно молодъ въ самомъ дѣлѣ, — итакъ являются мальчишки, въ родѣ г. Успенскаго, которые чувствуютъ, — а можетъ быть и сознательно думаютъ — кто ихъ разберетъ, — что наши прежнія отношенія къ народу, какъ будто къ невинному въ своемъ злосчастіи Акакію Акакіевичу, никуда не годятся; они говорятъ о народѣ Богъ-знаетъ что̀, жестоко оскорбляющее нашу сантиментальную симпатію къ нему. Если судить ихъ слова по нашимъ прежнимъ привычкамъ, то не видишь въ нихъ даже любви къ народу, которой мы такъ гордились, по крайней мѣрѣ нѣтъ въ нихъ никакой снисходительности къ нему, и не отыщешь въ ихъ разсказахъ ни одного похвальнаго словечка. Взгляните, напримѣръ, какія черты выставляетъ вамъ въ народѣ г. Успенскій.

Вотъ первый разсказъ «Старуха». Одинъ сынъ ея пошелъ въ солдаты за то, что хотѣлъ взять назадъ свою жену отъ прикащика, который жилъ съ нею. Какая идеальная исторія готова рисоваться передъ вашею фантазіею, по привычкѣ къ прежнему прикрашиванію! Сильная привязанность жены къ мужу, извергъ-прикащикъ, насильно отнимающій красавицу жену, вопли жены, страшныя сцены ея напраснаго сопротивленія животному буйству и такъ далѣе, и такъ далѣе. Нѣтъ, у г. Успенскаго ничего такого не говорится. Сама ста-

руха, мать пропавшаго изъ-за жены сына, разсказываетъ дѣло такимъ образомъ:

«Женили мы его; съиграли это свадьбу; глядь поглядь, примѣчаемъ: молодая, жена-то его, — красивая была, Богъ съ нею, баба, — его не долюбливаетъ и такъ совсѣмъ вотъ не льстится. А онъ, сердечный, былъ на лицо не совсѣмъ гожъ: оспа, еще когда онъ былъ махонькимъ, всего изуродовала.

«Вотъ какъ обжились они, Петруша — его звали Петрушей — началъ слѣдить за ней: нѣтъ ли, дескать, на сердцѣ кручинушки, али зазнобушки, не любитъ ли она кого. Подмѣчаетъ разъ, другой, — все нѣтъ... и виду никакого... на работѣ такая же, какъ и дома. Ну, тѣмъ и кончилось, что нѣтъ да и нѣтъ. Вотъ разъ къ намъ приходитъ староста и говоритъ... дѣло было лѣтомъ... Петръ Семенычъ, говоритъ — это прикащикъ, — велѣлъ вашей Варварѣ собираться на барскій дворъ, и мужъ, говоритъ, пускай придетъ съ ней. Думаемъ промежду себя: «зачѣмъ это?» у насъ о ту пору всѣ были дома, и она и Петруша. Старикъ говоритъ: «чтожь сходи, Петруша; за чѣмъ нибудь понадобился: авось онъ тебя не съѣстъ.» Петруша надѣлъ зипунъ, собрался это: «ну, говоритъ, Варвара Борисьевна, пойдемъ прогуляемся»: шутникъ былъ, голубчикъ мой. А она на него такъ и зѣвнула: «да ступай, говоритъ, лихоманка тебя возьми,» и чернымъ словомъ его... «Ступай одинъ, безъ тебя дорогу знаю.» Старикъ въ это время ковырялъ лаптенки, сидѣлъ на конникѣ: обидно ему, стало быть, показалось: да какъ же не обидно? грубая... извѣстно, баба, кормилецъ. Сидѣлъ, сидѣлъ, жалко ему стало Петрушу, да и молвилъ: «когда ты, Варвара, будешь умна, за что всегды зычишь на него? иной бы тебя, говоритъ, чѣмъ ни попадя...» и побранилъ ее. Она не взлюбила: должно, не по нутру... накинула зипунъ, повязала платокъ писаный,—она все въ писаныхъ ходила, — и хлопнула что ни есть мочи дверью. Старикъ мой покачалъ, покачалъ головою — и только. «Жалко, говоритъ, Петрушу, — смерть — жалко!..» Вотъ они ушли къ прикащику, а мы ждемъ; помню, я тутъ качала на обрывкѣ ея мальчика, это невѣсткина-то: сижу... качь, да качь... Смотримъ, приходитъ онъ одинъ уже передъ вечеромъ.

«Ну, Петруша, за чѣмъ?» спросили мы. — «Да что, говоритъ, прикащикъ оставляетъ Варвару на кухнѣ работницей; ласково таково со мною обшелся: «я, говоритъ, съ твоего согласія... если не хочешь, какъ хочешь: у меня ей будетъ хорошо; я хошь платы не положу, за то отъ работы ослобоняется. Извѣстно, когда понадобятся ей деньги, я дамъ и деньжонокъ; платокъ коли куплю». Мы подумали... что же, говоримъ, отчего не такъ? хошь одна баба и была въ домѣ, да вѣдь и при ней-то, подумали мы, не красно было: иногды сердце изнываетъ, глядючи на ея грубости.—«Если ты, Петруша, это говоритъ старикъ. — соглашаешься, такъ, пожалуй, и мы согласны».—«Отчего же, говоритъ, не согласиться? Я радъ, что ей это по нраву: почему, что,

когда мы выходили отъ прикащика, она на меня: «живи, говоритъ, Петька, да не тужи», — это она-то ему — и ухмыльнулась... Она его все Петькой называла. — «Что жь, ко мнѣ, Варвара Борисьевна, часто будешь ходить?» спросилъ онъ ее. Она опять засмѣялась, да и сказала: «разя на деревнѣ бабъ малю, окромя меня?»

Видите, ровно никакого ни насилія, ни притѣсненія тутъ не было. Варвара пошла въ работницы къ прикащику съ согласія мужа и его родныхъ. Правда, чрезъ нѣсколько времени стали они требовать, чтобы она вернулась жить съ мужемъ, потому что стали въ селѣ смѣяться надъ Петромъ, Варвару въ глаза ему называли прикащицей. Но мы были бы слишкомъ недогадливы, если бы вздумали, что только изъ этихъ слуховъ и насмѣшекъ, да изъ подсмотрѣнной братомъ мужа сцены между прикащикомъ и Варварой, мужъ ея и его родные узнали объ отношеніяхъ Варвары къ прикащику. Она была баба красивая, прикащикъ былъ человѣкъ холостой, она мужа не любила, они давно полагали, что у ней есть любовникъ, — съ перваго же слова прикащика должно было стать для нихъ понятно, зачѣмъ онъ хочетъ поселить ее съ собой. А если они еще не догадались объ этомъ дѣлѣ изъ словъ прикащика, чего нельзя думать, то уже никакъ нельзя было имъ оставаться въ невѣдѣніи, когда Варвара, отпуская мужа домой, сказала, чтобы вмѣсто нея нашелъ онъ себѣ другую бабу. Однакоже, Петръ и его семейство долго не огорчались житьемъ Варвары у прикащика. Изъ всего видно, что они захотѣли разорвать связь Варвары съ прикащикомъ только для прекращенія сплетенъ и насмѣшекъ, и если вы не оскорбитесь нашимъ цинизмомъ, мы скажемъ, что они въ этомъ случаѣ были ни на волосъ не больше достойны сочувствія, чѣмъ Фамусовъ, безпокоящійся только о томъ, «что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна». Разъ отважившись на безпристрастіе къ этимъ людямъ, хотя они и простолюдины, и бѣдны, и угнетены, мы попробуемъ васъ спросить: сочувствовали бы вы изображенному въ повѣсти чиновнику или помѣщику, который сталъ бы принуждать возвратиться къ нему въ домъ жену, которая терпѣть его не можетъ, и отдана за него безъ согласія? Вы человѣкъ гуманный, признаете свободу сердца, защищаете права женщины; навѣрное вы порицали бы мужа. Не угодно ли же вамъ судить мужика Петра точно также, какъ судили бы вы какого нибудь совѣтника Владиміра Андреича, или уѣзднаго предводителя Бориса Петровича. Но не вздумайте говорить, что мужикъ Петръ не читалъ ни статей объ эманципаціи, ни романовъ Жоржа-Занда. Вы видите, что въ семействѣ Петра были достаточно практическія понятія объ этихъ вещахъ, — понятія, до которыхъ не доходила и Жоржъ-Зандъ: вѣдь они не поперечили прикащику, когда онъ бралъ къ себѣ Варвару. Почему не поперечили? Да едва ли не по-

тому, что ожидали отъ этой полюбовной сдѣлки выгодъ для себя. Не оскорбитесь циническимъ предположеніемъ нашимъ относительно ихъ, хотя они и мужики: вѣдь если бы подобная исторія разсказывалась вамъ про свѣтскихъ людей, васъ нельзя было бы убѣдить, что не было тутъ съ ихъ стороны денежнаго разсчета. Забудемте же, кто свѣтскій человѣкъ, кто купецъ или мѣщанинъ, кто мужикъ, будемте всѣхъ считать простò людьми, и судить о каждомъ по человѣческой психологіи, не дозволяя себѣ утаивать передъ самими собою истину ради мужицкаго званія.

Да, кто говорилъ съ простолюдинами за-просто, тотъ знаетъ, какъ много между ними людей грѣшныхъ съ этой стороны, на которую указываютъ отношенія Петра и его родныхъ къ связи прикащика съ Варварой. Никакъ не меньше (мы думаемъ, что и не больше) между мужиками людей грѣшащихъ такими разсчетами, чѣмъ въ нашемъ кругу. Живетъ мужъ съ женою плохо; подвертывается человѣкъ, сравнительно съ нимъ сильный, или богатый, — и мужъ очень спокойно уступаетъ ему свою жену и притворяется, будто бы ничего не знаетъ, пока слишкомъ громкій всеобщій говоръ не заставитъ его принять видъ оскорбленнаго и обманутаго. Бываетъ и хуже: иной открыто отвѣчаетъ насмѣшникамъ, что онъ доволенъ своимъ положеніемъ. Но такіе безстыжіе глаза довольно рѣдки въ образованномъ обществѣ: рѣдки и между простолюдинами. За то нерѣдки въ образованномъ обществѣ,—разумѣется, нерѣдки и между мужиками,—примѣры противнаго: никакими выгодами не обольстится человѣкъ на потворство; мы вовсе не отрицаемъ подобныхъ случаевъ въ мужицкомъ быту; мы только говоримъ, что и тамъ, какъ въ нашемъ кругу, чаще бываетъ корыстное потворство, въ которомъ принуждены мы были изобличить Петра и его родныхъ.

Да и съ чего же вы взяли въ самомъ дѣлѣ, что этого нѣтъ между мужиками? Или мужики обязаны быть рыцарями благородства и героями честности? Помилуйте, не такіе же они люди, какъ и мы съ вами? Вы знаете, что въ нашемъ кругу нельзя не быть преобладанію пошлыхъ, корыстолюбивыхъ снисхожденій и уступокъ надъ исключительными случаями твердаго отказа. Вы знаете обстоятельства и отношенія, изъ которыхъ произошла у насъ разсчетливая безнравственность. Семейныя дѣла запутаны, а если и довольно денегъ, то хочется имѣть ихъ побольше, чтобы пожить пошире; жена капризничаетъ; мужъ имѣетъ кой-какія связишки на сторонѣ; что же тутъ удивительнаго, если человѣкъ съ деньгами или съ вліяніемъ купитъ жену у мужа? Что же, въ мужицкомъ быту нѣтъ точно такихъ же обстоятельствъ? Мужики бѣдны; съ женами часто живутъ они очень дурно;

покровительство сильныхъ людей имъ нужно. Что должно выходить изъ этого — разсудите сами.

Только пожалуйста отстаньте, кромѣ прѣсной лживости, усиливающейся идеализировать мужиковъ, еще отъ одного очень тупоумнаго пріема: подводить всѣхъ мужиковъ подъ одинъ типъ, въ родѣ того, какъ сливаются въ нашихъ глазахъ въ одну фигуру всѣ китайцы. Китайцы отъ насъ очень далеко; поэтому простительно намъ судить о нихъ обо всѣхъ оптомъ: китаецъ-дескать привязанъ къ старинѣ, любитъ опіумъ, носитъ длинную косу и такъ далѣе, и разницы дескать нѣтъ между китайцами. Ни намъ, ни имъ, по отдаленности между нами, нѣтъ никакого убытка отъ этого гуртоваго способа сужденій. Но мужики къ намъ близки; намъ стыдно не замѣчать разницъ между ними; мы имѣемъ съ ними дѣла, потому и намъ и имъ очень вредно, если мы будемъ думать и поступать по такимъ безразличнымъ, гуртовымъ сужденіямъ о нихъ. Наше общество составляютъ люди очень различныхъ образовъ мыслей и чувствъ. Въ немъ есть люди пошлаго взгляда и благороднаго взгляда; есть люди безличные и люди самостоятельные. Всѣ эти разницы находятся и въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ. Мы, по указаніямъ г. Успенскаго, говоримъ только о тѣхъ людяхъ мужицкаго званія, которые въ своемъ кругу считаются людьми дюжинными, безцвѣтными, безличными. Каковы бы ни были они (какъ двѣ капли воды сходные съ подобными людьми нашихъ сословій), не заключайте по нимъ о всемъ простонародьи, не судите по нимъ о томъ, къ чему способенъ нашъ народъ, чего онъ хочетъ и чего достоинъ. Иниціатива народной дѣятельности не въ нихъ, они, какъ подобные люди нашихъ сословій, только плывутъ, куда дуетъ вѣтеръ, и поплывутъ во всякую сторону, въ какую подуетъ вѣтеръ. Но ихъ изученіе все-таки важно, потому что они составляютъ массу простонародья, какъ и массу нашихъ сословій. Иниціатива не отъ нихъ; но должно знать ихъ свойства, чтобы знать, какими побужденіями можетъ дѣйствовать на нихъ иниціатива.

А впрочемъ, если вы тверды въ гуманномъ принципѣ, повелѣвающемъ считать человѣкомъ каждаго человѣка, какого бы тамъ званія ни былъ онъ, если вы способны думать о мужикѣ не какъ о странномъ по виду и по разговору существѣ, съ которымъ нѣтъ у васъ ничего сходнаго, а просто какъ о человѣкѣ, у котораго тоже два глаза, какъ и у васъ, тоже по пяти пальцевъ на рукахъ,—если.... но нѣтъ, судя по всему, что я читаю въ книгахъ писанныхъ для васъ, судя по всему, что я слышалъ отъ васъ ,—отъ васъ ли, читатель, лично, или отъ вашихъ друзей, или отъ людей, похожихъ на васъ и на вашихъ друзей,—судя по всему этому, я полагаю, что вы разсуждаете подобно дворовой дѣвушкѣ Аленѣ Герасимовнѣ и конторщику Семену Петро-

вичу, которые на «Гулянье» у г. Успенскаго ведутъ между собою такую бесѣду:

«— Ну, а что у человѣка внутрѣ есть, Семенъ Петровичъ?

«— Внутрѣ-съ бываетъ различно. Это смотря потому, кто чѣмъ питается: иной продовольствуется мякиной, такъ у него внутрѣ мякина. А у одного сапожника, говорятъ, даже нашли при вскрытіи подошву съ лучиной.

«— Страсти какія!.. Объясните мнѣ пожалуйста, что—у штатскихъ и у военныхъ внутрѣ одинаково?

«— Ну, на счетъ этого пункта, Алена Герасимовна, можно вамъ доложить матерію. Во-первыхъ, надобно сказать, ничего одинаковаго нѣтъ.

«Конторщикъ подсѣлъ къ дѣвкѣ и началъ свое объясненіе.»

Извините, если вы приняли за обиду, что я усомнился въ различіи вашихъ мыслей отъ мнѣній Алены Герасимовны и Семена Петровича. Такая компанія для васъ унизительна. Возвращусь же къ предположенію, отъ котораго готовъ былъ отказаться: положимъ, вы знаете, что «внутрѣ у человѣка одинаково» и у штатскаго, и у военнаго, и у сапожника, и у продовольствующагося мякиной. Такъ если, говорю я, знаете вы это, вамъ не нужно много хлопотать объ изученіи народа, чтобы знать, чего ему нужно и чѣмъ можно на него дѣйствовать. Предположите, что ему нужно то же самое, что и вамъ, и вы не ошибетесь. Предположите, что на дюжинныхъ людей въ народѣ дѣйствуютъ тѣ же разсчеты и побужденія, какія дѣйствуютъ на дюжинныхъ людей вашего круга, и это будетъ правда.

Только умѣйте подводить частные виды одного и того же чувства подъ общую ихъ сущность; умѣйте, напримѣръ, понимать, что стремленіе получить деньги — одно и то же стремленіе, будутъ ли деньги представляться въ родѣ пачки кредитныхъ билетовъ или въ видѣ двугривеннаго; умѣйте понимать, что привычка считать крупной такую сумму денегъ, которая иному покажется мелка, нимало не измѣняетъ сущности дѣйствій, внушаемыхъ надеждою получить деньги, и опять-таки умѣйте понимать, что выслушивать колкости, или скучать въ непріятномъ обществѣ, или подставлять шею подъ матеріальные толчки кулакомъ—и улыбаться въ надеждѣ полученія, или въ благодарность за полученіе денегъ—все это въ сущности одно и то же. Если вы твердо знаете это, васъ нимало не обезкуражитъ сцена, которою заканчивается очеркъ г. Успенскаго «Проѣзжій». На станціи является господинъ, не жалѣющій своихъ рукъ на поученіе станціоннаго смотрителя, старосты и ямщиковъ; требуя поскорѣе лошадей, онъ разбиваетъ множество носовъ, подбиваетъ множество глазъ и такъ да-

лѣе, и совершивъ эти подвиги, садится пить водку. Вотъ лошади готовы. Посмотрите же, чѣмъ кончается вся шутка.

«На крыльцѣ стоитъ проѣзжій съ полштофомъ въ рукахъ. За нимъ смотритель, старуха, денщикъ и мѣщанинъ. Изъ полуотвореннаго окна высматриваетъ купецъ. Вокругъ крыльца стоятъ ямщики, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они были въ предъидущей сценѣ, т. е. съ подвязанными глазами и проч:

«Проѣзжій. Что же, всѣ собрались?

«Ямщики (*дружно*). Всѣ, ваше высокородіе...

«Проѣзжій (*наливая водку*). Ну-ко... Подходите... (*Народъ пьетъ и откланивается, утираясь полами. На дворѣ время отъ времени позвякиваетъ колокольчикъ*). А что, тройка хорошая?

«Ямщики. Важная, чудесная, ваше высокородіе...

«Проѣзжій (*отдавая полштофъ денщику*). Ну что же, вы на меня не сердитесь?

«Ямщики. За что же, ваше высокородіе!.. Много довольны.

«Проѣзжій. А кто у васъ тутъ запѣвало? (*Ямщики вытаскиваютъ изъ своей толпы молодаго парня съ отдутой щекой*)

«Проѣзжій. Ты?

«Парень (*скромно*). Я-съ.

«Проѣзжій. Вотъ вамъ на всѣхъ... (*Даетъ изъ кошелька монету; ямщики кланяются и говорятъ благодарность*). Ну, спойте же пѣсню!.. да хорошенько.. (*Парень, придерживая щеку, какъ это дѣлаютъ вообще запѣвалы, начинаетъ; всѣ подхватываютъ.—Пѣсня раздается.*)

«Ночь осенняя,
Молодка моя,
Молоденькая» и т. д.

«Съѣзжаетъ со двора тройка. Колокольчикъ разливается, отчего ямщики приходятъ въ большой экстазъ.»

«Какое безнадежное паденіе народнаго духа и народной чести!» воскликнетъ человѣкъ, неумѣющій приравнивать своеобразныя формы проявленій общаго свойства въ разныхъ сферахъ жизни: «эти люди сейчасъ были безвинно перебиты человѣкомъ, не имѣвшимъ никакого права не только бить ихъ, но и взыскивать съ нихъ; и что же? этотъ человѣкъ поитъ ихъ водкой, даетъ имъ нѣсколько денегъ на водку, и они забываютъ обиду, остаются довольны, даже благодарны. Такой народъ совершенно утратилъ всякое чувство своихъ правъ, всякое сознаніе человѣческаго достоинства; онъ ни къ чему неспособенъ, кромѣ какъ быть битымъ отъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго.» Спора нѣтъ, черта, выставляемая г. Успенскимъ очень печальна; но выводить изъ нея слишкомъ отчаянныя заключенія, значитъ страдать идеализаціей. Разберемъ дѣло повнимательнѣе. Во-первыхъ, неужели

вы думаете, что побитые ямщики въ самомъ дѣлѣ не чувствуютъ ни боли, ни озлобленія? Что они не выражаютъ этого чувства, даже поступаютъ наперекоръ ему, ровно ничего еще не свидѣтельствуетъ противъ силы чувства и противъ возможности и готовности поступить сообразно ему при первомъ удобномъ случаѣ. Человѣкъ очень горячо выражаетъ свое чувство только пока еще не свыкся съ нимъ; но черезъ нѣсколько времени онъ перестаетъ жаловаться и суетиться, если жалобы и суеты ни къ чему не ведутъ; онъ получаетъ хладнокровный видъ и даже начинаетъ поступать какъ будто бы не имѣетъ чувства,— но вѣдь это вовсе еще не значитъ, что оно исчезло въ немъ. Посмотрите, напримѣръ, на больныхъ: у кого случился флюсъ въ первый разъ, тотъ Богъ-знаетъ какъ кричитъ и мечется; а когда флюсъ случится съ нимъ въ двадцатый разъ, онъ уже не заговариваетъ самъ о своей болѣзни, даже неохотно отвѣчаетъ на ваши вопросы о ней, можетъ уже и шутить, и хохотать,—неужели изъ этого вы заключите, что онъ не чувствуетъ боли и не имѣетъ желанія избавиться отъ нея? Полноте, такая мысль нелѣпа. Возьмите другой примѣръ: къ вамъ пріѣхалъ пріятель, съ которымъ не видѣлись вы нѣсколько лѣтъ. Вы съ нимъ обнимаетесь, вы суетитесь, вы поднимаете Богъ-знаетъ какую суматоху въ домѣ,—что жь, это натурально при первомъ свиданіи; но замѣтьте, только при первомъ. На другой день вы бесѣдуете съ вашимъ пріятелемъ уже очень смирно; значитъ ли это, что вы потеряли привязанность къ нему? Такъ и во всемъ: въ первые разы, пока дѣло остается экстреннымъ, чувство, порождаемое дѣломъ, обнаруживается экстренными проявленіями; а когда дѣло вошло въ обычный ходъ жизни, чувство перестаетъ нарушать обычный ходъ жизни въ ея внѣшнихъ житейскихъ проявленіяхъ; но еще вопросъ, не усилилось ли оно отъ проникновенія въ самый корень вашей жизни, а ослабѣть уже ни въ какомъ случаѣ не ослабѣваетъ оно, хотя и стало молчаливѣе. Ямщикъ съ раздутой щекой подлежитъ дѣйствію совершенно одинаковаго психологическаго закона, отъ чего бы ни вздулась у него щека, отъ флюса ли, или отъ кулака: онъ былъ бы нелѣпымъ психологическимъ уродомъ, еслибы обычныя проявленія его внѣшней жизни нарушились отъ факта, принадлежащаго къ обычному ходу ея. Но совершенно другое дѣло спросить: доволенъ ли онъ разными принадлежностями этого обычнаго хода жизни.—Могутъ сказать: «однакоже, если отношенія, производящія искуственное подобіе флюса, не нравятся этимъ людямъ, зачѣмъ не предпринимаютъ они ничего для измѣненія обстоятельствъ?»—Пусть читатель вспомнитъ, о какомъ разрядѣ людей разсказываетъ намъ г. Успенскій и разсуждаемъ мы по его замѣткамъ. Это люди дюжинные, люди безцвѣтные, лишенные иниціативы; во всѣхъ сословіяхъ они одинаково живутъ день за день,

не умѣя сами взяться ни за что новое, и ожидая внѣшнихъ поводовъ и возбужденій для того, чтобы дѣйствовать въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Г-ну Успенскому случилось выставить намъ, какъ примѣръ народныхъ обстоятельствъ относительно искуственнаго флюса, дюжинныхъ людей изъ сословія ямщиковъ. Посмотрите же, какъ поступаютъ ямщики и въ другихъ дѣлахъ, въ которыхъ несомнѣнно нашли бы они выгоду измѣнить прежній порядокъ, и съ охотою измѣнили бы его. У насъ былъ обычай запрягать лошадей тройкою. Не знаемъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а по трактамъ отъ Москвы на юго-востокъ ямщики очень долго сохраняли, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ быть можетъ сохраняютъ и теперь, стремленіе запрягать вамъ тройку, хотя бы вы платили прогоны только на пару. — «Да зачѣмъ же это запрягать лишнюю лошадь, за которую я не плачу?» спрашиваете, бывало, вы.— Оно, батюшка, такъ лучше будетъ.—«Да чѣмъ же лучше?»—Оно лошадкамъ полегче будетъ. — «Да вѣдь я одинъ, у меня поклажи не больше пуда, вѣдь перекладная телега легка.» — Оно такъ, батюшка, точно, что и на парѣ легко, а все лучше припрягу третью.—Неужели вы думаете, что этотъ ямщикъ не жалѣетъ лошадей или расположенъ оказывать вамъ бо́льшую услугу, чѣмъ обязанъ? Нисколько; онъ везетъ васъ изъ рукъ вонъ плохо, гораздо тише, чѣмъ слѣдуетъ по положенію; онъ жалѣетъ лошадей. Зачѣмъ же онъ гоняетъ лишнюю лошадь совершенно даромъ? Просто потому, что такъ заведено, а дюжинные люди дѣлаютъ только то, что заведено, а масса людей во всякомъ званіи — дюжинные люди. Точно тоже и относительно обращенія ямщиковъ съ проѣзжимъ, подвиги котораго изобразилъ г. Успенскій. Разбивъ и разогнавъ ямщиковъ, проѣзжій садится закусывать и старуха несетъ ему ветчину.

«Старуха (*съ ветчиной*). Кабы онъ меня... Сохрани Господи!

«Ямщикъ (*отвернувшись всторону*). Ты съ нимъ не разговаривай... Можетъ, ничего.

«Новый проѣзжій. Аль кто тутъ дерется?

«Ямщикъ. Нѣтъ, мы такъ... про себя. (*Проѣзжій идетъ въ комнату*).

«Прежній купецъ (*высовывается изъ кухни, съ растрепанными волосами*). Бабушка! какъ понесешь туда закуску, захвати мой узелокъ... Сдѣлай милость.

«Старуха (*вздыхаетъ*). Ужь и не знаю!.:. (*Робко идетъ въ комнату. Со двора у двери выглядываетъ толпа ямщиковъ съ отдувшимися щеками, подвязанными глазами, и проч.*)

«Толпа. Гдѣ онъ?

«Ямщикъ (*въ сѣняхъ, держась за носъ*). Уйдите отъ грѣха! Бестрашные!!..

«Толпа. Мы тогда какъ разъ по конюшнямъ!...

«**Ямщикъ.** Гдѣ жь смотритель?

«**Толпа.** Въ колодѣ лежитъ... (*Народъ начинаетъ между собою разговаривать; при чемъ кто размахивается, что-то представляя, кто проситъ товарища посмотрѣть глазъ, поднимая платокъ и т. д. На дворѣ легонько гремятъ бубенчики. Вскорѣ раздается крикъ. Изъ комнаты выбѣгаетъ старуха съ посудой, проѣзжій съ мѣшкомъ, и мѣщанинъ, держась за щеку; — раздаются голоса:* «Православные! Ваше высокородіе!» *Толпа бросается вонъ изъ сѣней, и видно, какъ въ безпорядкѣ бѣжитъ по двору; при этомъ слышится голосъ.* «Прячьтесь!»)

«**Проѣзжій** (*высовывая голову изъ-за двери и ворочая бѣлками*). Подайте мнѣ ихъ сюда!.. (*Народъ шумитъ въ отдаленіи. Поддужный колокольчикъ звякаетъ и все затихаетъ*).

Почему ямщики разбѣжались, и не придержали бойкаго проѣзжаго за руки, на что имѣли полное право? Просто потому, что такъ заведено разбѣгаться и прятаться. Но вотъ они вновь собираются, подступаютъ къ дверямъ комнаты, въ которой сидитъ ихъ обидчикъ. Вы думаете, они хотятъ посчитаться съ нимъ, связать его, представить въ судъ, — вы думаете, они сошлись для возстановленія своихъ беззаконно нарушенныхъ правъ, для отмщенія обидъ, — нѣтъ, это не заведено: они сошлись только по заведенному порядку, что надобно же поглазѣть на всякую штуку, надобно, значитъ, поглазѣть и на проѣзжаго, который въ первый разъ путешествуетъ по ихъ тракту; — они съ тѣмъ собираются, чтобы вновь разбѣжаться по конюшнямъ при первомъ его движеніи, и дѣйствительно разбѣгаются; не скажите, что дѣлаютъ они это подъ вліяніемъ какого нибудь чувства, собственно относящагося къ этому случаю, не подумайте, напримѣръ, что главная пружина тутъ страхъ или трусость собственно передъ этимъ проѣзжимъ, — нѣтъ, главная сила тутъ — обычай, машинальная привычка, «такъ заведено». Тутъ дѣйствіемъ ямщиковъ руководитъ та самая машинальность, по которой ямщикъ разсуждаетъ съ лошадьми, или всегда предпочитаетъ объѣздъ столбовой дорогѣ, хотя бы по объѣзду дорога была и длиннѣе и хуже, или почесываетъ у себя въ затылкѣ, хотя бы вовсе не чесалось, или ѣздитъ но весеннему льду, до послѣдней минуты, пока ледъ тронется. — Во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково управляетъ отдѣльнымъ человѣкомъ не расчетъ выгоды или невыгоды, надобности или ненадобности, опасности или безопасности совершаемаго имъ дѣйствія въ данныхъ обстоятельствахъ, а машинальная привычка, нѣчто въ родѣ той силы, которая направляетъ шаги лунатика.—«Такъ заведено», вотъ и все.

Кто не привыкъ смотрѣть на человѣка во всякомъ званіи просто какъ на человѣка, кто раздѣляетъ мнѣніе Семена Петровича, что «внутрѣ у человѣка бываетъ различно», смотря по его званію,—тотъ опять пожалуй скажетъ, что этою чертою дѣйствовать по заведенному

стая ли тутъ боль, или вмѣстѣ съ болью есть и униженіе. Объ этомъ не стоитъ разсуждать. Важность только въ томъ, что вы не дѣлаете ничего особенно дурнаго, когда пользуетесь при случаѣ тѣнью того же самаго дерева, которое хлеснуло васъ по лицу; важность еще въ томъ, что если вы какъ нибудь воспользовались его тѣнью, изъ этого не слѣдуетъ еще заключить, что вамъ не былъ непріятенъ ударъ его вѣтви и не чувствуете вы надобности отвратить его, чтобы не повторяла она надъ вами такой же продѣлки.

Мы нашли ближайшую причину той невозможности защитить свои права, которая заставляетъ дюжинныхъ людей въ народѣ безотвѣтно переносить страданія и непріятности, не обнаруживая даже злобы на обидчиковъ. Но вѣдь если всмотрѣться поближе въ эту частную и ближайшую причину, она сама требуетъ объясненія.—Понять это поможетъ намъ разсказъ г. Успенскаго «Обозъ». Въ этомъ маленькомъ очеркѣ нѣтъ ровно никакихъ особенныхъ происшествій: среди сильной метели кое-какъ дотащился обозъ до постоялаго двора; мужики поотогрѣлись и одинъ изъ нихъ позабавилъ товарищей на сонъ грядущій анекдотомъ о томъ, какія здоровенныя лошади были у какого-то неизвѣстнаго извощика; подъ этотъ разсказъ усталые мужики крѣпко уснули. Дальше тоже не случилось ничего особеннаго; но если мы будемъ сокращать разсказъ о томъ, что было дальше, впечатлѣніе факта ослабится и вы не поймете всего смысла его. Предлагаемъ же вамъ прочесть внимательно весь слѣдующій довольно длинный отрывокъ, не перебѣгая глазами ни черезъ одну строку, хотя на всѣхъ строкахъ все одно и то же.

«Въ избѣ было какъ во тьмѣ кромѣшной, все наповалъ храпѣло; у иного въ горлѣ такіе раскаты раздавались, что прѐдставлялось, что кто нибудь во мракѣ ночи, подкравшись къ спящему, умертвилъ его.

«Рано утромъ, лишь только пропѣли вторые пѣтухи, кто-то изъ мужиковъ соннымъ голосомъ крикнулъ:

«— Эй, вставай, расчитываться пора!

«Въ избѣ зажгли ночникъ.

«— Что, какъ погода-то, ребята?

«— Не говори, братъ!.. такая-то бушуетъ!

«— Ахъ ты Господи! Что дѣлать?

«— Какъ мнѣ быть съ своею лошадью-то? Врядъ доѣдетъ...

«Извощики разбудили хозяина и мало по малу начали собираться вокругъ стола, медленно вытаскивая изъ-за пазухи кошели, висѣвшіе на шеѣ; иные еще умывались, молились Богу и старались не смотрѣть на садившагося за столъ хозяина, потому что разсчетъ для нихъ былъ невыносимъ. Одинъ мужикъ стоялъ у двери и глядѣлъ на икону, намѣреваясь занести руку на лобъ; но хлопанье счетовъ и хозяйскій голосъ смущали его.

«Мѣщанинъ, разбуженный мужиками, съ проклятьями переселился на нары, говоря такъ: чтобъ вамъ померзнуть въ дорогѣ; ахъ, вы, горлодёры!

«— Ты сколько съ меня положилъ? простуженнымъ голосомъ спросилъ хозяина извощикъ.

«— Тридцать копѣекъ.

«— Ты копѣйку долженъ уступить для меня... Я тебѣ послѣ сослужу за это... ей-богу...

«— А кто это у васъ, ребята, вчера разсказывалъ? вдругъ, смѣясь, спросилъ хозяинъ.

«— Про извощика-то? заговорило нѣсколько голосовъ.

«— Да.

«— Это вотъ Иванъ.

«Мужики всѣ нѣсколько ободрились, глядя на усмѣхавшагося хозяина, и были очень довольны, что онъ хоть на минуту отвлекъ ихъ вниманіе отъ разсчета. Хозяинъ это сдѣлалъ для того, чтобы мужики не слишкомъ забивали свою голову утомительными вычисленьями, а поскорѣй расчитывались.

«— Важно, братъ, разсказываешь, сказалъ хозяинъ. — Съ тебя приходится, Егоръ, сорокъ двѣ... Нѣтъ, у насъ былъ одинъ разскащикъ курскій... изъ Курска проѣзжалъ, такъ уморитъ бывало со смѣху... Двѣ за хлѣбъ да сорокъ... сорокъ-двѣ...

«— Евдокимъ! Нѣтъ ли у тебя пятака?

«— Ну только, продолжалъ хозяинъ, — съ чего-то давно перестал ѣздить... ужь и голова былъ! еще давай гривенникъ... За тобой ничего не останется.

«...Однако мужики поняли, что все-таки надо соображать и слѣдить за разсчетомъ, хотя дворникъ завелъ рѣчь о курскомъ разскащикѣ. Вслѣдствіе этого мужики снова приняли мрачный видъ, напрягая все свое вниманіе на вычисленія.

«— Егоръ! погляди: это двугривенный, али нѣтъ?

«— Ну-ко... не разберу, парень...

«— Подай-ко сюда!

«— Смотри, малый!

«— Это фальшивый!... у меня ихъ много было...

«— Хозяинъ, ты что за овесъ кладешь?

«— Тридцать серебромъ. Василій! сказалъ хозяинъ:—ты о чемъ хлопочешь! Вѣдь ты съ Кондрашкой изъ одного села?

«— Да какже... одной державы.... только вотъ разумомъ-то мы не измыслимъ.

«— Вы такъ считайте: положимъ щи да квасъ — сколько составляютъ? восемь серебра. Эхъ, — писаря! За чѣмъ сѣкутъ-то васъ?

«— Извѣстно, сѣнуть зачѣмъ... Ну начинай, Кондратій: щи, да квасъ...

«— А тамъ овесъ пойдетъ...

«— Овесъ послѣ... ты ассигнацію-то вынь: по ней будемъ смотрѣть...

«— Вы, ребята, ровнѣй кошели-то держите... счетъ ловчѣй пойдетъ...

«— Не сбивай!... Э!... вотъ тебѣ и работа вся: съ одного конца счелъ, съ другаго забылъ.

«Черезъ часъ, послѣ нѣсколькихъ вразумленій мужикамъ, хозяинъ, придерживая одной рукой деньги, другой счеты, вышелъ вонъ изъ избы, оставивъ всѣхъ мужиковъ съ кошелями на шеяхъ за столомъ.

«— По скольку же онъ клалъ за овесъ?

«— А кто его знаетъ... Ты ему гляди въ зубы-то: онъ на тебя то наворетъ, что зазимуешь здѣсь...

«— Вотъ тамъ!... Чего опасаться? Ты чихверя-то знаешь? Валяй, чихверями... Пиши...

«Мужики окружили пишущаго.

«— Это ты что поставилъ?

«— Чихверю...

«— Ну? это палка что? щи?

«— Нѣтъ, квасъ...

«— Какой тамъ? Я пишу, что съ хозяина приходится...

«— Слушай его!... Ты, Гаврила, про что давеча мнѣ говорилъ?

«— Да не помнишь, сколько ты у меня взялъ въ Ендовѣ?

«— Постой! Я тебѣ давно говорилъ, Гаврила, ты восчувствовать долженъ. На прошлой станціи кто платилъ? Небойсь я!

«— Ну, ты погоди говорить: сколько за свой товаръ прикащикъ далъ на всѣхъ?

«— По гривнѣ.

«— Ну, ладно· ты разложи эти гривны здѣсь на лавкѣ; пойдемъ сюда къ печи...

«— Что тамъ дѣлать? А ты мнѣ скажи: ты пилъ вчера вино?

«— Нѣтъ.

«— Ну, третёводни?

«— Нѣтъ.

«— Ты Бога-то, я вижу, забылъ...

«— Я, братъ, Бога помню чудесно...

«— Нѣтъ, ребята, лучше валяй чихверями; мы его живо обработаемъ! Нарисуй-ко сперва овесъ...

«— Да что вы съ нимъ толкуете; давайте лучше жеребій кинемъ...

«— Для чего жеребій?

«— Развѣдать: можетъ, кто изъ насъ плутуетъ...

«— Такъ и увязъ!... Тутъ одно спасенье въ чихверяхъ... Наука вострая!

«— Андрей! сочти мнѣ, пожалуйста.

«— Давай. Ты что бралъ?

«— Сѣно, да ѣлъ вчера убоину...

«— Ну? а кашу?

«— Нѣтъ... не ѣлъ... что жь...

«— А у тебя всѣхъ денегъ-то сколько?...

«— Съ меня приходилось сперва сорокъ три... а всѣхъ денегъ, что такое?... Куда я дѣвалъ грошъ-то?

«— Ну, ты гляди сюда; что я-то говорю: ты убоину-то ѣлъ?

«— Да про что жь я говорю: жралъ и убоину, пропади она!

«— Ну, коли такъ, дешево положить нельзя.

«— Что за оказія? куда жь это грошъ дѣвался?

«— Ребята, будетъ вамъ спорить! Бросай и чихверя, и разговоры; пустимъ все на власть Божью!

«— Да нынче такъ пустилъ, завтра пустилъ—этакъ до Москвы десять разъ умрешь съ голоду! Покрайности—башку понабьешь счетами, а то смерть! Я тебѣ головой отвѣчаю: что чихверь — первая вещь на свѣтѣ!

«— Ну, ребята, бросай все!

«— Бросай!... провалиться ей пропадомъ.

«— Какъ провалиться!... Эко ты!

«— Нѣтъ, надо считать!... Какъ можно!

«— Извѣстно считать... Ай мы богачи какіе?

«— Ивлій! не знаешь ли: пять да восемь — сколько?

«— Пять да восемь... восемь... восемь... А ты вотъ что, малый, сдѣлай, поди острыгай лучиночку и надѣлай клепышковъ, знаешь...

«Мужики въ безпорядкѣ ходили по избѣ, обращаясь другъ-къ-другу и придерживая кошели: кто спорилъ, кто раскалывалъ лучину: иные забились въ уголъ, высыпали деньги въ подолъ и твердили про себя, перебирая по пальцамъ: «первой, другой»... Два мужика у печи сидѣли другъ противъ друга и говорили:

«— Примѣрно, ты будешь двугривенный, а я четвертакъ... этакъ слободнѣй соображать...

«Одинъ будилъ на печи лакея, не зная, что дѣлать съ своею головою; другой будилъ мѣщанина, который закрывался шубой и крѣпко ругался, покрывая голоса всѣхъ мужиковъ.

«Наконецъ мужики бросили всѣ разсчеты и счеты и, перекрестившись, съѣхали со двора. Недоспавшій лакей укутался на возу, ни слова не говоря ни съ кѣмъ.

«На улицѣ было темно; метель была пуще, чѣмъ вечеромъ; вѣтеръ такъ и силился снять съ мужиковъ армяки. — Верстахъ въ пяти отъ станціи, на горѣ, одинъ мужикъ крикнулъ:

«— Эй, Егоръ!... А вѣдь я сейчасъ дознялъ, что хозяинъ-то меня обсчиталъ.

«— И меня, парень, тоже; ты разсуди: четверикъ овса... да и еще въ прошлую зиму на немъ имѣлъ полмѣры... вотъ и выходитъ...

«— А ты что ужиналъ?

«— Да хлѣбъ, квасъ и щи.

«— Нѣтъ, ты вотъ что возьми, перебилъ первый мужикъ,—и начался продолжительный споръ съ разными головоломными соображеніями.

«Вьюга выла немилосердно, отъ сильнаго мороза мужики часто закрывали свои лица полами армяковъ.»

Кажется, если бы г. Успенскій написалъ только эти три-четыре страницы о народѣ, мы и тогда должны были бы назвать его человѣкомъ, которому удалось такъ глубоко заглянуть въ народную жизнь и такъ ярко выставить передъ нами коренную причину ея тяжелаго хода, какъ никому изъ другихъ беллетристовъ. Когда вы прочтете эти страницы, вы вспомните, что было кое-что о томъ же предметѣ замѣчаемо и другими, начиная съ знаменитой сцены въ «Мертвыхъ душахъ», когда Чичиковъ распрашиваетъ у мужика о дорогѣ въ деревню Маниловку. Но то все говорилось мимоходомъ и смыслъ сказаннаго сглаживался рѣзкимъ выставливаніемъ другихъ подробностей народной жизни. А г. Успенскій заботливо всмотрѣлся въ эту главную черту и далъ намъ вдоволь полюбоваться на нее, не отвлекая отъ нея нашего пристальнаго взгляда ничѣмъ другимъ, болѣе разнообразнымъ или живымъ. Скажите же, не наводило на васъ тоску то же самое безконечное толкованье нашихъ простолюдиновъ, напрасно бьющихся надъ соображеніемъ самымъ простымъ? Вотъ сколько часовъ бьются люди, чтобы сосчитать сумму въ какія нибудь сорокъ копѣекъ, — сумму, составляющуюся изъ сложенія всего какихъ нибудь трехъ-четырехъ статей. Господи, какъ ломаютъ они голову, какихъ штукъ ни придумываютъ, чтобы одолѣть эту трудность! и просто считаютъ, и мѣломъ рисуютъ, и на счетахъ выкладываютъ, и какими то чихверями валяютъ и все-таки такъ-таки и отдали деньги и уѣхали съ постоялаго двора, не сосчитавъ, сколько они должны заплатить и правильно ли требуетъ съ нихъ хозяинъ. Цѣлыя пять верстъ уже проѣхали они въ темнотѣ по сугробамъ, и навѣрное цѣлыхъ два часа ѣхали, и все въ размышленіяхъ о неконченномъ разсчетѣ,—тутъ только наконецъ показалось одному, будто онъ сообразилъ свой разсчетъ, но и это чуть ли не было ошибкой: по крайней мѣрѣ найденное имъ рѣшеніе задачи вызвало новые нескончаемые толки.

Правда ли это? Такъ ли оно дѣйствительно бываетъ? Скажите

же после этого, гдѣ же прославляемая смѣтливость русскаго простолюдина? Только немногіе, очень горячо и небезтолково любящіе народъ поймутъ, какъ достало у г. Успенскаго рѣшимости выставить передъ нами эту черту народа безъ всякаго смягченія. Да понималъ ли онъ что дѣлаетъ? Только въ томъ случаѣ, если не понималъ онъ, и могутъ простить ему этотъ отрывокъ квасные патріоты, разрядъ которыхъ гораздо обширнѣе, чѣмъ воображаютъ разные господа, подсмѣивающіеся надъ квасными патріотами, а сами принадлежащіе къ ихъ числу. Вѣдь г. Успенскій выставилъ намъ русскаго простолюдина простофилею. Обидно, очень обидно это краснорѣчивымъ панегиристамъ русскаго ума,—глубокаго и быстраго народнаго смысла. Обидно оно, это такъ, а все-таки объясняетъ намъ ходъ народной жизни и, къ величайшей досадѣ нашей, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить эту жизнь, кромѣ тупой нескладицы въ народныхъ мысляхъ. Если сказано «простофиля», вся его жизнь понятна:

«Я въ деревню: мужикъ! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно!
Я въ другую: мужикъ! хорошо ли ѣшь, пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно!
Ужь я въ третью: мужикъ! что ты бабу бьешь?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду!
Я, въ четверту: мужикъ! что въ кабакъ ты идешь?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду.
Съ голоду, родименькій, съ голоду!»

Жалкіе отвѣты, слова нѣтъ, но глупые отвѣты. «Я живу холодно, холодно.» — А развѣ не можешь ты жить тепло? Развѣ нельзя быть избѣ теплою?— «Я живу голодно, голодно.» — Да развѣ нельзя тебѣ жить сытно, развѣ плоха земля, если ты живешь на черноземѣ, или мало земли вокругъ тебя, если она не черноземъ,—чего же ты смотришь?—«Жену я бью, потому что разсерженъ холодомъ». — Да развѣ жена въ этомъ виновата? — «Я въ кабакъ иду съ голоду.» — Развѣ тебя накормятъ въ кабакѣ? Отвѣты твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилею. Не такъ слѣдуетъ жить и не такъ слѣдуетъ отвѣчать, если ты не глупъ.

Но только вы не забудьте, что мы видимъ въ русскомъ мужикѣ не особенное существо, у котораго «внутрѣ нѣтъ ничего одинаковаго» съ другими людьми, а видимъ въ немъ просто человѣка, и если находимъ какое нибудь качество въ дюжинныхъ людяхъ русскаго мужиц-

каго сословія, изображаемыхъ у г. Успенскаго, то въ этомъ же самомъ качествѣ мы готовы уличить и огромное большинство людей всякаго сословія,—быть можетъ и мы съ вами, читатель, не составляемъ исключенія. Исключеній мало. Они есть; но теперь, вслѣдъ за г. Успенскимъ, мы ведемъ рѣчь не объ этихъ исключеніяхъ, а о людяхъ дюжинныхъ, объ огромномъ большинствѣ людей.

Русскому мужику трудно связать въ головѣ дѣльнымъ образомъ двѣ дѣльныя мысли, онъ безконечно ломаетъ голову надъ пустяками, которые ясны, какъ дважды два четыре; его умъ слишкомъ неповоротливъ, рутина засѣла въ его мысль такъ крѣпко, что не даетъ никуда двинуться,—это такъ; но какой же мужикъ превосходитъ нашего быстротою пониманія? О нѣмецкомъ поселянинѣ всѣ говорятъ тоже самое, о французскомъ — тоже, англійскій едва ли не стоитъ еще ниже ихъ. Французскіе поселяне заслужили всесвѣтную репутацію дикою неповоротливостью ума. Итальянскіе поселяне прославились совершеннымъ равнодушіемъ къ итальянскому дѣлу. Но что же говорить о какихъ бы то ни было поселянахъ, вѣдь они невѣжды, имъ натурально играть въ исторіи дикую роль, когда они не вышли изъ того историческаго періода, отъ котораго сохранились Гомеровы поэмы, Эдда и наши богатырскія пѣсни. Посмотрите на другія сословія. Въ какой кружокъ людей ни взойдите, вы не растолкуете большинству ихъ ничего превышающаго кругъ ихъ рутинныхъ понятій; вы въ Богъ-знаетъ сколько времени не научите ихъ сочетать правильнымъ порядкомъ хотя эти привычныя имъ понятія. Послѣ каждаго спора спросите, у кого хотите изъ споровшихъ, умныя ли вещи говорили его противники и понятливы ли, воспріимчивы ли были они къ его мыслямъ. Изъ тысячи случаевъ только въ одномъ скажетъ вамъ человѣкъ, что противъ его мнѣній говорили умно, съ толкомъ. Значитъ въ остальныхъ случаяхъ непремѣнно одно изъ двухъ: или дѣйствительно безтолковы люди, съ которыми спорилъ спрошенный человѣкъ, или самъ онъ безтолковъ. А вѣдь эта дилемма захватываетъ всю тысячу, за исключеніемъ одного.

Но не забудьте о чемъ мы говоримъ: мы говоримъ о томъ, хорошо ли идетъ жизнь и умѣютъ ли люди скоро сообразить, отчего она идетъ дурно и чѣмъ можно поправить ее; скоро ли и легко ли растолкуешь имъ это, если самъ понимаешь, или скоро ли поймешь чье нибудь дѣльное толкованіе, если еще не понимаешь. Вотъ только объ этомъ мы говоримъ; только тутъ люди оказываются чрезвычайно несообразительны, просто сказать тупоумны. А въ рутинныхъ дѣлахъ,—помилуйте,—почти всѣ они очень понятливы, чуть не геніальны; быть можетъ, не всегда разсудительны въ поступкахъ, — что жь дѣлать,

человѣческая слабость,—но въ мысляхъ чрезвычайно бойки. Интрижку ли устроить, отговорку ли какую придумать, намолоть ли три короба чепухи по какому нибудь разсчету,—на это мастеръ почти каждый, кто хоть сколько нибудь пообтерся въ жизни. Но вѣдь въ этихъ дѣлахъ и всякій мужикъ, въ томъ числѣ и нашъ русскій мужикъ, никому не уступитъ сообразительностію, изворотливостью, живостью и быстротой мысли. Торгуется онъ, напримѣръ, такъ, что иной сидѣлецъ можетъ ему позавидовать, — обмануть васъ, онъ такъ искусно обманетъ, что послѣ только подивишься, и вы не заблуждайтесь, не сочтите за доказательство противнаго ту нелѣпую тупоумную безсчетность, какую обнаружили ямщики г. Успенскаго въ разсчетѣ съ хозяиномъ постоялаго двора. Это случай, въ которомъ рутина показываетъ напрасность всякихъ усилій провѣрить счетъ хозяина. Считай, не считай, все-таки надобно отдать сколько онъ требуетъ. Вы сами бываете точно въ такомъ же глупомъ положеніи при всякомъ выѣздѣ изъ гостинницы. Богъ знаетъ чего не напишутъ вамъ въ счетъ, какихъ дикихъ прибавокъ не набьютъ туда, и какихъ несообразныхъ цѣнъ не выставятъ. Считайте вы или несчитайте, уличайте плутни или не уличайте, спорьте противъ нихъ или не спорьте, все равно вы заплатите сполна по счету, фальшивость котораго очевидна. Послѣ этого, какая же собственно польза считать и провѣрять? Но вы все-таки дѣлаете это — просто по рутинѣ, говорящей людямъ вашего сословія, что они должны выражать неудовольствіе на содержателей гостинницъ, бранить ихъ при расплатѣ, даже дѣлать имъ не совсѣмъ приличныя для васъ самихъ сцены. Умна ли эта рутина сердиться, горячиться и не предпринимать ничего для устраненія плутовства? У мужиковъ другая рутина: у нихъ прямо сидитъ въ головѣ мысль, что хозяина постоялаго двора не переспоришь и что поэтому провѣрять его счетъ или считать самому—дѣло напрасное; вотъ только поэтому такъ и тупоумны мужики въ разсчетѣ: они сами чувствуютъ, что занимаются пустяками; рутина сложилась у нихъ въ такую форму: толку въ этихъ счетахъ нѣтъ и не добьешься до него. Вы видите, что они точно такъ и дѣлаютъ: начнутъ считать и тотчасъ же бросятъ; опять начнутъ и опять бросятъ.

Рутина господствуетъ надъ обыкновеннымъ ходомъ жизни дюжинныхъ людей и въ простомъ народѣ, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ, и въ простомъ народѣ рутина точно такъ же тупа, пошла, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Заслуга г. Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ отважился безъ всякихъ утаекъ и прикрасъ изобразить намъ рутинныя мысли и поступки, чувства и обычаи простолю-

диновъ. Картина выходитъ вовсе непривлекательная: на каждомъ шагу вздоръ и грязь, мелочность и тупость.

Но не спѣшите выводить изъ этого никакихъ заключеній о состоятельности или несостоятельности вашихъ надеждъ, если вы желаете улучшенія судьбы народа, или вашихъ опасеній, если вы до сихъ поръ находили себѣ интересъ въ народной тупости и вялости. Возьмите самаго дюжиннаго, самаго безцвѣтнаго, слабохарактернаго, пошлаго человѣка: какъ бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бываютъ въ ней минуты совершенно другаго оттѣнка, минуты энергическихъ усилій, отважныхъ рѣшеній. То же самое встрѣчается и въ исторіи каждаго народа.

Однакоже не лучше ли будетъ намъ остановиться на этомъ, и для заключенія статьи припомнить кое–какія изъ мыслей, внушенныхъ намъ книгою г. Успенскаго. Мы замѣтили радикальную разницу между характеромъ разсказовъ о простонародномъ бытѣ у г. Успенскаго и у его предшественниковъ. Тѣ идеализировали мужицкій бытъ, изображали намъ простолюдиновъ такими благородными, возвышенными, добродѣтельными, кроткими и умными, терпѣливыми и энергическими, что оставалось только умиляться надъ описаніями ихъ интересныхъ достоинствъ и проливать нѣжныя слезы о непріятностяхъ, которымъ подвергались иногда такія милыя существа, и подвергались всегда безъ всякой вины или даже причины въ самихъ себѣ. Намъ вспоминается анекдотъ, слышанный отъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ беллетристовъ, знаменитаго мастерствомъ разсказывать анекдоты. Мы надѣемся, онъ не посѣтуетъ на насъ за то, что мы воспользуемся этою его разговорною собственностію. Анекдотъ начинается съ того, что въ будуаръ жены входитъ мужъ, человѣкъ, занимающій очень почетное положеніе въ обществѣ и знаменитый своею любовью къ народу,—любовью, которую умѣлъ онъ перелить и въ нѣжное сердце своей прекрасной супруги. Онъ застаетъ пышную красавицу въ горькихъ слезахъ надъ развернутою книжкою русскаго журнала. — «Душенька: о чемъ ты такъ расплакалась?»—«Ахъ, Боже мой!....»—голосъ жены прерывается отъ рыданій.—«Душенька, да что же такое, скажи ради Бога?» — «Боже мой! какіе несчастные....» — и опять голосъ прерывается отъ рыданій. — «Ангелъ мой! успокойся.... что такое?»—«Несчастные мужики, ахъ какіе несчастные! Здѣсь написано, что они не пьютъ кофе!...» — Намъ представляется, что сострадательная дама читала одну изъ тѣхъ прекрасныхъ повѣстей, въ которыхъ такъ интересно изображался простонародный бытъ.

Книгу г. Успенскаго навѣрное отбросила бы она, съ негодованіемъ

на автора, разсказывающаго о нашихъ мужичкахъ такія грязныя пошлости. Очерки г. Успенскаго производятъ тяжелое впечатлѣніе на того, кто не вдумается въ причину разницы тона у него и у прежнихъ писателей. Но вдумавшись въ дѣло, чувствуешь, что очерки г. Успенскаго — очень хорошій признакъ. Мы замѣчали, что рѣшимость г. Успенскаго описывать народъ въ столь мало лестномъ для народа духѣ свидѣтельствуетъ о значительной перемѣнѣ въ обстоятельствахъ, о большой разности нынѣшнихъ временъ отъ недавней поры, когда ни у кого не поднялась бы рука изобличать народъ. Мы замѣчали, что рѣзко говорить о недостаткахъ извѣстнаго человѣка или класса, находящагося въ дурномъ положеніи, можно только тогда, когда дурное положеніе представляется продолжающимся только по его собственной винѣ и для своего улучшенія нуждается только въ его собственномъ желаніи измѣнить свою судьбу. Въ этомъ смыслѣ надобно назвать очень отраднымъ явленіемъ разсказы г. Успенскаго, въ содержаніи которыхъ нѣтъ ничего отраднаго.

Особенность таланта г. Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ безъ церемоніи, какъ о людяхъ, которыхъ онъ самъ считаетъ и читатель его долженъ считать за людей, одинаковыхъ съ собою, за людей, о которыхъ можно говорить откровенно все, что замѣчаешь о нихъ. Онъ ни мало не стѣсняется въ ихъ обществѣ. Мы увѣрены, читая его книгу, что когда онъ сидитъ на постояломъ дворѣ или за обѣдомъ у мужика, или бродитъ между народомъ на гуляньи, его сиволапые собесѣдники не дѣлаютъ о немъ такого отзыва, что вотъ, дескать, какой добрый и ласковый баринъ, а говорятъ о немъ за-просто, какъ о своемъ братѣ, что, дескать, это парень хорошій и можно водить съ нимъ компанство. Десять лѣтъ тому назадъ не было изъ насъ, образованныхъ людей, такого человѣка, который производилъ бы на крестьянъ подобное впечатлѣніе. Теперь оно производится нерѣдко. Если вы одѣты не Богъ-знаетъ какъ богато, если вы человѣкъ простой по характеру, и если вы дѣйствительно любите народъ, мужикъ не отличаетъ васъ ни по разговору, ни по языку отъ своей братьи, отпущенниковъ;—это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ числѣ людей, принадлежащихъ по своимъ интересамъ къ народу, есть уже такіе, которые довольно похожи на насъ съ вами, читатель. Свидѣтельствуетъ также, что образованные люди уже могутъ, когда хотятъ, становиться понятны и близки народу. Вотъ вамъ жизнь уже и приготовила рѣшеніе задачи, которая своею мнимою трудностью такъ обезкураживаетъ славянофиловъ и другихъ идеалистовъ, вслѣдъ за славянофилами толкующихъ о надобности намъ дѣлать какіе-то фантастическіе фокусъ-покусы для сбли-

женія съ народомъ. Никакихъ особенныхъ штукъ *для* этого не требуется: говорите съ мужикомъ просто и непринужденно, и онъ пойметъ васъ; входите въ его интересы, и вы пріобрѣтете его сочувствіе. Это дѣло совершенно легкое *для* того, кто въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ, — любитъ не на словахъ, а въ душѣ.

ПОЛИТИКА.

МИНИСТЕРСТВО ФУЛЬДА. — ШАТКОСТЬ МИНИСТЕРСТВА РИКАСОЛИ. — ДѢЛО ОБЪ АРЕСТѢ МЕЗОНА И СЛАЙДЕЛЛЯ. — БЬЮФОРТСКІЕ НЕГРЫ.

Когда оканчивалось печатаніе предыдущей книжки, явилась въ газетахъ телеграфическая депеша, говорившая о докладѣ Фульда императору французовъ, о совершенномъ согласіи Наполеона III съ этимъ документомъ и съ находившимся въ немъ требованіемъ возстановить политическую свободу во Франціи. Мы могли бы еще успѣть прибавить къ тогдашнему политическому обозрѣнію нѣсколько словъ объ этомъ извѣстіи; но не захотѣли хлопотать о томъ, не думая, чтобы дѣло стоило хлопотъ. Оно дѣйствительно такъ и вышло.

Но, какъ предметъ любопытства, докладъ Фульда—вещь неоцѣнимая. Вообразите себѣ, что всѣ органы французскаго правительства постоянно доказывали цвѣтущее благосостояніе французскихъ финансовъ; что малѣйшее сомнѣніе въ этомъ со стороны независимыхъ газетъ объявлялось злонамѣренною клеветою и подвергалось надлежащимъ взысканіямъ,—и вдругъ, безъ всякихъ прелюдій, «Монитёръ» представилъ глазамъ удивленной публики документъ въ слѣдующемъ родѣ. При существующемъ порядкѣ французскаго финансоваго управленія, говоритъ Фульдъ:

«Невозможно было законодательному корпусу съ точностью знать финансовое положеніе. Каждый бюджетъ представлялся оставляющимъ излишекъ доходовъ и каждый оказывался имѣющимъ дефи-

цитъ. Въ восемь лѣтъ, съ 1851 до 1858 года, дополнительные и чрезвычайные кредиты, увеличивавшіе представляемый законодательному корпусу бюджетъ расходовъ, простирались не менѣе, какъ до 2,400 милліоновъ франковъ; если исключить отсюда издержки восточной войны, простиравшіеся до 1,350 милліоновъ, остается 1,050 милліоновъ франковъ дополнительнаго и чрезвычайнаго расхода за восемь лѣтъ, или, среднимъ числомъ, по 130 милліоновъ франковъ въ годъ. — Нашимъ финансамъ существенно опасно то, что правительство декретируетъ расходы безъ контроля законодательной власти. — Конституція предоставила законодательному корпусу право вотировать налоги; но это право было бы почти пустымъ словомъ, если дѣла останутся въ нынѣшнемъ своемъ положеніи. — Съ 1858 года факты стали, къ несчастію, еще болѣе серьёзными. Дополнительные расходы въ 1861 году простираются почти до 200,000,000 фунтовъ Изучая финансовый вопросъ, легко предвидѣть, что если система не будетъ измѣнена, мы скоро увидимъ себя въ серьёзнѣйшемъ затрудненіи.»

Фульдъ снова перечисляетъ расходы, произведенные съ 1851 года до нынѣшняго времени безъ контроля законодательной власти, — расходы, составлявшіе дефицитъ, и находитъ, что въ 10 лѣтъ они простирались до 2,800 милліоновъ франковъ. «Изъ этого мы видимъ, продолжаетъ онъ, какъ возросъ государственный долгъ. На покрытіе этихъ расходовъ призывалась помощь кредита во всѣхъ формахъ; но было бы очень опаснымъ обольщеніемъ безконечно расчитывать на кредитъ. Его состояніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе императора, что наше финансовое положеніе стало теперь главнымъ предметомъ общихъ разговоровъ. При разсмотрѣніи бюджета на нынѣшній годъ было высчитано, что въ концѣ его дефицитъ будетъ простираться до 1,000 милліоновъ франковъ, и эта цифра не преувеличена. Законодательный корпусъ и сенатъ уже выражали свое безпокойство объ этомъ предметѣ. Тоже самое чувство овладѣло всѣми коммерческими людьми, предсказывающими кризисъ. Истинное средство предупредить его — уничтожить источникъ зла, отказавшись отъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ. Намѣреваясь посовѣтовать вашему величеству отказаться отъ власти располагать государственными средствами безъ предварительнаго одобренія законодательнаго корпуса, я разсматривалъ, каковы были бы послѣдствія такого отреченія; и чѣмъ глубже вникалъ я въ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что это право ставитъ васъ, государь, въ важное затрудненіе. Отрекшись отъ него, вы возстановите довѣріе Франціи къ правительству. Потому съ глубокимъ убѣжденіемъ я умоляю ваше величество возвратить законода-

тельному корпусу его неоспоримыя права. Всеподданнѣйшій слуга вашего величества А. Фульдъ.»

Каждому понятенъ смыслъ этого доклада, приведеннаго нами въ извлеченіи. Фульдъ говоритъ, что правительство было расточительно, истощило средства Франціи, привело казну къ банкротству, котораго можно избѣжать только совершеннымъ измѣненіемъ правительственной системы; онъ говоритъ, что кредитъ правительства разстроенъ, что Франція не имѣетъ къ нему довѣрія и ждетъ кризиса. — Короче сказать, докладъ имѣлъ такое содержаніе, что не будь подъ нимъ подписи Фульда, надобно было бы его авторомъ считать какого нибудь непримиримаго противника наполеоновской династіи. Но «Монитёръ» обнародовалъ вмѣстѣ съ докладомъ письмо самого императора французовъ къ государственному министру, и въ письмѣ этомъ удивленная публика читала слѣдующія слова:

«Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ г. Фульда о нашемъ финансовомъ положеніи. Я всегда желалъ удержать бюджетъ въ опредѣленныхъ границахъ; но непредвидѣнныя обстоятельства и постоянно возраставшія надобности, къ несчастію, не дозволяли мнѣ достичь этой цѣли. Будучи вѣренъ своему происхожденію, я не могу считать правъ короны ни священнымъ даромъ, до котораго нельзя касаться, ни наслѣдствомъ предковъ, которое долженъ былъ бы я въ цѣлости передать своему сыну. Будучи избранъ народомъ и служа представителемъ его интересовъ, я всегда безъ сожалѣнія покину всѣ права, ненужныя для общественной пользы.»

Что же такое обозначалось напечатаніемъ такого письма при такомъ докладѣ? Дѣло ясное: императоръ французовъ говорилъ, что до сихъ поръ пользовался правами, несогласными съ благомъ страны, и долженъ теперь отказаться отъ нихъ. Въ другомъ письмѣ, тутъ же напечатанномъ и обращенномъ къ Фульду, онъ говорилъ автору сокрушавшаго прежнюю правительственную систему доклада, что проситъ его принять на себя управленіе финансами; потому что не можетъ обойтись безъ его помощи, рѣшившись править отнынѣ по новой системѣ, не похожей на прежнюю.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что зрѣлище такой перемѣны должно было, по мнѣнію французскаго правительства, произвести впечатлѣніе серьёзнаго факта. Но отзывы иностранныхъ газетъ не соотвѣтствовали ожиданію, столь основательному. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ статьи, какою встрѣтила возвѣщаемый переворотъ газета «Times».

«Мрачнымъ республиканцемъ надобно назвать человѣка, который не умилится очаровательною искренностію императора французовъ. Наполеонъ III какъ будто даже радъ своимъ прежнимъ ошиб-

камъ, которыя даютъ ему случай показать, какъ мало онъ можетъ подвергать себя наказанію за нихъ. Французъ, конечно, не можетъ отказать въ своемъ довѣріи правителю, готовому, по голосу разума, явиться предъ лицомъ цѣлаго свѣта съ провозглашеніемъ, что десять лѣтъ онъ дѣлалъ вещи, которыхъ не слѣдовало дѣлать, — правителю, съ мужественнымъ прямодушіемъ исповѣдующемуся въ своихъ проступкахъ и съ любовью хвалящему рѣзкаго человѣка, изобличающаго его. Не всякій государь допустилъ бы обнародованіе документа, въ которомъ истина высказывается такъ рѣзко и неуклонно, что финансовый разсчетъ имѣетъ характеръ сатиры. — Трудно рѣшить, которому изъ двухъ произведеній надобно отдать пальму первенства, когда о пальмѣ состязуются такія сочиненія, какъ докладъ г. Фульда и письмо императора. Они совершенно достойны другъ друга. Предостереженія смѣлаго совѣтника вызвали самый приличный отвѣтъ: императоръ назначилъ его министромъ финансовъ. Правда, можно это было сдѣлать и не подвергаясь публичному наказанію отъ него. Но императоръ французовъ не такой человѣкъ, чтобы сталъ подвергать себя покаянію безъ надобности.»

Само собою разумѣется, что мы нимало не одобряемъ тона этой статьи, которую переводимъ только для того, чтобы читатель видѣлъ, какое непредвидѣнное впечатлѣніе было произведено фактомъ, разсчитаннымъ на совершенно иной эффектъ, и чтобы никто не могъ назвать неосновательными наши слова о напрасности мѣры, принятой императоромъ французовъ.

Мы называемъ ее напрасною потому, что императоръ французовъ не въ состояніи совершить провозглашаемой перемѣны, а если кто не можетъ исполнить какого нибудь намѣренія, то не долженъ онъ и говорить о надобности такого дѣла.

Мы надѣемся, что читателю не покажется странна мысль наша о недостаточности могущества императора французовъ для совершенія реформы, надобность въ которой выставляется докладомъ Фульда. Не разъ и не два «Современникъ» уже говорилъ о томъ, что номинальная обширность власти еще неравнозначительна дѣйствительному размѣру ея. Люди, судящіе поверхностно, воображаютъ, что Наполеонъ III имѣетъ силу дѣлать во Франціи все, что находитъ нужнымъ. Это справедливо только относительно личныхъ его дѣлъ. Если, напримѣръ, лично ему непріятенъ какой нибудь сановникъ, онъ можетъ смѣнить его, какъ только вздумаетъ. Если ему вздумается сдѣлать какой нибудь расходъ, онъ можетъ бросать на него деньги. Но можетъ ли онъ ввести экономію въ государственные расходы? Онъ самъ въ своемъ письмѣ говоритъ, что никогда не былъ въ силахъ сдѣлать этого, хотя постоянно желалъ. Если же

не въ силахъ былъ онъ измѣнить даже и эту одну черту системы, по которой управлялъ, то какъ же достанетъ у него силы измѣнить всю систему?

Цѣль подвига, совершеннаго столь громко, была дѣйствительно важна: огромный дефицитъ кончающагося года съ неоплаченными расходами, оставшимися отъ прежнихъ годовъ, составляетъ, какъ видимъ изъ словъ Фульда, болѣе 1000 милліоновъ франковъ. Надобно было прибѣгнуть къ обыкновенному пріему: консолидировать текущій долгъ, то есть сдѣлать процентный заемъ для его покрытія. Но въ мирное время сдѣлать такой огромный заемъ представлялось вещью очень компрометирующею: на биржѣ уже говорили, что нельзя имѣть довѣрія къ правительству, которое слишкомъ расточительно. Это обстоятельство указываетъ самъ Фульдъ, какъ мы видимъ. Вотъ и найдено было нужнымъ, какъ можно сильнѣе, увѣрить публику, что подобная операція дѣлается въ послѣдній разъ, и что не повторятся ошибки, приводившія прежде къ быстрому возрастанію государственнаго долга; потому что самъ императоръ твердо рѣшился отказаться отъ прежней системы управленія.—Это объявленіе принесло бы большую пользу задуманному финансовому обороту, если бы можно было исполнить его. Но невозможность проглядывала въ самомъ докладѣ Фульда и еще яснѣе обнаружилась обстоятельствами, связанными съ поступленіемъ въ должность новаго министра, обѣщавшаго исправить неудовлетворительную прежнюю систему.

Фульдъ и самъ императоръ французовъ находили главную причину чрезмѣрности расходовъ въ слабости контроля со стороны законодательной власти, который названъ у Фульда существующимъ только на словахъ. Что же предлагалъ сдѣлать Фульдъ?—Законодательный корпусъ не можетъ самъ рѣшать, должна ли подвергнуться измѣненію какая нибудь часть проэкта бюджета, составляемаго министрами при содѣйствіи государственнаго совѣта. Чтобы членъ законодательнаго корпуса могъ сдѣлать предложеніе о какой нибудь перемѣнѣ въ бюджетѣ, оно должно быть одобрено государственнымъ совѣтомъ. Фульдъ не предлагаетъ отмѣнить это правило, отнимающее всякую практическую важность у совѣщаній законодательнаго корпуса о бюджетѣ. Еще важнѣе другая черта нынѣшней французской конституціи: министры отвѣтственны только предъ императоромъ, и мнѣніе законодательнаго корпуса о подписываемыхъ ими актахъ не имѣетъ никакого вліянія на ходъ правительственныхъ дѣйствій. Законодательный корпусъ не имѣетъ никакого голоса при назначеніи и отставкѣ министровъ, не можетъ давать имъ никакихъ инструкцій,— они стоятъ выше законодательнаго

корпуса, исключительно подчиняясь императору. Фульдъ ничего не упоминаетъ и объ этомъ фактѣ, при которомъ самое свободное обсужденіе бюджета въ законодательномъ корпусѣ оставалось бы чистою формальностію. Если министры не зависятъ отъ законодательнаго корпуса, пусть онъ одобряетъ или не одобряетъ какую нибудь статью расхода, министры все-таки будутъ продолжать этотъ расходъ по распоряженію императора. Наконецъ и формальная отвѣтственность министровъ передъ законодательнымъ корпусомъ ровно ничего не значила бы при нынѣшнемъ составѣ законодательнаго корпуса и нынѣшней системѣ правительственнаго участія въ выборѣ депутатовъ. Читателю извѣстно, что огромное большинство въ законодательномъ корпусѣ составляютъ люди, лишенные всякой самостоятельности характера, не имѣющіе собственнаго образа мыслей и совершенно никакой опоры для себя въ себѣ самихъ, держащіеся только благосклонностью правительства, въ полное распоряженіе котораго они отдали себя. Читателю извѣстно, какимъ порядкомъ получаютъ они свои мѣста. Чтобы человѣкъ могъ предложить себя или быть предложенъ другими въ кандидаты на депутатство отъ извѣстнаго департамента, нужно получить разрѣшеніе отъ правительства; разрѣшенія этого почти никогда не дается людямъ, въ полной преданности которыхъ правительство не увѣрено. Исключеніе допускается только для немногихъ департаментовъ, въ которыхъ запрещеніе надѣлало бы слишкомъ большаго шума на цѣлую Европу по особенной значительности городовъ, находящихся въ этихъ департаментахъ; такъ допускаются оппозиціонные кандидаты въ Парижѣ, въ Ліонѣ и немногихъ другихъ мѣстахъ. Но получивъ формальное разрѣшеніе явиться кандидатами, эти лица бываютъ обыкновенно лишаемы средствъ объяснить избирателямъ свой образъ мыслей и причины, по которымъ не раздѣляютъ правительственной системы. Кромѣ того употребляются мѣстною администраціею всякія другія средства отнять у нихъ возможность успѣха. При такомъ порядкѣ выборовъ законодательный корпусъ не имѣлъ бы никакого желанія дѣйствовать самостоятельно, хотя бы на бумагѣ и пользовался всѣми правами англійскаго или бельгійскаго парламента. Огромное большинство его членовъ, находясь въ полной зависимости отъ правительства, не имѣетъ охоты сопротивляться ему ни въ чемъ. Объ этомъ обстоятельствѣ также ничего не упоминаетъ Фульдъ.

Если же законодательный корпусъ состоитъ изъ людей, впередъ готовыхъ соглашаться во всемъ съ министрами; если министры и по формѣ совершенно независимы отъ закодательнаго корпуса; если наконецъ онъ не можетъ безъ ихъ разрѣшенія (переда-

ваемаго ему через государственный совѣтъ) предлагать никакой перемѣны въ проектѣ бюджета: то очевидно, что онъ нисколько не можетъ служить преградою расширенію расходовъ, по какой бы формѣ ни происходило вотированіе бюджета. А Фульдъ предлагаетъ только перемѣну въ способѣ вотированія, и притомъ вовсе не важную. Бюджетъ расходовъ состоитъ изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ статей; статьи соединены въ главы, главы собраны въ большіе отдѣлы, большіе отдѣлы сгруппированы по министерствамъ. Единственная форма вотированія, дающая депутатамъ дѣйствительный контроль надъ расходами, состоитъ въ томъ, что парламентъ вотируетъ каждую статью расхода отдѣльно, и только для сбереженія времени удерживаетъ за собою право вотировать разомъ цѣлую главу или даже цѣлый отдѣлъ бюджета, если ни одна изъ отдѣльныхъ статей этой группы не подаетъ повода къ спорамъ. Таковъ способъ вотированія во всѣхъ парламентахъ, дѣйствительно контролирующихъ бюджетъ. Французскій законодательный корпусъ до сихъ поръ вотировалъ бюджетъ по министерствамъ; Фульдъ предлагаетъ дать ему право вотировать по отдѣламъ; до того, чтобы вотированіе шло по отдѣльнымъ статьямъ, или хотя по главамъ, Фульдъ и не думаетъ доводить свою уступку. Намъ совѣстно разсуждать съ читателемъ объ этихъ формальныхъ вопросахъ, не имѣющихъ никакого значенія при сохраненіи главныхъ принциповъ нынѣшней системы; но нельзя же не заботиться о томъ, чтобы хотя изрѣдка сравниваться мелочностью сужденій съ такъ-называемыми основательными людьми; потому мы и разсматриваемъ эту реформу въ способѣ вотированія, хотя ни онъ, ни она ровно ничего не значатъ для сущности дѣла. Формальное дѣло вотъ въ чемъ: если правительство не соглашается на перемѣну въ той части бюджета, о которой идетъ вотированіе, депутатамъ остается только одно изъ двухъ: или отступиться отъ своего желанія, принимая эту часть, какъ она стоитъ въ проектѣ, или отвергнуть ее, т. е. отказать въ деньгахъ на эту часть. Но можно ли въ обыкновенное время отказать въ разрѣшеніи на всѣ расходы по цѣлому министерству? Разумѣется, нельзя; потому что есть въ этой части бюджета очень много статей расхода на дѣла необходимо-нужныя, которыхъ нельзя остановить. Отвергнуть цѣлый бюджетъ или часть его по цѣлому министерству — мѣра революціонная, равняющаяся требованію, чтобы правительство низверглось. Совершенно иное дѣло при вотированіи отдѣльныхъ статей расхода: тутъ депутаты отвергаютъ только статьи ненужнаго расхода, безъ котораго администрація легко обходится. Но большіе отдѣлы точно также не могутъ быть отвергаемы цѣликомъ, какъ и цѣлыя министерства, потому

что въ каждомъ отдѣлѣ соединены расходы по огромной отрасли управленія, безъ которой нельзя обойтись. Напримѣръ, бюджетъ военнаго министерства состоитъ только изъ двухъ отдѣловъ: въ одномъ соединены всѣ расходы по содержанію войска, крѣпостей, арсеналовъ и такъ далѣе, въ самой Франціи; а въ другомъ всѣ военные расходы, дѣлаемые въ Алжиріи. Отвергнуть первый отдѣлъ значило бы сказать: «распустите всю армію, не оставляя во Франціи ни одного офицера, ни одного солдата; бросьте всѣ работы въ арсеналахъ», — это явная нелѣпость. Отвергнуть второй отдѣлъ значило бы сказать: «Франція должна отказаться отъ Алжиріи» — тоже явная нелѣпость. Точно тоже и по всѣмъ другимъ министерствамъ: каждый бюджетный отдѣлъ совершенно необходимъ. Стало быть, замѣна вотированія по министерствамъ вотированіемъ по отдѣламъ нисколько не увеличиваетъ для законодательнаго корпуса возможности выражать свои требованія отказомъ въ деньгахъ на тотъ или другой предметъ излишняго расхода. Вся разница состоитъ въ томъ, что вмѣсто десяти разъ надобно будетъ собирать голоса разъ семьдесятъ.

Но мы видѣли, что самъ Фульдъ называетъ всякое вотированіе бюджета чистою иллюзіею, потому что до сихъ поръ императоръ французовъ декретировалъ подъ именемъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ такіе расходы, которыхъ вовсе не было въ бюджетѣ, представлявшемся законодательному корпусу. Фульдъ справедливо замѣчаетъ, что при такомъ порядкѣ вотированіе не имѣло никакого вліянія на дѣйствительный ходъ расходовъ, которые опредѣлялись исключительно волею императора, и что отъ этого обстоятельства происходилъ дефицитъ. Такъ; но что же предлагаетъ самъ Фульдъ, убѣждая императора французовъ отказаться отъ этого права? Онъ говоритъ, что декретированіе дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ надобно замѣнить трансфертами, или переводами денегъ съ одной статьи расхода на другую, по усмотрѣнію императора, составляя бюджетъ такъ, чтобы по всѣмъ большимъ статьямъ его назначались лишнія деньги сверхъ дѣйствительной надобности расходованія по этимъ статьямъ; эти суммы, которыя превышаютъ дѣйствительную надобность, будутъ обращаемы на другіе расходы, непоименованные въ бюджетѣ. Но кто же не видитъ, что такая система ничѣмъ, кромѣ внѣшней формы, не отличается отъ прежней? Прежде, напримѣръ, законодательный корпусъ вотировалъ деньги на содержаніе арміи въ 400,000 человѣкъ, — положимъ, на это было дѣйствительно нужно 400 милліоновъ франковъ. Но императоръ содержалъ армію въ 470,000 человѣкъ и на содержаніе лишнихъ 70,000 человѣкъ декретировалъ добавочные кредиты въ 70 милліоновъ франковъ. По мнѣнію Фульда, это должно дѣлаться ина-

че: надобно, чтобы законодательный корпусъ на содержаніе арміи въ 400,000 человѣкъ вотировалъ 470 милліоновъ франковъ, хотя на такую армію дѣйствительно нужно только 400 милліоновъ; тогда остающіеся въ излишкѣ 70 милліоновъ могутъ быть употреблены на лишнихъ 70,000 солдатъ. Разумѣется, при такомъ порядкѣ составленія бюджета не нужно будетъ императору декретировать дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ.

Читатель видитъ, что перемѣны, предложенныя Фульдомъ, нимало не касались дѣйствительнаго хода дѣла, а лишь замѣняли одну внѣшнюю форму другой формой, которая только словами разнилась отъ прежней. Фульдъ, повидимому, очень хорошо понималъ размѣръ реформъ, возможныхъ для него и для самого императора. Кажется, нельзя назвать Фульда мечтателемъ. Но что же—когда онъ вступилъ въ должность, оказалось, что и онъ былъ мечтателемъ при составленіи своего плана реформы. Газеты вотъ уже цѣлый мѣсяцъ наполняются слухами о жаркихъ спорахъ между Фульдомъ и его товарищами, особенно министромъ внутреннихъ дѣлъ Персиньи. Изъ-за чего идутъ у нихъ споры, никакъ нельзя разобрать, если не вдаваться въ тонкія подразличенія, подобныя разницѣ вотированія по отдѣламъ отъ вотированія по министерствамъ, или различію трансфертовъ отъ дополнительныхъ кредитовъ. Персиньи — министръ, имѣющій вліяніе на общій духъ управленія; Фульдъ сдѣланъ министромъ точно съ такимъ же назначеніемъ. Вотъ теперь и говорятъ, что Персиньи никакъ не можетъ сойдтись съ Фульдомъ въ принципахъ, по которымъ надобно управлять Франціею. О какихъ предметахъ думаютъ они неодинаково, опредѣлить этого никто не умѣетъ. Но какъ бы то ни было, распря существуетъ; значитъ, должно же быть въ чемъ нибудь несогласіе. Очевиденъ для непосвященныхъ въ тайны только результатъ непоколебимости министра внутреннихъ дѣлъ въ его убѣжденіяхъ: новый министръ финансовъ не успѣлъ пріобрѣсти въ совѣтѣ министровъ того преобладанія, на которое разсчитывалъ. Онъ добивался председательства въ кабинетѣ—оно оставлено за Валевскимъ, такъ-называемымъ «государственнымъ министромъ», который по своей незначительности не внушаетъ зависти министру внутреннихъ дѣлъ. Фульдъ добивался, чтобы въ его непосредственное завѣдываніе былъ отданъ «Монитёръ», которымъ завѣдывалъ «государственный министръ»; «Монитёръ» также оставленъ у Валевскаго. Вотъ эти причины разногласія понятны и безъ тонкихъ разъясненій. Персиньи, не находившій удобнымъ садиться на первое мѣсто и прямо распоряжаться въ редакціи «Монитёра», не хочетъ, чтобы перешла эта честь и власть изъ рукъ его кліента Валевскаго

въ руки Фульда, если Фульдъ не станетъ оказывать ему такой же подчиненности, какую оказывалъ Валевскій; Фульдъ не хочетъ смириться передъ Персиньи, потому не получаетъ желаемаго, и натуральнымъ образомъ идутъ изъ-за этого интриги и ссоры. Проницательные публицисты, ломающіе головы надъ разрѣшеніемъ важнаго вопроса о томъ, кто полезнѣе для Франціи, Фульдъ или Персиньи, предсказываютъ, что Персиньи будетъ наконецъ побѣжденъ и удалится въ почетное изгнаніе на прежнюю свою должность лондонскаго посланника. Мы избавляемъ читателя отъ глубокомысленныхъ соображеній о вліяніи этой перестановки лицъ на духъ правительственной системы и отъ догадокъ о вѣроятности самой перестановки.

Споры съ Персиньи и Валевскимъ составляютъ живѣйшую непріятность для Фульда. Иное дѣло министры военный и морской, съ которыми Фульдъ уже перестадъ спорить, не замедливъ убѣдиться въ невозможности опровергнуть ихъ слова, совершенно справедливыя, но разсѣявшія самую значительную изъ иллюзій Фульда. Выставляя громадность дефицита, Фульдъ, конечно, говорилъ о необходимости ввести экономію въ государственные расходы. Сократить ихъ онъ хотѣлъ преимущественно по двумъ статьямъ — по флоту и по арміи. Немедленно по вступленіи Фульда въ должность, морской министръ объявилъ, что расходовъ по флоту нельзя уменьшить ни на одинъ сантимъ, и что разсуждать объ этомъ дѣлѣ онъ не намѣренъ. Фульдъ не сталъ спорить. Но военный министръ оказался человѣкомъ, съ которымъ можно спорить не безъ удовольствія и успѣха. Фульдъ толковалъ о сокращеніи арміи на цѣлую половину. Военный министръ сказалъ, что можно подумать о нѣкоторомъ сокращеніи расхода. Фульдъ вдвое сбавилъ свои требованія — рѣчь пошла объ увольненіи 100,000 солдатъ въ безсрочный отпускъ. Военный министръ сказалъ, что это пустяки. Фульдъ заикнулся было, чтобы отпустить хотя 80,000 солдатъ,—военный министръ пожалъ плечами. Фульдъ, видя неосновательность своихъ мыслей, попросилъ военнаго министра самого рѣшить, нельзя ли сдѣлать чего нибудь въ такомъ родѣ, хотя въ какомъ нибудь размѣрѣ. Военный министръ сказалъ, что онъ, пожалуй, отпуститъ на нѣкоторое время тысячъ до двадцати солдатъ; но только не на годъ, а такъ на нѣсколько мѣсяцевъ, или быть можетъ на нѣсколько недѣль. Фульдъ остался доволенъ и тѣмъ.

Вотъ мы видимъ тутъ, какъ хорошо улаживаются благоразумные люди, когда несогласны бываютъ не въ личныхъ своихъ дѣлахъ, а въ общественныхъ вопросахъ. Военному и морскому министрамъ Фульдъ уступилъ безъ всякаго огорченія, потому что дѣло тутъ шло только о возможности или невозможности уменьшить дефицитъ.

Нельзя, такъ и нельзя, обижаться и огорчаться тутъ нечему. Мы увѣрены, что и съ Персиньи Фульдъ поладилъ бы такъ же легко, если бы споръ относился къ какимъ нибудь общественнымъ надобностямъ. Но къ сожалѣнію, не столь уступчивы бываютъ самые достойнѣйшіе люди въ своихъ личныхъ требованіяхъ. Впрочемъ читатель не поколеблется въ надеждѣ, что никакія несогласія между французскими сановниками не испортятъ системы, по которой управляется Франція. Принципы этой системы выше всякихъ личныхъ неудовольствій, они вытекаютъ изъ необходимости вещей.

Дѣйствительно, пока французскія партіи не согласились между собою, или пока ни одна изъ нихъ не привлекла къ себѣ рѣшительнаго большинства во французской націи, необходимо существовать такому правительству, при которомъ находились бы всѣ партіи въ искуственномъ перемиріи между собою. А для этого нужно, чтобы ни одна изъ нихъ не участвовала въ правительствѣ. Если же всѣ партіи устранены взаимными своими отношеніями отъ правительственной власти, то, конечно, некому быть правителями, кромѣ людей чуждыхъ всѣмъ партіямъ. Нынѣшніе французскіе правители формально присвоиваютъ себѣ это качество,—непринадлежность ни къ какимъ партіямъ,—и гордятся имъ.

Перемѣна, приближеніе которой обнаруживается документами, подобными докладу Фульда, въ значительной степени замедляется тѣмъ, что вниманіе французскаго общества сильно отвлечено отъ внутреннихъ дѣлъ внѣшними политиками. Въ этомъ заключается главный разсчетъ французскаго правительства мѣшать устройству итальянскихъ дѣлъ. Пусть лучше, чѣмъ о своихъ дѣлахъ, французы разсуждаютъ о томъ, какую пользу извлекаютъ итальянцы изъ покровительства императора французовъ, или какой вредъ наноситъ имъ его враждебность; пусть идутъ споры о томъ, каковы истинныя отношенія парижскаго кабинета къ туринскому, думаетъ ли императоръ когда нибудь вывести французскія войска изъ Рима и такъ далѣе; развязка этихъ сомнѣній была бы вредна тѣмъ, что оставила бы французамъ больше времени думать о самихъ себѣ.

А въ Италіи усиливается неудовольствіе медленностью хода дѣлъ. Оно дошло до того, что министерство Рикасоли колеблется ропотомъ значительной части большинства, непоколебимо вотировавшаго за Рикасоли въ предыдущую сессію парламента. Мы говорили прошлый разъ, что туринскіе министры дѣлали отчаянныя усилія выпросить у императора французовъ, если не дѣйствительную уступку, то по крайней мѣрѣ хотя какое нибудь обѣщаніе по римскому вопросу, чтобы не явиться передъ парламентомъ съ пустыми руками. Ходъ переговоровъ составлялъ дипломатическую тайну; тѣмъ не ме-

ные газеты очень вѣрно знали безуспѣшность ихъ. Теперь Рикасоли принужденъ былъ сознаться передъ парламентомъ, что римскій вопросъ ни на шагъ не подвинулся дипломатическимъ путемъ. Кромѣ этой неудачи, въ которой туринское министерство нимало невиновато, — никто бы не могъ добиться другаго результата, дѣйствуя по принципамъ, въ которыхъ министерство согласно съ парламентскимъ большинствомъ, — кромѣ этой безвинной неудачи, Рикасоли сильно потерпѣлъ отъ обстоятельства, въ которомъ уже самъ виноватъ. Читатель помнитъ о томъ, что неаполитанскій намѣстникъ Чальдини, лучшій боевой генералъ прежней пьемонтской арміи, получалъ безпрестанныя непріятности за то, что не отталкивалъ отъ себя популярныхъ людей, безъ содѣйствія которыхъ не могли быть успокоены волненія въ южной Италіи. Онъ возстановилъ въ Неаполѣ популярность Виктора-Эммануэля, потрясенную дурными мѣрами прежнихъ намѣстниковъ, дѣйствовавшихъ по узкимъ инструкціямъ туринскаго кабинета и, заслуживъ привязанность населенія южной Италіи, прекратилъ въ ней бурбонскую агитацію, принимавшую опасные размѣры. Но въ этомъ помогали ему люди, ненавистные туринскому кабинету, въ качествѣ мадзинистовъ или гарибальдійцевъ, и Рикасоли, вѣрный наслѣдникъ кавуровской нетерпимости, далъ, въ обидныхъ формахъ, отставку Чальдини. Такое неблагоразумное оскорбленіе человѣка, уважаемаго за военныя заслуги, а еще больше за честность характера, оттолкнуло отъ Рикасоли многихъ. Чальдини перешелъ на сторону оппозиціи, усилившейся значительнымъ числомъ голосовъ. Теперь разсчитываютъ, что если партія умѣренной оппозиціи, руководимая Фарини, соединится съ людьми нѣсколько побольше либеральными, предводителемъ которыхъ служитъ Раттацци, то Рикасоли будетъ низвергнутъ, и въ кабинетъ войдутъ Чальдини, Раттацци, Фарини. Очень можетъ быть, что это и случится. Но если перемѣна будетъ состоять только въ этомъ, — она не будетъ имѣть никакого вліянія на ходъ дѣлъ, которыя пойдутъ быстрѣе только въ томъ случаѣ, если Раттацци, сдѣлавшись первымъ министромъ, захочетъ опираться не на Фарини, ставшаго въ непримиримую вражду съ популярными людьми, а на этихъ людей, съ которыми легко ему сблизиться и по своимъ прежнимъ сношеніямъ съ ними и чрезъ Чальдини. Мы еще не знаемъ, какъ думаетъ дѣйствовать Раттацци: считаетъ ли онъ себя довольно сильнымъ, чтобы составить кабинетъ, или предпочтетъ по прежнему оставлять власть въ рукахъ Рикасоли; а если захочетъ низвергнуть Рикасоли, то захочетъ ли опираться на лѣвую сторону; намъ кажется, что теперь еще неправдоподобенъ этотъ послѣдній шансъ; но къ нему постепенно ведетъ возрастающее неудовольствіе

безуспѣшностью дипломатизированія, наслѣдованнаго нынѣшнимъ министерствомъ отъ Кавура.

Если бы Францiя была совершенно свободна въ своей внѣшней политикѣ, неопредѣленное положеніе итальянскаго дѣла было бы очень быстро развязано вооруженнымъ вмѣшательствомъ Францiи, которая возстановила бы въ Италіи порядокъ, назначенный условіями виллафранкскаго договора. Королевство Обѣихъ Сицилій воскресло бы или съ прежнею бурбонскою, или съ новою мюратовскою династіею, а средняя Италія была бы опять какъ нибудь раздѣлена между папою и кѣмъ нибудь изъ прежнихъ владѣтелей, или принцемъ Наполеономъ. Французскій кабинетъ никогда не отказывается отъ желанія привести Италію въ такой видъ, благопріятный французскому господству надъ нею. Но для исполненія этой мысли нужна война съ итальянцами, а войны этой не хочетъ допускать Англія. Слѣдовательно французскому кабинету очень сподручно было бы запутать Англію въ какое нибудь дѣло, за которымъ не могла бы она останавливать французовъ ни въ итальянскихъ, ни въ нѣмецкихъ дѣлахъ (читатель знаетъ, что вмѣшательство въ германскія дѣла также очень привлекательно для Францiи). Недавно и блеснулъ было для Францiи лучъ надежды избавиться отъ англійскаго контроля въ Европѣ. Но по послѣднимъ извѣстіямъ, надежда оказывается разрушающеюся.

Она состояла въ томъ, что Англія объявитъ войну Соединеннымъ Штатамъ. Намъ скучно бываетъ разбирать дѣла, которыя сами по себѣ не имѣютъ важности, а выставляются только предлогами, прикрывающими серьезный разсчетъ, да и ведутся по формальнымъ тонкостямъ, изворачивающимся въ какую угодно сторону; тѣмъ скучнѣе толковать о подобныхъ дѣлахъ, что газеты съ необыкновенною охотою набрасываются на такой вздоръ и трубятъ о немъ гораздо больше, чѣмъ о серьезныхъ отношеніяхъ. Читатель не можетъ не знать мельчайшихъ подробностей англо-американскаго столкновенія, о которомъ собственно не стоило бы говорить ни одного слова. Посланники южныхъ штатовъ въ Англію и во Францію, Мезонъ и Слайделль, успѣли на пути своемъ въ Европу добраться до Гаванны и сѣли тамъ на англійскій почтовый пароходъ, дѣлающій рейсы между Гаванною и вестъ-индскимъ островомъ св. Ѳомы, откуда ходятъ англійскіе почтовые пароходы прямо въ Англію. Сѣверо-американскій военный корабль подстерегалъ этихъ агентовъ, остановилъ англійскій пароходъ, на которомъ они ѣхали, взялъ ихъ и отвезъ въ сѣверные штаты, гдѣ вашингтонское правительство содержитъ ихъ подъ арестомъ. Въ Англіи эта вѣсть пробудила сильнѣйшій гвалтъ объ оскорбленіи англійскаго флага, въ

сѣверной Америкѣ такой же гвалтъ въ пользу смѣлости американскаго капитана, не остановившагося передъ англійскимъ флагомъ. Нѣсколько дней казалось, что вспыхнетъ война, и Франція очень усердно возбуждала къ ней Англію. Ни одна англійская газета не горячилась столько изъ-за чести англійскаго флага, какъ французскія полуоффиціальныя газеты. Но прошло недѣли полторы, и случай, надѣлавшій такой горячки, началъ представляться и американцамъ, и англичанамъ, въ свѣтѣ менѣе раздражительномъ. Англичане стали вспоминать, что сами они во всѣ войны поступали съ нейтральными кораблями точно также, какъ американцы съ ихъ почтовымъ пароходомъ, и что неприлично для нихъ слишкомъ много сердиться на своихъ подражателей. Американцы разсудили, что мало имъ пользы держать подъ арестомъ двухъ южныхъ джентльменовъ, пока единомышленники этихъ двухъ джентльменовъ имѣютъ армію въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ; кромѣ того они узнали, что американскій командиръ, арестовавшій южныхъ посланниковъ, дѣйствовалъ по собственному соображенію, а не по инструкціи правительства, и стало быть, вашингтонскому правительству нѣтъ никакого униженія отказаться отъ отвѣтственности за горячій поступокъ капитана. Такимъ образомъ непріятность, вѣроятно, будетъ какъ нибудь улажена.

Но будетъ ли она улажена, или въ самомъ дѣлѣ начнется между Англіею и Америкою война, на которую подбиваетъ англичанъ французскій кабинетъ, это зависитъ вовсе не отъ истолкованій международнаго права англійскими и американскими юрисконсультами, а отъ вліянія разсчетовъ болѣе существенныхъ. Въ Англіи очень многіе радуются распаденію Соединенныхъ Штатовъ, то есть ослабленію державы, которая представлялась слишкомъ сильною соперницею. — Южные штаты объявляютъ себя приверженцами свободной торговли, а тарифъ сѣверныхъ штатовъ довольно высокъ; кромѣ того многіе англичане уже думаютъ, что надобно силою освободить отъ блокады южные порты, чтобы возстановился вывозъ хлопка въ Англію. Въ Америкѣ желаютъ войны съ Англіею тайные приверженцы плантаторовъ въ сѣверныхъ штатахъ; они разсчитываютъ, что раздраженіемъ противъ англичанъ заглушится въ сѣверныхъ штатахъ ненависть къ инсургентамъ, и можно будетъ возстановить союзъ уступками въ пользу плантаторовъ. Теперь пока еще не берутъ эти разносторонніе интересы перевѣса надъ отвращеніемъ массы народа и въ Англіи, и въ сѣверныхъ штатахъ, отъ войны, которая была бы слишкомъ тяжела для обѣихъ сторонъ; вотъ почему и надобно полагать, что дѣло объ арестѣ южныхъ посланниковъ на англійскомъ пароходѣ покончится мирнымъ образомъ.

Наши замѣтки за прошлый мѣсяцъ оканчивались извѣстіемъ объ отплытіи сильной экспедиціи изъ сѣверныхъ штатовъ на югъ для овладѣнія какимъ нибудь важнымъ пунктомъ прибрежья, откуда можно было бы дѣйствовать въ тылъ главной арміи инсургентовъ, стоящей по южному берегу Потомака. Экспедиція безъ большаго труда овладѣла Портъ-рояльскою гаванью, лежащею верстахъ въ шестидесяти на югъ отъ Чардстона, главнаго города южной Каролины, и заняла городъ Бьюфортъ, лежащій близь этой гавани. Не пускаясь въ догадки о томъ, каковы будутъ дальнѣйшія дѣйствія сѣвернаго флота на южномъ берегу и что будутъ дѣлать войска, высадившіяся въ Портъ-Роялѣ, мы приведемъ только слѣдующій отрывокъ изъ разсказа одного офицера экспедиціоннаго корпуса. Подробности, въ немъ сообщаемыя, важны тѣмъ, что показываютъ, какой быстрой погибели подвергнутся инсургенты, если продолженіе войны заставитъ союзное правительство призвать негровъ къ возстанію.

«Подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія (говоритъ авторъ приводимаго нами разсказа) спѣшу описать вамъ сцену, видѣнную мною, — ничего болѣе печальнаго я не видывалъ. Какъ только вступили мы на берегъ, мы подверглись прискорбнымъ ощущеніямъ. Двери магазина, стоящаго на гавани, были разломаны, окна выбиты и все находившееся въ магазинѣ разграблено: остатки провіанта были разбросаны по землѣ; повсюду лежали пустые боченки, изъ которыхъ было разлито вино или масло людьми, думавшими только о разрушеніи. Далѣе встрѣчали мы на каждомъ шагу то же самое. Всѣ лавки и магазины были разграблены. Мы не видѣли ни одного бѣлаго — всѣ они бѣжали; капитанъ Роджерсъ тотчасъ же поставилъ караульныхъ и отдалъ строгое приказаніе не трогать ничего. Негры, которыхъ мы видѣли съ моря, ушли съ награбленными вещами; но другія группы негровъ бродили около насъ и раскланивались съ нами. Мы спрашивали ихъ, куда дѣвались бѣлые. Повсюду былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «всѣ они убѣжали, какъ только началась стрѣльба; а насъ они бросили.» Дѣйствительно, владѣльцы негровъ обратились въ поспѣшное бѣгство, какъ только началась бомбардировка Портъ-Рояля. Они старались убѣжденіемъ или силою заставить негровъ удалиться съ ними; но напрасно, негры остались; къ нимъ присоединились другіе негры изъ окружающихъ мѣстъ и начали грабить городъ.

«Мы входили въ обширные дома, въ которыхъ роскошно жили за нѣсколько дней владѣльцы ихъ, и находили богатую мебель переломанной, книги и бумаги разбросанными по полу, зеркала разбитыми, замки шкаповъ сломанными, фортепьяно опрокинутыми; даже изъ перинъ былъ выпущенъ пухъ. Это разрушеніе производи-

лось не изъ одной корысти, а также и просто изъ желанія разрушать, потому что во многихъ случаяхъ пользы изъ него нельзя было извлечь грабителямъ. Бѣгство было очень поспѣшно, такъ что почти въ каждомъ домѣ мы находили забытыя письма и бумаги. Приглашенія къ обѣду лежали на столахъ комнатъ, стѣны которыхъ были оборваны, и почти вся мебель разбита и разломана неграми, о которыхъ владѣльцы ихъ утверждали передъ нами, что они совершенно покорны, смирны, и готовы сражаться за своихъ господъ. Мы смотрѣли на все это и думали, какъ сильно и быстро наказаны эти люди, начавшіе возстаніе.

«Негры сказали намъ, что бѣлые возвращаются въ городъ небольшими отрядами каждую ночь передъ разсвѣтомъ. Они просили насъ преслѣдовать ихъ, обѣщая указывать намъ дорогу. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ негры сосѣднихъ мѣстъ готовы бѣжать отъ своихъ господъ и уже бѣжали тысячами.»

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ
ВЪ МАГАЗИНѢ
М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

РАЗНЫЯ ШКОЛЫ.

ГЛЕЙХЪ. Руководство къ новѣйшей инструментовкѣ или правила къ изученію всѣхъ употребляемыхъ въ оркестрѣ инструментовъ. Въ этомъ руководствѣ, кромѣ того, объясняется способъ употребленія всѣхъ инструментовъ въ композиціи и переложенія всѣхъ пьесъ для большаго и малаго оркестра, а равно для хора военной и бальной музыки (цѣна 1 р., за пересылку прилагается за 1 фунтъ).

ГУНКЕ. Руководство къ изученію гармоніи, приспособленное къ самоученію (3 р.).

— Руководство къ сочиненію музыки:

Отдѣлъ I. О мелодіи (2 р.).

Отдѣлъ II. О контрапунктѣ, содержитъ въ себѣ ученіе: a) о гармонизаціи данной мелодіи, b) о контрапунктѣ, c) объ имитаціяхъ, d) о фигураціи хорала, e) о фугѣ и f) о канонѣ (4 р.).

Отдѣлъ III. О формахъ музыкальныхъ произведеній (печатается).

ШУМАНЪ. Совѣты молодымъ музыкантамъ (30 к., за пересылку за 1 фунтъ).

БЕРНАРДЪ. Искусство настроивать, или систематическое изложеніе правилъ научиться безъ труда и въ самое короткое время вѣрно и чисто строить фортепіано, натягивать струны и вообще поддерживать инструментъ въ надлежащемъ порядкѣ. Второе изданіе (40 к., за пересылку за 1 фунтъ).

ГЮНТЕНЪ. Полная школа для фортепіано, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Восьмое изданіе, просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности, въ двѣ и четыре руки (3 р. 50 к.).

КОНТСКІЙ. Систематическое изложеніе игры на фортепіано, основанной на теоріи музыки, содержащее въ себѣ также руководство къ изученію генералбаса и приложеніе примѣровъ, взятыхъ изъ произведеній классическихъ композиторовъ (3 р.).

— Другъ дѣтей. Упражненія для маленькихъ рукъ, съ приложеніемъ пьесъ въ двѣ и четыре руки (2 р.).

— Необходимый руководитель для піаниста. Ежедневныя упражненія. Новое дополненное изданіе (3 р.).

ЧЕРНИ. Лучшій фортепіанный учитель или новѣйшая школа игры на фортепіано. На русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Часть I. (2 р.).

БЕРІО. Новѣйшая школа для скрипки. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 р.).

МАЗАСЪ. Лучшій скрипичный учитель или новѣйшая школа игры на скрипкѣ. Теоретическое и практическое наставленіе, какъ выучиться въ короткое время по новой легкой методѣ играть на этомъ инструментѣ. Съ многими упражненіями и пьесами для одной или двухъ скрипокъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Новое просмотрѣнное и дополненное изданіе (3 р.).

РОДЕ, БАЛЬО и КРЕЙЦЕРЪ. Скрипичный самоучитель или полная теоретическая и практическая школа для скрипки. Новое изданіе, просмотрѣнное и дополненное А. Киндингеромъ, съ прибавленіемъ 12-ти любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи (3 р.).

ЛИ. Новѣйшая теоретическая и практическая школа для віолончели. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 р.).

ЧІАРДИ. Новѣйшая теоретическая и практическая школа для флейты, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при придворной пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ (3 р.),

МАЙЕРЪ-МАРИКСЪ. Школа для гармонифлейты съ изъясненіемъ и описаніемъ этого инструмента, просмотрѣнная и дополненная новыми пьесами М. Бернардомъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ (1 р.).

ПАНСЕРОНЪ. Музыкальная азбука или первоначальная школа пѣнія (3 р.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ *двадцать пять процентовъ уступки*, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го ноября 11-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXII), которая содержитъ въ себѣ: *Ketterer*, Mazurka. — *Loeschhorn*, Duo de Rigoletto transcrit. — *Schnabel*, Les adieux du Suisse. Piecè de salon. — *Mayer*, Fleur d'automne. Impromptu. — *Pacher*, La source. Bluette. — *Canthal*, Polka. — «*Лихой уланъ*». Мазурка. — 2 русскіе романса. — 2 легкія фантазіи и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.).

«Нувеллистъ» будетъ издаваться въ будущемъ 1862 году на томъ же основаніи, какъ и въ нынѣшнемъ.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 4 декабря 1861 года.

Цензоръ ***Ѳ. Еленевъ.***

ПОВѢСТЬ о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ. Два старинныя произведенія раскольничьей литературы. Спб. 1861 г. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

РАСКОЛЬНИЧЬИ ДѢЛА XVIII СТОЛѢТІЯ, заимствованныя изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи Г. В. Есиповымъ. Большой томъ, около 700 страницъ. Спб. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ Ф. Шлоссера. Переведено подъ редакціей Н. Чернышевскаго. Томъ I. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ОЧЕРКЪ исторіи итальянскихъ революцій. В. Попова. Спб. 1861 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ТЕОРЕТИЧЕСКІЙ И ПРАКТИЧЕСКІЙ ТРАКТАТЪ о политической экономіи. Соч. Курселя-Сенеля. Томъ I. Спб. 1861 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

РАЗСКАЗЫ римской исторіи пятаго вѣка (послѣднее время Западной имперіи). Соч. Амедея Тьерри. Москва. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ЭТЮДЫ; популярныя чтенія М. I. Шлейдена. Съ гравированнымъ на стали портретомъ Шлейдена, хромолитографированною картиною, картою и таблицами. Москва. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

НА БЕРЕГУ МОРЯ. Зоологическіе этюды, въ Ильфракомбѣ, Тенби, на Сциллійскихъ островахъ и на Джерзи. Георга Генри Льюиса. Съ рисунками. Москва. 1861 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.

УКАЗАТЕЛЬ законовъ о евреяхъ. Сост. Е. Колоколовымъ. Москва. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

МЕДИЦИНСКАЯ домашняя баня, приготовляемая по новѣйшему способу безъ ваннъ. Изобрѣтеніе д-ра М. Майера. Москва. 1861 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ЛЕДЯНОЙ ПРОМЫСЕЛЪ. Торговля льдомъ въ Америкѣ, способы очистки и рѣзки льда, инструменты для этого употребляемые, устройство ледниковъ, система подъема льда лошадьми и машинами, транспортировка льда моремъ и по желѣзнымъ дорогамъ, потребность развитія леднаго промысла въ Россіи. Соч. И. П. Бѣлавенеца. Спб. 1861 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ЗДѢСЬ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на всѣ журналы и газеты, имѣющіе издаваться въ 1862 году.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія: *книгопродавцу А. И. Давыдову, въ Петербургѣ.*

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 6 декабря 1861 года.
Исправляющій должность цензора Ѳ. *Елоновъ.*

леневой гласированной бумагѣ, съ 212 рисунками, съ древнихъ миніатюръ, гравированныхъ на камнѣ. Спб. 1861 г. Ц. за оба тома 7 р., съ перес. 8 р.

ГОДЪ НА СѢВЕРѢ. С. Максимова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Спб. 1860 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА изъ Новгородской и Псковской губерній Павла Якушкина. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ. Соч. Н. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ОБЛОМОВЪ. Соч. И. А. Гончарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ТЫСЯЧА ДУШЪ. Романъ. Соч. А. Ф. Писемскаго. Изд. Д. Е. Кожанчикова, 4 части, въ 2 томахъ. Спб. 1858 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА. Драма въ 4 дѣйствіяхъ. Соч. А. Ф. Писемскаго. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изданы подъ редакціею Н. И. Костомарова, графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко. Большой томъ, въ большую 4 *д. л.*, состоящій изъ двухъ выпусковъ, великолѣпное изданіе. Спб. 1860 г. Ц. 5 р., съ перес. 6 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ МАКОЛЕЯ. Томъ VI (исторія Англіи), перев. съ англійск. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Того же изданія томъ I, съ портретомъ автора и біографіею, написанною Вызинскимъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Томъ II. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ. Соч. Шлоссера, перев. подъ редакціею Н. Чернышевскаго. Томъ I. Исторія древняго міра: восточные народы и греки до Пелопонезской войны. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ТРАКТАТЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Соч. Курсель-Сенеля; перев. съ франц. Я. Ростовцева. Томъ I, 540 стр. Спб. 1861 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАМЯТНИКИ НАРОДНАГО БЫТА БОЛГАРЪ. Изд. А. Каравелова. Томъ I, въ 23 печатныхъ листа. Пословицы (3,000).—Вѣрованія и легенды Болгаръ. Текстъ на русскомъ языкѣ съ болгаро-русскимъ словаремъ. М. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА. 2-е изданіе, съ 1856 года, съ дополненіемъ стихотвореній, написанныхъ послѣ. На веленевой бумагѣ въ 2 частяхъ. Спб. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 5 декабря 1861 года.

Исправляющій должность цензора *Ө. Еленевъ.*

ГЕНРИХЪ ВОСЬМОЙ

И ЕГО ДВОРЪ.

РОМАНЪ

Л. МЮЛЬБАХА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Приложеніе къ «Современнику» 1861 года.

ГЕНРИХЪ VIII И ЕГО ДВОРЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

ИЗБРАНІЕ ДУХОВНИКА.

Это было въ 1543 году. Англійскій король Генрихъ VIII вѣнчался съ молодою вдовою барона Латимера, Катериною Парръ. Король былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ; это была его шестая жена.

Колокола церквей возвѣщали народу, что сейчасъ начнется торжественная церемонія, послѣ которой Катерина Парръ сдѣлается супругою короля. Народъ, всегда и вездѣ любопытный, густыми толпами шелъ по улицамъ, ведущимъ къ королевскому дворцу, чтобы увидать молодую супругу короля, когда она вмѣстѣ съ нимъ появится на дворцовомъ балконѣ, для представленія народу.

По всей вѣроятности, этотъ день былъ счастливѣйшимъ днемъ и для Катерины Парръ, потому что она изъ вдовы незначительнаго барона, дѣлалась супругою короля и удостоивалась чести носить ко-

ролевскую корону. Но она, вѣроятно, думала иначе, потому что сердце ея было неспокойно, щоки блѣдны и холодны, а крѣпко стиснутыя губы, едва открылись только, когда нужно было предъ алтаремъ произнести торжественное «да».

Наконецъ процессія вѣнчанія кончена. Два духовныя лица, Гардинеръ, епископъ Вестминстерскій, и Крамеръ, епископъ Кентерберійскій, слѣдуя придворному этикету, должны были отвести молодую во внутренніе ея покои и вмѣстѣ съ ней молиться. Катерина, несмотря на свою слабость, какъ нельзя лучше вынесла всѣ придворныя церемоніи этого дня.

Она шла по великолѣпно убраннымъ комнатамъ, въ сопровожденіи двухъ епископовъ и своего штата, такъ твердо и рѣшительно, что никто и не подозрѣвалъ, какое тяжелое чувство сжимаетъ ея сердце.

Достигнувъ внутреннихъ покоевъ, она должна была, по правиламъ придворнаго этикета, распустить свой штатъ, и только епископы и приближенныя дамы могли слѣдовать за ней далѣе. Церемоніалъ этого дня былъ подписанъ самимъ королемъ, и тотъ, кто осмѣлился бы не исполнить его воли, былъ бы сочтенъ придворнымъ измѣнникомъ и за свое ослушаніе могъ поплатиться даже жизнію.

Подошедши къ дверямъ, Катерина съ снисходительною улыбкой обернулась къ епископамъ и просила ихъ остаться тутъ, въ ожиданіи ея зова. Потомъ подозвала къ себѣ своихъ фрейлинъ и вмѣстѣ съ ними вошла въ уборную.

Оба епископа остались наединѣ. Это tête-à-tête, казалось, произвело на обоихъ епископовъ одинаково непріятное впечатлѣніе, потому что оба нахмурились и разошлись въ противоположные углы.

Наступило продолжительное молчаніе. Только маятникъ, да народные клики прерывали однообразную тишину. Гардинеръ съ насмѣшливой улыбкой подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на небо, усѣянное тучами, которыя мчались съ необыкновенной быстротой, гонимыя вѣтромъ.

Крамеръ стоялъ у противоположной стѣны и пристально смотрѣлъ на огромный, висѣвшій на стѣнѣ портретъ Генриха VIII. Портретъ этотъ былъ писанъ мастерскою кистью Гольбейна. Когда онъ посмотрѣлъ на это лицо, выражавшее величіе и гордость, на эти строгіе взоры, то ему невольно стало жалко бѣдную вдову, которую онъ сегодня такъ возвеличилъ. Онъ вспомнилъ, какъ онъ точно такъ же вѣнчалъ двухъ прежнихъ королевъ, женъ этого же Генриха, и какъ напутствовалъ ихъ, когда ихъ вели на эшафотъ.

Кто знаетъ, можетъ быть и Катерина Парръ послѣдуетъ за своими предшественницами, Анною Боленъ и Катериною Говардъ, и за

нѣсколько дней своего могущества поплатится жизнію. Одно слово, неловкая улыбка, или взглядъ могли погубить ее, потому что король былъ жестокъ до невѣроятности и готовъ былъ на все, если чувствовалъ себя оскорбленнымъ кѣмъ бы то ни было.

Эти мысли занимали Крамера. Отъ нихъ онъ, казалось, смягчился, потому что морщины лба его исчезли. Немного погодя, онъ провелъ рукою по лицу и усмѣхнулся. Гардинеръ былъ его врагъ; это онъ доказалъ своими поступками, хотя на словахъ показывалъ себя его доброжелателемъ. Братъ во Христѣ по священству! откуда въ тебѣ такія сатанинскія мысли?

Гардинеръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Краммера, и замѣтивъ его улыбку, готовъ былъ на него броситься и разорвать. Но вспомнивъ, что Крамеръ любимецъ короля, удержался и отложилъ это до болѣе удобнаго случая.

Какъ искусный актеръ, онъ укротилъ свои страсти и съ холоднымъ, серьёзнымъ лицомъ встрѣтилъ подошедшаго къ нему Крамера. «Я пришелъ къ вашему преосвященству, сказалъ вкрадчиво Крамеръ, чтобы сказать вамъ, что я отъ души желаю, чтобы королева выбрала васъ своимъ духовникомъ, и откровенно признаюсь вамъ, что нисколько не обижусь ея выборомъ. Я считаю васъ за человѣка, вполнѣ достойнаго занимать подобный постъ. Позвольте мнѣ выразить вамъ мое расположеніе — рукопожатіемъ».

Онъ подалъ Гардинеру свою руку. Гардинеръ взялъ ее и слегка пожалъ.

— Вы, ваше преосвященство, очень благородны и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій дипломатъ, сказалъ Гардинеръ:—потому что очень искусно намекаете на то, что я долженъ дѣлать, когда королева изберетъ васъ своимъ духовникомъ. Что она выберетъ васъ—это я знаю вѣрно. Я здѣсь только потому, что этого требуетъ этикетъ,—и жду только минуты, когда васъ позовутъ къ королевѣ, а меня отодвинутъ на задній планъ.

— Почему же вы это такъ толкуете? снисходительно сказалъ Крамеръ. — Выборъ этотъ зависитъ рѣшительно не отъ заслугъ, а отъ каприза молодой вдовы.

— А этимъ вы, кажется, прямо намекаете на то, что я не буду выбранъ! воскликнулъ Гардинеръ, съ злобной улыбкой.

— Я уже сказалъ вамъ, что не знаю выбора королевы, отвѣчалъ Крамеръ: — и повѣрьте, что архіепископъ Кентерберійскій всегда говоритъ правду!

— Да, это такъ; но извѣстно также и то, что Катерина Парръ одна изъ ревностнѣйшихъ почитательницъ архіепископа Кентербе-

рійскаго, и теперь, когда она достигла своей цѣли, то ея долгъ состоитъ въ томъ, чтобы высказать вамъ свою благодарность.

— Этимъ вы хотите выразить, что я помогалъ возведенію ея въ санъ королевы? сказалъ Крамеръ. — Могу васъ увѣрить, что ваше мнѣніе насчетъ меня совершенно ошибочно!

— Не спорю! холодно возразилъ Гардинеръ.—Во всякомъ случаѣ видно, что королева не противъ новаго ученія, которое, какъ зараза, распространилось по всей Германіи и Европѣ и наноситъ вредъ и безчестіе всему христіанству. Да, Катерина Парръ поддается этому ученію, которое такъ неправится святому папѣ,—однимъ словомъ, она привержена къ реформаціи.

— Вы забываете, сказалъ съ иронической улыбкой Крамеръ: — что папа, кажется, одинаково недолюбливаетъ и Генриха, и Лютера. Я также напомню вамъ, что мы болѣе не называемъ римскаго папу святымъ отцомъ, и что вы сами признали короля главою нашей церкви.

Гардинеръ отвернулся, чтобы скрыть гнѣвъ, изобразившійся на его лицѣ. Онъ самъ чувствовалъ и сознавалъ, что слишкомъ далеко зашелъ.

Крамеръ замѣтилъ это, и по природной добротѣ своего сердца, дружески сказалъ:—Не будемте здѣсь спорить о догматахъ, и не будемъ разсуждать о томъ, кто справедливѣе: Лютеръ или папа. Мы находимся въ комнатѣ молодой королевы, займемся же немного судьбою молодой женщины, которой Богъ далъ столь блистательное положеніе.

— Блистательное? повторилъ Гардинеръ, пожимая плечами. Прежде нужно знать, чѣмъ все это кончится, а потомъ уже разсуждать о томъ, было ли ея положеніе блистательно или нѣтъ. Многія королевы думали здѣсь успокоиться на миртахъ и розахъ, а оказывалось, что и жизнь ихъ оканчивалась на эшафотѣ.

— Ваша правда, прошепталъ Крамеръ, слегка смутившись: — опасно быть супругою короля! Но не будемте увеличивать опасность ея положенія, не будемъ стараться мстить королевѣ, если выборъ ея упадетъ на меня или на васъ. Боже мой, какъ слабы и ничтожны женщины!

— Кажется, вы хорошо знакомы съ природой женщинъ, язвительно воскликнулъ Гардинеръ. — Еслибы вы не были архіепископомъ, можно бы было подумать, что вы сами женщина, потому что такъ хорошо знаете ихъ характеръ.

Крамеръ отвернулся и не совсѣмъ любезно взглянулъ на своего собесѣдника.

— Мы говорили не обо мнѣ, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—но объ молодой королевѣ, и я хотѣлъ снискать для нея ваше

расположеніе. Я увидалъ ее сегодня въ первый разъ, и ни разу еще не говорилъ съ ней; но лицо ея произвело на меня трогательное впечатлѣніе, и мнѣ казалось, что она взглядами просила насъ обоихъ быть ея помощниками и руководителями на этомъ трудномъ пути, по которому до нея прошли пять женщинъ и на которомъ онѣ нашли только несчастіе, слезы, позоръ и кровь.

— Пусть Катерина остерегается, чтобы не сбиться съ настоящей дороги и не пойти по той, по которой шли ея пять предшественницъ, сказалъ Гардинеръ. — Пусть она будетъ умна и осторожна, пусть она не сбивается съ истиннаго пути, и придерживается православія.

— Кто же изъ насъ можетъ назваться православнымъ? печально произнесъ Крамеръ. — Есть много дорогъ, ведущихъ въ рай; но кто знаетъ, которая правильнѣе.

— Та дорога, по которой идемъ мы! воскликнулъ Гардинеръ съ гордостью. — Горе королевѣ, если она изберетъ другой путь. Горе ей, если она станетъ внимать лжеученіямъ, которыя волнуютъ Германію и Швейцарію. Я буду вѣрнѣйшимъ ея слугою, если она будетъ дѣйствовать со мною за-одно, и непримѣримѣйшимъ ея врагомъ, если она будетъ противъ меня.

— А что, — если королева изберетъ не васъ духовникомъ, то это значитъ, что она дѣйствуетъ противъ васъ?

— Вы хотите знать, что будетъ, если она изберетъ меня?

— Дай Богъ, чтобъ она избрала васъ! воскликнулъ Крамеръ, скрестивъ руки и поднимая взоры къ небу. — Бѣдная, несчастная королева! Первое доказательство любви твоего мужа можетъ причинить тебѣ несчастіе! Зачѣмъ онъ дозволилъ тебѣ самой избрать духовника? Зачѣмъ онъ не выбралъ самъ?

И Крамеръ опустилъ голову, тяжело вздохнувъ.

Въ эту минуту отворилась дверь королевской уборной, и на порогѣ показалась леди Джана, дочь графа Дугласа. Она была первая статсъ-дама королевы.

Оба архіепископа затаили дыханіе и смотрѣли на нее. Это была тяжелая для нихъ минута.

— Ея величество, сказала Джана дрожащимъ голосомъ: — ея величество приглашаетъ въ свой кабинетъ архіепископа Крамера, чтобы вмѣстѣ съ нею совершить молитву.

«Бѣдная королева!» прошепталъ Крамеръ, проходя черезъ комнату. — «Бѣдная королева! Сію минуту она пріобрѣла ужаснаго врага.»

Леди Джана выждала, пока Крамеръ не вошелъ въ дверь, по-

томъ быстро и твердо подошла къ Гардинеру, и склонивъ одно колѣно, съ отчаяніемъ сказала:

— Пощадите, ваше преосвященство, пощадите! Слова мои были напрасны и не могли поколебать ея рѣшенія.

Гардинеръ приподнялъ ее и улыбнулся.

— Хорошо, леди Джана, сказалъ онъ: — я не могъ сомнѣваться въ вашемъ стараніи. Вы вѣрная дочь церкви, и церковь будетъ любить и награждать васъ. Теперь рѣшено, королева...

— Она еретичка! тихо прошептала Джана. — Горе ей!

— А вы, вы останетесь вѣрны и будете служить намъ?

— Каждая капля крови и каждое чувство мое будутъ принадлежать вамъ.

— Такъ мы побѣдимъ Катерину Парръ, точно такъ же, какъ побѣдили Катерину Говардъ. Кровавое мщеніе еретикамъ! Мы нашли средство ввести Катерину Говардъ на эшафотъ; вы, леди Джана, должны найдти средство, чтобы заставить Катерину Парръ отправиться по той же самой дорогѣ.

— Хорошо, спокойно отвѣчала леди Джана. — Она любитъ меня и довѣряетъ мнѣ во всемъ. Я измѣню дружбѣ, и останусь вѣрна религіи.

— Итакъ, Катерина Парръ погибла... громко сказалъ Гардинеръ.

— Да, она погибла, громко повторилъ графъ Дугласъ, который только-что вошелъ въ комнату и слышалъ послѣднія слова епископа. — Да, погибла, потому что мы будемъ непримиримыми ея врагами. Но я нахожу слишкомъ неосторожнымъ произносить подобныя слова такъ громко, и еще подлѣ комнаты королевы. Поговоримъ объ этомъ подробнѣе, когда представится болѣе удобное время. Теперь, ваше преосвященство, отправимтесь въ залу, гдѣ собрались всѣ придворные и ожидаютъ только короля, чтобы вывести молодую королеву на балконъ, для представленія ея народу. Пойдемте же!

Гардинеръ молча кивнулъ головою, и отправился.

Графъ Дугласъ слѣдовалъ за нимъ, вмѣстѣ съ дочерью.

— Катерина Парръ погибла, шепнулъ онъ на ухо леди Джанѣ.— Катерина Парръ погибла, и ты будешь седьмою супругою короля.

Въ то время, когда все это происходило, молодая королева стояла передъ Крамеромъ на колѣняхъ и вмѣстѣ съ нимъ молила Бога о ниспосланіи мира и счастія. Слезы наполняли ея глаза и сердце трепетало, какъ будто въ ожиданіи опасности.

II.

КОРОЛЕВА И ЕЯ ПОДРУГИ.

Наконецъ настала торжественная минута.

Королева вмѣстѣ съ своимъ супругомъ вышла на балконъ, чтобы выслушать привѣтствіе народа, и отблагодарить его. Потомъ вдоль залы прошелъ новый ея штатъ, и съ каждымъ лордомъ и леди она должна была обмѣняться какимъ нибудь привѣтствіемъ. Она вмѣстѣ съ мужемъ принимала главнѣйшіе чины города, и дала аудіенцію членамъ парламента. Она должна была повторить почти тѣ же самыя привѣтствія, которыя произносили пять ея предшественницъ.

Несмотря на это, у нея было настолько твердости духа, чтобы улыбаться; она знала, что король ни на минуту не спускалъ съ нея своихъ глазъ, почему ей нужно было казаться счастливой, и что всѣ кавалеры и дамы, повидимому оказывавшіе ей такое почтеніе, въ душѣ всѣ были ея врагами. Бракъ этотъ разрушилъ надежды многихъ изъ присутствующихъ дамъ, также думавшихъ быть королевами. Королева очень хорошо знала, что окружающія ее дамы, никогда не простятъ ей того, что она, бывши еще вчера равной имъ, сегодня сдѣлалась ихъ повелительницею; она также хорошо знала, что дамы эти слѣдятъ за каждымъ ея словомъ и выраженіемъ, чтобы впослѣдствіи, на основаніи ихъ, составить противъ нее обвиненіе, а можетъ быть и смертный приговоръ. Не желая этого и изъ боязни, чтобы не разсердить короля, она привѣтливо улыбалась.

Наконецъ всѣ представленія кончились.

Всѣ отправились обѣдать. Для Катерины настала минута, въ которую она въ первый разъ могла въ этотъ день отдохнуть.

Когда Генрихъ VIII садился за столъ, то переставалъ быть величественнымъ королемъ и строгимъ супругомъ; онъ такъ бывалъ занятъ ѣдою, что хорошо приготовленные паштеты и фазаны занимали его гораздо больше, чѣмъ самые важные вопросы и благосостояніе народа и государства.

Послѣ обѣда, Катерина также имѣла довольно времени, чтобы отдохнуть. Лицо ея измѣнилось, оно покрылось румянцемъ и на губахъ ея показалась улыбка. Причиною этого было то, что Генрихъ, для развлеченія своей молодой супруги, приказалъ на придворномъ театрѣ играть комедію Плавта. Роль актеровъ исполняли придворные кавалеры и дамы. Генрихъ былъ чуть ли не первый король, который завелъ у себя при дворѣ театръ.

Король и молодая королева были совершенно довольны представленіемъ.

Наконецъ и это торжество миновало, и Катерина могла, въ сопровожденіи своего штата, удалиться во внутренніе покои. Она очень любезно простилась съ своими кавалерами, а придворнымъ дамамъ и своей второй статсъ-дамѣ, Аннѣ Аскью, она приказала отправляться въ уборную комнату и тамъ дожидаться зова. Потомъ она подала руку своей подругѣ Джанѣ Дугласъ и вмѣстѣ съ ней вошла въ свой кабинетъ.

Здѣсь, за королевою никто больше не слѣдилъ. Улыбка исчезла съ ея лица и на немъ показалась грусть.

— Джана, сказала она:—пожалуйста запри дверь и опусти занавѣски, чтобы никто не могъ насъ видѣть и слышать. О Боже, Боже мой, какъ я была глупа, что оставила мирный замокъ отца моего и вступила въ свѣтъ, въ которомъ заключается столько ужасовъ!

Она тяжело вздохнула, и закрывъ лицо руками, задрожала и съ плачемъ опустилась на диванъ.

Леди Джана взглянула на королеву, и коварная улыбка показалась на ея губахъ.

— Она королева и плачетъ! сказала про себя Джана.—Боже мой, можно ли считать себя несчастливой, если сдѣлаешься королевой?

Она подошла къ Катеринѣ и, помѣстившись на табуретѣ, у ногъ королевы, поцаловала ея руку.

— Ваше величество, вы плачете! сказала она вкрадчивымъ голосомъ. — Боже мой, такъ вы несчастливы? Я думала, что найду въ васъ гордую королеву, а вмѣсто того вижу въ васъ слабую женщину. Боюсь, не перестали ли вы быть моимъ другомъ? Я нарочно осталась, чтобы посмотрѣть на ваше счастіе!

Катерина опустила руки и съ горькой улыбкой взглянула на своего друга.

— Такъ ты недовольна тѣмъ, что видѣла. Развѣ я не блистала, Джана, въ продолженіе цѣлаго дня, когда была возлѣ мужа; развѣ при немъ я не имѣла вида величественной королевы? Позволь же мнѣ хоть теперь не надолго сдѣлаться простой женщиной, которая можетъ передать своей подругѣ все, чѣмъ она недовольна. Ахъ, Джана! если бы ты знала, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидала этой минуты; если бы ты знала, какъ я молила Бога, чтобъ онъ не раздѣлялъ насъ съ тобой, чтобъ я могла тебѣ высказать и мои радости и мои печали, и чтобъ поскорѣй исчезъ весь этотъ наружный блескъ!

— Бѣдная Катерина! прошептала Джана. — Бѣдная королева!

Катерина вздрогнула, и слегка приложила къ губамъ Джаны палецъ.

— Не называй меня такъ! сказала она. — Королева!... Мнѣ кажется, что въ этомъ словѣ звучатъ всѣ ужасы прошедшаго! Мнѣ кажется, что это слово неизбѣжно влечетъ за собой эшафотъ и кровь! Ахъ, Джана! я содрагаюсь при одной этой мысли. Я шестая жена Генриха VIII! Мнѣ кажется, что я буду или осуждена, или съ позоромъ изгнана!

Она снова закрыла лицо руками, и вся задрожала. Она не замѣчала, съ какой улыбкой смотрѣла на нее подруга, и съ какимъ удовольствіемъ она выслушивала ея жалобы.

«По крайней мѣрѣ я отомщена!» думала Джана, гладя рукою волосы королевы. «Да, я отомщена! Она отняла у меня корону, но она несчастлива, и въ золотомъ кубкѣ, изъ котораго она пьетъ, она не найдетъ ничего, кромѣ горя. Если шестая королева не умретъ на эшафотѣ, то мы можемъ ее настращать такъ, что смерть будетъ неизбѣжна, или же она сочтетъ себя счастливой, если ей удастся снова положить королевскую корону къ ногамъ короля!»

Немного погодя, она громко прибавила: «Ахъ, государыня! зачѣмъ такія опасенія? Король васъ любитъ, весь дворъ видѣлъ, какъ онъ нѣжно сегодня смотрѣлъ на васъ, и съ какимъ вниманіемъ онъ прислушивался къ вашимъ словамъ. Увѣряю васъ, король васъ любитъ!»

Катерина поспѣшно схватила ее за руку.—«Король меня любитъ», прошептала она,—«а я дрожу передъ нимъ. Мой страхъ увеличивается отъ его любви. Руки его омыты кровью, и когда я его сегодня увидала въ пурпуровой мантіи, я содрогнулась и подумала: скоро можетъ быть и моя кровь обагритъ эту мантію!

Джана усмѣхнулась.

— Вы нездоровы, Катерина, сказала она. Ваши нервы отъ счастья разстроились, и ваше воображеніе рисуетъ вамъ ужасныя картины.

— Нѣтъ, нѣтъ, Джана! Уже съ тѣхъ поръ, какъ король избралъ меня себѣ въ супруги, эти мысли преслѣдуютъ меня!

— А зачѣмъ же вы тогда не отказали ему, а изъявили согласіе? спросила Джана.

— Отчего, спрашиваешь ты? Ахъ, Джана! неужели ты не знаешь двора, неужели ты не знаешь, что надо повиноваться королю или умереть?.. Боже мой, мнѣ завидуютъ! Меня называютъ могущественной королевой Англіи! Никто и знать не хочетъ, что я несчастнѣе и ничтожнѣе всякой уличной нищей, которая имѣетъ право выдти за кого ей хочется. Я не могла отказаться, потому что должна была или умереть, или принять руку, которую мнѣ протягиваетъ король. Я пренебрегла смертью, и выбрала жизнь, которая не приноситъ мнѣ никакой отрады. Я никогда не тяготилась жизнью, хотя, по правдѣ,

и не испытала того, что люди называютъ счастьемъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ большаго несчастія, какъ жить безъ всякой цѣли и надежды и постоянно скучать, въ то время, когда окружена блескомъ и почестями.

— Ты хотя и была сиротой, но конечно не скучала! сказала Джана.

— Я такъ рано потеряла мою мать, что мало помню ее; а когда отецъ мой умеръ, то отъ этого я не сдѣлалась несчастна, а напротивъ счастлива, потому что въ немъ видѣла не отца, а строгаго и сердитаго повелителя.

— Но ты была замужемъ!

— За мужемъ! возразила Катерина, съ горькой усмѣшкой. Отецъ продалъ меня богатому, больному старику, съ которымъ я скучала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не сдѣлалась вдовою богатаго Невиля. Люди, конечно, называли меня счастливой, потому что я была богатой, независимой вдовой. Но къ чему послужила моя независимость,—я принуждена была принять новыя узы! Прежде я была невольницей моего отца и мужа, теперь я сдѣлалась невольницей моего богатства. Я перестала ухаживать за больными, чтобы сдѣлаться владѣтельницею помѣстій. Ахъ! это время было самое скучное въ моей жизни; но я все-таки осталась имъ довольна, потому что въ это время я узнала и оцѣнила тебя, моя милая Джана. Повѣрь мнѣ, прибавила королева, что когда явился племянникъ моего мужа, о которомъ я прежде не знала, и сдѣлался владѣльцемъ его помѣстій, то я печалилась не о потерѣ имѣнія, а только о томъ, что перестала быть вашей сосѣдкой. Люди ставили мнѣ въ вину, что я лишилась имѣнія, но я благодарила Бога за то, что онъ избавилъ меня отъ труда управлять имъ, и отправилась въ Лондонъ, чтобы узнать свою судьбу.

— Что же ты нашла?

— Несчастіе, Джана, потому что я сдѣлалась королевой.

— Это твое единственное несчастіе?

— Единственное, и кромѣ того очень важное, потому что я постоянно должна находиться въ страхѣ. Я всегда должна казаться любящей и ласкаться къ тому, одинъ видъ котораго наводитъ на меня ужасъ. Джана! Джана, понимаешь ли ты, что значитъ обнять мужчину, который двухъ женъ оттолкнулъ отъ себя, а трехъ даже умертвилъ? Джана, понимаешь ли ты, что значитъ цаловать короля, котораго уста одинаково легко открываются и для смертнаго приговора, и для любовныхъ объясненій? Джана, я еще живу, но уже заранѣе испытываю всѣ ужасы смерти! Вы называете меня королевой, но я каждую минуту должна страдать за свою жизнь, и мой

страхъ и ужасъ скрывать подъ видомъ счастія. Боже! не смотря на-то, что мнѣ 25 лѣтъ, я не могу еще владѣть собою, какъ слѣдуетъ. И мнѣ это никогда не удастся, потому что я жена Генриха восьмаго; а полюбить другаго, значитъ, обречь себя на эшафотъ. Знаешь ли ты, — когда ко мнѣ пришелъ король и сказалъ, что онъ любитъ меня и желаетъ, чтобъ я была его женою, то мнѣ въ ту же минуту представилась ужаснѣйшая картина. Въ эту минуту я видѣла передъ собою не короля, а палача! Мнѣ показалось, будто я вижу у ногъ его три трупа, и я съ крикомъ упала къ его ногамъ. Когда я очнулась, король держалъ меня въ своихъ объятіяхъ. Онъ воображалъ, что я была поражена страхомъ внезапнаго счастія. Онъ поцаловалъ меня и назвалъ своею женою, не принимая въ разсчетъ того, что я могла ему отказать. Я проклинаю себя, Джана, за то, что въ ту минуту была такъ слаба и не могла умереть. Боже мой! мнѣ показалось, что меня ждетъ счастіе, котораго я не испытывала, и въ ту самую минуту я жаждала исполненія его, какъ израильтяне манны, во время ихъ странствованій въ пустынѣ. Но надежды мои погибли! Люди называютъ меня честолюбивой, Джана, и говорятъ, что я вышла за короля, только потому, что онъ король. Нѣтъ, эти люди не знаютъ, какъ мнѣ тяжела эта корона. Они не знаютъ, что изъ страха я отказывалась отъ руки короля и говорила ему, что этимъ я наживу себѣ враговъ, въ лицѣ всѣхъ важныхъ дамъ. Я говорила ему, что готова для него пожертвовать своимъ счастьемъ, но совѣтовала ему лучше избрать себѣ супругу изъ настоящихъ европейскихъ принцессъ (*). Но Генрихъ отвергъ мое предложеніе. Онъ хотѣлъ имѣть жену, судьбой и жизнію которой онъ могъ бы распоряжаться, какъ повелитель. Такимъ образомъ я сдѣлалась королевой. Я помирилась съ судьбой, и жизнь моя постоянно будетъ состоять въ борьбѣ со смертью; но я дешево ее не продамъ. Девизъ, данный мнѣ Крамеромъ, будетъ постояннымъ моимъ руководителемъ на моей тернистой дорогѣ.

— Какой это девизъ? спросила Джана.

— «Будь умна, какъ змѣя, и безгрѣшна, какъ голубь», сказала королева, задумавшись и опустивъ голову.

Леди Джана стояла противъ королевы и внимательно слѣдила за перемѣной въ ея лицѣ. Королева, несмотря на то, что цѣлый день состоялъ изъ торжествъ въ честь ея, была совершенно несчастлива. Наконецъ она подняла голову, лицо ея приняло совершенно другое выраженіе: оно было теперь смѣло и выразительно. Слегка

(*) La vie d'Elizabeth, Reine d'Angleterre. Traduite de l'italien de Monsieur Grégoir Leti. 2 vol. Amsterdam. 1694.

наклонивъ голову, она протянула леди Джанѣ руку и притянула ее къ себѣ.

— Благодарю тебя, Джана, сказала она, цалуя ее. — Благодарю тебя! Ты облегчила мое сердце! Кто въ состояніи высказать свое горе, тотъ уже наполовину облегчилъ его. Итакъ, благодарю тебя еще разъ. Съ этой минуты ты будешь меня видѣть постоянно веселой. Тебѣ жаловалась на свою судьбу женщина; но королева знаетъ, что она обязана исполнять великія дѣла, и я тебѣ даю слово, что я ихъ исполню! Я постараюсь, чтобы свѣтъ не видѣлъ болѣе слезъ и крови, а люди, передовые по уму, не были бы притѣсняемы и угнетаемы. Вотъ задача, которую мнѣ задалъ Богъ, и я клянусь ее исполнить. Джана, ты будешь мнѣ помогать?

Леди Джана проговорила нѣсколько словъ, но такъ тихо, что Катерина, не разобравъ ихъ, взглянула ей въ лицо и, замѣтивъ смертельную блѣдность, сдѣлала шагъ впередъ и пристально взглянула въ лицо Джаны.

Отъ этого взгляда леди Джана потупила глаза въ землю. Несмотря на то, что она умѣла очень хорошо владѣть собою, на этотъ разъ искусство измѣнило ей.

— Мы давно не видались другъ съ другомъ, печально сказала Катерина.—Три года! Три года для сердца молодой дѣвушки имѣютъ огромное значеніе! И эти три года ты прожила съ твоимъ отцомъ въ Дублинѣ, при строгомъ католическомъ дворѣ. Этого я нисколько не осуждаю! Но какъ бы твои взгляды на вещи ни измѣнились, сердце твое осталось все то же, и ты постоянно останешься гордой и чистосердечной Джаной, которая никогда не унизится до лжи, хотя бы эта ложь доставила ей успѣхъ и блескъ. Поэтому я и спрашиваю тебя, Джана, какую исповѣдуешь ты религію? Вѣришь ли ты въ римскаго папу, или слѣдуешь новому ученію, которое проповѣдуетъ Лютеръ и Кальвинъ?

Леди Джана усмѣхнулась.

— Развѣ бы я смѣла предстать предъ вами, если бы я была привержена къ католической церкви? Катеринѣ Парръ поклоняются англійскіе протестанты, какъ своей заступницѣ; католическіе же священники озлоблены противъ васъ, и чуть ли не заранѣе предаютъ васъ анаѳемѣ. И вы спрашиваете меня, принадлежу ли я къ той церкви, которая васъ ненавидитъ? Вы спрашиваете меня, вѣрю ли я папѣ, отлучившему нашего короля отъ церкви, короля, который не только мой повелитель, но и супругъ моей благородной и великодушной Катерины? О, королева! вы меня не любите, если дѣлаете мнѣ подобные вопросы!

И леди Джана, опустившись на колѣни, скрыла свою голову въ

складкахъ королевскаго платья. Катерина наклонилась къ ней, съ намѣреніемъ поднять ее и прижать къ своему сердцу. Но вдругъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и смертельная блѣдность покрыла ея лицо.

— Король! прошептала она: — король!

III.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VIII.

Катерина не ошиблась. Дверь отворилась, и на порогѣ показался гофмаршалъ, съ золотымъ жезломъ въ рукахъ.

— Его величество, король! произнесъ онъ торжественно.

Катерина вздрогнула, какъ будто сейчасъ надъ ней произнесли смертный приговоръ.

Но она принужденно улыбнулась и приблизилась къ двери, чтобы встрѣтить короля.

Она услыхала сильный шумъ, и по гладкому полу залы прокатился экипажъ короля.

Этотъ домашній экипажъ короля состоялъ изъ огромнаго колеснаго стула, который приводился въ движенье, вмѣсто лошади, людьми. Ему дали форму тріумфальнаго экипажа, въ которыхъ прежде ѣздили побѣдоносные римскіе цезари. Король Генрихъ былъ очень доволенъ этой выдумкой, и съ удовольствіемъ воображалъ себѣ, что онъ тріумфаторъ.

Когда онъ проѣзжалъ по залѣ, уставленной огромными зеркалами, онъ удовольствіемъ смотрѣлъ, съ какой церемоніей передвигалось его тучное тѣло съ мѣста на мѣсто. За нимъ всегда слѣдовала огромная масса людей: одни приводили экипажъ въ движеніе, другіе составляли почетную свиту.

Въ экипажѣ этомъ возсѣдала тучная масса тѣла, облеченная въ пурпуровую мантію.

Но у этой массы тѣла была голова, всегда занятая жестокими мыслями, и сердце, полное кровожадныхъ желаній.

Масса тѣла крѣпко держалась въ этомъ экипажѣ, но духъ его, подобно хищной птицѣ, постоянно парилъ надъ народомъ, отыскивая себѣ какой нибудь жертвы, кровь которой онъ бы могъ выпить, а сердце вырвать, и еще трепещущее разодрать на клочки.

Экипажъ короля остановился, и Катерина, улыбаясь, поспѣшила навстрѣчу своему супругу, чтобы пособить ему подняться съ своего

сѣдалища. Генрихъ снисходительно кивнулъ ей головой и отпустилъ пажей, подобострастно за нимъ стоявшихъ.

— Подите, сказалъ онъ: — подите! Катерина одна меня здѣсь посадитъ и приметъ къ себѣ въ гости. Подите; мы сегодня помолодѣли и сдѣлались сильнѣе, какъ бывали въ прошлые счастливые дни нашей жизни, и королева должна видѣть, что я не дряхлый старикъ, а молодой человѣкъ, получившій отъ любви всю свою бодрость. Ты не подумай, Кити, что я отъ слабости явился къ тебѣ въ этомъ экипажѣ. Я взялъ его только для того, чтобы скорѣе увидать тебя.

Онъ, улыбаясь, поцаловалъ ее въ лобъ и, слегка опершись на ея руку, поднялся изъ экипажа.

— Прочь экипажъ и всѣхъ васъ! сказалъ онъ.—Я хочу остаться одинъ съ этой молодой, прекрасной женщиной!

По мановенію руки короля, блестящій штатъ удалился, и Катерина осталась наединѣ съ королемъ. Она была сильно взволнована, такъ-что губы ея дрожали, а грудь высоко поднималась. Генрихъ увидалъ это, и усмѣхнулся; но улыбка его была холодна и заставила Катерину поблѣднѣть.

«У него постоянно улыбка тирана!» подумала она.—«Съ той же улыбкой, съ которой онъ изъясняется мнѣ въ любви, можетъ быть онъ еще вчера подписывалъ смертный приговоръ, или подпишетъ его завтра».

— Любишь ли ты меня, Кити? спросилъ вдругъ король, до этой минуты молчавшій и казавшійся чѣмъ-то озабоченнымъ. — Скажи, Кити, любишь ли ты меня?

Онъ пристально смотрѣлъ ей въ глаза, какъ бы желая узнать то, что было у ней на душѣ.

Катерина не потупила своихъ глазъ въ землю. Она знала, что отъ этой минуты зависитъ, можетъ быть, ея будущность.

— Любишь ли ты меня, Кити? снова спросилъ король, и лобъ его начиналъ морщиться.

— Не знаю! сказала, улыбаясь, королева.

Улыбка эта совершенно очаровала короля.

— Ты не знаешь? съ удивленіемъ спросилъ Генрихъ. — Клянусь Богоматерью, что встрѣчаю первую женщину, которая даетъ мнѣ такой смѣлый отвѣтъ! Вижу, что ты храбрая женщина. Храбрость я люблю и уважаю, потому что проявленія ея для меня очень рѣдки. Всѣ дрожатъ передо мною, потому что знаютъ, что видъ крови не пугаетъ меня и что я съ одинаковымъ спокойствіемъ духа подписываю смертный приговоръ и любовное письмо!

— О, вы великій король! прошептала едва слышно Катерина.

Генрихъ не обратилъ на ея слова никакого вниманія. Онъ совершенно погрузился въ созерцаніе своего мнимаго могущества.

— Да, продолжалъ онъ, и глаза его засверкали сильнѣе прежняго: — да, всѣ дрожатъ предо мною, потому что знаютъ, что я принадлежу къ числу строгихъ и справедливыхъ королей, который не пожалѣетъ своей собственной крови, если дѣло идетъ о наказаніи какого нибудь преступника, и у меня не задрожитъ рука, когда я подписываю смертный приговоръ виновнаго, хотя бы этотъ виновный былъ первое приближенное къ королю лицо. Поэтому, берегись, Кити, берегись! Ты видишь во мнѣ орудіе Бога и судью людей. Короли носятъ пурпуровыя мантіи не оттого, что онѣ красивы, но оттого, что онѣ красны, какъ кровь, и потому, что величайшая ихъ обязанность наказывать своихъ виновныхъ подданныхъ. Я одинъ, безъ совѣтниковъ, управляю моимъ государствомъ, и такъ буду управлять имъ до конца жизни. Не милостью и не пощадой возвышается король въ глазахъ народа, а строгостью и справедливымъ наказаніемъ. Громъ Божій долженъ быть у него постоянно на устахъ, и гнѣвъ короля, какъ молнія, долженъ разражаться надъ головою преступника.

— Но Богъ не всегда караетъ: онъ иногда прощаетъ и милуетъ, сказала Катерина, наклоняя голову и слегка касаясь плеча короля.

— Это-то и есть разница между Богомъ и королемъ. Богъ можетъ миловать и прощать, а король долженъ постоянно наказывать. Но однако, Кити, какъ ты дрожишь, даже прекрасная улыбка исчезла съ твоихъ губъ. Не бойся меня, Кити. Будь всегда со мною откровенна, и я постоянно буду тебя любить. Да не пересилитъ тебя никакая грѣшная мысль. Послѣ этого, Кити, скажи мнѣ: знаешь ли ты, что любишь меня?

— Не знаю, ваше величество. Какъ же я могу знать и называть то, что мнѣ совершенно неизвѣстно и чего я никогда не испытала?

— Какъ, развѣ ты никогда не любила? спросилъ снисходительно король.

— Никогда! Отецъ мой торговалъ мною, слѣдовательно къ нему я не могла питать ничего, кромѣ страха.

— А мужа твоего? моего предшественника? Неужели же ты не любила и мужа?

— Мужа? спросила она. — Правда, отецъ продалъ меня лорду Невилю, и когда священникъ вложилъ мою руку въ его, то люди назвали его моимъ мужемъ. Но я его не любила; онъ зналъ это и нисколько на это не претендовалъ. Ему нужна была не жена, а сидѣлка. Я называлась его именемъ точно такъ же, какъ дочь носитъ имя своего отца, и я въ полномъ смыслѣ сдѣлалась его дочерью.

Да, я была настоящей его дочерью, предупреждала всѣ его желанія и заботилась о немъ до конца его жизни.

— А послѣ его смерти, Кити? Вѣдь послѣ прошло много времени. Скажи мнѣ, дитя мое, правду, прошу тебя, сущую правду! Послѣ смерти лорда ты никого не любила?

При этомъ оба они, затаивъ дыханіе, пристально смотрѣли другъ-другу въ глаза.

— Сэръ, сказала она съ очаровательной улыбкой: — нѣсколько недѣль тому назадъ, я часто плакала, и мнѣ казалось, чтобы узнать, есть ли у меня сердце, нужно было раскрыть мою грудь. О, сэръ, я роптала тогда на небо за то, что оно лишило меня женской способности кого нибудь любить.

— И это было съ тобой нѣсколько недѣль тому назадъ, Кити? спросилъ король, затаивъ снова дыханіе.

— Да, сэръ, эти мысли тревожили меня до того дня, въ который вы меня въ первый разъ посѣтили и удостоили чести говорить съ вами.

Король слегка вскрикнулъ и рукою привлекъ къ себѣ Катерину.

— Такъ твое сердце, моя голубка, съ того времени только и начало биться? сказалъ король.

— Да, сэръ, оно начало биться такъ сильно, что по временамъ я думала, что оно лопнетъ! Едва я заслышу вашъ голосъ и взгляну на ваше лицо, то вся моя кровь бросается мнѣ къ сердцу, и оно, какъ будто чувствуя ваше приближеніе, начинаетъ биться сильнѣе и сильнѣе до того, что у меня занимается духъ. Съ появленіемъ же вашимъ ко мнѣ, все это исчезаетъ. Когда васъ нѣтъ у меня, я мечтаю о васъ, даже во снѣ вы только одни постоянно мнѣ представляетесь. Теперь, сэръ, вамъ извѣстно все; скажите же мнѣ, люблю ли я васъ?

— Да, да, ты меня любишь! воскликнулъ радостно Генрихъ, къ которому, казалось, возвратились всѣ его юношескія силы. Да, ты меня любишь, и я очень радъ, что я первый, котораго ты любишь. Повтори же мнѣ еще разъ, ты была только дочерью лорда Невиля?

— Да, сэръ!

— И послѣ него у тебя не было ни одного любовника?

— Не было, сэръ!

— Итакъ, значитъ, предъ моими глазами совершается чудо? Въ королевѣ, кажется, я встрѣчаю не вдову, а дѣвушку? Сказавъ это, онъ пристально смотрѣлъ на Катерину, которая потупила глаза, и яркій румянецъ покрылъ ее лицо.—Какое счастіе, я вижу предъ собою женщину, которая умѣетъ краснѣть! воскликнулъ король, и крѣпко прижимая къ своей груди Катерину, продолжалъ: о, какъ люди глупы и недальновидны, даже и мы, короли! Чтобы шестая

моя жена не подходила подъ законъ о смерти, изданный парламентомъ, я нарочно выбралъ себѣ въ жены вдову, и что же оказывается? — она дѣвушка (*). Поди же сюда, Кити, я тебя поцалую. Ты открыла мнѣ сегодня счастливую будущность и доставила такое удовольствіе, котораго я никакъ не ожидалъ. Благодарю тебя за это, Кити. Пусть Богъ будетъ свидѣтелемъ, что этого я никогда не забуду. Генрихъ снялъ съ своей руки дорогое брильянтовое кольцо, подалъ его Катеринѣ и сказалъ: «пусть это кольцо будетъ тебѣ воспоминаніемъ этой минуты и залогомъ того, что когда ты мнѣ подашь его съ какой бы то ни было просьбой, она непремѣнно будетъ исполнена.»

Онъ нѣжно ее поцаловалъ, и хотѣлъ еще крѣпко прижать къ своей груди, какъ вдругъ послышался колокольный звонъ и рѣзкій звукъ барабана.

Король вздрогнулъ и выпустилъ изъ своихъ объятій Катерину. Онъ началъ прислушиваться; барабанный бой все еще продолжался и по временамъ слышались звуки, подобные морскому приливу; это могло быть только движеніе народа. Король поспѣшно отворилъ балконную дверь и вышелъ на балконъ.

Катерина почти презрительно посмотрѣла ему вслѣдъ. «По крайней мѣрѣ я не сказала ему, что я его люблю», прошептала она. «Онъ придалъ значеніе моимъ словамъ такое, какое ему было угодно. Я не хочу умирать на лобномъ мѣстѣ!»

Королева выпрямилась и твердою поступью вышла на балконъ.

Барабанный бой все еще продолжался и со всѣхъ церквей раздавался колокольный звонъ.

Ночь была темная; весь Лондонъ, казалось, былъ погруженъ въ дремоту, а высокіе дома, какъ гроба, вставали изъ всеобщей тьмы.

Но вдругъ горизонтъ началъ постепенно освѣщаться, и показался столбъ пламени, освѣтившій сначала всѣ вокругъ лежащіе предметы, а потомъ и самый балконъ, на которомъ стояла королевская чета. Вдругъ король обернулся къ Катеринѣ, и лицо его, освѣщенное заревомъ, выражало демонскую радость.

— Теперь я понимаю все, проговорилъ онъ. — Ты совершенно околдовала меня и я, на минуту лишившись разсудка, пересталъ быть

(*) Послѣ того, какъ были доказаны невѣрность и пороки Катерины Говардъ, парламентъ издалъ постановленіе, что если король или наслѣдникъ женятся и найдутъ, что ихъ жена не дѣвушка, а женщина, то по волѣ короля подобный поступокъ ея сочтется за придворную измѣну, и вмѣстѣ съ виновною будутъ наказаны всѣ тѣ, которые, зная объ этомъ, ничего не говорили. Buret: History of the reformation of the Church of England. London. 1681, Vol. 1. pag. 313.

королемъ и сдѣлался исключительно твоимъ обожателемъ. Теперь я понимаю все! Эти костры, которые такъ весело пылаютъ, этотъ крикъ и шумъ показываютъ, какъ мой веселый народъ потѣшается зрѣлищемъ, исполняемымъ во славу Бога и моего могущества.

— Костры! съ изумленіемъ воскликнула Катерина.—Вы, вѣроятно, не хотите этимъ сказать, что на нихъ сегодня должны умереть люди, жестокой и мучительной смертью, что въ ту самую минуту, въ которую вы называете себя счастливымъ, другіе обречены на мученія и несчастія. О, нѣтъ, король не захочетъ помрачить дня моей свадьбы такими вещами!

Король усмѣхнулся.

— Нѣтъ, я нисколько не хочу помрачать такого торжественнаго дня, сказалъ онъ, показывая рукою на небо, которое было совершенно красно. — Это наши свадебные факелы, моя милая Кити. Лучшихъ и угоднѣйшихъ Богу жертвъ, я не могъ найти, потому что огни эти горятъ во славу Его и короля (*). А это пламя, идущее къ небу, пламя, съ которымъ поднимаются туда души еретиковъ, подастъ радостную вѣсть Богу о его послушномъ сынѣ, который даже и въ дни счастія не забываетъ своихъ королевскихъ обязанностей, но всегда остается карающимъ и уничтожающимъ слугою своего Бога.

Въ то время, когда онъ это говорилъ, лицо его имѣло страшный видъ. Освѣщенное огнемъ, оно казалось жестокимъ до невѣроятности; глаза его дико горѣли, и злобная улыбка виднѣлась на его стиснутыхъ губахъ.

«О, состраданіе ему незнакомо!» подумала Катерина, съ ужасомъ взглянувъ въ лицо королю, который съ невозмутимымъ спокойствіемъ смотрѣлъ въ ту сторону, откуда появлялось пламя, въ которое можетъ быть въ эту минуту, во славу Бога и короля, кидали какого нибудь несчастнаго, обреченнаго на мучительную смерть. «Нѣтъ, онъ не знаетъ, что значитъ состраданіе.»

Генрихъ обернулся къ ней, и обнявъ ее одной рукой, началъ ей нашептывать разныя нѣжности.

Катерина вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Ласки короля ее страшно пугали. Когда король прикоснулся пальцами ея шеи, то ей показалось, что шею ощупываетъ палачъ, для того, чтобы узнать то мѣсто, въ которое онъ долженъ попасть.

Точно такъ же ощупывала свою шею Анна Боленъ, вторая супруга короля, когда привели палача, который долженъ былъ отрубить

(*) Life of King Henry the Eighth, founded on Authentic and Original documents. Patrick Fraser Tytler. Edinburgh. 1837. pag. 440.

ей голову: «прошу васъ, сказала она, нанесите мнѣ самый вѣрный ударъ. Шея моя невелика и не толста» (*). Такимъ же образомъ король клалъ свою руку на шею Катеринѣ Говардъ, своей пятой супругѣ, когда узналъ объ ея невѣрности; и когда она кинулась ему на шею, то онъ разцарапалъ ей лицо и съ презрѣніемъ оттолкнулъ ее отъ себя. Кровавыя царапины были видны даже тогда, когда она клала свою шею на эшафотъ (**).

И такую ласку королева Катерина Парръ должна была принять съ улыбкой и съ видомъ радости.

Въ то время, какъ король ласкалъ ея шею и все ближе и ближе наклонялся къ ея уху и шепталъ нѣжныя слова, Катерина почти не обращала вниманія на его ласки. Она ничего не видала, кромѣ огненнаго зарева, поднимавшагося по небосклону, и внимала только крикамъ и воплямъ несчастныхъ жертвъ, обреченныхъ на сожженіе.

— Пощадите, пощадите! простонала она наконецъ. — О, пусть сегодняшній день будетъ мирнымъ торжествомъ для всѣхъ вашихъ подданныхъ. Будьте сострадательны, и если вы меня дѣйствительно любите, то исполните мою первую просьбу! Подарите мнѣ жизнь этихъ несчастныхъ. Пощадите, сэръ, пощадите!

Просьба королевы нашла себѣ эхо, потому что изъ комнаты послышался жалостный голосъ, говорившій: «пощадите, ваше величество, пощадите!»

Король быстро обернулся назадъ и лицо его приняло злобное выраженіе. Онъ сурово взглянулъ на Катерину, какъ бы желая прочесть у ней на лицѣ, кто былъ ея отголоскомъ.

Но лицо Катерины не выражало ничего, кромѣ удивленія.

Король сказалъ какое-то бранное слово и поспѣшно оставилъ балконъ.

IV.

ГНѢВЪ КОРОЛЯ.

— Кто осмѣливается намъ мѣшать? воскликнулъ король, поспѣшно входя въ комнату. — Кто осмѣливается говорить о пощадѣ?

— Я! сказала блѣдная, молодая женщина, бросаясь предъ королемъ на колѣни.

— Марія Аскью! съ жаромъ воскликнула королева. — Марія, что тебѣ нужно?

(*) Tytler. 382.
(**) Leti. Vol. 1. pag. 193.

— Пощады, пощады тѣмъ несчастнымъ, которые тамъ страдаютъ! воскликнула молодая женщина, показывая на багровое небо.— Пощады самому королю, который хочетъ быть такъ жестокъ, что хочетъ своихъ благороднѣйшихъ и лучшихъ подданныхъ отдать на убіеніе, какъ какихъ нибудь недостойныхъ животныхъ! — О сэръ, будьте къ ней милостивы, сказала Катерина, обращаясь къ Генриху. Примите въ уваженіе ея молодость. Она еще не привыкла къ этимъ ужаснымъ сценамъ; она не знаетъ, что должность короля состоитъ въ томъ, чтобы наказывать; ей кажется, что всегда можно простить, тогда какъ въ иныхъ случаяхъ это бываетъ совершенно невозможно!

Генрихъ усмѣхнулся; но взглядъ, которымъ онъ окинулъ молодую дѣвушку, стоящую на колѣняхъ, заставилъ Катерину содрогнуться. Въ этомъ взглядѣ, казалось, былъ смертный приговоръ.

— Марія Аскью, если я не ошибаюсь, ваша вторая статсъ-дама? спросилъ король.—И кажется, она поступила на это мѣсто, для исполненія вашего желанія?

— Да, сэръ!

— Значитъ, вы знали ее раньше?

— Нѣтъ, сэръ, я первый разъ увидала ее нѣсколько дней тому назадъ. Но съ первой встрѣчи она расположила мое сердце въ свою пользу, и я чувствую, что буду любить ее, какъ подругу.

Но король все еще стоялъ задумавшись; казалось, отвѣты Катерины не удовлетворяли его.

— Почему же вы принимаете такое участіе въ этой молодой дѣвушкѣ, когда вы ее не знаете?

— Мнѣ рекомендовали ее съ хорошей стороны.

— Кто же?

Катерина на минуту остановилась; она вспомнила, что можетъ быть зашла слишкомъ далеко, и что она поступила слишкомъ неосторожно, сказавъ королю правду. Но король строго на нее взглянулъ и она вспомнила, что не далѣе, какъ сегодня вечеромъ, король просилъ не скрывать отъ него правды. Къ тому же при дворѣ было извѣстно, кто былъ покровителемъ этой молодой дамы и черезъ кого она получила мѣсто статсъ-дамы, мѣсто, на которое разсчитывали дочери изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій.

— Кто же рекомендовалъ вамъ эту молодую особу? повторилъ король, и лицо его отъ нетерпѣнія покраснѣло, а голосъ задрожалъ.

— Архіепископъ Крамеръ, сказала королева, и поднявъ глаза, она съ очаровательной улыбкой взглянула на короля. Въ ту минуту барабанный бой послышался слабѣе; сквозь него слышны были отчаянные крики и вопли.

Столбъ пламени сдѣлался ярче и съ невѣроятной силой началъ подниматься все выше и выше.

Марія, во все время разговора молчавшая, увидавъ столбъ пламени, позабыла всякій этикетъ.

— Боже, Боже мой, сказала она, дрожа всѣмъ тѣломъ и поднимая кверху руки: — неужели вы не слышите стона, который раздираетъ сердце? Сэръ, днемъ вашей смерти заклинаю васъ, сжальтесь надъ этими несчастными! По крайней мѣрѣ не приказывайте кидать ихъ въ пламя живыми. Избавьте ихъ отъ мучительной смерти!

Король гнѣвно посмотрѣлъ на молодую женщину, все еще стоявшую на колѣняхъ, потомъ подошелъ къ двери залы, гдѣ находился его штатъ.

Онъ позвалъ къ себѣ рукою обоихъ архіепископовъ, Гардинера и Крамера, приказавъ лакеямъ растворить обѣ половины зальныхъ дверей.

Если бы въ эту минуту искусный художникъ снялъ эту картину, то на всякаго зрителя она произвела бы потрясающее дѣйствіе.

Главныя дѣйствующія лица находились въ небольшой, но богато и роскошно убранной королевской спальнѣ.

Посрединѣ комнаты стоялъ король, въ богатомъ костюмѣ, украшенномъ брильянтами и драгоцѣнными камнями, которые блистали при свѣтѣ большихъ канделябръ. Подлѣ него стояла молодая королева, совершенно блѣдная и смотрящая ему въ лицо, какъ будто она желала прочесть на его лицѣ разгадку, чѣмъ должна была кончиться вся эта сцена. Неподалеку отъ нее, на колѣняхъ стояла молодая женщина, закрывая свое лицо руками, по которому струились слезы; далѣе стояли два архіепископа, строго смотрѣвшіе на эту группу. Сквозь отворенныя двери виднѣлось множество головъ королевскихъ приближенныхъ, а сквозь балконную дверь видно было огненное небо и слышны были барабанный бой, колокольный звонъ и отчаянные крики.

Наступила мертвая тишина, и когда король началъ говорить, то всѣ невольно вздрогнули.

— Господа архіепископы, сказалъ король, мы позвали васъ для того, чтобы вы силою вашихъ молитвъ и мудростью вашихъ рѣчей освободили эту молодую дѣвушку отъ дьявола, который безъ сомнѣнія овладѣлъ ею, если она осмѣливается своего короля и повелителя обвинять въ жестокости и несправедливости!

Оба архіепископа приблизились къ молодой дѣвушкѣ, положили ей на плечи руки и наклонились къ ея уху. Но выраженія ихъ лицъ были весьма различны.

Лицо Крамера выражало сострадание, вмѣстѣ съ строгостью, и снисходительная улыбка играла на его губахъ.

Лицо Гардинера, напротивъ, выражало какую-то иронію, а усмѣшка была лукава.

— Мужество, дочь моя, и осторожность! прошепталъ Крамеръ. — Богъ, награждающій праведниковъ и наказывающій виновныхъ, да будетъ съ тобою и со всѣми нами!

Но Марія, почувствовавъ руку Гардинера на своемъ плечѣ, съ презрѣніемъ его оттолкнула.

— Не прикасайтесь ко мнѣ, вы палачъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ тамъ судятъ, гнѣвно сказала она, и снова обратившись къ королю и протягивая къ нему руки, она произнесла: «пощадите, ваше величество, пощадите!»

— Пощадить? повторилъ король, пощадить? За кого вы просите? За тѣхъ, кого тамъ судятъ? Скажите мнѣ, господа архіепископы, кого сегодня будутъ жечь?

— Еретиковъ, слѣдующихъ новому, ложному ученію, которое изъ Германіи дошло и до насъ, — людей, осмѣливающихся не признавать короля главою церкви, сказалъ архіепископъ Гардинеръ.

— Католиковъ, признающихъ папу римскаго главою всѣхъ церквей, сказалъ архіепископъ Крамеръ.

— Посмотрите же, эта молодая дѣвушка обвиняетъ насъ въ несправедливости; а молитъ насъ не только за еретиковъ, говорите вы, а еще и за католиковъ, сказалъ король. Поэтому мнѣ кажется, что мы поступили совершенно справедливо, предавая, какъ и прежде, виновныхъ уголовному суду и наказывая измѣнниковъ.

— О, если бы вы видѣли то, что видѣла я, дрожа всѣмъ тѣломъ, проговорила Марія Аскью: — то вы бы непремѣнно вмѣстѣ со мною стали просить пощады! Вы, я увѣрена, слово «пощадите», произнесли бы такъ громко, что оно достигло бы до самаго мѣста казни!

— Что же вы видѣли? съ улыбкой спросилъ король.

Марія Аскью встала; глаза ея блестѣли, благородныя черты лица носили отпечатокъ воодушевленія и ужаса.

— Я видѣла женщину, которую вели на казнь, сказала она. — Но она не измѣнница, а благородная дама, которая никогда не помышляла объ измѣнѣ; она всегда оставалась вѣрна своимъ убѣжденіямъ и не хотѣла отречься отъ Бога, которому она служитъ. Когда она шла посреди толпы, то казалось, что голову ея осѣнялъ свѣтлый вѣнецъ, и всѣ присутствующіе склонялись передъ ней. Всѣ плакали, даже и мужчины. Ей было болѣе семидесяти лѣтъ и ей не дозволили умереть на постели, а потащили на смерть, во славу Бога и короля. Она улыбалась и дружелюбно раскланивалась съ плачущимъ

народомъ; она твердо шла на эшафотъ, какъ будто на тронъ, съ котораго она должна была управлять окружающимъ ее народомъ. Двухгодичное заключеніе оставило на ее лицѣ глубокіе слѣды. Щоки ея ввалились и поблѣднѣли, но духъ ея все еще былъ бодръ попрежнему, и семьдесятъ лѣтъ не согнули ея спины. Она твердо взошла на ступени эшафота, и поклонившись народу, проговорила: «я буду за васъ молить Бога!» Когда же къ ней подошелъ палачъ и требовалъ, чтобъ она стала на колѣни и дозволила связать себѣ руки, чтобъ положить ея голову на плаху, — она содрогнулась и оттолкнула его отъ себя.

— Только измѣнники кладутъ свою голову на плаху! громко воскликнула она. — Со мною такъ нельзя поступать. Я не хочу слѣдовать правиламъ вашего уголовнаго суда и буду защищать себя до послѣдней капли крови!

— Началась сцена,возмущавшая душу всякаго зрителя. Графиня, какъ дикій звѣрь, начала бѣгать съ одного конца эшафота на другой. Ея сѣдые волосы разносились по вѣтру, а сзади ея, въ своемъ отвратительномъ костюмѣ, ходилъ палачъ, съ поднятымъ топоромъ. Онъ постоянно замахивался, стараясь попасть, но она безпрестанно отклоняла голову то въ ту, то въ другую сторону. Наконецъ она стала ослабѣвать, топоръ вонзился въ нее и ея сѣдые волосы обагрились кровью. Съ страшнымъ крикомъ покатилась она на землю. Рядомъ съ нею упалъ и палачъ, обливаясь потомъ. Отъ этой гнусной сцены руки у него ослабѣли, и у него занялся духъ. Онъ тяжело дышалъ,и не могъ подтащить къ плахѣ окровавленную и безчувственную женщину, и отдѣлить ее благородную голову отъ туловища (*). Народъ кричалъ и ревѣлъ, прося пощады, и самъ судья едва могъ удержаться отъ слезъ; онъ приказалъ на минуту остановиться, чтобъ дать опомниться и графинѣ, и палачу, потому что въ законѣ было сказано, что не умирающая, а живая, она должна была быть сожжена. Графиню старались привести въ чувство; палачу, чтобъ возобновить его силы, подносили вина, а народъ отправился къ кострамъ, воздвигнутымъ по обѣ стороны эшафота, на которыхъ сейчасъ хотѣли жечь четырехъ другихъ мучениковъ. Я бросилась сюда, и теперь лежу у ногъ вашего величества. Еще есть время! Пощадите, государь, пощадите графиню Соммерсетъ, послѣднюю изъ рода Плантагенетовъ!

— Пощадите, сэръ, пощадите! повторила Катерина Парръ, и заливаясь слезами, она прислонилась къ плечу своего супруга.

— Пощадите! сказалъ архіепископъ Крамеръ. Тоже самое едва слышно повторяли и другіе придворные.

(*) Tytler. pag. 430.

— Ну, а вы, господинъ Гардинеръ, спросилъ его король съ язвительной улыбкой: — вы не хотите просить о пощадѣ, какъ эти мягкосердые господа?

— Господь Богъ нашъ есть карающій Богъ, торжественно сказалъ Гардинеръ: — и въ писаніи сказано: кто согрѣшилъ, того Богъ наказываетъ и наказаніе это распространяется на третье и даже на четвертое колѣно.

— А что написано, того измѣнять нельзя! громко и торжественно произнесъ король. — Нѣтъ пощады для злодѣевъ и состраданія для измѣнниковъ! Топоръ долженъ пасть на главу виновнаго, и пламя должно уничтожить тѣла измѣнниковъ!

— Сэръ, вспомните о вашемъ высокомъ назначеніи! воскликнула, воодушевляясь, Марія Аскью. — Вспомните, какое высокое имя вы сами себѣ дали. Вы называете себя главою церкви и вмѣсто Бога хотите царствовать и управлять землею. Такъ пощадите же, государь, называющій себя королемъ милости Божіей!

— Нѣтъ, я не называю себя королемъ милости Божіей, я король гнѣва Божія! возразилъ Генрихъ, поднимая глаза къ небу. — Моя обязанность карать грѣшниковъ, и одному только Богу возможно ихъ миловать! Я принадлежу къ числу карающихъ судей и сужу справедливо, не допуская никакой пощады! Пусть праведники жалуются на меня Богу. Онъ судія всѣхъ насъ согрѣшившихъ! Я не могу и не хочу ихъ миловать. Короли поставлены на то, чтобы наказывать, и не въ любви, а въ справедливости наказаній они уподобляются Богу!

— Горе, горе вамъ и вмѣстѣ всѣмъ намъ! воскликнула Марія Аскью: — горе вамъ самимъ, король Генрихъ, если то, что вы говорите, правда. Тогда люди, которые были сожжены, имѣютъ полное право называть васъ тираномъ, тогда и папа римскій поступилъ совершенно справедливо, наложивъ на васъ отлученіе отъ церкви! Тогда, значитъ, вы не знаете Бога и основныхъ правилъ его закона, гдѣ сказано: «любите вашихъ враговъ и благословляйте тѣхъ, которые васъ притѣсняютъ!» Горе вамъ, король Генрихъ, повторяю я, если вы....

— Молчи, несчастная, молчи! гнѣвно сказала королева, и оттолкнувъ взбѣшенную Марію Аскью, она взяла руку короля и поцаловала ее.

— Сэръ, прошептала она, и лицо ея выражало покорность: — вы сейчасъ сказали мнѣ, что вы меня любите! Докажите же вашу любовь и простите Марію Аскью; позвольте мнѣ отвести ее въ комнату и тамъ заставить ее молчать.

Но въ эту минуту королю были недоступны постороннія чувства,

все его вниманіе было занято Маріей Аскью. На его лицѣ выражались гнѣвъ и радость.

Съ негодованіемъ онъ оттолкнулъ отъ себя Катерину, и гнѣвно взглянувъ на окружающихъ и Марію, повелительно сказалъ: — «Да неосмѣлится никто прерывать ее!» Катерина, тяжело вздохнувъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, отошла и стала въ углубленіи окна.

Марія Аскью на все ее окружающее не обратила рѣшительно никакого вниманія. Она была въ такомъ восторженномъ состояніи, что никакая опасность не могла ее устрашить. Въ эту минуту она съ неустрашимостію вошла бы на эшафотъ или на костеръ. Самая мученическая смерть показалась бы ей теперь очень привлекательною.

— Говорите, Марія Аскью, говорите! сказалъ король. — Скажите мнѣ, знаете ли вы, что сдѣлала та графиня, за которую вы меня просите? Знаете ли вы, за что поведены на костеръ остальныя четыре лица?

— Знаю, возразила смѣло Марія Аскью. — Знаю, за что вы ввели на эшафотъ благородную графиню и почему вы не хотите ее пощадить. Она принадлежитъ къ благородной королевской крови, а кардиналъ Полусъ—ея сынъ. Вы хотите наказать сына въ лицѣ матери, и такъ-какъ вы не можете умертвить кардинала, то вы умерщвляете его мать.

— О, вы очень ученое дитя! воскликнулъ король съ свирѣпымъ, ироническимъ смѣхомъ.—Вы знаете мои самыя сокровенныя мысли. Вы, безъ сомнѣнія, хорошая католичка, потому что смерть католической графини извлекаетъ изъ вашей груди столь ужасные вопли. Но вы должны со мною согласиться, что остальныхъ четырехъ еретиковъ совершенно справедливо сожигаютъ!

— Еретиковъ! съ воодушевленіемъ воскликнула Марія: — еретиками вы называете тѣхъ, кто совершенно спокойно идетъ на смерть за свои убѣжденія и мысли? Король Генрихъ, король Генрихъ! Горе вамъ, если вы считаете этихъ людей за отщепенцевъ! Они-то и принадлежатъ къ числу истинно вѣрующихъ. Они избавили себя отъ людской власти, и какъ вы не хотите признать папу главою церкви, такъ же точно и они непризнаютъ васъ за главу ея. Богъ единственный властелинъ церкви, и потому, какъ же вы можете назвать ихъ еретиками, если они совершенно правильно ему служатъ?

— Я называю ихъ измѣнниками! гнѣвно крикнулъ Генрихъ VIII. — Я говорю, что они еретики, и что я ихъ всѣхъ уничтожу и раздавлю своими ногами, — всѣхъ уничтожу, всѣхъ, кто думаетъ также, какъ и вы! Повторяю, что я буду проливать кровь этихъ измѣнниковъ и приготовлять имъ муки, при видѣ которыхъ весь родъ человѣческій съ ужасомъ содрогнется. Богъ вложилъ мнѣ въ руку

мечъ, и я буду владѣть имъ во славу Божію, и какъ святой Георгъ, раздавлю всѣхъ еретиковъ своими ногами.

При этомъ король гордо поднялъ кверху голову, и обводя налитыми кровью глазами все общество, продолжалъ: «Слушайте всѣ, здѣсь собравшіеся! — нѣтъ пощады еретикамъ и состраданія католикамъ! Господь Богъ избралъ меня для того, чтобы я былъ его палачемъ и бичемъ, и на это поприще Онъ благословилъ меня! Послѣ Бога, я главное лицо на землѣ, и кто меня ослушается, тотъ ослушается самого Бога, а кто признаетъ другаго главу церкви, кромѣ меня, тотъ еретикъ и поклоняется идолу. Преклоните всѣ предо мною колѣни и почитайте во мнѣ Бога, потому что я Его намѣстникъ на землѣ, и величіе Его проявляется въ моемъ лицѣ! Преклоните же предо мною колѣни, потому что я единственный глава церкви и главный служитель нашего Бога!»

Какъ только онъ произнесъ это, то величественные кавалеры и леди, не исключая и обоихъ епископовъ, преклонили предъ нимъ колѣни. Король съ удовольствіемъ и съ улыбкой обвелъ своимъ взглядомъ кружокъ самыхъ знатнѣйшихъ вельможъ его государства, смиренно стоявшихъ предъ нимъ на колѣняхъ. Но вдругъ онъ впился взоромъ на Марію Аскью. Она одна не преклонила своихъ колѣнъ и гордо стояла посреди стоящихъ на колѣняхъ.

Лицо короля вдругъ омрачилось.

— Вы не повинуетесь моимъ приказаніямъ? сказалъ онъ.

Она покачала своей кудрявой головой, и смѣло продолжала на него смотрѣть.

— Нѣтъ, скажу я, подобно тѣмъ, которыхъ отчаянные крики мы сейчасъ слышали: — Богу одному подобаетъ честь; Онъ одинъ глава церкви. Если вамъ угодно, чтобъ я преклонила предъ вами колѣни, какъ предъ королемъ, то это я сейчасъ исполню, но никогда не преклонюсь предъ вами, какъ предъ главой святой церкви!

Послышался шопотъ, и всѣ со страхомъ взглянули на смѣлую молодую дѣвушку, которая, улыбаясь, стояла предъ королемъ и смѣло смотрѣла ему въ глаза.

По мановенію руки короля, всѣ поднялись, и затаивъ дыханіе, съ ужасомъ ожидали окончанія этой сцены.

Наступило молчаніе. Генрихъ былъ ужасно взволнованъ и собирался съ духомъ. Но не отъ гнѣва занимался у него духъ, а отъ радости, потому что онъ готовился погубить еще одну жертву, которая удовлетворитъ его кровожаднымъ порывамъ.

Король только и бывалъ веселъ въ тѣ минуты, когда подписывалъ смертный приговоръ; онъ только тогда и чувствовалъ свое мо-

гущество и величіе, когда видѣлъ себя властелиномъ смерти или жизни милліоновъ людей. Въ этомъ заключалась вся его гордость.

Поэтому, когда онъ теперь обратился къ Маріи Аскью, лицо его было спокойно и весело, и въ голосѣ слышалось даже что-то нѣжное и дружественное.

— Марія Аскью, сказалъ онъ: — знаете ли вы, что слова, которыя вы сейчасъ произносили, дѣлаютъ васъ государственной измѣнницей?

— Знаю, сэръ!

— А знаете ли вы, какое за это назначается наказаніе?

— Знаю, — смерть!

— Смерть отъ огня! прибавилъ совершенно небрежно и спокойно король.

Послышался шопотъ, и только одинъ голосъ осмѣлился громко произнести слово: «пощадите!»

Это была Катерина Парръ. Она выдвинулась впередъ и хотѣла подойти къ королю; но почувствовала, что кто-то ее придержалъ.

Возлѣ нея стоялъ архіепископъ Крамеръ и глядѣлъ на нее умоляющимъ взглядомъ.

— Остановитесь, остановитесь, прошепталъ онъ.—Вы не въ состояніи ее спасти,—она погибла. Подумайте о самой себѣ и о святой религіи, которой вы должны быть защитницей. Держитесь вашей церкви и воли ея приверженцевъ.

— А она умретъ? спросила Катерина и глаза ея наполнились слезами, когда она взглянула на молодую дѣвушку, съ улыбкой смотрящую на короля.

— Можетъ быть намъ и удастся ее спасти, но теперь еще не время. Каждое возраженіе еще сильнѣе раздражаетъ короля, и онъ въ состояніи будетъ приказать немедленно кинуть молодую дѣвушку въ пламя еще горящихъ костровъ; итакъ лучше до поры до времени молчать!

— Да, хорошо! сказала Катерина и снова отправилась къ окну.

— Смерть на кострѣ ожидаетъ васъ, Марія Аскью! повторилъ король. — Преступники, которые издѣваются и унижаютъ королевское достоинство, не щадятся!

V.

СОПЕРНИКИ.

Въ ту самую минуту, когда король произнесъ смертный приго-

воръ Маріи Аскью, на порогѣ королевскихъ комнатъ показался одинъ изъ придворныхъ кавалеровъ и подошелъ къ королю.

Это былъ молодой человѣкъ, благородной и прекрасной наружности, гордое выраженіе котораго представляло сильный контрастъ съ подобострастнымъ выраженіемъ прочихъ окружавшихъ короля лицъ. Его стройный станъ былъ въ панцырѣ, на плечахъ великолѣпная бархатная, украшенная графскими гербами мантія, а его прекрасные темные волосы покрывались маленькой, шитой золотомъ, шапочкой, съ которой у самыхъ плечъ ниспадали бѣлыя, страусовыя перья. По лицу было видно, что онъ аристократъ. Оно было немного блѣдно, но отъ этого нисколько не теряло. Насмѣшливая улыбка и нахмуренный лобъ придавали его наружности отважный и смѣлый видъ.

Онъ приблизился къ королю, и ставъ на одно колѣно, смѣло произнесъ: «пощадите, сэръ, пощадите!»

Король съ изумленіемъ отступилъ шагъ назадъ и строго посмотрѣлъ на смѣльчака.

— Томасъ Сеймуръ! сказалъ онъ: — Томасъ, ты возвратился и сейчасъ же дѣлаешь непристойности.

Молодой человѣкъ усмѣхнулся.

— Я вернулся, сказалъ онъ, — это значитъ, что я выигралъ у шотландцевъ хорошую морскую битву и взялъ у нихъ четыре военныхъ судна. Съ этой вѣстью я спѣшилъ, чтобы поднести вамъ это радостное извѣстіе въ день вашей свадьбы, и только что вошелъ въ залу, слышу, что вашъ голосъ произноситъ смертный приговоръ. Очень естественно, что я, который привезъ вамъ такое извѣстіе, нашелъ въ себѣ столько мужества, чтобы осмѣлиться попросить васъ о пощадѣ, о которой, кажется, никто изъ окружающихъ васъ благородныхъ кавалеровъ не смѣетъ заикнуться?

— А! произнесъ король, переводя духъ и лице его просвѣтлѣло: значитъ, ты даже не зналъ, за кого и за что ты просишь?

— Многаго не нужно знать, сказалъ молодой человѣкъ, и окинулъ все общество смѣлымъ взглядомъ. Довольно, я вижу предъ вами осужденную молодую дѣвушку, смиренно стоящую посреди блистательнаго собранія. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, мой благородный король, что при дворѣ можно узнать осужденныхъ и впавшихъ въ немилость, уже потому, что ихъ всякій избѣгаетъ и боится даже дотронуться до нихъ.

Король Генрихъ усмѣхнулся.

— Томасъ Сеймуръ, графъ фонъ Сюдлей, вы сегодня какъ и всегда несовсѣмъ деликатны, сказалъ онъ.—Вы просите пощады, и даже не знаете, достойна ли пощады та, за которую вы просите.

— Я вижу, что она женщина, сказалъ неустрашимый графъ. — Женщина же всегда достойна пощады, и каждый рыцарь долженъ заступаться за эти слабыя, но прекрасныя созданія. Итакъ, я прошу пощадить молодую женщину!

Катерина вслушивалась въ каждое слово молодаго графа, сердце ея сильно билось и щоки горѣли. Она въ первый разъ увидала его и приняла въ немъ живое участіе; она трепетала за него.

— Бѣдный! прошептала она: — онъ не спасетъ Маріи, а только самъ погибнетъ. Боже, Боже сжалься надо мною!

Она боязливо смотрѣла на короля, и рѣшила, если король разгнѣвается на графа, немедленно поспѣшить на помощь этому молодому и благородному человѣку, который такъ безбоязненно защищалъ молодую дѣвушку. Но, къ величайшему ея изумленію, лицо короля выражало спокойствіе и довольство.

Какъ хищный шакалъ, который по инстинкту ищетъ крови и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не насытится, король Генрихъ былъ совершенно доволенъ нынѣшнимъ днемъ, и не искалъ больше крови. Тамъ еще пылали костры, на которыхъ только что сожгли четырехъ еретиковъ; тамъ стоялъ эшафотъ, на которомъ только что казнили графиню Соммерсетъ, и къ тому онъ нашелъ себѣ еще новую жертву.

Томасъ Сеймуръ былъ постоянно его любимецемъ. Его слѣпая храбрость, веселость и энергія нравились королю, а сверхъ того онъ былъ очень похожъ на свою сестру, прекрасную Анну Сеймуръ, третью супругу короля.

— Я не могу пощадить, Томасъ, сказалъ король. Справедливость нельзя останавливать, и гдѣ она уже произнесла свой приговоръ, тамъ нѣтъ пощады. Въ этомъ приговорѣ твоимъ королемъ руководила справедливость. Поэтому ты поступилъ несправедливо: во-первыхъ, ты просилъ пощады; во-вторыхъ, обвинялъ моихъ придворныхъ кавалеровъ. Неужели ты думаешь, что если бы эта дѣвушка была права, то не нашлось бы у нея ни одного защитника?

— Думаю, смѣясь сказалъ графъ. — Солнце вашего милосердія отвернулось отъ этой дѣвушки, и поэтому ваши придворные ее не замѣчаютъ.

— Вы ошибаетесь, милордъ, я видѣлъ! произнесъ вдругъ другой голосъ, и какой-то господинъ вышелъ изъ толпы. Онъ приблизился къ королю и, склонивъ предъ нимъ одно колѣно, громко произнесъ: — сэръ, и я прошу пощады Маріи Аскью!

Въ эту минуту, со стороны гдѣ стояли дамы, послышался слабый крикъ, и испуганная Джана Дугласъ смотрѣла черезъ головы прочихъ дамъ.

Никто не обратилъ на это вниманія. Глаза всѣхъ были устремлены на группу, помѣщавшуюся посреди залы. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на короля и на двухъ молодыхъ мужчинъ, которые осмѣлились защищать дѣвушку, обвиненную королемъ.

— Графъ Генрихъ Говардъ! воскликнулъ король, и лицо его приняло гнѣвное выраженіе.

— Какъ! и вы осмѣливаетесь просить за эту дѣвушку? Вы даже не хотите Томасу Сеймуру уступить права быть самымъ неделикатнымъ при моемъ дворѣ?

— Я не хочу уступать ему права считаться самымъ храбрымъ при дворѣ, возразилъ молодой человѣкъ, надменно взглянувъ на Сеймура. — Но Томасъ на его взглядъ отвѣчалъ насмѣшливой и холодной улыбкой.

— Ого! сказалъ онъ, пожимая плечами: я вамъ съ удовольствіемъ позволю, милѣйшій графъ, идти за мною по той дорогѣ, которую я проложилъ съ опасностію жизни. Вы видѣли, что до сихъ поръ я еще не сложилъ своей головы за свою храбрость и это придало вамъ мужества: вы рѣшились слѣдовать моему примѣру. Это я считаю новымъ доказательствомъ вашей храбрости, графъ, и за это ставлю себѣ въ обязанность васъ похвалить!

Яркій румянецъ покрылъ благородное лицо графа, глаза его заблистали дикимъ пламенемъ, и онъ, дрожа отъ гнѣва, положилъ руку на эфесъ меча.

— Похвала отъ Томаса Сеймура!...

— Молчать! повелительно воскликнулъ король.—Пусть никто не посмѣетъ сказать, что день, который долженъ быть для всѣхъ торжественнымъ днемъ, сдѣлался днемъ скорби для двухъ благороднѣйшихъ вельможъ моего двора. Поэтому я приказываю вамъ молчать! Протяните другъ-другу руки,—пусть ваше примиреніе будетъ искренно. Я король и приказываю вамъ это сдѣлать.

Король приказалъ, и они исполнили его приказъ. Они подали другъ-другу руки, и прошептали нѣсколько тихихъ и непонятныхъ словъ.

— А теперь, сэръ, сказалъ графъ Говардъ, я снова осмѣливаюсь повторить мою просьбу: пощадите, ваше величество, Марію Аскью!

— А вы, Томасъ Сеймуръ, спросилъ король,—также повторите вашу просьбу?

— Нѣтъ! Графъ Говардъ защищаетъ ее, такъ я отступаю, потому что она, безъ сомнѣнія, измѣнница, если вы ее такъ называете. Графу Говарду можетъ быть будетъ худо, если онъ станетъ защищать человѣка, который совершилъ преступленіе противъ короля.

Этотъ оборотъ рѣчи, казалось, произвелъ глубокое впечатлѣніе на окружающихъ, хотя и весьма различное.

Одни поблѣднѣли; другіе насмѣшливо улыбались. Одни хвалили графа; другіе его порицали.

Чело короля снова омрачилось. Король, казалось, былъ неспокоенъ, потому что замѣтилъ, что большая часть придворныхъ была на сторонѣ Генриха Говарда, а Сеймуръ имѣлъ весьма мало приверженцевъ.

— Говарды опасны, и я строго буду за ними слѣдить, прошепталъ король, непріязненно взглянувъ на лицо Генриха Говарда.

Томасу Сеймуру, хотѣвшему только нанести ударъ своему непріятелю, стало жаль Марію. Но онъ, къ несчастію, понялъ, что защищать ее было теперь совершенно невозможно, это было бы принято за участіе въ измѣнѣ.

Вотъ почему Томасъ Сеймуръ отказался ее защищать, говоря, что она виновна предъ королемъ.

И кто же былъ бы столько храбръ, чтобы осмѣлиться теперь даже сказать что либо въ ея пользу?

Генрихъ Говардъ снова повторилъ свою просьбу о помилованіи Маріи Аскью. Чело короля все болѣе и болѣе помрачалось, и придворные со страхомъ ожидали той минуты, когда гнѣвъ короля совершенно уничтожитъ графа. Въ рядахъ дамъ нѣкоторыя лица блѣднѣли, у другихъ навертывались слезы, при видѣ этого прекраснаго храбраго человѣка, который жертвовалъ своею жизнію за женщину.

— Онъ погибъ! прошептала леди Джана Дугласъ, и совершенно уничтоженная и убитая прислонилась къ стѣнѣ. Но скоро она оправилась, и глаза ея заблистали отвагою.

— Я попробую его спасти! прошептала она и, вышедши изъ ряда дамъ, она твердо подошла къ королю.

Шопотъ участія пробѣжалъ между окружающими, и всѣ взоры съ участіемъ устремились на Джану Дугласъ. Всѣ знали, что королева любитъ ее, какъ послѣдовательницу новаго ученія, а потому разсчитывали на поддержку для графа и со стороны королевы.

Леди Джана склонила свою прекрасную головку предъ королемъ, и громко и ясно произнесла своимъ пріятнымъ голосомъ: — Сэръ, именемъ всѣхъ присутствующихъ дамъ, я также прошу пощадить Марію Аскью, потому что она женщина. Графъ Говардъ просилъ за нее, какъ истинный кавалеръ, никогда не отказывающійся отъ благородной и святой обязанности быть защитникомъ безпомощныхъ, и какъ истинный джентльменъ, не спрашивающій заслуживаетъ ли его дама защиты; онъ защищаетъ ее единственно потому, что

она женщина и нуждается въ его помощи. Я отъ имени тѣхъ дамъ благодарю графа за участіе, которымъ онъ хотѣлъ спасти женщину, и присоединяю свою просьбу къ его, для того, чтобы не подумали, что женщины всегда слабы и не рѣшаются поспѣшить на помощь, нуждающимся въ ней; итакъ, сэръ, я прошу пощадить Марію Аскью!

— И я также, сказала королева, снова приближаясь къ королю: я — также, сэръ, прошу о пощадѣ! Сегодня торжество любви, пусть же нынче господствуетъ любовь и милосердіе!

Она такъ мило смотрѣла на короля, что онъ не могъ сопротивляться этому взгляду.

Но, такъ какъ онъ торжественно клялся не миловать еретиковъ, то и просьбы королевы были недостаточны для помилованія виновной.

— Хорошо, сказалъ король послѣ минутнаго молчанія: я исполню вашу просьбу, помилую Марію Аскью, но съ условіемъ, чтобы она отреклась отъ всего того, что сейчасъ говорила. Довольны ли вы этимъ, Катерина?

— Довольна! грустно сказала королева.

— А вы, леди Джана Дугласъ и графъ Генрихъ Говардъ?

— Мы также довольны!

Глаза всѣхъ снова устремились на Марію Аскью, на которую не смотря на то, что она была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ послѣднее время не обращали никакого вниманія.

Она также не обращала вниманія на общество и не слыхала, что вокругъ нея происходило.

Она стояла, прислонившись къ отворенной балконной двери, и смотрѣла на багровое небо. Она думала о несчастныхъ мученикахъ и молилась за нихъ Богу.

Занятая совершенно другими мыслями, она не слыхала тѣхъ, которые ее защищали, и отвѣта короля.

Кто-то положилъ ей на плечо руку, и это заставило ее очнуться.

Подлѣ нея стояла молодая королева.

— Марія Аскью, тихо прошептала она: — если ты дорожишь жизнію, то исполни требованіе короля. Къ твоему спасенію нѣтъ другаго средства.

Она взяла за руку молодую дѣвушку и повела ее къ королю.

— Сэръ, громко сказала она, — простите этой молодой дѣвушкѣ ея неосторожныя слова. Она въ первый разъ была свидѣтельницей исполненія смертныхъ приговоровъ. Это такъ сильно на нее подѣйствовало, что она, не помня себя, высказала нѣсколько непозволи-

тельныхъ мнѣній. Простите, ваше величество, потому что она съ радостью отречется отъ всего того, что она сказала.

Марія вскрикнула, глаза ея заблистали отъ гнѣва. Она выдернула свою руку изъ руки королевы.

— Отречься! закричала она съ неестественнымъ смѣхомъ. Никогда, милордъ, никогда! Нѣтъ, въ послѣдній часъ моей жизни меня благословитъ Богъ, и я ни за что не отрекусь! Правда, что я говорила, не помня себя, но все-таки въ словахъ моихъ была правда. Воодушевленіе заставило меня открыть все то, что у меня было на сердцѣ! Нѣтъ, я ни за что не отрекусь! Повторяю вамъ, что тѣ, которыхъ сейчасъ казнили, — святые мученики, и они будутъ жаловаться Богу на короля-палача. Да, они святые, потому что правда не покидала ихъ и освящала ихъ души. Она не оставила ихъ даже, и въ ту минуту, когда злодѣйская рука несправедливаго судьи кинула ихъ на пылающій костеръ. Нѣтъ, я не должна отречься отъ своихъ словъ. Генрихъ, говорю тебѣ, подумай о спасеніи своей души, кровь мучениковъ вопіетъ противъ тебя предъ Господомъ Богомъ, и когда нибудь Богъ станетъ также немилосердъ къ тебѣ, какъ ты немилосердъ къ благороднымъ твоимъ подданнымъ! Ты предаешь ихъ огню за то, что они слѣдуютъ ложнымъ ученіямъ и не признаютъ тебя главою церкви; ты предаешь ихъ въ руки палачей за то, что они правдою служатъ своему Богу и принадлежатъ къ вѣрнымъ Его послѣдователямъ!

— И вы раздѣляете мнѣнія этихъ людей, которыхъ вы называете мучениками? спросилъ король Марію Аскью, когда она остановилась на минуту, чтобы перевести духъ.

— Да, раздѣляю!

— Вы не признаете меня главою церкви?

— Одинъ Богъ глава и властелинъ своей церкви!

Наступило молчаніе.

Всякій зналъ, что нѣтъ никакой надежды для спасенія Маріи Аскью, что смертный часъ ея насталъ.

Король улыбался.

Придворные знали эту улыбку и боялись ее болѣе, нежели королевскаго гнѣва.

Когда король такъ улыбался, значитъ, смертный приговоръ былъ неминуемъ, ничто не могло помѣшать его исполненію. Въ эти минуты его кровожадная душа радовалась новымъ жертвамъ.

— Господинъ архіепископъ Гардинеръ! наконецъ произнесъ король: — подойдите-ко мнѣ.

Гардинеръ приблизился и сталъ около Маріи Аскью, которая смотрѣла на него съ презрѣніемъ.

— Именемъ закона приказываю вамъ арестовать эту еретичку и передать ее суду, продолжалъ король. — Она погибла, ее должно судить, она заслужила это!

Гардинеръ положилъ руку на плечо Маріи Аскью.

— Именемъ закона Бога нашего арестую тебя! торжественно произнесъ онъ.

Больше не было произнесено ни слова. По знаку Гардинера судья молча подошелъ, и коснувшись жезломъ плеча Маріи Аскью, приказалъ своимъ солдатамъ вывести ее.

Марія Аскью гордо протянула имъ руки и посреди солдатъ, въ сопровожденіи судьи и Гардинера, вышла изъ комнаты.

Придворные раздались, чтобы дать проходъ Маріи и ея провожатымъ. Когда она прошла, то они снова слились, какъ море, только что поглотившее трупъ.

Всѣ знали, что Марія не жилецъ этого міра.

Тучи исчезли и снова настала тишина и веселіе.

Король подалъ руку молодой королевѣ, и, наклонившись къ самому ея уху, шепнулъ ей нѣсколько словъ, которыхъ никто не разслышалъ, но отъ которыхъ Катерина вздрогнула и покраснѣла.

Король этого, кажется, и ожидалъ, онъ засмѣялся и поцаловалъ ее въ лобъ. Потомъ онъ обратился къ придворнымъ.

— Теперь желаю вамъ покойной ночи, милорды и джентльмены! сказалъ онъ, снисходительно наклоняя голову.—Торжество кончилось, и мы нуждаемся въ покоѣ.

— Не забудьте о принцессѣ Елизаветѣ, прошепталъ архіепископъ Крамеръ, прощаясь съ Катериной и поднося къ губамъ протянутую ему руку.

— Не забуду, прошептала ему въ отвѣтъ Катерина. Сердце ея сильно билось, и она со страхомъ смотрѣла, какъ всѣ удалились и оставили ее наединѣ съ королемъ.

VI.

ХОДАТАЙСТВО.

— Теперь, Кити, сказалъ король, когда всѣ удалились и они снова остались одни : — забудемъ все и будемъ помнить только то, что мы любимъ другъ-друга!

Онъ обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ сердцу.

Она со страхомъ поникла головою на его плечо.

— Ты меня не даришь поцалуемъ, Кити? смѣясь, сказалъ Ген-

рихъ:—значитъ, ты все еще сердишься на меня за то, что я не исполнилъ твоей первой просьбы? Но что же дѣлать! Пурпуровая мантія не блестѣла бы, еслибы я ее не окрашивалъ кровью измѣнниковъ! По моему только тотъ и король, кто нещадно караетъ виновныхъ! Посмотри на меня, Кити, существуетъ ли на землѣ король, который царствовалъ бы счастливѣе и долѣе меня? Кого народъ любитъ болѣе меня и кому лучше меня повинуется? Это отъ того, что я подписалъ болѣе двухъ-сотъ смертныхъ приговоровъ (*) и что всякій чувствуетъ, что если ослушается меня, то я, долго не думая, велю снять его голову.

— Вы говорите, что меня любите, тихо проговорила Катерина:— а между тѣмъ у меня только и говорите, что о крови и смерти?

Король засмѣялся.

— Ты права, Кити, сказалъ онъ:—но повѣрь мнѣ, на днѣ моего сердца находятся и другія чувства, и еслибы ты заглянула туда, то не обвиняла бы меня въ нелюбви и холодности! Я искренно люблю тебя, и въ доказательство этого ты должна просить меня о чемъ нибудь и я исполню твою просьбу. Да, Кити, проси меня—и я даю тебѣ мое королевское слово, какова бы ни была твоя просьба, ее исполнить! Ну Кити, подумай хорошенько, что тебя можетъ порадовать? Хочешь ты брильянтовъ, или замокъ у моря, или хорошихъ лошадей, или кто нибудь тебя обидѣлъ и ты хочешь его головы? Если это такъ, то скажи мнѣ Кити и ты получишь эту голову, одно мановенье руки моей—и она падетъ къ твоимъ ногамъ! Я могуществен и великъ, и никто не безгрѣшенъ. Я всегда могу найти измѣну, за которую платятся головою! Скажи же, Кити, что ты желаешь, чѣмъ я могу тебя порадовать?

Катерина сардонически улыбнулась.

— Сэръ, сказала она: — вы мнѣ подарили столько брильянтовъ, что если я ихъ надѣну, то могу ими затмить звѣзды. Если вы мнѣ подарите замокъ у моря, то это будетъ значить, что я должна покинуть вашъ дворецъ и не находиться возлѣ васъ; — я не хочу замка, я хочу жить съ вами въ вашихъ замкахъ, и пусть всегда жилище короля будетъ и моимъ!

— Хорошо и умно сказано, Кити, сказалъ король.—Я припомню эти слова тогда, когда твои непріятели вздумаютъ перевести тебя въ другой дворецъ! И Товэръ, Кити, также дворецъ, но даю тебѣ мое королевское слово, что ты никогда не попадешь туда! — Ты не хочешь ни сокровищъ, ни дворцовъ! Ты хочешь человѣческой головы?

— Да, сэръ, человѣческой головы!

(*) Tytler. 482.—Leti. vol. 1. pag. 187.

— А, такъ я значитъ отгадалъ! со смѣхомъ возразилъ король.— Ну скажи же, моя маленькая, кровожадная королева, чью голову тебѣ хочется?

— Сэръ, я попрошу у васъ человѣческой головы, сказала вкрадчивымъ тономъ Катерина: — но я не хочу, чтобъ эта голова пала, но чтобъ она возвысилась! Я прошу о дарованіи человѣку жизни, а не о уничтоженіи ея, я хочу доставить ей счастье и радость! Я никого не хочу отправлять въ тюрьму, но я хочу дорогому мнѣ и любимому лицу возвратить свободу, счастіе и блескъ, который ей принадлежитъ. Сэръ, вы позволили мнѣ просить васъ! Итакъ прошу васъ, возвратите къ вашему двору принцессу Елизавету! Дозвольте ей жить здѣсь, вмѣстѣ съ нами. Позвольте ей постоянно находиться при мнѣ, и я буду дѣлить съ ней свое счастіе и богатство. Сэръ, вчера Елизавета была гораздо важнѣе меня, но такъ какъ вы доставили мнѣ счастіе и могущество, то сегодня я могу любить принцессу Елизавету, какъ сестру и подругу. Исполните, король, мою просьбу! Возвратите Елизавету ко двору и доставьте ей ту честь, которая ей принадлежитъ по праву (*).

Король отвѣчалъ не тотчасъ. Но въ его спокойной и улыбающейся физіономіи можно было прочесть, что просьба молодой супруги не разсердила его. Лицо его вздрагивало и нѣсколько минутъ оно было покрыто слезами. Можетъ быть въ эту минуту передъ его глазами мелькала печальная картина, и имъ представлялась прекрасная, но несчастная мать Елизаветы, которую онъ отдалъ палачу на ужасныя мученія и послѣднее слово которой было — благословеніе ему (**).

Онъ поспѣшно схватилъ руку Катерины и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Благодарю тебя! Ты неподражаемо великодушна! Это рѣдкое качество, и поэтому я буду тебя постоянно уважать. Но въ то же время ты храбра и мужественна, потому что ты осмѣлилась выговорить то, что до тебя никто не смѣлъ произнести. Ты въ одинъ вечеръ дважды просила за осужденную и впавшую въ немилость! Ты прекрасное созданіе Божіе! Ахъ, повѣрь мнѣ, Кити, я бы былъ сострадательнымъ и снисходительнымъ королемъ, еслибы народъ былъ немного лучше, нежели онъ есть. Ты, Кити, создана совершенно иначе, и я этому радуюсь! Ты знаешь, что я навсегда изгналъ Елизавету изъ моего сердца, и все-таки за нее просишь: это очень благородно съ твоей стороны и я тебя за это люблю, и исполню твою

(*) Leti, vol. I. pag. 147 и слѣд. Tytler. 410.

(**) Анна Боленъ.

просьбу. А для того, чтобы ты видѣла, Кити, какъ я тебя люблю, я тебѣ открою секретъ: я уже давно желалъ имѣть около себя Елизавету, но самъ стыдился своей слабости. Я уже давно желалъ взглянуть на умные, большіе глаза моей дочери и сдѣлаться нѣжнымъ отцомъ, и загладить передъ ней то, что я сдѣлалъ худаго ея матери. Иногда въ безсонныя ночи предо мною является прекрасное лицо Анны, и она смотритъ на меня такъ ласково и снисходительно, что сердце мое обливается кровью. Но я никому не говорю этого, для того, чтобы не подумали, что я раскаяваюсь. Король не долженъ раскаяваться въ своихъ поступкахъ и никогда не долженъ показывать никакого сожалѣнія, чтобы въ лицѣ его не видали слабаго смертнаго человѣка, подобнаго всѣмъ прочимъ людямъ. Видишь ли ты, на этомъ основаніи я побѣждалъ въ себѣ нѣжность отца, которой никто не подозрѣвалъ, и всѣ думали, что у меня сердце каменное. Окружающіе меня понимаютъ одни только слова, а то, что происходитъ на сердцѣ, то имъ совершенно недоступно. Ты же понимаешь это, Кити, потому что ты нѣжная и великодушная женщина. Поди сюда, Кити, вотъ поцалуй, который даетъ тебѣ благодарный отецъ, а этотъ — твой супругъ, моя прекрасная королева!

VII.

ГЕНРИХЪ VIII И ЕГО ЖЕНЫ.

Наконецъ кончились всѣ торжества, и во дворцѣ настала точно такая же тишина, какъ и во всемъ Лондонѣ. Счастливые подданные Генриха могли спокойно провести нѣсколько часовъ. Король почивалъ. Гардинеръ и канцлеръ также сомкнули свои наблюдательные глаза. Дворъ также успокоился, вспоминая о минувшихъ торжествахъ и находя, что они блескомъ и великолѣпіемъ превосходили бывшія пять свадебныхъ торжествъ.

Между тѣмъ видно было, что не всѣ еще во дворцѣ предались успокоенію и послѣдовали примѣру короля. Недалеко отъ спальни королевской четы, въ одномъ изъ оконъ виднѣлся свѣтъ, несмотря на то, что тяжелыя, бархатныя гардины были спущены. По временамъ мимо окна мелькала человѣческая тѣнь.

Обитатель этой комнаты еще не ложился, и должно быть его тревожили какія нибудь мрачныя мысли.

Эта комната принадлежала леди Джанѣ Дуглясъ, первой королевской статсъ-дамѣ.

Архіепископъ Гардинеръ, по просьбѣ королевы, далъ ей это мѣ-

сто. Но королева не знала, что этимъ сама способствовала исполненію плановъ, задуманныхъ противъ нея архіепископомъ.

Катерина не знала, какія перемѣны произошли въ характерѣ ея подруги, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, въ которыя онѣ не видались.

Прежде веселая и нѣжная Джана Дугласъ сдѣлалась теперь строгой католичкой, которая, въ фанатическомъ настроеніи духа, думала служить Богу тѣмъ, что оказывала безпрекословное повиновеніе священникамъ. Благодаря ихъ ученію и своему фанатизму, она сдѣлалась ужасно скрытна. Она могла улыбаться въ то время, когда на сердцѣ у нея была ненависть и мщеніе, могла цаловать тѣхъ, которыхъ только что поклялась уничтожить, могла принять наивную мину, въ то время, когда слѣдила за каждымъ движеніемъ вашихъ глазъ. Поэтому для Гардинера было очень важно ввести ко двору эту подругу королевы и сдѣлать себѣ изъ нея вѣрную союзницу и послѣдовательницу.

Леди Джана Дугласъ была одна, и ходя по своей комнатѣ, раздумывала о впечатлѣніяхъ этого дня. Съ лица ея исчезло вѣчное выраженіе угодливости, и она была то весела, то серьёзна.

Различныя мысли роились въ ея головѣ.

Немного погодя, она опустилась въ кресло и совершенно предалась своимъ мечтамъ.

Передъ глазами ея постоянно вертѣлось благородное лицо Генриха Говарда.

«Узналъ ли онъ меня?» задавала она сама себѣ вопросы. — «Помнитъ ли онъ то время, когда мы каждый день видѣлись съ нимъ при дворѣ, въ Дублинѣ?» Нѣтъ, печально прибавила она: — онъ не знаетъ этого. Тогда онъ все свое вниманіе обращалъ на свою молодую супругу. Ахъ, какъ она была мила и граціозна! Но я, — я развѣ не такъ же хороша, и развѣ самые лучшіе кавалеры не вздыхали обо мнѣ и не заискивали моей любви? Я чувствовала, что любила Генриха Говарда, но эта любовь была грѣхомъ, потому что тогда графъ былъ уже женатъ; я вырвала тогда любовь изъ своего сердца и отдала ее Богу, потому что единственный мужчина, котораго я могла любить, не могъ мнѣ отвѣчать тѣмъ же. Но никакое смиреніе не въ состояніи укротить совершенно сердца женщины. Въ душѣ моей попрежнему остались честолюбивыя желанія. Когда я увидала, что не могу быть счастливой женщиной, то пожелала быть могущественной королевой. Какъ хорошо все было къ этому приготовлено! Гардинеръ даже говорилъ ему обо мнѣ, и когда я, по зову его, спѣшила сюда изъ Дублина, то вдругъ является ничтожная Катерина Парръ, отнимаетъ его у меня и разрушаетъ всѣ наши планы. Этого я ей никогда

не прощу. Я съумѣю отомстить за себя! Я заставлю ее очистить это мѣсто, которое по праву принадлежитъ мнѣ, и если я не найду другой дороги, то она отправится дорогой эшафота, какъ и Катерина Говардъ. Я хочу быть англійской королевой, я хочу...»

Вдругъ она прервала нить своихъ размышленій и начала прислушиваться. Ей показалось, что кто-то тихо постучался въ ея дверь.

Она не ошиблась, кто-то снова постучался.

— Это отецъ, прошептала Джана, и снова принявъ скромное выраженіе; она отправилась отворять дверь.

— Ахъ, значитъ, ты меня ждешь! произнесъ лордъ Дугласъ, цѣлуя въ лобъ свою дочь.

— Да, я ждала васъ! улыбаясь, возразила леди Джана.—Я знала, что вы придете ко мнѣ сообщить ваши наблюденія и замѣчанія о нынѣшнемъ днѣ, чтобы дать мнѣ наставленія на будущее время.

Графъ опустился на кушетку, и рядомъ съ собою посадилъ дочь.

— Насъ никто не можетъ слышать, не такъ ли?

— Никто! Дѣвушки мои спятъ въ четвертой комнатѣ, и я сама затворила всѣ двери. Передняя же комната, черезъ которую вы сейчасъ прошли, какъ вамъ извѣстно, совершенно пуста; никто не могъ въ нее спрятаться.

— Значитъ, надо только затворить корридорную дверь. Не лишняя осторожность, не мѣшаетъ.

Она поспѣшила въ переднюю комнату, чтобы запереть дверь.

— Теперь насъ никто не можетъ слышать, сказала она, входя въ комнату и снова садясь на кушетку.

— А стѣны, дитя мое,—ручаешься ли ты за ихъ прочность? Ты смотришь на меня съ удивленіемъ? Боже мой! ты какъ и прежде, такъ и теперь — все еще осталась невинною дѣвочкою. Я тебѣ постоянно повторяю мудрое изрѣченіе: не довѣряйся даже тому, что для тебя видимо. Кто хочетъ составить себѣ счастіе, тотъ, во-первыхъ, не долженъ никому ничего довѣрять и каждаго считать за своего врага; но врагу этому нужно льстить, чтобы онъ тебя щадилъ и чтобы во время поцалуя, онъ не воткнулъ тебѣ въ сердце совершенно незамѣтнаго кинжала, или не влилъ въ ротъ яду. Не довѣряйся ни людямъ, ни стѣнамъ; они могутъ быть неподозрительны на видъ, но внѣ ихъ находятся подозрительные предметы. Но сегодня я, такъ и быть, повѣрю тебѣ, что эти стѣны совершенно невинны и не будутъ насъ подслушивать. Я вѣрю впрочемъ только потому, что эта комната мнѣ давно извѣстна. Я зналъ ее въ прекрасные дни моей жизни! Тогда я былъ молодъ и красивъ, и сестра короля Генриха не была еще замужемъ, за королемъ шотландскимъ; тогда мы

страстно любили другъ друга. Ахъ, я бы могъ разсказать тебѣ замѣчательныя исторіи того времени, я бы могъ...

— Но, мой дорогой батюшка, перебила его леди Джана, недовольная тѣмъ, что онъ хотѣлъ разсказывать исторію, давнымъ давно ей уже извѣстную.—Вы вѣроятно пришли сюда ночью не для того, чтобы разсказывать мнѣ исторію, которую я уже давно знаю. Вѣроятно вы мнѣ хотѣли сообщить то, что вашъ вѣрный глазъ открылъ сегодня!

— Правда твоя, печально произнесъ лордъ Дугласъ: — теперь я по временамъ дѣлаюсь забывчивъ, это признаки старости. Во всякомъ случаѣ я пришелъ сюда не для того, чтобы вспоминать прошедшее! Ахъ, сегодня я много узналъ, многое видѣлъ и наблюдалъ, и результатъ моихъ наблюденій—ты будешь седьмою супругою короля Генриха!

— Это невозможно! воскликнула леди Джана, лицо которой противъ ея желанія приняло веселое выраженіе.

— Эти наблюденія принадлежатъ твоему отцу, сказалъ онъ: — поэтому совѣтую тебѣ умѣрять эти порывы, лицо твое сейчасъ приняло радостное выраженіе... Но дѣло не въ томъ, ты непремѣнно будешь седьмою супругою Генриха. Но для этого нужно весьма много умѣнья, ты должна со всѣми обходиться ласково, а между тѣмъ ни на минуту не спускать ни съ кого глазъ, и потому должна какъ можно лучше изучить привычки и характеръ короля. Понимаешь ли ты эту науку? Знаешь ли ты, что значитъ желать сдѣлаться супругою короля, и съ чего надо начать, чтобы этого достигнуть? Изучила ли ты характеръ Генриха?

— Можетъ быть, но слишкомъ мало. Впрочемъ это оттого, что я мало думала объ этихъ предметахъ, а болѣе о святой церкви, которой я бы посвятила всю свою жизнь и душу, если бы вы не назначили мнѣ въ жизни другой цѣли! Ахъ, батюшка, если бы мнѣ можно было дѣйствовать согласно съ моими наклонностями, то я бы уже давно отправилась въ Шотландію, поселилась тамъ въ монастырѣ и тихо и безмятежно провела свою жизнь. Но моимъ мечтамъ не удалось осуществиться, потому что Богъ, устами своихъ служителей, повелѣлъ мнѣ жить въ свѣтѣ. Если же я и буду королевой, то не для блеску, а для того, чтобы притѣсняемая церковь пріобрѣла во мнѣ подпору.

— Хорошо сказано! воскликнулъ отецъ, который ни на минуту, во все время ея монолога, не сводилъ съ нея глазъ.—Дочь моя, я перемѣняю о тебѣ свое мнѣніе. Ты отлично умѣешь собою владѣть. Но поговоримъ о королѣ. Надо его разобрать и изучить такъ, чтобы ни одна песчинка не укрылась отъ нашего наблюденія. Его надо

прослѣдить въ его домашней, политической, религіозной жизни. Тогда мы вполнѣ опредѣлимъ его наклонности и характеръ. Прежде всего — его старыя жены! Ихъ жизнь и смерть научатъ тебя весьма многому и покажутъ, что быть женою Генриха не легкое предпріятіе. Для этого нужно имѣть много мужества и хладнокровія. Знаешь ли ты, кто больше всѣхъ отличается этими достоинствами? Это первая его супруга, Катерина Арагонская! Клянусь Богомъ, что она была умная женщина и была рождена только для того, чтобы быть королевой. Генрихъ былъ тогда точно такъ же скупъ, какъ и теперь, но онъ бы съ радостью отдалъ лучшій драгоцѣнный камень изъ своей короны, если бы кто нибудь помогъ ему открыть хоть малѣйшій слѣдъ ея невѣрности. Между тѣмъ уличить ее въ невѣрности и отправить на эшафотъ—не было рѣшительно никакой возможности; а отравить ее, онъ не рѣшался, потому что тогда онъ самъ былъ трусъ и добродѣтеленъ. Поэтому онъ терпѣлъ до тѣхъ поръ, пока она не постарѣла и не сдѣлалась ему противна. Такимъ образомъ онъ прожилъ съ нею семнадцать лѣтъ, какъ вдругъ однажды ему случилось прочесть въ Библіи: «ты не долженъ жениться на сестрѣ». На короля напалъ такой страхъ, что онъ упалъ на колѣни и ударяя себя въ грудь, проговорилъ: «Боже! я согрѣшилъ, потому что женился на сестрѣ. Но я искуплю свою вину, расторгнувъ бракъ. Боже, прости меня!»—Знаешь ли ты, дитя, почему онъ хотѣлъ его расторгнуть?

— Потому что онъ любилъ Анну Боленъ? смѣясь, сказала Джана.

— Именно такъ! Катерина состарѣлась, а король былъ еще молодъ. И онъ тогда былъ не таковъ! У него еще не развилась кровожадность. Ты увидишь, какъ развилась она у него при слѣдующей женѣ; эта страсть наконецъ обратилась у него въ какую-то постоянную потребность. Если бы онъ тогда былъ такъ нагл, то объявилъ бы, что былъ любовникомъ Катерины, а не мужемъ. Но тогда было другое время, и онъ хотѣлъ поступить законно. Такимъ образомъ Анна Боленъ должна была сдѣлаться его женою. Для того, чтобы достигнуть этого, онъ поссорился почти со всѣми. Разсорился съ папою и сталъ во всемъ противодѣйствовать этому главѣ церкви. Такъ какъ святой отецъ не хотѣлъ расторгнуть этого брака, то, поссорившись съ нимъ, онъ объявилъ себя главою церкви. Вскорѣ послѣ этого онъ обнародовалъ, что бракъ его съ Арагонскою принцессою расторгнутъ. Онъ говорилъ, что не давалъ своего внутренняго согласія на этотъ бракъ, и потому онъ можетъ считаться недѣйствительнымъ. Правда, Катерина могла доказать его дѣйствительность принцессой Маріей. Принцесса Марія была объя-

лена незаконнорожденной, а королева — вдовою принца Валлійскаго. Строго запретили оказывать ей королевскія почести и давать ей королевскій титулъ. Никто не смѣлъ называть ее иначе, какъ принцессой Валлійской. Съ этой же цѣлью Катерину удалили отъ двора и послали во дворецъ, въ которомъ она нѣкогда жила, какъ супруга принца Артура Валлійскаго. Король далъ ей штатъ и назначилъ годовое содержаніе, положенное принцессѣ Валлійской.

— Я считалъ это дѣло самою умной выдумкой нашего величественнаго короля, и въ этой исторіи король дѣйствовалъ съ большой рѣшимостью. Когда ты побѣдишь короля, то онъ пошлетъ Катерину Парръ или на эшафотъ, или поступитъ съ ней какъ съ Катериной Арагонской. Онъ объявитъ тогда, что не давалъ своего внутренняго согласія на этотъ бракъ, и потому Катерина не королева, а вдова лорда Невиля. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ называетъ себя главою церкви, въ подобныхъ дѣлахъ онъ не затрудняется, потому что считаетъ, что только одинъ Богъ могущественнѣе его. Доказательствомъ этому послужитъ Анна Боленъ, вторая супруга Генриха. Я ее часто видалъ, — она была неподражаемо хороша. Кто хоть разъ ее видѣлъ, тотъ непремѣнно чувствовалъ къ ней влеченіе. Когда она родила принцессу Елизавету, то я слышалъ, какъ король сказалъ: «теперь я наверху своего счастія, потому что королева подарила мнѣ дочь и вмѣстѣ съ тѣмъ законную наслѣдницу». Но это счастіе продолжалось недолго!

— Однажды король увидалъ, что Анна Боленъ не самая красивая на землѣ женщина, что при дворѣ есть женщины лучше ея, которымъ гораздо приличнѣе быть англійскими королевами. Онъ увидалъ Джану Сеймуръ, и она, безъ сомнѣнія, была красивѣе Анны Боленъ, уже потому, что не была еще супругою короля. Но представлялось препятствіе — королева Анна Боленъ. Это препятствіе нужно было устранить. Для удаленія Анны нужно было выдумать что нибудь новое; къ старому средству онъ не хотѣлъ прибѣгать. Самое простое средство отъ нея отдѣлаться — былъ эшафотъ. Отчего же Аннѣ и не побывать на немъ? Съ этого времени въ жизни короля произошелъ переворотъ: онъ началъ жаждать крови, сдѣлался смѣлѣе и перестаЛъ бояться невинно проливать кровь своихъ подданныхъ. Онъ далъ Аннѣ Боленъ пурпуровую мантію, — отчего же бы ей не отдать ему своей пурпуровой крови? Для этого нужно было только найти предлогъ, и его скоро нашли. Леди Рочфортъ, тетка Анны Сеймуръ, нашла нѣсколькихъ мужчинъ, про которыхъ разсказывала, что они были любовниками прекрасной Анны Боленъ. Какъ первая статсъ-дама королевы, она могла это знать лучше другихъ, и король повѣрилъ ей. Онъ повѣрилъ ей, хотя эти

четверо молодыхъ людей, за исключеніемъ одного, во время уголовнаго суда утверждали, что Анна Боленъ невинна и что они никогда не были даже вблизи ея. Одинъ только утверждалъ, что королева находилась съ нимъ въ любовныхъ отношеніяхъ. Его звали Смитоксъ (*). За это признаніе ему обѣщали даровать жизнь. Но впослѣдствіи побоялись оставить его въ-живыхъ, и чтобы не показать себя неблагодарными, за его признаніе, оказали ему милость, именно: вмѣсто того, чтобы отрубить ему голову, повѣсили (**).

— Такимъ образомъ прекрасная и очаровательная Анна Боленъ принуждена была положить свою голову на плаху. Въ день, въ который была назначена казнь, король приказалъ устроить большую охоту, и рано поутру мы выѣхали и отправились въ лѣсъ, въ окрестностяхъ Лондона. Сначала король былъ необыкновенно веселъ. Онъ приказалъ мнѣ ѣхать рядомъ съ собою и разсказывать ему что нибудь скандальное, изъ хроники нашего двора. При моихъ злобныхъ замѣчаніяхъ, онъ громко хохоталъ, и чѣмъ я больше вралъ, тѣмъ веселѣе становился король. Наконецъ мы остановились; король такъ много разсказывалъ и смѣялся, что подъ-конецъ проголодался. Онъ помѣстился подъ одной изъ сосенъ, и посреди своей свиты и собакъ сталъ завтракать. Завтракъ этотъ показался ему очень вкусенъ. Послѣ него онъ сдѣлался молчаливѣе и по временамъ съ безпокойствомъ посматривалъ въ ту сторону, гдѣ находился Лондонъ. Вдругъ послышался тихій гулъ пушечнаго выстрѣла. Мы всѣ знали, что это былъ сигналъ, долженствовавшій возвѣстить королю, что голова Анны Боленъ пала. Мы знали это, но все-таки нами овладѣлъ какой-то ужасъ. Одинъ только король улыбался, и взявъ у меня изъ рукъ свое ружье, сказалъ: «Совершилось! Дѣло кончено! Спустите собакъ и дѣлайте облаву на кабана!»

— И это была, печально сказалъ лордъ Дугласъ: — надгробная рѣчь, которую король произнесъ надъ гробомъ своей невинной супруги.

— Вы жалѣете ее? съ удивленіемъ спросила Джана. — Сколько мнѣ помнится, Анна была непріятельница нашей церкви, послѣдовательница зловреднаго новаго ученія.

Дугласъ пожалъ плечами.

— Это нисколько не мѣшало Аннѣ быть прекраснѣйшей изъ женщинъ старой Англіи. И несмотря на то, что она была новаго ученія, она оказала намъ услугу, потому что была причиною смерти Томаса Моруса. Такъ какъ онъ не одобрялъ ея брака съ королемъ,

(*) Tytler.
(**) Burnet. Vol. 1. pag. 205.

она возненавидѣла его. Король тоже его не жаловалъ, но все-таки щадилъ, потому что ученость Томаса могла иногда ему быть полезна. Томасъ былъ знаменитый ученый. Но Анна требовала его смерти, и онъ былъ осужденъ (*). Да, Джана, это была печальная минута для всей Англіи. Мы одни, веселые люди, веселились во дворцѣ. У насъ выплясывали новые танцы, подъ музыку, сочиненную самимъ королемъ. Ты, я думаю, знаешь, что король не только писатель, но и композиторъ. Теперь онъ сочиняетъ, а тогда импровизировалъ танцы. Уставши танцовать, мы садились играть въ карты. Только-что я выигралъ у короля нѣсколько партій, вошелъ лейтенантъ Товерсъ и принесъ извѣстіе объ окончаніи казни, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ намъ предсмертный поклонъ знаменитаго ученаго. Король кинулъ карты, и злобно взглянувъ на Анну, дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Ты виновата въ смерти этого человѣка!» Потомъ всталъ и пошелъ въ свои комнаты, куда никто не смѣлъ за нимъ слѣдовать, даже сама королева (**). Ты видишь, что за этотъ поступокъ Анна заслуживаетъ нашей благодарности, потому что смерть Томаса Моруса освободила старую Англію отъ большой опасности. Меланхтонъ и Будеръ, а съ ними и другіе проповѣдники Германіи, собирались въ Лондонъ и, какъ посланные отъ протестантскихъ князей Германіи, хотѣли провозгласить нашего короля главою ихъ союза. Но ужасная смерть, постигшая ихъ друга, остановила ихъ на половинѣ дороги (***).

— Пусть же мирно покоится прахъ Анны Боленъ, которая въ свою очередь также получила должное возмездіе. Ей отмстила Джана Сеймуръ: по ея милости она взошла на эшафотъ.

— Но она была любимой супругой короля, сказала Джана: — и когда она умерла, король два года по ней скучалъ.

— Онъ скучалъ? воскликнулъ Дугласъ. — Онъ одинаково скучаетъ обо всѣхъ убитыхъ имъ женахъ. Послѣ смерти Анны, онъ наложилъ на себя трауръ, и черезъ день послѣ того въ бѣлой, траурной одеждѣ повелъ Джану Сеймуръ къ алтарю (****). Внѣшній трауръ, кажется, не имѣетъ никакого значенія. Анна также носила его по Катеринѣ Арагонской, которую она свергнула съ престола. Восемь недѣль она носила желтое, траурное платье, по первой женѣ Генриха, потому только, что она знала, что желтыя, траурныя платья ей очень къ лицу.

(*) Granger, Biographical history of England. Vol. 1. pag 137.
(**) Tytler, pag. 354.
(***) Tytler. pag. 357.
(****) Leti. Vol. 1. pag. 180. Granger. Vol. 1. pag. 119.

— Но король носилъ трауръ не только для виду, сказала Джана: — онъ носилъ его и въ душѣ; доказательствомъ этому то, что онъ женился только по прошествіи двухъ лѣтъ.

Графъ Дугласъ засмѣялся.

— Но въ эти два года вдовства онъ развлекался прехорошенькой любовницей. У него была французская маркиза Монтрель, и онъ бы непремѣнно на ней женился, если бы молодая, умная и хорошенькая женщина не вздумала уѣхать во Францію, находя, что опасно быть супругою Генриха. Замѣчательно, что всѣ наши королевы родились, видно, подъ самыми несчастными звѣздами: ни одна изъ нихъ не умерла естественною смертью.

— Ошибаетесь! Джана Сеймуръ умерла совершенно натурально: она умерла отъ родовъ.

— Да, отъ родовъ! Но смерть ея была неестественна, потому что она могла быть спасена, а Генрихъ не захотѣлъ этого. Его любовь охладѣла, и когда доктора спросили его: кого имъ спасать, мать или ребенка, — онъ отвѣчалъ: «спасите ребенка, а мать пусть умираетъ! Женщинъ я могу достать столько, сколько мнѣ будетъ нужно» (*).

— Да, душа моя, я по крайней мѣрѣ не желалъ бы, чтобъ ты умерла такой естественной смертью, какой умерла Джана Сеймуръ, которую, какъ ты говоришь, два года король оплакивалъ. Послѣ этого съ королемъ случилось нѣчто новое, необыкновенное. Онъ влюбился въ портретъ, думая, что въ немъ нѣтъ ничего преувеличеннаго; послалъ пословъ въ Германію, чтобы они привезли ему оригиналъ этого портрета, и даже самъ выѣхалъ навстрѣчу. Ахъ, дитя мое, въ жизни я видѣлъ много забавныхъ случаевъ, но подобнаго еще не видывалъ. Король былъ воодушевленъ, какъ писатель, и влюбленъ, какъ двадцатилѣтній юноша, и съ такимъ настроеніемъ отправился навстрѣчу невѣстѣ нашъ романическій поѣздъ. Король былъ переодѣтъ, и выдавалъ себя за моего двоюроднаго брата. Мнѣ было очень лестно, какъ королевскому шталмейстеру, передать молодой—поклонъ моего короля и просить ее принять рыцаря, который долженъ былъ передать ей отъ короля подарки. Она выслушала мою просьбу съ снисходительной улыбкой, изъ-за которой я увидалъ рядъ отвратительныхъ желтыхъ зубовъ; я отворилъ дверь и пригласилъ короля войти. Ахъ, жаль, что ты не присутствовала при этой сценѣ! Интересно было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ король вбѣжалъ въ комнату, но вдругъ остановился и пристально сталъ смотрѣть на принцессу; потомъ потихоньку вложилъ

(*) Burnet.

мнѣ въ руку принесенный для нея драгоцѣнный подарокъ и въ то же время злобно взглянулъ на Кромвеля, который принесъ ему портретъ принцессы и совѣтовалъ на ней жениться. Страстный любовникъ въ одну минуту совершенно разочаровался. Онъ подошелъ къ принцессѣ и, очень серьёзно объявивъ ей, что онъ король, сказалъ ей какое-то не совсѣмъ радушное привѣтствіе. Потомъ взялъ меня за руку, и мы вышли съ нимъ, а за нами и всѣ прочіе. Оставивши эту бѣдную, но отвратительную принцессу, мы отошли отъ ея дома; и король гнѣвно сказалъ, обращаясь къ Кромвелю: «это вы называете красотою? Она мерзкая фламандская кляча, а не принцесса!» (*). Между тѣмъ надобно сказать, что отецъ Анны Клеве (такъ называлась принцесса) сосваталъ ее еще прежде за сына герцога лотарингскаго и далъ ему слово, что когда она достигнетъ извѣстныхъ лѣтъ, то онъ отдастъ ее молодому герцогу въ жены. Кольца были уже обмѣнены и брачный договоръ былъ уже почти оконченъ, — слѣдовательно, она уже была готова выйдти замужъ, а Генрихъ не могъ взять за себя обреченную на замужество. Это послужило предлогомъ къ отказу короля.

Онъ назвалъ ее своей сестрой и предложилъ ей, если она хочетъ остаться въ Англіи, дворецъ для жительства. Она приняла это предложеніе и осталась въ Англіи. Ея холодная кровь не возмутилась при мысли, что она опозорена и отвергнута. Король выбралъ себѣ пятою женою хорошенькую Катерину Говардъ.

— Объ этомъ бракѣ я не могу тебѣ много сказать, потому что въ это время я готовился отправиться, въ качествѣ посла, въ Дублинъ, куда и ты за мною скоро послѣдовала. Катерина также была очень хороша собою, и старческое сердце короля еще разъ запылало юношескою любовью. Онъ ее любилъ болѣе, чѣмъ другихъ женъ; онъ былъ такъ счастливъ, что при всѣхъ становился въ церкви на колѣни и благодарилъ Бога за счастіе, которое онъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ молодою королевою. Но это продолжалось недолго. Когда король былъ наверху счастья, на другой день онъ упалъ въ пропасть, которая была у подножія его счастія. Я описываю тебѣ это, дитя мое, безъ всякихъ поэтическихъ украшеній. За день, онъ благодарилъ Бога за свое блаженство, а на другой день Катерина Говардъ была уже заключена въ темницу и объявлена невѣрной женой и измѣнницею. Еще прежде короля у нея было болѣе семи любовниковъ, и они провожали ее даже во время торжественнаго въѣзда. Генрихъ, узнавъ о прежней жизни Катерины Говардъ, закипѣлъ гнѣвомъ и ревностію; послѣ этого онъ уже не могъ больше любить ее, и

(*) Tytler, pag. 432.

сдѣлался ея палачемъ, рѣшившись запятнанную ею пурпуровую королевскую мантію закрасить ея собственною кровью. Какъ онъ задумалъ, такъ и случилось. Хорошенькая головка Катерины Говардъ пала подъ сѣкирою палача. Долго король не могъ опомниться отъ этого удара; онъ два года искалъ себѣ въ супруги невинную дѣвушку, которую не нужно бы было подвергать уголовному суду. Но нашелъ и взялъ себѣ въ жены вдову лорда Невиля, Катерину Парръ. Но ты, дитя мое, знаешь, какая участь постигла женъ короля, которыя назывались Екатеринами. Первая Катерина была отвергнута, вторая обезглавлена. Что онъ сдѣлаетъ съ третьей, — еще неизвѣстно!

Леди Джана улыбалась.

— Катерина его не любитъ, сказала она: — и я думаю, что она, какъ Анна Клеве, охотно согласится, вмѣсто супруги короля быть его сестрою.

— Катерина не любитъ короля? спросилъ лордъ Дугласъ, затаивъ дыханіе. — Значитъ, она любитъ другаго?

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка! Ея сердце — чистый листъ бумаги, на которомъ не написано еще ни одного имени.

— Значитъ, наша обязанность написать на немъ имя, и это имя должно отправить ее или на эшафотъ, или въ изгнаніе! съ жаромъ воскликнулъ отецъ. — Твоя обязанность, дитя мое, взять желѣзный карандашъ и написать имъ на сердцѣ Катерины какъ можно глубже имя, такъ чтобы въ одинъ прекрасный день король могъ его прочесть.

VIII.

ОТЕЦЪ И ДОЧЬ.

Оба замолчали. Лордъ Дугласъ откинулся на спинку дивана. Казалось, онъ усталъ отъ продолжительнаго разсказа и захотѣлъ отдохнуть. Но во время этого отдыха онъ ни на минуту не спускалъ своихъ большихъ глазъ съ Джаны, которая, облокотившись, смотрѣла въ потолокъ и, казалось, совершенно забыла о присутствіи своего отца.

Графъ улыбнулся; но эта улыбка скоро исчезла, и ее замѣнили морщины на лбу, означавшія заботу.

Увидавъ, что Джана уже слишкомъ долго думаетъ, онъ положилъ ей на плечо руку и спросилъ:

— Объ чемъ ты задумалась, Джана?

Она вздрогнула и съ удивленіемъ посмотрѣла на графа.

— Я обдумываю то, объ чемъ вы мнѣ сейчасъ разсказывали, проговорила она, собравшись съ мыслями. — Я желала бы узнать, что намъ можетъ быть полезнѣе всего впереди.

Лордъ Дугласъ покачалъ головою, и недовѣрчивая улыбка показалась на его губахъ.

— Берегись, Джана, торжественно произнесъ онъ: — берегись, чтобы сердце не овладѣло твоею головою! Если мы хотимъ достигнуть цѣли, то сердце твое должно быть ко всему совершенно равнодушно. Умѣешь ли ты имъ владѣть?

Джана въ смущеніи опустила глаза, потому что встрѣтила проницательный взоръ отца. Лордъ Дугласъ замѣтилъ это, и хотѣлъ произнести какое-то внушеніе, но удержался. Какъ умный дипломатъ, онъ зналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ гораздо лучше уклоняться, чѣмъ вступать въ открытую борьбу.

Чувства, какъ зубы дракона: когда ихъ вырываютъ, они снова выростаютъ и дѣлаются все крѣпче и сильнѣе. Поэтому лордъ Дугласъ не обратилъ особеннаго вниманія на смущеніе дочери.

— Прости меня, дочь моя, сказалъ онъ: — если въ моихъ заботахъ и попеченіяхъ о тебѣ я зашелъ слишкомъ далеко. Я знаю, что твоя умная и хорошенькая головка настолько холодна, что можетъ носить корону; я знаю, что душу твою наполняетъ одна религія. Поговоримъ же еще о томъ, что намъ нужно предпринять для того, чтобы достигнуть цѣли!

— Мы говорили о Генрихѣ, какъ о мужѣ и человѣкѣ, и я увѣренъ, что ты почерпнула что нибудь изъ судьбы его несчастныхъ женъ. Ты видишь теперь, что ты должна владѣть всѣми хорошими и худыми качествами женщины, чтобы привлечь къ себѣ этого тирана-короля. Ты должна постоянно съ нимъ кокетничать. Однимъ словомъ, ты должна непремѣнно примѣняться къ случайнымъ обстоятельствамъ и постоянно развлекать короля. Ты ничему не должна вѣрить, потому что супругѣ короля угрожаетъ постоянная опасность. Топоръ постоянно виситъ надъ ея головой, и ты должна обращаться съ нимъ, какъ съ любовникомъ всегда для тебя новымъ.

— Вы говорите такъ, какъ будто бы я уже была супругою короля, сказала леди Джана, смѣясь. — Но мнѣ кажется, что прежде, чѣмъ мы достигнемъ нашей цѣли, намъ угрожаетъ множество опасностей, которыхъ мы, можетъ быть, не въ состояніи будемъ преодолѣть.

— Не въ состояніи преодолѣть? воскликнулъ отецъ, пожимая плечами. — При помощи религіознаго направленія короля, можно побѣдить всѣ опасности. Намъ должно дѣйствовать только какъ

можно осторожнѣе. Поэтому не пропускай ничего, и время отъ времени изучай характеръ короля. Будь увѣрена, что ты каждый день найдешь въ его характерѣ что нибудь новое. Мы говорили о немъ, какъ о мужѣ и отцѣ семейства, но я тебѣ еще ничего не сказалъ о его религіозномъ и политическомъ значеніи. А это, дитя мое, главная вещь въ его существованіи.

— Прежде всего, Джана, я хочу сообщить тебѣ тайну. Король, который сдѣлалъ себя главою своей церкви и котораго однажды папа назвалъ «рыцаремъ вѣрности и вѣры», въ глубинѣ своей души не имѣетъ никакой религіи. Онъ — тонкій тростникъ, который вѣтеръ гнетъ сегодня въ одну, а завтра въ другую сторону. Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ! Сегодня онъ еретикъ, чтобы показать себя могущественнымъ и проницательнымъ господиномъ; завтра онъ католикъ, и показываетъ свое смиреніе, любовь и набожность къ Богу. Во всякомъ случаѣ, онъ совершенно равнодушенъ къ религіи. Если бы не папа, то онъ навсегда бы остался добрымъ и вѣрнымъ слугою католической церкви. Но католики были очень недальновидны: разсердили его своими возраженіями и затронули его самолюбіе и гордость. Вотъ это-то и было причиною, что Генрихъ явился преобразователемъ церкви, и это онъ сдѣлалъ не изъ убѣжденія, а чисто изъ ненависти къ папѣ. Помни это, дитя мое, потому что, кто знаетъ, можетъ быть тебѣ и удастся когда нибудь сдѣлать изъ него ревностнаго послѣдователя святой церкви. Онъ отказался отъ папы и объявилъ себя главою церкви, — но въ немъ нѣтъ настолько мужества, чтобы привести въ исполненіе свои мысли и прямо отдаться реформаціи. Несмотря на то, что онъ отвергъ личность папы, онъ преданъ церкви, хотя можетъ быть самъ этого и не подозрѣваетъ. Онъ католикъ и слушаетъ обѣдни; онъ возвысилъ монастыри и запретилъ духовнымъ бракъ. Онъ возвышаетъ монастыри и приказываетъ, чтобы обѣты, данные мужчиною и женщиною, исполнялись точно; наконецъ тайную исповѣдь онъ считаетъ непремѣнною обязанностью своей церкви. Вотъ это-то онъ и называетъ своими шестью пунктами (*) и основаніемъ своей англійской церкви. Несчастный, недальновидный человѣкъ! Онъ не знаетъ, что все это онъ сдѣлалъ только для того, чтобы сдѣлать себя самого папою, и что онъ ничто иное, какъ противникъ папы, святаго римскаго отца, котораго онъ, въ своемъ высокомѣріи, осмѣливается называть «римскимъ архіепископомъ»!

— Но за эти поступки, сказала Джана, — и глаза ея заблестѣли отъ

(*) Burnet. Vol. 1. pag. 259. — Tytler. pag. 402.

гнѣва:—его отлучили отъ церкви, голова его проклята, и онъ самъ себя унизилъ въ глазахъ своихъ подданныхъ. За это папа совершенно справедливо называетъ его «заблудшимъ сыномъ и противникомъ святой церкви». Онъ объявилъ его недостойнымъ короны и обѣщалъ ее дать тому, кто силою оружія побѣдитъ недостойнаго короля. Запретилъ всѣмъ его подданнымъ слушаться его и отдавать ему королевскія почести (*).

— А онъ все-таки остался королемъ Англіи, и его подданные повинуются ему съ рабскимъ послушаніемъ! воскликнулъ лордъ Дугласъ, пожимая плечами. — По моему, папѣ никакъ не слѣдовало заходить такъ далеко, а тѣмъ болѣе угрожать наказаніемъ, котораго онъ не въ состояніи привести въ исполненіе. Вотъ почему это римское отлученіе отъ церкви, нисколько не вредя королю, принесло ему, напротивъ, большую пользу; онъ послѣ этого возгордился и доказалъ папѣ и своимъ подданнымъ, что можно наслаждаться счастіемъ и довольствомъ, даже когда отлучатъ отъ церкви.

— Римъ теперь очень хорошо понимаетъ, что въ Генрихѣ онъ лишился важной подпоры, и на насъ теперь лежитъ важная обязанность стараться возвратить невѣрнаго короля въ лоно святой церкви; обязанность привести это въ исполненіе предстоитъ тебѣ. Сдѣлавъ же это славное и похвальное дѣло, ты сдѣлаешься непремѣнно королевой. Но еще разъ повторяю тебѣ: будь осторожна и не раздражай короля противорѣчіями. Ты должна, не возбуждая подозрѣній, возвратить погибающаго короля туда, гдѣ его ожидаетъ спасеніе. Онъ заблудился, и въ гордости своей хочетъ самъ быть основателемъ церкви. Эта церковь ни католическая, ни протестантская, а его собственная, основаніемъ которой служатъ его шесть пунктовъ. Онъ не хочетъ быть ни католикомъ, ни протестантомъ, и чтобы показать свое безпристрастіе къ тѣмъ и другимъ, преслѣдуетъ одинаково жестоко обѣ партіи. Вѣдь, наконецъ, дошло до того, что, можно сказать, католиковъ вѣшаютъ и тутъ же жгутъ тѣхъ, кто не католикъ. Королю нравится стоять между этими партіями, и вотъ почему онъ въ одинъ и тотъ же день приказываетъ засадить католика въ тюрьму, за то, что тотъ говорилъ противъ него, какъ главы церкви,—и реформатора, за то, что тотъ поспорилъ съ кѣмъ-то о необходимости тайной исповѣди. Въ прошлое засѣданіе парламента повѣшено было пять человѣкъ за то, что они назвали папу главою церкви, и пятеро сожжены за то, что думали сдѣлаться послѣдователями новаго ученія! Сегодня, въ день свадьбы короля, по особому его приказу, сковали двухъ протестантовъ съ

(*) Leti. Vol. 1. pag. 134.

двумя католиками и кинули въ огонь. Король, какъ глава церкви, хотѣлъ этимъ показать, что онъ не держится ни той, ни другой стороны. Католиковъ сожгли за то, что они были измѣнниками въ отношеніи короля, а протестантовъ за то, что были еретиками.

— О, воскликнула, задрожавъ и поблѣднѣвъ, Джана:—я не хочу быть королевой Англіи. Я боюсь этого свирѣпаго и дикаго короля, у котораго нѣтъ ни сердца, ни сострадапія.

Отецъ улыбнулся.

— Развѣ ты не знаешь, дитя мое, какъ укрощаютъ гіенъ и дѣлаютъ ручными тигровъ. Имъ безпрестанно кидаютъ добычу, которою они могутъ насытиться; а такъ какъ они любятъ кровь, то имъ безпрестанно даютъ ее пить, чтобы они напились вдоволь. Единственная, непоколебимая страсть короля,—это его жестокость и кровожадность; и если ему постоянно заготовлять пищу, то онъ будетъ очень любезный и милостивый супругъ и король. А для удовлетворенія этой кроважадности всегда можно найти кого нибудь. При дворѣ короля много народу, и когда на него находятъ кровожадныя минуты, то Генриху все равно, чья бы кровь ни была. Онъ проливалъ кровь своихъ женъ и родственниковъ, осуждалъ тѣхъ, которые считались самыми близкими его друзьями, и посылалъ на эшафотъ благороднѣйшихъ людей своего государства. Томасъ Морусъ очень хорошо зналъ короля; онъ мнѣ разъ въ одномъ словѣ выразилъ всего короля. Мнѣ, кажется, что я до сихъ поръ вижу спокойное, смиренное и прекрасное лицо этого мудреца. Онъ какъ будто теперь еще стоитъ съ королемъ въ углубленіи окна, и король обнявъ этого великаго канцлера, съ какимъ-то раболѣпнымъ вниманіемъ слушаетъ его слова. Когда король ушелъ, я подошелъ къ нему и пожелалъ ему счастія во всѣхъ его предпріятіяхъ. Васъ, кажется, очень любитъ король, сказалъ я. — «Да!» возразилъ онъ съ спокойной и пріятной улыбкой, — «да, король меня любитъ! Но это ему нисколько не помѣшаетъ отдать мою голову за какой нибудь драгоцѣнный брильянтъ, или за прекрасную женщину, или за клочекъ земли во Франціи». Онъ не ошибся: дѣйствительно, за женщину голова мудреца упала! И императоръ Карлъ V сказалъ про него: «если бъ у меня былъ такой совѣтникъ, котораго способности мы уже имѣли случай испытать, и если бы мнѣ приходилось съ нимъ разстаться, то я бы охотнѣе отдалъ лучшій свой городъ, только бы мнѣ оставили такого умнаго совѣтника» (*).

— Да, Джана, поставь себѣ за правило, за законъ: ни въ чемъ не вѣрить королю. Иногда ему доставляетъ удовольствіе украшать

(*) Tytler. pag. 423.

брильянтами и возвышать тѣхъ, кого онъ завтра намѣренъ лишить жизни. Это удовлетворяетъ его самолюбію. Онъ похожъ на льва, которому доставляетъ удовольствіе поиграть съ собачкой, которую онъ намѣренъ растерзать. Доказательствомъ этому можетъ служить его поступокъ съ Кромвелемъ, стариннымъ его другомъ и совѣтникомъ, который и не думалъ быть измѣнникомъ или грубо шутить съ королемъ, а просто далъ ему портретъ отвратительной Анны, которой Гольбейнъ придалъ на портретѣ небывалую красоту. Впрочемъ, за это король боялся на него напасть; напротивъ, за его великія заслуги онъ далъ ему графскій титулъ, орденъ подвязки и назвалъ оберъ-каммергеромъ, — и когда Кромвель находился наверху своего счастія, король приказалъ его схватить, посадить въ тюрьму и судить, какъ королевскаго измѣнника. Кромвеля просто осудили за то, что Анна Клеве, такъ чудесно нарисованная на портретѣ, не была хороша и не понравилась королю.

— Но довольно о прошедшемъ. Теперь подумаемъ о средствѣ уничтожить ту женщину, которая преградила намъ дорогу. Стоитъ только ее уничтожить, а тогда мы уже безъ всякаго труда возведемъ тебя на ея мѣсто. Король не видалъ тебя, когда искалъ себѣ жену; а портрету онъ больше не довѣрялъ, послѣ исторіи съ несчастной Анной Клеве. Если бы мы были здѣсь, то теперь ты занимала бы мѣсто Катерины Парръ и была королевой Англіи. Но, къ несчастію, насъ тогда не было. Знаешь ли, Джана, сегодня ты сдѣлала огромный шагъ впередъ. Ты обратила на себя вниманіе короля и пріобрѣла большое расположеніе Катерины Парръ. Могу тебя увѣрить, что я былъ удивленъ твоимъ умнымъ предпріятіемъ. Ты сегодня пріобрѣла расположеніе всѣхъ партій, и поступила удивительно умно, поспѣшивъ на помощь Генриху Говарду: этимъ ты расположила въ свою пользу партію еретиковъ, которая была на сторонѣ Маріи Аскью. О, Джана, ты дѣйствительно разрѣшила государственное недоразумѣніе. Фамилія Говардовъ самая сильная и могущественная при дворѣ; Генрихъ Говардъ принадлежитъ къ ея представителямъ. Итакъ, на нашей сторонѣ теперь самая сильная партія, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы помогать святой церкви въ ея побѣдахъ, и эта же партія только и думаетъ о томъ, какъ бы примирить короля съ папою. Генрихъ Говардъ походитъ на своего отца и свою племянницу, Катерину Говардъ, съ той только разницей, что она, вмѣстѣ съ Богомъ и святою церковью, любила и подобіе божіе, то есть красивыхъ мужчинъ. — Вотъ причина, которая доставила побѣду противной партіи, и вотъ почему придворная католическая партія была побѣждена еретическою. — Да, Крамеръ и Катерина побѣдили насъ на минуту; но скоро Гардинеръ и Джана

Дугласъ одержатъ побѣду надъ еретиками и отдадутъ ихъ подъ уголовный судъ. Таковъ нашъ планъ, и при помощи Божіей мы его осуществимъ.

— Но предпріятіе это очень трудно, со вздохомъ сказала леди Джана: — у королевы чистое сердце, умная голова и вѣрный взглядъ на вещи. Всѣ помышленія ея невинны, и она, какъ невинный ребенокъ, избѣгаетъ каждаго грѣха.

— Отъ этого нужно ее отучить, и это твоя обязанность. Ты должна уничтожить ея понятія о добродѣтели, проникнуть въ ея сердце и обольстить ее для совершенія грѣха.

— О, какой отвратительный планъ! поблѣднѣвъ, сказала Джана; — это вѣдь будетъ измѣна, батюшка; это, значитъ, похитить не только ея земное счастіе, но помрачить и ея душу! По вашему плану я должна ее обольстить на измѣну. Но я не послушаюсь васъ. Правда, я ее ненавижу, потому что она нанесла глубокую рану моему самолюбію; правда, я хочу ее уничтожить, потому что она носитъ корону, которой я хочу владѣть; но я никогда не опозорю себя и не волью въ ея сердце яда, отъ котораго она должна погибнуть. Пусть она сама принимаетъ ядъ. Пусть она сама отыскиваетъ пути къ преступленію,—я не буду останавливать ее и говорить ей, что она сбилась съ истиннаго пути; но буду слѣдить за каждымъ ея шагомъ, взглядомъ и вздохомъ, и если замѣчу, что она согрѣшила, то тотчасъ же на нее донесу и отдамъ ее въ руки правосудія. Вотъ все, что я могу сдѣлать, и что сдѣлаю. Я буду демономъ, который именемъ Божіимъ изгоняетъ ее изъ рая, но не змѣемъ, который по дьявольскому наущенію соблазнитъ ее на грѣхъ.

Она замолчала и, тяжело дыша, опустилась на подушки. Отецъ ея положилъ ей на плечо руку и гнѣвно на нее взглянулъ. Онъ былъ блѣденъ, и глаза его блистали какимъ-то дикимъ пламенемъ.

Джана испугалась и вскрикнула. Она всегда видѣла своего отца постоянно улыбающимся и веселымъ; замѣтивъ же въ немъ эту страшную перемѣну, она не хотѣла вѣрить, чтобъ это былъ ея отецъ.

— Ты не хочешь? спросилъ Джану отецъ глухимъ голосомъ.—Ты осмѣливаешься преступать заповѣди святой церкви? Развѣ ты забыла, въ чемъ ты клялась твоимъ учителямъ? Развѣ ты не знаешь, что сестры и братья святаго союза не смѣютъ имѣть другихъ желаній, кромѣ тѣхъ, которыя имѣетъ ихъ владыка? Развѣ ты забыла твою клятву, которую дала нашему владыкѣ Игнатію Лойолѣ? Отвѣчай мнѣ, невѣрная и непослушная дочь святой церкви! Повтори мнѣ клятву, которую ты дала, когда онъ принималъ тебя въ священное общество Іисуса Христа. Повтори свою клятву, говорю я тебѣ!

Джану точно толкнула какая нибудь невидимая сила: она вско-

чила съ дивана и, сложивъ руки на груди, и дрожа всѣмъ тѣломъ, съ испугомъ смотрѣла на отца, лицо котораго все еще выражало гнѣвъ.

— Я клялась, сказала она: — свои мысли и желанія, мою жизнь и смерть послушно отдавать святой церкви. Я клялась быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ моихъ учителей и дѣлать только то, что они захотятъ и мнѣ прикажутъ. Я обѣщалась, служить святой церкви и не пренебрегать никакими мѣрами, будучи увѣрена, что они непремѣнно ведутъ къ достиженію благой цѣли. Я обѣщала ничего не считать измѣною, что дѣлается во славу Бога и церкви!

— Ad majorem Dei gloriam! громно произнесъ отецъ ея, сложивъ на груди руки. — А знаешь ли ты, что̀ тебя ожидаетъ, если ты преступишь свою клятву?

— На землѣ меня ожидаетъ позоръ и постоянное проклятіе, пренебреженіе моихъ братьевъ и сестеръ и постоянныя муки ада. На страшномъ судѣ меня будутъ мучить и истязать и, умертвивъ мое тѣло, кинутъ его на съѣденіе хищныхъ звѣрей, а душу мою предадутъ проклятію и вѣчнымъ мученіямъ.

— А что тебѣ будетъ, если ты останешься вѣрна своей клятвѣ и будешь исполнять приказанія, которыя будутъ на тебя возлагаться?

— Почести и славы на землѣ, и вѣчная радость на небѣ!

— Другими словами: ты будешь королевой на землѣ и на небѣ.— Итакъ, ты знаешь святой законъ общества и помнишь свою клятву?

— Помню!

— А знаешь ли ты, что святой Игнатій, разставаясь съ нами, далъ обществу Іисуса Христа, въ Англіи, господина и генерала, которому всѣ сестры и братья общества должны служить и подчиняться съ слѣпою покорностью?

— Знаю!

— Ты вѣроятно также знаешь, почему члены общества могутъ отличить своего генерала?

— На большомъ пальцѣ правой руки онъ носитъ кольцо святаго Игнатія.

— Посмотри, вотъ это кольцо! сказалъ графъ, вынимая руку изъ камзола.

Леди Джана вскрикнула и упала почти безъ чувствъ передъ отцомъ на колѣни.

Лордъ Дугласъ съ снисходительной улыбкой поднялъ ее и обнялъ.

— Итакъ, Джана, я не только твой отецъ, но и генералъ. И надѣюсь, что ты будешь мнѣ повиноваться.

— Буду! едва слышно прошептала Джана и крѣпко прижала къ своимъ губамъ руку, украшенную завѣтнымъ кольцомъ.

— Ты будешь для Катерины Парръ, какъ ты сама сказала, змѣемъ искусителемъ?

— Буду!

— Ты вовлечешь ее въ грѣхъ и соблазнишь на любовь и погубишь ее?

— Да, мой отецъ!

— Теперь я назову тебѣ того, кого она любитъ, и онъ-то долженъ ее погубить. Ты вовлечешь королеву и усилишь ея любовь къ графу Генриху Говарду.

Джана опять вскрикнула и схватилась за ручку кресла, чтобы не упасть.

Отецъ окинулъ ее злобнымъ, проницательнымъ взглядомъ.

— Что значитъ этотъ крикъ? спросилъ онъ.

Джана уже оправилась.

— Я вскрикнула оттого, что не ожидала такого оборота, отвѣчала она.

Ироническая улыбка показалась на губахъ отца.

— Генрихъ хотя и женатъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему быть любимымъ другими женщинами, и любить самому. Очень часто случается, что эти препятствія еще больше увеличиваютъ любовь. О, сердце женщины непостижимо въ этомъ случаѣ.

Джана потупила глаза и не отвѣчала ничего. Она чувствовала, что отецъ смотрѣлъ на нее своимъ проницательнымъ взоромъ; она знала, что теперь онъ читаетъ то, что происходитъ у ней на сердцѣ.

— Что жь, ты рѣшилась? вдругъ спросилъ онъ ее.—Ты вольешь королевѣ эту любовь въ душу?

— Постараюсь!

— Я полагаю, что сдѣлать это тебѣ даже довольно легко. Ты сама говоришь, что сердце королевы еще совершенно свободно; значитъ, оно подобно плодоносной почвѣ, на которую кинь зерно и оно черезъ нѣсколько времени принесетъ плодъ. Катерина Парръ не любитъ короля,— значитъ, ее слѣдуетъ научить любить Генриха Говарда.

— Да, батюшка, сказала Джана съ насмѣшливой улыбкой:—чтобы достигнуть этого результата, прежде нужно непремѣнно знать какое нибудь заклинаніе, при помощи котораго графъ еще прежде почувствовалъ бы сильную любовь къ королевѣ; потому что королева горда и никогда не забудетъ своего достоинства и не полюбитъ его, если онъ не будетъ въ нее страстно влюбленъ. А говорятъ, у графа не только жена, но есть еще и любовница.

— А, такъ ты считаешь унизительнымъ для женщины любить мужчину, который ее не боготворитъ? выразительно спросилъ графъ.—Меня радуютъ, что я слышу такія слова изъ устъ моей дочери; изъ нихъ я заключаю, что ты никогда не будешь любить графа. А если ты знаешь такія подробности изъ домашней жизни графа, то значитъ, ты разузнавала, — вѣроятно, только потому, что твоя умная головка предугадывала, какое я хочу тебѣ сдѣлать предложеніе насчетъ графа.

Когда отецъ ея говорилъ эти слова, лицо ея приняло радостное выраженіе; но улыбка сейчасъ же исчезла и замѣнилась блѣдностью, когда графъ прибавилъ: «графъ Генрихъ Говардъ назначенъ для Катерины Парръ, и ты должна ей помочь полюбить этого графа, вѣрнаго послѣдователя святой церкви. Она должна полюбить его такъ страстно, чтобы въ состояніи была забыть грозящія ей опасности».

Джана воспользовалась этими словами отца. Ей хотѣлось найти какой нибудь исходный пунктъ.

— Вы называете графа вѣрнымъ послѣдователемъ нашей церкви, сказала она:—а хотите подвергнуть его такой ужасной опасности и отвѣтственности. Вы забыли, батюшка, что одинаково опасно любить королеву, и быть ею любимой. И если любовь графа погубитъ Катерину, то и его голова будетъ находиться въ точно такой же опасности: тутъ уже не будутъ обращать вниманія отвѣчалъ ли онъ на ея любовь, или нѣтъ.

Графъ пожалъ плечами.

— Когда дѣло идетъ о благѣ церкви и святой религіи, то насъ не должна удерживать опасность, угрожающая одному изъ нашихъ. Святому дѣлу должны приноситься и святыя жертвы. Когда отъ этого церковь имѣетъ въ виду свое улучшеніе, то пусть падетъ голова графа. Но посмотри, Джана, уже начинаетъ свѣтать; мнѣ надо поскорѣй отсюда уйти, а то господа придворные примутъ меня за твоего любовника, а не за отца, и станутъ худо отзываться о моей непорочной Джанѣ. Прощай же, дочь моя. Намъ обоимъ извѣстны наши роли, и мы будемъ стараться счастливо ихъ исполнить. Прощай же, мнѣ пора идти. А тебѣ надо заснуть, чтобы личико твое было свѣжо и глазки блестѣли. Король терпѣть не можетъ блѣдныхъ лицъ. Итакъ, ложись спать, будущая англійская королева!

Онъ слегка поцаловалъ ее въ лобъ и потихоньку вышелъ изъ комнаты.

Леди Джана стояла и прислушивалась къ его удаляющимся шагамъ. Потомъ она, совершенно разбитая и уничтоженная, упала на колѣни.

— Боже, Боже мой, шептала она, заливаясь слезами: —я должна заставить королеву любить графа Говарда, а я, я сама его люблю!...

IX.

НАЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ КОРОЛЕВЫ ШТАТА.

Прошелъ первый день. Насталъ торжественный часъ придворныхъ церемоній. Катерина, сидя на тронѣ, рядомъ съ королемъ, принимала поздравленія двора; а страстные и нѣжные взгляды короля, которыми онъ по временамъ глядѣлъ на королеву, показывали придворнымъ, что король былъ влюбленъ не меньше вчерашняго.

Всякому хотѣлось заслужить расположеніе королевы, потому что оно могло пригодиться на будущее время.

Но королева ни на кого не обращала исключительнаго вниманія. Она со всѣми была ласкова и любезна. Но въ ласковомъ тонѣ ея была видна какая-то принужденность. Одинъ король не замѣчалъ этого. Онъ былъ веселъ и счастливъ, и ему казалось, что при дворѣ иначе и не могло быть, когда самъ король былъ веселъ.

Послѣ торжественнаго представленія, въ которомъ принимали участіе именитѣйшіе чины государства, король слѣдуя придворному этикету, подалъ королевѣ руку и сведя ея съ трона, повелъ на средину залы, чтобъ представить ей ея штатъ.

Путь этотъ, отъ трона до середины залы, утомилъ короля. Прогулка эта, въ тридцать шаговъ, составляла для него трудную, непривычную работу, и король замѣнилъ ее болѣе пріятною прогулкою. Онъ подозвалъ къ себѣ оберъ-церемоніймейстера и приказалъ ему отворить двери, ведущія въ столовую. Потомъ приказалъ подкатить свой домашній экипажъ и, сѣвъ въ него, съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія церемоній, послѣ которыхъ Катерина должна была проводить его къ завтраку.

Дамы были уже представлены; очередь оставалась за кавалерами.

Оберъ-церемоніймейстеръ читалъ имена тѣхъ, которые должны были исполнять при королевѣ какія нибудь должности. На этомъ листѣ король собственноручно написалъ имена тѣхъ, которые должны были войти въ составъ штата королевы. При каждомъ новомъ имени, на лицахъ придворныхъ показывалась улыбка и удивленіе, потому что всѣ тѣ, которыхъ называлъ оберъ-церемоніймейстеръ, были самые молодые и красивые люди,

Можетъ быть король игралъ съ ней въ ужасную игру. Окруживъ ее молодыми людьми, онъ или хотѣлъ втянуть ее въ искушеніе и вовлечь въ опасность, или, пренебрегая подобной опасностью, хотѣлъ выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ добродѣтели своей молодой супруги.

Не были названы ни оберъ-шталмейстеръ, ни оберъ-каммергеръ королевы, а это были безъ сомнѣнія самыя главныя лица въ штатѣ королевы, потому что одинъ изъ нихъ всегда долженъ былъ находиться при ней. Если она была во дворцѣ, то оберъ-каммергеръ долженъ былъ находиться около ея комнаты, и только съ его разрѣшенія можно было войти къ королевѣ. Она объявляла ему о распредѣленіи своего времени для удовольствій; онъ обязанъ былъ выдумывать для нея развлеченія, и долженъ былъ стоять за ея стуломъ во время парадныхъ обѣдовъ и ужиновъ.

Такъ какъ должность заставляла его всегда быть подлѣ королевы, то понятно, что со временемъ онъ долженъ былъ сдѣлаться либо ея искреннимъ другомъ, либо врагомъ.

Должность оберъ-шталмейстера была не менѣе важна; потому что онъ долженъ былъ сопровождать королеву повсюду, внѣ дворца. Эта должность была даже важнѣе первой, потому что королева при немъ оставалась одна, тогда какъ оберъ-каммергеръ, имѣвшій доступъ во внутреннія комнаты, постоянно былъ съ какою нибудь приближенною дамою, которая могла мѣшать особымъ предпріятіямъ королевы, напримѣръ, задушевнымъ разговорамъ.

Слѣдовательно, оберъ-шталмейстеръ, находясь иногда съ королевой наединѣ, могъ говорить съ ней, безъ постороннихъ свидѣтелей. Онъ подсаживалъ ее въ карету, ѣхалъ рядомъ съ ней верхомъ, провожалъ ее въ прогулкахъ, по водѣ и пѣшкомъ.

Всѣ придворные съ нетерпѣніемъ желали узнать, кто будетъ назначенъ на эти двѣ важныя должности.

Утромъ, король, отдавая списокъ оберъ-церемоніймейстеру, собственноручно написалъ ихъ имена. При чтеніи этого списка, король самъ внимательно ждалъ вызова назначенныхъ имъ двухъ именъ. Онъ желалъ самъ видѣть выраженіе ихъ лицъ, чтобы по нимъ заключить о большей или меньшей ихъ радости.

Голосъ самого оберъ-церемоніймейстера возвысился, когда онъ прочелъ: оберъ-каммергеромъ ея величества королевы, его величество назначилъ — милорда и графа Генриха Говарда!

Послышался громкій шопотъ, и почти на всѣхъ лицахъ выразилась радость.

«У него много друзей», прошепталъ король. «Значитъ, онъ опасенъ!» Онъ гнѣвно взглянулъ на молодаго графа, который прибли-

зился къ королевѣ, чтобы преклонить предъ ней одно колѣно и прижать къ губамъ протянутую ему руку.

Позади королевы стояла леди Джана. Когда она увидала возлѣ себя молодаго человѣка, къ которому была неравнодушна, она вспомнила свою клятву и еще болѣе возненавидѣла королеву, которая, разумѣется, сама ничего не подозрѣвая, похищала у ней ея любимца и заставляла ее страдать.

Церемоніймейстеръ снова возвысилъ свой голосъ и прочелъ: оберъ-шталмейстеромъ къ ея величеству королевѣ, его величество назначилъ—графа Томаса Сеймура!

Король очень хорошо сдѣлалъ, что смотрѣлъ на придворныхъ, чтобы замѣтить, какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ это новое извѣстіе. Но если бы онъ наблюдалъ за своей супругой, то увидалъ бы на ея лицѣ выраженіе радостнаго удивленія и холодной насмѣшки. Но какъ мы сказали, король глядѣлъ только на своихъ придворныхъ, то и замѣтилъ только, что за Говарда радовалось значительно бóльшее число, чѣмъ за Сеймура.

Генрихъ нахмурился и прошепталъ: «эти Говарды очень сильны! Я буду строго за ними слѣдить.»

Томасъ Сеймуръ подошелъ къ королевѣ и, преклонивъ предъ нею одно колѣно, поцаловалъ протянутую ему руку. Катерина снисходительно ему улыбнулась.

— Милордъ, сказала она, вы только-что получили мѣсто при мнѣ, а я уже приготовила вамъ порученіе. Возьмите лучшихъ лошадей и отправляйтесь въ замокъ Хольтъ, въ которомъ скучаетъ принцесса Елизавета. Передайте ей это письмо, отъ короля, ея отца и она пріѣдетъ сюда вмѣстѣ съ вами. Скажите ей, что я найду въ ней друга и сестру и я прошу, чтобъ она мнѣ извинила, что я отнимаю небольшую часть въ сердцѣ ея короля и отца. Отправляйтесь же и привезите ее скорѣе.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

ШУТЪ КОРОЛЯ.

Два года прошло послѣ свадьбы короля,—а Катерина Парръ все еще пользовалась расположеніемъ своего супруга. Врагамъ ея не удавалось ее низвергнуть, и возвести на престолъ седьмую королеву.

Катерина была постоянно осторожна и осмотрительна. Она сохранила спокойное, ко всему равнодушное сердце и голову, и каждый день вставая съ постели, помнила, что можетъ быть это послѣдній день ея существованія, что за каждое неосторожно высказанное слово или движеніе—у нея могли похитить корону и жизнь. Разсудокъ Генриха, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его физическія силы ежедневно упадали. Каждый день онъ становился хуже и хуже. Онъ отъ всякой бездѣлицы приходилъ въ ярость, и въ эту минуту всегда уничтожалъ кого нибудь изъ тѣхъ, кто въ чемъ бы ни было осмѣливался ему противорѣчить. Вотъ причина, по которой королева была такъ осторожна. Ей еще не хотѣлось умирать. Она любила жизнь, потому что получила еще очень мало отъ нея радостей; она любила ее, потому что ожидала отъ нея новыхъ радостей и наслажденій.

Другая, лучшая жизнь являлась ей только во снѣ, и ей хотѣлось все переиспытать.

Былъ прекрасный, солнечный весенній день. Катерина захотѣла воспользоваться этимъ днемъ и поѣхать куда нибудь прокатиться верхомъ, чтобы хоть на время забыть свое королевское достоинство. Она хотѣла поѣхать въ лѣсъ поглядѣть на зеленѣющія деревья, послушать пѣніе птицъ и насладиться благовоннымъ весеннимъ воздухомъ.

Съ наслажденіемъ ожидала она минуты отъѣзда.

Она уже надѣла амазонку и маленькую изъ краснаго бархата шапочку, украшенную бѣлыми страусовыми перьями. Она ждала только возвращенія своего оберъ-каммергера, котораго она послала къ

королю спросить, не пожелаетъ ли онъ поговорить съ ней о чемъ нибудь, до ея отъѣзда.

Но вдругъ дверь отворилась—и рѣдкое явленіе показалось на порогѣ. Это была маленькая, худощавая фигурка мужчины, облеченная въ пурпуровую мантію, украшенную разноцвѣтными бантами и буфами. Костюмъ этотъ сильно противорѣчилъ печальному личику его владѣльца, и его бѣлымъ волосамъ.

— А, королевскій шутъ! сказала Катерина, и весело засмѣялась.— Ну, Джонъ Гейводъ, что васъ заставило меня посѣтить? Не принесли ли вы отъ короля какого нибудь приказа, или снова завели какой нибудь нелѣпый споръ и прибѣгаете подъ мою защиту?

— Нѣтъ, ваше величество, серьёзно сказалъ Джонъ Гейводъ:—я не заводилъ нелѣпыхъ споровъ,и не принесъ вамъ никакого приказа отъ короля. Я принесъ вамъ самого себя. Ахъ, ваше величество, я вижу, что вы хотите смѣяться; но прошу васъ забыть на время, что Джонъ Гейводъ — шутъ короля, и что ему неподобаетъ имѣть серьёзное лицо и печальныя чувства, какія бываютъ у другихъ людей.

— О, да, — я знаю, что вы не только шутъ короля, но и стихотворецъ! воскликнула Катерина, и весело засмѣялась.

— Да, сказалъ онъ,—я стихотворецъ: это доказываетъ моя шутовская одежда; всѣ стихотворцы — шуты, и носятъ такую же одежду; но повѣрьте, что имъ было бы гораздо легче, если бы ихъ всѣхъ повѣсили на первомъ деревѣ, чѣмъ то, что надъ ними издѣваются и насмѣхаются всѣ люди. Я стихотворецъ, ваше величество, а потому и нарядился въ этотъ шутовской костюмъ, который ставитъ меня подъ защиту короля, и позволяетъ говорить ему о вещахъ, о которыхъ никто не посмѣлъ бы и намекнуть ему. Но я пришелъ къ вамъ, государыня, не шутомъ и не стихотворцемъ; я пришелъ, чтобы преклониться передъ вами и расцаловать ваши ноги. Я пришелъ для того, чтобы сказать вамъ: вы пріобрѣли во мнѣ вѣчнаго раба. Я теперь, какъ собака, буду лежать у вашего порога и буду охранять васъ отъ враговъ, которые вздумаютъ на васъ нападать! Я буду и день и ночь служить вамъ, и на первый вашъ призывъ буду являться исполнять ваши желанія.

Произнося эти слова дрожащимъ голосомъ, и обливаясь слезами, онъ упалъ на колѣни и опустилъ свою голову къ ногамъ королевы.

—Что я вамъ сдѣлала,спросила съ удивленіемъ королева:—чѣмъ могла я возбудить такую благодарность съ вашей стороны? Вы,— первый любимецъ короля, хотите мнѣ служить?

— Что вы для меня сдѣлали?продолжалъ онъ.—Миледи, вы спасли моего сына отъ костра! Враги его выдали,—этого благороднаго, прекраснаго юношу,—за то, что онъ съ уваженіемъ отзывался объ

Томасѣ Морусѣ, который, какъ великій и благородный мужъ, предпочелъ лучше умереть, чѣмъ измѣнить образъ своихъ мыслей. Къ несчастію, въ наше время за такую бездѣлицу всегда угрожаетъ смерть! И нашъ несчастный и ничтожный парламентъ безпрестанно осуждаетъ кого нибудь на смерть, потому что знаетъ, что король жаждетъ крови и всегда радуется, какъ только увидитъ дымящіеся костры. Такъ онъ осудилъ на смерть и моего сына, и его сожгли бы навѣрно, если бы не вы! Вы посланы самимъ Богомъ для нашего спасенія: вы многихъ уже избавили отъ смерти, въ томъ числѣ, повторяю, и моего сына!

— Какъ, неужели этотъ молодой человѣкъ, котораго вчера хотѣли сжечь, вашъ сынъ?

— Да, это мой сынъ!

— И вы не сказали этого королю и не просили за него!

— Если бы я это сдѣлалъ, то его, навѣрное, нельзя было бы спасти. Вамъ я думаю извѣстно, что король непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи и добродѣтеляхъ. О, если бы онъ зналъ, что Томасъ мой сынъ, — онъ бы непремѣнно осудилъ его на смерть, для того, чтобы показать народу, что король наказываетъ виновнаго, не смотря ни на родство, ни на просьбы. Знай король, что Томасъ мой сынъ, даже ваши просьбы не могли бы его умилостивить. Онъ бы казнилъ его за то, что онъ недостоинъ носить моего имени!

— Несчастный Гейводъ! Да, теперь я понимаю, почему король никогда не простилъ бы этого молодаго человѣка, если бы онъ зналъ, что Томасъ — вашъ сынъ.

— Вы его спасли, ваше величество! Вѣрите ли вы тому, что я вѣчно останусь вамъ за это благодаренъ?

— Вѣрю, сказала улыбаясь, королева, и протянула ему руку. — Вѣрю вамъ, и принимаю ваши услуги!

— И вы будете нуждаться въ нихъ, королева, потому что надъ вашей головой собирается гроза: скоро заблеститъ молнія и загрохочетъ громъ!

— О, этого я не боюсь! У меня крѣпкіе нервы! возразила смѣясь Катерина.—Если настанетъ гроза, то она освѣжитъ природу. Я замѣчала, что всегда послѣ грозы бываетъ солнце.

— У васъ храбрая душа! печально сказалъ Джонъ Гейводъ.

— Это значитъ, что на мнѣ нѣтъ никакого преступленія.

— Ваши враги сочинятъ для васъ вину! Какъ скоро нужно кого нибудь уничтожить, то всякій съумѣетъ ее сочинить!

— Да, вы сами сейчасъ сказали, что сочинителей надо всѣхъ перевѣшать. Что же, — мы будемъ построже наблюдать за ними, вотъ и все.

— Нѣтъ, не все! энергически воскликнулъ Гейводъ.—Измѣнниковъ и предателей столькоже, сколько дождевыхъ червей. Когда ихъ и перерѣжутъ, они все-таки не умираютъ, а продолжаютъ жить.

—Но въ чемъ же меня могутъ обвинить? съ нетерпѣніемъ воскликнула Катерина.—Мое поведеніе, кажется, всѣмъ видно? Кажется, у меня не бываетъ никогда никакихъ секретовъ? Кажется, что по моему лицу можно видѣть, что у меня происходитъ на душѣ, и всякій видитъ, что сердце мое — безплодная почва, на которой не растетъ ни одного деревца, ни одной травки?

— Если это такъ, то враги посѣютъ въ вашемъ сердцѣ негодную траву и скажутъ королю, что это разростается любовь.

— Какъ? Меня хотятъ обвинить въ любви? спросила Катерина, и губы ея слегка вздрогнули.

— Планъ ихъ мнѣ еще неизвѣстенъ. Но я его скоро узнаю. Противъ васъ, кажется, начали дѣйствовать. Будьте осторожны, ваше величество! Не довѣряйтесь никому; по лицу нельзя узнать, кто врагъ, а кто другъ.

— Если вамъ извѣстны мои враги, то назовите мнѣ ихъ, съ нетерпѣніемъ сказала Катерина.—Назовите мнѣ ихъ, чтобы я могла ихъ остерегаться.

— Я пришелъ не для того, чтобы доносить, а для того, чтобы предостеречь васъ. А потому я остерегусь назвать вашихъ враговъ, но назову вамъ вашихъ друзей.

— Ахъ, значитъ, у меня есть друзья! прошептала Катерина, и радостная улыбка показалась на ея губахъ.

— Да, у васъ есть друзья, и даже такіе, которые готовы за васъ пролить свою кровь и пожертвовать жизнію.

— О, назовите мнѣ ихъ, назовите! воскликнула Катерина, затаивъ свое дыханіе.

— Во-первыхъ, я назову вамъ Крамера. Это вашъ первый другъ, и на него вы можете вполнѣ полагаться. Онъ любитъ васъ, какъ королеву, и бережетъ, какъ посланнаго къ нему отъ Бога ангела. Онъ думаетъ, что съ вашей помощью германскія идеи просвѣтятъ этотъ мракъ ночи. А потому разсчитывайте на него и берегите его, какъ брата, потому что то̀, что вы сдѣлаете ему, то̀ сдѣлаете и сами для себя.

— Да, вы правы! съ чувствомъ проговорила королева. — Крамеръ — благородный и преданный другъ. Онъ часто избавлялъ меня отъ маленькихъ стычекъ съ моими непріятелями.

— Берегите его, точно такъ же, какъ и себя!

— А еще кто же?

— Крамеру я уступилъ первое мѣсто; вторымъ вашимъ другомъ

Въ ту же минуту дверь отворилась и на порогѣ появилась леди Джана. Она окинула комнату проницательнымъ взглядомъ, и незамѣтная улыбка показалась на ея блѣдномъ, но прекрасномъ лицѣ.

— Ваше величество, торжественно сказала она: — все готово! Принцесса Елизавета ожидаетъ васъ въ залѣ, и оберъ-шталмейстеръ держитъ уже въ поводу вашего коня.

— А оберъ-камергеръ, покраснѣвъ, сказала Катерина:—онъ не принесъ мнѣ никакого отвѣта?

— Я здѣсь, ваше величество, сказалъ входя графъ Говардъ.—Его величество, король, приказалъ сказать королевѣ, что она можетъ ѣхать на сколько времени ей будетъ угодно. Погода очень хорошая, и пусть она наслаждается ей.

— О, король очень вѣжливый человѣкъ, съ веселой улыбкой сказала Катерина. — Отправимтесь же, Джана!

— Извините, ваше величество, сказала Джана, отступая шагъ назадъ. — Я сегодня не удостоюсь чести провожать ваше величество. Сегодня очередь Анны Этерсвилле.

— Ну, такъ въ другой разъ, Джана! А вы, графъ Говардъ, отправитесь съ нами?

— Ваше величество, король приказалъ мнѣ явиться къ нему въ кабинетъ.

— Посмотрите, королеву оставили всѣ ея друзья! воскликнула Катерина, и легкой поступью вошла въ залу, а оттуда на дворъ.

— Здѣсь что нибудь да есть, мнѣ непремѣнно нужно узнать! прошепталъ Джонъ Гейводъ, который вмѣстѣ съ другими вышелъ изъ залы. — Тутъ поставлена мышеловка и кошки жаждутъ добычи.

Леди Джана вмѣстѣ съ отцомъ осталась въ залѣ. Оба подошли къ окошку и молча смотрѣли на дворъ, съ котораго выѣхала блестящая кавалькада.

Лошадь королевы, какъ будто узнавъ свою повелительницу, выступала сначала гордо, но немного погодя начала шалить.

Принцесса Елизавета, ѣхавшая рядомъ съ королевой, вскрикнула.

— Вы упадете, королева, сказала она. У васъ лошадь очень дика.

— Не бойтесь, смѣясь, сказала Катерина. Гекторъ вовсе не дикъ. На него подѣйствовалъ пріятный воздухъ, и онъ чувствуетъ себя счастливымъ также, какъ и я. Поѣдемте рысью, господа! Мы ѣдемъ сегодня въ лѣсъ!

И кавалькада выѣхала за ворота. Впереди ѣхала королева; по правую ея руку—принцесса Елизавета, а по лѣвую оберъ-шталмейстеръ.

Когда поѣздъ скрылся изъ виду, отецъ и дочь отошли отъ окна и насмѣшливо взглянули другъ-на-друга.

— Ну, Джана, наконецъ спросилъ лордъ Дугласъ:—она все еще королева, и король ее любитъ. Пора бы дать ему седьмую королеву.

— Скоро, отецъ мой, скоро!

— Любитъ ли она Генриха Говарда?

— Да, онъ ее любитъ, сказала Джана, и ея блѣдное лицо сдѣлалось безцвѣтно, какъ трупъ.

— Я спрашиваю тебя, любитъ ли его королева?

— Она будетъ его любить! прошептала Джана и немного погодя, продолжала: но вѣдь этого мало, чтобъ королева влюбилась; гораздо дѣйствительнѣе будетъ, если самъ король влюбится въ другую. Видѣли ли вы съ какимъ вниманіемъ его величество вчера смотрѣлъ на меня и на герцогиню Ричмондскую?

— Видѣлъ ли я это! Да объ этомъ толковалъ цѣлый дворъ.

— Ну, такъ вотъ что сдѣлайте, батюшка, заставьте короля сегодня скучать, а потомъ приведите его ко мнѣ. Онъ у меня застанетъ и герцогиню!

— Отличная мысль! Наконецъ-то ты сдѣлаешься седьмою супругою короля.

— Я уничтожу Катерину Парръ, потому что она моя соперница, и я ненавижу ее! сказала Джана, и щоки ея покрылись румянцемъ, а глаза заблистали. Она уже давно королевой, и я слишкомъ долго склоняюсь предъ ней. Теперь пусть она въ свою очередь преклонится предо мною, и я наступлю ей на голову.

II.

ПРОГУЛКА ВЕРХОМЪ.

Роса еще лежала на травѣ, по которой ѣхала кавалькада. Лѣсныя птицы пѣли, и пѣніе ихъ звонко разносилось по всему лѣсу. Изъ лѣсу кавалькада поѣхала вдоль по берегу журчащаго ручейка, и вспугнула нѣсколькихъ оленей, которые вѣроятно также какъ и она наслаждались пѣніемъ птицъ и журчаніемъ ручейка.

Катерина была счастлива и весела. Она чувствовала, что въ эту минуту была не королевой, окруженной опасностями и врагами, и не супругой тирана-короля. Катерина охотно бы отдала свою корону, только бы счастіе, подобное теперешнему, никогда ее не покидало.

Возлѣ нея ѣхалъ человѣкъ, котораго Джонъ Гейводъ назвалъ ея

другомъ. Хотя она не могла постоянно на него смотрѣть и говорить съ нимъ, однако чувствовала его близость и ощущала на себѣ его пристальный взглядъ. Никто не могъ за ними наблюдать. Дворъ ѣхалъ позади ихъ, а по бокамъ ихъ, была прекрасная природа.

По правую руку королевы, по временамъ впрочемъ, появлялась принцесса Елизавета. По лѣтамъ она была еще ребенокъ, ей было еще всего четырнадцать лѣтъ; но не смотря на свою молодость, она много перенесла и перечувствовала, и имѣла видъ совершенной женщины. Когда она ѣхала возлѣ королевы, то съ завистью смотрѣла на брильянтовую корону, сдѣланную на шляпѣ королевы, и съ печалью вспоминала, что ей никогда не суждено ее носить, потому что отецъ торжественнымъ актомъ парламента устранилъ ее отъ престолонаслѣдія (*). Мысли эти не такъ сильно тревожили ее какъ прежде, потому что она думала, что если ее лишили короны, то не могутъ лишить счастія женщины, и ей никто не запретитъ, вмѣсто золотой короны, носить миртовый вѣнокъ.

Она привыкла съ раннихъ лѣтъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ.

Она знала, что любитъ, и что тотъ, кого она любитъ, теперь при ней. Это былъ графъ Томасъ Сеймуръ. Но любитъ ли онъ ее? Понялъ ли онъ сердце ребенка? Понималъ ли онъ стремленіе этой молодой, но горячей души?

Томасъ Сеймуръ никому никогда не повѣрялъ своихъ чувствъ и того, что онъ замѣчалъ въ ея взорѣ, или говорилъ съ нею въ тѣни этой рощи или дворцовыхъ корридорахъ.

Онъ зналъ, что узнай объ этомъ что либо король, Сеймуръ непремѣнно поплатился бы за все своею головою.

Итакъ бѣдная Елизавета не знала всего того, что было на душѣ у графа.

По временамъ онъ взглядывалъ на королеву, и кажется, еслибы тутъ никого не было, то онъ кинулся бы къ ея ногамъ. Но сбоку ѣхала Елизавета, которая сейчасъ же узнала бы все, если не изъ словъ, то изъ взглядовъ графа; а сзади ѣхали проницательные придворные.

Катерина ничего не знала и ни о чемъ не подозрѣвала. Она была счастлива и съ наслажденіемъ любовалась роскошною природою. Она была уже счастлива потому, что тотъ, кого она любила, находился возлѣ нея. Она находила удовольствіе дышать съ нимъ однимъ воздухомъ.

(*) Tyter. paq. 340.

Вдругъ, въ ухо лошади королевы влетѣла муха. Сначала лошадь начала прыгать и трясти головою, и это очень забавляло королеву; но когда муха забралась въ ухо глубоко и укусила его, то лошадь помчалась по лугу во весь опоръ.

— На помощь! громко крикнулъ оберъ-шталмейстеръ, и пришпоривъ свою лошадь, стрѣлою помчался за королевою.

— На помощь королевѣ! повторила принцесса и поскакала за королевой. За ней поскакала вся свита.

Но Гекторъ скакалъ такъ быстро, что далеко оставилъ за собою всѣхъ прочихъ.

Королева крѣпко сидѣла въ сѣдлѣ и хотя она поблѣднѣла и губы ея дрожали, но она сохранила присутствіе духа. Голоса догонявшихъ ее постепенно затихали и она осталась одна.

Наконецъ послышался стукъ копытъ и затѣмъ голосъ любимца Катерины.

Но голосъ этотъ вновь напугалъ лошадь. Она, тяжело дыша, пріостановилась было на минуту, но потомъ снова помчалась еще съ большей быстротою.

Не смотря на это, голосъ оберъ-шталмейстера и топотъ копытъ его лошади слышались все ближе и ближе.

Наконецъ Сеймуръ почти догналъ королеву и хотѣлъ заскакать впередъ.

— Еще одна минута! Держитесь крѣпче руками за шею лошади, чтобы вы не упали отъ толчка въ ту минуту, когда я догоню вашу лошадь и схвачу ее за поводья! закричалъ Сеймуръ. Послѣ этого онъ вонзилъ своей лошади въ бока шпоры. Лошадь его поднялась на минуту на дыбы, но отъ боли—съ ожесточеніемъ поскакала совершенно всторону.

Крикъ испугалъ Гектора. Тяжело дыша, онъ поскакалъ въ чащу лѣса.

— Я не слышу болѣе его голоса, прошептала Катерина, и испуганная, закрыла глаза, потерявъ уже всякое присутствіе духа.

Въ эту минуту чья-то сильная рука схватила за поводья лошадь королевы и Гекторъ, какъ будто пристыженный тѣмъ, что съ нимъ сладили, сначала вздрогнулъ, а потомъ потупилъ голову.

— Я спасена! прошептала Катерина, и почти лишившись силъ, склонила голову на плечо Сеймура.

Онъ осторожно снялъ ее съ лошади и положилъ на мягкій мохъ подъ старой, вѣтвистой сосной. Катерина, дрожа всѣмъ тѣломъ, опустила голову на свои колѣни, чтобъ хоть нѣсколько опомниться отъ недавняго испуга. Лошади были привязаны къ одному изъ сучьевъ того же дерева.

III.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Томасъ Сеймуръ вернулся къ Катеринѣ. Она лежала на травѣ безъ движенія, блѣдная и съ закрытыми глазами.

Онъ долго любовался на ея прекрасное и благородное лицо, и въ эту минуту совершенно забылъ, что она его королева,

Наконецъ онъ съ ней наединѣ. Наконецъ-то, послѣ двугодичныхъ мученій, Богъ подарилъ ему этотъ часъ, объ которомъ онъ уже давно напрасно мечталъ.

Теперь онъ могъ говорить съ ней о чемъ хотѣлъ.

И если бы въ эту минуту подъѣхалъ весь штатъ, и даже самъ король Генрихъ, то Томасъ Сеймуръ не обратилъ бы на это никакого вниманія.

Кровь у него прилила къ головѣ и лишила его на время разсудка; сердце же сильно забилось, частію отъ страха за Катерину, а частію и отъ внутренняго волненія.

Онъ опустился возлѣ королевы на колѣни и взялъ ея руку.

Это прикосновеніе привело ее въ себя. Она открыла глаза и за испугомъ начала озираться.

— Гдѣ я? тихо прошептала она.

Томасъ Сеймуръ поцаловалъ ея руку. «Вы на рукахъ у вашего преданнаго вѣрнаго слуги, ваше величество!»

Слова эти подѣйствовали на королеву. Она вспомнила все случившееся съ ней и, приподнявшись, спросила: «но гдѣ же мой штатъ? Гдѣ принцесса Елизавета? Гдѣ же тѣ, которые постоянно меня охраняютъ? Гдѣ же шпіоны и сплетники, которые постоянно провожаютъ королеву?».

— Они далеко отсюда, сказалъ Томасъ Сеймуръ, и въ голосѣ его слышалась какая-то радость. Они далеко отсюда, и имъ надо по крайней мѣрѣ часъ, чтобы нагнать насъ! Часъ, государыня! Знаете ли вы, что это для меня значитъ? Часъ свободы послѣ двухъ годичнаго заключенія, часъ счастія, послѣ двухъ годичныхъ адскихъ мукъ!

Улыбавшаяся прежде Катерина сдѣлалась серьёзна и печальна. Она стала разсматривать упавшую съ ея головы шляпу.

Дрожащей рукой она показала Сеймуру на изображеніе короны и тихо сказала: «знаете ли вы этотъ знакъ, милордъ?»

— Знаю, миледи, — но онъ въ эту минуту меня не пугаетъ; бываютъ въ жизни человѣка минуты, въ которыя онъ ничего не боится. Такая минута настала для меня! Я знаю, что въ эту минуту

дѣлаюсь придворнымъ измѣнникомъ и буду преданъ уголовному суду; но это меня не страшитъ, и я не буду молчать. Внутренній огонь жжетъ меня давно, надо его уничтожить и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Дольше переносить я не въ состояніи. Выслушайте меня, миледи!

— Нѣтъ, нѣтъ! съ испугомъ возразила она. — Я не хочу, я не смѣю васъ слушать. Вспомните то, что я жена короля Генриха VIII и что такимъ языкомъ съ ней говорить опасно. Молчите, графъ, молчите и поѣдемте дальше! — Она хотѣла встать, но слабость и рука лорда Сеймура удержали ее.

— Нѣтъ, я не буду молчать! сказалъ онъ. Я замолчу только тогда, когда вы узнаете все, что давитъ мое сердце. Пусть королева Англіи или казнитъ меня, или помилуетъ; пусть она знаетъ, что я вижу въ ней не жену англійскаго короля, а благородную, прекрасную, любимую и уважаемую женщину. Пусть она узнаетъ, что я это дѣлаю не для того, чтобы раздражить короля, который былъ такъ жестокъ, что самый лучшій брильянтъ Англіи заключилъ въ свою кровожадную корону. Несмотря на это, миледи, торжественно сознаюсь вамъ, — я васъ люблю.

Катерина, не помня себя, зажала рукою ротъ графа.

— Молчите, несчастный, молчите! Знаете ли вы, что слова ваши, если васъ кто нибудь подслушаетъ, ни болѣе ни менѣе, какъ вашъ смертный приговоръ?

— Но меня никто не можетъ подслушать. Никто, кромѣ васъ и Бога, который можетъ быть будетъ милосерднѣе и снисходительнѣе королевы. Обвините же меня, миледи, — подите и скажите вашему мужу, что Томасъ Сеймуръ измѣнникъ, что онъ осмѣлился любить королеву; король за это казнитъ меня, но я все-таки буду счастливъ, зная, что умираю за васъ. Миледи, если я не могу жить для васъ, то хочу лучше умереть за васъ!

Катерина какъ будто заколдованная слушала его. Слова эти были ей незнакомы; но несмотря на это, въ сердце ея вливалась какая-то отрада. Катерина забыла, что она королева, что она жена Генриха VIII. Она помнила только, что человѣкъ, котораго она такъ давно любила, стоялъ передъ ней, и потому, забывъ себя, съ удовольствіемъ слушала Сеймура.

Томасъ Сеймуръ говорилъ хорошо. Онъ говорилъ ей о своихъ страданіяхъ и о томъ, что онъ часто готовъ былъ умереть, чтобы только покончить эти страданія,—но одинъ взглядъ ея, одно слово королевы снова придавали ему силы переносить муки.

— Теперь, миледи, я на все готовъ, и вы должны мнѣ даровать или жизнь, или смерть. Завтра я или пойду на казнь, или буду жить для васъ.

Катерина вздрогнула, и съ какимъ-то удивленіемъ посмотрѣла на Сеймура. Видъ его былъ гордъ и повелителенъ. Катерина чувствовала передъ нимъ какой-то страхъ; но этотъ страхъ былъ ни что другое, какъ чувство любви слабой женщины къ могучему мужчинѣ.

— Знаете ли вы, сказала она, стараясь улыбнуться:—знаете ли вы, что у васъ такой видъ, какъ будто вы приказываете мнѣ любить васъ?

— Нѣтъ, миледи, я не могу приказывать вамъ любить меня; но я требую, чтобъ вы сказали правду. Я требую этого, какъ мужчина отъ женщины. Я уже сказалъ вамъ, что вижу въ васъ не королеву, но любимую, обожаемую женщину. Этой любви нѣтъ никакой нужды до вашего королевскаго титла, и я думаю, что если вы ее примете, то это нисколько не унизитъ васъ. Настоящая любовь — это святой даръ, которымъ всѣ одинаково пользуются. Поэтому, если и нищій предложитъ вамъ свою любовь, — это должно васъ не оскорблять, а радовать. Ваше величество, я прошу не милостыни, не сожалѣнія, а всего, или ничего. Я не удовлетворюсь тѣмъ, что вы извините мою храбрость и оставите меня попрежнему въ томъ же мучительномъ положеніи. О, я знаю, вы великодушны и сострадательны! и если вы не будете сочувствовать моей любви и отвѣчать на нее, то вы все-таки будете щадить меня и молчать. Но, повторяю вамъ, я не приму этой жертвы вашего великодушія. Вы должны меня сдѣлать или измѣнникомъ, или счастливѣйшимъ изъ смертныхъ: первымъ я буду тогда, когда вы отвергнете мою любовь, а вторымъ, когда...

— Знаете ли, графъ, вы очень жестоки! прошептала Катерина.— Вы хотите, чтобъ я была или доносчицей, или соучастницей. Вы предоставляете мнѣ право быть или вашей убійцей, или недостойной безчестной женщиной,—женщиной, которая забываетъ свои обязанности, клятвы и способна запятнать корону, возложенную на нее ея мужемъ. Пятно это можетъ быть смыто только вашей и моею кровью.

— Какъ бы это было прекрасно, воскликнулъ графъ. — Тогда все-таки я былъ бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, потому что могъ бы хотя минуту держать васъ въ своихъ объятіяхъ.

— Но я говорю вамъ, что за это не только вы, но и я лишусь головы. Я думаю, вамъ извѣстенъ звѣрскій характеръ короля, у котораго каждая бездѣлица влечетъ за собой эшафотъ. Если бы королю было извѣстно то, о чемъ мы сейчасъ говорили, онъ осудилъ бы меня, какъ осудилъ Катерину Говардъ, хотя я и не такъ виновна, какъ она. Я боюсь смертной казни; вы же хотите свести меня на эшафотъ, и говорите, что любите меня.

Сеймуръ опустилъ голову, и тяжело вздохнулъ.

— Вы произнесли мой приговоръ. Вы не любите меня, потому что изъ-за опасности не хотите меня понять. Если бы вы меня любили, то не отказались бы отъ меня, не побоялись бы смерти; напротивъ, съ радостію бы вошли на эшафотъ и сказали: «я счастлива, и не боюсь смерти». Да, Катерина, сердце и голова ваши холодны,— да сохранитъ вамъ Богъ оба эти качества. Жизнь ваша безопасна, но вы все-таки жалкая, несчастная женщина, и когда вы умрете, вмѣстѣ съ вами въ гробъ положатъ и корону, но васъ никто не будетъ оплакивать. Будьте счастливы, Катерина, королева Англіи, и такъ какъ вы не можете меня любить, то будьте сострадательны къ придворному измѣннику и пощадите Томаса Сеймура.

Онъ всталъ на колѣни, поцаловалъ ея ноги и твердымъ шагомъ пошелъ къ дереву, у котораго были привязаны лошади. Катерина, вскочивъ, подбѣжала къ нему и схвативъ его руку, задыхающимся голосомъ проговорила:

— Что хотите вы дѣлать? Куда вы?

— Къ королю, миледи!

— Зачѣмъ?

— Я покажу ему придворнаго измѣнника, который осмѣлился любить королеву. Сейчасъ вы уничтожили мое сердце, пусть же онъ отниметъ у меня жизнь. Эти страданія не будутъ такъ мучительны, и я буду ему за это очень благодаренъ.

Катерина вскрикнула, и силою потащила его къ тому мѣсту, гдѣ они сидѣли.

— Если вы сдѣлаете то, о чемъ сейчасъ говорили, то вы меня убьете, произнесла она дрожащимъ голосомъ.—Выслушайте меня, выслушайте! Если бы сядете на лошадь, я сяжусь тоже, но только съ другою цѣлью. Я брошусь вмѣстѣ съ лошадью въ пропасть. О, не бойтесь, васъ не назовутъ моимъ убійцей,—скажутъ, что меня убила лошадь!

— Берегитесь, ваше величество,—обдумайте то, что вы говорите! сказалъ Сеймуръ. Лицо его просвѣтлѣло и глаза заблистали. — Подумайте, что ваши слова—приговоръ. Я хочу или смерти, или вашей любви! Я не хочу любить въ васъ королеву, которая можетъ миловать своихъ подданныхъ,—нѣтъ, я хочу любить въ васъ женщину, которая бы меня любила, какъ мужчину. Если вы посмотрите на меня, Катерина, гордо, и скажете въ душѣ, что милуете меня, какъ подданнаго и принимаете мое сердце, то скажите это громко, и я сію же минуту удалюсь отсюда. Я тоже происхожу изъ гордаго и благороднаго рода, и любовь, которая повергаетъ меня къ ногамъ вашимъ, не должна опозорить моей головы! Если же вы скажете,

что любите меня, то я пожертвую вамъ своею жизнію, буду вашимъ обладателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невольникомъ; я буду тогда мечтать только объ одномъ вашемъ благѣ, и если я говорю, что буду вашимъ обладателемъ и невольникомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я преклонилъ къ вашимъ ногамъ свою голову и сказалъ: раздавите меня, если хотите, потому что я вашъ невольникъ.

Говоря это, онъ всталъ на колѣни и опустилъ свое благородное, взволнованное лицо.

Она наклонилась, приподняла его голову и нѣжно смотрѣла ему въ глаза. Въ этомъ взглядѣ выражались счастіе и любовь.

— Любите ли вы меня? спросилъ Сеймуръ, обхвативъ руками ея талью и вставая на ноги.

— Люблю! отвѣчала королева, и на лицѣ ея показалась радостная улыбка. — Люблю васъ не какъ королева, а какъ женщина, и если за любовь мы должны будемъ поплатиться жизнію, то я буду рада, потому что мы умремъ вмѣстѣ, для того, чтобы тамъ снова встрѣтиться!

— Нѣтъ, не думайте теперь о смерти, а думайте объ жизни, о прекрасной ожидающей насъ будущности. Подумайте о тѣхъ дняхъ, которые скоро настанутъ, когда намъ не надо будетъ скрывать своей любви, и мы объявимъ ее предъ всѣми. О, Катерина, думайте о смерти, которая должна похитить этого ненавистнаго старика, послѣ него вы будете моя, и вмѣсто золотой короны, надѣнете миртовый вѣнецъ. Поклянитесь, Катерина, что какъ скоро смерть освободитъ васъ отъ него, то вы сдѣлаетесь моею женою.

Королева вздрогнула, щоки ея поблѣднѣли.

— О, сказала она: — смерть наша надежда, а эшафотъ наша цѣль!...

— Нѣтъ, Катерина, любовь наша надежда, а счастіе наша цѣль. Думайте только объ жизни и объ нашей будущности. Исполните мою просьбу! Поклянитесь мнѣ предъ лицомъ Бога и прекрасной, окружающей насъ, тихой природы,—поклянитесь мнѣ, что съ того дня, какъ смерть похититъ вашего мужа, вы сдѣлаетесь моею женою! Поклянитесь, что до его смерти вы мнѣ останетесь вѣрною, и что вы никогда не забудете, что мое честное имя есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ваше, и что ваше счастіе принадлежитъ и мнѣ.

— Клянусь! торжественно произнесла Катерина.—Вы можете на меня разсчитывать во всякое время; я буду вѣрна, и никогда у меня не будетъ помышленія, котораго я бы не раздѣлила съ вами. Я буду любить васъ, потому что вы этого заслуживаете. Я буду гордиться тѣмъ, что нахожусь отъ васъ въ зависимости, съ радостью буду я

служить вамъ и повсюду слѣдовать за вами, какъ любящая и послушная жена.

— Я принимаю вашу клятву! сказалъ Сеймуръ. — И за все это, клянусь вамъ, я буду уважать васъ, какъ свою королеву и повелительницу! Клянусь вамъ, что вы не найдете подданнаго и мужа, столь вѣрнаго какъ я. Я буду вашимъ защитникомъ и заступникомъ. Жизнь моя будетъ принадлежать вамъ, и пусть меня съ презрѣніемъ оттолкнетъ отъ себя Богъ и вы, если я измѣню когда нибудь своей клятвѣ!

— Аминь! прибавила Катерина съ очаровательной улыбкой.

Потомъ они оба замолчали. Молчаніе это было пріятной минутой, которыя испытываютъ только влюбленные.

Легкій вѣтерокъ шелестилъ деревья, и птички радостно пѣли. Солнышко радостно свѣтило, и вся природа располагала къ любви.

Вдругъ послышался звукъ рога, отдаленный топотъ и голоса, которые звонко повторялись лѣснымъ эхомъ.

Королева подняла голову съ плеча графа и тяжело вздохнула.

Сонъ кончился; приближается ангелъ съ пламеннымъ мечемъ, для того, чтобъ выгнать ее изъ рая.

Она была недостойна теперь рая; измѣнническое слово было произнесено, и получивъ любовь, она лишилась общественнаго уваженія.

Она была супруга Генриха, и принадлежала ему, въ силу данной ею клятвы передъ алтаремъ. Теперь она отдалась другому, а не Генриху, которому она принадлежала по праву.

— Блаженство кончилось! печально сказала она. — Эти звуки снова зовутъ меня въ неволю! Мы снова должны взяться за наши прежнія роли. Я снова должна быть королевой! Но прежде поклянитесь мнѣ, что вы никогда не забудете этой минуты, и что вы всегда будете помнить клятвы, которыя мы другъ-другу дали.

Она съ удивленіемъ на него посмотрѣла.

— Боже мой! неужели можно когда нибудь забыть любовь?

— Вы всегда будете любить меня, Катерина?

Она улыбнулась.

— Неужели, по вашему мнѣнію, я достойна подобнаго вопроса?

— Миледи, развѣ вы забыли, что пока — вы не можете вполнѣ располагать собою?

Она ничего не отвѣчала, но подняла глаза къ небу и, казалось, слѣдила за прозрачными облаками, медленно двигавшимися по голубому небу.

Потомъ взглянула въ глаза своего возлюбленнаго и, положивъ ему руки на плечо, сказала:

— Любовь останется всегда, если мы станемъ другъ другу во всемъ довѣрять!

Звукъ роговъ слышался всё ближе и ближе.

Графъ развязалъ лошадей, и подвелъ къ королевѣ Гектора, который сдѣлался смиренъ, какъ ягненокъ.

Ваше величество, сказалъ Томасъ Сеймуръ: — если бы Гектора не укусила муха, что̀ я вижу по нарыву, то я былъ бы несчастнѣйшій человѣкъ, а теперь я выше всѣхъ смертныхъ!

Королева ничего не отвѣчала, но обвила руками шею Гектора и поцаловала его.

— Съ нынѣшняго дня, сказала Катерина: — я буду ѣздить только на Гекторѣ; а когда онъ сдѣлается старъ, и негоденъ для ѣзды, то онъ будетъ стоять на конюшнѣ у графини Катерины Сеймуръ.

— О, какъ его тамъ будутъ холить и ласкать! перебилъ Томасъ Сеймуръ, держа стремя королевскаго сѣдла.

Оба молча поѣхали по направленію голосовъ. Каждый былъ занятъ своими собственными размышленіями.

«Онъ меня любитъ!» думала Катерина. «Я счастливая женщина!»

«Она меня любитъ!» думалъ онъ, и радостная улыбка озаряла его лицо. «Слѣдовательно, со временемъ я буду регентомъ Англіи.»

Они выѣхали на поляну. На противоположномъ концѣ ея ѣхала вся свита королевы, и впереди всѣхъ принцесса Елизавета.

— Одно слово! прошептала королева.—Если вамъ, Сеймуръ, нужно будетъ что нибудь передать мнѣ, то обратитесь къ Джону Гейводу. Онъ другъ, которому мы можемъ довѣрять все.

И она поѣхала на встрѣчу къ принцессѣ, желая ей разсказать свои приключенія и то, какъ она была спасена отъ опасности оберъшталмейстеромъ.

Елизавета смотрѣла на нее и не обращала никакого вниманія на ея разсказъ.

Королева обратилась къ своей свитѣ, и окруженная дамами и кавалерами, принимала поздравленія. Принцесса между тѣмъ махнула рукою, подзывая къ себѣ графа Сеймура.

Она проѣхала нѣсколько шаговъ впередъ, графъ послѣдовалъ ея примѣру.

Они отдѣлились отъ свиты, такъ что никто не могъ ихъ подслушать.

— Милордъ! твердо произнесла она: — вы часто напрасно просили меня назначить вамъ свиданіе,—я согласна. Вы говорили, что вамъ нужно многое мнѣ передать, но что для этого мы должны быть

наединѣ, чтобы никто насъ не подслушалъ! Хорошо, я назначаю вамъ свиданіе сегодня и намѣрена васъ выслушать!

Сеймуръ съ минуту помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Гдѣ же, принцесса, и когда могу я васъ увидѣть?

— Вамъ скажетъ сегодня объ этомъ Джонъ Гейводъ, прошептала Елизавета, и ударивъ лошадь, она приблизилась къ королевѣ.

— Опять Джонъ Гейводъ! прошепталъ графъ. Онъ довѣренное лицо обѣихъ, и слѣдовательно если ему будетъ угодно, то онъ можетъ быть моимъ палачомъ!

IV.

КОРОЛЬ СКУЧАЕТЪ.

Король Генрихъ сидѣлъ одинъ въ своей рабочей комнатѣ и писалъ книгу, которая, по его приказанію, со временемъ должна была замѣнить для его подданныхъ евангеліе (*). Написавъ нѣсколько страницъ, онъ положилъ перо и съ удовольствіемъ началъ перелистывать мелко исписанные листы, которые должны были послужить народу доказательствомъ его отеческой о немъ любви и заботливости, и показать ему, что Генрихъ VIII былъ не только благороднѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ королемъ, но и мудрецомъ своего времени.

Но и эти мысли не развеселили короля. Онъ привыкъ къ нимъ и онѣ его больше не радовали.

Сначала короля безпокоило его одиночество, а потомъ передъ нимъ начали вставать призраки людей, казненныхъ имъ, чего онъ ужасно боялся, хотя и старался казаться спокойнымъ и невозмутимымъ.

Онъ позвонилъ и лицо его просіяло, когда онъ увидѣлъ, что дверь отворилась, и на порогѣ появился лордъ Дугласъ.

— Наконецъ! сказалъ Дугласъ, который очень хорошо понялъ выраженіе лица короля:—наконецъ-то онъ думаетъ пощадить свой народъ!

— Я? пощадить? съ удивленіемъ спросилъ король.—Какъ такъ?

— Тѣмъ, что наконецъ вы, ваше величество, рѣшились отдохнуть отъ трудовъ и подумать о столь нужномъ и дорогомъ вашемъ здоровьи. Вспомните, что благо Англіи зависитъ только отъ короля. Если вы здоровы и веселы, то и народъ вашъ здоровъ и веселъ.

(*) Burnet. Vol. 1. pag. 95.

Король самодовольно улыбнулся. Онъ и не подумалъ усомниться въ правдивости словъ графа. Это было сказано такъ естественно: мысль, что народное благо заключается въ его лицѣ, понятно, польстила его самолюбію. Ему нравилось, когда это повторяли его придворные.

Какъ мы сказали, король улыбнулся; но въ этой улыбкѣ было что-то необыкновенное, и это не ускользнуло отъ наблюдательнаго глаза графа.

«Онъ похожъ на голодную акулу», подумалъ графъ.—«Онъ жаждетъ крови, и снова будетъ бодръ и веселъ, какъ только попробуетъ человѣческаго мяса и крови;—кстати, у насъ есть въ виду! Но надо дѣйствовать осторожнѣе.»

Онъ подошелъ къ королю и поцаловалъ его руку.

— Цалую эту руку, сказалъ онъ: — за то, что сегодня она была источникомъ блага. Цалую эту бумагу за то, что на ней проповѣдуются истинныя и безгрѣшныя слова Бога, которыя дадутъ Англіи счастіе. Но я все таки, ваше величество, скажу вамъ: отдохните и подумайте, что вы не только мудрецъ, но и человѣкъ.

— Да, слабый и больной, со вздохомъ прибавилъ король, съ усиліемъ стараясь поднять свое тучное тѣло,

При этомъ онъ такъ сильно оперся на руку Дугласа, что тотъ чуть не упалъ.

— Удивительно! возразилъ графъ Дугласъ. — Ваше величество двигаетесь сегодня такъ легко и свободно, какъ пятнадцатилѣтній юноша, и почти не нуждаетесь въ моей помощи.

— Тѣмъ не менѣе я старѣюсь, сказалъ король, который сегодня цѣлое утро скучалъ.

— Старѣетесь? повторилъ Дугласъ. — Старѣетесь, а глаза ваши блестятъ на этомъ чудномъ, благородномъ лицѣ. Нѣтъ, ваше величество, ошибаетесь! Король, какъ природа, никогда не старѣется.

— Въ этомъ случаѣ они похожи на попугаевъ, сказалъ Джонъ Гейводъ, входя въ комнату.—У меня есть попугай, котораго мой прадѣдушка получилъ отъ своего прадѣдушки, который былъ парикмахеромъ у Генриха четвертаго. Попугай этотъ, съ такою же бодростію какъ и сто лѣтъ тому назадъ, говоритъ: «да здравствуетъ король; пусть здравствуетъ это прекрасное олицетвореніе добродѣтели, мужества, красоты и милосердія; да здравствуетъ король!» Это онъ кричалъ сто лѣтъ тому назадъ, и повторялъ тоже самое Генриху пятому, шестому, седьмому и восьмому. И странно: короли мѣнялись, а эта похвала справедливо относилась ко всѣмъ. Вы можете Дугласъ вѣрить,—онъ сказалъ правду, потому что онъ близкій родственникъ

моего попугая. Тотъ постоянно зоветъ его «cousin», и у него-то онъ выучился этой безсмертной похвалѣ королямъ.

Король улыбнулся. Графъ Дугласъ презрительно посмотрѣлъ на Джона Гейвода.

— Смѣшной человѣкъ, сказалъ король.—Не правда, ли Дугласъ?

— Просто шутъ, отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

— Вы знаете, что шуты да дѣти постоянно говорятъ правду, сказалъ Гейводъ.—Я съ молоду сдѣлался шутомъ, для того, чтобы говорить королю правду; другіе же, кромѣ лжи, ничего ему не говорятъ. Я сдѣлался зеркаломъ короля, и онъ видитъ во мнѣ правду.

— Ну, а сегодня что скажешь?

— Отложите на время вашу корону и достоинство главы церкви, и сдѣлайтесь на время плотояднымъ животнымъ. Королемъ очень легко сдѣлаться. Для этого нужно только родиться отъ королевы. Но очень трудно быть вполнѣ исправнымъ человѣкомъ. Для этого нужно, во-первыхъ, имѣть здоровый желудокъ. Пойдемте же, король, и посмотримте, хорошъ ли у васъ желудокъ?—И засмѣявшись онъ взялъ за одну руку короля, а за другую графа, и повелъ ихъ въ столовую.

Король принадлежалъ къ числу хорошихъ обжоръ. Онъ сѣлъ въ золотое кресло и наклоненіемъ головы пригласилъ придворныхъ занять мѣста.

Съ торжественнымъ и серьёзнымъ выраженіемъ лица онъ взялъ изъ рукъ оберъ-церемонійместера карточку обѣда. Обѣдъ составлялъ для короля весьма важное дѣло. Курьеры и гонцы посылались въ отдаленные концы свѣта для того, чтобы достать королю какой-нибудь лакомый и любимый кусокъ. Поэтому на карточкѣ, какъ и всегда, были самыя рѣдкія блюда. Если между ними король находилъ какое нибудь любимое кушанье, то выражалъ свое удовольствіе наклоненіемъ головы, и церемонійместера это очень радовало. Тутъ были ласточкины гнѣзда, которыя на особыхъ, быстрыхъ шкунахъ привозились изъ Остъ-Индіи; были цыпляты изъ Калькутты, трюфели изъ Лангедока, которыя, въ знакъ особенной любви своей, вчера прислалъ Генриху въ подарокъ король французскій Францискъ I. Были настоящія шампанскія и кипрскія вина, которыя были присланы республикою въ знакъ ея уваженія къ королю. Тутъ были и густые рейнвейны, присланные въ подарокъ протестантскими князьями, которые этимъ хотѣли склонить его принять участіе въ лигѣ. Однимъ словомъ, тутъ было собрано все самое лучшее и рѣдкое.

Обыкновенно когда король садился за столъ, онъ былъ очень веселъ. Но сегодня онъ какъ-то неохотно улыбается ѣдкимъ эпиграммамъ Джона Гейвода, и лобъ его былъ покрытъ морщинами. За обѣ-

домъ король ужасно любилъ видѣть женщину, а ея-то сегодня и недоставало. Это и было причиною худаго расположенія короля.

Проницательный Дугласъ сейчасъ же замѣтилъ въ чемъ дѣло.

— Ваше величество, я сейчасъ хочу сдѣлаться придворнымъ измѣнникомъ, потому что хочу обвинить короля за то, что онъ поступилъ сегодня не такъ, какъ должно.

Король поднялъ свои блестящіе глаза, пристально посмотрѣлъ на Дугласа и взялъ золотой бокалъ, наполненный рейнвейномъ.

— Вы хотите обвинить меня? спросилъ онъ.

— Да, васъ, потому что считаю васъ намѣстникомъ Бога на землѣ. Вы бы обвинили Бога, если бы онъ лишилъ васъ, въ одинъ прекрасный день, солнца, которое вы привыкли видѣть каждый день. Я обвиняю васъ за то, что вы лишили насъ сегодня нашего солнца, королевы.

— Королевѣ угодно было прокатиться верхомъ, возразилъ Генрихъ. — Ее прельстила весенняя погода, а я позволилъ ей воспользоваться хорошимъ днемъ. Къ несчастію, у меня нѣтъ лошади, на которой бы могъ я ѣздить, иначе и я не остался бы дома.

— Какъ! а Пегасъ,—вы такъ ловко имъ управляете. Но какъ же королева поѣхала, когда знала, что должна разстаться съ вами? О, какъ холодны и самолюбивы сердца женщинъ! Если бы я былъ женщиной, то я бы никогда не отходилъ отъ васъ; я бы считалъ за величайшее счастіе быть постоянно при васъ и внимать вашимъ мудрымъ рѣчамъ, исходящимъ изъ вашихъ боговдохновенныхъ устъ.

— Графъ, я нахожу, что ваше желаніе совершенно исполнилось, серьезно сказалъ Джонъ Гейводъ: — вы произвели такое же впечатлѣніе, какъ и старыя женщины.

Всѣ засмѣялись. Но король не засмѣялся, а остался серьёзенъ.

— Правда, сказалъ онъ: — королева, кажется, была очень довольна этой прогулкой. Глаза ея такъ блестѣли, что подобнаго блеску я еще у нея не видалъ. Вѣроятно, эта прогулка имѣетъ какое-нибудь особое значеніе. Кто провожаетъ королеву?

— Принцесса Елизавета! сказалъ Джонъ Гейводъ, слушавшій все и замѣтившій стрѣлу, которую Дугласъ хотѣлъ пустить въ королеву. — Она очень любитъ королеву и ни на минуту отъ нея не отлучается. Сверхъ того, придворныя дамы, какъ драконы, про которыхъ говорится въ сказкахъ, охраняютъ прекрасную принцессу.

— Кто еще? спросилъ мрачно Генрихъ.

— Оберъ-шталмейстеръ, сказалъ Дугласъ, и...

— Этого вы упомянули совершенно не кстати, прервалъ его Джонъ Гейводъ. — Понятно, что шталмейстеръ сопутствуетъ коро-

левѣ. Это его обязанность, точно также, какъ ваша повторять пѣснь вашего двоюроднаго братца, моего попугая.

— Онъ правъ,—Томасъ Сеймуръ долженъ ее сопровождать; этого я желаю, сказалъ король, ударяя на послѣднихъ словахъ.—Томасъ Сеймуръ вѣрный слуга, онъ братъ моей любимой покойной жены; онъ также, какъ и она, вѣрно служитъ своему королю.

«Не настало еще время нападать на Сеймура», подумалъ графъ. «Сеймуръ еще въ милости у короля. Будемъ же нападать на Генриха Говарда; это значитъ и на королеву.»

— Кто еще? спросилъ король, залпомъ осушивъ золотой бокалъ. Этимъ онъ думалъ уменьшить свой внутренній жаръ, но на самомъ дѣлѣ еще болѣе увеличилъ его.

— Кто еще ее провожаетъ? повторилъ графъ Дугласъ. — Я думаю, еще оберъ-каммергеръ, графъ Говардъ.

Король нахмурился. Левъ почуялъ свою добычу.

— Оберъ-каммергера нѣтъ въ свитѣ королевы! возразилъ Джонъ Гейводъ.

— Нѣтъ? воскликнулъ графъ Дугласъ. — Бѣдный графъ! Это его сильно опечалитъ.

— А почему вы думаете, что это его опечалитъ? спросилъ король, и голосъ его задрожалъ.

— Потому что графъ привыкъ жить въ солнечномъ сіяніи королевской милости, потому что оно похоже на тотъ цвѣтокъ, который обращаетъ свою головку къ солнцу, и отъ него получаетъ свою жизненную силу, краску и блескъ.

— Пусть онъ остерегается, солнце можетъ его опалить! прошепталъ король.

— Графъ, сказалъ Джонъ Гейводъ:—вамъ нужно надѣть очки, для того чтобы лучше видѣть. Вы не отличаете солнца отъ спутниковъ. Графъ Говардъ настолько уменъ, что не будетъ смотрѣть на солнце, потому что онъ знаетъ, что оно можетъ его ослѣпить. Онъ довольствуется тѣмъ, что поклоняется одной изъ планетъ, окружающихъ солнце.

— Что ты хочешь этимъ сказать, шутъ? лукаво спросилъ графъ Дугласъ.

— Этимъ я хочу вамъ дать замѣтить, что на этотъ разъ вы перемѣшали и не отличили вашей дочери отъ королевы, сказалъ Джонъ Гейводъ, ударяя на каждомъ словѣ:—и что съ вами случилось то же, что случается съ нѣкоторыми астрономами, которые по временамъ принимаютъ планету за солнце.

Графъ Дугласъ свирѣпо взглянулъ на Джона Гейвода, но тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же.

Такимъ образомъ они довольно долго смотрѣли другъ на друга. Во взорахъ ихъ выражалась ненависть. Кажется, что въ эту минуту они поклялись быть непримиримыми врагами.

Король невидалъ этой нѣмой, но значительной сцены. Онъ сурово смотрѣлъ по сторонамъ, и немного погодя, быстро поднялся со стула, на этотъ разъ безъ посторонней помощи. Гнѣвъ овладѣлъ всѣмъ его существомъ. Придворные молча поднялись съ своихъ мѣстъ, и никто, кромѣ Джона Гейвода, не замѣтилъ, какъ Дугласъ переглянулся съ Гардинеромъ и лордомъ канцлеромъ.

— Ахъ, зачѣмъ здѣсь нѣтъ Крамера! тихо прошепталъ Джонъ Гейводъ. — Я вижу трехъ тигровъ, значитъ, добыча гдѣ нибудь по близости. Но я навострю уши и подслушаю ихъ рычаніе.

— Обѣдъ кончился! громко сказалъ король.

Придворные молча отправились въ залу.

Графъ Дугласъ, Гардинеръ и канцлеръ остались въ столовой. Джонъ Гейводъ тихонько прокрался въ кабинетъ короля и спрятался за портьеру, украшенную золотыми арабесками. Портьера эта закрывала дверь, ведущую изъ кабинета въ залу.

— Милостивые государи, сказалъ король: — пойдемте въ кабинетъ. Такъ какъ мы скучаемъ, то пойдемъ и потолкуемъ о благѣ нашихъ любезныхъ подданныхъ. Пойдемъ, — у насъ будетъ великое засѣданіе. Графъ Дугласъ, вашу руку! И облокотясь на его руку, онъ отправился въ кабинетъ, у дверей котораго ихъ ожидали канцлеръ и Гардинеръ. Дойдя до дверей, король тихо спросилъ графа: итакъ, вы говорите что Генрихъ Говардъ осмѣливается быть всегда вблизи королевы?

— Сэръ, я этого не сказалъ! Я говорю, что я постоянно вижу его вмѣстѣ съ королевой.

— Вы думаете, что королева ему позволяетъ быть съ ней? возразилъ король, скрежеща зубами.

— Сэръ, я считаю королеву за благородную и вѣрную супругу.

— Вы бы сложили свою голову, если бы осмѣлились иначе думать! возразилъ король, лицо котораго все болѣе и болѣе помрачалось.

— Голова моя принадлежитъ королю! почтительно сказалъ Дугласъ. — Вы можете ею располагать какъ вамъ угодно.

— Но Говардъ... Значитъ, вы думаете, что Говардъ любитъ королеву?

— Да, сэръ, я это утверждаю!

— Клянусь Богомъ, я раздавлю эту змѣю, точно такъ же, какъ раздавилъ его сестру! гнѣвно воскликнулъ король.—Говарды честолюбивый и опасный родъ.

— Родъ, который никогда не забываетъ, что одна изъ дочерей ихъ дома сидѣла на вашемъ престолѣ.

— Скоро позабудутъ, сказалъ король. — Чтобы вырвать у нихъ эти чувства, я не пощажу свою собственную кровь. Они еще не удовольствовались примѣромъ своей сестры; развѣ они не видали на ней, какъ я наказываю невѣрность. Этотъ неугомонный родъ хочетъ еще другаго примѣра. Хорошо, я имъ покажу! Дай мнѣ, Дугласъ, только поводъ, и клянусь тебѣ, что отправлю ихъ на эшафотъ. Докажи мнѣ любовь графа, и за это я буду исполнять твои просьбы.

— Сэръ, я докажу!

— Когда?

— Черезъ четыре дня! Во время великаго спора сочинителей, который вы приказали приготовить къ именинамъ королевы.

— Благодарю тебя, Дугласъ, благодарю! почти радостно произнесъ король.

— Но, сэръ, — а если я вамъ не могу дать доказательствъ, безъ обвиненія другой особы?

Король, который хотѣлъ выдти изъ кабинета, остановился и, пристально посмотрѣвъ въ лицо графу, проговорилъ: «вы думаете о королевѣ? Если и она виновна, то и ее неизбѣжитъ наказаніе. Богъ вложилъ мнѣ въ руку мечъ, чтобъ я носилъ его во славу Его и для страха людей. Повторяю, дайте мнѣ доказательства, и будьте увѣрены, что правосудіе наше не пощадитъ никого!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

ДРУГЪ КОРОЛЕВЫ.

Графъ Дугласъ, Гардинеръ и канцлеръ вошли за королемъ въ кабинетъ.

Часъ для рѣшительнаго удара насталъ. Планъ, такъ давно подготовленный, приходилъ къ исполненію.

Поэтому Дугласъ, переглянувшись съ своими сообщниками взглядомъ, сказалъ имъ: «будьте готовы, часъ насталъ!»

Тѣ показали, что они готовы.

Джонъ Гейводъ, сидѣвшій за портьерой, видѣлъ и замѣчалъ все. Онъ невольно содрогнулся, увидавъ выраженіе этихъ трехъ суровыхъ людей, съ лицъ которыхъ, кажется, исчезли послѣдніе слѣды милосердія и состраданія. Лицо короля безпрестанно мѣнялось. Оно было то злобно и сурово, то принимало снисходительное выраженіе.

На губахъ Дугласа была улыбка. На видъ, казалось, онъ любилъ всѣхъ, но на дѣлѣ выходило, что онъ только былъ очень лукавъ.

Король любилъ его, потому что онъ всегда называлъ его могущественнымъ королемъ и мудрымъ главою церкви. Между тѣмъ, какъ Дугласъ былъ намѣстникъ Лойолы, который ненавидѣлъ короля и называлъ его церковнымъ преступникомъ.

Лица двухъ остальныхъ были холодны и серьёзны, они никогда не улыбались. Они постоянно наказывали, осуждали, и лица ихъ тогда только немного смягчались, когда они слышали болѣзненный крикъ какого нибудь осужденнаго.

Мучители рода человѣческаго! Они называли себя служителями ерквви и Бога!

— Сэръ, сказалъ почтительно Гардинеръ, когда король усѣлся

на диванъ: — сэръ, попросите прежде благословенія Божія. Онъ вразумитъ насъ на рѣшеніе великихъ дѣлъ. Богъ, который сосредоточиваетъ въ себѣ и гнѣвъ, и милость, будетъ нашимъ помощникомъ въ начинаемомъ нами дѣлѣ.

Король набожно сложилъ руки.

— Аминь! произнесъ Гардинеръ, все время повторявшій слова короля.

— Пошли намъ молніи своего гнѣва, молился канцлеръ,—чтобы по нимъ мы научили свѣтъ познавать твое могущество и величіе!

Графъ Дугласъ боялся громко молиться. То, о чемъ онъ хотѣлъ просить Бога, не долженъ быть знать король. «Пошли, Боже», про себя произнося слова, молился онъ: «пошли благопріятное окончаніе моему предпріятію. Пусть отдадутъ королеву уголовному суду и она очиститъ свое мѣсто моей дочери, которой назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы снова возвратить святой церкви этого невѣрнаго и измѣнника короля.»

— Теперь, милордъ, скажите, что дѣлается въ государствѣ и при дворѣ? сказалъ король.

— Дѣла идутъ худо! сказалъ Гардинеръ: — невѣріе распространяется съ каждымъ днемъ. Секта этихъ богопротивниковъ-реформаторовъ и невѣрующихъ въ Бога возрастаетъ каждый день. Въ тюрьмахъ нѣтъ больше мѣста, все наполнено ими. Если бы мы вздумали ихъ сжигать, то это нисколько не поможетъ: народъ, видя, что еретики съ радостью и мужествомъ встрѣчаютъ смерть, дѣлается ихъ послѣдователемъ.

— Да, дѣла идутъ худо, сказалъ канцлеръ:—напрасно мы обѣщали пощаду тѣмъ, которые раскаются и снова обратятся на путь истинный: они смѣются надъ нашей пощадой, и смерть предпочитаютъ королевскому прощенію. Къ чему послужила смерть Милеса Ковардана, который осмѣлился перевести библію? Смерть его была какъ будто сигналомъ, пробудившимъ другихъ еретиковъ. Переводы эти распространились, безъ нашего вѣдома, съ такой быстротою, что у насъ теперь четыре перевода библіи; народъ съ жадностію читаетъ ихъ, и свобода мыслей съ каждымъ часомъ распространяется все болѣе и болѣе.

— Ну, а вы графъ, Дугласъ, спросилъ король, когда замолчалъ канцлеръ. — Эти господа донесли мнѣ о состояніи государства. Вы разскажите мнѣ о томъ, что дѣлается при дворѣ.

— Сэръ! сказалъ Дугласъ, тихо и торжественно, желая, чтобы каждое слово, какъ ядъ, проникло въ самое сердце короля. — Сэръ, народъ слѣдуетъ примѣрамъ двора. Какъ можно требовать, чтобы народъ вѣрилъ, когда при дворѣ ничему не вѣрятъ и надъ всѣмъ

насмѣхаются, когда невѣрующіе находятъ помощниковъ и защитниковъ при дворѣ?

— Вы обвиняете, но не называете ни одного имени, съ нетерпѣніемъ возразилъ король.—Кто при моемъ дворѣ осмѣливается быть защитникомъ еретиковъ?

— Крамеръ! въ одинъ голосъ сказали всѣ трое.

Слово было произнесено, знамя кровополитнаго боя поднято.

— Крамеръ? съ чувствомъ повторилъ король.—Онъ всегда былъ моимъ вѣрнымъ слугою и преданнымъ другомъ. Онъ расторгнулъ гнусный бракъ съ Катериной Арагонской, онъ же предостерегалъ меня и на счетъ Катерины Говардъ, и представилъ мнѣ доказательства ея преступленій. Въ чемъ можете вы его обвинить предо мною?

— Онъ отвергаетъ шесть пунктовъ, возразилъ Гардинеръ, лицо котораго приняло выраженіе ненависти. — Онъ отвергаетъ тайную исповѣдь, и думаетъ, что добровольный отказъ отъ обѣтовъ есть цѣломудріе.

— Если это такъ, то онъ придворный измѣнникъ, воскликнулъ король.—Если это такъ, еще разъ повторилъ онъ,—то рука мщенія накажетъ его. Я далъ своему народу эти шесть пунктовъ, и не потерплю, чтобы это единственно вѣрное ученіе было отвергаемо и порицаемо. Но вы ошибаетесь, милорды, я знаю, — что Крамеръ вѣренъ и вѣритъ всему этому.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ Гардинеръ: — но онъ укрѣпляетъ еретиковъ въ ихъ заблужденіяхъ, и по его милости эти невѣрные, не страшась гнѣва Божія, не обращаются къ вамъ, какъ къ владыкѣ и главѣ церкви. Онъ проповѣдуетъ имъ, что Богъ—есть Богъ любви и милосердія; онъ учитъ ихъ тому, что Христосъ сошелъ на землю для того, чтобы людямъ принести любовь и прощеніе за грѣхи, и что тѣ только истинные его слуги, которые подражаютъ ему въ любви. Развѣ вы не видите въ этомъ скрытаго обвиненія васъ самихъ: въ то самое время, когда онъ проповѣдуетъ всепрощающую любовь, онъ обвиняетъ и отрицаетъ вашъ наказующій гнѣвъ?

Король отвѣчалъ не сейчасъ; онъ задумался и долго смотрѣлъ въ землю.

Священникъ, которымъ овладѣлъ фанатизмъ, далеко зашелъ, и самъ не замѣтилъ того, что въ эту минуту онъ самъ былъ обвинителемъ короля.

Графъ Дугласъ замѣтилъ это. Онъ видѣлъ, что король находился въ раздраженномъ состояніи.

Надо было извлечь тигра изъ этого положенія, показать ему добычу и возбудить его кровожадность.

— Хорошо бы было, если бы Крамеръ проповѣдовалъ только

христіанскую любовь, сказалъ Дугласъ. — Тогда бы онъ былъ вѣрнымъ слугою своего Бога и послѣдователемъ своего короля. Но онъ подаетъ народу худые примѣры непослушанія и невѣрности, отвергая правду шести пунктовъ не словами, а дѣйствіями. Вы приказали, чтобы церковно-служители были не женаты, а онъ женатъ!

— Женатъ? воскликнулъ король, и лицо его исказилось отъ гнѣва.—Я долженъ буду его наказать, какъ ослушника моихъ законовъ. Назначеніе священника состоитъ въ исключительномъ служеніи Богу. Поступая на этотъ важный постъ, онъ долженъ отречься отъ всѣхъ земныхъ желаній и удовольствій. А, онъ женатъ! Я дамъ ему почувствовать всю силу моего королевскаго гнѣва, и онъ на себѣ долженъ испытать, что правосудіе короля неизмѣнно, и что оно вездѣ казнитъ виновнаго, не обращая вниманія ни на его происхожденіе, ни на занимаемую имъ должность.

— Ваша справедливость и мудрость извѣстны вашимъ подданнымъ, а если и случается, что преступникъ не получаетъ должнаго наказанія, то это оттого, что нѣкоторые изъ вашихъ служителей дерзаютъ останавливать руку правосудія.

— Гдѣ, и когда это случилось? спросилъ Генрихъ, и лицо его покраснѣло отъ гнѣва. — Кого изъ измѣнниковъ я не наказывалъ? Въ какомъ мѣстѣ моего государства живетъ человѣкъ, который, согрѣшивъ противъ Бога и короля, не былъ бы уничтоженъ?

— Сэръ, торжественно сказалъ Гардинеръ: — Марія Аскью еще живетъ.

— Она еще живетъ и насмѣхается надъ вашими вѣрованіями и вашею мудростію! сказалъ канцлеръ.

— Она живетъ потому, что архіепископъ Крамеръ не желаетъ, чтобъ она умерла, прибавилъ Дугласъ, пожимая плечами.

Король сардонически улыбнулся. «А, Крамеръ не желаетъ, чтобы Марія Аскью умерла!» насмѣшливо проговорилъ онъ. «Онъ не желаетъ, чтобы эта дѣвушка, которая оскорбила короля и Бога, была наказана!»

— Да, она нанесла большое оскорбленіе, а все-таки вотъ уже два года какъ живетъ! воскликнулъ Гардинеръ. — Вотъ уже два года, какъ она продолжаетъ издѣваться надъ Богомъ и королемъ.

— Мы все надѣялись возвратить эту дѣвушку на путь истинный, сказалъ король. — Мы хотѣли показать нашему народу новый примѣръ, какъ умѣемъ прощать тѣхъ еретиковъ, которые отказываются отъ ложныхъ ученій и принимаютъ истинныя, и что мы даже возвращаемъ имъ прежнія наши милости. Поэтому-то мы и поручили вамъ, господинъ архіепископъ, силою вашего слова и молитвы, освободить бѣдную дѣвушку отъ овладѣвшаго ею злаго духа.

— Но она неисправима, возразилъ Гардинеръ, стиснувъ губы. Напрасно представлялъ я ей всѣ муки ада, которыя ее ожидаютъ, если она не обратится на путь истинный; напрасно прибѣгалъ ко всѣмъ возможнымъ средствамъ, проводилъ съ нею дни и ночи, и молился за ея душу; но она осталась тверда и непоколебима.

— Есть еще одно средство, силу котораго еще не испробовали, сказалъ канцлеръ. — Средство это гораздо дѣйствительнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ увѣщаній и усерднѣйшихъ молитвъ. Я знаю это по опыту, потому что этимъ средствомъ многихъ закоснѣлыхъ еретиковъ обратилъ я къ Богу и истиннымъ вѣрованіямъ.

— Что жь это за средство?

— Пытка, ваше величество!

— Пытка, повторилъ король, и невольная дрожь пробѣжала по его тѣлу.

— Всѣ средства хороши, когда они ведутъ къ священной цѣли, проговорилъ Гардинеръ, набожно скрестивъ руки.

— Душу исцѣлять надо даже во вредъ тѣлу, прибавилъ канцлеръ.

— Надо показать народу, сказалъ Дугласъ:—что мудрый король не щадитъ даже тѣхъ, которые находятся подъ защитою вліятельныхъ и сильныхъ лицъ. Народъ негодуетъ, что на этотъ разъ уклонились отъ справедливости, потому что архіепископъ Крамеръ защищаетъ Марію Аскью, и потому что она пріятельница королевы.

— У королевы нѣтъ пріятельницъ между измѣнницами! сухо произнесъ король.

— Можетъ быть она не считаетъ Марію Аскью измѣнницею, возразилъ графъ Дугласъ, слегка улыбнувшись. — Всѣмъ извѣстно, что королева Катерина большая пріятельница реформаціи, и народъ, который не осмѣливается называть ее еретичкой, называетъ ее «протестанткой».

— Стало быть думаютъ, что Катерина дѣйствительно защищаетъ Марію Аскью? спросилъ король.

— Да, такъ думаютъ, ваше величество!

— Но пусть всѣ увидятъ, что они ошибались, и что король дѣйствительно достоинъ называться защитникомъ вѣры и главою церкви! гнѣвно воскликнулъ король. — Когда же я медлилъ наказаніемъ и давалъ поводъ думать, что я склоненъ на прощеніе и сострадание? Развѣ я не отправилъ на эшафотъ Томаса Моруса и Кромвеля, двухъ благородныхъ и знаменитыхъ мужей моего государства, за то, что они меня прогнѣвили? Кто же смѣетъ послѣ такихъ блистательныхъ примѣровъ обвинять насъ въ снисхожденіи?

— Тогда, сэръ, вкрадчивымъ тономъ произнесъ Дугласъ:—тогда

у васъ еще не было королевы, которая называла бы еретиковъ истинно вѣрующими людьми, а придворныхъ измѣнниковъ удостоиваетъ своей дружбы.

Король нахмурился, и гнѣвно взглянулъ на спокойное лицо графа.

— Вамъ, я думаю, извѣстно, что я не люблю тайныхъ намековъ, сказалъ онъ. — Если вы можете доказать измѣну королевы, — хорошо, а если нѣтъ, то молчите!

— Королева благородная и добродѣтельная женщина, сказалъ Дугласъ, — но по временамъ ею овладѣваютъ различныя чувства. Я не знаю, съ вашего ли позволенія, королева имѣетъ переписку съ Маріей Аскью?

— Что вы сказали? У королевы переписка съ Маріей Аскью? громко и гнѣвно воскликнулъ король.—Это ложь, постыдная ложь, которую выдумали для того, чтобы столкнуть королеву, потому что всѣ знаютъ, что бѣдный король безпрестанно мѣнялъ женъ, за ихъ обманы, и что онъ наконецъ нашелъ себѣ такую, которой можетъ довѣрять. И ему не даютъ этимъ насладиться, у него хотятъ отнять послѣднюю надежду, хотятъ, чтобъ сердце его совершенно окаменѣло и въ немъ не осталось и искры состраданія и милосердія. О, Дугласъ, Дугласъ, бойтесь моего гнѣва, если вы не въ состояніи будете доказать вашихъ словъ!

— Сэръ, я могу ихъ доказать! У леди Джаны еще вчера было письмо отъ Маріи Аскью, которая должна была передать его королевѣ.

Король нѣсколько минутъ молчалъ и мрачно смотрѣлъ въ землю.

Всѣ трое наблюдали за нимъ, притаивъ дыханіе.

Наконецъ король поднялъ голову и сурово посмотрѣлъ на канцлера.

— Господинъ канцлеръ, сказалъ онъ: — поручаю вамъ сдѣлать пытку надъ Маріей Аскью. Можетъ быть тѣлесныя истязанія возвратятъ заблудшую душу на путь истинный. Вамъ, господинъ архіепископъ, даю свое слово, что я буду наблюдать за Крамеромъ, и если ваши обвиненія будутъ справедливы, то онъ получитъ достойное наказаніе. Вы же, графъ Дугласъ, будьте совершенно покойны. Я на опытѣ докажу своему народу, что я, какъ и прежде, остался карающимъ намѣстникомъ Бога на землѣ, и что ничто не въ состояніи отклонить заслуженнаго наказанія. Теперь, милостивые государи, засѣданіе кончено. Отдохнемъ немного отъ напряженнаго состоянія и подумаемъ хоть съ часокъ повеселиться. Вы свободны, милордъ канцлеръ, и архіепископъ, а ты, Дугласъ, пойдешь со мною въ маленькую пріемную залу. Мнѣ хочется поглядѣть на веселыя,

улыбающіяся лица. Позови Джона Гейвода, а если во дворцѣ есть дамы, то пригласи ихъ, намъ будетъ веселѣе!

И, засмѣявшись, онъ облокотился на руку графа и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ кабинета. Гардинецъ и канцлеръ посмотрѣли на короля, который, тяжело ступая, проходилъ по залѣ.

— Флюгеръ, который вращается то въ ту, то въ другую сторону, сказалъ Гардинеръ, пожимая плечами.

— Онъ называетъ себя мечомъ Божіимъ, а на дѣлѣ не что иное, какъ слабое существо, которымъ мы управляемъ какъ намъ угодно, прошепталъ канцлеръ и лукаво улыбнулся. — Бѣдный, несчастный глупецъ, считающій себя за сильнаго и могущественнаго, онъ считаетъ себя за самовластнаго короля, а самъ не болѣе, какъ нашъ слуга. Великое дѣло приближается къ концу, и теперь мы каждый день будемъ торжествовать. Со смертью Маріи Аскью наступятъ новыя времена, которыя спасутъ Англію, и тогда мы будемъ еретиковъ топтать въ пыли ногами. Когда же мы низвергнемъ Крамера и введемъ Катерину Парръ на эшафотъ, то мы дадимъ королю такую жену, которая снова соединитъ его съ Богомъ и съ православною церковью.

— Аминь! сказалъ Гардинеръ, и, взявшись подъ руку, они вышли изъ залы.

Наступила мертвая тишина, и никто не замѣтилъ, какъ Джонъ Гейводъ вышелъ изъ-за портьеры и, усталый, опустился въ кресло.

— По крайней мѣрѣ я знаю планъ этихъ кровожадныхъ тигровъ! прошепталъ онъ. — Они хотятъ дать королю католическую королеву и низвергнуть Крамера. Съ паденіемъ его, королева лишится въ немъ сильной опоры, и тогда она пропала. Клянусь Богомъ, это имъ не удастся! Богъ справедливъ и уничтожитъ этихъ злодѣевъ! Нѣтъ, изверги эти не должны вредить великодушному Крамеру и прекрасной королевѣ. Я не хочу этого, — я, Джонъ Гейводъ, шутъ короля! Я все увижу, все услышу и за всѣмъ буду наблюдать! Они будутъ меня встрѣчать всюду, вездѣ я буду имъ противодѣйствовать. Шутъ короля будетъ ангеломъ-хранителемъ королевы.

II.

ДЖОНЪ ГЕЙВОДЪ.

Послѣ столькихъ тревогъ и заботъ, король нуждался въ развлеченіи. Королевы не было дома; она отправилась любоваться природой; королю надобно было сыскать развлеченіе; но этому много мѣ-

шала тяжесть его собственнаго тѣла. Онъ приказалъ подвести свой домашній экипажъ.

Неуклюжую его массу, помѣстившуюся въ этомъ экипажѣ, придворные называли прекраснымъ, очаровательнымъ мужчиною, а женщины смѣялись и наивно говорили, что они ее любятъ и что король точно такъ же хорошъ, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, когда былъ молодъ и не такъ толстъ. Какъ онѣ мило улыбались ему, и какъ на него смотрѣли! Какъ любезно смотритъ на него постоянно гордая Джана; какъ герцогиня Ричмондская, эта прекрасная и живая женщина, улыбается, когда король съ ней шутитъ и говоритъ двусмысленныя слова!

Бѣдный король! тяжесть тѣла мѣшаетъ ему танцовать. А прежде онъ съ такимъ удовольствіемъ и такъ ловко исполнялъ всѣ танцы! Бѣдный король! старость не позволяетъ ему пѣть. А прежде онъ много пѣвалъ, желая привести въ восторгъ придворныхъ! Впрочемъ повременамъ на него и нынѣ находятъ минуты, когда онъ будто получаетъ прежнія силы и дѣлается снова молодцомъ. По крайней мѣрѣ у короля остались еще глаза, которыми онъ можетъ видѣть красоту, и сердце, которое еще въ состояніи любить.

Какъ очаровательно милы леди Джана и герцогиня. Онѣ обѣ улыбаются, и когда король начинаетъ увѣрять, что онъ ихъ любитъ, онѣ потупляютъ глаза и тяжело вздыхаютъ.

— Джана, вы вздыхаете, кажется, оттого, что меня любите?

— О, сэръ, вы насмѣхаетесь надо мною! Грѣхъ былъ бы, еслибъ я васъ любила, потому что королева Катерина еще жива.

— Да, она еще жива! прошепталъ король, и лобъ его наморщился, а улыбка на минуту исчезла съ его губъ.

Леди Джана сдѣлала ошибку. Она напомнила королю о женѣ, которой еще рано было умирать.

Джонъ Гейводъ прочелъ это на лицѣ короля и хотѣлъ воспользоваться случаемъ. Онъ хотѣлъ отвлечь вниманіе короля отъ женщинъ, которыя его совершенно очаровали.

— Да, королева жива! радостно произнесъ онъ. — И слава Богу, что она еще жива! Какъ было бы скучно и однообразно при дворѣ, если бы не было прекрасной королевы, обладающей мудростью Маѳусаила и невинностію и добротою ребенка. Не правда ли, леди Джана, вы вмѣстѣ со мною восхваляете Бога за то, что королева еще жива?

— Вмѣстѣ съ вами, произнесла Джана, худо сдерживая свою досаду.

— А вы, король, того же мнѣнія?

— Разумѣется!

— Зачѣмъ я не король Генрихъ? сказалъ со вздохомъ Джонъ Гейводъ. — Король, я не завидую вашей коронѣ, королевской мантіи, вашимъ деньгамъ и богатству, а только тому, что вы можете восхвалять Бога за то, что ваша жена еще жива, тогда какъ отъ другихъ я постоянно слышу одну и ту же фразу: «Боже! зачѣмъ жена моя еще живетъ!» И признаюсь, мнѣ рѣдко случалось встрѣчать людей, которые бы говорили иначе! Вы же, какъ и во всѣхъ прочихъ вещахъ, постоянно составляете исключеніе!

— Онъ считаетъ васъ единственнымъ человѣкомъ, который въ состояніи любить свою жену! Какой дерзкій! сказала герцогиня. — Слѣдовательно, вы не допускаете того мнѣнія, что женщины достойны любви?

— Не только не допускаю, но увѣренъ въ этомъ!

— За кого же вы насъ считаете?

— За кошекъ, облеченныхъ въ гладкую кожу!

— Берегитесь, Джонъ, чтобъ мы не показали вамъ нашихъ когтей! сказала герцогиня.

— Показывайте! Я сотворю крестное знаменіе, и вы исчезнете. Вамъ вѣроятно извѣстно, что дьяволъ не можетъ сносить изображенія креста. А васъ я причисляю къ породѣ дьяволовъ.

Джонъ Гейводъ очень хорошо пѣлъ. Поэтому онъ взялъ лежавшую около него гитару и запѣлъ.

Пѣсню эту только и можно было пѣть при дворѣ Генриха. Слушая ее, король не переставалъ хохотать, а дамы краснѣть. Въ этой пѣсни онъ весьма искусно излилъ всю свою злобу на Гардинера и леди Джану, мнимыхъ друзей королевы.

Но дамы не смѣялись: онѣ грозно смотрѣли на Джона Гейвода, и герцогиня Ричмондская настоятельно требовала наказанія Джону за то, что онъ оскорбилъ дамъ.

Король еще сильнѣе расхохотался. Гнѣвъ дамъ былъ весьма забавенъ.

— Сэръ, сказала прекрасная герцогиня: — онъ оскорбилъ не однѣхъ насъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь женскій полъ. И поэтому, отъ имени всего нашего пола, я требую мщенія за клевету!

— Да, мщенія! воскликнула Джана, съ тайной злобой.

— Мщенія! повторили прочія дамы.

— Посмотрите-ка, что за невинныя и кроткія созданія! сказалъ Джонъ Гейводъ.

— Хорошо, возразилъ, смѣясь, король: — пусть ваше желаніе будетъ исполнено, вы должны его наказать.

— Да, да, бейте меня палками, точно такъ же, какъ когда-то

били Христа за то, что онъ сказалъ правду фарисеямъ! Посмотрите, я уже надѣлъ терновый вѣнокъ!

И онъ совершенно серьёзно взялъ бархатную шапочку короля и надѣлъ ее себѣ на голову.

— Да, бейте его, бейте! смѣясь, возразилъ король, показывая на большую фарфоровую вазу, въ которой были огромные кусты розъ, усѣянныхъ огромными шипами. — Возьмите розы въ руки и бейте его черенками.

И у него въ это время въ глазахъ заблистала злобная радость. Онъ ожидалъ, что сцена эта будетъ очень интересна. Черенки розъ были крѣпки и длинны, а шипы весьма остры. Они глубоко войдутъ въ тѣло, и добрый шутъ конечно будетъ кричать и искажать свое лицо!

— Да, да, онъ долженъ снять верхнее платье, а мы будемъ его бить, сказала герцогиня.

При этихъ словахъ, нѣкоторыя дамы, какъ фуріи, накинулись на бѣднаго Джона Гейвода и заставили его снять верхнее платье, а остальныя бросились къ вазѣ и начали выбирать самые длинные черенки, съ острыми шипами.

Смѣхъ и слова короля одушевляли ихъ еще болѣе. Щоки ихъ горѣли, глаза блистали. Въ эту минуту онѣ походили на безумныхъ вакханокъ.

— Подождите, еще рано его бить! воскликнулъ король.—Прежде вы должны подкрѣпить ваши силы, для того, чтобы ваши руки не дрожали.

Онъ взялъ стоявшій около него огромный золотой кубокъ и подалъ его леди Джанѣ.

— Пейте, миледи, пейте! Отъ этого окрѣпнетъ ваша рука.

За нею и прочія дамы стали пить, и съ улыбкой цаловали то мѣсто, котораго касались губы короля. Отъ этого глаза ихъ еще сильнѣе заблистали, а щоки покрылись еще болѣе яркимъ румянцемъ.

Прекрасное было зрѣлище. Эти гордыя и прекрасныя женщины забыли весь этикетъ и обратились въ страстныхъ вакханокъ, которыя желали только отомстить тому, который неоднократно оскорблялъ ихъ своимъ языкомъ.

— Я желалъ бы, чтобъ здѣсь былъ живописецъ, сказалъ король. — Онъ нарисовалъ бы намъ озлобленныхъ нимфъ Діаны, наказывающихъ своего оскорбителя. Ты ихъ оскорбитель, Джонъ!

— Но онѣ вовсе не нимфы, король! возразилъ, смѣясь, Джонъ Гейводъ: — и между этими прекрасными женщинами и Діаной я не нахожу никакого сходства, а только одно различіе.

— Въ чемъ же, Джонъ?

— Въ томъ, сэръ, что Діана носила рогъ на сторонѣ, а эти женщины заставляютъ своихъ мужей носить ихъ на лбу!

Громкій смѣхъ мужчинъ и злобный крикъ женщинъ былъ отвѣтомъ на эту новую эпиграмму Джона Гейвода.

Послѣ этого всѣ женщины встали въ два ряда, посреди котораго образовался проходъ, по которому долженъ былъ проходить Джонъ Гейводъ.

— Пожалуйте, Джонъ Гейводъ, пожалуйте и примите достойное наказаніе!

Для этого всѣ дамы подняли съ крикомъ колючіе прутья.

Для Джона настала критическая минута, потому что шипы были очень остры, а спину его покрывала только тонкая батистовая рубашка.

Но несмотря на это, онъ твердо подошелъ къ проходу, сквозь который долженъ былъ пройти. Онъ видѣлъ, какъ черенки поднялись, и ему казалось, что въ эту минуту шипы уже вонзились въ его спину.

Онъ остановился на минуту и, смѣясь, обратился къ королю:

— Сэръ! такъ какъ вы принудили меня умереть отъ рукъ этихъ нимфъ, то я, какъ всякій осужденный, требую исполненія моей послѣдней просьбы.

— Хорошо, Джонъ, мы исполнимъ!

— Я требую, чтобъ мнѣ было позволено назначить этимъ бѣшенымъ женщинамъ условіе. Позволите ли вы мнѣ, ваше величество?

— Позволяю!

— И вы даете мнѣ ваше королевское слово, что это условіе будетъ точно исполнено?

— Даю.

— Хорошо, сказалъ Джонъ Гейводъ, входя въ проходъ.—Вотъ, миледи, въ чемъ заключается мое условіе: пусть меня ударитъ первая та, которая имѣла больше всѣхъ любовниковъ или которая украшала своего мужа рогами! (*)

Наступила мертвая тишина. Поднятыя руки прекрасныхъ женщинъ опустились, и изъ нихъ выпали розы. Изъ кровожадныхъ и мстительныхъ, онѣ сдѣлались самыми мирными и снисходительными.

Но если бы ихъ взгляды имѣли смертоносную силу, то онѣ непремѣнно бы умертвили бѣднаго Джона Гейвода, который презрительно улыбался, стоя въ самой срединѣ.

— Ну, что же, миледи, вы не бьете его? спросилъ король.

(*) Flögel, Geschichte der Hofnarren, Seit. 399.

— Нѣтъ, ваше величество, мы его презираемъ настолько, что не можемъ сами его наказывать! сказала герцогиня.

— Слѣдовательно, васъ можетъ обижать врагъ вашъ безнаказанно? спросилъ король. — Нѣтъ, нѣтъ, миледи, не надо, чтобъ кто нибудь могъ сказать, что въ моемъ государствѣ есть человѣкъ, который бы не потерпѣлъ заслуженнаго наказанія! Мы найдемъ для него другое наказаніе! Онъ называетъ себя стихотворцемъ, и нѣсколько разъ хвастался тѣмъ, что можетъ очень скоро что нибудь написать. Ну, Джонъ, докажи же намъ, что ты не лжецъ. Итакъ, Джонъ, я приказываю тебѣ черезъ нѣсколько дней написать намъ что нибудь, именно къ великому придворному празднику; но сочиненіе твое должно забавлять самыхъ серьезныхъ, и чтобъ дамы развеселились до того, чтобы забыть свой гнѣвъ!

— О, печально произнесъ Джонъ: — для этого мое сочиненіе должно быть ужасно двусмысленно, чтобы поддѣлаться подъ вкусъ етихъ дамъ, и чтобы онѣ смѣялись, ваше величество, надо имѣть много притворства.

— Какъ вы жалки! сказала Джана. — Вы дѣйствительно принадлежите къ числу самыхъ пустыхъ шутовъ!

— Графъ Дугласъ! ваша дочь говоритъ съ вами, спокойно возразилъ Джонъ Гейводъ. — Ваша нѣжная дочь уже черезъ-чуръ вамъ льститъ.

— Ну, Джонъ, значитъ, ты понялъ мое приказаніе и исполнишь его? Черезъ четыре дня должно быть торжество, я откладываю его еще на два дня. Значитъ, черезъ шесть дней ты долженъ намъ представить свое сочиненіе. А если онъ этого не исполнитъ, то вы, миледи, будете бить его до крови, безъ всякихъ условій съ его стороны.

Въ эту минуту на дворѣ послышался стукъ многихъ копытъ.

— Королева возвращается! воскликнулъ Джонъ Гейводъ, съ радостнымъ лицомъ, а вслѣдъ затѣмъ, презрительно взглянувъ на леди Джану, сказалъ: — вамъ остается только какъ можно скорѣе сбѣжать съ лѣстницы, потому, какъ вы очень умно замѣтили, что королева еще жива!

И, не дожидаясь отвѣта, Джонъ Гейводъ оставилъ комнаты короля и побѣжалъ по залѣ, спѣша встрѣтить королеву на лѣстницѣ.

Леди Джана злобно посмотрѣла ему въ слѣдъ, и потомъ тихо направилась къ двери, для того, чтобы встрѣтить королеву. Немного погодя, она злобно прошептала, сквозь стиснутые зубы: «шутъ долженъ умереть, потому что онъ другъ королевы!»

III.

ДОВѢРЕННЫЙ.

Въ эту минуту королева входила на большую дворцовую лѣстницу, и увидавъ Джона Гейвода, она поклонилась ему, радостно улыбнувшись.

— Миледи! громко сказалъ онъ: — мнѣ нужно сказать вамъ кое-что по секрету, по приказу его величества.

— Секретъ! повторила королева, остановившись на платформѣ.— Прошу васъ оставить меня на минуту, сказала она, обращаясь къ придворнымъ: — мнѣ нужно выслушать то, что приказалъ король сообщить мнѣ.

Придворный штатъ молча удалился въ залу, а королева осталась наединѣ съ Джономъ.

— Ну, Джонъ!

— Миледи, прошу васъ, обратите вниманіе на мои слова и не забудьте ихъ. Противъ васъ составилась оппозиція, и она должна созрѣть въ день придворнаго торжества. Поэтому обращайте вниманіе на каждое произносимое вами слово и даже на каждое чувство! Остерегайтесь каждаго опаснаго шага, потому что вы можете быть увѣрены, что позади васъ постоянно стоитъ шпіонъ! А если вамъ для чего нибудь понадобится довѣренное лицо, то не довѣряйтесь никому, кромѣ меня. Повторяю, вамъ грозитъ большая опасность, и только умомъ и осторожностью можно ее отстранить.

На этотъ разъ королева не засмѣялась надъ предостереженіями своего друга. Она была серьёзна, даже задрожала.

Она потеряла свою гордую самоувѣренность; она была теперь небезгрѣшна, ей нужно было въ тайнѣ сохранять ужасную вещь. Она боялась за ея открытіе, и дрожала изъ боязни не только за себя, но и за того, кого она любила.

— А въ чемъ же этотъ заговоръ? боязливо спросила она.

— Навѣрное незнаю, но знаю, что онъ есть! Я узнаю, и буду постоянно слѣдить за вашими непріятелями.

— А что, они воздвигаютъ грозу только на одну меня?

— Нѣтъ, и на вашего друга!

Катерина вздрогнула.

— Какого друга, Джонъ?

— Архіепископа Крамера!

— Архіепископа! повторила она, переводя духъ:—Джонъ, больше ничего нѣтъ? Значитъ, меня и его преслѣдуетъ ихъ вражда?

— Только васъ двоихъ! печально сказалъ Джонъ Гейводъ, потому что онъ очень хорошо понялъ вздохъ королевы и зналъ, что она боялась за другаго.—Вспомните, миледи, что погибель Крамера повлечетъ за собою и вашу, и что какъ вы защищаете архіепископа, точно также и онъ защищаетъ предъ королемъ и васъ, и вашихъ друзей!

— Катерина снова вздрогнула, и румянецъ исчезъ съ ея лица.

— Я постоянно буду это помнить, и навсегда останусь вашимъ и его другомъ, потому что вы оба единственные мои друзья. Не такъ ли?

— Нѣтъ, ваше величество, я напомню вамъ еще и о третьемъ, о Томасѣ Сеймурѣ.

— Ахъ, онъ! воскликнула она, и улыбка показалась на ея губахъ. Потомъ она вдругъ произнесла тихо и поспѣшно : вы сказали, чтобы я здѣсь никому ничего не довѣряла, кромѣ васъ; хорошо, я докажу вамъ, что довѣряю вамъ. Ожидайте меня сегодня, въ двѣнадцатомъ часу, въ зимнемъ саду. Вы будете моимъ спутникомъ въ опасномъ странствованіи. Достанетъ ли у васъ на это мужества?

— Достанетъ на то, чтобъ умереть за васъ, королева!

— Ну, такъ приходите; но возьмите съ собою и ваше оружіе.

— Больше никакихъ не будетъ приказаній на нынѣшній день?

— Все, Джонъ! Только, прибавила она, краснѣя и запинаясь: — можешь еще, если встрѣтишь графа Сеймура, сказать ему, что я поручила тебѣ передать ему мой поклонъ.

— О! со вздохомъ возразилъ Джонъ Гейводъ.

— Онъ сегодня былъ спасителемъ моей жизни, Джонъ, сказала она, желая оправдать себя. — Слѣдовательно, я должна быть ему за это благодарна.

И улыбнувшись, она кивнула ему головою и отправилась дальше.

— Вотъ еще говорятъ, что случай негадкая вещь! прошепталъ Джонъ Гейводъ.—Именно то, что не должно было случиться, и случилось. Онъ спасъ ей жизнь, теперь она ему обязана. Но кто можетъ знать, можетъ быть въ одинъ прекрасный день, этотъ случай будетъ причиною того, что королева лишится жизни.

Онъ печально опустилъ голову, какъ вдругъ услыхалъ позади себя чей-то голосъ, тихо произнесшій его имя. Когда онъ обернулся, онъ увидалъ позади себя принцессу Елизавету, которая быстро приближалась къ нему.

Въ эту минуту она была прекрасна. Глаза ея горѣли, щоки были покрыты яркимъ румянцемъ, а на ея прекрасныхъ пурпуровыхъ губкахъ виднѣлась улыбка счастія. Сообразно съ модой того времени, станъ ея одѣвало закрытое, узкое платье, изъ-подъ котораго

видна была вся его прелесть. Голову ея покрывали локоны и черная бархатная шапочка, украшенная бѣлымъ страусовымъ перомъ.

Несмотря на то, что она много страдала и что Генрихъ, считая ее незаконнорожденной, устранилъ ее отъ престолонаслѣдія, осанка ея была истинно королевская.

Стоя теперь предъ Джономъ Гейводомъ, она не была гордою принцессою, а скорѣе трусливой женщиной, которая рѣшается ввѣрить свою тайну постороннему лицу.

— Джонъ Гейводъ, сказала она: — вы часто говорили мнѣ, что любите меня, и я знаю, что моя бѣдная и несчастная мать довѣряла вамъ все и призывала васъ, какъ свидѣтеля ея невинности. Но вы не могли тогда спасти матери; не хотите ли теперь услужить дочери Анны Боленъ и быть ея вѣрнымъ другомъ?

— Хочу, торжественно произнесъ Джонъ Гейводъ: — и клянусь вамъ Богомъ, что вы никогда не найдете во мнѣ измѣнника.

— Вѣрю вамъ, Джонъ; я знаю, что могу вамъ довѣрить все. Слушайте, я сообщу вамъ свой секретъ, котораго никто не знаетъ, кромѣ Бога, и если его узнаютъ, то за это я должна буду умереть на эшафотѣ. Поклянетесь ли вы мнѣ, ни слова никому не говорить, ни подъ какимъ предлогомъ; поклянетесь ли вы мнѣ, что даже на смертномъ одрѣ, на исповѣди, вы не выдадите моего секрета?

— Ну, что до этого касается, принцесса, то вы можете быть совершенно покойны, возразилъ, смѣясь, Джонъ.—Я никогда не исповѣдуюсь, а что касается до моего смертнаго одра, то при набожномъ и благословенномъ правленіи Генриха VIII, никакъ нельзя знать, умрешь ли на постели, или получишь скорую и болѣе удобную смерть, отъ руки палача.

— О, будьте осторожны, Джонъ, прошу васъ. Скиньте эту шутовскую маску, подъ которой вы скрываете ваше доброе и серьёзное лицо; оно должно быть для меня открыто. Будьте серьёзны, Джонъ, и поклянитесь, что вы сохраните въ тайнѣ мой секретъ.

— Клянусь вамъ, принцесса, прахомъ вашей матери, что не выдамъ ни одного вашего слова.

— Благодарю васъ, Джонъ. Наклонитесь ко мнѣ ближе, для того, чтобы и самый воздухъ не могъ уловить ни одного моего слова и не разнесъ бы его далѣе. Джонъ, я люблю! (Она замѣтила, что Джонъ улыбнулся.) Ахъ, продолжала она:—вы мнѣ не вѣрите. Вы вспомнили, что мнѣ четырнадцать лѣтъ, и вы не допускаете, чтобы ребенку были извѣстны чувства дѣвушки. Но вспомните, Джонъ, что въ эти лѣта тѣ дѣвушки, которыя родились подъ полуденнымъ солнцемъ, бываютъ женщинами и даже матерями, тогда какъ въ другихъ странахъ ихъ ровесницы считаются еще дѣтьми. Я родилась подъ паля-

щими лучами солнца; сердцу моему сдѣлались знакомы другія чувства не отъ счастія, а отъ страданій и несчастія. Повѣрьте мнѣ, Джонъ, я люблю! Неизъяснимый огонь протекаетъ по моимъ жиламъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ мнѣ боль и счастіе. Король похитилъ у меня блестящую и славную будущность; по крайней мѣрѣ пусть мнѣ дадутъ наслаждаться счастливой жизнію. Такъ какъ я никогда не должна быть королевой, то я хочу быть счастливой и любимой женщиной.

— О, вы ошибаетесь! печально произнесъ Джонъ Гейводъ.—Вы выбираете одно, потому-что лишены другаго. Вы хотите любить, потому что не можете господствовать, и такъ какъ сердце ваше жаждетъ славы и почестей, то вы хотите утолить эту жажду другимъ напиткомъ, а именно любовью, которая, какъ опіумъ, должна усыпить ваши страданія и муки. Повѣрьте мнѣ, принцесса, вы еще не знаете себя! Вы не рождены для того, чтобы быть любящей супругой, и ваше чело слишкомъ гордо и высоко для того, чтобы носить только миртовый вѣнокъ. Поэтому обдумайте хорошенько, принцесса, что вы дѣлаете! Пусть кровь, которая течетъ въ вашихъ жилахъ, не будетъ такъ горяча, какъ кровь вашего отца. Поэтому прежде обдумайте хорошенько, а потомъ уже начинайте дѣйствовать. Нога ваша еще на ступеняхъ трона. Не отнимайте ее добровольно! Берегите свое мѣсто и, сдѣлавъ еще шагъ, вы станете на одну ступень выше. Не отказывайтесь отъ вашихъ правъ, но терпѣливо ожидайте дня справедливости. Не отказывайтесь добровольно отъ ожидающей васъ блестящей будущности. Принцесса Елизавета еще можетъ когда нибудь быть королевой, но только тогда, когда она не перемѣнитъ своего имени.

— Джонъ Гейводъ, сказала она, горько улыбнувшись: — я уже сказала вамъ, что я люблю.

— Ну, такъ продолжайте же любить того, кого вы любите, но дѣлайте это тайно и не говорите ему объ этомъ, а будьте терпѣливы.

— Джонъ, онъ знаетъ объ этомъ!

— Ахъ, бѣдная принцесса, вы похожи на ребенка, который хватаетъ руками огонь, и обжигаетъ ихъ, не зная, что огонь жжетъ.

— Пусть онъ жжетъ, Джонъ, пусть голову мою обхватитъ пламя. Лучше истлѣть въ огнѣ, нежели умереть отъ медленнаго холода. Повторяю вамъ, я его люблю, и онъ знаетъ объ этомъ.

— Ну такъ любите его; по крайней мѣрѣ не выходите за него замужъ, серьёзно проговорилъ Джонъ Гейводъ.

— Выдти замужъ! съ удивленіемъ повторила она. — Боже мой, объ этомъ я никогда и не думала.

Она опустила голову и замолчала.

«Я надѣлалъ глупостей», прошепталъ Джонъ Гейводъ.—«Я вложилъ ей новыя чувства. Король Генрихъ очень хорошо сдѣлалъ, что назвалъ меня своимъ шутомъ. Правда, что когда мы хотимъ быть умнѣйшими, то бываемъ всегда пустыми шутами.»

— Джонъ, произнесла Елизавета, поднимая голову и пристально смотря ему въ глаза: — Джонъ, вы совершенно справедливы, когда мы кого любимъ, то надо выходить замужъ.

— Я сказалъ совершенно противоположное, принцесса!

— Хорошо! произнесла она. — Все это въ будущемъ; лучше поговоримъ теперь о настоящемъ. Я обѣщала моему возлюбленному свиданіе.

— Свиданіе? съ удивленіемъ повторилъ Джонъ. — Вѣрно вы не будете столь безразсудны, чтобы исполнить ваше обѣщаніе.

— Джонъ Гейводъ, медленно проговорила она: — дочь Генриха никогда не даетъ обѣщанія, не имѣя въ виду его исполнить. Хорошо или худо, и хотя бы послѣ исполненія даннаго слова, мнѣ угрожало самое ужасное несчастіе, я все-таки его исполню.

Джонъ Гейводъ не смѣлъ далѣе противорѣчить. Послѣднія слова были произнесены съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ.

— Я обѣщала свиданіе, потому что онъ этого хотѣлъ, сказала Елизавета: — я тебѣ сообщаю это, Джонъ, потому что сердце мое избрало тебя въ посредники. Но повторяю тебѣ, не вздумай меня отговаривать, это ни къ чему не поведетъ. Если ты не хочешь мнѣ помогать, то скажи, и я выберу себѣ другаго повѣреннаго, который будетъ мнѣ помогать.

— Но который можетъ быть пойдетъ и выдастъ васъ, принцесса. Нѣтъ, нѣтъ, если вы выбрали меня, то я буду вашимъ довѣреннымъ лицомъ. Скажите мнѣ, что я долженъ дѣлать, и я во всемъ безпрекословно буду вамъ повиноваться.

— Тебѣ извѣстно, Джонъ, что мои комнаты на томъ концѣ, который выходитъ къ саду. Въ моей уборной, позади картины, я нашла потаенную дверь, ведущую въ темный и уединенный корридоръ. По этому корридору можно достигнуть противоположной башни. Она необитаема. Никто никогда не посѣщаетъ эту часть дворца, и несмотря на то, что она отдѣлана съ истинно королевскою роскошью, тамъ царствуетъ постоянная тишина. Тамъ я хочу его принять.

— Но какъ онъ туда проберется?

— Не безпокойтесь объ этомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней я думала объ этомъ, откладывая безпрестанно свиданіе, котораго онъ выпрашивалъ. Въ продолженіе этого времени я все приготовляла къ его пріему. Сегодня наконецъ я рѣшилась исполнить его желаніе. Я видѣла, что онъ не рѣшался просить сегодня. Слу-

шайте же: изъ башни этой ведетъ витая лѣстница къ маленькой двери, изъ которой можно выдти въ садъ. У меня есть ключъ отъ этой двери. Вотъ онъ. Получивъ этотъ ключъ, онъ вечеромъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, долженъ отправиться въ садъ. При помощи этого ключа онъ отворитъ дверь, взойдетъ по лѣстницѣ и войдетъ въ большую комнату башни,—тамъ я буду его ожидать. Комната эта лежитъ какъ разъ при самомъ выходѣ на лѣстницу. Вотъ возьмите ключъ, и передайте его ему; но не забудьте ему повторить все то, что я вамъ говорила.

— Хорошо, принцесса! Теперь остается только назначить часъ, въ который вамъ угодно будетъ его принять.

— Часъ, сказала она, отворачивая свое покраснѣвшее лицо. — Вы понимаете, Джонъ, что я не могу его принять днемъ, потому что у меня нѣтъ ни минуты свободной.

— Слѣдовательно вы его примете ночью! печально произнесъ Гейводъ. — Въ которомъ часу?

— Въ полночь! Теперь вамъ все извѣстно и я прошу васъ, Джонъ, поторопиться передать ему мое приказаніе. Посмотрите, солнце садится и скоро настанетъ ночь.

Она ласково кивнула ему головою и обернулась, чтобы идти.

— Принцесса, вы забыли самое главное. Вы мнѣ еще не сказали его имени.

— Боже мой, и вы не можете угадать! Джонъ Гейводъ, который обладаетъ такимъ проницательнымъ взглядомъ, не видитъ того, кто былъ достоинъ любви королевской дочери!

— Но какъ его зовутъ?

— Томасъ Сеймуръ! прошептала Елизавета, и поспѣшно обернувшись, отправилась въ залу.

— Гм! Томасъ Сеймуръ! произнесъ Джонъ Гейводъ. Онъ такъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что стоя на од номъ мѣстѣ, толь ко повторялъ: «Томасъ Сеймуръ, Томасъ Сеймуръ! Онъ долженъ быть волшебникъ, что прельстилъ всѣхъ своею прекрасною личностью. Томасъ Сеймуръ! Его любитъ королева, любитъ принцесса Елизавета, а герцогиня Ричмондская даже хочетъ, во что бы то ни стало, быть его женою. Изъ этого ясно, что онъ морочитъ первыхъ двухъ, потому что обѣимъ признался въ любви. Въ этомъ случаѣ мнѣ нужно дѣйствовать очень осторожно. Пусть-ка онъ лучше сдѣлается супругомъ принцессы; можетъ быть это будетъ вѣрнымъ средствомъ освободить королеву отъ его любви.»

Онъ замолчалъ и съ чувствомъ взглянулъ на небо.

— Да, пусть будетъ такъ, продолжалъ онъ: — я убью одну любовь другою. Королевѣ опасно его любить. Слѣдовательно надо по-

вести дѣло такъ, чтобы она его возненавидѣла. Я попрежнему останусь ея довѣреннымъ. Буду брать ея письма и выслушивать приказанія; письма буду жечь, а приказанія оставлять безъ передачи. Я не могу ей сообщить, что невѣрный Томасъ Сеймуръ ей измѣнилъ, потому что я поклялся принцессѣ не сообщать никому ея тайны; я сдержу свое слово, и долженъ его сдержать. Мечтай же, королева, о любви,—я разсѣю это облако. Можетъ быть это огорчитъ твое сердце, но благородная и прекрасная головка твоя не должна за это поплатиться; она...

— Ну, что вы смотрите на небо, какъ будто ищете тамъ новой эпиграммы, которою хотите разсмѣшить короля, а нѣкоторыхъ заставить на васъ разсердиться? спрашивалъ его чей-то голосъ, и въ это время чья-то тяжелая рука оперлась на его плечи.

Джонъ Гейводъ, не перемѣняя своего положенія, продолжалъ смотрѣть на небо.

Онъ узналъ голосъ, который произнесъ эти слова; онъ зналъ, что сзади его стоялъ колдунъ, котораго въ глубинѣ своего сердца онъ только-что проклиналъ. Это былъ Томасъ Сеймуръ.

— Скажите, Джонъ, въ самомъ дѣлѣ вы не ожидаете ли какой нибудь эпиграммы съ неба?

— Нѣтъ, милордъ, я вижу въ облакахъ ястреба. Я видѣлъ, какъ онъ поднялся,—и подумайте графъ, какое чудо: въ каждой его лапѣ было по голубю. Два голубя у одного ястреба! Мнѣ кажется, что это слишкомъ много, и противно и природѣ и закону?

Графъ взглянулъ на него проницательнымъ и недовѣрчивымъ взглядомъ. Но Джонъ Гейводъ остался совершенно спокоенъ и попрежнему смотрѣлъ на небо.

— Какъ глупа эта птица, продолжалъ онъ. — Такъ какъ у него въ каждой лапѣ по голубю, то ему неудастся съѣсть ни одного, потому что у него нѣтъ свободной лапы, которой бы онъ могъ ихъ разорвать. Ежели онъ захочетъ съѣсть одного, то другой улетитъ. Если онъ погонится за нимъ, то и другаго лишится, и такимъ образомъ у него не останется ничего, потому что онъ былъ слишкомъ жаденъ и взялъ больше, чѣмъ ему нужно.

— На этого-то ястреба вы и смотрите? Но можетъ быть вы ошибаетесь, и тотъ, кого вы ищете, вовсе не наверху, а здѣсь внизу и, можетъ, быть очень близко къ вамъ! произнесъ Томасъ Сеймуръ.

Но Джонъ Гейводъ не хотѣлъ ему дать замѣтить, что онъ его понялъ.

— Ошибаетесь, перебилъ онъ: — онъ еще летаетъ; впрочемъ это продолжится недолго. потому что я видѣлъ уже хозяина голу-

бей, у котораго ястребъ ихъ укралъ. Онъ взялъ ружье, и вѣроятно застрѣлитъ его за то, что онъ похитилъ у него двухъ любимыхъ голубокъ!

— Довольно! довольно! съ нетерпѣніемъ воскликнулъ графъ. — Вы хотите прочесть мнѣ мораль; но объявляю вамъ, я не принимаю совѣта отъ шутовъ, хотя бы онъ былъ и самый мудрый.

— Вы совершенно правы, милордъ; позвольте-же мнѣ вручить вамъ ключъ, выкованный вами самими; въ немъ заключается ваше счастіе. Возьмите ключъ. Сегодня въ полночь отправляйтесь въ садъ, потомъ отворите дверь, войдите по лѣстницѣ въ большую комнату и тамъ вы найдете ваше счастіе, которое приметъ васъ съ отверстыми объятіями. Желаю вамъ успѣха; а я тороплюсь теперь домой, чтобы обдумать заказанное мнѣ королемъ сочиненіе.

— Но вы мнѣ не сказали, кто приказываетъ мнѣ придти туда? сказалъ графъ, останавливая его.— Вы приглашаете меня на свиданіе и вручаете мнѣ ключъ, а я не знаю, кто ожидаетъ меня въ этой башнѣ.

— О, неужели вы не знаете? Слѣдовательно, васъ не одна, а нѣсколько могутъ тамъ ожидать? Ну, это самая молоденькая и маленькая изъ голубокъ.

— Принцесса Елизавета?

— Вы ее назвали, а не я! сказалъ Джонъ Гейводъ, освобождая свою руку отъ графа и направляясь домой.

Графъ глазами проводилъ Джона Гейвода, потомъ пристально посмотрѣлъ ва ключъ, полученный имъ отъ него.

— Значитъ, принцесса ожидаетъ меня, тихо прошепталъ онъ.— Еслибы кто нибудь могъ по звѣздамъ прочесть, въ какую сторону упадетъ корона, когда она спадетъ съ головы Генриха! Я люблю Катерину, но еще больше отданъ честолюбію, и если оно этого требуетъ, то сердце свое я долженъ принести ему въ жертву!

IV.

ИГОЛКА ГАММЕРЪ ГУРТОНЪ.

Тихо шелъ домой Джонъ Гейводъ, занятый различными мыслями. Квартира его была на внутреннемъ дворѣ, въ большомъ флигелѣ, примыкавшемъ ко дворцу; въ немъ жили всѣ высшіе чины королевскаго двора. Шутъ былъ тогда важное лицо при дворѣ, поэтому онъ и жилъ въ одномъ флигелѣ съ каммергерами. Онъ шелъ, задумавшись, по этому двору, какъ вдругъ услыхалъ что кто-то бранится, и вслѣдъ за этимъ послышалась пощечина!

Это обстоятельство вывело Джона Гейвода изъ задумчивости. Онъ остановился и началъ прислушиваться.

Его серьёзное лицо приняло теперь обычное веселое выраженіе и глаза заблистали.

— Это моя экономка опять бранится съ моимъ несчастнымъ слугою, смѣясь, замѣтилъ Джонъ Гейводъ.—Вчера я былъ свидѣтелемъ, какъ она наградила его поцалуемъ; но отъ этого поцалуя онъ сдѣлалъ такое плачевное лицо, какъ будто бы его ужалила пчела. А сегодня слышу, какъ она даетъ ему пощечину. Можетъ быть онъ теперь смѣется, потому что онъ принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ людей. Надо посмотрѣть, что за сцены происходятъ сегодня.

Онъ тихо взошелъ на лѣстницу, и отворивъ дверь своей комнаты, вошелъ въ нее, осторожно притворивъ за собою. Гаммеръ Гуртонъ, находившаяся въ смежной комнатѣ, ничего не слыхала и не видала. Впрочемъ, еслибъ въ эту минуту обрушился самый потолокъ, то и тогда она едва ли бы что замѣтила, потому что все ея вниманіе было устремлено на высокаго мужчину, стоявшаго противъ нея и пристально смотрѣвшаго ей въ лицо своими оловянными глазами. Она вся была поглощена разговоромъ; языкъ ея вращался такъ же скоро, какъ мельничное колесо.

Поэтому понятно, что она не слыхала, какъ въ комнату вошелъ ея господинъ и тихо приблизился къ двери, отдѣлявшей его комнату отъ ея.

— Какъ! кричала она: — ты хочешь меня увѣрить, что кошка уронила мою иголку. Какъ будто моя иголка могла привлечь ея вниманіе! Ахъ ты безсмысленный шутъ!

— Вы называете меня шутомъ, возразилъ Годжъ, причемъ ротъ его открылся до самыхъ ушей: — вы называете меня шутомъ: это для меня большая честь, потому что изъ этого слѣдуетъ, что я достойный слуга моего господина.

— Ахъ ты негодяй! закричала Гаммеръ Гуртонъ и, поднявъ руку, подскочила къ Годжу.

Но достойный слуга Джона Гейвода предчувствовалъ эту выходку, и залѣзъ подъ большой столъ, стоявшій посрединѣ комнаты. Когда же она подошла къ нему, чтобъ его вытащить оттуда, онъ укусилъ ее за ногу. Она вскрикнула и тяжело опустилась въ кресло, стоявшее около окошка, у ея рабочаго столика.

— Ты просто чудовище, Годжъ! съ трудомъ произнесла она. — Безчувственное, страшное чудовище! Ты укралъ мою иголку, ты одинъ. Ты очень хорошо зналъ, что эта иголка была у меня послѣдняя, и что если я ее потеряю, то должна буду идти въ лавку поку-

пать новую. А тебѣ только этого и надо, ты только этого и желаешь, чтобы я вышла. Тебѣ хочется поболтать съ Тибъ.

— Тибъ? Что такое Тибъ? спросилъ Годжъ, вытягивая изъ подъ стола свою длинную шею и съ удивленіемъ смотря на Гаммеръ-Гуртонъ.

— Онъ еще осмѣливается меня спрашивать, кто такая Тибъ? гнѣвно воскликнула она. — Хорошо, я тебѣ скажу. Тибъ—кухарка смотрителя дворца. Она маленькое, кокетливое существо, которая вздумала отбить у меня такое же маленькое существо. Я бы тебя и не замѣчала, но привыкла къ тебѣ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ.

— Какъ, вы называете меня ничтожнымъ существомъ? воскликнулъ Годжъ, выползая изъ подъ стола и помѣщаясь около ея кресла. — Если я по вашему ничтожное существо, то въ свою очередь я не хочу васъ знать. Ищите себѣ другаго. Моимъ сердцемъ будетъ теперь владѣть Тибъ. Да, я ее знаю! Это—милое, веселое, четырнадцатилѣтнее дитя; станъ ея такъ гибокъ и тонокъ, что кажется подобный можно сдѣлать изъ одного вашего пальца. Да, я знаю Тибъ, она никогда не будетъ такъ жестокосерда, чтобы ругать мужчину, котораго она любитъ, и никогда не унизитъ себя до того, чтобы сватать мужчину, котораго она совсѣмъ не любитъ. Да, я сейчасъ пойду къ Тибъ, и спрошу ее, хочетъ ли она за меня выдти замужъ. Хоть я теперь и тонокъ, но вѣроятно потолстѣю, когда я буду ѣсть не такую мерзкую и отвратительную пищу, которой меня угощаетъ Гаммеръ Гуртонъ. У меня теперь хоть и гноятся глаза, но эта болѣзнь сейчасъ же пройдетъ, какъ только я не буду видѣть Гаммеръ Гуртонъ, которая дѣйствуетъ на мои глаза какъ лукъ и заставляетъ ихъ быть постоянно красными и слезливыми. Прощайте, я иду къ Тибъ.

Но Гаммеръ Гуртонъ вскочила съ кресла и схватила его за полу платья.

— Посмѣй только идти къ Тибъ! Попробуй перешагнуть этотъ порогъ, и ты увидишь, что добрая и терпѣливая Гаммеръ Гуртонъ, если у ней захотятъ отнять ея священную и дражайшую принадлежность, мужа, обратится въ львицу. Ты вѣдь мой мужъ, потому что далъ слово на мнѣ жениться.

— Но я тебѣ не сказалъ, когда и гдѣ, и поэтому ты можешь ждать до скончанія вѣка; я хочу быть твоимъ мужемъ на небѣ.

— Какая отвратительная ложь! воскликнула Гаммеръ Гуртонъ.— Отвратительная ложь, повторяю я! Развѣ ты не просилъ меня, чтобы я сдѣлала завѣщаніе и сдѣлала бы наслѣдникомъ всего моего имѣнія, мужа, то есть тебя? Развѣ ты не просилъ, чтобы я предо-

ставила тебѣ все, что нажила въ продолженіе моей трудолюбивой и добродѣтельной жизни?

— Но ты этого не сдѣлала,—не написала завѣщанія, измѣнила своему слову, поэтому и я измѣняю своему.

— Да, я сдѣлала завѣщаніе. Сегодня я хотѣла идти съ тобою къ мирному судьѣ, для того, чтобы подписать, а завтра мы бы обвѣнчались.

— Ты сдѣлала завѣщаніе, мое милое созданіе? нѣжно произнесъ Годжъ, стараясь своими длинными руками обнять гигантскій станъ своей возлюбленной. — Ты написала завѣщаніе и назвала меня своимъ наслѣдникомъ? Пойдемъ же къ мировому судьѣ!

— Да развѣ ты не видишь, также нѣжно сказала она: — что раздавишь мнѣ ожерелье, если будешь такъ обнимать меня? Выпусти же меня, и пособи мнѣ скорѣе найти иголку, потому что безъ иголки намъ нельзя идти къ судьѣ.

— Какъ, безъ иголки къ судьѣ?

— Посмотри, на чепчикѣ у меня дыра; ее продрала мнѣ кошка, когда я его достала изъ ящика и положила на столъ. Съ такой дырой, на чепцѣ, я не могу придти къ мировому судьѣ. Ищи же, ищи, Годжъ, я зашью, и мы отправимся къ мировому судьѣ!

— Боже, куда же дѣвалась эта несчастная иголка? Я долженъ ее искать и найдти для того, чтобы Гаммеръ Гуртонъ могла отнести свое завѣщаніе къ мировому судьѣ.

И онъ сталъ искать ее по всему полу; а Гаммеръ Гуртонъ, надѣвъ на свой красный носъ очки, шарила по столу. Она такъ была занята отыскиваніемъ иголки, что даже на нѣкоторое время замолчала, и поэтому въ комнатѣ настала совершенная тишина.

Но эта тишина прервана была голосомъ, который раздался со двора. Это былъ тонкій, нѣжный голосъ, произносившій: «Годжъ, милый Годжъ, ты тутъ? Приди на минуту ко мнѣ на дворъ! Мнѣ хочется посмѣяться вмѣстѣ съ тобою!»

Голосъ этотъ какъ электрическая искра, поразилъ одновременно Гаммеръ и Годжа.

Оба они вздрогнули, перестали искать и остались неподвижны.

Въ особенности Годжъ, бѣдный Годжъ, его какъ будто поразило молніей. Его безцвѣтные глаза, казалось, хотѣли выскочить, длинныя руки опустились, а колѣни задрожали, въ ожиданіи страшной бури. Эта буря не заставила себя долго ждать.

— Это Тибъ! воскликнула Гаммеръ Гуртонъ, кидаясь на Годжа, какъ львица, и хватая его руками за плечи.— Это Тибъ, — ахъ ты проклятый вѣтренникъ! Развѣ я не справедливо назвала тебя невѣрнымъ, ничтожнымъ существомъ, которое не щадитъ невинности и

ломаетъ женскія сердца, какъ сухари, которые онъ назначаетъ на съѣденіе.

— Годжъ, мой милый Годжъ! послышался тотъ же голосъ; но на этотъ разъ онъ былъ громче и еще нѣжнѣе: — Годжъ, приди же ко мнѣ, ты мнѣ обѣщался,—приди и получи поцалуй, который ты выпросилъ у меня сегодня утромъ!

— Будь я проклятъ, если я ее просилъ; не понимаю я, что она говоритъ, произнесъ Годжъ, дрожа и блѣднѣя.

— А, ты не понимаешь того, что она говоритъ? воскликнула Гаммеръ Гуртонъ.— Ну, а я понимаю. Я все понимаю, и знаю, что должна отъ тебя отказаться. Я понимаю, что не пойду и не сдѣлаю завѣщанія; я не хочу, чтобы ты былъ моимъ мужемъ. Я не пойду къ мировому судьѣ, и изорву свое завѣщаніе!

— Она хочетъ изорвать свое завѣщаніе! воскликнулъ Годжъ. — Значитъ, я напрасно мучилъ себя, напрасно ласкалъ себя надеждою —быть любимымъ этимъ отвратительнымъ существомъ. Она не хочетъ дѣлать завѣщанія, и Годжъ останется такимъ же несчастнымъ человѣкомъ, какимъ былъ всегда.

Гаммеръ Гуртонъ насмѣшливо улыбнулась.

— Теперь ты понимаешь, что ты за негодяй, и какъ я великодушно поступаю, выбирая тебя въ мужья!

— Да, да, понимаю, плаксиво произнесъ Годжъ. — Прошу васъ, возьмите меня, и сдѣлайте ваше завѣщаніе!

— Нѣтъ, нѣтъ—я тебя не возьму и не сдѣлаю завѣща! Я тебѣнія сказала, что уже прошло то время, и теперь ты можешь, когда хочешь, ходить къ Тибъ, которая сейчасъ такъ нѣжно тебя звала. Но теперь отдай мнѣ мою иголку. Отдай иголку, которую ты у меня укралъ! теперь она тебѣ не нужна, потому что я не должна уходить для того, чтобы ты могъ идти къ Тибъ. Мы не имѣемъ больше ничего общаго; ты можешь идти куда тебѣ угодно. Отдай мнѣ мою иголку, а то я съ тобой расправлюсь, и...

И она подняла надъ его головою руку, отъ которой обыкновенно Годжъ прятался или подъ кровать, или подъ столъ.

На этотъ разъ Гаммеръ ошиблась. Годжъ увидѣлъ, что все потеряно, его терпѣніе лопнуло, и страхъ его обратился въ ярость. Ягненокъ сдѣлался тигромъ. Годжъ съ яростью накинулся на Гаммеръ Гуртонъ и, оттолкнувъ всторону поднятую ея руку, ударилъ ее по щекѣ.

Сигналъ былъ данъ, и битва началась. Она была ведена съ обѣихъ сторонъ съ одинаковымъ ожесточеніемъ, съ тою только разницею, что рука Годжа постоянно падала въ какую нибудь часть лица

противника, а Гаммеръ Гуртонъ рѣдко удавалось это, потому что Годжъ въ одно время и парировалъ, и наносилъ ей удары.

— Остановитесь, дураки! послышался чей-то голосъ: — развѣ вы не видите своего господина? Перестаньте, перестаньте! не деритесь, а любите другъ-друга.

— Это нашъ хозяинъ! воскликнула испуганнымъ голосомъ Гаммеръ Гуртонъ, опуская поднятую руку.

— Не прогоняйте меня! со вздохомъ сказалъ Годжъ:—за то, что я разъ побилъ эту старую вѣдьму. Она давно заслуживала этого, и самъ ангелъ потеряетъ съ ней всякое терпѣніе.

— Прогонять тебя? За что прогонять! Я съ тобою никогда не разстанусь! произнесъ Джонъ Гейводъ, вытирая глаза, на которыхъ отъ смѣха показались слезы.—Ты, Годжъ для меня драгоцѣненъ, ты не подозрѣвая, далъ мнѣ отличный предметъ для сочиненія, которое король велѣлъ мнѣ представить черезъ шесть дней. За это я вамъ обоимъ очень благодаренъ, и вотъ что вамъ скажу. Волка не всегда можно узнать по шерсти, потому что онъ иногда надѣваетъ овечью кожу. Точно также не всегда можно узнать и человѣка по его голосу, потому что онъ иногда его измѣняетъ. Такъ, напримѣръ, я знаю Джона Гейвода, который въ состояніи подражать голосу маленькой Тибъ и точно также нѣжно, какъ и она, можетъ сказать: «Годжъ, мой милый Годжъ!»

И онъ проговорилъ это совершенно похоже на раньше слышанный голосъ.

— Такъ это вы были Тибъ, которая была тамъ на дворѣ и за которую мы подрались? спросилъ Годжъ, съ радостной улыбкой.

— Да, это я былъ Тибъ. Мнѣ очень было интересно разыграть ея роль въ минуту вашего счастія. Сдѣлалъ я это, кажется, очень удачно, — не такъ ли, Годжъ? Увѣрьтесь, моя достойная и добродѣтельная госпожа Гаммеръ Гуртонъ, что не Тибъ вызывала прекраснаго Годжа. Я видѣлъ самъ, какъ она выходила изъ воротъ, еще до начала вашей ссоры.

— Это не Тибъ! воскликнула совершенно растроганная Гаммеръ Гуртонъ: — это не Тибъ, ея даже нѣтъ дома; значитъ, Годжъ не могъ сходить къ ней въ то время, пока я бы пошла въ лавку за иголкой. О Годжъ, Годжъ! простишь ли ты мнѣ это, забудешь ли ты мои слова, которыя я сказала въ минуту моего гнѣва и будешь ли ты снова меня любить?

— Постараюсь, сказалъ Годжъ: — и вѣроятно мнѣ удастся, потому что я увѣренъ, вы сегодня же пойдете къ мировому судьѣ и напишете завѣщаніе.

— Я сдѣлаю завѣщаніе, и завтра мы отправимся къ священнику; не такъ ли, мой ангелъ?

— Завтра отправимся къ священнику, нехотя проговорилъ Годжъ. При этомъ онъ почесалъ за ухомъ, сдѣлавъ ужасную гримасу.

— Теперь поди сюда, мой другъ, и поцалуемся въ знакъ примиренія.

Она раскрыла руки; а такъ какъ Годжъ не подходилъ къ ней, а оставался на прежнемъ мѣстѣ, то она подошла къ нему сама, заключила его въ свои объятья и крѣпко прижала къ сердцу.

Но вдругъ она вскрикнула и выпустила Годжа изъ объятій. Она почувствовала, какъ что-то укололо ее въ грудь.

Это была потерянная иголка, и слѣдовательно Годжъ былъ совершенно невиненъ и правъ.

— О Годжъ, добрый Годжъ, невинная голубка! простишь ли ты меня?

— Отправитесь къ мировому судьѣ, Гаммеръ Гуртонъ; тогда я васъ прощу.

Они нѣжно обнялись, совершенно позабывъ о присутствіи своего господина, который, все еще улыбаясь и кивая имъ головою, стоялъ тутъ.

— Я нашелъ отличную тэму для моего сочиненія, сказалъ Джонъ Гейводъ, оставляя влюбленную чету и удаляясь въ свою комнату.— Гаммеръ Гуртонъ спасла меня и король будетъ лишенъ удовольствія видѣть, какъ меня будутъ бить добродѣтельныя дамы его двора. Къ дѣлу, сейчасъ же къ дѣлу!

Онъ сѣлъ къ письменному столу и взялъ перо и бумагу.

— Но какъ же? вдругъ спросилъ онъ себя. — Это безъ всякаго сомнѣнія драгоцѣнная вещь для тэмы, но кого мнѣ сдѣлать дѣйствующими лицами. Начать смѣяться надъ мѣщанками и мѣщанами? Нѣтъ, это слишкомъ старо и всѣмъ извѣстно. Надо написать что нибудь совершенно новое, да такое, чтобы оно развеселило короля до того, чтобы онъ въ этотъ день не подписалъ ни одного смертнаго приговора. Да, да, это должна быть веселая штука; поэтому я смѣло назову свое произведеніе комедіей.

Гейводъ послѣ этого разсужденія взялъ перо и написалъ: «Иголка Гаммеръ Гуртонъ. Забавная и смѣшная комедія».

Такимъ образомъ въ первый разъ появилась англійская комедія, написанная Джономъ Гейводомъ, шутомъ короля Генриха. (*)

(*) Комедія была напечатана въ 1661 году, но представлена была въ Кембриджѣ слишкомъ за сто лѣтъ до того времени, и есть поводъ думать, что авторомъ ея былъ Джонъ Гейводъ, шутъ короля.

V.

ЛЕДИ ДЖАНА.

Во дворцѣ уже все покоилось сномъ. Даже дежурные, стоявшіе передъ королевской спальней, давно дремали, потому что король спалъ покойно. Этотъ покой былъ радостной вѣстью для жителей дворца, потому что онъ извѣщалъ ихъ, что на нѣкоторое время служба приближенныхъ короля прекращается, и они дѣлаются свободными людьми.

Королева тоже давно отправилась въ свои комнаты и очень рано распустила своихъ дамъ.

Она чувствовала усталость отъ ѣзды и сильно нуждалась въ покоѣ. А ей никто не смѣлъ помѣшать въ немъ; это значило бы ослушаться короля.

Король уже спалъ, какъ мы сказали. Поэтому королева не опасалась его ночнаго посѣщенія.

Во дворцѣ все было тихо.

Вдругъ осторожно промелькнула по корридору какая-то тѣнь. Фигура эта была укутана въ черный плащъ и лицо ея было закрыто покрываломъ. Едва касаясь пола, она пробѣжала длинный корридоръ и спустилась по лѣстницѣ. Вотъ она остановилась и прислушивается. Ничего не слышно. Она идетъ далѣе, прибавляетъ шагу, потому что знаетъ, что здѣсь никто не можетъ ее замѣтить. Въ этой части дворца никто не живетъ. Дальше, нужно спуститься съ лѣстницы и пройти по корридору. Вотъ дверь, ведущая въ зимній садъ. Она останавливается и прикладываетъ ухо къ двери. Потомъ три раза ударяетъ въ ладоши. Звуку этому вторитъ за дверями эхо.

— Онъ тамъ, теперь я спокойна. Онъ тамъ!

Фигура, видѣнная нами, отворяетъ дверь. Хоть въ комнатѣ и темно, но она увидѣла того, кто ей нуженъ.

Глаза у влюбленныхъ зорки, и еслибы даже за темнотою ночи она не могла его видѣть, то почувствовала бы его присутствіе.

Онъ крѣпко прижалъ ее къ своей груди и обнявшись, они подошли къ дивану и опустились на него.

— Наконецъ, ты снова со мною! Мои руки снова обхватываютъ твой божественный станъ, а губы мои снова касаются твоихъ! О, моя милая! какъ велика была разлука! Шесть дней! Шесть мучительныхъ, безсонныхъ ночей! Неужели ты не чувствовала стремленій моей души? Неужели ты не слыхала моихъ вздоховъ и не видала моихъ

слезъ? Жестокая! ты оставалась гордою, и щоки твои ни на минуту не поблѣднѣли. Нѣтъ, нѣтъ, ты не стремилась ко мнѣ; твое сердце не испытывало этихъ мучительныхъ страданій. Ты все прежняя, гордая королева.

— Какъ ты несправедливъ и жестокъ, мой милый! тихо прошептала она. Я также страдала и, можетъ быть, мои страданія были еще ужаснѣе твоихъ, потому что я должна была ихъ скрывать. Ты могъ высказывать, могъ вздыхать. Ты не былъ принужденъ смѣяться и шутить надъ вещами, которыя мнѣ уже давно надоѣли; ты не долженъ былъ выслушивать постояннаго повторенія одного и того же. Ты, по крайней мѣрѣ, могъ страдать, когда тебѣ угодно. Я же и этого была лишена. Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ были твои письма и стихи; они воодушевляли и давали душѣ моей силу и мужество на новыя мученія и страданія. Какъ я люблю эти стихи! въ нихъ отзывается твоя благородная любовь и наши страданія. Какъ я радуюсь, когда ихъ получаю, и какъ крѣпко прижимаю эту бумагу къ своимъ губамъ; на ней кажется излиты всѣ твои вздохи и мученія. Какъ я люблю добрую, вѣрную Джану, свидѣтельницу нашей любви. Когда я вижу, что она входитъ ко мнѣ, съ письмомъ въ рукахъ, мнѣ кажется, что въ комнату влетаетъ голубка, несущая во рту оливковую вѣтвь, эмблему мира и счастія, и я кидаюсь ей на встрѣчу и крѣпко прижимая къ моей груди, цалую ее съ такимъ же жаромъ, какъ бы я цаловала тебя, и въ ту же минуту чувствую свое ничтожество, потому что, за то счастіе, которое она мнѣ приноситъ, не могу ей отплатить такъ, какъ мнѣ хочется. Какъ должны мы быть благодарны бѣдной Джанѣ!

— Почему ты называешь ее бѣдной? вѣдь она постоянно можетъ быть около тебя!

— Я называю ее бѣдной, потому что она несчастлива! Потому что она любитъ до безумія, а ей не отвѣчаютъ. Развѣ ты не замѣтилъ, какъ она блѣдна, и какіе у ней печальные глаза?

— Нѣтъ, не замѣтилъ, потому что я не вижу ничего, кромѣ тебя; а леди Джана для меня такая же мертвая картина, какъ и всѣ прочія женщины. Но что съ тобой? Ты вся дрожишь? Ты, кажется, плачешь?

— О, да, я плачу, потому что я счастлива, потому что въ эту минуту я думала о томъ, какъ тяжело должно быть положеніе человѣка, когда онъ любитъ, а ему не отвѣчаютъ на его любовь! Бѣдная Джана!

— Что намъ до нее за дѣло? мы любимъ другъ-друга. Поди сюда моя милая; я высушу поцалуями твои слезы. Не плачь, не плачь,

или плачь только потому, что слова твои не могутъ выразить всего что у тебя на душѣ!

— Да, да, лучше радоваться! воскликнула она и кинулась къ нему на грудь.

Оба замолчали и крѣпко прижались другъ-къ-другу. Какъ очаровательна эта минута, какъ прекрасна эта ночь и деревья, слегка покачивающія свои верхушки.

Но время въ дѣлахъ любви идетъ ужасно быстро. Имъ пора растаться.

— Нѣтъ, погоди еще, моя милая. Посмотри, на дворѣ еще ночь и дворцовые часы сейчасъ только-что пробили два часа. Нѣтъ, не уходи еще!

— Что у тебя за гордая и холодная душа! Неужели тебя манитъ корона, и ты хочешь облечь твои плечи въ пурпуровую мантію? Поди сюда, я поцалую твои плечи. Представь себѣ, что мои губы также пурпуровыя!

— О! за этотъ пурпуръ я бы отдала съ радостью свою корону и жизнь! воодушевляясь проговорила она, и крѣпко прижалась къ нему.

— Любишь ли ты меня?

— Люблю!

— Можешь ли ты мнѣ дать клятву, что не любишь никого, кромѣ меня?

— Клянусь тебѣ Богомъ, который слышитъ мою клятву!

— Будь же благословенна, ты, единственная! Но, Боже! какъ мнѣ назвать тебя? Знаешь ли ты, какъ жестоко, не смѣть назвать свою возлюбленную по имени? Сними это запрещеніе и доставь мнѣ счастіе называть тебя по имени!

— Нѣтъ, сказала она и содрогнулась:—развѣ ты не знаешь, что лунатики пробуждаются, когда ихъ называютъ по имени? Я лунатикъ, который странствуетъ ночью по опаснымъ мѣстамъ, и какъ только меня назовутъ по имени, то я немедленно упаду въ пропасть! Я ненавижу свое имя, потому что его произносятъ не одни твои уста. Я не хочу, чтобъ ты меня называлъ тѣмъ же самымъ именемъ, какимъ называютъ меня другіе. Окрести меня, дай мнѣ другое имя, — оно будетъ нашей тайной, его никто не будетъ знать, кромѣ насъ!

— Ну, такъ я назову тебя Геральдиной, и передъ всѣмъ свѣтомъ, даже въ присутствіи короля, буду говорить, что люблю Геральдину. Онъ мнѣ не можетъ запретить!

— Тише, сказала она и вздрогнула всѣмъ тѣломъ: — не говори о немъ! О, заклинаю тебя, будь остороженъ; помни, что ты мнѣ

клялся всегда помнить объ опасности, которая намъ обоимъ угрожаетъ. Мы безъ сомнѣнія погибнемъ, если ты какимъ нибудь образомъ выдашь нашу тайну. Помнишь ли ты, въ чемъ мнѣ еще клялся?

— Помню; но этотъ законъ ужасенъ и похожъ на законы Дракона. Какъ же могу я наединѣ обращаться съ тобою, какъ съ королевою? Когда мы одни, неужели я не могу тебѣ напомнить о нашей любви?

— Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлай этого, потому что въ этомъ замкѣ вездѣ есть уши и глаза; за нами вездѣ шпіоны; они спрятаны за занавѣсками, подъ диваномъ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ только можно услышать нашъ разговоръ. Нѣтъ, поклянись мнѣ, что ты будешь обращаться со мною, какъ съ королевою вездѣ, гдѣ бы я ни была, за исключеніемъ только этой комнаты. Поклянись, что внѣ этой комнаты ты будешь не больше, какъ вѣрный слуга королевы и гордый, благородный графъ и лордъ, объ которомъ говорятъ, что женщина не въ состояніи овладѣть его сердцемъ. Поклянись, что ты не выдашь ни взглядомъ, ни знакомъ нашей любви, которая внѣ этой комнаты считается измѣною. Пусть одна эта комната будетъ храмомъ нашей любви и, выходя изъ него, мы будемъ забывать все, что тамъ происходило. Не такъ ли, Генрихъ?

— Хорошо, пусть будетъ такъ, печально произнесъ онъ: — хотя я долженъ тебѣ сказать, что по временамъ эти стѣсненія будутъ мучить меня почти до смерти. О, Геральдина! когда я тебя вижу и встрѣчаю твой холодный взглядъ, то сердце мое разрывается на части, и я говорю себѣ: «это не возлюбленная моя, не нѣжная, любимая женщина, которая иногда ночью бываетъ въ моихъ объятьяхъ, — это королева Катерина. Женщина до такой степени владѣть собою не можетъ.» Да, бывали ужасныя минуты, когда мнѣ все казалось заблужденьемъ, игрою воображенья. Иногда мною овладѣваетъ какое-то ожесточеніе и я, не обращая вниманія на данную мною клятву и на угрожающую тебѣ опасность, хочу кинуться къ тебѣ и, въ присутствіи короля и придворныхъ, спросить тебя: то ли ты на самомъ дѣлѣ, чѣмъ кажешься? Катерина ли ты Парръ, супруга Генриха восьмаго, или что нибудь другое? Или ты женщина, отдавшаяся мнѣ всею душею, женщина, которая клялась мнѣ въ вѣчной любви и вѣрности, и которую я, не обращая никакого вниманія на короля, прижимаю къ своему сердцу?»

— Несчастный, если ты осмѣлишься это когда нибудь высказать, то насъ обоихъ приговорятъ къ смерти.

— Пусть будетъ такъ! По смерти ты, по крайней мѣрѣ, будешь принадлежать мнѣ одному, и никто не осмѣлится насъ разлучить.

Умоляю тебя не смотри на меня такъ холодно, какъ теперь! О, заклинаю тебя: если ты не можешь смотрѣть на мена иначе, то лучше говори со мною, не глядя на меня.

— Тогда, Генрихъ, люди скажутъ, что я тебя ненавижу!

Пусть лучше они думаютъ, что ты меня не навидишь, чѣмъ я буду для тебя ни больше, ни меньше, какъ оберъ-каммергеромъ.

— Къ несчастью, Генрихъ, люди должны въ тебѣ видѣть только каммергера. Но я дамъ тебѣ знакъ своей любви въ собраніи всего двора. Послѣ этого повѣришь ли ты мнѣ, что я никого, кромѣ тебя, не люблю?

— Повѣрю! Или нѣтъ, не нужно никакихъ знаковъ и увѣреній. Я знаю и чувствую все; только избытокъ счастія дѣлаетъ меня недовѣрчивымъ.

— Я хочу заставить тебя вѣрить, даже и въ избыткѣ счастія. Слушай же! Ты знаешь, что король хочетъ скоро задать большой турниръ. Въ этотъ день, я въ присутствіи всего двора, дамъ тебѣ бантъ, который я ношу на плечѣ. Въ его складкахъ ты найдешь отъ меня письмо. Будетъ ли этого довольно, мой милый Генрихъ?

— И ты еще спрашиваешь? Поступкомъ этимъ ты совершенно меня осчастливишь.

Онъ крѣпко прижалъ ее къ сердцу и поцаловалъ. Но вдругъ она вздрогнула и вырвалась изъ его объятій.

— Наступаетъ день, начинаетъ свѣтать! Посмотри, вонъ облако, принявшее уже красноватый цвѣтъ. Солнце встаетъ.

— Говардъ хотѣлъ было ее удержать, но она съ силою вырвалась у него изъ рукъ и закрыла голову покрываломъ.

— Да, сказалъ онъ, начинаетъ свѣтать! Покажи мнѣ хоть на одну минуту свое лицо. Дай мнѣ на тебя взглянуть! Поди сюда, у окошка свѣтлѣе. Покажи мнѣ свои глаза.

Она снова съ силою вырвалась отъ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ пора идти! Слышишь, часы пробили три! Дворецъ скоро проснется. Мнѣ кажется, что сейсасъ кто-то уже прошелъ около самой двери! Иди, иди, если ты не хочешь, чтобъ я умерла со страху.

Она сама накинула ему на плеча плащъ, надѣла на голову шляпу, потомъ еще разъ обняла его и жарко поцаловала.

— Прощай, мой милый, прощай! Если мы сегодня встрѣтимся, то ты — графъ Говардъ, я же — королева, а не женщина, которую ты любишь, и которая любитъ тебя! Прощай же!

Она отворила стеклянную дверь и выпроводила своего возлюбленнаго.

— Прощай, Геральдина! День настаетъ, и я привѣтствую тебя,

какъ королеву, отъ которой снова долженъ выносить мучительный, холодный взглядъ.

VI.

ГЕНЕРАЛЪ ЛОЙОЛЫ.

Она подошла къ окошку, и посмотрѣвъ Говарду вслѣдъ, вскрикнула, и опустившись въ совершенномъ изнеможеніи на колѣни, съ мольбою простерла руки къ Богу.

За минуту, казалось, она была счастлива, а теперь она ломала себѣ руки и плакала.

«О, шептала она, какая ужасная мука овладѣваетъ моимъ сердцемъ! Онъ клялся мнѣ и цаловалъ меня; но эти клятвы и поцалуи принадлежатъ не мнѣ. Въ лицѣ моемъ онъ цаловалъ и любилъ ту, которую я ненавижу; онъ думаетъ, что это была она. Какое ужасное мученіе! Пользуясь ея именемъ,—выслушивать клятвы и любовныя изъясненія! Онъ цалуетъ меня, обнимаетъ мой станъ и не знаетъ, что я отвѣчаю на его письма. Я для него не болѣе, какъ мертвая картинка, какъ и другія женщины. Онъ сказалъ мнѣ это, и я не сошла съума, имѣла настолько мужества, чтобы слезы отчаянія выдавать за слезы радости. Боже, какая жестокая игра случая!»

И она зарыдала сильнѣе прежняго.

Она ничего не видала, не слыхала и не чувствовала. Въ эту минуту она нисколько не думала о себѣ, не думала о томъ, что если ее найдутъ тутъ, то она пропала.

Она даже не замѣтила, какъ дверь тихо и безъ шума отворилась и въ комнату вошелъ мужчина. Онъ затворилъ за собою дверь и подошелъ къ лежащей на полу леди Джанѣ. Онъ сталъ позади ея и вслушивался въ ея стоны и жалобы.

Нагнувшись, онъ слегка притронулся къ ея плечу. Она вздрогнула и на минуту смолкла.

Настала тишина. Она лежала на полу, припавъ лицомъ къ землѣ. Около нея стоялъ мужчина.

— Леди Джана Дугласъ, торжественно произнесъ онъ:—встаньте! Непристойно дочери вашего отца стоять на колѣняхъ. Ихъ преклоняютъ только предъ Богомъ! Вы же преклоняете свои предъ идоломъ, котораго создали въ своемъ воображеніи, и которому воздвигнули въ своемъ сердцѣ кумиръ. Этотъ идолъ — ваше несчастіе! Но въ священномъ писаніи сказано: «Да не будутъ тебѣ другіе боги, кромѣ

меня!» Повторяю вамъ, леди Джана, встаньте! Преклонять колѣна должно только предъ Богомъ!

Какъ будто пораженная ударомъ электричества, она вскочила и въ оцѣпененіи остановилась передъ своимъ отцемъ.

— Откиньте земныя страсти, которыя отягощаютъ васъ и мѣшаютъ вамъ исполнять священную обязанность, возложенную на васъ Богомъ! продолжалъ торжественно графъ. — Въ писаніи написано: «придите ко мнѣ слабые духомъ, и Азъ упокою васъ!» Ты должна откинуть эту слабость духа, и за свои мученія быть украшенной короной!

Онъ положитъ руку на ея голову, но она поспѣшно сбросила ее.

— Нѣтъ, съ трудомъ произнесла она. — Я не хочу короны, я не хочу ее, потому что она тяжка для меня; я не хочу пурпуровой королевской мантіи, потому что она окрашена кровью моего возлюбленнаго.

—Досадно, она совсѣмъ въ отчаяніи, прошепталъ графъ, наблюдая за блѣдной, дрожащей женщиной, которая снова упала на колѣни и глаза ея безсмыленно блуждали по сторонамъ. Но графъ остался попрежнему серьёзенъ, и въ глазахъ его не выражалось состраданія къ бѣдной, несчастной дочери.

— Встань, Джана, сурово произнесъ онъ.—Церковь моими устами повелѣваетъ тебѣ служить ей. Ты клялась съ радостію приносить всѣ свои силы на служеніе святому Лойолѣ.

— Не могу! Я не могу, батюшка! тихо шептала она.—Я не могу радоваться, когда сердце мое разрывается на части; я не могу быть веселой, когда изъ глазъ моихъ льются слезы. О, будьте милостивы и снисходительны. Вспомните, что вы мой отецъ, что я ваша дочь, дочь женщины, которую вы любили. Она не найдетъ себѣ покоя въ могилѣ, если узнаетъ, какъ вы меня мучите и истязаете. Матушка, матушка! если духъ твой близокъ, приди и защити меня. Вложи состраданіе въ сердце отца, который хочетъ принести въ жертву свою дочь!

— Богъ призвалъ меня, сказалъ графъ:—и я, какъ Авраамъ, слушаю его приказанія. Но не цвѣтами хочу я украсить свою жертву, а королевской короной; не ножъ вонжу я въ ея грудь, а вложу въ ея руки скипетръ, и скажу: «ты королева надъ людьми; но будь вѣрная и послушная служительница Бога. Ты одна въ состояніи повелѣвать; но въ свою очередь тобой повелѣваетъ святая церковь, служить которой ты поклялась и которая благословитъ тебя за твою вѣрность; но она же безъ всякой жалости уничтожитъ тебя, если ты вздумаешь быть ея отступницей.» Нѣтъ, ты не дочь моя, а избранница на служеніе церкви. У меня нѣтъ состраданія къ твоимъ

страданіямъ, потому что я вижу имъ конецъ, и знаю, что со временемъ эти слезы обратятся въ слезы радости. Леди Джана Дугласъ, моими устами говоритъ и повелѣваетъ вамъ святой Лойола. Слушайтесь и поступайте такъ, какъ я вамъ говорю. Слушайтесь меня, не какъ вашего отца, а какъ вашего генерала, которому вы клялись слушаться до самой смерти.

— Такъ лучше убейте меня, батюшка, съ изнеможеніемъ произнесла она. — Лишите меня жизни, которая для меня только цѣпь мученій и страданій. Накажите меня за мою непокорность, вонзите мнѣ ножъ въ сердце,—тогда по крайней мѣрѣ я избавлюсь отъ этихъ страданій.

— Глупое, неразумное существо! Неужели ты думаешь, что мы тебя подвергнемъ столь легкому наказанію? Нѣтъ, нѣтъ! если ты осмѣлишься не исполнять моихъ приказаній, то наказаніе твое будетъ безконечно. Я казню не тебя, а того, кого ты любишь; онъ поплатится за все своею головой, и ты сама будешь его убійцей. Онъ умретъ на эшафотѣ, а ты,—ты будешь жить, окруженная позоромъ.

— О, какъ это ужасно! воскликнула Джана, закрывая лицо руками.

Отецъ продолжалъ:

— Бѣдный, неразумный ребенокъ! ты играешь мечемъ, не зная, что обѣ стороны его остры, и что онъ можетъ постоянно тебя ранить. Ты хотѣла быть вѣрной послѣдовательницей церкви, чтобы послѣ сдѣлаться главою всего свѣта. Ты хотѣла пріобрѣсти славу, но лучи этой славы осѣнятъ не одну твою голову. Неразумный ребенокъ! Кто играетъ этими лучами, того они жгутъ. Но мы слѣдили за твоими мыслями и тебѣ самой неизвѣстными желаніями; мы слѣдили за твоимъ существомъ, и когда замѣтили въ твоемъ сердцѣ любовь, то мы употребили ее для нашей цѣли и для твоего собственнаго благосостоянія. Зачѣмъ же ты жалуешся, зачѣмъ же плачешь? Развѣ мы препятствовали тебѣ любить? Джана, слушайся нашихъ повелѣній, и мы доставимъ тебѣ счастіе любви; если же ты сдѣлаешься ослушницей нашихъ приказаній, то подвергнешься позору и стыду, и будешь презираема всѣми въ свѣтѣ; ты...

— Остановитесь, отецъ мой! воскликнула Джана.—Не произносите далѣе ужасныхъ словъ, если вы не хотите, чтобъ я умерла отъ обѣщаемаго вами позора! Нѣтъ, я буду во всемъ вамъ повиноваться и подчиняться. Вы правы, я должна поступать согласно съ вашими повелѣніями.

— Неужели же ты не понимаешь счастія этой жизни? Я не понимаю, на что ты жалуешься? Онъ тебя любитъ, его клятвы звучатъ еще до сихъ поръ въ твоихъ ушахъ, сердце твое трепещетъ отъ

счастія! Тебѣ рѣшительно все ровно, считаетъ ли онъ тебя за Катерину Парръ, или за кого нибудь другаго; въ дѣйствительности онъ любитъ только Джану Дугласъ.

— Но настанетъ день, когда онъ узнаетъ мой обманъ, и проклянетъ меня за это.

— Этотъ день не настанетъ. Святая церковь съумѣетъ это скрыть, если ты во всемъ будешь слѣдовать ея повелѣніямъ.

— Я буду исполнять ея приказанія! со вздохомъ сказала Джана. — Я буду послушна церкви; но дай мнѣ слово, батюшка, что его не постигнутъ никакія гоненія, и что я не буду его убійцей.

— Нѣтъ, ты будешь его спасительницей. Но за это ты должна въ точности исполнить всѣ мои приказанія. Прежде всего сообщи мнѣ результатъ вашего свиданія. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что ты королева?

— Нѣтъ, онъ совершенно увѣренъ въ томъ, что я королева. Я сказала, что дамъ ему знакъ, по которому весь дворъ явно увидитъ любовь къ нему королевы.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ графъ, и глаза его радостно заблистали.

— Я обѣщала, что королева во время турнира дастъ ему свой бантъ и что въ немъ онъ найдетъ отъ нея записку.

— Какая счастливая мысль! воскликнулъ лордъ Дугласъ,—только женщина, и то когда хочетъ отомстить, можетъ изобрѣсти такую интригу. Такимъ образомъ королева будетъ сама себѣ обвинительницей, и сама дастъ намъ въ руки доказательства своей вины. Одно затрудненіе. Какъ принудить королеву надѣть этотъ бантъ и потомъ передать его Говарду?

— Она сдѣлаетъ это, если я ее объ этомъ попрошу, потому что она меня любитъ. Я ей приведу доводы, по которымъ она сдѣлаетъ это изъ любви ко мнѣ. У Катерины доброе сердце, и она не въ состояніи отказать ничьей просьбѣ.

— А я объ этомъ предупрежу короля, принявъ это какъ предосторожность противъ тигра, къ которому входить въ клѣтку опасно, когда онъ голоденъ, хоть пришелъ для того, чтобы его накормить. Въ остервененіи онъ откуситъ руку, подающую ему пищу.

— Но какимъ же образомъ? спросила она съ видимымъ удивленіемъ.—Развѣ онъ удовольствуется тѣмъ, что накажетъ одну Катерину; неужели же онъ не накажетъ и его, какъ ея любовника?

— Непремѣнно и его. Но ты сама его спасешь и освободишь. Ты отворишь его темницу, дашь ему свободу и онъ полюбитъ тебя, свою избавительницу!

— Батюшка, батюшка, вы играете въ опасную игру, и можетъ

быть вы сами сдѣлаетесь убійцей вашей дочери. Послушайте! Если его голова падетъ, то я сама лишу себя жизни; если вы сдѣлаете меня его убійцей, то въ то же время будете моимъ убійцей, и я прокляну васъ. На что мнѣ корона, если она будетъ обагрена кровью Генриха Говарда? на что мнѣ величіе и слава, если онъ не въ состояніи будетъ всего этого видѣть. Берегите Говарда, какъ свой собственный глазъ, если хотите, чтобы я приняла корону, которую вы мнѣ предлагаете и черезъ которую король Англіи снова будетъ вассаломъ церкви!

— За это благословитъ тебя цѣлый свѣтъ. Ты обратишь на истинный путь невѣрнаго короля, Генриха VIII, и снова возвратишь его къ святому римскому папѣ, единственному главѣ церкви. Итакъ, начинай дѣйствовать, дочь моя! Тебѣ предстоитъ блестящая будущность, и тебя ожидаетъ завидное счастіе! Святая церковь похвалитъ и благословитъ тебя, а Генрихъ VIII назоветъ тебя королевой.

VII.

ЗАКЛЮЧЕННАЯ.

Во дворцѣ еще тихо. Никто не видалъ, какъ леди Джана вышла изъ комнаты и отправилась по корридору.

Никто не видалъ также того, что дѣлалось въ комнатѣ королевы.

Она одна. Прислуга ея спитъ въ своихъ комнатахъ. Королева сама заперла двери залы; другаго входа въ ея будуаръ и спальню нѣтъ. Слѣдовательно она совершенно безопасна.

Она поспѣшно надѣваетъ черный плащъ, мѣшкомъ котораго покрываетъ голову. Ея совершенно нельзя узнать. Она придавила какую-то пружинку, находящуюся за рамою одной изъ картинъ. Картина отклоняется всторону и за нею видѣнъ проходъ, по которому очень удобно можетъ пройти одинъ человѣкъ.

Катерина входитъ въ него. Потомъ осторожно подвигаетъ картину на прежнее мѣсто, и идетъ. Вотъ она снова придавила пружинку, и открывается подъемная дверь, подъ которой видна слабо освѣщенная лѣстница. Сойдя съ лѣстницы, она придавливаетъ еще пружинку, и входитъ въ огромную залу.

— О, произнесла она, тяжело переводя духъ: — наконецъ я въ большомъ залѣ.

Она поспѣшно прошла его, и отворила слѣдующую дверь.

— Джонъ Гейводъ!

— Я здѣсь, ваше величество!

— Тише, тише, чтобы насъ не услышали. — Пойдемте, намъ нужно далеко идти. Нужно поторопиться!

Она взяла стоящую на столѣ лампу, опять придавила пружинку, и дверь отворилась.

Они входятъ въ длинный темный корридоръ, на концѣ котораго находится лѣстница, съ которой они оба спускаются. Чѣмъ дальше они спускаются, тѣмъ воздухъ становится гуще, а ступени были совсѣмъ мокрыя. Ихъ окружаетъ мертвая тишина. Не слышно было ни малѣйшаго звука.

Они теперь въ безконечномъ подземномъ корридорѣ, конца котораго не въ состояніи видѣть глазъ.

Катерина обращается къ Джону Гейводу; лампа освѣщаетъ его лицо, которое блѣдно, но однакоже выражаетъ рѣшимость.

— Джонъ Гейводъ, послушайте! Я не спрашиваю, есть ли у васъ мужество; я знаю, что вы обладаете имъ. Я только хочу знать, хотите ли вы пожертвовать собою за королеву?

— Нѣтъ, не за королеву, а за благородную женщину, которая спасла моего сына.

— И вы будете моимъ защитникомъ, если намъ представятся какія нибудь опасности? Я во всякомъ случаѣ исполню свое намѣреніе. Пойдемте дальше!

Они молча пошли по корридору.

Наконецъ они пришли къ мѣсту, гдѣ корридоръ съуживается и образуетъ родъ маленькой комнаты, по стѣнамъ которой стоятъ нѣсколько скамѣекъ.

— Мы прошли половину дороги, сказала Катерина. — Отдохнемте немного.

Она поставила лампу на маленькій мраморный столъ и сѣла на скамейку, попросивъ Джона Гейвода занять мѣсто около нея.

— Я здѣсь не королева, сказала она, и вы не шутъ короля. — Я слабая, бѣдная женщина, а вы мой защитникъ. Слѣдовательно, вы имѣете полное право сидѣть около меня.

Джонъ, улыбаясь, покачалъ головою и сѣлъ у ея ногъ.

— Святая Катерина, спасительница моего сына, я лежу у твоихъ ногъ и читаю тебѣ благодарственную молитву.

— Знакомъ тебѣ, Джонъ, этотъ подземный ходъ? спросила королева.

Джонъ Гейводъ печально улыбнулся.

— Знакомъ, ваше величество!

— Знакомъ? Я думала, что онъ извѣстенъ только королямъ; для всѣхъ же прочихъ онъ есть тайна.

— Понятно, что онъ извѣстенъ и шуту короля. Король Англіи и его шутъ, по моему, два сводные брата. Да, миледи, я знаю этотъ ходъ, имъ я уже шелъ, обливаясь слезами.

— Какъ? Вы, Джонъ Гейводъ?

— Я, ваше величество. — А позвольте васъ спросить, извѣстна ли вамъ исторія этого подземнаго хода? Вы молчите. Хорошо, что она вамъ неизвѣстна! Это длинная и кровавая исторія, и если бы я разсказалъ вамъ ее, со всѣми подробностями, то одной ночи было бы слишкомъ недостаточно. Когда этотъ ходъ былъ сдѣланъ, Генрихъ былъ еще молодъ и у него было сердце. Онъ любилъ тогда не только своихъ женъ, но даже своихъ друзей и слугъ, въ особенности же Кромвеля, могущественнаго министра. Тотъ жилъ тогда въ Уайтгаллѣ, а Генрихъ въ Товэрскомъ дворцѣ. Генрихъ тогда постоянно нуждался въ своемъ любимцѣ. Желая быть ближе къ королю, Кромвель придумалъ сдѣлать этотъ корридоръ; онъ употребилъ на работу его сотни рукъ, и однажды совершенно неожиданно явился къ королю этимъ ходомъ. Вниманіемъ этимъ Генрихъ былъ сильно тронутъ, и со слезами на глазахъ благодарилъ Кромвеля за такую выдумку. Не проходило ни одного дня, чтобы Генрихъ не ходилъ по этому корридору къ своему другу. Онъ съ каждымъ днемъ видѣлъ, какъ Уайттальскій дворецъ дѣлался роскошнѣе и великолѣпнѣе, и возвращаясь къ себѣ въ Товэръ, убѣждался, что министръ его живетъ гораздо роскошнѣе, чѣмъ онъ, король Англіи, и что Товэръ его вовсе непохожъ на королевскій дворецъ. Разсужденія эти, ваше величество, и были причиною паденія Кромвеля!—Королю хотѣлось, во что бы то ни стало, овладѣть Уайтгальскимъ дворцомъ; для исполненія этого, онъ придумалъ уничтожить Кромвеля. Проницательный Кромвель замѣтилъ это, и осмѣлился предложить королю свой дворецъ, надъ отдѣлкою и украшеніемъ котораго онъ трудился въ продолженіе десяти лѣтъ, — въ подарокъ. Король согласился на это; но паденіе Кромвеля было уже рѣшено. Генрихъ никогда не могъ забыть, что Кромвель осмѣлился предложить ему подарокъ, который былъ столь роскошенъ, что Генрихъ не могъ или не хотѣлъ отплатить за него. Такимъ образомъ онъ считалъ себя въ долгу у Кромвеля, чтò естественно его сердило, и онъ поклялся истребить Кромвеля. Переходъ Генриха въ Уайтгаль былъ днемъ рѣшенія, что Кромвель умретъ на эшафотѣ. Генриха, въ подобныхъ случаяхъ, ничто не удерживало. Головою Кромвеля онъ заплатилъ за Уайтгаль. Гэмптонъ Кортъ стоилъ жизни Вольсею.

— Но не на эшафотѣ, Джонъ?

— Да, Генрихъ сначала лишилъ его сердца, а потомъ головы. Онъ заставилъ Вольсея подарить себѣ этотъ увеселительный дво-

рецъ, со всѣми его сокровищами, за что на время возвысилъ его, а вскорѣ лишилъ всѣхъ своихъ милостей. Нищій Вольсей, подъ конецъ своей жизни, отправленный, какъ преступникъ, въ Товэръ, умеръ на дорогѣ. Итакъ, вы правы! Вольсей умеръ не на эшафотѣ; онъ былъ осужденъ на болѣе медленную и ужасную смерть. Онъ умеръ не мгновенно, не отъ меча, а отъ медленныхъ ранъ, наносимыхъ ему копьемъ.

— Кажется, вы сказали, Джонъ, что вы знакомы съ этимъ путемъ?

— Да, съ позволенія Кромвеля, я ходилъ имъ—проститься и принять благословеніе и поцалуй благороднѣйшаго человѣка и вѣрнѣйшаго моего друга, Томаса Моруса! Съ того дня, ваше величество, я сдѣлался шутомъ, убѣдившись, что въ этомъ мірѣ не стоитъ быть серьёзнымъ человѣкомъ, когда уже такіе люди, какъ Томасъ Морусъ, осуждаются на смерть, какъ измѣнники. Но оставимте, королева, этотъ тяжелый для меня разговоръ, и пойдемте дальше.

— Да, пойдемте! сказала она, приподнимаясь съ мѣста.—А знаете ли вы, куда мы идемъ?

— Неужели, ваше величество, вы думаете, что я васъ не знаю. Я вамъ сказалъ, что завтра будутъ пытать Марію Аскью, чтобы она отказалась отъ своихъ словъ.

— Я вижу, что вы меня поняли, сказала королева, нѣжно взглянувъ на Гейвода. — Да, я иду къ Маріи Аскью!

— Но какъ же вамъ удастся пройти къ ней такъ, чтобы васъ никто не замѣтилъ?

— Джонъ! у несчастныхъ тоже есть друзья; они есть даже у королевы. Благодаря счастливому случаю или волѣ Божіей, Марія помѣщена именно въ той комнатѣ, въ которой оканчивается этотъ ходъ.

— Одна она въ этой комнатѣ?

— Совершенно одна. Только у наружной двери стоитъ караулъ.

— Но если солдаты услышатъ разговоръ и войдутъ?

— Тогда, я безъ всякаго сомнѣнія, пропала, если за меня не заступится Богъ.

Они молча пошли дальше.

Продолжительная ходьба до того утомила Катерину, что она, блѣдная и усталая, прислонилась къ стѣнѣ.

— Миледи, хотите ли вы мнѣ оказать милость? спросилъ Джонъ Гейводъ.—Позвольте мнѣ васъ нести.

Королева снисходительно улыбнулась.

— Нѣтъ, Джонъ, участь всякаго человѣка стараться самому въ потѣ лица помогать ближнему.

— О, миледи, какъ вы благородны и мужественны! воскликнулъ

Джонъ Гейводъ.—Вы дѣлаете добрыя дѣла безвозмездно, и не бойтесь ничего, когда дѣло идетъ о совершеніи какого нибудь благороднаго дѣла.

— Въ послѣднемъ вы неправы, Джонъ. Если бы я ничего не боялась, то не просила бы васъ меня проводить. Я боюсь, Джонъ, здѣшней тишины и мрака; мнѣ кажется, еслибы я здѣсь была одна, то ко мнѣ непремѣнно явились бы тѣни Анны Боленъ и Катерины, короною которыхъ я владѣю, — чтобы повести меня къ своимъ могиламъ и указать, что возлѣ нихъ есть мѣсто и для меня. Слѣдовательно, я не такъ храбра, какъ вы думаете.

— И все-таки, несмотря ни начто, вы пошли сюда!

— Я разсчитывала на васъ, Джонъ, и пошла въ убѣжденіи, что можетъ быть мнѣ удастся этимъ спасти жизнь несчастной дѣвушки. Я должна была это сдѣлать и для того, чтобы никто не смѣлъ сказать, что Катерина оставляетъ своихъ друзей въ несчастіи, боясь опасности. Я, какъ слабая женщина, знаю, что не могу защищать своихъ друзей оружіемъ, а потому должна отыскивать другія средства.

Говоря такимъ образомъ, королева остановилась и сказала:— «смотрите, Джонъ, корридоръ здѣсь раздѣляется на двое. Онъ мнѣ знакомъ только по разсказамъ и я навѣрное не знаю, куда идти. Скажите, какъ дойти намъ до заключенной?

— Сюда, ваше величество,—и здѣсь конецъ нашей цѣли. Другой путь ведетъ къ комнатѣ пытокъ, гдѣ черезъ маленькое, рѣшетчатое окно можно видѣть самыя пытки. Въ былыя времена Генрихъ, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, отправлялся сюда съ своими друзьями наслаждаться страданіями осужденныхъ. Вамъ, я думаю, извѣстно, что тутъ пытаютъ только тѣхъ, которые впали въ немилость Генриха. Ихъ истязаютъ здѣсь, во славу Бога и главы святой церкви. Но—молчаніе! Мы пришли къ тюрьмѣ. Придавите здѣсь пружинку и дверь сама собою отворится.

Катерина, поставивъ на полъ лампу, исполнила это.

Дверь безъ шума отворилась, и она съ Гейводомъ, какъ двѣ тѣни, тихо вошли.

Комната, куда они вошли, было маленькое, круглое помѣщеніе, которое, кажется, было не что иное, какъ пристройка къ башнѣ. Въ немъ было почти темно. Воздухъ и свѣтъ проникали сюда сквозь маленькое отверстіе въ стѣнѣ. Стѣны были сыры и неровны. Не было ни стола, ни стула, только въ одномъ углу ея была положена солома. На этой соломѣ лежало нѣжное, блѣдное существо. Щоки ея были блѣдны и впалы, голова была откинута въ сторону, худыя руки были откинуты назадъ, а на губахъ виднѣлась улыбка.

Это была осужденная преступница, Марія Аскью.

Марія Аскью считалась преступницей только потому, что не вѣрила въ божественное могущество короля.

— Она спитъ! прошептала растроганная Катерина.

Подойдя ближе къ постели страждущей, королева сложила крестомъ руки, и губы ея прошептали какую-то молитву.

— Сонъ праведницы! сказалъ Джонъ Гейводъ.—Ей во снѣ представляются ангелы и она чувствуетъ присутствіе Бога. Бѣдная дѣвушка, скоро изувѣчатъ твои прекрасные члены, и ты во имя Бога потерпишь страшныя мученія. Скоро этотъ улыбающійся ротикъ будетъ испускать одни крики отчаянія!

— Нѣтъ, нѣтъ! поспѣшно проговорила Катерина.—Я пришла ее спасти, и Богъ мнѣ поможетъ. Надобно ее разбудить.

Она наклонилась и нѣжно поцаловала въ лобъ дѣвушку.

— Марія,я пришла къ тебѣ! Я хочу спасти и освободить тебя!

Марія открыла глаза и радостно привѣтствовала Катерину.

— Катерина Парръ! съ улыбкой произнесла она. — Я ждала отъ васъ только письма, а вы пришли сами.

— Я не могла болѣе писать къ тебѣ,—наша переписка открыта.

— Письма ваши были единственнымъ моимъ утѣшеніемъ, со вздохомъ произнесла Марія Аскью. — Богу угодно отнять у меня и это; да будетъ его святая воля во всемъ. Пути его неисповѣдимы, и конечно онъ устраиваетъ все къ лучшему. Для того, чтобы душа могла предстать предъ Богомъ совершенно чистою и непорочною, сердце должно быть свободно отъ всего земнаго.

— Послушай, Марія, послушай,тихо произнесла королева :—тебѣ угрожаетъ ужасная опасность! Король отдалъ приказъ—тебя пытать до тѣхъ поръ, пока ты не отречешься отъ своихъ словъ.

— Только-то? спросила Марія, и на лицѣ ея показалась улыбка.

— Несчастная, ты не знаешь, что говоришь. Ты не знаешь, какія предстоятъ тебѣ мученія. Ты не знаешь страданій, которыя могутъ быть сильнѣе твоего духа и побѣдить его.

— Не думаю, чтобы знакомство съ ними сколько нибудь могло меня облегчить! сказала Марія.—Ты говоришь, что они хотятъ меня пытать. Что же? я не въ состояніи противиться ихъ желанію, и готова на все!

— Нѣтъ, Марія, ты можешь избѣгнуть всего : отрекись отъ того, что ты говорила! Скажи, что ты поняла свое заблужденіе! Скажи, что ты будешь признавать короля главою церкви, что ты примешь шесть пунктовъ и никогда не будешь вѣрить во власть римскаго папы. Марія, вспомни, Богу извѣстны твои помыслы и чувства, и тебѣ не нужно ихъ высказывать людямъ! Богъ даровалъ тебѣ жизнь, и ты не въ правѣ пренебрегать ею; ты должна стараться сохранить

ее всѣми средствами и какъ можно дольше. Отрекись же отъ своихъ словъ! Въ обманѣ нашихъ убійцъ, нѣтъ ничего предосудительнаго. Отрекись же, Марія, отрекись! Если они, ради своей гордости, требуютъ, чтобы ты сказала то, что они желаютъ, то подумай, что они сумасшедшіе и что имъ отдаютъ наружное преимущество, для того, чтобы ихъ не раздражать. Умоляю тебя, ради тебя самой и нашей дружбы, отрекись, Марія, отъ словъ твоихъ!

Во время этой рѣчи Марія поднялась съ своей постели.

Лицо ее выражало рѣшимость. Глаза блистали, а на губахъ виднѣлась улыбка.

— Какъ! Вы даете мнѣ подобные совѣты? сказала она. — Вы хотите, чтобъ я отреклась отъ своихъ словъ и измѣнила Богу, изъ страха земныхъ мученій? Не хочу и не могу вѣрить, чтобы сердце ваше было участникомъ вашихъ словъ. Нѣтъ, Катерина, во имя Господа Бога я пожертвую всѣмъ, и никогда и ни за что не отрекусь отъ своихъ словъ! Повѣрьте, Катерина, я радуюсь смерти, потому что теперь я поняла ничтожество жизни. Дайте же мнѣ умереть, чтобы я могла насладиться вѣчностію!

— Бѣдное дитя! Ты не знаешь, что смерть гораздо легче предстоящихъ тебѣ мученій. Подумай, Марія, ты вѣдь слабая женщина! Кто знаетъ, можетъ быть ты не въ состояніи будешь противиться мученіямъ пытки. Можетъ быть ты откажешься отъ своихъ словъ, когда тебя уже изуродуютъ.

— Повѣрьте, миледи, сказала Марія, и глаза ея заблистали:—повѣрьте, что еслибъ я упала духомъ, то я бы сама лишила себя жизни, и за свое отреченіе отъ словъ предала бы себя вѣчному проклятію. Богъ избралъ меня для того, чтобы я была примѣромъ, что ни подъ какимъ видомъ не должно измѣнять истинныхъ своихъ убѣжденій, и я исполню его повелѣніе!

— Хорошо, пусть будетъ по твоему, сказала рѣшительно Катерина: — не отрекайся отъ своихъ словъ, но спаси себя отъ своихъ палачей! Я, Марія, хочу тебя спасти! Я не могу безъ содроганія подумать о томъ, что такое благородное существо будетъ предано пыткѣ такими недостойными людьми! Пойдемъ, я тебя спасу! Дай мнѣ руку! Пойдемъ! Я знаю путь, которымъ можно отсюда спастись, а до времени, когда ты будешь въ совершенной безопасности, я помѣщу тебя въ своей комнатѣ.

— Нѣтъ, ваше величество, вы не должны ее скрывать у себя! сказалъ Джонъ Гейводъ. — Вы доставили мнѣ честь, избравъ меня своимъ довѣреннымъ, и поэтому позвольте мнѣ принять участіе въ этомъ благородномъ дѣлѣ! Не у васъ, а у меня найдетъ Марія Аскью, убѣжище. Пойдемте, Марія, слѣдуйте за вашими друзьями! Жизнь

призываетъ васъ! Наконецъ васъ призываетъ самъ Богъ, и вы не имѣете права не исполнить его повелѣнія. Слѣдуйте за своей королевой, которая имѣетъ право повелѣвать своими подданными. Слѣдуйте за другомъ, который клянется защищать и охранять васъ, какъ отецъ!

— Отецъ небесный, защити меня! воскликнула Марія, становясь на колѣни и воздѣвая руки къ небу.—Отецъ небесный, они хотятъ отнять у Тебя твоего ребенка и вырвать у Тебя его сердце! Они вводятъ меня во искушеніе и соблазняютъ своими рѣчами. Защити же меня, отецъ мой, оглуши меня, чтобы я не въ состояніи была слышать ихъ словъ! Покажи имъ, что я принадлежу только одному Тебѣ и что никто, кромѣ Тебя, не можетъ мною повелѣвать. Дай имъ понять, что ты дѣйствительно призываешь меня.

Въ эту минуту послышался стукъ въ двери и голосъ: «встань, Марія, будь готова! За тобой идутъ великій канцлеръ и архіепископъ Гардинеръ!»

— Пытка! воскликнула Катерина и, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, закрыла лицо руками.

— Да, пытка! сказала, улыбаясь, Марія. — Меня призываетъ Богъ!

Джонъ Гейводъ приблизился къ королевѣ и схватилъ ее за руку.

— Видите, все напрасно, произнесъ онъ.—Спѣшите спасти себя! Поспѣшите выдти изъ тюрьмы, прежде чѣмъ эта дверь отворится!

— Нѣтъ, рѣшительно произнесла Катерина: — я останусь! Уйдти мнѣ, значитъ, доказать, что у меня нѣтъ мужества не измѣнять своему Богу. Я точно также, какъ и она, твердо произнесу: «Богъ одинъ глава своей церкви! Богъ....»

Въ это время послышался шумъ у дверей, и кто-то вставилъ въ замочную скважину ключъ.

— Королева, заклинаю васъ всѣмъ, что для васъ свято, вашей любовью, пойдемте отсюда!

— Нѣтъ, нѣтъ! возразила она.

Въ это время къ ней подошла Марія и, взявъ ее за руку, громкимъ и повелительнымъ голосомъ произнесла: «именемъ Бога, приказываю тебѣ оставить меня!»

Королева какъ будто лишилась чувствъ, она неподвижно стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Джонъ Гейводъ схватилъ ее и толкнулъ въ дверь, потомъ вышелъ самъ и осторожно заперъ за собою дверь.

Только-что онъ затворилъ эту дверь, какъ другая, противоположная ей, отворилась.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ 24 января 1836 года. Отецъ его, Александръ Ивановичъ, былъ священникъ нижегородской Никольской церкви. Имя его матери было Зинаида Васильевна.

Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна очень сильно любили другъ-друга, такъ что когда скончалась Зинаида Васильевна (весною 1854 года), мужъ не могъ перенести этой потери: здоровье его быстро разрушилось, и онъ умеръ лѣтомъ того же года.

Николай Александровичъ, способности котораго развились очень рано (мы имѣемъ тетрадь его стихотвореній, писанныхъ въ 1849 году, когда ему было 13 лѣтъ; въ числѣ этихъ пьесъ есть переводы изъ Горація), поступилъ въ четвертый (высшій) классъ нижегородскаго уѣзднаго училища, долженъ былъ кончить семинарскій курсъ въ 18 лѣтъ (обыкновенно, кончаютъ курсъ въ 21 или 22 года) и тогда, какъ отличный ученикъ, былъ бы отправленъ на казенный счетъ въ московскую или казанскую духовную академію. Но ему очень хотѣлось

ѣхать въ университетъ. Однакоже, по чрезвычайной деликатности характера, онъ не сталъ говорить объ этомъ, когда изъ косвенныхъ распросовъ у отца замѣтилъ, что родителямъ было бы не совсѣмъ легко удѣлять хотя рублей по 200 въ годъ на его содержаніе въ университетѣ. А между тѣмъ, оставаться въ семинаріи стало ему слишкомъ скучно. Чтобы выиграть время, онъ, пробывъ одинъ годъ въ богословскомъ (высшемъ) классѣ, поѣхалъ въ петербургскую духовную академію, курсы которой начинаются съ нечетныхъ годовъ, между тѣмъ какъ въ казанской и московской, ближайшихъ къ Нижнему Новгороду, они начинаются съ четныхъ годовъ (по которымъ идутъ курсы и въ нижегородской семинаріи). По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ увидѣлъ возможность поступить также на казенное содержаніе въ Педагогическій институтъ, который казался ему всетаки привлекательнѣе духовной академіи, и сдѣлался студентомъ института. Это было въ августѣ 1853 года.

Весною слѣдующаго года внезапно скончалась его мать, которую онъ любилъ чрезвычайно нѣжно. Эта неожиданная вѣсть страшно поразила его, и по всей вѣроятности нанесла первый сильный ударъ его здоровью. На каникулы (1854) онъ поѣхалъ въ Нижній — и на его рукахъ скончался отецъ, убитый смертью жены (1854 годъ).

Николай Александровичъ остался старшимъ въ семействѣ, которое состояло, кромѣ него, изъ пяти сестеръ и двухъ братьевъ. Денежныя дѣла семьи находились въ разстройствѣ. Отецъ, незадолго передъ смертью, построилъ домъ и вошелъ черезъ это въ долги, очень обременительные. Кромѣ дома, у сиротъ не было никакого состоянія, а доходъ съ дома почти весь поглощался уплатою процентовъ по займамъ изъ строительной коммиссіи и отъ частныхъ лицъ. Николай Александровичъ, съ обыкновеннымъ своимъ благородствомъ, хо-

тѣлъ пожертвовать всѣми личными надеждами, чтобы поддержать сестеръ и братьевъ: онъ рѣшился выйти изъ Педагогическаго института и просить мѣста учителя уѣзднаго училища въ Нижнемъ Новгородѣ. Родные, отцовскіе знакомые и институтскіе друзья едва могли соединенными усиліями отклонить его отъ этого намѣренія, доказавъ ему, что скуднымъ жалованьемъ уѣзднаго учителя онъ не въ силахъ будетъ содержать семейство, для самыхъ выгодъ котораго необходимо, чтобы онъ кончилъ курсъ въ институтѣ. Ему представили также, что три года, остававшіеся ему до окончанія курса, сестры и братья его будутъ безбѣдно жить — одни у родственниковъ, другіе у нѣкоторыхъ изъ прихожанъ, уважавшихъ его отца. Такъ и было сдѣлано. Но этого было слишкомъ мало. Родные, взявшіе на себя содержаніе сиротъ, сами были люди очень небогатые и Николай Александровичъ, не щадя себя, пріобрѣталъ уроками деньги на поддержаніе сестеръ и братьевъ.

Мы познакомились съ Николаемъ Александровичемъ лѣтомъ 1856 года, за годъ до окончанія имъ курса въ Педагогическомъ институтѣ. Онъ отдалъ намъ тогда для напечатанія въ «Современникѣ» историко-литературную статью о «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова» и вскорѣ потомъ разборъ «Акта Главнаго Педагогическаго Института». Институтское начальство не должно было знать автора этой рецензіи, и она доставила безчисленныя оваціи тому изъ сотрудниковъ «Современника», которому была приписана. Опасно было бы для Николая Александровича даже и совершенно невинное участіе въ журналѣ, помѣстившемъ эту убійственную рецензію; потому мы просили Николая Александровича отложить до окончанія курса сотрудничество въ «Современникѣ», какъ ни тяжело было для насъ на цѣлый годъ лишать себя помощи такого товарища. Но съ начала 1857 года онъ сталъ

помѣщать статьи въ педагогическомъ журналѣ гг. Чумикова и Паульсона. По окончаніи курса, онъ отправился въ Нижній—повидаться съ сестрами и отдохнуть. Передъ отъѣздомъ онъ отдалъ намъ статью «Нѣсколько словъ о воспитаніи», напечатанную въ № 5 «Современника» за 1857 годъ; тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ началось его постоянное сотрудничество въ «Современникѣ» (съ № 7 въ 1857 году), а скоро (съ конца 1857 года) онъ принялъ въ свое завѣдываніе отдѣлъ критики и библіографіи въ нашемъ журналѣ. Ему еще не было 22 лѣтъ въ это время.

Онъ работалъ чрезвычайно много, но не по какимъ нибудь внѣшнимъ побужденіямъ, а по непреоборимой страсти къ дѣятельности. Едва ли прошло полгода времени между тою порою, какъ онъ сталъ нашимъ товарищемъ и тѣмъ временемъ, когда мы замѣтили, что его надобно удерживать отъ работы. Съ начала 1858 года не проходило ни одного мѣсяца безъ того, чтобы нѣсколько разъ мы настойчиво не убѣждали его работать меньше, беречь себя. Онъ отшучивался, говорилъ, что напрасно мы думаемъ, будто онъ утомляетъ себя. Впрочемъ, онъ былъ правъ: не трудъ убивалъ его, — онъ работалъ безпримѣрно легко, — его убивала гражданская скорбь. Иногда обѣщался онъ отдохнуть, но никогда не въ силахъ былъ удержаться отъ страстнаго труда.

Видя, что онъ не можетъ дать себѣ отдыха на родинѣ, и думая, что южный климатъ поможетъ ему, мы съ зимы 1858—1859 года стали убѣждать его ѣхать за границу. Онъ не хотѣлъ. Но слѣдующею зимою онъ былъ уже очень хилъ. Почти насильно мы заставили его ѣхать за границу весною 1860 года. Черезъ два-три мѣсяца онъ уже хотѣлъ возвратиться. Онъ никогда не хотѣлъ вѣрить, что его здоровье слабо, изнеможеніе свое онъ приписывалъ мимолетнымъ причинамъ, влія-

ніе которыхъ пройдетъ само собою. Съ трудомъ убѣдили его остаться на зиму за границею. Онъ нетерпѣливо стремился въ Россію работать....

Онъ возвратился въ началѣ августа нынѣшняго года, нисколько не поправившись въ здоровьѣ, и тотчасъ же по пріѣздѣ долженъ былъ начать лечиться. Тутъ подошли внѣшнія обстоятельства, ускорившія его смерть.

Послѣ изнурительной болѣзни онъ тихо скончался въ 2 часа 15 минутъ утра 17 ноября.

Ему было только 25 лѣтъ. Но уже четыре года онъ стоялъ во главѣ русской литературы.

Для своей славы онъ сдѣлалъ довольно. Для себя, ему не за чѣмъ было жить дольше. Людямъ такого закала и такихъ стремленій жизнь не даетъ ничего, кромѣ жгучей скорби.

Приготовляя къ изданію сочиненія Николая Александровича Добролюбова, мы здѣсь помѣщаемъ перечень важнѣйшихъ изъ статей его, напечатанныхъ въ «Современникѣ».

СТАТЬИ, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ ОТДѢЛѢ КРИТИКИ И БИБЛІОГРАФІИ.

1856 г.

Актъ Педагогическаго Института. (№ 9.)

1857.

Сочиненія графа Соллогуба. (№ 7.)

Стихотворенія А. Полежаева. (№ 9.)

У пристани. Романъ графини Растопчиной. (№ 10.)

Губернскіе очерки Щедрина. Томъ третій. (№ 12.)

1858.

О степени участія народности въ развитіи русской литературы (по поводу книги г. Милюкова «Очеркъ исторіи русской поэзіи». № 2.)

Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы (по поводу книги С. Аксакова: «Дѣтскіе годы Багрова-внука». — № 3.)

Николай Васильевичъ Станкевичъ (по поводу его переписки, изданной П. В. Анненковымъ.—№ 4.)

Органическое развитіе человѣка (по поводу книгъ Шнелля и Бока. — № 5).

Первые годы царствованія Петра Великаго (по поводу «Исторіи Петра Великаго», г. Устрялова.—Три статьи.—№№ 6, 7 и 8).

Стихотворенія Ю. Жадовской. (№ 6.)

Предубѣжденіе, комедія Н. Львова. (№ 7.)

Мишура, комедія А. Потѣхина. (№ 8.)

Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ (по поводу книги г. Жеребцова: Éssai etc. — Двѣ статьи. — № 10 и 11).

Буддаизмъ, соч. В. Васильева. (№ 11.)

Стихотворенія М. Розенгейма. (№ 11.)

Пѣсни Беранже. Переводъ В. Курочкина. (№ 12.)

1859.

Литературныя мелочи прошлаго. (Двѣ статьи. — № 1 и 4.)

Утро. Литературный сборникъ. (№ 1.)

О русскомъ государственномъ цвѣтѣ, А. Языкова. (№ 1.)

Разныя сочиненія С. Аксакова. (№ 2.)

Собраніе литературныхъ статей Н. Пирогова. (№ 2.)

Что такое обломовщина? (по поводу романа г. Гончарова. — № 5.)

Новый кодексъ русской практической мудрости (по поводу книги г. Дыммана: «Наука жизни». — № 6.)

Весна. Литературный Сборникъ. (№ 6.)

Основные законы воспитанія, Н. Миллера-Красовскаго. (№ 6.)

Темное царство (по поводу сочиненій г. Островскаго. — Двѣ статьи. — №№ 7 и 9).

Стихотворенія Я. П. Полонскаго. (№ 7.)

Сватовство Ченскаго. (№ 8.)

Лучи и Тѣни, сонеты фонъ-Лизандера. (№ 8.)

Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Педагогическаго Института. (№ 8.)

Русская сатира въ вѣкъ Екатерины (по поводу изданія г. Аѳанасьева: «Русскіе сатирическіе журналы». — № 10).

Пермскій Сборникъ. (№ 10.)

Отъ Москвы до Лейпцига. И. Бабста. (№ 11.)

Путешествіе на Амуръ, совершенное Р. Маакомъ. (№ 12.)

1860.

Повѣсти и разсказы С. Т. Славутинскаго. (№ 2.)

Заграничныя пренія о положеніи русскаго духовенства (по поводу книги: «Русское духовенство». — № 3).

Наканунѣ. Новая повѣсть г. Тургенева. (№ 3.)

Кобзарь. Тараса Шевченко. (№ 3.)

Стихотворенія Ивана Никитина. (№ 4.)

Стихотворенія Подолинскаго. (№ 4.)

Благонамѣренность и дѣятельность (по поводу повѣстей г. Плещеева. — № 7.)

Перепѣвы. Стихотворенія обличительнаго поэта. (№ 8.)

Черты для характеристики русскаго простонародья (по поводу «Разсказовъ» Марка Вовчка. — № 9).

Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ (по поводу драмы г. Островскаго: «Гроза». — № 10).

La confession d'un poëte, par Nicolas Séménow. (№ 12.)

1861.

Забитые люди (по поводу сочиненій г. Θ. Достоевскаго.—№ 9).

Публикѣ извѣстно, что въ «Свисткѣ» почти все капитальное принадлежало Николаю Александровичу. Кромѣ множества мелкихъ статей, онъ написалъ въ «Свисткѣ»:

Въ № 1. (Совр. 1859, № 1.)

Письмо изъ провинціи (о протестѣ противъ «Иллюстраціи»).

Мотивы современной русской поэзіи.

Въ № 2. (Совр. 1859, № 4.)

Нашъ демонъ.

Письмо изъ провинціи (о русской гласности).

Новые образчики русской гласности.

Въ № 3. (Совр. 1859, № 9.)

Краткая исторія «Свистка» во дни его временнаго несуществованія.

Матеріалы для новаго сборника «образцовыхъ сочиненій» (по поводу статей о «Сельскомъ Хозяинѣ»).

Опыты австрійскихъ стихотвореній Якова Хама.

Въ № 4. (Совр. 1860, № 3.)

Наука и свистопляска (по поводу диспута о варягахъ).

Три стихотворенія Конрада Лиліеншвагера.

Примѣчанія къ «Дружеской перепискѣ Москвы съ Петербургомъ».

Въ № 5. (Совр. 1860, № 5.)

Оговорка.

Опытъ отученія людей отъ пищи.

Юное дарованіе (стихотворенія Аполлона Капелькина).

Въ № 6. (Совр. 1860, № 12.)

Два графа.

Неаполитанскія стихотворенія.

Въ № 7. (Совр. 1861, № 1.)

Ода на выселеніе татаръ изъ Крыма.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ другихъ отдѣлахъ журнала, надобно назвать:

Собесѣдникъ любителей русскаго слова. Двѣ статьи. (1856, №№ 8 и 9.)

Нѣсколько словъ о воспитаніи. (1857, № 5.)

Взглядъ на исторію и современное состояніе Остъ-Индіи. (1857, № 9.)

По поводу одной очень обыкновенной исторіи. (1858, № 12.)

Робертъ Овэнъ. (1859, № 1.)

О распространеніи трезвости въ Россіи. (1859, № 9.)

Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности. (1859, № 12.)

Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами. (1860, № 1.)

Непостижимая странность (изъ неаполитанской исторіи). — (1860, № 11.)

Изъ Турина. (1861, № 3.)

Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. Двѣ статьи. (1861, №№ 6 и 7.)

Внутреннее обозрѣніе. (1861 г., № 8.)

Отъ дождя да въ воду. (1861, № 8.)

Николай Александровичъ Добролюбовъ погребенъ рядомъ съ Виссаріономъ Григорьевичемъ Бѣлинскимъ (на Волковомъ кладбищѣ).

Почитатели памяти этихъ честныхъ гражданъ намѣрены поставить одинъ памятникъ имъ обоимъ вмѣстѣ.

Портретъ Николая Александровича будетъ вырѣзанъ на мѣди и приложенъ къ «Современнику».

